947
Р892

КА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

XIII.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

ДО СМУТНАГО ВРЕМЕНИ

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

47
98

~~15519~~

Кр

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. С. Бѣлкина, проф. *П. Г. Виноградова,* проф. *Н. Я. Грота,* проф. *М. И. Коновалова, П. Н. Милюкова, В. Д. Соколова* и проф. *А. И. Чупрова.*

XIII

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО СМУТНАГО ВРЕМЕНИ.

Центральн.
Книгохранилище
Моск. Общ. Б-ки
Московская Центральная
Публичная Библиотека

БИБЛІОТЕКА ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ,

ИЗДАВАЕМАЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. С. Бѣлкина, проф. *П. Г. Виноградова*, проф. *Н. Я. Грота*, проф. *М. И. Коновалова*, *П. Н. Милюкова*, *В. Д. Соколова* и проф. *А. И. Чупрова*.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ ВЫПУСКИ:

I. **В. Минто.** Дедуктивная и индуктивная логика. Перев. *С. А. Котляревскаго*, подъ редакціей *В. Н. Ивановскаго*. XXIV + 540 + XIX. Ц. 1 р. 75 к. 2-е изданіе, исправленное и дополненное указателемъ.

Книга эта Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія **рекомендована** *для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ* **рекомендована** *къ употребленію въ духовныхъ семинаріяхъ въ качествѣ полезнаго пособія при преподаваніи логики.*

II. Исторія Греціи со времени Пелопоннесской войны. Сборникъ статей, перев. подъ редакціей *Н. Н. Шамонина* и *Д. М. Петрушевскаго*. Вып. I. XXVII + 451 + IV; Вып. II. XX + 502 + VI. Цѣна за оба вып. 3 р. 50 к.

Оба выпуска этой книги Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія **одобрены** *для ученическихъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній (мужскихъ и женскихъ) старшаго возраста. Учебнымъ Комитетомъ по учрежденіямъ Императрицы Маріи* **одобрены** *для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.*

IV. **И. Ремсенъ.** Введеніе къ изученію органической химіи. Перев. *И. С. Дрентельна*, съ измѣненіями и дополненіями проф. *М. И. Коновалова*. XXIV + 479. Ц. 1 р. 75 коп.

V. **Г. Шенбергъ.** Положеніе труда въ промышленности. Перев. *Михаила Соболева*, подъ редакціей проф. *А. И. Чупрова*. XII + 391 + VI. Ц. 1 р. 60 к.

VI. **Кукъ.** Новая химія. Перев. *А. В. Алехина*, подъ редакціей проф. *М. И. Коновалова*. XXXII + 465 + VIII. Ц. 1 р. 75 к.

VII. **Б. Н. Чичеринъ.** Политическіе мыслители древняго и новаго міра. Вып. I. XIV + 469; Вып. II. 433. Цѣна за оба вып. 3 руб. 50 коп.

IX. **М. Фервэрнъ.** Общая физіологія. Перев. проф. *М. А. Мензбира* и пр.-доц. *Н. А. Иванцова*. Вып. I. XX + 518; Вып. II. VI + 574. Ц. за оба вып. 4 р.

X. **Ф. Регельсбергеръ.** Общее ученіе о правѣ. Перев. *И. А. Баванова*, подъ редакціей проф. *Ю. С. Гамбарова*. XIV + 295. Ц. 1 р. 40 к.

XIII. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до Смутнаго времени. Сборникъ статей, изд. подъ редакціей *В. И. Сторожева*. Вып. I. XXVI + 658. Ц. 2 р. 75 к.

XV. **А. Р. Уоллэсъ.** Дарвинизмъ. Съ портретомъ автора. Перев. проф. *М. А. Мензбира*, съ приложеніемъ его статьи: *А. Уоллэсъ и его научное значеніе*. XL + 753. Ц. 3 руб.

XVI. **Э. Порритъ.** Современная Англія. Права и обязанности ея гражданъ. Перев. *О. В. Полторацкой*. XVI + 368 + XXII. Ц. 1 р. 60 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

I. **В. Минто.** Дедуктивная и индуктивная логика. Перев. *С. А. Котляревскаго*, подъ редакціей *В. Н. Ивановскаго*. 3-е изданіе.

III. Римская имперія. Сборникъ статей въ переводѣ *А. С. Милюковой*. 2 вып.

XIII. Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до Смутнаго времени. Сборникъ статей, изд. подъ редакціей *В. И. Сторожева*. Вып. II.

XIV. **Г. Лоренцъ.** Элементы высшей математики. Основы аналитической геометріи, дифференціальнаго и интегральнаго счисленія и ихъ приложеній къ естествознанію. Перев. съ дополненіями, измѣненіями и историческимъ очеркомъ развитія математическихъ знаній *В. П. Шереметевскаго*. 2 выпуска.

XIX. **Б. Чичеринъ.** О народномъ представительствѣ.

XX. **Георгъ Майеръ.** Закономѣрность въ общественной жизни. Перев. съ нѣм. *Н. Н. Романова*, исправл. *В. Э. Деномъ*, подъ редакціей проф. *А. И. Чупрова*. Съ приложеніемъ діаграммъ и картограммы.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

VIII. **А. Бэнъ.** Психологія. Перев. *В. Н. Ивановскаго.* 2 выпуска.

XI. **Макъ-Кендрикъ и Снодграсъ.** Физіологія органовъ чувствъ. Перев. *И. В. Гороновича.*

XII. **Лексисъ.** Экономія торговли. Перев. *Е. Е. Богданова,* подъ редакціей проф. *А. И. Чупрова.*

XVII. **Гёксли и Мартинъ.** Практическія занятія по зоологіи и ботаникѣ. Перев. съ рисунками *И. А. Петровскаго* и *П. П. Сушкина.*

XVIII. Исторія римской республики по Момсену. Перев. *Н. Н. Шамонина.* 2 вып.

КОМИССІЯ
ПО ОРГАНИЗАЦІИ ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ,
состоящая при Учебномъ Отдѣлѣ О. Р. Т. З.
въ Москвѣ.

Программы домашняго чтенія на 1-й годъ систематическаго курса.

Изданіе четвертое, исправленное и дополненное.

Содержаніе: Предисловіе.—Правила для сношеній читателей съ Комиссіей.—Составъ Комиссіи по организаціи домашняго чтенія и списокъ пожертвованій въ ея пользу.—Планъ систематическаго чтенія на четыре года.—Подробныя программы для 1-го года систематическаго чтенія:

I. **Математика:** 1) курсъ общеобразовательный (аналитическая геометрія), 2) курсъ спеціальный (элементарная математика). II. **Науки физико-химическія:** 1) физика (механическій отдѣлъ, ученіе о теплотѣ, звукѣ и свѣтѣ), 2) химія (введеніе и неорганическая химія). III. **Науки біологическія** (введеніе). IV. **Науки философскія:** Программа первая (психологія и логика). Программа вторая (логика). V. **Науки общественно-юридическія:** 1) исторія и строеніе общества, 2) политическая экономія. VI. **Исторія:** 1) первобытная культура, 2) древній Востокъ, 3) Греція, 4) Римъ. VII. **Исторія литературы:** 1) греческой, 2) римской. **Программа чтенія по этнографіи. Отдѣльныя темы.**

Списокъ книжныхъ магазиновъ и библіотекъ, вошедшихъ въ соглашеніе съ Комиссіей относительно снабженія ея читателей книгами.

Цѣна **30** к., съ пересылкой — **40** к., наложеннымъ платежомъ — **57** к.

Программы домашняго чтенія на 2-й годъ систематическаго курса.

Содержаніе: Предисловіе.— Правила для сношеній читателей съ Комиссіей.— Составъ Комиссіи по организаціи домашняго чтенія и списокъ пожертвованій въ ея пользу.—Планъ систематическаго чтенія на четыре года.—Подробныя программы для 2-го года систематическаго чтенія:

I. **Математика:** 1) курсъ общеобразовательный (дифференціальное и интегральное счисленіе), 2) курсъ спеціальный (аналитическая геометрія). II. **Науки физико-химическія:** 1) физика (ученіе объ электричествѣ и магнетизмѣ), 2) химія органическая, химія теоретическая и физическая. III. **Науки біологиче-**

скія: 1) анатомія растеній, 2) споровыя растенія, 3) сравнительная анатомія животныхъ, 4) гистологія и эмбріологія животныхъ. IV. **Науки философскія**: программа первая (исторія философіи); программа вторая (психологія съ педагогикой). V. **Науки общественно-юридическія**: 1) общее ученіе о правѣ, 2) государственное право (общее западныхъ державъ и русское), 3) экономическая исторія Англіи. VI. **Исторія**: 1) всеобщая (Средніе вѣка), 2) русская (до Смутнаго времени). VII. **Исторія литературы**: 1) всеобщая литература (Средніе вѣка и эпоха Возрожденія), 2) русская литература (до XVII вѣка). **Программа чтенія по этнографіи** (инородческое населеніе Россіи). **Отдѣльныя темы по біологическимъ наукамъ**: 1) наблюденія надъ птицами, 2) наблюденія надъ крупными бабочками.

Цѣна 40 к., съ пересылкой — 58 к., наложеннымъ платежомъ — 75 к.

Программы домашняго чтенія на 3-й годъ систематическаго курса.

Содержаніе: Предисловіе.— Правила для сношеній читателей съ Комиссіей.— Составъ Комиссіи по организаціи домашняго чтенія и списокъ пожертвованій въ ея пользу.—Подробныя программы для 3-го года систематическаго чтенія:

I. **Математика**: спеціальный курсъ (исчисленіе безконечно малыхъ). II. **Науки физико-химическія**: 1) астрономія, 2) метеорологія и климатологія. III. **Науки біологическія**: 1) общая физіологія, 2) физіологія растеній, 3) физіологія животныхъ. IV. **Науки философскія**: программа первая (теорія познанія и метафизика); программа вторая (исторія древней и средневѣковой философіи). V. **Науки общественно-юридическія**: 1) экономическая исторія Россіи, 2) экономія сельскаго хозяйства, 3) экономія промышленности, 4) экономія торговли, 5) гражданское право, 6) уголовное право. VI. **Исторія**: 1) всеобщая исторія XVI, XVII и XVIII вв. Программа А (болѣе сложная): программа В (элементарная). 2) Русская исторія XVII и XVIII вв. VII. **Исторія литературы**: 1) всеобщая литература (испанская драма XVII и XVIII вв.; англійская литература XVII и XVIII вв.; итальянская литература XVII и XVIII вв; вѣкъ ложнаго классицизма во Франціи; французская литература XVIII в.; нѣмецкая литература XVII и XVIII вв.); 2) русская литература XVIII в. **Программа чтенія по этнографіи. Отдѣльныя темы по общественно-юридическимъ наукамъ.**

Списокъ книжныхъ магазиновъ и библіотекъ, вошедшихъ въ соглашеніе съ Комиссіей относительно снабженія читателей Комиссіи книгами.

Цѣна 50 к., съ пересылкой — 68 к., наложеннымъ платежомъ — 85 к.

Отчетъ Комиссіи домашняго чтенія за 1896 г. съ приложеніемъ статистическихъ матеріаловъ объ ея дѣятельности за 1895 и 1896 гг.

Цѣна 30 к., съ пересылкой — 43 к., налож. платежомъ — 53 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ въ конторѣ Комиссіи по организаціи домашняго чтенія: Москва, Никитская, д. Рихтера, кв. № 3.

Ко
Э.К.
п 34 г.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО СМУТНАГО ВРЕМЕНИ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,

изданный подъ редакціей

В. Н. Сторожева.

53466
9 Л.
Московская Центральная
Публичная Библиотека

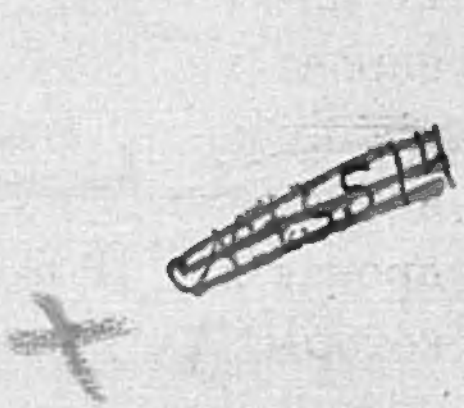
ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

947
Р88

Типографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Д. Сытина.

МОСКВА.— 1898.

Дозволено цензурою. Москва, 5 мая 1898 г.



ОТЪ РЕДАКЦІИ «БИБЛІОТЕКИ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ».

Въ послѣдніе годы въ русскомъ обществѣ замѣчается несомнѣнное усиленіе интереса къ самообразованію. Оживленіе издательской дѣятельности, устройство въ провинціи курсовъ и публичныхъ лекцій, появленіе въ Москвѣ и Петербургѣ кружковъ спеціалистовъ, ставящихъ своею задачей помощь самообразованію, — все это дѣлаетъ очевиднымъ, что потребность въ серьезномъ чтеніи сознается у насъ все болѣе и болѣе широкими общественными кругами. Къ сожалѣнію, популяризація знаній, необходимыхъ для всякаго образованнаго человѣка, далеко не идетъ вровень съ этимъ быстрымъ усиленіемъ спроса на чтеніе со стороны жаждущей просвѣщенія публики. Оригинальныхъ популяризаторовъ у насъ еще слишкомъ мало, а выборъ переводныхъ произведеній далеко не всегда дѣлается лицами, которыя бы соединяли въ себѣ пониманіе потребностей современнаго русскаго читателя съ хорошимъ знаніемъ иностранной популярной литературы. Отъ этого на нашемъ книжномъ рынкѣ такъ часто появляются книги, нужныя только тѣмъ, кто могъ бы прочесть ихъ и въ иностранномъ подлинникѣ; и наоборотъ, многихъ книгъ, которыя были бы нужны всякому образованному человѣку, на русскомъ языкѣ не существуетъ. Въ результатѣ, одинаково страдаютъ

и интересы издателей, и интересы читающей публики. Не находя въ современной популярной литературѣ того, что имъ нужно, тѣ и другіе прибѣгаютъ, наконецъ, къ помощи старыхъ любимцевъ русской интеллигенціи. Перепечатка въ послѣдніе годы многихъ изданій шестидесятыхъ годовъ, безспорно, свидѣтельствуетъ какъ объ увеличеніи запроса на самообразовательное чтеніе со стороны читателей, такъ и о недостаткѣ на русскомъ языкѣ произведеній новѣйшей популярной литературы, которыя могли бы удовлетворить этому запросу.

Въ самое послѣднее время, однако, въ издательское дѣло начинаетъ замѣтно проникать свѣжая струя. Старыя и вновь возникающія фирмы принимаются за изданіе цѣлаго ряда серій популярныхъ книгъ для чтенія и самообразованія. Къ этого рода серіямъ принадлежитъ и «Библіотека для самообразованія». Но среди другихъ подобныхъ изданій она предполагаетъ занять свое особое мѣсто, въ связи съ тою спеціальною цѣлью, которую она преслѣдуетъ. Эту цѣль, долженствующую сообщить всѣмъ томикамъ «Библіотеки для самообразованія» нѣкоторое внутреннее единство, редакція считаетъ нужнымъ особенно подчеркнуть.

«Библіотека для самообразованія» находится въ самой тѣсной связи съ московскою «Комиссіей по организаціи домашняго чтенія», начавшей свою дѣятельность при «Учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній» въ 1895 г. Редакторы «Библіотеки для самообразованія» всѣ состоятъ членами Комиссіи и принимаютъ участіе въ руководствѣ домашнимъ чтеніемъ по различнымъ отдѣламъ издаваемыхъ Комиссіей систематическихъ программъ.

Составляя эти программы, Комиссія, какъ видно изъ ея проспекта, имѣла въ виду соединить общедоступность чтенія съ его серьезностью и основательностью. Съ этой цѣлью въ каждой программѣ указанъ тотъ *необходимый минимумъ* познаній, безъ усвоенія котораго нельзя ознакомиться съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ науки сколько-нибудь основательно. *Всѣ* книги, необходимыя для пріобрѣтенія такого минимума познаній, указаны *на русскомъ языкѣ*, и почти всѣ онѣ доставляются читателямъ Комиссіей на льготныхъ условіяхъ (см. Правила для сношенія съ Комиссіей, перепечатанныя въ концѣ настоящаго тома). Относительно способа усвоенія *необходимыхъ* пособій даны въ программахъ ближайшія указанія; по всѣмъ почти отдѣламъ къ программамъ присоединены провѣрочные вопросы. Всѣ указанія Комиссіи дѣлаются такъ, чтобы ими могли воспользоваться лица трехъ категорій: 1) лица, вовсе не имѣвшія возможности пріобрѣсти правильнаго средняго образованія, но болѣе или менѣе привыкшія читать серьезныя книги популярно-научнаго содержанія; 2) лица, окончившія курсъ средней школы, но не получившія высшаго образованія, и 3) лица окончившія высшую школу, которыя пожелали бы съ помощью Комиссіи освѣжить забытыя знанія, пополнить пробѣлы или пріобрѣсти новыя свѣдѣнія въ незнакомыхъ имъ отдѣлахъ наукъ. При составленіи программъ, Комиссія имѣла въ виду нѣкоторый средній уровень читателей; этотъ средній уровень характеризуется въ глазахъ Комиссіи не столько количествомъ пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, сколько извѣстною привычкой къ серьезному чтенію. Умѣнье читать серьезную книгу есть необходимое условіе успѣш-

ности самообразованія. Къ сожалѣнію, это умѣнье принадлежитъ къ числу навыковъ, которые трудно передать съ помощью однихъ письменныхъ сношеній. Комиссіи поневолѣ приходится предполагать, что у ея читателей этотъ навыкъ уже составленъ.

Содержаніе книжекъ, издаваемыхъ въ «Библіотекѣ для самообразованія», находится въ прямой зависимости отъ намѣченныхъ Комиссіей цѣлей, какъ онѣ характеризованы въ приведенныхъ выдержкахъ изъ ея проспекта. Редакція «Библіотеки для самообразованія» предполагаетъ вводить въ свою серію только такія книги, каждая изъ которыхъ давала бы необходимый минимумъ познаній, безъ усвоенія котораго нельзя ознакомиться съ соотвѣтствующимъ отдѣломъ науки сколько-нибудь основательно. Другими словами, «Библіотека для самообразованія» будетъ состоять изъ ряда пособій, признанныхъ Комиссіей «необходимыми» для усвоенія ея систематическихъ программъ, но не существовавшихъ до сихъ поръ въ русской популярной литературѣ или же вышедшихъ изъ продажи, а также изданныхъ въ неудовлетворительномъ переводѣ. Съ подобными пробѣлами постоянно принуждена считаться всякая программа для самообразованія; и чѣмъ она общѣе и энциклопедичнѣе, тѣмъ пробѣловъ оказывается больше, и тѣмъ необходимѣе становится создать литературу, спеціально приспособленную для самообразовательныхъ цѣлей, какъ ихъ ставитъ та или другая программа. Англійскія и американскія общества содѣйствія самообразованію уже стали на этотъ путь — созданія спеціально-приспособленныхъ къ программамъ пособій. Подобную же попытку предполагаютъ сдѣлать и редакторы «Библіотеки для

самообразованія». Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ заграничной популярной литературѣ имѣются вполнѣ подходящія сочиненія, редакція будетъ переводить ихъ или переиздавать уже переведенныя книги; если же подходящихъ пособій не имѣется, редакція будетъ издавать сборники, хрестоматіи, компиляціи или оригинальныя произведенія, приспособленныя къ программамъ Комиссіи. Такимъ образомъ, руководители «домашняго чтенія» и ихъ читатели не будутъ зависѣть отъ случайнаго наличнаго состава популярной литературы, имѣющейся на русскомъ языкѣ, а читающая публика вообще получитъ рядъ общедоступныхъ руководствъ по всѣмъ отраслямъ общеобразовательныхъ знаній.

Благодаря содѣйствію издательской фирмы Т-ва И. Д. Сытина, редакція имѣетъ возможность придать книжкамъ «Библіотеки для самообразованія» внѣшній видъ, соотвѣтствующій европейскимъ изданіямъ этого рода, не поднимая въ то же время цѣны изданія выше обыкновенной. Небольшой форматъ и прочный переплетъ должны отвѣчать назначенію «Библіотеки для самообразованія», цѣль которой — дать рядъ основныхъ пособій, предназначенныхъ для постояннаго употребленія.

ОТЪ РЕДАКТОРА СБОРНИКА «РУССКАЯ ИСТОРІЯ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО СМУТНАГО ВРЕМЕНИ».

Предлагаемый вниманію большой публики настоящій сборникъ статей по русской исторіи, подобно всѣмъ выпускамъ «Библіотеки для самообразованія», стоитъ въ извѣстной неразрывной связи съ программами домашняго чтенія на четыре года *) систематическаго курса, издаваемыми московскою Комиссіей по организаціи домашняго чтенія. Но въ общемъ предлагаемый сборникъ имѣетъ совершенно самостоятельное значеніе, и самое появленіе его въ свѣтъ вызвано столько же потребностью въ матеріалѣ для домашняго самообразовательнаго чтенія по русской исторіи, сколько и необходимостью содѣйствовать болѣе успѣшной и нормальной постановкѣ дѣла преподаванія русской исторіи въ нашей школѣ, противодѣйствуя «одному особенно существенному недостатку современнаго преподаванія — его отрывочности и безсвязности». Если бы не «Очерки по исторіи русской культуры» профессора Софійскаго университета въ Болгаріи, П. Н. Милюкова, появившіеся за послѣднее время и сразу овладѣвшіе вниманіемъ русскаго читателя, для котораго общій ходъ русскаго историческаго процесса и

*) По отдѣлу *исторіи* систематическій курсъ расчитанъ на пять лѣтъ.

научная формулировка его закономѣрности имѣютъ первостепенный интересъ и значеніе, — то русской исторіи совершенно пришлось бы отойти на задній планъ, ибо въ ея области не видно было до самыхъ послѣднихъ дней такихъ предпріятій, какими только что обогатилась научно-популярная и педагогическая литература по всеобщей исторіи: имѣю въ виду учебники по всеобщей исторіи профессора Московскаго университета, П. Г. Виноградова, курсъ по новой исторіи профессора С.-Петербургскаго университета, Н. И. Карѣева, и затѣмъ сборники хрестоматическаго характера, изданные — одинъ кружкомъ преподавателей исторіи подъ редакціей П. Г. Виноградова («Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ») и другой въ той же «Библіотекѣ для самообразованія» подъ редакціей профессора Варшавскаго университета, Д. М. Петрушевскаго, и Н. Н. Шамонина («Исторія Греціи со времени Пелопонесской войны»).

Настоящій сборникъ статей по русской исторіи, который критикѣ невольно придется сопоставить съ только что упомянутыми хрестоматіями по исторіи Эллады и Средневѣковья, долженъ такимъ образомъ восполнить коренной пробѣлъ въ нашей литературѣ и такъ или иначе положить первое начало для научнаго и систематическаго, болѣе или менѣе детальнаго и самостоятельнаго изученія отечественной исторіи въ нашемъ обществѣ.

Никто не станетъ отрицать, что знакомство съ отечественною исторіей должно быть особенно *серьезно* и *основательно* и менѣе всего основываться на общихъ фразахъ, не имѣющихъ подъ собой никакого реальнаго содержанія, либо исходящихъ къ

тому же изъ того, что можно подвести подъ понятіе не-культурной традиціи, или, говоря проще, преднамѣреннаго историческаго невѣжества. Кто не знаетъ, къ какимъ крупнымъ искаженіямъ исторической дѣйствительности вели въ старой литературѣ постоянныя ссылки на такъ называемый «народный духъ» и на элементы случайнаго и сверхъестественнаго, и какъ разъ именно въ тѣхъ случаяхъ, когда писатель затруднялся дать вполнѣ закономѣрное истолкованіе: возможность привлекать къ изслѣдованію все новые и новые первоисточники мало-по-малу вытравила изъ чисто научной литературы старый недостатокъ, но разъ усвоенныя въ массѣ фальшивыя представленія объ отечественномъ прошломъ все еще продолжаютъ жить и вносить въ текущую дѣйствительность не мало печальныхъ недоразумѣній. Реформировать эти представленія, устранить эти недоразумѣнія возможно лишь путемъ привлеченія нашего читателя къ серьезному и основательному ознакомленію съ русскою исторіей, сообщенія ему подходящаго матеріала для систематическаго чтенія. Матеріалъ этотъ долженъ быть доступенъ, но отнюдь не поверхностенъ; надо, чтобъ читатель отвыкъ отъ вызубриванія готовыхъ положеній и невольнаго усвоенія навязанныхъ отжившею традиціей представленій. Если старая литература, обращаясь къ простому читателю и держа его на почвѣ внѣшнихъ событій, стремилась только къ тому, чтобы заставить этого безпомощнаго читателя повѣрить ей на слово, то новые научно-популярные опыты отказываются отъ этого элементарнаго навязыванія и хотятъ пріучить читателя къ самостоятельной работѣ надъ историческимъ мате-

ріаломъ, къ сознательному усвоенію закономѣрности всякаго историческаго процесса, а въ томъ числѣ и русскаго.

Переворотъ идетъ дальше и глубже: измѣняется не только пріемъ ознакомленія съ извѣстнымъ предметомъ, но и самое содержаніе послѣдняго: прежде на первомъ планѣ являлись внѣшніе факты, событія, войны, полководцы, біографіи — вся, такъ сказать, наружная пѣна историческаго процесса, теперь читателя приглашаютъ войти въ его внутренность и, оставляя за внѣшнею исторіей только вспомогательную роль, центромъ изученія ставятъ бытъ: учрежденія, общественные классы, право, экономику и т. д., — словомъ, «культурную исторію» — терминъ, подъ которымъ скрывается самое широкое содержаніе, объемлющее *всѣ стороны* быта, начиная экономической и кончая религіозной.

Означенныя соображенія, слегка здѣсь намѣченныя, обусловили собой и все содержаніе настоящаго сборника статей по русской исторіи, составленнаго по опредѣленному плану и представляющаго изъ себя стройное цѣлое. Сборникъ имѣетъ въ виду довольно широкій кругъ читателей, начиная съ учащагося юношества и кончая категоріей лицъ, до нѣкоторой степени привыкшихъ къ самостоятельному чтенію и размышленію; въ его составѣ редакція не намѣчаетъ ни трудныхъ, ни легкихъ статей — всѣ одинаково требуютъ изученія, и отъ читателя требуется терпѣніе одолѣть сборникъ съ начала до конца и обдумать прочитанное. Останавливаясь исключительно на основныхъ явленіяхъ внутренней исторической жизни, сборникъ совершенно игнорируетъ внѣшніе факты политической исторіи, которые предполагаются въ

общихъ чертахъ знакомыми; для лицъ же съ ними незнакомыхъ становится обязательнымъ параллельное чтеніе учебника русской исторіи Елпатьевскаго. Что касается непосредственнаго состава сборника, то, представляя изъ себя, какъ уже сказано, одно стройное цѣлое, онъ даетъ подборъ отрывковъ изъ научныхъ сочиненій и нѣкоторыхъ первоисточниковъ. Большинство отрывковъ изъ научныхъ сочиненій такъ или иначе приспособлено для цѣлей сборника, при чемъ въ двухъ случаяхъ пришлось дать въ *первомъ* выпускѣ самостоятельныя статьи: одну о «холопахъ» (стр. 403—420), составленную редакторомъ сборника, и другую объ «отраженіи экономическаго быта въ Русской Правдѣ» (стр. 518—528), написанную М. Н. Покровскимъ. Выдержки *) изъ первоисточниковъ даются въ подлинникѣ, слѣдуя прекрасному замѣчанію профессора В. И. Сергѣевича въ предисловіи къ первому тому его «Русскихъ Юридическихъ Древностей» (СПб. 1890, стр. V): «только чтеніе подлинныхъ памятниковъ можетъ дать живое пониманіе древности». Быть-можетъ, критикѣ придется указать, что по нѣкоторымъ темамъ слѣдовало бы написать для сборника самостоятельныя статьи и нѣсколько усилить количество выдержекъ изъ первоисточниковъ, а частью перераспредѣлить приведенныя выдержки.

Первый выпускъ сборника «Русская Исторія съ древнѣйшихъ временъ» посвященъ весь исторіи *Днѣпровской Руси*: эпохѣ очередного порядка княже-

*) По подлинникамъ же подправлялся текстъ выдержекъ изъ первоисточниковъ въ предложенныхъ сборникомъ отрывкахъ изъ научныхъ сочиненій.

скаго владѣнія, когда еще ничего не слышно объ удѣлѣ и, напротивъ, хорошо знакомо вѣче, когда городовыя волости сильно подчеркиваютъ свое торговое значеніе и русская земля составляетъ одно цѣлое во владѣніи цѣлаго княжескаго рода, представители котораго — подвижные владѣльцы — разсаживаются по волостямъ на основаніи родового и волостного старшинства; старѣйшій представитель рода садится въ старѣйшей по своему положенію и богатству волости, Кіевской. Днѣпровская Русь — древнѣйшій періодъ нашей исторіи, не хронологически только, но и реально очень далекій отъ послѣдующей исторіи собственно Россіи, выросшей изъ удѣльнаго княжества сѣверо-восточной Руси. Русь Днѣпровская и Русь Сѣверо-восточная — двѣ совершенно различныхъ историческихъ дѣйствительности; исторію той и другой создаютъ не одинаково два различныхъ отдѣла русской народности. «Можно сказать, — говоритъ одинъ изъ современныхъ писателей, — что русская народность, достигнувшая значительныхъ успѣховъ на югѣ, на сѣверѣ должна была начать всю историческую работу сначала». Какъ совершенно особый и законченный историческій процессъ, Днѣпровская Русь представляетъ по этому значительный интересъ для историческаго изученія. Въ сборникѣ это послѣднее намѣчено въ такомъ порядкѣ.

Первая часть подъ заголовкомъ *Начальный періодъ Исторіи Россіи* (стр. 1—314) состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: первый посвященъ «древнѣйшему общественному строю Россіи» (стр. 1—110), а второй — «развитію государственнаго строя Россіи» (стр. 111—314). Это особенно серьезные отдѣлы въ сборникѣ, надъ

которыми читателю предстоитъ поработать очень много и упорно, но зато плодотворно во всѣхъ отношеніяхъ: придется не только выработать себѣ то или другое представленіе о предметѣ изученія, но и пройти хорошую школу опыта надъ серьезнымъ и основательнымъ чтеніемъ, и плоды этой школы для вдумчиваго и наклоннаго къ самостоятельному мышленію читателя не замедлятъ сказаться очень быстро. Ни по вопросу о древнѣйшемъ *общественномъ* строѣ, ни по вопросу о развитіи древнѣйшаго *государственнаго* строя Россіи въ наукѣ не пришли еще къ общепризнаннымъ выводамъ. Оба указанные сейчасъ отдѣла составлены поэтому изъ отрывковъ разнообразныхъ направленій ученой мысли: главнѣйшія теоріи и гипотезы представлены здѣсь въ характернѣйшихъ изложеніяхъ ихъ авторовъ; читателямъ надо уяснить сущность каждой изъ теорій, въ чемъ ихъ противоположность и сходство, какъ мало-помалу онѣ видоизмѣняются и комбинируются такъ, что для неопытнаго читателя нужна нѣкоторая работа, чтобы отвѣчать на вопросъ, да въ чемъ же остается еще разница между позднѣйшими комбинаціями главнѣйшихъ теорій и въ какихъ пунктахъ онѣ сходятся. Какъ въ самомъ дѣлѣ относится «искусственный родъ» А. Никитскаго къ «задружной общинѣ» Ѳ. Леонтовича, признавали ли политическій элементъ С. Соловьевъ въ своемъ «родѣ» и К. Аксаковъ въ своей «общинѣ» и признаютъ ли его въ своихъ новыхъ гипотетическихъ организаціяхъ тѣ же А. Никитскій и Ѳ. Леонтовичъ, — или же по второму отдѣлу, — какъ «городовыя волости» В. Ключевскаго относятся къ «волостямъ» его предшественниковъ, каковъ кругъ явленій объясняемыхъ его

теоріей и теоріями послѣднихъ, какіе, наконецъ, изъ вопросовъ, поднятыхъ ранѣе, вовсе не затрогиваются теоріей В. Ключевскаго и почему: провѣряя себя, въ завершеніе чтенія первыхъ двухъ отдѣловъ сборника, подобными вопросами, читатель долженъ отчетливо уяснить себѣ, какія же представленія о древнѣйшемъ общественномъ и государственномъ строѣ Россіи могутъ считаться въ настоящее время болѣе или менѣе общепризнанными *).

Вторая часть подъ заголовкомъ *Южная Русь XI и XII вѣковъ* (стр. 315—658) состоитъ изъ трехъ отдѣловъ, изъ которыхъ одинъ **) трактуетъ «политическій и соціальный строй кіевской Руси» (стр. 317—420), другой — «юридическій строй кіевской Руси» (стр. 421—534) и, наконецъ, послѣдній — «культурный строй кіевской Руси» (стр. 535—658). Только въ двухъ послѣднихъ отдѣлахъ въ качествѣ статей подъ особыми нумерами помѣщены выдержки изъ первоисточниковъ. Въ четвертомъ отдѣлѣ со всѣми необходимыми поясненіями и частью съ приведеніемъ варіантовъ читатели найдутъ полный текстъ Русской Правды по троицкому списку (стр. 421—445). Такъ какъ изученіе этого памятника древнѣйшаго русскаго прошлаго является безусловной необходимостью и въ то же время сопряжено съ большими трудностями, то редакторъ сборника счелъ цѣлесообразнымъ включить въ сборникъ переводъ Русской Правды (стр. 446—470) на современный русскій языкъ, —

*) Читая первый отдѣлъ сборника статей по русской исторіи, необходимо ознакомиться съ превосходными статьями П. Милюкова, напечатанными въ «Книгѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ» и процитованными ниже на стр. 96—97 въ примѣчаніи.

**) Здѣсь на стр. 344, стрк. 2 сн. вмѣсто викинга надо читать «витязя» и на стр. 345, стрк. 14 сн. вмѣсто послѣдніе — «первые».

переводъ, который хотя и можетъ вызвать много замѣчаній по существу, тѣмъ не менѣе, съ точки зрѣнія редактора, представляетъ собою крайне существенное облегченіе для читателя настоящаго сборника. Русская Правда — памятникъ, съ которымъ приходится знакомить учащихся еще въ средней школѣ, а между тѣмъ у насъ едва ли найдется достаточно преподавателей, которые рискнули бы на переводъ въ классѣ очень многихъ статей Правды *). Въ отдѣлъ пятый полностью по тексту Лаврентьевскаго извода введено поученіе Владимира Мономаха его дѣтямъ вмѣстѣ съ двумя придатками къ нему: письма Владимира Мономаха къ Олегу Святославичу и какого-то молитвеннаго обращенія, приписываемаго первому. Патерикъ печерскій представленъ въ характернѣйшихъ отрывкахъ подлинникомъ и безъ перевода; чтеніе этихъ отрывковъ не представитъ большихъ затрудненій, и редакція не считала возможнымъ въ данномъ случаѣ загромождать еще изданіе переводомъ на современный русскій языкъ этихъ отрывковъ.

Такимъ образомъ, вслѣдъ за обширнымъ введеніемъ теоретическаго характера, изъ котораго читатели вынесутъ извѣстное представленіе о взглядахъ, развивавшихся въ нашей литературѣ о древнѣйшемъ общественномъ и государственномъ строѣ Руси, предлагается знакомство со всѣми сторонами (политической, соціальной, экономической, юридической и культурной) историческаго процесса въ Южной Руси, которому на Сѣверо-Востокѣ не су-

*) О варварскихъ правдахъ на западѣ читатели получатъ свѣдѣнія изъ статьи М. Богословскаго, напечатанной въ первомъ выпускѣ «Книги для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ».

ждено было найти продолженія. Тамъ начался совершенно новый историческій процессъ, зародилась совершенно новая жизнь, начавшаяся съ самаго начала, и если мы видимъ, что на Сѣверо-Востокѣ культура гораздо несовершеннѣе, элементарнѣе, чѣмъ на Югѣ, то это отнюдь не есть показаніе какого-то регресса, какъ думали прежде, это не движеніе назадъ, а нѣчто новое; грубое сравненіе этого новаго съ кіевскимъ прошлымъ свидѣтельствуетъ только о жестокой методической ошибкѣ, вскрытой окончательно не такъ давно и все еще не вычеркнутой изъ нашихъ учебниковъ, которые носятъ на себѣ всѣ архаическіе слѣды покинутаго историческаго міровоззрѣнія. Этой новой жизни на Сѣверо-Востокѣ, эпохѣ удѣльнаго порядка княжескаго владѣнія будетъ посвященъ второй выпускъ настоящаго сборника, появленіе котораго въ свѣтъ послѣдуетъ почти непосредственно вслѣдъ за первымъ. Не могу, въ заключеніе, не выразить самой глубокой благодарности профессорамъ и редакторамъ «Библіотеки для самообразованія», П. Г. Виноградову и П. Н. Милюкову, поддержкѣ и вниманію которыхъ сборникъ обязанъ своимъ появленіемъ въ свѣтъ подъ редакціей пишущаго настоящія строки.

Василій Сторожевъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. Начальный періодъ исторіи Россіи.	1 — 314
ОТДѢЛЪ. I. Древнѣйшій общественный строй Россіи.	1 — 110
I. «Государственная» теорія древняго быта (по *Ѳ. И. Леонтовичу.*).	1 — 8
II. Теорія родового быта въ первоначальной формѣ (по *С. М. Соловьеву*)	9—21, 48—57
III. Теорія общиннаго быта въ первоначальной формѣ (по *К. С. Аксакову*)	22 — 47
IV. Теорія родового быта въ позднѣйшей переработкѣ (по *А. И. Никитскому*)	58 — 88
V. Теорія общиннаго быта въ позднѣйшей переработкѣ (по *Ѳ. И. Леонтовичу*).	89 — 110
ОТДѢЛЪ II. Развитіе государственнаго строя Россіи.	111 — 314
VI. Государственная теорія	111 — 118
A. Родовая теорія междукняжескихъ отношеній (по *С. М. Соловьеву*). .	111—118, 119—133, 159—163
B. Вотчинная теорія (по *К. Д. Кавелину.*)	134 — 158
C. Частно-правовая теорія (по *Б. Н. Чичерину*.	163 — 188
VII. Земская теорія (по *Н. И. Костомарову*) . .	189 — 215
VIII. Комбинированныя теоріи (по *В. И. Сергьевичу, А. Д. Градовскому* и *В. О. Ключевскому*.	216—251, 252—288, 289—314
II. Южная Русь XI—XII в.в.	315 — 658
ОТДѢЛЪ III. Политическій и соціальный строй кіевской Руси.	315 — 420
IX. Политическое значеніе древнерусскаго города и князя въ связи съ заграничной торговлей .	317 — 328
X. Кіевская городская община и ее вѣче (по *М. С. Грушевскому*)	329 — 343

		Стр.
XI	Князь и дружина	344 — 376
	A. Общая характеристика княжеской власти (по *В. И. Сергѣевичу*).	344 — 362
	B. Составъ и значеніе дружины: дружинники въ роли совѣтниковъ князя и представителей администраціи (по *В. О. Ключевскому*)	363 — 376
XII.	Зависимое и несвободное населеніе	377 — 420
	A. Смерды (по *В. И. Сергѣевичу*) . . .	378 — 385
	B. Закупы (по *В. И. Сергѣевичу*)	386 — 402
	C. Холопы (по *В. Н. Сторожеву*) . . .	403 — 420
ОТДѢЛЪ IV.	Юридическій строй кіевской Руси. . .	421 — 534
XIII.	Текстъ «Русской Правды» по Троицкому списку.	421 — 445
XIV.	«Русская Правда» въ переводѣ	446 — 470
XV.	Русская Правда, какъ юридическій сборникъ древней Руси (по *М. Ф. Владимірскому-Буданову* и *Н. Л. Дювернуа*)	471 — 479
XVI.	Судъ въ эпоху «Русской Правды» (по *Н. Л. Дювернуа*).	480 — 505
XVII.	Преступленіе и наказаніе по «Русской Правдѣ» (по *М. Ф. Владимірскому — Буданову*) . . .	506 — 517
XVIII.	Отраженіе экономическаго быта въ «Русской Правдѣ» (по *М. Н. Покровскому*)	518 — 528
XIX.	Внутренняя дѣятельность Владимира Мономаха (по *М. С. Грушевскому*).	529 — 534
ОТДѢЛЪ V.	Культурный строй кіевской Руси . . .	535 — 658
XX.	Посланіе кіевскаго митрополита Іоанна Втораго	535 — 539
XXI.	Патерикъ Печерскій	540 — 574
XXII.	Общая характеристика Патерика Печерскаго (по *Е. Е. Голубинскому*)	575 — 583
XXIII.	Поученіе дѣтямъ великаго князя кіевскаго Владимира Всеволодовича Мономаха	584 — 602
XXVI.	Политическія темы древнерусской письменности въ связи съ церковными и политическими отношеніями къ Византіи (по *М. А. Дьяконову*).	603 — 638
XXV	О пространствѣ и значеніи церковнаго суда въ кіевской Руси (по *Е. Е. Голубинскому*). .	639 — 647
XXVI.	Просвѣщеніе и грамотность въ кіевской Руси (по *Е. Е. Голубинскому*)	648 — 658

I.

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРІОДЪ ИСТОРІИ РОССІИ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ДРЕВНѢЙШІЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ РОССІИ.

I. „ГОСУДАРСТВЕННАЯ“ ТЕОРІЯ ДРЕВНЯГО БЫТА.

(*Ѳ. И. Леонтовичъ.* «Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Россіи». Ж. М. Н. Пр. 1874 г., №№ 6—8).

До 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія изслѣдователи наши держались почти одинаковыхъ воззрѣній и идеаловъ по вопросу о началахъ, опредѣлявшихъ сущность политическаго быта древней Россіи. Развитая первыми нашими историками *государственная теорія* господствовала въ наукѣ до появленія знаменитаго ученія Соловьева о родовомъ бытѣ, начавшаго собою новую эпоху въ развитіи науки русской исторіи; но старая теорія и позднѣе не теряла кредита въ нашей литературѣ.

Татищевъ, Шлецеръ и другіе историки прежняго времени видѣли въ древней Руси *государство,* основанное иноплеменниками -- варяжскими князьями съ дружиной. Впрочемъ, въ трудахъ этихъ историковъ мы еще не находимъ цѣльныхъ представленій объ общихъ законахъ, лежавшихъ въ основѣ всей общественной жизни русскаго народа. Мнѣнія, высказывавшіяся этими учеными по отдѣльнымъ вопросамъ, не имѣютъ характера строго-научныхъ теорій.

Первая попытка въ этомъ родѣ встрѣчается въ трудѣ *Н. М. Карамзина* (Исторія государства россійскаго. С.-П.-Б. 1816). Онъ первый старался формулировать законченную теорію, уяснить если не общія начала, то, по крайней мѣрѣ, главныя явленія древне-русскаго политическаго быта. По мнѣнію нашего исторіографа, русская земля при первыхъ же князьяхъ является государствомъ, даже больше — монархіей. Славяне, побуждаемые внутренними распрями, добровольно уничтожаютъ свое народное правленіе и требуютъ государей отъ варяговъ, основываютъ государство, вводятъ у себя монархическую власть. Въ этой монархіи съ Рюрика же утверждается система феодальная, помѣстная или удѣльная, образовавшаяся въ силу обычая, общаго германскимъ народамъ и занесеннаго къ намъ варягами *). Народъ покорялся монархической власти князей, но сохранилъ нѣкоторыя обыкновенія вольности и въ дѣлахъ важныхъ сходился на общій совѣтъ (вѣче), бывшій древнимъ обычаемъ и доказывавшій участіе гражданъ въ управленіи. Правленіе основывалось на двухъ уставахъ — самовластія и вольности. Князья единодержавные (первой эпохи — феодальной монархіи, существовавшей до Ярослава) повелѣвали народомъ, — народъ смиренно и безмолвно исполнялъ ихъ волю. Съ раздѣленіемъ государства (при Ярославѣ, преобразовавшемъ его въ удѣльную монархію) народъ, видя слабость князей, хотѣлъ быть сильнымъ, стѣснялъ предѣлы княжеской власти или противился ея дѣй-

*) Мысль о феодализмѣ на Руси впервые высказана *А. Л. Шлецеромъ* (въ его «Несторѣ» II, 7).

ствію. Но старый порядокъ (самовластія) не отмѣнялся окончательно: князья налагали дань, судили, наказывали и пр., хотя и народъ, пользуясь свободою вѣча, вмѣшивался въ дѣла и распоряженія князей, а иногда, какъ высшій законодатель, рѣшалъ судьбу государей.

Воззрѣнія Карамзина и Полевого *) находимъ затѣмъ у всѣхъ современныхъ историковъ. Всѣ имѣли передъ глазами монархію Рюрика, верховную неограниченную власть князей, разграниченіе двухъ политическихъ системъ — южнорусскихъ монархическихъ княжествъ и новгородской республики и пр. (стр. 203—205).

Итакъ,... формула государственной теоріи слѣдующая: славяне, сознавшіе необходимость «основанія государства», призвали въ половинѣ IX столѣтія князей, которые затѣмъ приняли надъ ними верховную власть, какъ государи надъ своими подданными, за исключеніемъ сѣверныхъ областей — Новгорода и Пскова, гдѣ развился другой порядокъ — народоправство, съ верховною властью народа или вѣча.

Прежде всего замѣтимъ, что призваніе князей «княжить и володѣть» еще не означало призванія принять верховную власть, управлять въ смыслѣ государственномъ. Путемъ призванія князей, безъ другихъ, болѣе важныхъ и существенныхъ условій, не создается еще государственная власть, не основывается государство. У славянъ, насколько запомнитъ исторія, были постоянно въ общинахъ нарядники, постоянно призывались старшины, вла-

*) См. его «Исторію русскаго народа». М. 1830 — 1833. *Ред.*

дыки, жупаны и князья, которые также «володѣли», княжили, вели нарядъ «по праву». Даже больше: княжили и володѣли вожди кочевыхъ родовъ и племенъ; но едва ли можно сказать, что они княжили во имя высшей государственной идеи. Не нужно забывать, что фактъ призванія нарядниковъ самъ по себѣ, безъ другихъ условій, еще не много значитъ. Исторія нерѣдко представляетъ примѣры того, что государства создаются иногда безъ всякаго призванія князей, когда есть налицо другія обстоятельства, понуждающія народъ силою вещей къ созданію государственнаго быта. Съ другой стороны, несмотря на постоянные призывы княжить, тѣмъ не менѣе не возникаетъ государство; народъ продолжаетъ жить по-старому, дробясь на автономическіе союзы, безъ всякаго сознанія необходимости въ государственномъ единствѣ. Нельзя считать исторически вѣрнымъ мысль о томъ, что, призывая князей, славяне «отказались отъ всѣхъ притязаній на управленіе, предпочли *безопасное поддайство* опасной свободѣ (*Эверса:* «Предварит. критич. изслѣдованія», 51). Исторія, напротивъ, ясно свидѣтельствуетъ, что славяне вовсе не думали отказываться отъ своего внутренняго наряда и «опасной свободы». Борьба изъ-за вольностей и пошлинъ наполняетъ всю нашу исторію вплоть до московской эпохи, когда эта борьба въ корнѣ ослабила старую «волю» общинъ, и когда поэтому начала дѣйствительно крѣпнуть въ народномъ сознаніи мысль о государственномъ единствѣ, а съ нею — и мысль объ «основаніи» государства. Въ виду этого, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ историковъ о томъ, что славянамъ не было никакой надобности

призывать князей для внутренней управы и наряда, такъ какъ въ этомъ отношеніи на Руси были собственные посредники, изстари существовалъ прочный и сильный нарядъ, устройство, власть и управа, не нуждавшаяся въ помощи сторонняго посредника (*Лешкова:* «Общинный бытъ древней Россіи» — въ «Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.» т. XCI, стр. 148 и слѣд.). Въ князьяхъ, дѣйствительно, нуждались; но эта потребность вовсе не имѣла государственнаго характера, — коренилась вообще въ условіяхъ стараго общиннаго быта.

Историки Карамзинской эпохи видятъ въ первыхъ же Рюриковичахъ «государей-монарховъ», съ верховною властію надъ подданными, — воззрѣніе, котораго держались и нѣкоторые изъ новѣйшихъ историковъ. Страшная политическая сила и неограниченная власть князей видна, по словамъ одного изъ нихъ, во всѣхъ дѣйствіяхъ Олега, Игоря и другихъ властелиновъ, дѣйствовавшихъ совершенно независимо отъ народа, какъ полные политическіе самовластцы относительно своего земства: «Обладатель множества народовъ, Олегъ, самовластно распоряжается и внутри своихъ владѣній: назначаетъ въ города своихъ мужей-посадниковъ, установляетъ дани, заключаетъ договоры съ сосѣдними государствами, надъ однимъ изъ городовъ произноситъ свое повелительное: «се буди мати градомъ русскимъ». Это ли не сильный князь? Возьмите послѣдующихъ князей: Владимира святого и Ярослава I. Одинъ задумалъ перемѣнить государственную религію, другой — формулировать обычныя формы права въ положительный законъ — и «бысть тако» (см. «Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.» т. CXLVI,

стр. 100). Дѣло въ томъ, что страшная политическая сила князей сама по себѣ еще не служитъ доказательствомъ дѣйствительнаго значенія князей, какъ государей, представителей «государственной» власти. Политическимъ могуществомъ и силою, съ строгимъ военно-деспотическимъ характеромъ, владѣли и родовые вожди кочевниковъ; дикія орды связывались по преимуществу страшною политическою силою ихъ предводителей. Самая необузданность грубой, матеріальной силы, не умѣряемой никакимъ нравственнымъ началомъ, служитъ лучшимъ доказательствомъ отсутствія къ ней государственнаго элемента. Нужно знать, что въ условіяхъ стараго общиннаго быта заключались всевозможныя проявленія силы и власти, общиннаго наряда. Еще у древнихъ славянъ князь, который былъ «любъ» землѣ, жилъ съ нею въ «одиночествѣ», дѣйствительно пользовался неограниченною властію (см. *Бестужева-Рюмина:* Русск. Ист. I, 49); но эта власть была проявленіемъ политической силы и могущества не князя лично, а земли, которая его поддерживала и придавала ему, какъ своему вождю, страшную политическую силу и значеніе. Такъ нужно смотрѣть и на дѣйствія такихъ князей-властелиновъ, какъ Олегъ «вѣщій», Владимиръ «красное солнышко» или Мономахъ «добрый страдалецъ за русскую землю». Безъ поддержки и единенія съ землей князь въ старое время ничего не значилъ, — былъ такимъ же «изгоемъ», какъ и всякій членъ общины, лишившійся ея довѣрія, изгнанный ею изъ своей среды. Изгойство князей нисколько не мирится со взглядомъ на нихъ, какъ на представителей верховной власти. Кромѣ политической силы князей, исто-

рики обращаютъ вниманіе также на другую сторону вопроса — на молчаніе лѣтописей о вѣчахъ въ Кіевѣ и другихъ южнорусскихъ земляхъ, — и отсюда заключаютъ о томъ, что здѣсь вовсе не былъ развитъ вѣчевой бытъ. Но, по справедливому замѣчанію Костомарова (Начало единодерж. 21), лѣтописи, говоря по преимуществу о внѣшнихъ событіяхъ, выходившихъ изъ уровня обыденной жизни, не считали нужнымъ замѣчать такихъ незанимательныхъ для нихъ, простыхъ явленій, какъ сходбища людей на совѣщанія о своихъ дѣлахъ. Древнѣйшая Русская Правда такъ же скупа на извѣстія о вѣчахъ, какъ и о другихъ предметахъ, напримѣръ, хоть о наслѣдованіи; но историкъ-юристъ не считаетъ себя въ правѣ заключать отсюда, что и въ жизни вовсе не было наслѣдственнаго права, — онъ ищетъ его въ обычномъ правѣ. Тамъ же слѣдуетъ искать и почву вѣчевого быта древнихъ русскихъ земель.

Ни старые князья, ни самыя волости и земли не сознавали государственной идеи, не имѣли мотивированнаго сознанія ни о государственномъ единствѣ народа, ни о верховномъ, правительственномъ назначеніи князя или вѣча, какъ представителей государственнаго порядка. Власть ихъ существовала и сознавалась не въ принципѣ, а въ практикѣ: безъ власти, наряда немыслимо вѣдь никакое общежитіе людей. Не было сознанія о свойствахъ власти; она принадлежала князю или вѣчу не въ силу суверенnаго права, сознаваемаго лично (монархія) или коллективно (республика), но просто потому, что кто-нибудь да долженъ вести нарядъ, не выходя только изъ сферы обычаевъ предковъ, установив-

шихся съ незапамятныхъ временъ. Государственное сознаніе было совершенно немыслимо у русскихъ славянъ эпохи Рюриковичей, какъ ихъ рисуютъ лѣтописи и другіе несомнѣнные историческіе источники. Предъ византійскимъ императоромъ, окруженнымъ всѣми аттрибутами верховной власти, былъ почти ничто Святославъ, русскій князь, суровый дружинникъ-колонизаторъ, привыкшій проводить ночи подъ открытымъ небомъ, на конскомъ потникѣ, да ходить «въ путь» для сбора дани и добычи. Предъ этимъ княземъ греки могли смиряться, но такъ, какъ смирялись предъ всякою необузданною силою природы...

Такимъ образомъ, мы думаемъ, что политическій бытъ древней Россіи начался не съ государства, какъ полагалъ Карамзинъ и его современники, но, какъ и у другихъ народовъ, — съ родовой или общинной формы жизни. Въ пользу рѣшенія вопроса въ смыслѣ первой проблемы говоритъ теорія Соловьева; въ пользу второй — теорія славянофиловъ (стр. 194—199).

II. ТЕОРІЯ РОДОВОГО БЫТА ВЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ФОРМѢ.

(*С. М. Соловьевъ.* «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ». Т. I. М. 1851).

Что касается быта славянскихъ восточныхъ племенъ, то начальный лѣтописецъ оставилъ намъ о немъ слѣдующее извѣстіе: «каждый жилъ съ своимъ родомъ, отдѣльно, на своихъ мѣстахъ, каждый владѣлъ родомъ своимъ». Мы теперь почти потеряли значеніе рода, у насъ остались производныя слова — родня, родство, родственникъ; мы имѣемъ ограниченное понятіе семьи, но предки наши не знали семьи *), они знали только родъ, который означалъ всю совокупность степеней родства, какъ самыхъ близкихъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ; родъ означалъ и совокупность родственниковъ и каждаго изъ нихъ; первоначально предки наши не понимали никакой общественной связи внѣ родовой и потому

---

*) Семья (отъ со-имаю) означала первоначально *жену, супругу* (со-прягаю, со-имаю), потомъ уже стала означать и происшедшихъ отъ супружества, живущихъ вмѣстѣ; жены въ письмахъ къ мужьямъ обыкновенно подписывались: семьица твоя такая-то; *семьяшится* значило *соединяется;* въ крестоприводныхъ грамотахъ налагалась обязанность не семьяниться ни съ кѣмъ на государя. — По Аксакову «названіе жены семьицею есть не уменьшительная, а личная форма» (семьянинъ, семьица).

употребляли слово родъ также въ смыслѣ соотечественника, въ смыслѣ народа; для означенія родовыхъ линій употреблялось слово *племя*. Единство рода, связь племенъ поддерживались единымъ родоначальникомъ; эти родоначальники носили разныя названія—старцевъ, жупановъ, владыкъ, князей и проч.; послѣднее названіе, какъ видно, было особенно въ употребленіи у славянъ русскихъ, и, по словопроизводству, имѣетъ значеніе родовое, означаетъ старшаго въ родѣ, родоначальника, отца семейства *). Существуютъ различные взгляды на родовой бытъ: одни представляютъ его въ идиллическомъ видѣ, предполагаютъ въ немъ исключительное господство нѣжныхъ, родственныхъ отношеній; другіе, напротивъ, смотрятъ на него съ противоположной стороны, предполагаютъ суровость отношеній между отцомъ и дѣтьми, между родоначальникомъ и родичами, подавленіе родственныхъ отно-

*) *К. Аксаковъ* пишетъ по поводу этого мѣста: «Въ словахъ автора есть или противорѣчіе или неясность. Сказавъ, что предки наши *не знали* семьи, что родъ есть совокупность и близкихъ и дальнихъ степеней родства (опредѣленіе довольно ясное), авторъ потомъ ставитъ рядомъ «старшаго въ родѣ, родоначальника, *отца семейства*», — какъ будто это одно и то же! Отецъ семейства еще не былъ родоначальникомъ: если же бы каждый отецъ семейства былъ родоначальникомъ, то родъ не могъ бы состоять изъ дальнихъ и близкихъ степеней родства (при чемъ могло бы быть и много отцовъ семействъ) и не переходилъ бы предѣлы обыкновенной семьи. Итакъ, принимая вышеприведенное опредѣленіе Соловьева, мы должны сказать, что родоначальникъ не то, что отецъ семейства, значеніе котораго много ослабѣваетъ при родовомъ бытѣ» (стр. 68). См. далѣе третью рубрику (стр. 22—47). Насколько Соловьевъ согласенъ былъ съ возраженіями Аксакова, видно изъ позднѣйшаго примѣчанія его къ приведенному здѣсь отрывку изъ *Исторіи Россіи;* это примѣчаніе читатель найдетъ далѣе, послѣ изложенія статьи К. Аксакова, на стр. 48 и сл.

Ред.

шеній правительственными, при чемъ приводятъ въ примѣръ семью римскую и германскую, гдѣ отецъ имѣлъ право осуждать своихъ дѣтей на рабство и смерть. Мы замѣтимъ, что нельзя представлять себѣ родового быта идиллически; нельзя забывать о первобытномъ младенческомъ состояніи народа, котораго движенія, страсти мало чѣмъ обуздываются; не надобно забывать, что и у просвѣщенныхъ народовъ родственныя отношенія не исключаютъ вражды; что вражда между родичами считается самою сильною, что родовой бытъ, по самому существу своему, условливаетъ неопредѣленность, случайности. Но съ другой стороны, мы не можемъ вполнѣ раздѣлять и противоположнаго взгляда: правда, что въ бытѣ родовомъ отецъ семейства есть вмѣстѣ и правитель, надъ которымъ нѣтъ высшей власти, но не знаемъ, въ правѣ ли мы будемъ допустить совершенное подавленіе родственныхъ отношеній правительственными, особенно при отсутствіи всякихъ опредѣленій; не имѣемъ ли мы права предположить, что родственныя отношенія, въ свою очередь, смягчали отношенія правительственныя? Какимъ образомъ осудить ихъ на совершенное бездѣйствіе даже въ быту самомъ грубомъ? Владимиръ имѣетъ право казнить жену, замышлявшую преступленіе, и хочетъ воспользоваться своимъ правомъ; но входитъ малютка-сынъ — и мечъ выпадаетъ изъ рукъ отцовскихъ. Здѣсь главный вопросъ не въ томъ, подавлялись ли родственныя отношенія правительственными, но въ томъ, какъ выражались самыя родственныя отношенія. Мы не должны только по своимъ христіанскимъ понятіямъ судить о поступкахъ языческихъ грубыхъ народовъ. Такъ, напримѣръ,

отецъ въ семьѣ германской и литовской осуждалъ на гибель новорожденныхъ дѣтей своихъ, если семья была уже многочисленна или если новорожденные были слабы, увѣчны; но такое поведеніе отцовъ, приводящее насъ въ ужасъ, проистекало у язычниковъ изъ грубыхъ понятій о родственномъ состраданіи, а не изъ понятій о деспотической власти отца надъ дѣтьми; язычники смотрѣли на жизнь человѣка съ чисто матеріальной стороны; при господствѣ физической силы человѣкъ слабый былъ существомъ самымъ несчастнымъ, и отнять жизнь у такого существа считалось подвигомъ состраданія. Доказательствомъ тому служитъ обязанность дѣтей у германцевъ и литовцевъ убивать своихъ престарѣлыхъ, лишенныхъ силъ родителей. Эти обычаи велись преимущественно у племенъ воинственныхъ, которыя не терпѣли среди себя людей лишнихъ, слабыхъ и увѣчныхъ, не могшихъ оказывать помощи на войнѣ, защищать родичей, мстить за ихъ обиды; у племенъ, жившихъ въ странѣ скудной, стремленіе предохранить отъ голодной смерти взрослыхъ заставляло жертвовать младенцами. Но у народа, относительно болѣе мирнаго, земледѣльческаго, живущаго въ странѣ обильной, мы не встрѣтимъ подобныхъ обычаевъ; такъ не встрѣчаемъ ихъ у нашихъ восточныхъ славянъ: лѣтописецъ, говоря о черной сторонѣ языческаго быта послѣднихъ, не упоминаетъ объ означенныхъ обычаяхъ. Даже у славянъ померанскихъ, которые по воинственному характеру своему и по сосѣдству съ племенами германскими и литовскими являются болѣе похожими на послѣднихъ, даже и у этихъ славянъ съ престарѣлыми и слабыми родителями и родствен-

никами обходились совершенно иначе, чѣмъ у германцевъ и литовцевъ. Вообще же должно остерегаться дѣлать точныя опредѣленія первоначальному родовому обществу въ томъ или другомъ смыслѣ.

Отношенія родоначальника къ родичамъ понятны, когда родъ состоитъ изъ однихъ нисходящихъ; но когда отецъ, дѣдъ или прадѣдъ умираетъ, то какимъ образомъ поддержится единство рода? Оно поддерживалось возстановленіемъ отеческой власти: одинъ изъ старшихъ родичей занималъ отцовское мѣсто. Старинная чешская пѣсня*) говоритъ: «Когда умретъ глава рода, то всѣ дѣти сообща владѣютъ имѣніемъ, выбравши себѣ изъ рода своего владыку». Такъ теперь у южныхъ славянъ, удержавшихъ черты древняго быта, часто деревня состоитъ изъ одного рода, который управляется самимъ собою и сообщается съ высшими властями страны посредствомъ своего главы, *старшины*. Этотъ старшина не всегда бываетъ физически старшимъ въ родѣ: онъ избирается въ свою должность собраніемъ всѣхъ родичей, которые торжественно сажаютъ его на первое мѣсто подъ иконы, откуда и въ нашей древней исторіи сохранился обрядъ и выраженіе *посадить князя*. Избранный старшина управляетъ всѣми работами, хранитъ общественную казну, взноситъ подати, раздаетъ своимъ дѣтямъ и братьямъ пищу и одежду, наказываетъ ихъ за проступки; въ большіе праздники онъ напоминаетъ о древнемъ значеніи владыки рода, какъ жреца, потому что, окруженный

---

*) Соловьевъ ссылается здѣсь на Краледворскую рукопись, подложность которой въ настоящее время уже *не* подлежитъ сомнѣнію. *Ред.*

всѣми родичами, кадитъ иконы. Послѣдующая исторія Рюрикова княжескаго рода показываетъ, что и въ бытѣ нашихъ восточныхъ славянъ имѣли мѣсто тѣ же самыя явленія: старшій братъ обыкновенно заступалъ мѣсто отца для младшихъ. Къ старшинству послѣдняго родичи привыкали еще при жизни отца: обыкновенно въ семьѣ старшій сынъ имѣетъ первое мѣсто по отцѣ, пользуется большею довѣренностью послѣдняго, является главнымъ исполнителемъ его воли; въ глубокой старости отца заступаетъ совершенно его мѣсто въ управленіи семейными дѣлами; отецъ при смерти обыкновенно благословляетъ его на старшинство послѣ себя, ему поручаетъ семью.

Такимъ образомъ по смерти отца старшій братъ естественно наслѣдуетъ старшинство, — становится въ отца мѣсто для младшихъ. Младшіе братья ничего не теряли съ этою перемѣною: старшій имѣлъ обязанность блюсти выгоды рода, думать и гадать объ этомъ, имѣть всѣхъ родичей какъ душу; права его состояли въ уваженіи, которое оказывали ему какъ старшему; къ нему относились во всѣхъ дѣлахъ, касающихся рода; безъ его вѣдома и согласія ничего не дѣлалось: онъ былъ распорядителемъ занятій, раздавателемъ пищи и одежды, онъ судилъ и наказывалъ... Но всѣ эти распоряженія получали силу только при общемъ согласіи, когда всѣ видѣли, что старшій поступаетъ съ ними какъ отецъ, наблюдаетъ строгую справедливость; власть, сила старшаго основывалась на согласіи младшихъ; это согласіе было для старшаго единственнымъ средствомъ къ дѣятельности, къ обнаруженію своей власти, вслѣдствіе чего младшіе были совершенно обез-

печены отъ насилій старшаго, могущаго дѣйствовать только черезъ нихъ. Но легко понять, какія слѣдствія могла имѣть такая неопредѣленность правъ и отношеній. Невозможно, чтобы младшіе постоянно согласно смотрѣли на дѣйствія старшаго; каждый младшій, будучи недоволенъ рѣшеніемъ старшаго, имѣлъ возможность возстать противъ этого рѣшенія. Онъ уважалъ старшаго брата какъ отца; но когда этотъ старшій братъ, по его мнѣнію, поступалъ съ нимъ не какъ братъ, не какъ отецъ, не по-родственному, но какъ чужой, даже какъ врагъ, то этимъ самымъ родственный союзъ, родственныя отношенія между ними рушились,— рушились вмѣстѣ всѣ права и обязанности, ничѣмъ другимъ не опредѣленныя. Если большинство братьевъ принимало сторону старшаго противъ младшаго, то, разумѣется, послѣдній долженъ былъ или покориться общей волѣ или выйти изъ рода. Но могло очень случиться, что сторону младшаго принимали другіе братья, — отсюда усобицы и распаденіе рода. Если же всѣ младшіе принимали сторону одного изъ своихъ противъ старшаго, то послѣдній долженъ былъ или исполнить общую волю или выйти изъ рода, который избиралъ другого старшаго. Такіе случаи могли быть нерѣдки, какъ видно изъ послѣдующей исторіи Рюрикова княжескаго рода. Изъ этой исторіи мы знаемъ также, какимъ исключеніямъ подвергался обычай давать княженія всегда старшему въ родѣ; знаемъ, какъ терялись права на старшинство вслѣдствіе разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, когда, напр., личному достоинству младшаго отдавалось преимущество предъ правомъ старшаго. Могло случиться, что

самъ отецъ при жизни своей, будучи недоволенъ поведеніемъ старшаго, отнималъ у него значеніе старшинства, которое передавалъ младшему. Случаи исключенія изъ старшинства, борьба за него должны были происходить чаще, когда родъ дробился все болѣе и болѣе, *племена* (линіи) расходились, и родственная связь ослабѣвала; отсюда необходимо проистекала вражда, усобица между членами рода и линіями, отъ нихъ происходившими. Такая внутренняя вражда должна была оканчиваться отторженіемъ нѣкоторыхъ линій отъ общей родовой связи и выселеніемъ ихъ на другія мѣста. Но такъ какъ причиною выселеній была вражда, то ясно, что выселившіяся линіи, образовавшись въ особые роды, не могли жить въ дружественныхъ отношеніяхъ съ прежними родичами.

Обширность и дѣвственность населенной восточными славянами страны давали родичамъ возможность выселяться при первомъ новомъ неудовольствіи, что, разумѣется, должно было ослаблять усобицы: мѣста было много, — за него, по крайней мѣрѣ, не нужно было ссориться. Но могло случаться, что особенныя удобства мѣстности привязывали къ ней родичей и не позволяли имъ такъ легко выселяться; это особенно могло случаться въ городахъ, мѣстахъ выбранныхъ родомъ по особенному удобству и огороженныхъ, укрѣпленныхъ общими усиліями родичей и цѣлыхъ поколѣній, — слѣдовательно, въ городахъ усобицы долженствовали быть сильнѣе. О городской жизни восточныхъ славянъ изъ словъ лѣтописца можно заключать только то, что эти огороженныя мѣста были обиталищемъ одного или нѣсколькихъ отдѣльныхъ родовъ. Кіевъ, по лѣтописцу,

былъ жилищемъ рода. При описаніи междоусобій, предшествовавшихъ призванію князей, лѣтописецъ говоритъ, что всталъ родъ на родъ; изъ этого ясно видно, какъ развито было общественное устройство,— видно, что до призванія князей оно не переходило еще родовой грани. Первымъ признакомъ общенія между отдѣльными родами, живущими вмѣстѣ, долженствовали быть общіе сходки, совѣты, вѣча; но на этихъ сходкахъ мы видимъ и послѣ однихъ старцевъ, у которыхъ все значеніе; что эти вѣча — сходки старшинъ, родоначальниковъ — не могли удовлетворить возникшей общественной потребности — потребности наряда, не могли создать связи между соприкоснувшимися родами, дать имъ единство, ослабить родовую особность, родовой эгоизмъ, — доказательствомъ служатъ усобицы родовыя, кончившіяся призваніемъ князей. Несмотря на то, первоначальный славянскій городъ имѣетъ важное историческое значеніе: городовая жизнь, какъ жизнь вмѣстѣ, была гораздо выше разрозненной жизни родовъ на особыхъ мѣстахъ; въ городахъ болѣе частыя столкновенія, болѣе частыя усобицы должны были скорѣе повести къ сознанію о необходимости наряда, правительственнаго начала. Остается вопросъ: какое отношеніе было между этими городами и народонаселеніемъ, внѣ ихъ живущимъ, — было ли это народонаселеніе независимо отъ города или подчинено ему? Естественно предположить городъ первымъ пребываніемъ поселенцевъ, откуда народонаселеніе распространялось по всей странѣ: родъ являлся въ новой странѣ, селился въ удобномъ мѣстѣ, огораживался для большей безопасности и потомъ уже, вслѣдствіе размноженія своихъ чле-

Московская Центральная Публичная библиотека
Центральная книгохранилище Моск. Общ. Б-ка

новъ, наполнялъ и всю окрестную страну. Если предположить выселеніе изъ городовъ младшихъ членовъ рода или родовъ, тамъ живущихъ, то необходимо предположить связь и подчиненіе, разумѣется, родовое, младшихъ старшимъ. Ясные слѣды этого подчиненія мы видимъ позднѣе въ отношеніяхъ новыхъ городовъ или пригородовъ къ городамъ старымъ, откуда они получили народонаселеніе. Но, кромѣ этихъ родовыхъ отношеній, связь и подчиненность сельскаго народонаселенія городскому могли скрѣпляться и по другимъ причинамъ: сельское народонаселеніе было разбросано, городское совокуплено, и потому послѣднее имѣло всегда возможность обнаруживать свое вліяніе надъ первымъ; въ случаѣ опасности сельское народонаселеніе могло находить защиту въ городѣ, необходимо примыкало къ послѣднему и по этому уже самому не могло сохранить равнаго съ нимъ положенія. На такое отношеніе городовъ къ окружному народонаселенію находимъ указанія въ лѣтописи: такъ говорится, что родъ основателей Кіева держалъ княженіе среди полянъ. Но, съ другой стороны, мы не можемъ предполагать большой точности, опредѣленности въ этихъ отношеніяхъ, ибо и послѣ, въ историческое время отношеніе пригородовъ къ старшему городу не отличалось опредѣленностью, и потому, говоря о подчиненіи селъ городамъ, о связи родовъ между собою, зависимости ихъ отъ одного центра,— мы должны строго различать эту подчиненность, связь, зависимость въ дорюриковское время отъ подчиненности, связи и зависимости, начавшихъ утверждаться мало-по-малу послѣ призванія князей варяжскихъ. Если сельчане считали себя *младшими*

относительно горожанъ, то легко понять, въ какой степени признавали они себя зависимыми отъ послѣднихъ, какое значеніе имѣлъ для нихъ старшина городской. Городовъ, какъ видно, было немного: знаемъ, что славяне любили жить разсѣянно, по родамъ, которымъ лѣса и болота служили вмѣсто городовъ. На всемъ пути изъ Новгорода до Кіева, по теченію большой рѣки, Олегъ нашелъ только два города — Смоленскъ и Любечъ. У древлянъ упоминаются города и кромѣ Коростеня; на югѣ должно было находиться больше городовъ: здѣсь болѣе было нужды въ защитѣ отъ нашествія дикихъ ордъ, да и потому, что мѣсто было открытѣе. У тиверцевъ и угличей были города, сохранившіеся и во времена лѣтописца; въ средней полосѣ — у дреговичей, радимичей и вятичей — не встрѣчается упоминовенія о городахъ.

Кромѣ преимуществъ, которыя городъ (т. е. огороженное мѣсто, въ стѣнахъ котораго живетъ одинъ многочисленный или нѣсколько отдѣльныхъ родовъ) могъ имѣть надъ окружнымъ разсѣяннымъ народонаселеніемъ, могло, разумѣется, случаться, что одинъ родъ, сильнѣйшій матеріальными средствами, получалъ преимущество передъ другими родами; что князь, начальникъ одного рода, по своимъ личнымъ качествамъ получалъ верхъ надъ князьями другихъ родовъ. Такъ у южныхъ славянъ, о которыхъ византійцы говорятъ, что у нихъ много князьковъ и нѣтъ единаго государя, иногда являются князья, которые по своимъ личнымъ достоинствамъ выдаются впередъ, какъ, напр., знаменитый Лавритасъ. Такъ и у насъ, въ извѣстномъ разсказѣ объ Ольгиной мести, у древлянъ сначала на пер-

вомъ планѣ является князь Малъ; но замѣтимъ, что здѣсь нельзя еще принимать Мала непремѣнно княземъ всей древлянской земли: можно принимать, что онъ былъ князь коростенскій только. Что въ убіеніи Игоря участвовали одни коростенцы подъ преимущественнымъ вліяніемъ Мала, остальные же древляне приняли ихъ сторону послѣ, по ясному единству выгодъ, — на это прямо указываетъ преданіе: «Ольга же устремися съ сыномъ своимъ на Искоростенъ-городъ, яко тѣ бяху убили мужа ея». Малу, какъ главному зачинщику, присудили и жениться на Ольгѣ. На существованіе другихъ князей, другихъ державцевъ земли, указываетъ преданіе въ словахъ пословъ древлянскихъ: «Наши князи добри суть, иже распасли суть деревьску землю»; объ этомъ свидѣтельствуетъ и молчаніе, которое хранитъ лѣтопись относительно Мала во все продолженіе борьбы съ Ольгой.

Родовой бытъ условливалъ общую, нераздѣльную собственность, и наоборотъ, общность, нераздѣльность собственности служила самою крѣпкою связью для членовъ рода, — выдѣленіе условливало необходимо и расторженіе родовой связи. Извѣстная уже чешская пѣсня *) говоритъ: «Когда умретъ родоначальникъ, то всѣ дѣти сообща владѣютъ оставшимся имѣніемъ, выбравши себѣ владыку изъ рода». Общее владѣніе родовою собственностью необходимо заставляло родичей возстановлять значеніе отца, выбрать кого-нибудь изъ себя въ отца мѣсто, а выборъ кого-нибудь вмѣсто отца, слѣдовательно, возобновленіе прежнихъ отношеній,

*) см. выше примѣчаніе на стр. 13. *Ред.*

какъ они были при жизни отца, условливало необходимо и общее, нераздѣльное владѣніе. Должно замѣтить, что родовую связь и общую, нераздѣльную собственность поддерживала простота быта, малочисленность нуждъ, легко удовлетворяемыхъ общими первоначальными занятіями родичей (стр. 49—59 по изд. товарищества «Общественная Польза»).

III. ТЕОРІЯ ОБЩИННАГО БЫТА ВЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ФОРМѢ.

(*К. С. Аксаковъ.* «О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности. — По поводу мнѣній о родовомъ бытѣ». *Московскій Сборникъ.* Т. I. М. 1852).

Теорія общиннаго быта въ ея первоначальной формѣ развилась въ прямомъ противоположеніи съ вышеизложенной родовой теоріей. Литературный представитель общинной теоріи К. Аксаковъ съ двухъ точекъ зрѣнія напалъ на своихъ противниковъ: 1) онъ находилъ невѣрности и внутреннія противорѣчія въ данномъ ими опредѣленіи родового быта; 2) онъ доказывалъ неуспѣшность ихъ попытокъ вскрыть начала родового быта въ древнерусскихъ историческихъ свидѣтельствахъ.

---

1) Соловьевъ и Кавелинъ — два главнѣйшіе представителя родовой теоріи — весьма сбивчиво и противорѣчиво рисуютъ намъ взаимныя отношенія членовъ родового союза. Изъ мнѣній Соловьева, — говоритъ Аксаковъ, — «мы извлекаемъ, что родъ былъ совокупность степеней родства, какъ самыхъ близкихъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ, и управлялся однимъ избираемымъ по необходимости родоначальникомъ (семья и отецъ семейства имѣютъ дру-

гое значеніе); потомъ, что родоначальникъ имѣлъ высшую власть, противъ которой однако могъ быть протестъ каждаго, и вслѣдствіе протеста вмѣшательство и судъ родичей, но что, по крайней мѣрѣ, родоначальникъ былъ главнымъ распорядителемъ» (по изд. М. 1889. Т. I, стр. 70). — «Здѣсь является противорѣчіе, — говоритъ К. Аксаковъ. — Если надъ родоначальникомъ нѣтъ высшей власти, то какъ же одно мнѣніе младшаго, что старшій поступаетъ съ нимъ не по-родственному, разрушало родственныя связи? Правда, авторъ (т. е. Соловьевъ) находитъ здѣсь нужнымъ судъ остальныхъ родичей, но тѣмъ не менѣе старшій могъ каждую минуту подлежать этому суду».

Кавелинъ*) развилъ это противорѣчіе въ еще болѣе рѣзкой и категорической формѣ. Если, по Соловьеву, нарушенія власти родоначальника происходятъ лишь въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, то, по воззрѣнію Кавелина, эти нарушенія не были случайностію и вытекали изъ основныхъ особенностей родового быта, какъ явленіе совершенно равносильное и параллельное неограниченной власти родоначальника: родоначальникъ являлся верховнымъ жрецомъ, воплощенной судьбой для всѣхъ родичей, и въ то же самое время домашній бытъ въ равной мѣрѣ зависѣлъ отъ всѣхъ членовъ родового союза. Такая противорѣчивость явленій, характери-

---

*) Аксаковъ въ своей статьѣ, полемизируя съ Кавелинымъ, имѣетъ въ виду обширную рецензію послѣдняго на книгу А. Терещенка (Спб. 1848); она перепечатана въ четвертой части «Сочиненій К. Кавелина» (М. 1859): взгляды Кавелина на древнѣйшій общественный и домашній бытъ славянъ изложены здѣсь на стр. 80—95. *Ред.*

зующая родовой бытъ, объяснялась, по мнѣнію Кавелина, тѣмъ обстоятельствомъ, что общественность того времени вообще не была построена и управляема такъ, какъ теперешнія человѣческія общества: патріархальный бытъ отличался совершенной неопредѣленностью первоначальныхъ родственныхъ отношеній. Родственныя начала не были возведены въ юридическія опредѣленныя начала: они существовали на фактѣ, но не въ сознаніи, и потому произвольно соблюдались, но произвольно и нарушались, когда какія-нибудь причины къ этому побуждали.

К. Аксаковъ совершенно отрицаетъ возможность совмѣщенія такихъ противоположностей: «Что-нибудь одно: или была власть родоначальниковъ или ея не было. Если была, то случаи неповиновенія, не уничтожая основного начала или обычая, являютъ только исключенія и поэтому важнаго значенія не имѣютъ, ибо подобныя нарушенія встрѣчаются въ исторіи и при всѣхъ формахъ государственныхъ. Если же эти противорѣчащія явленія не исключительныя, а параллельныя, равносильныя (какъ видно принимаетъ Кавелинъ), то названіе родового быта здѣсь не у мѣста. Если есть какой-нибудь бытъ, то противорѣчащія явленія суть только исключенія; какъ скоро же противорѣчія не суть исключенія, слѣдовательно равносильны, какъ скоро всѣ проявленія *случайны, временны,* — то здѣсь нѣтъ вовсе никакого быта: это просто первоначальный хаосъ, о которомъ не помнитъ исторія, о которомъ можно дѣлать предположенія и который родовымъ, да и никакимъ бытомъ назваться не можетъ» (стр. 74—75). Неправильно изобразивъ внутренній строй ро-

дового союза, представители родовой теоріи допустили, по мнѣнію Аксакова, и другую погрѣшность: они не провели въ своемъ изображеніи рѣзкой разграничительной черты между родомъ и семьей, то противополагая понятія рода и семьи, то подставляя эти термины другъ подъ друга, какъ выраженія синонимическія. Взглядъ Кавелина, — утверждаетъ Константинъ Аксаковъ (стр. 78), — сходенъ весьма со взглядомъ Соловьева. Родовой бытъ и родоначальниковъ признаютъ они оба; оба смѣшиваютъ родъ и семью. Соловьевъ видитъ нарушеніе власти родоначальниковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ; Кавелинъ признаетъ противорѣчащія этой власти явленія, какъ равносильныя. Но, несмотря на нѣкоторую недосказанность у перваго и на неопредѣленность у второго, оба, не безъ противорѣчій самимъ себѣ, все-таки признаютъ родовой бытъ, вмѣстѣ съ родоначальниками, у древнихъ славянъ. Разница главная въ томъ, что Соловьевъ, не считая родовой бытъ особенностью славянъ, признаетъ, что онъ начинаетъ исчезать уже при Ярославѣ, — а Кавелинъ доводитъ родовой бытъ въ Россіи до Петра Великаго» (стр. 78).

Въ противовѣсъ разобраннымъ воззрѣніямъ Аксаковъ даетъ затѣмъ слѣдующее опредѣленіе родового быта:

«Естественное, и только естественное, состояніе, лишенное всякаго сознанія, — не есть бытъ; о такомъ первомъ естественномъ состояніи исторія не помнитъ, и рѣчи объ немъ быть не можетъ. Бытъ является тогда, когда естественный порядокъ вначалѣ замѣченъ человѣкомъ, когда онъ въ него вѣритъ и старается его удержать, когда является обы-

чай и преданіе. Первоначальный видъ общества и первоначальный бытъ — есть, безспорно, родовой (отвергать его существованія мы никогда и не думали). Размножившаяся семья исчезаетъ, и является родъ, поглощающій семью, значеніе семьи: ибо здѣсь владыка рода есть *не отецъ, а родоначальникъ;* отношенія дѣтей къ свому отцу *смущены* вліяніемъ и значеніемъ общаго родоначальника, безусловнаго владыки рода. Любовь дѣтей къ родителямъ не можетъ являться во всей своей чистотѣ и силѣ, когда, кромѣ отца, есть другой, верховный отецъ, патріархъ всего рода. Такое отношеніе, замѣченное человѣкомъ, вначалѣ кажется ему истиннымъ — и онъ старается его поддерживать. Когда жизнь родоначальника оказывается короче жизни рода — родоначальникъ *избирается,* и ему передается все значеніе перваго родоначальника; иногда званіе это наслѣдственно. Такимъ образомъ мы видимъ здѣсь уже, при подобномъ устройствѣ, извѣстное начало (принципъ), порядокъ жизни, бытъ, именно бытъ родовой. По мѣрѣ размноженія рода, родъ получаетъ болѣе общественное, гражданское значеніе. Родовыя отношенія, оставаясь еще родовыми, получаютъ смыслъ гражданскій, а родоначальникъ становится властителемъ и судьею этого родового общества. Значеніе родоначальника, даже въ самомъ началѣ, какъ скоро онъ признается какъ родоначальникъ, носитъ ужъ въ себѣ зародышъ гражданственности».

«Вотъ родовой бытъ. Что же мы въ немъ видимъ? Мы видимъ, во-первыхъ, что семья въ немъ исчезаетъ, ибо поглощена единствомъ рода и единствомъ родоначальника; во-вторыхъ, что отношенія

родовыя не остаются въ своей чистотѣ, а немедленно получаютъ значеніе гражданское, не переставая быть родовыми. Состояніе напряженное и ложное, стѣсняющее съ одной стороны *семью*, съ другой — *гражданственность*. Гражданственность смущаетъ родовыя отношенія; родовыя отношенія мѣшаютъ гражданственности и семьѣ.

Такимъ образомъ *семья* и *родъ*, семейное и родовое начало, не только не одно и то же, но взаимно исключаютъ или ослабляютъ другъ друга. Гдѣ сильно начало родовое, тамъ нѣтъ начала семейнаго, или оно слабо. Гдѣ сильно начало семейное, тамъ нѣтъ родового или патріархальнаго, или же оно находится на слабой степени. Патріархальное и семейное начала образуютъ двѣ противоположности, хотя, повидимому, истекаютъ изъ одного источника, близки другъ къ другу.

Родовой бытъ былъ первою общественною ступенью, черезъ которую прошли, безспорно, всѣ народы; но одни только прошли черезъ него, не останавливаясь, другіе остановились болѣе или менѣе, утвердили за собою этотъ бытъ, формулировали, опредѣлили его явственно, съ большими или меньшими подробностями, особенностями и оттѣнками» (стр. 80—82).

---

2. Отъ этихъ общихъ опредѣленій Аксаковъ переходитъ затѣмъ къ разбору прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ. «Былъ ли родовой бытъ у славянъ? Былъ ли онъ для нихъ ступенью, черезъ которую они только прошли, или же онъ у нихъ продолжался нѣкоторое время? Можемъ ли мы только предполагать, что онъ былъ когда-то, единственно

опираясь на убѣжденіе, что всѣмъ народамъ слѣдовало черезъ него пройти, или есть на то какія-нибудь историческія данныя, до насъ дошедшія?»

Древнѣйшія извѣстія византійскихъ писателей о бытѣ славянъ свидѣтельствуютъ не о родовомъ, а о семейно-общинномъ строѣ.

«Прокопій говоритъ, что славяне не повинуются одному мужу, но изначала живутъ при народномъ правленіи (ἐν δημοκρατίᾳ). Это свидѣтельство говоритъ ясно противъ родового быта, ибо демократическое устройство такому быту противорѣчитъ.

Маврикій, говоря, что у славянъ много царьковъ, въ то же время утверждаетъ, что они не знаютъ правительства.

Соловьевъ соглашаетъ эти противорѣчія и разумѣетъ подъ царьками — родоначальниковъ, говоря, что грекъ могъ принять родоначальниковъ за царьковъ, а родовыя отношенія младшихъ членовъ не могли быть для него понятны, ибо онъ привыкъ къ отношеніямъ государственнымъ и потому имѣлъ поводъ сказать, что славяне живутъ въ демократіи.

Такое объясненіе есть объясненіе заранѣе принятой мысли. Что выборные начальники или старшины, которые во всякой демократіи бываютъ, могли показаться царьками, — это дѣло возможное; но чтобы отношенія родовыя младшихъ къ старшимъ могли быть названы демократическими, — это болѣе нежели сомнительно» (стр. 82—83).

Другое свидѣтельство Прокопія объ обычаѣ славянъ совѣщаться вмѣстѣ о всякихъ дѣлахъ ярко указываетъ на народное или общинное устройство. Соловьевъ видитъ въ этихъ общихъ совѣщаніяхъ — собранія однихъ родоначальниковъ; даже и при такомъ тол-

кованіи мы должны допустить существованіе общиннаго устройства, хотя бы только среди однихъ родоначальниковъ, которое все-таки оттѣсняло на задній планъ значеніе отдѣльныхъ, обособленныхъ родовъ. Но прямыя свидѣтельства указанныхъ писателей вовсе не подсказываютъ непремѣнно подобнаго толкованія: они прямо говорятъ намъ объ общихъ сходкахъ, объ отсутствіи чьей-либо единоличной власти. Къ этимъ извѣстіямъ примыкаютъ позднѣйшія указанія Дитмара мерзебургскаго, касающіяся вѣча у лутичей, гдѣ всѣ совѣщаются о дѣлахъ своихъ, не повинуясь одному, и гдѣ дѣла рѣшаются единогласіемъ, которое было необходимо. «Все это, кажется, достаточно говоритъ въ пользу общественнаго быта у древнихъ славянъ и, сверхъ того — быта вѣчевого. Что же касается до царьковъ, то это были или старшины, бывающіе при демократическомъ правленіи, или князья на всей волѣ народа, каковы потомъ были въ извѣстныя времена князья новгородскіе, но родоначальниками ихъ почитать нѣтъ никакой причины» (стр. 85).

Рядъ другихъ позднѣйшихъ указаній на особенности древняго быта, въ которыхъ отыскивали проявленія родовыхъ началъ, рисуютъ намъ въ сущности не родъ, а семью. Сюда относится чешская пѣсня «Судъ Любуши» *).

«Содержаніе пѣсни есть судъ по вопросу о наслѣдствѣ. Хрудошъ и Стяглавъ Кленовичи враждуютъ объ отцовской дѣдинѣ. Княжна Любуша соби-

*) Современный читатель долженъ имѣть въ виду, что въ настоящее время доказана подложность Краледворской рукописи, въ которой находится разбираемая Аксаковымъ пѣсня. *Ред.*

раетъ снемъ (сеймъ, соимъ, сходку) изъ кметовъ, леховъ и владыкъ и призываетъ также обоихъ враждующихъ братьевъ. На снемѣ она предлагаетъ всѣмъ на оный созваннымъ рѣшить эту вражду, выражая въ то же время свою мысль, что, *по закону вѣкожизненныхъ боговъ*, братья или должны владѣть вмѣстѣ или раздѣлиться поровну. «Собери голоса, славная княжна, по своему народу», говоритъ ей Лютоборъ. Собрали голоса и объявили рѣшеніе въ *народѣ, собранный на снемъ къ разсужденію*. Рѣшеніе заключалось въ томъ, чтобы оба брата владѣли вмѣстѣ. Хрудошъ съ яростію говоритъ, что наслѣдство надо дать первенцу, и грубо отзывается о Любушѣ. Любуша передъ всѣми свидѣтельствуетъ о своемъ оскорбленіи. Ратиборъ встаетъ и говоритъ противъ Хрудоша, объявляя, что «не хвально намъ въ нѣмцахъ искать правды: у насъ правда по закону святому, которую принесли отцы наши». Сюда относится отрывокъ пѣсни, находящійся безъ связи, въ началѣ и, безъ сомнѣнія, долженствующій стоять на концѣ; въ немъ, очевидно, излагается *правда*, о которой говоритъ Ратиборъ. Вотъ онъ: «Всякой отецъ воеводитъ (предводитъ на войну) свою челядь (челядинъ, домочадецъ). Мужики пашутъ, женщины шьютъ одежды, и какъ скоро умираетъ глава челяди, то дѣти всѣ владѣютъ вмѣстѣ наслѣдствомъ, выбирая себѣ владыку изъ рода, который для пользы ходитъ въ славные снемы, ходитъ съ кметами, лехами, владыками. Встали кметы, лехи и владыки, похвалили правду по закону».

«Соловьевъ подтверждаетъ этою пѣснію — и именно мѣстомъ объ избраніи владыкъ — догадку свою, что на сходку ходили одни родоначальники. Если

допустимъ пока опять догадку Соловьева, то, однако, и здѣсь можетъ онъ признавать родовой бытъ лишь на второмъ планѣ, а на первомъ (хотя бы и изъ него вытекающій) бытъ общинный. Сверхъ снема, мы видимъ уже общую для всѣхъ княжескую власть, созывающую этотъ снемъ; стало, кромѣ сходки, здѣсь еще при родоначальникахъ (если принимать ихъ съ Соловьевымъ) — власть князя, становящая въ свою очередь родовое устройство на второмъ планѣ» (стр. 85, 86).

Но пѣсня, сверхъ того, прямо свидѣтельствуетъ о томъ, что сеймъ составлялся не изъ однихъ родоначальниковъ: рядомъ съ владыками поставлены кметы и лехи.

Что же здѣсь разумѣется подъ родомъ, который выбираетъ себѣ владыку? Сущность разобраннаго на сеймѣ спора убѣждаетъ, что родъ означаетъ здѣсь только семью. Въ спорѣ о наслѣдствѣ тягаются только два брата. Между тѣмъ при родовомъ бытѣ всѣ родичи должны были бы участвовать въ спорѣ, такъ какъ всѣ они имѣли бы право на общее владѣніе. Трудно предположить такую случайность, чтобы весь этотъ родъ не имѣлъ другихъ представителей, — былъ весь, кромѣ двухъ, уничтоженъ. Остается другой, гораздо болѣе естественный выводъ: это былъ вопросъ не родовой, а чисто семейный. Передъ нами только два брата — семья, выдѣлившаяся изъ рода, а рода уже нѣтъ. Значитъ, и тотъ «древній обычай», по которому сеймъ рѣшаетъ дѣло, есть обычай семейный, предполагающій древнее семейное, а не родовое устройство. Этотъ выводъ, добытый изъ разсмотрѣнія народной пѣсни, подтверждается и народными юри-

дическими обычаями. Имущество у древнихъ славянъ принадлежало всѣмъ вмѣстѣ, всему семейству, но не всему роду: по смерти дѣтей оно считалось уже выморочнымъ и переходило къ князю или вообще къ правителю. Лишь позднѣе и по установленіи правительственной власти, какъ полагаетъ Аксаковъ, оно стало переходить въ этомъ случаѣ къ боковымъ родственникамъ. Юридическіе акты указываютъ намъ далѣе на то, что только тѣ дѣти имѣли общее право на отцовское наслѣдство, которыя не покидали отцовскаго дома, жили съ отцомъ въ семейномъ единствѣ. Отдѣлившіеся сыновья теряли свои права на семейное наслѣдство. Съ другой стороны, если могли отчуждаться отъ семейства, то могли и входить въ составъ семейства лица, породнившіяся съ нимъ: зятья, золовки, какъ скоро они жили въ семьѣ. Такъ, семья могла сжиматься и расширяться, смотря по желанію и произволу членовъ, постоянно оставаясь на своей тѣсной, только семейной основѣ.

«Итакъ, мы видимъ, что рода у древнихъ славянъ не было, а была семья.

Семья эта была семья въ тѣсномъ смыслѣ. Въ устройствѣ ея нѣтъ и признака родоначальническаго патріархальнаго характера. Напротивъ, мы видимъ, что всѣ члены въ ней имѣютъ голосъ въ вопросѣ собственности. Это назвать родовымъ устройствомъ невозможно. Если бы общество было построено на основѣ родового, патріархальнаго быта, такъ, чтобы въ его устройствѣ находилось отраженіе этого быта, — мы могли бы признать родовой бытъ основнымъ элементомъ, существующимъ въ народѣ (напримѣръ, въ Китаѣ). Но когда передъ нами явле-

ніе совершенно противоположное, когда не только общество, а даже семья построена подъ вліяніемъ общиннаго начала, какъ можемъ мы тутъ найти родовой бытъ?

Что же вообще была славянская семья?

Она была семья; но какъ скоро вопросъ становится общественнымъ, какъ, напримѣръ, вопросъ о владѣніи (на землю право имѣла вся община), то она, стороною къ этому вопросу, становилась сама общиною. Какъ скоро встрѣчается другой общественный вопросъ народнаго совѣщанія, вѣча, она опять становилась общиною и отъ нея шелъ представитель: или старшій или избираемый ею (какъ въ «Судѣ Любуши»). Кто изъ дѣтей отдѣлялся отъ семьи и жилъ отдѣльно, тотъ уже отрѣшался отъ семьи и не наслѣдовалъ ей, — семья сжималась въ числѣ. Съ другой стороны, она могла расширяться по произволу, могла принимать въ свой составъ роднившихся съ нею и даже постороннихъ, но въ этомъ случаѣ соединеніе дѣлалось относительно *хозяйства:* собственность не принадлежала всѣмъ принятымъ (вспомнимъ выморочное наслѣдство), но общимъ было *пользованіе имуществомъ,* во время котораго, въ распоряженіяхъ по имуществу, естественно имѣли голосъ не только члены самой семьи, но и всѣ тѣ, кого она приняла въ составъ свой. Раздѣлъ же былъ всегда возможенъ, ибо постоянно дѣйствовала живая, свободная воля. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ семья являлась какъ община, имѣли голосъ не только дѣти, не только семья собственно, но и другія лица, принятыя въ семью. Но здѣсь является вопросъ: при такомъ общинномъ значеніи семьи, въ извѣстныхъ важныхъ случаяхъ, гдѣ даже

дѣти имѣли голосъ, не подрывается ли ея значеніе семейное, кровное? — Нисколько.

Семейное чувство и семейный бытъ крѣпки были, крѣпки теперь и крѣпки будутъ у славянскихъ народовъ, пока они не утратятъ своей народности. На это доказательствъ такъ много, и прошедшихъ и современныхъ, что мы не считаемъ нужнымъ на нихъ указывать. Семейное начало, конечно, было твердо и въ тѣ отдаленныя времена, о которыхъ мы говоримъ, — и было твердо оно, какъ начало чисто нравственное; оно жило въ нравственной свободѣ, въ любви, въ духѣ человѣка; оно было вполнѣ чисто у славянъ, ибо съ нимъ не связывалась выгода, ибо оно не нуждалось въ житейскихъ подпоркахъ. Да и кто мѣшалъ семейной общинѣ свободно и любовно исполнять волю отца? Изъ этого объясненія видимъ мы, какъ свято и нравственно понята была славянская семья, какъ всякій расчетъ былъ удаленъ отъ святого семейнаго чувства. Чисто нравственная, чисто духовная сила семейнаго начала (каково оно у славянъ) всего болѣе ручается за существованіе, глубину и вѣковѣчную прочность онаго. А чувство семейное и семейное начало, повторяемъ, глубоко и неразрывно соединены съ существомъ славянина.

До сихъ поръ изъ изслѣдованій нашихъ видимъ мы, что у славянъ родового быта не было, а выступаютъ опредѣленно — *семья* и *община*» (стр. 94 — 95).

Къ тому же выводу приводитъ разборъ и нашихъ русскихъ историческихъ свидѣтельствъ. Вездѣ, гдѣ въ нихъ встрѣчается слово «родъ», оно означаетъ не «родовой союзъ», а или «семью», или «рожденіе», или «пропсхожденіе» въ самомъ общемъ смыслѣ.

Сюда относятся всѣ соотвѣтствующія мѣста начальнаго лѣтописнаго свода. Въ извѣстномъ мѣстѣ о полянахъ: «*Полемъ же живущемъ особь и володѣющемъ роды своими, иже и до сее братьи бяху Поляне, и живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ*», — подъ «каждый» не слѣдуетъ разумѣть родоначальника, который владѣлъ, т. е. управлялъ своими родичами, — а подъ «родомъ» здѣсь не слѣдуетъ разумѣть предметъ владѣнія, подобно тому, какъ выраженіе «играли толпами» не означаетъ, что предметомъ игры были толпы (стр. 96—97; см. далѣе возраженіе Соловьева).

Лѣтописное выраженіе означаетъ только, что каждый полянинъ жилъ и владѣлъ вмѣстѣ съ своимъ родомъ, т. е. вмѣстѣ съ своей семьей. Несомнѣнно, «родъ» означаетъ «семью» въ лѣтописномъ сказаніи о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ. Эти три брата разселились особо каждый на своемъ мѣстѣ. Между тѣмъ три брата не могли быть тремя родоначальниками и раздѣлить родъ на-трое, — родовое устройство такого дѣлежа не допускаетъ. Если уже у каждаго изъ нихъ былъ свой собственный родъ, то значитъ только, что подъ «родомъ» здѣсь разумѣется именно семья. Въ такомъ случаѣ выраженіе лѣтописи: «Кій княжаше въ родѣ своемъ», точно такъ же получаетъ свое объясненіе помимо всякихъ предположеній о родовомъ бытѣ. Это значитъ не то, что Кій былъ старѣйшиной надъ своимъ родомъ, а только то, что Кій первый изъ своего рода сдѣлался княземъ, послѣ же него стала княжить династія его потомковъ. Здѣсь слово «родъ» опять-таки употреблено въ смыслѣ потомковъ или дѣтей

въ обширномъ смыслѣ. Есть и еще важное доказательство такого словоупотребленія рода. Лѣтописецъ приписываетъ образъ жизни отдѣльными родами однимъ полянамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ только у однихъ полянъ, по его словамъ, существовалъ бракъ. Эти два сообщенія очевидно соединены причинной связью: только у нихъ былъ бракъ, потому-то только они и жили «родами», т. е. семьями.

«Соловьевъ въ старцахъ, нѣсколько разъ упоминаемыхъ въ началѣ Несторовой лѣтописи, видитъ родоначальниковъ или князей. «По всѣмъ вѣроятностямъ, — говоритъ онъ, — сначала совѣщательный голосъ на вѣчахъ принадлежалъ однимъ старцамъ или князьямъ, младшіе же члены рода присутствовали на вѣчахъ только для принятія къ свѣдѣнію рѣшеній старческихъ. У насъ при первыхъ князьяхъ мы не видимъ вѣчей, но старцы, вмѣстѣ съ княжескими боярами, участвуютъ при всѣхъ важныхъ рѣшеніяхъ; потомъ старцы исчезаютъ, и являются вѣча общенародныя, — знакъ ослабленія родового быта въ городахъ, знакъ того, что старцы потеряли свое прежнее представительное значеніе. На участіе однихъ старцевъ въ вѣчахъ указываетъ разсказъ лѣтописца о бѣлгородскомъ вѣчѣ, бывшемъ при кн. Владимирѣ по случаю осады Бѣлгорода печенѣгами. Бѣлгородцы, не получая помощи отъ князя, созвали вѣче и рѣшились сдаться. Но одинъ старецъ не былъ на вѣчѣ, и когда узналъ о его рѣшеніи, то послалъ за городскими старѣйшинами и убѣдилъ ихъ перемѣнить опредѣленіе вѣча: здѣсь все дѣло идетъ между одними старцами, которые *одни имѣютъ власть перемѣнять рѣшенія вѣча, не созывая новаго*».

«Здѣсь явное противорѣчіе, пишетъ К. Аксаковъ. Если старцы одни участвуютъ на вѣчахъ, то нѣтъ ничего особеннаго и удивительнаго, что они перемѣняютъ свое же собственное рѣшеніе. Какого вѣча имъ созывать, когда они одни на немъ участвуютъ, и они опять собрались? Если принять послѣднія слова Соловьева, то по смыслу ихъ мы должны предположить, что на вѣчѣ участвовали и другіе, слѣдовательно, не одни старцы, что прямо противорѣчитъ первымъ его словамъ. Приходится принять либо то, либо другое. Но оставимъ Соловьеву самому разрѣшить противорѣчіе; обратимся къ примѣру, которымъ онъ подкрѣпляетъ свое мнѣніе. На вѣчѣ, при описаніи котораго лѣтопись ни слова не говоритъ о старцахъ, рѣшено было сдаться. Одинъ старецъ не былъ на вѣчѣ, спросилъ, чего ради было вѣче (створиша вѣчѣ *людье,* въ спискѣ Ипатьевскомъ), узналъ его рѣшеніе, послалъ за градскими старѣйшинами и убѣдилъ ихъ не *перемѣнить рѣшеніе вѣча,* какъ говоритъ Соловьевъ, а *отложить исполненіе на три дня.* Это совершенно измѣняетъ дѣло: это, такъ сказать, мѣра административная, а не законодательная. Да и почему знаемъ мы, что вѣче рѣшило сдаться немедленно? Оно могло и вовсе не опредѣлять срока. Потомъ въ странѣ, какова Русь, гдѣ формальности не было почти вовсе, если бы, послѣ рѣшенія вѣча, кто бы ни было придумалъ полезный совѣтъ, измѣняющій рѣшеніе вѣча, и совѣтъ этотъ сдѣлался бы извѣстенъ, то народъ, нашедши его полезнымъ, согласился бы съ нимъ, не требуя созванія новаго вѣча, соблюденія одной формы. Если народъ, имѣющій голосъ, узнавъ объ измѣненіи, до-

пуститъ оное, то это значитъ, что онъ его одобряетъ. Примѣръ бѣлгородскаго вѣча очевидно не подкрѣпляетъ Соловьева, но противорѣчитъ ему, выставляя старцевъ вовсе не тѣмъ, что онъ предполагаетъ: въ Ипатьевскомъ спискѣ (который весьма уважается) именно сказано «*людье*», что, какъ извѣстно, употребляется въ лѣтописи въ смыслѣ народа. На чемъ же основываетъ Соловьевъ мнѣніе свое, что одни старцы прежде участвовали на вѣчахъ? Неизвѣстно, — по крайней мѣрѣ мы рѣшительно этого не знаемъ. Онъ говоритъ, что старцы призывались на совѣтъ, что они участвовали въ важныхъ рѣшеніяхъ, — это правда. Есть мѣсто въ лѣтописи, гдѣ говорится, что, когда Владиміръ сталъ приносить жертвы кумирамъ, старцы и бояре сказали: «мечемъ жребій на отрока и дѣвицю». Владиміръ созываетъ старцевъ и бояръ для совѣта о вѣрѣ, созываетъ ихъ опять, когда возвращаются посланные для испытанія вѣры. Но развѣ это вѣче? Князь созываетъ *своихъ совѣтниковъ*, — похоже ли это на народное совѣщаніе? Мы совершенно согласны, что были старѣйшины въ городѣ или въ народѣ, — это можетъ быть при самомъ демократическомъ устройствѣ; что старцы пользовались уваженіемъ къ своимъ лѣтамъ, — это бываетъ всегда и вездѣ; для этого не нужно родового быта. Но чтобъ старѣйшины или старцы одни участвовали въ рѣшеніяхъ на вѣчѣ, чтобъ они имѣли права или вѣсъ, кромѣ простого уваженія, или же не какъ обыкновенные старосты, а какіе-то родоначальники, — откуда это слѣдуетъ, этого мы рѣшительно не видимъ. Напротивъ того, участіе и значеніе старцевъ даже слишкомъ маловажно. Рѣшенія старцевъ не само-

стоятельны, не важны, да и рѣшеній этихъ такъ немного. Не старцы призываютъ Рюрика, не старцы шлютъ пословъ къ Ольгѣ; мы не говоримъ уже о болѣе позднѣйшихъ проявленіяхъ народной воли, которыя и Соловьевъ считаетъ народными, начиная съ вѣча, созваннаго Ярославомъ. Для поясненія отношеній старцевъ обратимся къ современному русскому народу — къ крестьянскому быту. У нашихъ крестьянъ есть: общая сходка и сходка стариковъ. Общая сходка собирается въ дѣлахъ наиболѣе важныхъ, другая — въ дѣлахъ менѣе важныхъ (преимущественно по разбору жалобъ и т. п.). Эти *старики* (такъ они называются) и эта общая сходка могутъ имѣть соотвѣтствіе со старцами и вѣчемъ. Старцы *созываются* обыкновенно княземъ. Сходка стариковъ тоже *созывается* помѣщикомъ *) или кѣмъ бы то ни было (даже и самими крестьянами, если имъ будетъ угодно); общая сходка можетъ быть созвана, можетъ и *сама* собраться въ какихъ-нибудь случаяхъ для рѣшенія; но невозможно, чтобы *сами* собрались старики и объявили свое рѣшеніе всѣмъ остальнымъ» (стр. 102—104).

Въ полномъ согласіи съ лѣтописью о томъ же семейномъ, а не родовомъ бытѣ свидѣтельствуетъ и древнѣйшій юридическій сборникъ — Русская Правда. Здѣсь весьма важны статьи о родственной мести и порядкѣ наслѣдованія. Перечисляя законныхъ мстителей, Русская Правда ясно очерчиваетъ предѣлы семьи, а не рода; братъ, отецъ, сынъ, племянникъ съ братниной или сестриной стороны — вотъ

---

*) Здѣсь слѣдуетъ имѣть въ виду время написанія статьи К. Аксакова (1852 г.). *Ред.*

всѣ законные мстители. Ни изъ чего не видно, чтобы это были лишь остатки прежняго, болѣе обширнаго круга мстителей, обнимавшаго цѣлый рядъ и затѣмъ уже суженнаго до предѣловъ семьи. Тотъ же чисто семейный союзъ вскрывается и въ статьяхъ о наслѣдствѣ. По Русской Правдѣ, наслѣдство смерда, какъ скоро у него нѣтъ дѣтей, переходитъ къ князю, считается, слѣдовательно, выморочнымъ, если нѣтъ сыновей, а есть дочери, то дочерямъ незамужнимъ выдается часть. Наслѣдство боярина, въ противоположность наслѣдству смерда, не идетъ за князя и тогда, когда нѣтъ сыновей, а есть однѣ дочери. Итакъ, вся разница въ пользу дочерей, и наслѣдство остается въ предѣлахъ только семьи, дѣтей, при отсутствіи которыхъ идетъ за князя, считается выморочнымъ. Свидѣтельство Русской Правды ясно указываетъ на семью и опровергаетъ родовой бытъ. Наконецъ, помимо свидѣтельства историческихъ памятниковъ, къ тѣмъ же выводамъ могутъ привести данныя народнаго обычая и языка.

«Новобрачныхъ называютъ у насъ и до сихъ поръ князь и княгиня. Соловьевъ видитъ въ этомъ доказательство своей мысли, «потому что, вступая въ бракъ, они становятся домовладыками, начальниками особаго, имѣющаго произойти отъ нихъ рода» (какъ будто домовладыка и родоначальникъ одно и то же). Если есть родовое устройство, то новая семья, являющаяся въ роду, не можетъ быть новымъ родомъ, и молодые супруги — родоначальниками; иначе каждая новая семья отдѣлялась бы отъ рода и составляла особый родъ, а молодымъ пришлось бы быть родоначальниками будущихъ родоначальниковъ, ибо дѣти ихъ также могутъ

вступить въ брачный союзъ, дававшій наименованіе князя и княгини. Если же это такъ, если всякая семья есть новый родъ, то гдѣ же родъ самый, какъ понимаютъ его гг. защитники родового быта? Его нѣтъ: предъ нами отдѣльныя семьи, каждая сама по себѣ. Итакъ, наименованіе новобрачныхъ княземъ и княгиней, что бы оно ни значило, очень явственно противорѣчитъ мнѣнію о родовомъ бытѣ...

Извѣстенъ и досель въ полной силѣ существующій обычай въ Россіи всякаго называть отчествомъ, именемъ отца; это видимъ и въ глубокой древности. Но въ то же время, при необходимости названія по отцу, мы рѣшительно не видимъ въ древности названія по *роду:* родовыхъ прозвищъ нѣтъ. Ихъ нѣтъ и теперь у народа, у крестьянъ, сохранившихъ древній свой бытъ. Исключенія чрезвычайно рѣдки и легко объясняются вліяніемъ такъ называемыхъ образованныхъ классовъ. У крестьянъ есть личныя прозвища · ихъ видимъ и въ древности — и только. Необходимость названія по отцу и отсутствіе названія по роду рѣшительно указываютъ, съ одной стороны, на силу начала и быта семейнаго, съ другой — на отсутствіе начала, а вмѣстѣ съ тѣмъ и быта родового.

Русскій народъ, такъ богато обставившій словами всѣ отношенія семейныя (деверь, золовка, невѣстка, шуринъ и пр.), не имѣетъ слова для grand oncle или petit neveu. Здѣсь, какъ видно, для него уже кончались предѣлы родства. Вмѣсто cousin употребляетъ народъ составное слово: *братъ двоюродный,* т. е. двухъ родовъ» (стр. 109). «Что значитъ *двоюродный?* Здѣсь мы легко открываемъ двойное число: *двою роду,* то-есть: *двухъ родовъ;* итакъ, двоюродный братъ зна-

читъ братъ *двухъ родовъ*, то-есть *двухъ семей*. Братъ родной значитъ братъ одной семьи, односемейный; братъ двоюродный — братъ двухъ семей, двусемейный, что такъ и есть» (стр. 102). «Чтобы опредѣлить односемейнаго брата, говоритъ онъ: *братъ родной*, это было бы очень недостаточно, если бъ слово родной имѣло общее значеніе рода; очевидно, что это значитъ: братъ семьи, то-есть одной семьи (одного рода). Это объясняется выраженіемъ: братъ двоюродный, братъ двухъ родовъ, двухъ семей. А *родня?* — скажутъ намъ. Родня означаетъ единство происхожденія; кромѣ того, слово это могло означать родство семейное. Но мы употребляемъ слово родня въ болѣе обширномъ смыслѣ? Да; но это употребляемъ мы, классы преобразованные, — это уже наше дѣло, — и все-таки родня не имѣетъ у насъ значенія, придаваемаго роду послѣдователями Эверса *). Родство означаетъ у насъ родственныя связи, которыя всегда и вездѣ имѣютъ мѣсто. О самомъ словѣ родъ надобно сказать, что въ современномъ языкѣ нашего преобразованнаго общества родъ употребляется въ болѣе обширномъ и вмѣстѣ неопредѣленномъ генеалогическомъ смыслѣ; но даже и здѣсь не значитъ онъ совокупности родичей, не значитъ *колѣна*: это патріархальное значеніе придано ему нашими учеными. Родовыя понятія, если они есть у насъ (въ нашемъ преобразованномъ обществѣ), — явленіе позднѣйшее.

---

*) Дерптскаго профессора, перваго провозвѣстника у насъ теоріи родового быта, который въ 1826 г. издалъ на нѣмецкомъ языкѣ сочиненіе «Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи», оказавшее огромное вліяніе на Соловьева и опредѣлившее его взгляды на древнѣйшій русскій бытъ. *Ред.*

Выраженія: *въ родъ и родъ* и *въ роды и роды, изъ рода въ родъ* опять противорѣчатъ взгляду гг. послѣдователей Эверса. Эти выраженія показываютъ рядъ семей, и такъ какъ здѣсь говорится вообще, то родъ и принимается въ смыслѣ поколѣнія (генераціи).

Соловьевъ думаетъ, что слово племя употреблялось для означенія родовыхъ линій. Итакъ, племя есть подраздѣленіе рода, относится къ роду, какъ часть къ цѣлому, какъ нѣчто къ болѣе широкому, ибо Соловьевъ говоритъ: «единство рода, связь *племенъ* поддерживалась единымъ родоначальникомъ». Слѣдовательно, родоначальникъ былъ начальникъ одного рода и нѣсколькихъ племенъ. Но мы не можемъ согласиться съ такимъ опредѣленіемъ племени. По крайней мѣрѣ употребленія словъ рода и племени показываютъ, что, напротивъ, родъ имѣлъ значеніе болѣе тѣсное, а племя — болѣе широкое. Самое выраженіе: *родъ-племя; ни роду, ни племени* — показываетъ это. Если бы *племя* было частью рода, то, сказавши, что нѣтъ роду, вовсе не было нужды прибавлять, что нѣтъ племени. Слѣдовательно, племя понимается въ обширнѣйшемъ значеніи, и въ выраженіи: *ни роду, ни племени,* это такъ ощутительно, что всякій русскій иначе и не пойметъ; другими словами, выраженіе это значитъ: не только нѣтъ роду, но и племени. Это еще видиѣе въ постановленіяхъ церковныхъ о бракѣ: «ни въ роду, ни въ племяни», и въ вѣнечныхъ памятяхъ также: «и ты бъ про нихъ обыскалъ, чтобъ ни въ роду, ни въ племяни, ни въ кумовствѣ, ни въ сватовствѣ», или же: «чтобъ ни въ роду, ни въ племяни, ни въ крестномъ братствѣ, ни третьимъ бракомъ». Здѣсь ясно видно, что если бы племя имѣло болѣе тѣсное

значеніе, чѣмъ родъ (а оно, по мнѣнію Соловьева, есть отдѣлъ рода), то не нужно было бы его и упоминать, — достаточно было сказать «въ роду»; но здѣсь упомянутъ родъ, и, сверхъ того, упомянуто *послѣ* рода племя. Очевидно, что оно имѣло болѣе широкое значеніе: поэтому запрещалось жениться не только въ роду, но и въ племени. Гдѣ же оканчивался родъ? Тамъ, гдѣ начиналось племя; а племя начиналось близко: дѣти брата или сестры уже были *племянниками*. Въ русскихъ пѣсняхъ тетка называетъ племянницу: ты послушай, мое племячко. Итакъ, это слово «племя» опредѣляетъ границы рода, границы семейныя, въ отношеніи ихъ къ другому родственному роду, какъ къ родственной семьѣ. Особеннаго родового какого-нибудь значенія племя у насъ не имѣетъ, и самое слово встрѣчается не часто, такъ что не на немъ основано зданіе родового быта нашими учеными.

Мы полагаемъ (на основаніи вышеприведенныхъ доказательствъ), что *родъ* въ собственномъ, опредѣленномъ значеніи значитъ *семью*. Какое же значеніе имѣетъ слово семья? Мы думаемъ (такъ же какъ и Соловьевъ), что семья происходитъ отъ сониматься, но выводимъ изъ этого словопроизводства не значеніе супруга и супруги (какъ выводитъ онъ), а другое. По мнѣнію нашему, семья, происходя отъ сонимать, сониматься, согласно и съ другими подобными производствами, означаетъ *союзъ, соймъ, сеймъ, снемъ*. Это слово ясно указываетъ на общинный характеръ, который имѣла у насъ семья: оно выражаетъ такъ ощутительно общинную сторону семьи. Въ подтвержденіе словъ нашихъ приведемъ изъ Судебника Ивана IV упо-

требленіе слова семья: «и въ обыскахъ многіе люди лжутъ семьями и заговоры, великими»; такъ же: «чтобы семьями и заговоры стакався въ обыскахъ, не по дѣломъ не говорили»; такъ же: «кто семьями и заговоры въ обыскахъ говорятъ неправду»; такъ же: «и не учнутъ къ государю на тѣ семьи и заговоры отписывати». Здѣсь семья поставлена рядомъ съ заговоромъ: очевидно, семья употреблена въ значеніи согласія, стачки, союза. Въ подтвержденіе этому, въ одномъ изъ списковъ Судебника поставлено вмѣсто семьи — *артели*. Археографическая комиссія ставитъ подлѣ этого слова знакъ вопроса; но, по нашему мнѣнію, такое замѣненіе вполнѣ понятно и многое объясняетъ. Примѣры, нами приведенные, кажется, достаточно подтверждаютъ то, что семья означаетъ собраніе, сеймъ или соймъ, выражая такимъ образомъ общинную свою сторону, что такъ согласно со всѣми извѣстіями, приведенными выше» (стр. 110 — 112).

Среди явленій древне-русской жизни есть только два, «гдѣ сколько-нибудь (хотя не въ томъ видѣ, какъ желаютъ гг. послѣдователи Эверса) можно отыскать слѣды родового начала. Это родъ Рюриковъ, съ его спорами о правахъ, и мѣстничество. И оба явленія — не туземныя, по крайней мѣрѣ въ основаніи: родъ Рюриковъ — призванный; мѣстничество было у людей, наслѣдниковъ княжой дружины, пополнявшейся пришлецами. И въ обоихъ явленіяхъ земля или народъ (настоящіе туземцы) не принималъ никакого участія» (стр. 108). «Какимъ же образомъ мѣстничество, замѣчаетъ Аксаковъ, въ которомъ (хотя едва ли справедливо) находятъ слѣдъ родового начала, но въ которомъ есть хотя начало

родословное, — мѣстничество было только у бояръ, у потомковъ дружины, наслѣдниковъ ея духа и устройства, и наконецъ у людей служилыхъ, *государевыхъ*, а земля, народъ, все, что внѣ дружины, его и не знали? — Это обстоятельство также говоритъ сильно противъ мнѣнія гг. защитниковъ родового быта».

Уже приведенныя выше свидѣтельства древнихъ, пѣсня о судѣ Любуши, наконецъ, устройство самой семьи показали намъ, какъ семейный бытъ соединялся съ бытомъ общиннымъ, съ существованіемъ народной общины, имѣвшей самостоятельный, свободный голосъ. Къ этимъ указаніямъ можно присоединить рядъ другихъ, представляемыхъ лѣтописнымъ повѣствованіемъ. Въ лѣтописи встрѣчаемъ рядъ политическихъ событій, въ которыхъ принимаютъ участіе вся земля, весь народъ. Въ договорахъ съ греками посольство правится отъ великаго князя, князей, бояръ, купцовъ и всей земли. Бытъ вполнѣ общественный, прямо противорѣчащій родовому началу. Въ разсказѣ объ отношеніяхъ Игоря къ древлянской землѣ выступаютъ всѣ древляне, вся древлянская земля: «*Деревляне сдумавше* со княземъ своимъ Маломъ...» «посла ны дерьвьска земля» — говорятъ древлянскіе послы. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ дальнѣйшемъ повѣствованіи выступаетъ кіевское вѣче, заявляющее князьямъ свою самостоятельную волю, мы должны видѣть указаніе на народную общину. Здѣсь дѣйствуютъ «всѣ кіяне», собраніе всѣхъ безъ различія свободныхъ людей, которое разумѣлъ и Святополкъ съ Владимиромъ, когда въ 1096 г. послали сказать Олегу: «поиди Кыеву, да порядъ

положимъ о русьстѣй земли предъ епископы, и предъ игумены, и предъ мужи отець нашихъ, и предъ людми градьскыми, да быхомъ оборонили русьскую землю отъ поганыхъ». Наконецъ, кромѣ отдѣльныхъ конкретныхъ фактовъ, лѣтопись даетъ намъ и общее наблюденіе о господствѣ въ древней Руси общиннаго быта въ слѣдующихъ въ высшей степени важныхъ и замѣчательныхъ словахъ: «Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти (т. е. волости, земли), якоже на думу, на вѣча сходятся, на что же старѣйшіи сдумаютъ, на томь же пригороди стануть». Эти слова указываютъ прямо на общинное устройство во всей русской землѣ.

«Изъ изслѣдованій нашихъ выводимъ заключеніе: русская земля есть изначала наименѣе патріархальная, наиболѣе семейная и наиболѣе общественная (именно общинная) земля» (стр. 123).

Статья К. Аксакова, изъ которой заимствовано приведенное выше изложеніе, вызвала замѣчанія Соловьева въ одномъ изъ примѣчаній къ первому тому второго изданія его *Исторіи Россіи*. Не упоминая имени Аксакова, Соловьевъ рѣшительно и рѣзко оспариваетъ доводы своего оппонента, не уступая ему ни одной черты своей теоріи. Соловьевъ начинаетъ это примѣчаніе объясненіемъ значенія слова *князь* и помѣщаетъ въ той части своего текста, которая приведена у насъ на страницѣ 10. Приводимъ названное примѣчаніе цѣликомъ, какъ весьма необходимое для уясненія основныхъ оттѣнковъ въ борьбѣ представителей теоріи родового и общиннаго

быта въ первоначальной формѣ (стр. 50 — 53 перваго тома по изд. товарищества «Общественная Польза»).

«Слово *князь* или *конязь*, пишетъ Соловьевъ, происходитъ отъ корня *конъ* — предѣлъ, граница, вершина, начало; корень же *кон* есть санскритскій — *джан* — рождать, и *князь* въ санскритскомъ имѣетъ себѣ соотвѣтственные: *джанака, джанатри*, откуда латинское *genitor*. (См. изслѣдованіе Ѳ. И. Буслаева. «О вліяніи христіанства на слав. языкъ», стр. 164). — Отсюда древнее названіе новобрачныхъ *князь* и *княгиня*, потому что, вступая въ бракъ, они становятся домовладыками, начальниками особаго, имѣющаго произойти отъ нихъ рода. Что старшины родовъ назывались у насъ до прихода варяговъ князьями, о томъ есть ясное свидѣтельство у лѣтописца, напр.: «Се Кій княжаше въ родѣ своемъ... И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ». «Наши князи добри суть, иже распасли суть деревьску землю». Слово: *князь* — имѣетъ значеніе родовое, означаетъ старшаго въ родѣ, родоначальника, отца *семейства*. Этимъ *лексикоппымъ* опредѣленіемъ слова нѣкоторые возражатели (*читай: Аксаковъ*) воспользовались для того, чтобы обвинить меня въ смѣшеніи рода и семьи! Но прежде, подъ предлогомъ смѣшенія, возражатели должны были объявить непозволительнымъ всякое объясненіе слова сопоставленіемъ нѣсколькихъ близкихъ другъ къ другу, по значенію, словъ. Если бъ означенное лексиконное объясненіе слова *князь* было единственнымъ мѣстомъ, въ которомъ бы я высказалъ свои понятія о родѣ, то, конечно, для отстраненія всѣхъ возможныхъ придирокъ, я измѣнилъ бы

это мѣсто; но если сами возражатели признаются, что въ дальнѣйшемъ разсужденіи моемъ «семья и родъ различены ясно» (см. у Аксакова I, стр. 70 и 71 по изд. М. 1889), то я не считаю себя обязаннымъ дѣлать подобныя измѣненія. Далѣе у меня сказано: «Правда, что въ бытѣ родовомъ отецъ семейства есть вмѣстѣ и правитель, надъ которымъ нѣтъ высшей власти». Возражатель (читай опять: Аксаковъ и т. д.) говоритъ, что «здѣсь, для устраненія противорѣчія, мы должны разумѣть подъ отцомъ семейства родоначальника; иначе, если бъ надъ каждымъ отцомъ семейства не было высшей власти, то родоначальникъ, въ родѣ котораго должно быть не одно семейство, не имѣлъ бы никакого смысла» (Аксаковъ I, 68 — 69). Но зачѣмъ же возражатель не потрудился выписать всей статьи, къ которой относится упомянутое мѣсто? — тогда бы каждый читатель увидѣлъ, что здѣсь нѣтъ ни смѣшенія, ни противорѣчія, что здѣсь именно говорится объ отцѣ семейства, а не о родоначальникѣ, — объ отцѣ семейства, который былъ правителемъ внутри собственной семьи, имѣлъ право надъ жизнью и смертью своихъ дѣтей, право, при пользованіи которымъ надъ нимъ не было высшей власти, — власти родоначальника.

Возражатель имѣетъ свое понятіе о родовомъ бытѣ; онъ говоритъ (I, 81), что «любовь дѣтей къ родителямъ не можетъ являться во всей чистотѣ и силѣ, когда, кромѣ отца, есть другой, верховный отецъ, патріархъ всего рода». Этого мы уже никакъ понять не можемъ, не можемъ понять, почему дѣти Мономаха не могли сохранять любви къ отцу своему во всей чистотѣ, когда старшимъ въ родѣ счи-

тался двоюродный дядя ихъ Святополкъ Изяславичъ. По мнѣнію возражателя выходитъ, что въ нашихъ семьяхъ дѣти не могутъ какъ должно любить отца при существованіи дѣда! Такъ отрѣшенно отъ всякой дѣйствительности составленныя положенія рушатся при первомъ появленіи живого событія, живыхъ отношеній. Такъ же составилось положеніе возражателя, что «при родовомъ устройствѣ, гдѣ каждый родъ живетъ особо, никакая община не возможна», никакое общее совѣщаніе не возможно (I, 83); изъ этого положенія прямо слѣдуетъ, что между отдѣльными независимыми государствами невозможно никакое общее совѣщаніе, конгрессъ. Такъ же составилось положеніе возражателя, что если предположить сходку «въ отдѣльномъ родѣ, то тогда совершенно уничтожается родовое устройство» (I, 84): мы видимъ съѣзды, совѣщанія князей — родичей, принадлежащихъ къ одному роду, — и родовыя отношенія между ними отъ того не рушатся.

Для объясненія родового устройства я привелъ извѣстную старую чешскую пѣсню о Любушиномъ судѣ. Возражатель (I, 87—88) говоритъ, что здѣсь «судебный вопросъ этотъ былъ не родовой, а чисто *семейный*... на сценѣ *семья*, выдѣлившаяся изъ рода, а рода нѣтъ». Умираетъ отецъ, оставляетъ двоихъ сыновей, законъ принуждаетъ обоихъ братьевъ владѣть нераздѣльно отцовскимъ имуществомъ, — и здѣсь возражатель видитъ вопросъ семейный, а не родовой. Что же, по его мнѣнію, будетъ семья, и что родъ? до какихъ поръ будетъ простираться семья, и гдѣ долженъ начинаться родъ? Если братья по смерти отца составляютъ семью, а не родъ, то это все равно, что назвать зеленое желтымъ, и

утверждать, что зеленаго нѣтъ. Возражатель самъ чувствовалъ невыгоду своего положенія, и потому долженъ былъ прибѣгнуть къ натяжкѣ. «Но, скажутъ намъ: тутъ рѣчь идетъ просто о томъ, говоритъ онъ, что всѣ дѣти наслѣдуютъ отцу и что *въ первую минуту наслѣдованія* они всѣ вмѣстѣ владѣютъ наслѣдствомъ, что потомъ не мѣшало имъ послѣ выдѣляться». Но откуда взялась эта *первая минута?* гдѣ о ней говорится? За натяжкою слѣдуетъ неправильное толкованіе текста пѣсни: возражатель говоритъ, что братьямъ «Любуша предлагаетъ или общее владѣніе или ровный раздѣлъ» — оба по старому закону, закону вѣкожизненныхъ боговъ; но Любуша говоритъ: рѣшите по закону вѣкожизненныхъ боговъ, владѣть имъ сообща наслѣдствомъ или раздѣлиться поровну? Если старый законъ говорилъ и то и другое, то нечего было бы и рѣшать, а просто отдать на выборъ тяжущимся; Любуша должна была бы сказать тогда только: «вотъ что говоритъ законъ!» Ясно, что снемъ не имѣлъ права одному положенію закона давать преимущество передъ другимъ, когда оба предлагались на выборъ. Кромѣ стараго закона, Любуша придумала еще новое средство рѣшить споръ ровнымъ раздѣленіемъ наслѣдства и предлагаетъ снему рѣшить, что лучше. Но намъ не нужно вдаваться ни въ какія разсужденія, ибо одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ пѣснѣ, Ратиборъ, цитуетъ намъ этотъ старый законъ: по нему дѣти должны сообща владѣть имѣніемъ, — о раздѣлѣ ни слова.

Что же касается явленій, приводимыхъ изъ позднѣйшаго времени, изъ времени послѣ Рюрика въ Россіи, послѣ основанія государствъ вообще у сла-

вянскихъ народовъ, то эти явленія не идутъ къ нашему вопросу, ибо *я признаю полное господство родового быта только до половины IX вѣка,* а послѣ являются условія, которыя нарушаютъ эту полноту. *Нарушаютъ полноту,* говорю, и только: ибо и послѣ Рюрика явленія изъ родового быта такъ могущественны въ русской исторіи, что должны быть поставлены на первое мѣсто; таково, напримѣръ, господствующее явленіе въ древней нашей исторіи — родовыя княжескія отношенія. Какъ же разсуждаетъ о нихъ возражатель? Вотъ какъ: «замѣчательно, что если гдѣ можно, *хотя отчасти (!!)* найти родовое устройство, такъ это въ родѣ Рюриковомъ, призванномъ, не туземномъ». Итакъ, по мнѣнію возражателя, родовыя княжескія отношенія были у насъ явленіемъ не славянскимъ, а варяжскимъ, т. е. скандинаво-германскимъ; но въ такомъ случаѣ возражателю слѣдовало начать вопросъ именно съ этого, показать прежде всего господство родового быта у скандинаво-германскихъ племенъ и отвергнуть его у славянскихъ. Но любопытнѣе всего здѣсь то, что возражатель писалъ свои возраженія тогда, когда статья моя «О родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ у западныхъ славянъ» (въ сборникѣ «Комета» 1851 г.) была давно уже извѣстна; возражатель однако заблагоразсудилъ умолчать о ней, — заблагоразсудилъ умолчать о томъ, что такія же родовыя княжескія отношенія существовали у другихъ славянскихъ народовъ, а у другихъ иноплеменныхъ народовъ не существовали! «Неужели можно сдѣлать такое предположеніе, — говоритъ возражатель (I, 108), — что родовое начало, привившись къ Рюрикову роду, исчезло совершенно изъ русской земли? — Несообраз-

ность такого предположенія очевидна» (стр. 108). Но кто же говоритъ, что оно исчезло? Въ мѣстничествѣ оно очевидно, ибо голословное, въ скобкахъ поставленное выраженіе: «хотя едва ли справедливо» (см. выше на стр. 45) — ни для кого не можетъ имѣть силы. Кто знакомъ съ источниками нашей древней исторіи, съ лѣтописями, тотъ знаетъ, что это — лѣтописи княжескія, говорящія преимущественно, исключительно почти о княжескихъ отношеніяхъ, отъ которыхъ зависѣла судьба страны; даже о вельможескихъ отношеніяхъ изъ лѣтописей мы почти ничего узнать не можемъ; подробности вельможескихъ отношеній, мѣстничества, мы узнаемъ изъ особеннаго позднѣйшаго источника, — изъ книгъ разрядныхъ. Но если о родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ мы узнаемъ изъ лѣтописей, ибо отъ этихъ отноше ній зависѣла судьба страны; если родовыя отношенія людей служилыхъ записаны въ разрядныхъ книгахъ, ибо эти отношенія имѣли близкую связь съ государственнымъ интересомъ, съ государственною службою: то въ какихъ лѣтописяхъ и въ какихъ разрядахъ мы найдемъ подробности о бытѣ, о родовыхъ отношеніяхъ остального народопаселенія? Изъ отсутствія же источниковъ, въ которыхъ мы могли бы видѣть подробности быта остального народонаселенія, имѣемъ ли право заключать, что здѣсь тѣхъ или другихъ отношеній не было?

О дорюриковскомъ родовомъ бытѣ восточныхъ славянъ самое ясное указаніе находимъ въ извѣстныхъ словахъ лѣтописца: «Живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстѣхъ, владѣюще кождо родомъ своимъ». Возражатель, отвергающій родовой бытъ, объясняетъ эти выраженія такъ, *что родомъ*

своимъ будетъ отвѣчать не на вопросъ: *чѣмъ?* а на вопросъ: *какъ?* и приводитъ два примѣра: они играли толпами, пришли всѣмъ народомъ. Но, во-первыхъ, въ приведенныхъ примѣрахъ глаголы *играть* и *притти* имѣютъ среднее значеніе, какого не можетъ имѣть глаголъ владѣть у лѣтописца: каждый полянинъ владѣлъ (какъ?) родомъ, но чѣмъ же онъ владѣлъ? Во-вторыхъ, любопытнѣе всего здѣсь то, что возражатель, желая опровергать родовой бытъ, доказываетъ его: онъ говоритъ, что по словамъ лѣтописца, поляне «владѣли (безъ предмета владѣнія) цѣлыми своими отдѣльными родами, *по родамъ, каждый родъ самъ по себѣ*», «каждый владѣлъ не одинъ, а цѣлымъ родомъ совокупно». Но если поляне владѣли по родамъ, каждый родъ самъ по себѣ, каждый владѣлъ цѣлымъ родомъ совокупно, если каждый родъ составлялъ отдѣльное совокупное *владѣніе*, то, спрашивается, какой же можетъ быть здѣсь другой бытъ, кромѣ родового? Да воспользуются этимъ урокомъ тѣ, которые стараются сдѣлать спорнымъ предметъ, не допускающій спора!

Доказательство противъ родового быта возражатель находитъ въ преданіи о трехъ братьяхъ, строителяхъ Кіева, ибо здѣсь говорится, что братья жили на разныхъ мѣстахъ «всѣ трое жили особо, на своихъ мѣстахъ» (I, 97). Мы согласились бы еще съ возражателемъ насчетъ раздѣльности братьевъ, если бъ одинъ жилъ на Деснѣ, а другой на Припети; но никакъ не согласимся потому только, что одинъ жилъ на Щековицѣ, а другой на Хоревицѣ, ибо никакъ не думаемъ, чтобы для поддержанія родового единства всѣ родичи должны были жить рядомъ въ одномъ домѣ, который, при многочислен-

ности членовъ рода, долженствовалъ быть чѣмъ-нибудь въ родѣ хрустальнаго дворца.

По мнѣнію возражателя, употребляемое въ лѣтописи слово *родъ* означаетъ *семью;* онъ говоритъ: «Въ значеніи современной совокупности живыхъ родичей, въ духѣ родового быта, предполагаемаго послѣдователями Эверса, или, другими словами, въ значеніи *колѣна*,— слово родъ не употребляется» (стр. 100—101). Въ отвѣтъ раскроемъ лѣтопись: подъ 1148 годомъ Изяславъ Мстиславичъ говоритъ *двоюродному* брату своему Ростиславу Юрьевичу: «мнѣ дай Богъ васъ, *братью свою*, всю имѣти и весь *родъ* свой въ правду, аки и душу свою». Здѣсь Изяславъ *родомъ* своимъ называетъ современную совокупность всѣхъ живыхъ родичей своихъ, всѣхъ князей — Ярославичей, противополагая эту совокупность ближайшимъ Мономаховичамъ, которыхъ называетъ братьею своею.

Возражатель не хочетъ согласиться и съ опредѣленіемъ слова *племя*, какъ подраздѣленіемъ рода; по мнѣнію возражателя, *племя* имѣетъ обширнѣйшее значеніе, чѣмъ родъ, чему доказательствомъ служитъ позднѣйшее выраженіе: *ни роду — ни племени*. Но когда дѣло идетъ о древнемъ бытѣ, о древнихъ понятіяхъ, то слова должны быть принимаемы въ томъ значеніи, какое они имѣли въ старину, а не въ томъ, какое имѣютъ теперь, ибо извѣстно, какъ слова перемѣняютъ значеніе. Мы видѣли, что Изяславъ Мстиславичъ *родомъ* своимъ называетъ совокупность всѣхъ родственниковъ, всѣхъ Ярославичей; но когда нужно было изъ этого рода назвать различныя линіи, противополагая ихъ одна другой, напримѣръ, Мономаховичей Ольговичамъ, то упо-

треблялось слово *племя*. Напр., подъ 1140 годомъ новгородцы говорятъ Всеволоду Ольговичу: «Не хочемъ сына твоего, ни брата, ни племени вашего, но хочемъ племени Володимеря». Возражатель на томъ основаніи, что въ извѣстномъ выраженіи: «ни роду — ни племени», племя стоитъ послѣ рода, заключаетъ, что оно должно имѣть значеніе обширнѣйшее; но мы представимъ ему изъ начала XV вѣка примѣръ, гдѣ племя стоитъ прежде рода: «А кто ли почнетъ въступатися въ таа дѣла въ монастырская, или мірьскый человѣкъ почнетъ чего взыскивати умершаго черньца, *или племя или родъ* общежителева, а тѣмъ того не искати» (Акты Истор. I, № 24). Въ нѣкоторыхъ памятникахъ XV же вѣка *племя* употребляется исключительно въ значеніи рода, родства, отчего является выраженіе: *ближнее племя; племянникъ* означаетъ просто родственника (Псковская Судная грам.). Когда два слова, не исчезая изъ языка, теряютъ свое прежнее различіе, начинаютъ употребляться одно вмѣсто другого, то бываетъ, что они складываются другъ съ другомъ, составляютъ двойственныя слова съ однимъ значеніемъ, какъ: «*родъ — племя*», «*травка — муравка*». Примѣръ употребленія сложнаго слова *родъ — племя*: «У Ивашки у Жоглова родъ племя» (Крымскія дѣла, № 1, стр. 116). Не должно забывать настоящаго значенія слова *племя*, съ которымъ употребляется теперь оно: это приплодъ. Извѣстное выраженіе: оставить на *племя;* отсюда понятно, почему въ древнихъ памятникахъ *племя* означаетъ въ родѣ линіи рядъ нисходящихъ отъ извѣстнаго члена рода, его приплодъ, такъ сказать; ясно также, почему въ извѣстномъ выраженіи «ни роду — ни племени» племя

поставлено позади рода: чѣмъ больше родъ, тѣмъ больше силы и чести, по старымъ понятіямъ; чѣмъ меньше родъ, тѣмъ человѣкъ бѣднѣе, безпомощнѣе; человѣкъ самый бѣдный и несчастный есть тотъ, у котораго нѣтъ не только рода, обширнаго круга родственниковъ разныхъ степеней, но даже нѣтъ близкихъ, нѣтъ племени.

Наконецъ, возражатели хотятъ найти спасеніе въ выраженіи: *двоюродный братъ*, т. е. братъ двухъ родовъ, при чемъ родъ долженъ означать семью. Но пусть возражатели найдутъ это выраженіе въ какомъ-нибудь древнемъ памятникѣ; это слово позднѣйшее, ибо при господствѣ родового быта, въ древнее время, всѣ — и двоюродные, и троюродные, и т. д. — братья называются просто: братья по единству рода; общество, въ языкѣ котораго находимъ такое явленіе, есть общество родовое.

IV. ТЕОРІЯ РОДОВОГО БЫТА ВЪ ПОЗДНѢЙШЕЙ ПЕРЕРАБОТКѢ.

(А. П. Никитскій. «Очеркъ внутренней исторіи Пскова». Спб. 1873).

Представленія о древнемъ бытѣ Россіи *) распадаются, главнымъ образомъ, на два направленія, двѣ школы: объективную и субъективную. Первая изъ нихъ, главою которой является Соловьевъ и которая нашла продолжателя въ Чичеринѣ, утверждаетъ, что въ древнѣйшее время на Руси господствовалъ естественный, кровный родъ, подобный тому, какой представляется намъ князьями Рюрикова дома, и въ этомъ утвержденіи доходитъ до парадоксальнаго положенія, отрицающаго въ древней Руси даже простое существованіе естественной семьи: семьи патріархальная жизнь не знаетъ, а знаетъ только родъ.

Субъективная школа, обязанная своимъ началомъ критическому уму К. Аксакова и имѣвшая талантливаго, хо́тя, въ смыслѣ школы, и непослѣдовательнаго представителя въ Костомаровѣ, на ко-

---

*) Въ предлагаемомъ изложеніи заимствованія сдѣланы изъ введенія къ книгѣ Никитскаго, озаглавленнаго *Взглядъ на родовой бытъ въ древней Руси* и первоначально появившагося въ № 8 «Вѣстника Европы» за 1870 г. *Ред.*

тораго поэтому и не могутъ быть строго распространяемы особенности субъективной школы, ударилась въ противоположную сторону и отрицанію всякой собственно общественной (не кровной) связи въ свою очередь противоставила подобное же рѣшительное отрицаніе связи родовой: рода древнерусская жизнь не знала, ибо родомъ въ древности называлось не что иное, какъ семья. И хотя, вопреки этому утвержденію, самаго существованія семьи у всѣхъ древнерусскихъ племенъ, за исключеніемъ полянъ, субъективная школа тоже страннымъ образомъ не признала, тѣмъ не менѣе, въ ея дальнѣйшей теоріи, семьи, слагаясь въ высшія единицы, образуютъ общины, которыя отъ обыкновеннаго государства отличаются существенно тѣмъ, что представляютъ собою воплощеніе внутренней правды: демократическая община — вотъ характеристическій типъ древнерусскаго общественнаго строя.

Противоположныя утвержденія, въ которыя характеристично впали обѣ стороны — и объективная и субъективная, стремилась примирить и сгладить смѣшанная теорія Кавелина*) и Тюрина. Къ сожалѣнію, избранный для этого путь привелъ не къ желанному примиренію и соглашенію, а только къ соединенію заблужденій первыхъ двухъ школъ въ третьей: ибо смѣшанная теорія, воспользовавшись

---

*) Авторъ здѣсь особенно имѣетъ въ виду извѣстную статью Кавелина *Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи*, появившуюся въ первой книжкѣ *Современника* за 1847 г. и перепечатанную въ I томѣ *Сочиненій К. Кавелина:* см. стр. 321—327. Срв. выше примѣчаніе на стр. 23. Тюрину, котораго затѣмъ упоминаетъ Никитскій, принадлежитъ книга *Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси*. Спб. 1850. *Ред.*

совершенно внѣшнимъ средствомъ, рядомъ съ естественнымъ, кровнымъ родомъ, признаннымъ ею за низшую единицу общежитія, поставила, какъ высшее цѣлое, чисто политическую общину. Но противорѣчія примиряются и побѣждаются не сопоставленіемъ ихъ рядомъ или другъ надъ другомъ, а отысканіемъ новаго начала, способнаго все примирить, все сгладить. Такимъ всепримиряющимъ началомъ, способнымъ очистить патріархальную теорію отъ ея внутреннихъ противорѣчій и сдѣлать неоспоримымъ господство ея и въ древней Руси, представляется намъ мысль *о фиктивномъ или политическомъ родѣ,* — мысль, говорящая, что съ одной стороны родъ не былъ явленіемъ естественнымъ, кровнымъ, а фиктивнымъ, съ другой же — община была не чисто политическою, т. е. мѣстною, а родовою. Въ разницѣ между политическимъ и кровнымъ, естественнымъ родомъ и вытекающими отсюда слѣдствіями и заключается отличіе нашего мнѣнія отъ представленія объективной школы.

Сравнительная исторія показываетъ, что въ предѣлахъ индо-европейской отрасли народовъ родъ обыкновенно заключалъ въ себѣ кромѣ лицъ, связанныхъ между собою узами родства, и посторонних членовъ; что даже тѣ примѣры, которыми обыкновенно доказывается существованіе естественнаго рода, какъ, напримѣръ, кельтійскій кланъ или кланъ горной Шотландіи, въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ оказываются не совсѣмъ чуждыми посторонней примѣси, которая характеризуетъ другія подобныя явленія. Такъ индійскіе общественные союзы основываются не на одной только одинаковости происхожденія, но и на допущеніи въ свою

среду людей, совершенно постороннихъ. Относительно греческихъ родовъ уже Аристотель и Дикеархъ отрицали существованіе строгой родственной связи; новѣйшіе историки Греціи также не задумываются считать греческіе роды отчасти искусственными. Въ римской жизни какъ семья постоянно наполнялась посторонними лицами (adoptio), такъ точно и другія высшія единицы. Въ древней Германіи второй фиктивный элементъ рода характеризовался названіями: sui, vicini или gegyldan. Однако русская наука какъ бы не замѣчала этихъ аналогій и, имѣя постоянно въ виду мысль объ одномъ только естественномъ родѣ, никакъ не могла выпутаться изъ тѣхъ противорѣчій, въ которыя ей приходилось впадать при объясненіи дѣйствительныхъ фактовъ. Какъ бы разнообразны ни были мнѣнія, которыя возникали въ средѣ науки относительно древнѣйшаго быта на Руси, какъ бы значительно ни удалялись они одно отъ другого, къ какимъ бы страннымъ слѣдствіямъ ни приводили эти мнѣнія: для всѣхъ партій представленіе о родѣ, какъ естественномъ, кровномъ явленіи, было несомнѣннымъ; всѣ партіи сходились въ томъ, что подъ семьей нужно разумѣть отца семьи съ его нисходящими, тогда какъ подъ родомъ и боковыхъ родственниковъ съ ихъ нисходящими — и такимъ образомъ второстепенный, случайный признакъ возводили на степень характеристическаго, существеннаго. А между тѣмъ исторія славянъ представляетъ такія несомнѣнныя доказательства существованія фиктивныхъ семей еще въ XV столѣтіи, какія въ соотвѣтственной ясности и полнотѣ врядъ ли найдутся въ исторіи другихъ европей-

скихъ народовъ. Полицкій статутъ, состоявшійся въ 1400 году въ далматской общинѣ Полицѣ, въ своихъ постановленіяхъ касательно устройства полицкой верви наглядно раскрываетъ предъ нами какъ характеръ, такъ и всѣ элементы фиктивной семьи у славянъ. Полицкая вервь представляетъ по статуту, относящему ее къ исконнымъ учрежденіямъ, явные слѣды своего чисто родового происхожденія, такъ какъ члены верви называются прямо братьями; отсюда понятно, что у другихъ славянъ (сербовъ) слово «врьвникъ» получило значеніе родственника. Но этотъ родовой союзъ имѣлъ не естественное, кровное значеніе, а фиктивное; братство основывалось на фикціи, такъ какъ между братьями различались братья ближніе или присные, дальніе или не премприсные и вервные, — въ составъ братства, слѣдовательно, входили не только семья и дальніе родственники, но и братья вервные или сосѣди (сусиди). Точно такъ же и въ древней Руси родовой союзъ, о которомъ неоднократно свидѣтельствуютъ первыя страницы лѣтописи, имѣлъ не кровное, а фиктивное значеніе: въ этомъ всего лучше убѣждаетъ насъ существованіе вымышленныхъ родоначальниковъ, подобныхъ Кію, Радиму и Вятку, отъ которыхъ вели свое происхожденіе древнерусскіе роды и племена.

Но сказать, что родъ былъ явленіемъ фиктивнымъ, — значитъ сдѣлать только половину дѣла. Ибо въ родовомъ бытѣ не только всѣ отношенія регулируются родовымъ началомъ, но послѣднее, если выражаться строго, даже совсѣмъ исключаетъ начало территоріальное, мѣстное и сообщаетъ ему второстепенное значеніе: въ то время всѣ общественныя

дѣла опредѣляются не принадлежностью членовъ общества къ извѣстной мѣстности, къ извѣстному округу, а единственно принадлежностью къ извѣстному роду. Второстепенное значеніе территоріальнаго или мѣстнаго принципа особенно ярко высказывается съ одной стороны въ преобладаніи патронимическихъ именъ, какъ, напр., Кривичи, Дреговичи, Вятичи, Радимичи, Увѣтичи, Хвалимичи, въ названіяхъ племенъ и поселеній и въ отсутствіи именъ топическихъ, мѣстныхъ; съ другой же — въ кочеваніи населенія, положившемъ основаніе тому явленію среднихъ вѣковъ, которое извѣстно каждому подъ именемъ великаго переселенія народовъ. Въ этотъ періодъ цивилизаціи отдѣльные народцы, хотя и знаютъ уже мѣсто жительства и родину, но не прикованы къ ней и легко оставляютъ ее, особенно при скоромъ истощеніи воздѣлываемыхъ полей, что обусловливалось низкимъ состояніемъ земледѣлія.

Замѣчанія, высказанныя выше о характерѣ фиктивной семьи или рода, даютъ право сдѣлать нѣкоторыя общія соображенія о томъ новомъ основаніи, которое вводилось въ жизнь фикціею родства. Намъ уже извѣстно, что родъ образуется не чрезъ умноженіе числа людей, не чрезъ естественное размноженіе семьи, пріобрѣтающей все новыхъ и новыхъ членовъ и расширяющей затѣмъ, сообразно съ новыми потребностями, свой бытъ; напротивъ, родъ создается посредствомъ фикціи, распространяющей узы родства и на постороннія лица. Цѣль подобной фикціи заключается не въ томъ, чтобы новому обществу дать благозвучное имя, торжественное богослуженіе и неопредѣленное чувство

общности, а въ томъ, чтобы съ помощью ея получить руководную нить для организаціи всѣхъ новыхъ общественныхъ отношеній. Иначе: если въ родѣ вся жизненная дѣятельность и облекается въ формы семьи, тѣмъ не менѣе такое общество столь же трудно счесть за естественный продуктъ, въ противоположность съ юридической или политической общиной, какъ трудно видѣть естественное явленіе въ мѣстной общинѣ. Семья превращается въ родъ единственно лишь тѣмъ, что она уже перестаетъ довольствоваться физическими и нравственными отношеніями, и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаетъ сознаніе о юридическомъ или политическомъ принципѣ жизни и сообщаетъ этому принципу обязательное или объективное значеніе. Поэтому получаемая черезъ усиленіе юридическаго сознанія новая общественная единица, родъ, есть не что иное, какъ государство; новое начало, сообщаемое жизни фикціею родства, есть начало государственное: при разсмотрѣніи родового быта историкъ присутствуетъ при зарожденіи государства. Родовое или патріархальное государство такимъ образомъ основывается не на территоріальномъ или мѣстномъ принципѣ, а на кровномъ, при чемъ территоріальный занимаетъ только второстепенное мѣсто; съ другой же стороны, придаетъ кровному принципу не столько дѣйствительное, сколько фиктивное, миѳическое значеніе. Если второй признакъ устраняетъ всякое смѣшеніе естественнаго, кровнаго рода съ родовымъ государствомъ или полагаетъ между ними рѣзкую границу, то первый дѣлаетъ невозможнымъ смѣшеніе фиктивной семьи съ позднѣйшею общиной, представленія о которой въ русской наукѣ от-

личаются еще меньшею опредѣленностью, чѣмъ представленія о родѣ. Если подъ общиной разумѣть только, какъ оно на самомъ дѣлѣ и слѣдуетъ, второстепенный политическій организмъ, то въ этомъ смыслѣ и роды, когда надъ ними есть высшая политическая единица, могутъ быть названы общинами. Но когда общинный бытъ противополагается родовому, тогда подъ общиной разумѣется нѣчто совершенно иное, чѣмъ второстепенный политическій организмъ: община тогда представляется мѣстною. Въ этомъ случаѣ родъ составляетъ полную противоположность общинѣ и смѣшать ихъ нѣтъ никакой возможности, ибо родовое начало совсѣмъ исключаетъ начало мѣстное.

Къ сожалѣнію, скудость собственно русскихъ источниковъ не допускаетъ дальнѣйшаго разъясненія мысли объ общемъ родовомъ владѣніи въ древней Руси; если и извѣстно, что владѣніе было общее, по родамъ, зато трудно сказать что-либо положительное насчетъ того, какую форму имѣло родовое совладѣніе, дѣлилась ли земля на отдѣльные участки или же обработывалась сообща, и затѣмъ уже полученный продуктъ распредѣлялся между всѣми домовладыками. За первое предположеніе говоритъ господствующая до настоящаго времени на Руси общинная система пользованія землею, представляющая разительное сходство съ описаніемъ Германіи у Тацита, но замѣчаемая только въ новѣйшемъ періодѣ русской исторіи и выросшая, по всему вѣроятію, подъ вліяніемъ фискальныхъ соображеній правительства; за второе же мнѣніе, заслуживающее полнаго предпочтенія, — аналогія славянской жизни. Дѣйствительно, не только въ древ-

нѣйшее время славяне сообща обработывали свои земли и сообща пользовались ихъ продуктами, но даже и по настоящее время бытъ славянъ, населяющихъ Австрію и Турцію, представляетъ ясные примѣры какъ общаго пользованія сельскими продуктами, такъ даже и совмѣстнаго жительства въ одномъ домѣ.

Съ общимъ владѣніемъ поземельною собственностью тѣсно связано другое явленіе, очень ярко характеризующее родовой бытъ и сообщавшее его учрежденіямъ прочное единство: мы разумѣемъ круговую поруку. Такъ какъ землею владѣли союзы, роды, а не отдѣльныя лица, то естественно, что только одни союзы могли и должны были принять на себя отвѣтственность за преступленія своихъ членовъ, ибо только у однихъ союзовъ было въ обладаніи землей достаточное ручательство за исполненіе возложенной на нихъ отвѣтственности. Порука, которою обязывались родовые союзы, характеризуется слѣдующими чертами, которыхъ никакъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, для того, чтобы не смѣшать родовой поруки съ позднѣйшею. Какъ и вообще родовыя учрежденія, союзная порука обнимала только членовъ, принадлежавшихъ къ роду, то-есть основывалась на кровномъ, дѣйствительномъ или фиктивномъ союзѣ; позднѣйшая же круговая порука исходила изъ территоріальнаго или мѣстнаго начала, которое отличается легко отъ родового тѣмъ, что въ основаніи поруки полагаетъ принадлежность лица не къ извѣстному роду, а къ извѣстной мѣстности, которое принимаетъ за исходный пунктъ существованіе въ извѣстной мѣстности слѣдовъ преступленія и солидарность обитателей

этой мѣстности въ отвѣтственности за преступленіе, слѣдовъ котораго они не могутъ отклонить отъ себя, то-есть своего округа. Съ другой стороны, родовая порука отличается еще и тѣмъ характеромъ, что обязанность, налагаемая ею, состоитъ не столько въ представленіи преступника на судъ, сколько въ отвѣтственности за самое преступленіе, въ несеніи цѣлымъ союзомъ наказанія на ряду съ преступникомъ или даже вмѣсто него.

Круговая порука, замѣчаемая на Руси въ историческое время и распространявшаяся не только на убійство, но и на нѣкоторыя другія, второстепенныя преступленія, какъ, напр., кражу, соединяетъ въ себѣ отличительныя черты обоихъ періодовъ развитія, какъ принадлежность къ извѣстной мѣстности, такъ и солидарность въ отвѣтственности за самое преступленіе, и такимъ образомъ является совершенно естественнымъ дальнѣйшимъ фазисомъ въ развитіи родовой поруки. Хотя, съ одной стороны, она и основывается на территоріальномъ принципѣ, на существованіи слѣдовъ преступленія въ извѣстной мѣстности, верви; зато съ другой — члены верви не ограничиваютъ своей дѣятельности одной выдачей преступника, но отвѣчаютъ и за самое преступленіе. Только со времени Ярослава замѣчается стремленіе къ стѣсненію поруки за самое преступленіе, къ снятію съ верви всякой отвѣтственности тогда, когда преступникъ былъ налицо, къ ограниченію законныхъ штрафовъ только тѣми случаями, когда вервь не хотѣла или не могла исполнить возложенной на нее обязанности, не представляла на судъ человѣка, совершившаго преступленіе.

Уже одно простое существованіе поруки, отвѣча-

ющей за самое преступленіе, можетъ быть удовлетворительно объяснено единственно предположеніемъ, что въ жизни раньше господствовала сильная родовая связь, предпочитавшая скорѣе принять на себя слѣдствія преступленія, чѣмъ подвергать своего сочлена всѣмъ шансамъ кровной мести, владычествовавшей въ то время, что позднѣйшая мѣстная порука есть только видоизмѣненіе родовой, — видоизмѣненіе, вызванное къ жизни измѣненіемъ въ характерѣ общества.

Характеръ первоначальной общественной цивилизаціи, раскрывающійся въ несуществованіи въ то время трудно примиримыхъ частныхъ интересовъ, въ простотѣ и незначительности большей части дѣлъ, наконецъ въ ограниченности размѣра политическихъ организацій (родовыхъ союзовъ), не только не требовалъ созданія особенныхъ общественныхъ органовъ, обыкновенно вызываемыхъ развѣтвленностью интересовъ, а напротивъ, позволялъ ограничиться одними только средствами, представляемыми семьею. Поэтому, сообразно съ характеромъ первоначальной культуры, единственнымъ общественнымъ органомъ въ родовомъ союзѣ, какъ и въ дѣйствительной семьѣ, былъ родоначальникъ, извѣстный у славянъ подъ многоразличными именами дѣда, ота, отца, отчика, бати, старѣйшины, владыки, воеводы, князя, леха, кмета и т. д. Большая часть этихъ именъ, очевидно, заимствована отъ естественныхъ, семейныхъ отношеній; да и тѣ изъ нихъ, которыя на первый взглядъ какъ бы отдаляются отъ этого источника, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются вышедшими изъ того же самаго круга понятій. Такъ, напр., названіе

князь, древ.-верхн.-нѣм. chuninc, древн.-ф. kuning, анг.-сак. cyning, древ.-сѣв. konûngr, kôngr, происходитъ вмѣстѣ съ kuni, родъ, отъ корня kan, первон. gan — рождать *). Однако, хотя власть родоначальника и создана по образцу власти семейной, тѣмъ не менѣе ея никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ послѣдней. Въ семьѣ вся власть исходитъ отъ отца семейства и не нуждается въ признаніи со стороны подчиненныхъ: отецъ, пріобрѣтающій себѣ все новыхъ и новыхъ потомковъ, естественно получаетъ надъ ними власть, какъ творецъ надъ своими произведеніями. Иное дѣло въ родовомъ союзѣ. Тамъ вся власть исходитъ изъ рода, опирается въ своемъ происхожденіи на нѣмомъ или явномъ договорѣ всѣхъ потомковъ, — короче, основывается на выборѣ. Патріархальный характеръ родоначальнической власти сказывается въ той обширной комбинаціи, соединеніи званій, какую представляла особа родоначальника. Такъ какъ въ первоначальный періодъ развитія человѣчества различіе между частнымъ правомъ и правомъ общественнымъ, такъ сказать, только чувствовалось смутно, систематически же проводимо быть не могло, то вслѣдствіе этого обстоятельства въ обязанность родоначальника входили такія занятія, которыя вполнѣ принадлежали къ сферѣ частной жизни и были бы приличны для одного развѣ дѣйствительнаго отца семейства, — напримѣръ, заботы по женитьбѣ и выдачѣ замужъ членовъ рода. Такъ какъ, далѣе, первоначальная культура не достигла еще до абстрактнаго различія между личнымъ и вещественнымъ правами и постоянно смѣшивала

*) Срв. выше на стр. 48.

вещи съ лицами, то родоначальникъ соединялъ въ своей особѣ разные виды общественной дѣятельности, — не только судъ, но и управленіе: онъ былъ жрецомъ, судьей и воеводой — представителемъ рода какъ во внѣшнихъ отношеніяхъ, такъ и предъ богами.

Съ сосредоточіемъ такихъ разнообразныхъ званій въ особѣ одного родоначальника возникаетъ серьезная опасность превращенія отеческой власти перваго въ деспотическую, такъ какъ родовая власть лишена того чувства любви, которое связываетъ отца съ его семьей. Отсутствіе этого чувства дѣлаетъ возможнымъ проявленіе со стороны родоначальника самыхъ рѣшительныхъ несправедливостей; поэтому давнишнимъ предметомъ русской науки былъ до сихъ поръ еще нерѣшенный вопросъ о томъ, какимъ характеромъ отличалась родовая власть — была ли она деспотическою или нѣтъ? Форма происхожденія патріархальной власти уже сама по себѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что явленіе, свойственное по природѣ одной семейной области, отнюдь не распространялось на другую область — родовую. Родъ былъ не простою расширенною семьею, а политическимъ союзомъ; родовая власть не возникала естественно, а основывалась на выборѣ; поэтому, если власть отца семейства является по своей сущности неограниченною, то власть родоначальника, наоборотъ, доступна для всякаго ограниченія, и ни при какихъ обстоятельствахъ, пока родовой принципъ остается въ силѣ, эта характеристическая черта родовой власти не уступаетъ своего мѣста деспотизму. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что, хотя власть родоначальника и была обшир-

ною, тѣмъ не менѣе истинный центръ тяжести власти находился не въ рукахъ родоначальника, а въ рукахъ родовыхъ союзовъ. Если родоначальникъ и былъ жрецомъ, тѣмъ не менѣе между славянами, какъ и въ Германіи, никогда не водворялась теократія; родоначальникъ былъ воеводою, но всѣмъ извѣстно, какою слабою властью пользовался и въ позднѣйшее время на Руси воевода относительно своихъ подчиненныхъ; родоначальникъ, наконецъ, былъ судьею; но на судѣ ему принадлежало только руководство, рѣшительная же власть всегда оставалась за союзами.

Если въ русской наукѣ всѣ партіи, какъ бы различно онѣ ни относились къ вопросу о господствѣ родового быта въ древней Руси, сходились въ положеніи, что родъ былъ явленіемъ естественнымъ, кровнымъ, то еще болѣе всѣ стороны убѣждены были въ томъ, что родовой бытъ и исчерпывается устройствомъ естественнаго рода; что дальше за родомъ не было никакихъ политическихъ учрежденій, а если и были, то происхожденіемъ своимъ обязывались необходимости, какъ думали одни, или же учрежденія отличались совершенно инымъ, общиннымъ, а не родовымъ характеромъ, какъ думали другіе. Въ дѣйствительности же за родомъ патріархальныя учрежденія чуть-чуть ли не начинались. Явленіе круговой поруки очень убѣдительно показываетъ, что родовой бытъ не ограничивался однимъ только устройствомъ простого рода, но что за предѣлами послѣдняго создавалъ новыя, гораздо обширнѣйшія единицы общежитія. Дѣйствительно, если только родъ ручался въ отвѣтственности за преступленія своихъ сочленовъ, то необходимо пред-

положить, что была какая-либо высшая общественная единица, которая налагала на отдѣльные роды обязанность подобной поруки: ибо, въ противномъ случаѣ, кто бы могъ ручаться, что справедливыя требованія обиженнаго будутъ удовлетворены, и что снова не явится потребность въ кровной мести? Точку опоры новое общежитіе находило въ *городѣ*.

Патріархальная цивилизація была вмѣстѣ съ тѣмъ цивилизаціею догородскою: она совсѣмъ не имѣла понятія о городѣ, не только въ томъ видѣ, въ какомъ городъ представляется нашимъ глазамъ, но даже не знала города какъ мѣста общаго, совокупнаго сожительства многихъ людей, какъ это замѣчается въ періодъ, непосредственно слѣдовавшій за родовымъ бытомъ. Въ этомъ явленіи нѣтъ ничего страннаго. Въ патріархальное время каждый родъ составлялъ особенное цѣлое и жилъ на особомъ мѣстѣ; слѣдовательно, въ принципѣ жизни не было побудительныхъ причинъ къ соединенію людей въ такія значительныя группы, какія представляются городами. Однако, небезопасность жизни, проистекавшая изъ сильнаго разъединенія и необузданнаго произвола личности, побуждала родовые союзы къ совокупному созданію такихъ мѣстоприбѣжищъ, которыя бы своими удобствами превосходили естественныя мѣста защиты, доставляемыя окрестною природой, именно — лѣса, воды и горы. Такія мѣстоприбѣжища, сооруженіе которыхъ было однимъ изъ первыхъ проявленій возникавшей между отдѣльными родами связи, состояли не въ чемъ иномъ, какъ въ огороженномъ стѣнами пустомъ пространствѣ, и назывались *городами*. Въ эти-то огороженныя мѣста и укрывались, въ случаѣ нападенія какого-либо

врага, соединенные въ одно цѣлое роды вмѣстѣ съ своимъ имуществомъ, состоявшимъ главнымъ образомъ изъ скота. Такой характеръ первоначальнаго города доказывается какъ значеніемъ слова «*городъ*», такъ и нѣкоторыми чертами его дѣйствительнаго устройства. Названія города въ разныхъ языкахъ указываютъ или на защиту: городъ, городить, огорода, подобно тому, какъ arx одного корня съ arcere, Burg съ bergen, или же на возвышенность мѣста, на которомъ городъ естественно воздвигался, какъ укрѣпленіе: akra, capitolium, вышгородъ. Характеръ же города отражалъ главное назначеніе послѣдняго тѣмъ, что въ немъ не было жилого населенія, что города были обыкновенно незначительнаго размѣра, достаточнаго только для того, чтобы дать возможность укрыться соединеннымъ вмѣстѣ родамъ*). Если же съ теченіемъ времени населеніе и примыкало къ городу, то все-таки селилось не внутри стѣнъ, а около послѣднихъ; и это обстоятельство объясняетъ намъ, почему кремль (кремъ, кромъ, городъ кромный), который можетъ быть принятъ за образецъ древняго города, и въ позднѣйшее время обыкновенно не имѣлъ почти никакого населенія. Такимъ образомъ, древнѣйшія мѣста убѣжища не были городами въ собственномъ смыслѣ, а только основаніями для будущихъ городовъ, образовавшихся впослѣдствіи черезъ присоединеніе зданій къ городскимъ стѣнамъ и въ свою очередь защищавшихся новыми стѣнами, *острогомъ* (стерегу, подобно тому какъ urbs родств. съ curvus, orbis — кругъ, ограда). Въ новѣйшее время остатки такихъ ну-

*) Срв. выше на стр. 19 замѣчанія Соловьева.

стыхъ городовъ, называющихся у славянъ городищами (городище значитъ мѣсто бывшаго города), превратились въ совершенныя загадки. И подобно тому, какъ запустѣлыя городскія стѣны мѣстности Эквикуловъ въ Италіи возбуждали удивленіе въ римскихъ и новѣйшихъ археологахъ и заставляли первыхъ помѣщать тамъ своихъ аборигеновъ, а вторыхъ — своихъ пелазговъ; такъ точно и у славянъ городища вызвали вниманіе со стороны археологовъ, которые, какъ напримѣръ Ходаковскій, считали себя въ правѣ видѣть въ нихъ не что иное, какъ языческія святилища. Но хотя древнѣйшіе города и были обыкновенно мѣстомъ сооруженія жертвенниковъ и храмовъ, и поэтому тамъ легко могутъ быть находимы жертвенные остатки, тѣмъ не менѣе первоначальное значеніе ихъ было оборонительное, а незначительная величина ихъ указываетъ не на святилища, а только на то, что въ нихъ не было жилья.

Возможность образованія изъ отдѣльныхъ родовъ новаго, обширнѣйшаго общежитія, опиравшагося на городъ, доставляла та же самая фикція, на которой основывался и простой родовой союзъ. Во время миѳическаго періода фикція родства распространялась не только на членовъ каждаго рода, но и на цѣлыя племена, которыя считали себя, подобно радимичамъ и вятичамъ, происшедшими отъ какого-либо общаго родоначальника; даже самые родоначальники отдѣльныхъ союзовъ, какъ напр., Кій, Щекъ и Хоривъ, Радимъ и Вятко были проводимы въ родственную связь и объявляемы братьями, подобно тому, какъ въ Кабулѣ малики ближайше связанныхъ афганскихъ улусовъ смотрѣли на своихъ

родоначальниковъ, какъ на братьевъ и сыновей героя, отъ котораго племя, и въ особенности его ханъ, считали себя происшедшими. Такимъ образомъ, родовой бытъ основывался, собственно, на двойной фикціи или лучше на фикціи двойного родства: во-первыхъ, членовъ родовыхъ и племенныхъ союзовъ между собою, а затѣмъ уже представителей родовъ, родоначальниковъ. На основаніи перваго родства созидался собственно простой родъ, на основаніи второго — высшія родовыя единицы. Можно даже составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, какимъ путемъ и въ какой формѣ созидались новыя патріархальныя цѣлыя. Между ближайше обитавшими родами выдвигался одинъ какой-либо членъ (родовой союзъ) и фактически пріобрѣталъ власть, но фактически пріобрѣтенною властью пользовался не иначе, какъ въ формахъ старѣйшинства; въ ряду другихъ родовъ онъ возводился на степень старѣйшаго, а черезъ это самое и родоначальникъ его естественно становился на мѣсто родоначальника цѣлаго племени или князя. Такимъ образомъ, во время родового быта старшинствомъ считались не только въ предѣлахъ рода, но и родовые союзы между собою, и эти родовые счеты, въ приспособленной къ измѣнившимся обстоятельствамъ формѣ, сохранились до позднѣйшаго времени въ пригородномъ началѣ, въ порядкѣ старшинства городовъ, изъ которыхъ одни считались старѣйшими, другіе же молодшими или пригородами. Порядокъ старшинства между родами и городами составляетъ поэтому не противорѣчіе основному принципу патріархальной теоріи, какъ думалъ Кавелинъ*), а напротивъ, совершенно закон-

*) Срв. «*Сочиненія*» I, 332.

ное слѣдствіе, дальнѣйшее примѣненіе его къ тогдашней жизни. Мысль о такихъ счетахъ старшинствомъ нисколько не страдаетъ отъ отсутствія въ ней юридической мѣрки, опредѣлявшей старшинство: старшинство не было простымъ юридическимъ титуломъ, на который опирались лица или роды, старавшіеся захватить власть въ свои руки; напротивъ, оно было нормой, по которой устраивались общественныя отношенія, когда власть уже фактически была пріобрѣтена. Въ періодъ развитія человѣчества, когда такъ мало было основныхъ зиждительныхъ элементовъ, мысль о старшинствѣ служила единственной путеводной нитью при организаціи общественныхъ отношеній.

Хотя возвышеніе какого-либо родового союза на степень старѣйшаго, сообразно съ чѣмъ и родоначальникъ его получалъ относительно другихъ родовъ соотвѣтственную власть, т. е., дѣлался княземъ, старѣйшиною цѣлаго племени, первоначально и связывалось съ подчиненіемъ остальныхъ родовъ, которое ничѣмъ не отличалось отъ полной зависимости, тѣмъ не менѣе такое положеніе дѣлъ, по характеру времени, долго продолжаться не могло. Съ теченіемъ времени, при ближайшемъ столкновеніи интересовъ, и подчиненные получили вліяніе на дѣла новаго союза, получили право, наравнѣ со старѣйшими, участвовать въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ избраніи общаго родоначальника, князя, хотя за старѣйшимъ родомъ все-таки оставалось то преимущество, что князь избирался только изъ среды этого союза. Княжескую власть въ высшей родовой единицѣ нужно поэтому представлять съ одной стороны наслѣдственною, такъ какъ право быть избираемымъ

ограничивалось предѣлами одного только рода, съ другой же — выборною, такъ какъ въ самомъ родѣ князь обыкновенно избирался, при чемъ въ случаѣ надобности могли принять участіе и члены всѣхъ остальныхъ родовъ. Такое высшее патріархальное общежитіе, полученное посредствомъ расширенія фикціи родства, называлось на Руси *княженьемъ*. Патріархальными княженіями была покрыта вся Русь: княженья встрѣчаются у полянъ, древлянъ, дреговичей, новгородцевъ, полочанъ. Преданіе даже сохранило намъ имена нѣкоторыхъ изъ этихъ князей, какъ напримѣръ, имя Мала, князя древлянскаго, жившаго и дѣйствовавшаго уже въ историческое время.

Между тѣмъ какъ въ однихъ типахъ государственной жизни, напримѣръ въ государствѣ основанномъ на военномъ владычествѣ, внутренняя сила государства возрастаетъ пропорціонально расширенію его границъ, въ то время въ родовомъ устройствѣ замѣчается совершенно противоположное явленіе: внутренняя сила государства ослабляется сообразно съ увеличеніемъ его объема, сообразно съ расширеніемъ господства родового принципа по болѣе значительной территоріи. Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, такъ какъ узы родства, чѣмъ дальше онѣ будутъ удалены отъ своего первоначальнаго источника, семьи, тѣмъ меньше будутъ заключать въ себѣ внутренней силы *). Чувство родства, уваженіе къ власти родоначальника могутъ сохранить полное значеніе только въ незначительныхъ размѣрахъ рода; но если только фикція родства расши-

*) Срв. съ тѣмъ, что говорится далѣе на стр. 87.

ряется, если создается новая, обширнѣйшая политическая единица, то тотчасъ же является потребность въ религіозномъ или политическомъ суррогатѣ, который, однако, больше извращаетъ первоначальный бытъ, чѣмъ сообщаетъ ему новую силу. Поэтому, между тѣмъ какъ въ простомъ родѣ члены связываются между собой подчиненіемъ власти родоначальника, общею поземельной собственностью, обязанностью круговой поруки, въ то время въ высшей родовой единицѣ, княженьи, общественная связь распространяется только на подчиненіе нѣкоторымъ общимъ учрежденіямъ, къ числу которыхъ относятся народное собраніе, вѣче, совѣтъ старѣйшинъ и княжеская власть; послѣдняя, впрочемъ, встрѣчается не всегда, временами дѣло обходилось и безъ личной власти.

Расширеніе родовой власти на болѣе обширную территорію или образованіе новаго цѣлаго посредствомъ соединенія нѣсколькихъ родовъ не могло совершиться безъ соотвѣтственнаго ослабленія самой власти, безъ привлеченія къ участію въ ней самихъ подчиненныхъ. На этомъ-то привлеченіи къ власти и основывалась возможность подчиненія представителю цѣлаго племени, князю, простыхъ родоначальниковъ, которые въ предѣлахъ родовыхъ союзовъ пользовались полною самостоятельностью. Ибо въ совѣтѣ, который являлся на ряду съ княземъ во всѣхъ важнѣйшихъ правительственныхъ дѣйствіяхъ, родоначальники находили полное вознагражденіе за свое подчиненіе княжеской власти. Уже одно названіе членовъ родового совѣта старѣйшинами указываетъ отчасти на происхожденіе сената; еще болѣе убѣждаетъ въ томъ же самый характеръ старѣйшинъ.

Старѣйшинами были лучшіе люди, которые держали землю или управляли ею, т. е. имѣли въ ней власть; а власть по характеру того времени могла принадлежать въ землѣ, кромѣ князя, только родоначальникамъ. Родовой сенатъ основывался такимъ образомъ не на предположеніяхъ вещественнаго или личнаго права, не на величинѣ землевладѣнія или знатности происхожденія, а на общественномъ положеніи старѣйшинъ, которое они уже раньше занимали въ отдѣльныхъ родовыхъ союзахъ. Если власть князя связывалась необходимымъ содѣйствіемъ совѣта родоначальниковъ, то она еще болѣе, равно какъ и самый сенатъ, ограничивалась народнымъ собраніемъ, *вѣчемъ:* и это совершенно естественно, такъ какъ родовая власть не была властью семейною, получила начало не отъ расширенія семьи, естественно подчиняющейся авторитету главы семейства, а отъ родовыхъ союзовъ, основывалась на договорѣ, на избраніи родоначальника членами союзовъ. Въ этомъ смыслѣ нужно понимать свидѣтельства иностранцевъ *), утверждающихъ, что славяне жили въ демократіи. Народное собраніе патріархальнаго періода можетъ быть названо первобытнымъ собраніемъ (Urversammlung), вѣчемъ, такъ какъ оно основывалось не на представительствѣ какихъ-либо политическихъ союзовъ, а на непосредственномъ, личномъ участіи всѣхъ членовъ патріархальнаго княженья. Такое собраніе совершенно соотвѣтствовало всѣмъ условіямъ древнѣйшей цивилизаціи. Такъ какъ родовые союзы, княженья, всѣ были

*) Срв. выше на стр. 28. Здѣсь Никитскій имѣетъ въ виду свидѣтельство Прокопія въ его *De bello gothico.*

большею частью незначительнаго размѣра, то понятно, что посѣщеніе вѣча было доступно для всего населенія въ княженьи; что въ извѣстные дни, — у вагровъ, напримѣръ, въ понедѣльникъ, — жители селъ и деревень, входившихъ въ составъ союза, могли утромъ явиться въ городъ, исполнить тамъ свои торговыя дѣла, принять участіе въ народномъ собраніи, если оно было, а затѣмъ къ вечеру разойтись спокойно по своимъ мѣстожительствамъ. Но съ расширеніемъ предѣловъ государства и съ появленіемъ трудно-примиримыхъ интересовъ, первобытное собраніе теряетъ смыслъ и превращается, какъ показываютъ примѣры Рима и Великаго Новгорода, въ господство главнаго города, если не черни послѣдняго. Мѣсто народнаго собранія, совпадавшее обыкновенно съ торгомъ, имѣло посрединѣ деревянный помостъ, иногда распадавшійся на отдѣльныя пирамиды, или трибуну, со ступеней которой говорили къ народу правительственныя лица: такія трибуны, естественно требуемыя собраніемъ, происходящимъ подъ открытымъ небомъ, встрѣчаются какъ у поморянъ, такъ и въ позднѣйшее время на Руси, напримѣръ во Псковѣ, гдѣ трибуна называлась *степенью*.

Пренія, возникшія въ русской наукѣ относительно характера древнѣйшаго быта славянъ, распространялись не на одни только принципы, но повторялись на каждомъ частномъ вопросѣ, между прочимъ и на вопросѣ о народномъ собраніи. Одни, какъ напримѣръ, Соловьевъ, въ народномъ собраніи видѣли не что иное, какъ сходку старѣйшинъ, родоначальниковъ, собственно же народное участіе въ вѣчѣ ограничивалось пассивною ролью «принятія

къ свѣдѣнію рѣшеній старческихъ». Другіе же, какъ напримѣръ, К. Аксаковъ, старались низвести самыхъ старѣйшинъ, владыкъ, до уровня простыхъ отцовъ семей, чтобы только имѣть возможность счесть народное собраніе за непосредственную сходку, вѣче, противорѣчащее яко бы основнымъ началамъ родового быта *). Для патріархальной теоріи эти пренія не имѣютъ особеннаго интереса, такъ какъ и то и другое явленіе нисколько не противорѣчитъ патріархальному принципу, требующему, чтобы на вѣчѣ являлись одни только члены родовыхъ союзовъ. Положительная исторія показываетъ, что, хотя на вѣчѣ обыкновенно и участвовали всѣ члены родовыхъ союзовъ, тѣмъ не менѣе, въ случаѣ расширенія предѣловъ княженья, посѣщеніе народнаго собранія естественно должно было ограничиться одними родоначальниками. Такъ, между тѣмъ какъ на Руси и въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ земляхъ вѣче было сходкою всего народа, въ то время въ Чехіи народное собраніе составлялось изъ однихъ только родоначальниковъ, служившихъ представителями какъ цѣлыхъ племенъ (леховъ), такъ и отдѣльныхъ родовыхъ союзовъ (владыкъ); но вмѣстѣ съ измѣненіемъ снема естественно измѣнялось и значеніе совѣта, который въ Чехіи изъ рукъ простыхъ родоначальниковъ перешелъ въ руки кметовъ. Характеръ чешскаго снема показываетъ, что первобытное собраніе было вмѣстѣ съ тѣмъ и судебнымъ собраніемъ, или, если выражаться языкомъ Гримма,

---

*) Мнѣніе Соловьева см. въ выдержкѣ на стр. 17 и 36, К. Аксакова — на стр. 37—39.

Ред.

народное собраніе было большимъ судомъ, судъ же малымъ вѣчемъ. Судебная сторона вѣча всего лучше поясняетъ отношенія между главными элементами общественной жизни — княземъ и народомъ. Какъ показываетъ примѣръ Чехіи, князь въ судебномъ собраніи являлся руководителемъ засѣданія, предлагалъ вопросы на обсужденіе и указывалъ на способы, которыми первые могли быть рѣшены. Рѣшеніе установлялось самимъ народнымъ собраніемъ, которому, какъ только что замѣчено, принадлежалъ и авторитетъ суда. Отношенія же между вѣчемъ и совѣтомъ старѣйшинъ состояли въ томъ, что совѣтъ образовалъ при князѣ, какъ показываетъ исторія поморянъ, совѣщательное собраніе, на которомъ предварительно разсматривались дѣла, переходившія затѣмъ на утвержденіе народнаго собранія, гдѣ совѣтъ игралъ также не маловажную роль. Но, подобно тому, какъ совѣтъ не всегда прибѣгалъ за содѣйствіемъ къ народному собранію, точно такъ же и вѣче нерѣдко дѣлало свои постановленія и приводило ихъ въ исполненіе совершенно независимо отъ совѣта старѣйшинъ. Въ этомъ отношеніи характеръ поморской жизни тѣсно граничитъ съ новгородской, гдѣ также каждая толпа, случайно попавшая на Ярославовъ дворъ, тотчасъ же принимала на себя роль самодержавнаго вѣча; однако, въ Великомъ Новгородѣ постановленіе вѣча только тогда получало полную юридическую силу, только тогда Новгородъ принималъ на себя отвѣтственность за рѣшенія, принятыя вѣчемъ, когда онъ далъ на эти рѣшенія свое *новгородское слово,* т. е. когда рѣшенія состоялись при участіи новгородскаго совѣта и съ благословенія новгородскаго владыки, — благо-

словенія, служившаго торжественнымъ выраженіемъ новгородскаго *) слова.

Такимъ образомъ, и вторая патріархальная единица, княженье, отличается тѣми же чертами, какъ и простая первоначальная ячейка, т. е. родовой союзъ. И здѣсь форма государства была монархическою, власть сосредоточивалась въ рукахъ князя, сущность же тѣмъ не менѣе оставалась *демократическою*, такъ какъ *народное собраніе являлось источникомъ всякой власти.* Разница возникала развѣ только въ томъ случаѣ, когда образовавшіеся изъ отдѣльныхъ родовъ союзы не подчинялись личному повелителю, т. е. или еще не успѣли усвоить себѣ княжеской власти или же утратили ее вслѣдствіе какихъ-либо обстоятельствъ, — когда, слѣдовательно, власть распредѣлялась между народнымъ собраніемъ и совѣтомъ, составленнымъ изъ старѣйшинъ, когда цѣлое представляло не столько государство, сколько союзъ государствъ. Въ этомъ случаѣ, встрѣчаемомъ въ исторіи лютичей, сущность государства оставалась прежнею, демократическою, форма же измѣнялась въ аристократическую, такъ какъ на челѣ правленія становился совѣтъ старѣйшинъ, а совѣтъ вообще есть принадлежность аристократіи. Однако всѣ эти разнообразные зачатки государственной жизни, какъ монархическій, такъ и демократическій, не могли создать въ княженьи ни прочнаго внутренняго порядка, ни сильнаго внѣшняго единства. И немудрено. Если родовые союзы, входившіе въ составъ княженья, были не чѣмъ инымъ, какъ госу-

*) См. въ Новгородской лѣтописи по синодальному списку подъ 1366-мъ годомъ: «*ъздиша из Новаграда люди молодыи на Волгу без новгородьчкого слова*».

дарствами въ незначительномъ масштабѣ, то естественно ожидать, что государственный характеръ союзовъ будетъ препятствовать имъ входить второстепенными членами въ высшія единицы, княженья. Дѣйствительно, въ тѣхъ случаяхъ, когда роду приходилось взойти въ составъ новаго цѣлаго, за нимъ все еще оставалась обширная, совершенно независимая сфера дѣйствія, въ которой онъ былъ полнымъ господиномъ; такимъ образомъ, родъ представлялъ въ подобномъ случаѣ какъ бы государство въ государствѣ. Это существованіе лѣстницы государствъ, имѣющихъ опредѣленные, вполнѣ самостоятельные круги дѣйствія, составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ родового быта: между тѣмъ какъ въ современной намъ жизни, напримѣръ въ англійскомъ самоуправленіи, сфера общины строго опредѣляется и внутри ея предѣловъ подчиняется общимъ законамъ, въ то время въ родовомъ строѣ союзы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, весьма немногочисленныхъ отношеній къ высшей единицѣ, тѣхъ именно, которыя касались не одного рода, а цѣлаго союза родовъ, во всемъ остальномъ были предоставлены вполнѣ самимъ себѣ. Отсюда-то возникали тѣ противогосударственныя стремленія, которыя заставляли родъ искать самостоятельности не въ активной свободѣ, не въ принятіи ревностнаго участія въ общественной дѣятельности, а въ пассивной, въ возможно большемъ отстраненіи отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ; отсюда-то вытекала вражда родовъ между собою, которая замѣчается при началѣ*) русской исторіи. Еще менѣе

*) См. въ лѣтописи по Лаврентьевскому списку подъ 862-мъ го-

возможно было сильное внѣшнее единство. За предѣлами двухъ незначительныхъ патріархальныхъ союзовъ, на Руси не существовало дальнѣйшихъ, болѣе обширныхъ и крѣпкихъ политическихъ организацій, даже не существовало простой связи между княженьями, если только исключить нѣкоторыя случайныя явленія и ихъ необходимыя слѣдствія, какъ напримѣръ, подчиненіе сѣверной Руси варягамъ, а южной — козарамъ. За княженьями замѣчается одна только національная связь, основывавшаяся на общности языка, правовъ и религіи.

На основаніи свѣдѣній, разсѣянно сообщенныхъ въ предшествующемъ изложеніи, можно составить себѣ окончательное представленіе о патріархальномъ бытѣ. Если съ одной стороны родовой бытъ представляетъ ту отличительную особенность, что при господствѣ его всѣ политическіе порядки облекаются въ формы семьи, — при чемъ все равно, будутъ ли состоять эти порядки въ простыхъ родовыхъ союзахъ или же въ патріархальныхъ княженіяхъ; если, поэтому, при такомъ бытѣ понятія частнаго права и права общественнаго, понятія семьи и государства, строго не различаются, а постоянно смѣшиваются одно съ другимъ; если, съ другой, размѣръ родовыхъ учрежденій является, несмотря на то, все же значительнымъ, — то, въ виду такой противоположности, совершенно естественно возникаетъ вопросъ о значеніи патріархальныхъ организацій: относятся ли послѣднія къ разряду государствъ или

домъ: «*Изъгнаша варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в нихъ правды, и въста родъ на родъ, и быша в нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся*». См. выше стр. 17—18. *Ред.*

же составляютъ принадлежность доисторическаго періода цивилизаціи человѣчества?

Нельзя не сознаться, что существованіе нѣкоторыхъ политическихъ понятій при такомъ бытѣ неоспоримо. Если уже въ основаніи власти родоначальника и частнаго права на пользованіе или обладаніе поземельною собственностью лежитъ понятіе о высшей власти, служившей этимъ явленіямъ не только простымъ дополненіемъ, а дѣйствительнымъ, необходимымъ предположеніемъ, то еще менѣе можно отрицать присутствіе той же высшей власти въ явленіяхъ общественнаго міра, изгойства (изверженія изъ среды общества), круговой поруки или замѣны кровной мести въ извѣстныхъ случаяхъ денежными пенями, вирами (wergeld): всѣ эти явленія положительно переходятъ предѣлы простой семейной и общинной жизни и ясно свидѣтельствуютъ о государственности родовыхъ учрежденій.

Такимъ образомъ, смѣшеніе понятій семьи и государства достаточно опредѣляютъ рангъ патріархальныхъ организацій и ихъ значеніе въ древней жизни. Еще болѣе затрудненій возникаетъ отъ этого смѣшенія понятій относительно дальнѣйшаго развитія цивилизаціи. Если и нельзя сказать, что народъ не могъ сбросить съ себя родовыя формы и собственными средствами создать иное, высшее общежитіе, — примѣръ противнаго замѣчается на Скандинавіи, — тѣмъ не менѣе родовой бытъ, взятый въ его истинномъ характерѣ, не представлялъ, какъ политическая форма, зародышей къ дальнѣйшему развитію политической мысли. Развивающіяся потребности общества требовали расширенія государственныхъ предѣловъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и образованія сильной

центральной власти: соединеніе же этихъ двухъ явленій при господствѣ родового быта было совершенно немыслимо, ибо въ этотъ періодъ исторіи расширеніе въ размѣрѣ государства сопровождалось пропорціональнымъ ослабленіемъ центральной власти. Тяжесть вопроса о причинахъ, вызвавшихъ паденіе родового быта, русская наука нерѣдко пыталась обойти тѣмъ соображеніемъ, что въ родовомъ строѣ лежатъ естественные зародыши распаденія, состоящіе въ дробленіи родовъ на вѣтви и въ отдаленіи этихъ вѣтвей *) другъ отъ друга. При этомъ, однако, упускается изъ виду то обстоятельство, что простое существованіе разрушительныхъ элементовъ нисколько не ручается за прогрессъ въ обществѣ, за переходъ его въ иную форму общежитія, напротивъ, оно свидѣтельствуетъ скорѣе о томъ, что общество еще долго проживетъ въ старомъ строѣ: если отъ родовъ и отдѣляются особенныя вѣтви, то врядъ ли прямо можно утверждать, что эти отдѣлившіяся вѣтви съ теченіемъ времени сами не станутъ новыми родами, и на практикѣ онѣ всегда дѣйствительно становятся таковыми. Короче: каждая форма жизни падаетъ не вслѣдствіе какихъ-либо отрицательныхъ элементовъ, а напротивъ, подъ вліяніемъ зиждительныхъ, смѣняется только высшею и

---

*) «Всякая родовая община, читаемъ у Кавелина, сама въ себѣ носитъ зародышъ своего разрушенія. Это основано на непреложномъ законѣ распаденія рода на линіи, отрасли, которыя съ теченіемъ времени утрачиваютъ всякое единство и вступаютъ во вражду между собою». («*Сочиненія*» II, 36; срв. I, 323—324). Срв. ниже на стр. 94—95 слова Ѳ. И. Леонтовича относительно роли родового сознанія и выше на стр. 77 замѣчаніе самого Никитскаго, а на стр. 16—Соловьева. *Ред.*

уступаетъ послѣдней мѣсто только вслѣдствіе ея превосходства, превосходства идеи новой жизни. Поэтому распаденіе родового быта должно обусловливаться какою-либо высшей идеею, совершаться при помощи какихъ-либо новыхъ механическихъ средствъ.

V. ТЕОРІЯ ОБЩИННАГО БЫТА ВЪ ПОЗДНѢЙШЕЙ ПЕРЕРАБОТКѢ.

(*О. И. Леонтовичъ.* «Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Россіи». Ж. М. Н. Пр. 1874 г., №№ 6—8).

Соловьеву и его послѣдователямъ принадлежитъ заслуга перваго внесенія въ русскую историческую науку, если не органической теоріи, то органическаго метода. Соловьевъ*) дѣйствительно открылъ первичную общественную клѣточку, изъ которой развилась и окрѣпла еще въ доисторическое время общественность русскаго народа. Онъ и его послѣдователи старались выяснить подмѣченное ими начало во всѣхъ его проявленіяхъ, опредѣлить общій характеръ и значеніе открытой ими общественной клѣточки, моменты ея развитія и перерожденія въ другой, высшій организмъ. Въ этомъ отношеніи теорія Соловьева имѣетъ видъ довольно логически построенной научной системы, чѣмъ объясняется ея вліяніе и значеніе въ нашей исторической литературѣ. Но школа эта на первыхъ порахъ не подмѣтила, что родовая клѣточка и основанная на ней общественная организація въ жизни русскаго народа вполнѣ завершила свой кругъ, реорганизовалась въ иную клѣточку, съ другою, болѣе слож-

*) Подъ вліяніемъ Эверса; см. примѣчаніе на стр. 42.

ною организаціей, еще въ темную эпоху доисторическихъ временъ. На глазахъ исторіи, и то лишь на первыхъ порахъ, задержались едва замѣтные слѣды и остатки (похищеніе и сожженіе женъ, патронимическія имена и проч.) отъ старой родовой организаціи, въ видѣ окаменѣлостей, потерявшихъ всякую органическую связь съ народнымъ бытомъ. Новыя историческія формы быта школа Соловьева безразлично смѣшиваетъ съ такими доисторическими окаменѣлостями, съ дезорганизованными остатками отъ стараго родового порядка и не замѣчаетъ между ними глубокой пропасти, которую не въ силахъ наполнить и сгладить никакія усилія послѣдователей родовой теоріи. Идея кровнаго (племенного, родового) единства — основное начало родового быта — исключительно господствуетъ только у племенъ неосѣдлыхъ — у кочевниковъ, ведущихъ стадную, боевую жизнь въ формѣ бродячихъ, военныхъ дружинъ и цѣлыхъ ордъ. Такъ ли было у славянъ въ историческое время, то-есть, явились ли они на сцену исторіи въ видѣ военно-кочевыхъ ордъ и, слѣдовательно, съ родовымъ типомъ всей ихъ общественной жизни?

Кочеваніе населенія, въ тѣхъ его видахъ и формахъ, въ какихъ оно являлось въ родовую эпоху, вовсе не имѣло мѣста въ историческомъ быту славянъ. По свидѣтельству всѣхъ древнихъ историковъ, славяне стали раньше германцевъ заниматься земледѣліемъ на нынѣшнихъ ихъ осѣдлостяхъ *). Исторія застаетъ славянъ въ пору полнаго развитія коло-

*) Далѣе г. Леонтовичъ повторяетъ возраженія К. Аксакова и другихъ противниковъ родовой теоріи.

низаціоннаго движенія. Общины семейныя и территоріальныя — верви, задруги, села, грады, цѣлыя земли, волости и жупы — образовались у славянъ еще въ доисторическую пору. Историческимъ народомъ они являются уже на вторичной, общинной ступени культуры. На глазахъ исторіи они не кочуютъ ради военной добычи, хищничества. Историческій типъ славянина — по преимуществу типъ мирнаго хлѣбопашца-колонизатора, уже освоившаго спокойное мѣсто осѣдлости. Колонизаціонное движеніе, начавшееся еще за предѣлами исторіи, является на ея глазахъ фактомъ совершившимся, развивается затѣмъ дальше, сообразно съ мѣстными условіями жизни каждаго отдѣльнаго народца и племени. Послѣдніе пріобрѣли уже территоріальную физіономію, даже чисто мѣстныя имена — полянъ, древлянъ и проч. Колонизація движется быстрѣе или медленнѣе, смотря по мѣстнымъ удобствамъ; отсюда и различія въ самомъ быту народцевъ, напримѣръ, полянъ, колонизовавшихся болѣе прочнымъ образомъ, усвоившихъ*) «кроткіе и тихіе нравы», и древлянъ, радимичей и другихъ лѣсныхъ народцевъ, которые, по выраженію начальнаго лѣтописнаго свода, «живяху звѣрпиьскимъ образомъ, живуще скотьски, убиваху другъ друга, ядяху все нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица... живяху в лѣсѣхъ, якоже и всякій звѣрь, ядуще все

*) «Поляне бо, *читаемъ въ начальномъ лѣтописномъ сводѣ*, своихъ отець обычай имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнье къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и к родителемъ своимъ, къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣнье имѣху, брачный обычай имяху: не хожаше зять по невѣсту, но привожаху вечеръ, а заутра приношаху по ней что вдадуче».

нечисто». Это уже не стадное кочеваніе родовъ и ордъ, но болѣе или менѣе прочныя ступени колонизаціонной дѣятельности народа. Вездѣ являются поселенія сельскія и городскія, стягивающіяся въ обширныя территоріальныя общины — волости, земли и пр. Словомъ, славяне на первыхъ же историческихъ порахъ являются уже съ тѣми общественными формами, съ какими застаетъ ихъ позже, спустя нѣсколько вѣковъ, эпоха перехода въ государственный бытъ. Во времена Рюриковичей эти формы только окончательно выяснились, пріобрѣли законченный политическій характеръ. Весь этотъ рядъ крупныхъ фактовъ идетъ положительно въ разрѣзъ съ родовою теоріей, которая или вовсе игнорируетъ ихъ, или даетъ имъ произвольныя, натянутыя объясненія, нисколько не оправдываемыя дѣйствительнымъ смысломъ историческихъ явленій.

Въ историческомъ развитіи всѣхъ народовъ, обладавшихъ органическою способностью къ политически самобытной жизни, высказывался всегда и вездѣ одинъ и тотъ же неизмѣнный законъ образованія цѣлаго политическаго тѣла изъ сочлененія и осложненія основныхъ политическихъ клѣточекъ. Каждый народъ, какъ политическій организмъ, проходилъ опредѣленныя стадіи развитія. На каждой изъ нихъ возникалъ и укоренялся въ теченіе долгаго историческаго процесса одинъ изъ основныхъ, неразложимыхъ и неотъемлемыхъ элементовъ политической жизни: элементъ личный, физіологическій (народъ), элементъ мѣстный, территоріальный (пространство, мѣсто осѣдлости народа) и элементъ связующій, правящій, — элементъ общаго порядка (верховная власть). Укорененіе каждаго изъ этихъ

элементовъ вызывало особыя политическія формы народной жизни — особыя политическія клѣточки, въ которыхъ организовался и укоренялся тотъ или другой изъ означенныхъ основныхъ элементовъ, по порядку органической послѣдовательности и постепенности въ развитіи элементовъ личныхъ, территоріальныхъ и связующихъ. Отсюда въ исторіи человѣчества обозначились и установились три основныя политическія формаціи, каждая съ свойственною ей основною клѣточкой: *родъ* съ его организаціей физіологическаго элемента, *община* съ ея организаціей территоріальнаго элемента и *государство* съ его организаціей элемента связующаго.

Родъ, община и государство — три самостоятельныя, можно сказать, исключающія одна другую основныя политическія клѣточки, каждая съ своими особыми свойствами, отправленіями и организаціей, — клѣточки, лежащія въ основѣ большихъ политическихъ организмовъ — *племенъ, народностей* и всего *человѣчества*.

Родъ, по своему основному органическому характеру и назначенію, представляетъ подвижную племенную клѣточку, органическое начало кочевого племени; *община* — осѣдлую клѣточку территоріальной народности; *государство*, въ отличіе отъ рода и общины, является въ органическомъ отношеніи космополитическою клѣточкой, органическою силой всего человѣчества, разсматриваемаго какъ цѣлостный политическій организмъ.

Первичною формой человѣческаго общежитія является жизнь *племенная, кровная*. *Родъ* организуется по принципу кровному, физіологическому. Единство рода, какъ политическ[illegible] самобытнаго, органическаго

тѣла, коренится въ кровномъ происхожденіи его членовъ отъ общаго главы рода; крѣпкихъ связей территоріальныхъ, помимо физіологическихъ опредѣленій, не существуетъ въ родовомъ быту. Отсюда родовая замкнутость и исключительность первичныхъ союзовъ, недоступныхъ для чужеродцевъ.

Для рода, какъ первичной клѣточки, постоянно движущейся, не осѣдающей на одномъ мѣстѣ, объединяемой исключительно *кровными* связями, не существуетъ *территоріальныхъ* границъ, которыя навсегда опредѣляли бы мѣсто его дѣятельности. Отсюда основная черта родового быта — *кочеванье* родовъ и племенъ, бродячій номадный, стадный характеръ всего быта племенъ и родовъ, отличающихся въ отношеніи къ территоріи, къ мѣсту ихъ кочевокъ, такъ сказать, безличнымъ, космополитическимъ характеромъ. Идея кровнаго единства исключительно преобладаетъ у племенъ неосѣдлыхъ, у кочевниковъ.

Другая отличительная черта родового быта заключается въ *военно-дружинномъ* характерѣ родовой организаціи. Военная организація необходима и для хищническихъ набѣговъ ради добычи и для самозащиты противъ враждебныхъ нападеній другихъ родовъ. Потому родовое устройство проникалось строгой военной дисциплиной, установлявшей между членами рода аристократически родовую іерархію съ безусловнымъ главенствомъ и полновластіемъ старшаго надъ младшими. Значеніе и сила главы рода зависѣли не столько отъ родового, сколько отъ военнаго характера его власти.

Слѣдуетъ замѣтить *), что родовой бытъ держится

*) Срв. выше примѣчаніе на стр. 87.

болѣе или менѣе долго, смотря по свѣжести и живучести *родового сознанія,* памяти объ общемъ происхожденіи и связи родичей. Организованный родовой бытъ требуетъ, чтобы съ разрастаніемъ поколѣній не угасало въ нихъ живое и ясное сознаніе родовой связи, чтобы въ самомъ быту были обстоятельства, которыя постоянно поддерживали и освѣжали бы родовое сознаніе.

Иными чертами отличается *община* — вторичная политическая формація быта, переживаемая каждымъ историческимъ народомъ. Политическая роль общины выражается въ томъ, что она собственными творческими силами организуетъ второй неразложимый элементъ политической жизни — элементъ *мѣстный, территоріальный,* укореняетъ отношеніе народа къ пространству, мѣсту его осѣдлости и этимъ выясняетъ понятіе о народной территоріи, безъ котораго немыслимо позднѣйшее образованіе государства. Народъ этой формаціи слагается изъ самобытныхъ частей, общинъ семейныхъ и территоріальныхъ, связанныхъ между собою пространственно, какъ въ силу колонизаціоннаго принципа сожительства на однихъ мѣстахъ осѣдлости, такъ и въ силу единства бытовыхъ и территоріальныхъ интересовъ общинъ. Прочнаго связующаго порядка съ общимъ характеромъ не было въ обществѣ общинной эпохи, — въ сферѣ общихъ политическихъ отношеній народа не было союзнаго начала, которое обнимало бы весь народъ, отличалось государственнымъ характеромъ. Но зато была федеративность мѣстная, волостная, имѣвшая силу и значеніе въ сферѣ чисто общинныхъ отношеній. Здѣсь федеративное начало являлось могучею терри-

ріальною силой, стягивавшею отдѣльные союзы въ группы, федераціи, самобытныя извнѣ и цѣлостно-автономическія внутри, каждая съ своимъ мѣстнымъ центромъ, съ своими областными интересами и сознаніемъ своей отдѣльности и политической самобытности.

Общинный порядокъ, подобно родовому, опредѣлялся организаціей, свойствами и характеромъ основной общественной клѣточки, имѣвшей за собою преимущества колонизаціоннаго старѣйшинства, давности происхожденія, выработавшей начало, которое затѣмъ регулировало все внутреннее устройство общинныхъ союзовъ. Такою клѣточкой является въ эту эпоху *семейная община*. Она имѣла огромное историческое значеніе въ средневѣковой жизни всѣхъ европейскихъ народовъ, и, какъ всякое великое, исторически-культурное начало, долго удерживалась въ жизни, даже въ то время, когда ея историческое назначеніе кончилось, и народный бытъ перешелъ на высшую ступень общественнаго развитія.

Община семейная встрѣчается въ одинаковыхъ формахъ у всѣхъ народовъ общинной культуры. Она была общею принадлежностью славянской исторіи; у славянъ южныхъ она доселѣ сохраняется въ первобытныхъ формахъ. Такая же община была извѣстна на всемъ средневѣковомъ Западѣ. Что у славянъ называлось дымомъ, дворомъ, огнищемъ, родомъ, братчиной, вервью или вервною дружиной, задругой *) заединомъ и пр., то у франковъ X-го и

---

*) «*Домашняя община* составляетъ основную ячейку родового устройства. Среди ученыхъ эта община извѣстна болѣе подъ названіемъ *задруги*. Но сами мѣстные славяне чаще всего называютъ домашнюю общину иначе: или *складные* (т. е. сложившіе-

слѣдующихъ вѣковъ извѣстно было подъ именемъ pot, feu, sel, chanteau, gentium, communauté familial, société rustique des frères, serfs, roturiers и пр.

Въ славянскихъ общинахъ, въ которыхъ рано утвердились княжескіе роды и династіи, устройство послѣднихъ также основывалось на семейно-общинныхъ порядкахъ. Существованіе задружныхъ порядковъ въ средневѣковой жизни европейскихъ народовъ мотивировалось и постоянно поддерживалось общими бытовыми условіями того времени.

Кочевые роды осѣдали по составнымъ своимъ частямъ отдѣльными семьями, въ которыхъ нужно видѣть первые зародыши задругъ. При дальнѣйшемъ нарастаніи семей, члены ихъ продолжали жить сообща, общиной, «заединомъ», какъ въ силу экономическихъ условій — цѣлесообразности и выгодности труда общими силами, такъ и въ силу условій соціальныхъ — ради самозащиты, по началу круговой поруки.

Въ задруги могли затѣмъ соединяться путемъ

ся, по нашему древнему выраженію — *складники*) неотдѣленные *братья*, или просто *велика куча* (т. е. большой домъ, большая семья). Какъ видно уже изъ этихъ названій, *домашняя община* есть размножившаяся семья, оставшаяся нераздѣльной послѣ смерти родоначальника»— стр. 86 статьи проф. П. Н. Милюкова *«Древнѣйшій бытъ славянъ»* (стр. 83—101), напечатанной въ *«Книгѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленной кружкомъ преподавателей подъ редакціей профессора П. Г. Виноградова»*. (Выпускъ первый. М. 1896). Названная статья, равно какъ двѣ другихъ статьи того же автора *«Разселеніе славянъ»* (стр. 67—82) и *«Религія славянъ»* (стр. 102—117), напечатанныя въ той же *«Книгѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ»*, являются существеннымъ и необходимымъ дополненіемъ къ первому отдѣлу нашего сборника, представляя собой новѣйшее научно-популярное изложеніе вопроса о древнихъ славянахъ.

Ред.

общихъ браковъ или простого уговора и чуждыя между собою семьи и отдѣльныя лица, ради тѣхъ же экономическихъ и соціальныхъ цѣлей и интересовъ (отсюда, напримѣръ, чешскія задруги назывались «sstupky, spolky» — отъ «ступаться», вступать въ союзъ, соединяться въ общину, или «заединъ», какъ выражаются теперешніе сербы или хорваты).

Въ задругѣ все ново; нѣтъ ничего общаго съ старымъ родомъ. Семья, поглощавшаяся въ кочевую эпоху родомъ, теперь получаетъ самостоятельное значеніе, является «инокоштиной», лицомъ юридическимъ. Въ составѣ задруги семьи и отдѣльныя лица не безправны, какъ въ старомъ родѣ. Возникающія впервые въ задругѣ, болѣе прочныя отношенія къ землѣ, къ вещному міру, пріурочиваются къ цѣлой задругѣ: она—первый пахарь и вмѣстѣ съ тѣмъ первый вотчинникъ, землевладѣлецъ; въ ней заново организуется земельное владѣніе и собственность — понятія, немыслимыя въ родовомъ быту кочевниковъ. Общій строй задруги вездѣ былъ одинъ и тотъ же. Задруга — союзъ лицъ и семей, живущихъ на одномъ огнищѣ (осѣдлости), однимъ или нѣсколькими домами (дымами), — союзъ, связанный не столько кровнымъ единствомъ, сколько связями территоріальными и экономическими, сожительствомъ на одномъ огнищѣ, семейномъ участкѣ земли, бывшей въ общемъ обладаніи общины. Такія ассоціаціи земледѣльческія управлялись автономически, по общей думѣ, совѣту, уговору и наряду, подъ ближайшимъ завѣдываніемъ отца или выборнаго старшины (славянскій старѣйшина, владыка, домачинъ — domacin, — господарь или хозяинъ соотвѣтствуетъ французскому major, maistre или chef

de communauté, какъ и славянская хозяйка и домачица — domacica — соотвѣтствуетъ французской majorissa, maitresse).

Старѣйшинство опредѣлялось давностью рожденія или принадлежностію къ старшей (по времени возникновенія или приселенія къ союзу) семьѣ въ задругѣ или зависѣло отъ ряда и избранія общины, а иногда просто добывалось захватомъ (при молчаливомъ согласіи на то другихъ членовъ общины).

Равноправіе и солидарность всѣхъ членовъ общины было основнымъ началомъ задружнаго устройства.

Задружные распорядки вліяли на всю дальнѣйшую колонизацію и устройство территоріальныхъ общинъ. Задруга передала имъ развитый ею принципъ общиннаго сожительства и земельнаго владѣнія, старѣйшинства и колонизаціонной іерархіи общинъ, наряда и управы по общей думѣ и уговору и пр. Всѣ эти основы общиннаго быта получили свое развитіе прежде всего въ задругѣ, явившейся раньше другихъ формъ общинныхъ, и затѣмъ расширялись дальше, вмѣстѣ съ разрастаніемъ задругъ въ общины территоріальныя, которыя, по замѣчанію К. Н. Бестужева-Рюмина (Русская Исторія I, 41), и «могли создаваться только изъ имѣющихся уже семейныхъ элементовъ и по ихъ образцамъ».

Задруги, соединенныя пространственно, сводились общими бытовыми интересами въ болѣе обширные союзы — *общины, часто территоріальныя,* представлявшія по своему устройству не больше, какъ разросшіяся задруги. Генезисъ территоріальной общины кроется въ первичной задругѣ, старѣйшей по времени колонизаціи. Первичная задруга, по мѣрѣ

нарастанія членовъ и семей, возникавшихъ въ ней или приселявшихся къ ней въ силу уговора или общихъ браковъ, разрасталась съ теченіемъ времени въ починокъ, деревню, село, посадъ, городъ (пригородъ принадлежитъ эпохѣ позднѣйшей колонизаціи земель и волостей), удерживая на всѣхъ этихъ ступеняхъ типическія черты первоначальнаго своего устройства и только примѣняясь къ болѣе широкимъ и сложнымъ условіямъ жизни территоріальной общины. Подобная же колонизація повторяется и въ другихъ задругахъ. Такъ, путемъ постепенной колонизаціи, разрастанія старыхъ задругъ и выселенія новыхъ, возникалъ рядъ общинъ, пространственно, географически связанныхъ, въ видѣ нашихъ погостовъ, юго- и западно-славянскихъ общинъ (очкинъ, оптинъ, опѣинъ), obec, osad или opol и старогерманскихъ марокъ (mark). Но задруги и погосты не исчерпывали всѣхъ формъ общиннаго быта. Путемъ добровольнаго единенія (главнымъ образомъ ради самозащиты), также путемъ добыванія новыхъ территоріальныхъ частей, путемъ колонизаціонныхъ и пр., они расширялись въ новые, еще болѣе широкіе союзы — общины земельныя, волостныя, подъ разными названіями — оптинъ, жупъ, земель, волостей или областей, кнежтвъ или княжествъ, Gau, Hwarf и проч. Не вездѣ общинная колонизація достигала полнаго своего развитія. Въ однихъ мѣстахъ задруги оставались въ своей первичной формѣ; въ другихъ развитіе не шло далѣе села, — именно тамъ, гдѣ природныя средства защиты (въ мѣстностяхъ горныхъ, лѣсныхъ, болотистыхъ и т. п.) не вызывали необходимости въ устройствѣ укрѣпленныхъ пунктовъ, городовъ (такова горная

хорватская жупа Полица или наши старыя волости, стоявшія рядомъ съ городскими округами и бывшія до XVII вѣка въ управленіи особыхъ правителей — волостелей); наконецъ, въ третьихъ мѣстахъ колонизація достигала образованія широкихъ союзовъ — погостовъ, земель и жупъ. Все здѣсь зависѣло отъ мѣстныхъ условій, отъ накопленія общинами богатства, матеріальной силы и могущества, какъ и отъ другихъ обстоятельствъ, дававшихъ общинамъ большую или меньшую возможность разрастаться, раздвигать территоріальные предѣлы, колонизовать новыя поселенія и достигать полной политической независимости и самобытности.

Какъ въ задругахъ всѣ отношенія и связи построялись путемъ колонизаціонной іерархіи, такъ и отношенія между общинами волостными опредѣлялись по началу давности поселенія, старѣйшинства колонизаціи. Между старыми и новыми общинами установлялись федеративныя отношенія метрополіи къ колоніямъ. Городъ главный, старѣйшій, возникавшій изъ первичнаго, старѣйшаго села и задруги, служилъ общимъ выраженіемъ цѣлаго волостного союза, составлялъ средоточіе жупы, волости или земли, стоялъ, въ силу своего старѣйшинства, во главѣ всего общиннаго наряда, въ центрѣ федераціи семейныхъ и территоріальныхъ общинъ одной волости. «На что же старѣйшіи сдумаютъ, на томъ же пригороди стануть» — общая формула *) колонизаціоннаго подчиненія общинъ одна другой. Сила и могущество волостной федераціи общинъ отражались прежде всего въ сплѣ и могуществѣ ея центра,

*) Срв. выше на стр. 47 замѣчаніе К. Аксакова.

старѣйшаго города. Принадлежность къ такой федераціи, подчиненіе іерархіи и старѣйшинству главнаго города, а съ нимъ и цѣлой федераціи, обусловливалась единеніемъ, уговоромъ, согласіемъ между всѣми федеративными частями. Какъ задруга распадалась, если нарушался «уговоръ», такъ и община территоріальная, при несогодѣ, раздѣлялась на новыя самобытныя части. Какъ въ задругѣ каждый членъ, при несогодѣ съ нею или при желаніи завести свой особый очагъ, огнище, инокоштину (если были у него всѣ нужныя для того условія), всегда могъ отдѣлиться въ особую семью или задругу, такъ и каждый членъ волостной федераціи могъ, смотря по силамъ и средствамъ, также обособиться въ самостоятельную общину, волость. Изъ условій задружнаго быта вытекало и начало общиннаго единенія, федеративности и начало волостной обособленности общинъ.

Отсюда объясняется характеръ и направленіе *общиннаго наряда*. Общины преслѣдуютъ иныя цѣли и задачи, чѣмъ сгарые роды и племена; нарядъ общинный не имѣетъ ничего общаго съ нарядомъ родовымъ. Нарядъ общины носитъ по преимуществу характеръ территоріальный, областной. Здѣсь опять находимъ отраженіе задружныхъ порядковъ. Какъ въ задругѣ все направлено на общее обладаніе *своею* землей, на добываніе и умноженіе своего хозяйства, такъ и въ территоріальной общинѣ нарядъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ укорененіи и регулированіи отношеній народа къ *его* территоріи, въ добываніи имъ для себя территоріальной силы и могущества. Другихъ болѣе общихъ, высшихъ интересовъ, выходящихъ изъ узкой мѣстной сферы,

общинный нарядъ не знаетъ; интересы этого рода вполнѣ сознаются народомъ только на высшей государственной ступени развитія.

Нарядъ общинный развивается и движется параллельно съ территоріальнымъ развитіемъ и расширеніемъ самыхъ общинъ. Онъ сопутствуетъ ихъ колонизаціи, идетъ по ея слѣдамъ и путямъ, въ видахъ внутренняго и внѣшняго береженья возникающихъ общинъ и земель, расширенія ихъ территоріальной власти и значенія. Словомъ, политическая цѣль и назначеніе наряда общинной эпохи состоитъ, главнымъ образомъ, въ спокойномъ развитіи общинной колонизаціи, въ политическомъ укорененіи союзовъ на отдѣльныхъ территоріальныхъ частяхъ.

На первыхъ порахъ общины сами являются нарядниками, сами колонизуются своими собственными силами и средствами, своимъ собственнымъ внутреннимъ нарядомъ. Форма общиннаго наряда вездѣ была одна и та же. Начало задружнаго *старѣйшинства* и *общей думы*, единенія, уговора — главное основаніе наряда задруги — перешло и въ волостное устройство, высказалось въ организаціи выборнаго старѣйшинства общинъ и въ устройствѣ вѣчъ — сходокъ всѣхъ членовъ общины или только домохозяевъ, то-есть, главъ старшинъ семейныхъ и территоріальныхъ общинъ. Начало старѣйшинства и начало вѣчевое цѣликомъ коренятся въ устройствѣ первичныхъ задругъ.

Съ усложненіемъ и выясненіемъ территоріальныхъ отношеній и самобытности общинъ, когда онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ сплачиваться въ болѣе широкіе союзы — жупы, земли и волости, нарядъ общинный, дробный, частичный начинаетъ

оказываться болѣе и болѣе несостоятельнымъ. Требовалась болѣе сосредоточенная и организованная сила колонизаціи путемъ призыва и учрежденія особыхъ нарядниковъ-колонизаторовъ, которые вели бы дальше и регулировали бы колонизацію волостную и земельную. Потребность въ такихъ нарядникахъ не вездѣ, впрочемъ, высказывается одинаково, не всегда даже имѣетъ всеобщій характеръ. Общины, болѣе сильныя или болѣе удаленныя, обособленныя естественными крѣпкими предѣлами (напримѣръ, горами и пр.) отъ главныхъ центровъ общинной колонизаціи, нерѣдко до самаго перехода въ государственный бытъ остаются при одномъ общинномъ нарядѣ, не нуждаются и не ищутъ особыхъ нарядниковъ (напримѣръ, наша Вятка, хорватская горная община Полица и пр.).

Въ роли общинныхъ нарядниковъ-колонизаторовъ являются особые княжескіе роды, задруги, дружины, династіи (Рюриковичей, Неманичей, Пястовичей и пр.). Они призываются общинами, чтобы болѣе успѣшно вести колонизаціонное движеніе и нарядъ общинъ. Въ князьяхъ общинно-волостныхъ проглядываетъ не типъ стараго главы рода, съ абсолютнымъ военно-родовымъ могуществомъ, и также не типъ позднѣйшаго государя, съ его верховною государственною властью, но типъ первичнаго колонизатора, общиннаго дружинника — старѣйшины, домачина семейной общины. Какъ домачинъ знаетъ только свое хозяйство, только интересы своей задруги и въ рѣдкихъ случаяхъ идетъ на общій рядъ, совѣтъ (вѣче) по дѣламъ своей территоріальной общины, такъ и волостной князь ведетъ нарядъ только по интересамъ своей общины и во-

лости. Общимъ дѣломъ князей являлось береженье общинъ отъ внѣшняго врага, устраненіе препятствій къ упроченію волостной колонизаціи народа; но и этотъ нарядъ слабѣетъ, какъ уже замѣчено, въ эпоху полной обособленности общинъ, когда территоріальная колонизація приходитъ къ концу. Княжескіе роды и династіи организуются по тѣмъ же началамъ, какъ и простыя задруги, — по старшинству лѣтъ, принадлежности къ старшей (по времени происхожденія) семьѣ рода, по роду князей и избранію общинъ, по добыванію, захвату и пр. Старшій князь имѣлъ значеніе домачина княжескаго рода, относился къ другимъ его членамъ по началу задружнаго старшинства, вообще дѣйствовалъ какъ простой домачинъ, хозяинъ задруги, по общей думѣ и уговору съ другими князьями, — отсюда и княжескіе ряды и съѣзды получали характеръ простыхъ задружныхъ совѣтовъ. Княжескій родъ былъ задругой, общею для всего народа, для всѣхъ волостей. Пока шло колонизаціонное движеніе общинъ, князья не осѣдаютъ на однихъ мѣстахъ, но постоянно движутся, мѣняютъ точки колонизаціонной дѣятельности, переходятъ изъ одной волости въ другую, вездѣ преслѣдуя одну задачу общиннаго наряда — территоріальнаго укорененія народа путемъ земельной организаціи общинъ и волостей.

Колонизаціонное направленіе общинно-волостного наряда объясняетъ важное значеніе въ немъ *военно-дружиннаго элемента*, какъ могучей колонизующей силы общинъ и волостей. Если въ родовомъ бытѣ этотъ элементъ является разрушительнымъ началомъ, преслѣдовавшимъ по преимуществу хищническія цѣли, то общинная культура облагоражи-

васть его, снимаетъ съ него строгій разрушительный характеръ, приспособляетъ его къ колонизаціоннымъ стремленіямъ и интересамъ общинъ, дѣлаетъ его однимъ изъ главныхъ орудій общинной колонизаціи. Въ отличіе отъ рода, въ цѣломъ своемъ составѣ организовавшагося по военно-дружинному типу, община принимаетъ характеръ мирнаго союза, безъ спеціально-разрушительныхъ стремленій, — союза, выдѣляющаго изъ себя въ видахъ колонизаціонныхъ особую военную дружину — главный органъ и проводникъ общиннаго наряда, въ особенности въ отношеніи къ береженью общины отъ хищническихъ, враждебныхъ набѣговъ кочевниковъ. Во главѣ такой дружины стоитъ князь, какъ главный дружинникъ-колонизаторъ своей общины. Въ отношеніи къ дружинѣ князь былъ ея домачиномъ, ничего не предпринимавшимъ безъ ея совѣта и думы. Родъ княжескій и дружина представляли, такимъ образомъ, какъ бы одну задругу, стоявшую во главѣ колонизаціоннаго наряда общинъ.

Тѣми же задружными началами опредѣляется отношеніе князей къ общинамъ. Задружный принципъ общей думы, единенія, уговора домачина съ задругарями, отца съ дѣтьми, даже хозяина съ слугами, одинаково лежалъ въ основѣ вѣчевыхъ и княжескихъ отношеній. Волостной князь, подобно задружному старшинѣ, распоряжается, хозяйничаетъ, «володѣетъ» волостью, но не въ силу собственнаго, личнаго права, а въ силу своего значенія волостного нарядника, по ряду съ общинами, на основаніи единенія съ вѣчемъ, — при довѣріи народа (когда онъ «любъ» ему) дѣйствуетъ въ своей волости и жупѣ точно такъ же неограниченно, какъ и излюбленный

домачинъ въ своей задругѣ. Съ другой стороны какъ въ задругѣ домачинъ смѣщался, если онъ хозяйничалъ неразумно, не по уговору съ задругарями, такъ и волостной князь удалялся общиной, если онъ становился ей «не любъ», если нарушалось единеніе князя съ волостью. Какъ въ задругѣ отдѣльный членъ, лишавшійся ея довѣрія, изгонялся, выходилъ изъ нея какъ «худой», «изгой», такъ и волостной князь становился изгоемъ, если онъ вслѣдствіе нарушенія единенія съ властью или другими князьями терялъ волость, а съ нею и значеніе волостного нарядника-колонизатора. Изгойство, возникшее первоначально на почвѣ задружныхъ отношеній, распространилось затѣмъ и въ сферу отношеній общинно-волостныхъ.

Такова первоначальная роль и значеніе князя общинной эпохи. Домачинъ въ своей волости, дружинникъ-колонизаторъ внѣ ея, волостной князь, вмѣстѣ съ дружиной и общинами, развиваетъ, организуетъ волостной нарядъ, раздвигаетъ его за предѣлы волости, ведетъ борьбу съ враждебными силами, заводитъ съ народомъ новыя общины и волости и т. д. Въ эпоху общиннаго наряда князья и общины сослужили народу трудную службу: они упрочили территоріальную силу и значеніе народа, уничтожили въ населеніи остатки отъ военно-родового порядка — бродячіе, стадные, хищническіе элементы и инстинкты, регулировали ихъ путемъ мѣстной колонизаціи, вообще содѣйствовали своимъ нарядомъ къ выясненію территоріальной личности, волостной силы и могущества отдѣльныхъ народныхъ частей.

Такъ было въ эпоху развитія колонизаціоннаго

движенія общинъ. Иной порядокъ зарождается съ тѣхъ поръ, какъ предѣлы колонизаціи опредѣлились, а вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно обозначились и окрѣпли группы общинъ, освоившихъ народныя территоріи. Съ этого момента начинается осѣданіе князей, раздѣленіе одной, такъ сказать, обще-волостной княжеской задруги на нѣсколько новыхъ, самостоятельно осѣдающихъ по волостямъ, которыя, въ свою очередь, окончательно группируются въ отдѣльныя политически самобытныя области, каждая съ своимъ самостоятельнымъ нарядомъ, обычаями, законами. Князья вступаютъ съ этихъ поръ въ болѣе близкія и постоянныя отношенія къ общинамъ, постепенно сбрасываютъ съ себя типъ колонизаціоннаго наряднika-домачина волости и расширяютъ свой нарядъ на весь внутренній бытъ общинъ. Въ однѣхъ земляхъ удерживается старое равновѣсіе и единеніе власти княжеской и вѣчевой, являющихся въ это время равносильными, такъ сказать, параллельными органами общиннаго народоправства, — порядокъ, болѣе или менѣе точно и опредѣленно констатируемый путемъ формальныхъ договоровъ и соглашеній князей съ народомъ. Въ другихъ областяхъ княжескій элементъ постепенно усиливается на счетъ вѣчевого, въ силу стремленія князей къ преобладанію, къ добыванію для себя территоріальнаго могущества, являющагося по большей части результатомъ завоевательной силы и гнета (у насъ, между прочимъ, монгольскаго ига). Отсюда, какъ и подъ вліяніемъ ученія духовенства о верховности князей и о безусловномъ подчиненіи и подданствѣ имъ, зарождается въ народномъ сознаніи новое воззрѣніе на князя, какъ «господина»,

«государя», съ властью, не зависящею отъ народа, съ назначеніемъ, идущимъ за узкіе предѣлы общиннаго наряда. Съ выясненіемъ такого воззрѣнія, окончательно разрушается прежняя солидарность и единеніе князя съ общиной, и обозначается поворотная точка въ развитіи всего политическаго быта народа. Изъ ряда волостей и княжескихъ задругъ выступаетъ на первый планъ болѣе сильная и могущественная волость и княжеская задруга; онѣ берутъ территоріальный перевѣсъ и господство надъ другими менѣе сильными волостями и развиваютъ первые зародыши новаго порядка — государственнаго. Здѣсь-то заводится новая культурная клѣточка; съ ея организаціей народъ переходитъ на высшую государственную ступень политическаго быта.

Не всѣ народы одинаково прошли всѣ ступени *) политическихъ формацій, да и тѣ, которые проходили ихъ, развивали ихъ не одинаковымъ образомъ. Самое нормальное политическое развитіе оказали народы романо-германскіе и славянскіе. У нихъ правильно и послѣдовательно развились политическія формы быта — родовая, общинноволостная и государственная, хотя и у нихъ историческое значеніе имѣли, главнымъ образомъ, послѣднія двѣ формаціи. У славянъ и отчасти у германцевъ родовой бытъ развился еще въ доисторическое время и тогда же реорганизовался въ бытъ общинный; на глазахъ исторіи замѣчались лишь одни остатки отъ первичнаго порядка (у германцевъ больше, у славянъ меньше). Нѣкоторыя славянскія племена, юж-

*) Срв. выше на стр. 27.

ныя по преимуществу, доселѣ стоятъ на общинной ступени развитія, но не столько по національной неспособности къ усвоенію высшихъ общественныхъ формъ жизни, сколько въ силу внѣшняго гнета, задержавшаго дальнѣйшее развитіе этихъ племенъ. Другіе народы и племена, повидимому, окончательно остановились на низшихъ ступеняхъ развитія, родовыхъ или общинныхъ, и собственными силами не могутъ достигнуть государственной культуры. Таковы въ настоящее время роды и общины дикарей, какъ и родовыя и общинныя «государства» всѣхъ восточныхъ народовъ. Они застыли на одной ступени развитія, представляютъ собой то же, что окаменѣлости въ физической природѣ. Застывшія общественныя формы принадлежатъ къ политической патологіи. Вѣковые болѣзненные осложненія и наросты не даютъ возможности ставить эти формы въ параллель съ родами, общинами и государствами, органически возникавшими у народовъ арійскихъ, съ ихъ широкимъ историческимъ развитіемъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

РАЗВИТІЕ ГОСУДАРСТВЕННАГО СТРОЯ РОССІИ.

VI. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТЕОРІЯ.

А. Родовая теорія междукняжескихъ отношеній С. М. Соловьева.

I.

(*С. М. Соловьевъ.* «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома». М. 1847).

Мы *) привыкли къ выраженіямъ: раздѣленіе Россіи на удѣлы, удѣльные князья, удѣльный періодъ, удѣльная система, исчезновеніе удѣловъ при Иванѣ III, при сынѣ его Василіи, при Иванѣ IV. Употребляя эти выраженія, мы необходимо даемъ знать, что Россія, начиная отъ смерти Ярослава I до конца XVI-го вѣка, была раздѣлена, ставимъ *удѣлъ* на первомъ планѣ, даемъ ему главную роль; за удѣлъ идутъ всѣ борьбы, около удѣла вращается вся исторія, если періодъ называется удѣльнымъ, если господствуетъ удѣльная система. Но раскроемъ лѣтописи отъ временъ Ярослава I-го до XIII вѣка: идетъ ли въ нихъ рѣчь объ удѣлахъ? встрѣчаемъ ли выраженіе удѣльный князь и великій? происходитъ ли

*) Отрывокъ изъ вступленія къ диссертаціи Соловьева на степень доктора русской исторіи.

борьба за удѣлъ, за распространеніе, усиленіе одного удѣла на счетъ другого, раздѣлена ли, наконецъ, Россія? Нисколько: всѣ князья суть члены одного рода, вся Русь составляетъ нераздѣльную родовую собственность; идетъ рѣчь о томъ, кто изъ князей старше, кто моложе въ родѣ, — за эго всѣ споры, всѣ междоусобія. Владѣніе, города, области имѣютъ значеніе второстепенное, имѣютъ значеніе только въ той степени, въ какой соотвѣтствуютъ старшинству князей, ихъ притязаніямъ на старшинство, и потому князья безпрестанно мѣняютъ ихъ. Князь, у котораго во владѣніи обширная область на сѣверѣ, оставляетъ ее и бьется изо всѣхъ силъ за одинъ городъ на югѣ, потому что этотъ городъ приближаетъ его къ старшинству: однимъ словомъ, интересъ собственника вполнѣ подчиненъ интересу родича. Вмѣсто раздѣленія, которое необходимо связано съ понятіемъ объ удѣлѣ, мы видимъ единство княжескаго рода: развѣ борьба Святославичей съ Мономаховичами есть борьба удѣловъ, борьба Чернигова съ Кіевомъ, Смоленскомъ, Суздалемъ? Эго борьба за единство Ярославова рода, за общность, нераздѣльность владѣнія: «мы внуки одного дѣда», говорятъ Святославичи и потому домогаются Кіева. Начинается вторая борьба въ семьѣ Мономаха — между Мстиславичами и Юріемъ Долгорукимъ, и опять не за удѣлы, но за старшинство. Наконецъ, третья усобица между Ростиславичами и Юрьевичами идетъ также не за удѣлы, но за родовыя отношенія: Ростиславичи требуютъ, чтобы старшій князь поступалъ съ младшими, какъ съ братьями, а не какъ съ подручниками. Гдѣ же удѣлы? Въ лѣтописи вы не находите отношеній вели-

каго князя къ удѣльнымъ, — вы находите только отношенія отца къ сыновьямъ, старшаго брата къ младшимъ, дядей къ племянникамъ; даже самое слово *удѣлъ* мы не встрѣчаемъ въ лѣтописи; если не было понятія о раздѣлѣ, о выдѣлѣ, объ отдѣльной собственности, то не могло быть и слова для его выраженія; когда же на сѣверѣ явилось понятіе объ отдѣльной собственности, то явился и удѣлъ; до этого же времени мы встрѣчаемъ только слова: *волость* и *столъ*. Такимъ образомъ выраженіе: удѣльный періодъ, удѣльная система, приводятъ къ совершенно ложному, обратному представленію, выставляя господство удѣла, владѣнія, отдѣльной собственности въ то время, когда господствовали родовыя отношенія при нераздѣльной родовой собственности.

Но я уже сказалъ, что третья борьба между Ростиславичами и Юрьевичами идетъ за то, что первые хотятъ поддержать родовыя отношенія противъ стремленія сѣверныхъ князей, которые хотятъ обходиться съ родичами, какъ съ подручниками, стать самовластцами въ землѣ своей. Это стремленіе служитъ уже яснымъ признакомъ ослабленія родовой связи, родовыхъ отношеній. И точно, скоро мы видимъ, что единство Ярославова рода рушится, и Русь дѣлится впервые на нѣсколько княжествъ, каждое съ своимъ великимъ княземъ, потому что великій князь означаетъ только старшаго въ княжескомъ родѣ, и если родъ Ярослава раздробился на нѣсколько особыхъ родовъ, то каждый родъ долженъ былъ имѣть особаго старшаго: явилось нѣсколько великихъ князей. Начинается борьба между отдѣльными княжествами; цѣль этой борьбы — пріобрѣтеніе собственности, усиленіе одного кня-

жества на счетъ другихъ, подчиненіе всѣхъ княжествъ одному сильнѣйшему: борьба оканчивается усиленіемъ княжества московскаго, подчиненіемъ ему всѣхъ остальныхъ. Но во время этой борьбы между отдѣльными великими князьями, или старшими родовъ, внутри каждаго княжества, въ каждомъ родѣ идетъ борьба между старшимъ княземъ и младшими, теперь уже *удѣльными* князьями, борьба также за собственность и за государственныя отношенія противъ родовыхъ: каждый великій князь хочетъ уничтожить удѣлы, привести удѣльныхъ князей въ подданническое къ себѣ отношеніе; послѣдніе ратуютъ во имя старыхъ родовыхъ отношеній, старыхъ правъ. Эта внутренняя борьба въ другихъ княжествахъ оканчивается вмѣстѣ съ подчиненіемъ ихъ московскому; въ послѣднемъ же оканчивается только съ пресѣченіемъ Рюриковой династіи.

Такимъ образомъ, исторія княжескихъ отношеній распадается на два главные отдѣла: въ *первомъ* отъ Рюрика до Андрея Боголюбскаго мы видимъ исключительное господство родовыхъ отношеній; во *второмъ*, начиная съ Боголюбскаго, является попытка смѣнить родовыя отношенія государственными, которыя вступаютъ въ борьбу съ родовыми и, наконецъ, торжествуютъ надъ ними. Но что же вызвало государственныя отношенія, и что дало имъ торжество надъ родовыми? Естественное раздробленіе Ярославова рода вслѣдствіе умноженія и расхожденія княжескихъ линій? Родъ Ярослава раздѣлился на семьи, которыя, преслѣдуя каждая свои интересы, вступили другъ съ другомъ въ борьбу, окончившуюся усиленіемъ одной семьи надъ всѣми прочими. Такъ легко, повидимому, объяснить разли-

чіе, обнаружившееся въ явленіяхъ нашей древней исторіи въ XIII вѣкѣ. Но если родъ распадается на семьи, то семьи необходимо стремятся опять развиться въ роды, съ прежними родовыми отношеніями. Такъ, на югѣ, въ старой Руси, являлось стремленіе нарушить единство Ярославова рода, раздѣлиться на семьи: Мономаховичи хотѣли раздѣлиться съ Ольговичами, но между тѣмъ семья Мономаха на югѣ, раздѣлившись съ Ольговичами, сама развилась въ родъ со всѣми прежними родовыми отношеніями. Но на сѣверѣ отдѣльныя княжескія семьи не развивались въ роды; какъ скоро одинъ князь, отдѣлившись отъ рода и поработивъ родичей въ пользу семьи своей, раздѣлитъ при смерти свое владѣніе между сыновьями, то тотчасъ же начинается борьба между ними, при чемъ сильнѣйшій князь подчиняетъ себѣ слабѣйшихъ. Этотъ сильнѣйшій князь снова при смерти дѣлитъ свое владѣніе между сыновьями, и снова имѣетъ мѣсто то же явленіе, та же борьба, съ тѣми же слѣдствіями, т. е., что семья никогда не развивается въ родъ, ибо нѣтъ условія, при которомъ только было возможно такое развитіе, — именно, нѣтъ болѣе понятія объ общности, нераздѣльности владѣнія. Итакъ, для насъ важно здѣсь не то, что родъ раздѣлился на семьи, но то, что семьи не могутъ болѣе развиваться въ роды; для насъ важно здѣсь условіе постояннаго раздѣленія и постоянной борьбы между княжествами, которое даетъ сильнѣйшему возможность подчинить себѣ слабѣйшія; эта возможность основывается на понятіи объ отдѣльной собственности, которая исключала родовое единство, исключая понятіе объ общности, нераздѣльности владѣнія; понятіе же объ отдѣльной

собственности явилось на сѣверѣ вслѣдствіе преобладанія тамъ городовъ новыхъ, которые, получивъ свое бытіе отъ князя, были его собственностью *). Несмотря однако на то, что, начиная съ XIII вѣка, Русь точно раздѣляется на нѣсколько особыхъ княжествъ, и, при господствѣ понятія объ отдѣльной собственности, объ удѣлѣ встрѣчаемъ частое упоминовеніе, являются отношенія между удѣльными князьями и великими, возникаетъ борьба между ними, стремленіе великихъ князей уничтожать удѣлы, — несмотря на все это, и здѣсь названіе: удѣльный періодъ, удѣльная система, опредѣленіе дѣятельности Ивана III или сына его Василія уничтоженіемъ удѣловъ, не могутъ имѣть мѣста, ибо Русь раздѣляется не на удѣлы, а на нѣсколько независимыхъ княжествъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ своего великаго князя и своихъ удѣльныхъ князей, и отношенія между великими князьями играютъ столь же важную роль, какъ и отношенія великихъ князей къ ихъ удѣльнымъ; слѣдовательно, названіе удѣльнаго періода и удѣльной системы и здѣсь также не вѣрно, потому что не обнимаетъ всѣхъ сторонъ княжескихъ отношеній. Вотъ причины, которыя заставляютъ исключить названія: удѣльный періодъ и удѣльная система, изъ исторіи княжескихъ отношеній и вмѣсто того принять выраженія опредѣленнѣйшія: отношенія родовыя и отношенія государственныя.

Но если несправедливо названіе: удѣльный періодъ, то еще менѣе справедливо названіе монголь-

*) См. объ этомъ изслѣдованіе: «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ». М. 1845 г., стр. 26 и слѣд. (диссертація Соловьева на степень магистра русской исторіи).

скаго періода. Это названіе можетъ быть допущено только тогда, когда мы беремъ одну внѣшнюю сторону событій; но слѣдя за внутреннимъ государственнымъ развитіемъ Россіи, мы не имѣемъ никакого основанія ставить монгольскія отношенія на первомъ планѣ, приписывать азіатской ордѣ такое сильное вліяніе на развитіе европейско-христіанскаго общества. Мы видѣли, что стремленіе замѣнить родовыя отношенія государственными началось съ Андрея Боголюбскаго, слѣдовательно, гораздо прежде монголовъ; это стремленіе вызвало сильную борьбу между родовыми и государственными отношеніями, условія для которой были приготовлены прежде монголовъ. Правда, когда отдѣльныя княжества, явившіяся вслѣдствіе разрыва родового единства и преобладанія понятія объ отдѣльной собственности, начинаютъ борьбу другъ съ другомъ, то монголы принимаютъ дѣятельное участіе въ этой борьбѣ, помогаютъ войскомъ то тому, то другому князю или княжеству; но здѣсь они дѣйствуютъ безотчетно, безсознательно, точно такъ, какъ прежде дѣйствовали половцы, помогавшіе одному князю противъ другого въ ихъ родовыхъ спорахъ; однако никто не вноситъ въ русскую исторію половецкаго періода. Возразятъ: половцы не порабощали Руси своему игу, не налагали дани, не давали ярлыковъ князьямъ нашимъ, не казнили ихъ въ степяхъ своихъ; но монголы, несмотря на свое видимое владычество, не имѣютъ никакого понятія о княжескихъ отношеніяхъ, поддерживаютъ, даютъ ярлыки тѣмъ изъ князей, которые дадутъ имъ больше денегъ...

Ханы казнили русскихъ князей въ ордѣ. Не ханы казнили ихъ, но русскіе князья посредствомъ хан-

скихъ палачей истребляли другъ друга, — ханы служили здѣсь только орудіемъ для цѣлей чуждыхъ, которыхъ они совершенно не понимали. Для насъ важно не то, какъ, посредствомъ кого князья истребляютъ другъ друга, но по какимъ началамъ дѣйствуютъ, какія цѣли преслѣдуютъ въ своей борьбѣ; а эти начала, эти цѣли явились независимо отъ татаръ и прежде нихъ. Ханъ могущественно способствовалъ усиленію и обогащенію великаго князя, сдѣлавъ его своимъ приказчикомъ, сборщикомъ податей, но какого великаго князя разумѣютъ здѣсь? Московскаго? но кромѣ московскаго были другіе великіе князья, которые въ своихъ областяхъ были также приказчиками хана, собирали дань съ своихъ удѣльныхъ и могли также обогащаться и усиливаться на счетъ послѣднихъ. Узбекъ помогъ Москвѣ восторжествовать надъ Тверью; но развѣ половцы не давали побѣды князьямъ нашимъ? Итакъ, названіе монгольскаго періода должно быть исключено изъ русской исторіи, потому что мы не можемъ приписать монголамъ самаго сильнаго вліянія на произведеніе тѣхъ явленій, которыми отличается наша исторія, начиная съ XIII вѣка: новый порядокъ вещей начался гораздо прежде монголовъ и развивался естественно, вслѣдствіе причинъ внутреннихъ, при пособіи разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, въ числѣ которыхъ были и монгольскія отношенія, но не подъ исключительнымъ ихъ вліяніемъ...

II.

(*С. М. Соловьевъ.* «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ» Т. II. М. 1852).

Ярославъ I, который является общимъ родоначальникомъ почти всѣхъ княжескихъ линій XI-го вѣка, передъ смертью сказалъ, согласно разсказу начальнаго лѣтописнаго свода, своимъ сыновьямъ слѣдующее: «се азъ отхожю свѣта сего, сынове мои! Имѣйте в собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере; да аще будете в любви межю собою, Богъ будеть в васъ, и покорить вы противныя подъ вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще, в распряхъ и которающеся, то погыбнете самі, и погубите землю отець своихъ и дѣдъ своихъ, юже налѣзоша трудомь своимь великымъ; но пребывайте мирно, послушающе братъ брата. Се же поручаю в собе мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кыевъ, сего послушайте, якоже послушасте мене, да той вы будеть в мене мѣсто; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Володимерь, а Вячеславу Смолинескъ». [И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братия, ни сгонити, рекъ Изяславу:] «аще кто хощеть обидѣти брата своего, то ты помагай, егоже обидять». [И тако уряди сыны своя пребывати въ любви]».

Вотъ всѣ наставленія, всѣ права и обязанности! Князья должны любить другъ друга, слушаться старшаго брата, какъ отца; ни слова о правахъ младшихъ братьевъ, объ ихъ обязанностяхъ, какъ подчиненныхъ владѣльцевъ, относительно старшаго, какъ государя всей страны; выставляются на видъ однѣ связи родственныя, однѣ обязанности родственныя; о государственной связи, государственной подчиненности нѣтъ помину. Любите другъ друга и не ссорьтесь, говоритъ Ярославъ сыновьямъ, потому что вы дѣти одного отца и одной матери; но когда князья не будутъ больше дѣтьми одного отца и одной матери, когда они будутъ двоюродные, троюродные, четвероюродные и т. д. братья, то по какимъ побужденіямъ будутъ они любить другъ друга и не ссориться? Когда связь кровная, родственная ослабѣетъ, исчезнетъ, то чѣмъ замѣнится она? Замѣны нѣтъ, но зато родовая связь крѣпка: не забудемъ, что Ярославичи среди тѣхъ племенъ, которыя такъ долго жили подъ формами родового быта, такъ недавно стали освобождаться отъ этихъ формъ. Пройдетъ вѣкъ, полтора вѣка, князья размножатся, племена (линіи) ихъ разойдутся — и, несмотря на то, всѣ они будутъ называть себя братьями, безъ различія степеней родства; въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ о княжескихъ отношеніяхъ мы не встрѣтимъ названій: двоюродный или троюродный братъ, — русскій языкъ до сихъ поръ не выработалъ особыхъ названій для этихъ степеней родства, какъ выработали языки другихъ народовъ. Князья не теряютъ понятія о единствѣ, нераздѣльности своего рода; это единство, нераздѣльность выражались тѣмъ, что всѣ князья имѣли одного старшаго князя, которымъ былъ всегда стар-

шій членъ въ цѣломъ родѣ; слѣдовательно, каждый членъ рода въ свою очередь могъ получить старшинство, не остававшееся исключительно ни въ одной линіи. Такимъ образомъ, родъ князей русскихъ, несмотря на все свое развѣтвленіе, продолжалъ представлять одну семью — отца съ дѣтьми, внуками и т. д. Теперь изъ словъ лѣтописнаго свода, изъ словъ самихъ князей, какъ они въ немъ записаны, нельзя ли получить свѣдѣнія объ отношеніяхъ князей къ ихъ общему старшему, этому названному отцу? Старшій князь, какъ отецъ, имѣлъ обязанность блюсти выгоды цѣлаго рода, думать и гадать о русской землѣ, о своей чести и о чести всѣхъ родичей*), имѣлъ право судить и наказывать младшихъ**), раздавалъ волости, выдавалъ сиротъ-дочерей княжескихъ замужъ***). Младшіе князья обязаны были оказывать старшему глубокое уваженіе и покорность, имѣть его себѣ отцомъ въ правду****) и ходить

---

*) Такъ Ростиславичи въ 1195 году говорили Всеволоду III: «А ты, брате, въ Володимери племени старѣй еси насъ, а думай, гадай о руской земли и о своей чести и о нашей». Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 145.

**) «А ты мене старѣй, а ты мя съ нимъ и суди», говоритъ въ 1149 г. Ростиславъ Юрьевичъ Изяславу Мстиславичу. Тамъ же, стр. 41 — Мстиславъ Владимировичъ «поточи полотьскіи князѣ, съ женами и съ дѣтми, въ грекы, еже преступиша хрестьное цѣлованіе, зане не бяхуть его воли и не слушахуть его, коли ѣ зовяшеть въ рускую землю въ помощь». Тамъ же, стр. 12 и 15. — Святополку, какъ старшему въ родѣ, поручено было отъ родичей наказать Давида Игоревича: «иди ты, Святополче, на Давыда, любо ими, любо прожени и. Святополкъ же емъся по се, и цѣловаша крестъ межю собою, миръ створше». Тамъ же, I, 112.

***) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 20: «Всеволодъ (Ольговичъ) отда двѣ Всеволодковичѣ, Володимери внуцѣ, едину за Володимера за Давыдовича, а другу за Ярославлича, за Дюрдя».

****) Тамъ же, стр. 85: «Оже мя въ правду зовете съ любовію, то

въ его послушаньи, являться къ нему по первому зову [1]), выступать въ походъ, когда велитъ [2]). Для обозначенія отношеній младшихъ князей къ старшему употреблялись слѣдующія выраженія: младшій ѣздилъ подлѣ стремени старшаго [3]), имѣлъ его господиномъ, былъ въ его волѣ [4]), смотрѣлъ на него [5]).

Но всѣ эти опредѣленія правъ и обязанностей точно такого же рода, какъ и тѣ, какія мы видѣли въ завѣщаніи Ярослава: младшій долженъ былъ

я всяко иду Кіеву на свою волю, яко вы имѣти мя отцемъ собѣ въ правду и въ моемъ вы послушаньи ходити».

[1]) Тамъ же, стр. 8: «И наказавъ его (Ярослава Святополчича) Володимеръ о всемъ, веля ему къ собѣ приходити, когда тя позову, и тако въ мирѣ разидошася кождо въсвояси».

[2]) Тамъ же, стр. 94: «Посла Ростиславъ къ братьи своей и къ сыномъ своимъ, веля имъ всимъ съвъкупитися у себе съ всими полкы своими».

[3]) Тамъ же, стр 73: «Нынѣ, отце, кланяютися, прими мя яко сына своего Мьстислава такоже и мене, ать ѣздить Мьстиславъ подлѣ твой стремень по одиной сторонѣ тебе, а язъ по другой сторонѣ подлѣ твой стремень ѣжду, всими своими полкы». См. тамъ же, стр. 32, 39. Съ этимъ выраженіемъ: *ѣздить подль стремени*, должно сравнить древнѣйшее: *ходить по комъ*, которое также означало сыновное отношеніе младшаго къ старшему; такъ объ Игорѣ: «Игореви же възрастшю, и хожаше по Олзѣ и слушаше его».

[4]) Тамъ же, стр. 75: «Вячеславъ же види въ Ростислава сына своего, и обрадовася радостью великою и рече ему: «сыну! се уже въ старости есмь, а рядовъ всихъ не могу рядити; а, сыну, даю тобѣ, якоже братъ твой держалъ и рядилъ, такоже и тобѣ даю; а ты мя имѣй отцемъ и честь на мнѣ держи, якоже и братъ твой Изяславъ, честь на мнѣ держалъ и отцемъ имѣлъ; а се полкъ мой и дружина моя, ты ряди». Ростиславъ же то слышавъ, и поклонися отцю своему Вячеславу и рече ему: «Велми радъ, господине отце, имѣю тя отцемъ господиномъ, якоже и братъ мой Изяславъ имѣлъ тя и въ твоей воли былъ». Тамъ же, стр. 88, 202.

[5]) Тамъ же, стр. 79: «Они же вси (рязанскіе князья) зряху на Ростислава, имѣяхуть и отцемъ собѣ». Тамъ же, стр. 149.

имѣть старшаго отцомъ въ правду, слушаться его какъ отца; старшій обязанъ былъ любить младшаго какъ сына; имѣть весь родъ какъ душу свою: «всихъ насъ старѣй отець твой, говоритъ Изяславъ Ростиславу Юрьевичу, но съ нами не умѣеть жити, а мнѣ дай Богъ васъ, братью свою, всю имѣти и весь родъ свой въ правду, ако и душю свою»; всѣ права и обязанности условливались родственнымъ чувствомъ, родственной любовью съ обѣихъ сторонъ, родственной любовью между четвероюродными, напримѣръ. Но какъ скоро это условіе исчезло, то вмѣстѣ рушилась всякая связь, всякая подчиненность, потому что никакого другого отношенія, кромѣ родового, не было; младшіе слушались старшаго до тѣхъ поръ, пока имъ казалось, что онъ поступаетъ съ ними какъ отецъ; если же замѣчали противное, то вооружались: «Ты намъ братъ старшій, — говорили они тогда, — но если ты насъ обижаешь, не даешь волостей, то мы сами будемъ искать ихъ»*); или говорили: «Онъ всѣхъ насъ старше, но съ нами не умѣетъ жить». Однажды старшій князь, раздраженный непослушаніемъ младшихъ, приказалъ имъ выѣхать изъ волостей, отъ него полученныхъ; тѣ послали сказать ему: «Ты насъ гонишь изъ русской земли безъ нашей вины... Мы до сихъ поръ чтили тебя какъ отца по любви; но если ты прислалъ къ намъ съ такими рѣчами, не какъ къ князьямъ, но какъ къ подручникамъ и простымъ людямъ, то дѣлай, что замыслилъ, а Богъ за всѣми**), — и прибѣгаютъ къ суду Божію, т. е. къ

*) Тамъ же, стр. 18, 19. «Они же рѣша: ты намъ братъ старишій, аже ны не даси, а намъ самѣмъ о собѣ поискати».

**) Тамъ же, стр. 109. «Мы тя,— говорятъ Ростиславичи Андрею

войнѣ, къ открытому сопротивленію. Въ этихъ словахъ выразилось ясно сознаніе тѣхъ отношеній, какихъ наши древніе князья хотѣли между собою и своимъ старшимъ, потому что здѣсь они противополагаютъ эти отношенія другимъ, какихъ они не хотятъ: обращайся съ нами какъ отецъ съ дѣтьми, а не какъ верховный владѣтель съ владѣтелями подчиненными себѣ, съ подручниками; здѣсь прямо и ясно родовыя отношенія противополагаются государственнымъ. Такъ высказывали сами князья сознаніе своихъ взаимныхъ отношеній. Теперь посмотримъ, какъ выражалось понятіе о княжескихъ отношеніяхъ въ остальномъ народонаселеніи; какъ выражалъ его лѣтописецъ, представитель своихъ грамотныхъ современниковъ. Однажды младшій князь не послушался старшаго, завелъ съ нимъ вражду: лѣтописецъ, осуждая младшаго, говоритъ, что онъ не исполнилъ своихъ обязанностей; но какъ же понимаетъ онъ эти обязанности. «Дурно поступилъ этотъ князь, — говоритъ онъ, — поднявши вражду противъ дяди своего и потомъ противъ тестя своего» *). Въ глазахъ лѣтописца князь дурно поступилъ, потому что нарушилъ родственныя обязанности относительно дяди и тестя, — и только.

Въ случаяхъ, когда выгоды младшихъ не затро-

Суздальскому, — до сихъ мѣсть акы отца имѣли по любви; аже еси съ сякыми рѣчьми прислалъ, не акы къ князю, но акы къ подручнику и просту человѣку, — а что умыслилъ еси, а тое дѣй, а Богъ за всѣмъ».

*) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, стр. 9. «И бысть велика помощь божія князю Володимеру съ своими сыньми, за честьное его житье и за смиреніе его, оному бо (т. е. Ярославу) младу сущю и гордящюся противу строеви своему, и паки противу тьсти своему Мьстиславу».

гивались, то они обходились очень почтительно съ старшимъ; если старшій спрашивалъ совѣта у младшаго, то послѣдній считалъ это для себя большою честью и говорилъ: «Братъ! ты меня старше; какъ рѣшишь, такъ пусть и будетъ, я готовъ исполнять твою волю; если же ты дѣлаешь мнѣ честь, спрашиваешь моего мнѣнія, то я бы такъ думалъ» *), и проч. Но другое дѣло, когда затрогивались выгоды младшихъ князей; если бъ старшій вздумалъ сказать: вы назвали меня отцомъ, и я, какъ отецъ, имѣю право наказывать васъ, — то, разумѣется, младшій отвѣчалъ бы ему: развѣ хорошій отецъ наказываетъ безъ вины дѣтей своихъ? объяви вину, и тогда накажи. Такъ, узнавши объ ослѣпленіи Василька, Мономахъ и Святославичи послали сказать Святополку, своему старшему: «что се зло створилъ еси в русьстѣй земли, и ввергълъ еси ножь въ ны? чему еси ослепилъ братъ свой? аще ты бы вина кая была на нь, обличилъ бы и предъ нами, и упрѣвъ бы и, створилъ ему; а нынѣ яви вину его, оже ему се створилъ еси». Старшій раздавалъ волости младшимъ; когда онъ былъ дѣйствительно отецъ, то распоряжался этою раздачею по произволу, распоряжался при жизни, завѣщавалъ, чтобъ и по смерти было такъ, а не иначе; но когда старшій былъ только отецъ названный, то онъ не могъ распоряжаться по произволу, потому что при малѣйшей обидѣ младшій считалъ себя въ правѣ вооруженною рукой доставить себѣ должное. Вообще старшій не

*) Тамъ же, стр. 38. «Ростиславъ же отвѣща брату своему Изяславу, рече: «брате! кланяютися, ты еси мене старѣй, а како ты угадаеши, а язъ въ томъ готовъ есмь; аже, брате, на мнѣ честь покладываешь, то язъ быхъ, брате, тако реклъ».

предпринималъ ничего безъ совѣта съ младшими, по крайней мѣрѣ съ ближайшими къ себѣ по старшинству; этимъ объясняются множественныя формы въ лѣтописи: *посадили, выгнали* и проч., которыми означаются распоряженія цѣлаго рода; обыкновенно старшій князь, по занятіи главнаго стола, *дѣлалъ рядъ* съ младшей братьею касательно распредѣленія волостей *). Князья собирались также думать вмѣстѣ о земскихъ уставахъ **), опредѣляли извѣстныя правила, съ которыми должны были сообразоваться въ своемъ поведеніи ***). Послѣ, когда права разныхъ князей на старшинство запутались, то иногда князья условливались: если кто-нибудь изъ нихъ получитъ старшинство, то долженъ отдать другому какую-нибудь волость ****).

*) Тамъ же, II, 74, 122. «Вячеславъ же посла по Святослава по Всеволодича, река ему: «Ты еси Ростиславу сынъ любимый, такоже и мнѣ, а поѣди сѣмо ко мнѣ, перебуди же у мене Кіевѣ, доколѣ же придетъ Ростиславъ, а тогда рядъ вси учинимъ». Или: «Иде Святославъ къ Любчю и призва къ собѣ братью свою, Ярослава, Игоря, Всеволода, ряды ему дѣющю».

**) Русская Правда: «По Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ Коснячько, Перенѣгъ, Никифоръ и отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати; а иное все якоже Ярославъ судилъ, такоже и сынове его уставиша». — «Володимѣръ Всеволодичь, по Святополцѣ, созва дружину свою на Берестовѣмь: Ратибора, Кіевьского тысячьского, Прокопью, Бѣлогородьского тысячьского, Станислава, Переяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича, *Олгова мужа*, и уставили до третьяго рѣза», и проч.

***) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 119. «Молвяше же Романови Святославъ: «брате! я не ищю подъ тобою ничего же, но рядъ нашь такъ есть: оже ся князь извинить, то въ волость, а мужь у голову».

****) Тамъ же, стр. 110: «Святославъ же поча слати къ Ярославу съ жалобою, река ему: «на чѣмъ еси цѣловалъ крестъ, а помяни первый рядъ; реклъ бо еси, оже я сяду въ Кіевѣ, то я тебе надѣлю, паки ли ты сядеши въ Кыевѣ, то ты мене надѣли».

Единство княжескаго рода поддерживалось тѣмъ, что каждый членъ этого рода, въ свою очередь, надѣялся достигнуть старшинства и соединеннаго съ старшинствомъ владѣнія главнымъ столомъ кіевскимъ. Основаніемъ старшинства было старшинство физическое, при чемъ дядя имѣлъ преимущество передъ племянниками, старшій братъ предъ младшими, тесть предъ зятемъ, мужъ старшей сестры передъ младшими шурьями, старшій шуринъ предъ младшими зятьями *); и хотя во время господства родовыхъ отношеній между князьями встрѣчаемъ борьбу племянниковъ отъ старшаго брата съ младшими дядьми, однако племянники при этомъ никогда не смѣли выставлять своихъ родовыхъ правъ, и притязанія ихъ, основывавшіяся на случайныхъ обстоятельствахъ, должны были, исключая только одного случая, уступать правамъ дядей самыхъ младшихъ. Но мы видимъ иногда, что нѣкоторые князья и цѣ-

---

*) Тамъ же, стр. 125: Рюрикъ же... размысливъ, съ мужи своими угадавъ, бѣ бо Святославъ старѣй лѣты, и урядився съ нимъ съступися ему старѣйшиньства и Кіева, а собѣ взя всю рускую землю». — Тамъ же, стр. 50: «А се ми есть яко отець стрый свой»; тамъ же, стр. 61, 77. — Касательно преимущества старшаго брата слова Бориса: «не буди мнѣ възняти рукы на брата своего старѣйшаго; аще и отець ми умре, то съ ми буди въ отца мѣсто», — и слова Ярослава I-го сыновьямъ. — Касательно старшинства тестя предъ зятемъ см. выше на стр. 124 слова лѣтописца о винѣ Ярослава Святополковича передъ тестемъ своимъ Мстиславомъ; Мстиславъ Мстиславичъ Удалой доводился племянникомъ Ярославу Всеволодовичу, и между тѣмъ называетъ его своимъ сыномъ, какъ зятя; Новгор. III, 33. — О правѣ старшаго зятя предъ меньшими шурьями Изяславъ Мстиславичъ говоритъ: «Братье! Всеволода есмь имѣлъ въ правду брата старишаго, занеже ми братъ и зять старѣй мене яко отець»; Ипат. лѣт., стр. 23. — Король венгерскій, женатый на младшей сестрѣ Изяслава Мстиславича, не иначе зоветъ послѣдняго, какъ отцомъ; тамъ же, стр. 66.

лыя племена (линіи) княжескія исключаются изъ родового старшинства, и это исключеніе признается правильнымъ. Какимъ же образомъ могло произойти подобное явленіе? Для рѣшенія этого вопроса должно посмотрѣть, какимъ образомъ князь достигалъ старшинства, приближался къ нему? Первоначально родъ состоялъ изъ отца, сыновей, внуковъ и т. д.; когда отецъ умиралъ, его мѣсто для рода заступалъ старшій братъ, онъ становился отцомъ для младшихъ братьевъ, слѣдовательно, его собственные сыновья необходимо становились братьями дядьямъ своимъ, переходили во второй, высшій рядъ, изъ внуковъ въ сыновья, потому что надъ ними не было болѣе дѣда, старшина рода былъ для нихъ прямо отецъ; и точно, дядья называютъ ихъ братьями. Но другіе ихъ двоюродные братья оставались попрежнему внуками, малолѣтними (внукъ — унукъ, юнукъ, малолѣтній по преимуществу), потому что надъ ними попрежнему стояли двѣ степени: старшій дядя считался отцомъ ихъ отцамъ, слѣдовательно, для нихъ самихъ имѣлъ значеніе дѣда. Умиралъ этотъ старшій, второй братъ заступалъ его мѣсто, становился отцомъ для остальныхъ младшихъ братьевъ, и его собственныя дѣти переходили изъ внуковъ въ сыновья, изъ малолѣтнихъ въ совершеннолѣтніе и, такимъ образомъ, мало-по-малу, всѣ молодые князья черезъ старшинство своихъ отцовъ достигали совершеннолѣтія и приближались сами къ старшинству. Но случись при этомъ, что князь умиралъ, не будучи старшиною рода, отцомъ для своихъ братьевъ, то дѣти его оставались навсегда на степени внуковъ, несовершеннолѣтнихъ: для нихъ прекращался путь къ дальнѣйшему движенію; отсюда понятно

теперь, почему сынъ не могъ достигнуть старшинства, если отецъ его никогда не былъ старшиною рода; такъ понимали князья порядокъ восхожденія своего къ старшинству; они говорили: «Какъ прадѣды наши лѣствицею восходили на великое княженіе кіевское, такъ и намъ должно достигать его лѣствичнымъ восхожденіемъ». Но когда въ этой лѣстницѣ вынималась одна ступень, то дальнѣйшее восхожденіе становилось невозможнымъ; такіе исключенные изъ старшинства князья считались въ числѣ *изгоевъ* *).

Каждый членъ рода княжескаго, при извѣстныхъ условіяхъ, могъ достигать старшинства, получать старшій столъ кіевскій, который такимъ образомъ находился въ общемъ родовомъ владѣніи; но другія волости оставались ли постоянно въ наслѣдственномъ владѣніи извѣстныхъ племенъ княжескихъ или, соотвѣтствуя различнымъ степенямъ старшинства, переходили къ князьямъ различныхъ племенъ, при ихъ движеніи къ старшинству лѣствичнымъ восхожденіемъ? Для рѣшенія этого вопроса посмотримъ, какъ поступали князья вначалѣ, когда различныя случайныя обстоятельства не нарушали еще чистоты ихъ отношеній. Когда умеръ четвертый сынъ Ярослава, Вячеславъ, кня-

---

*) Изгои трои: поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ изъ холопьства выкупится, купець одолжаетъ, а се четвертое изгойство и къ себе приложимъ, аще князь оспротѣетъ» — классическое мѣсто объ изгояхъ въ *Уставѣ великаго князя Всеволода о церковныхъ судахъ и о людяхъ и мирилахъ торговыхъ*, напечатанномъ въ I-мъ выпускѣ «Христоматіи по исторіи русскаго права» М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Срв. выше на стр. 107 замѣчанія г. Леонтовича объ изгояхъ.

жившій въ Смоленскѣ, то эта волость не перешла въ наслѣдство къ его сыновьямъ, но отдана была братьями пятому Ярославичу, Игорю, княжившему прежде на Волыни: ясный знакъ отсутствія наслѣдственности волостей и движенія князей изъ одной волости въ другую, по старшинству, лѣствичнымъ восхожденіемъ; потомъ, когда Святославъ Ярославичъ, по изгнаніи брата, получилъ старшинство вмѣстѣ съ главнымъ столомъ кіевскимъ, то слѣдующій по немъ братъ, Всеволодъ, княжившій прежде въ Переяславлѣ, переходитъ на мѣсто Святослава въ Черниговъ. Извѣстная волость могла сдѣлаться наслѣдственнымъ достояніемъ какой-нибудь одной княжеской линіи только въ томъ случаѣ, когда князь, по вышеизложеннымъ причинамъ, терялъ возможность двигаться къ старшинству лѣствичнымъ восхожденіемъ: тогда, получивъ отъ родичей какую-нибудь волость, онъ и потомство его принуждены были навсегда ею ограничиться, потому что переходъ изъ одной волости въ другую условливался возможностью движенія къ старшинству, не существовавшею для *изгоевъ*. Такъ образовались особыя волости: Полоцкая, Галицкая, Рязанская, послѣ Туровская; линія второго Ярославича, Святослава, извѣстная больше подъ племеннымъ названіемъ Ольговичей, также вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ подверглась было тяжкой для князей участи изгойства, и поэтому самому Черниговская волость принимала было характеръ особнаго, выдѣленнаго княжества; но Ольговичамъ удалось, наконецъ, принудить Мономаховичей признать свои права на старшинство, и необходимымъ слѣдствіемъ этого признанія было возстановленіе родовой общности приднѣпровскихъ

волостей для обѣихъ линій. Ольговичъ сѣлъ въ Кіевѣ, а Мономаховичъ на его мѣсто въ Черниговѣ.

Несмотря на то, однако, мы встрѣчаемъ въ лѣтописи слово — *отчина;* князья, не исключенные изъ старшинства, употребляютъ это слово для означенія отдѣльныхъ волостей; въ какомъ же смыслѣ они употребляютъ его? Въ настоящемъ ли эго смыслѣ, какъ наслѣдственнаго владѣнія, или въ другомъ какомъ-либо? Въ 1097 году князья — внуки Ярославовы — собрались вмѣстѣ и рѣшили, чтобъ каждый изъ нихъ держалъ свою отчину: Святополкъ — волость отца своего Изяслава Кіевъ, Владимиръ Мономахъ — отцовскую волость Переяславль, Святославичи — Черниговъ; но мы никакъ не поймемъ этого распоряженія, если станемъ принимать слово *отчина* въ смыслѣ наслѣдственнаго владѣнія для одной линіи, потому что Кіевъ былъ столько же отчиною Святополка, сколько и отчиною всѣхъ остальныхъ князей: и Всеволодъ и Святославъ княжили въ немъ. Но если здѣсь Кіевъ называется отчиною Святополка не въ смыслѣ наслѣдственнаго владѣнія исключительно для него и для потомства его, то не имѣемъ никакого права и Переяславль и Черниговъ считать отчинами Мономаха и Святославичей — въ другомъ смыслѣ. Еще примѣръ на восточной сторонѣ Днѣпра: въ 1151 году Ольговичи — дядя Святославъ Ольговичъ и племянникъ Святославъ Всеволодовичъ — говорятъ Изяславу Давыдовичу: «Брате! миръ стоитъ до рати, а рать до мира; а нынѣ, брате, братья есмы собѣ, а прими насъ къ собѣ; а се отцинѣ межи нама двѣ: одина моего отца Олга, а другая твоего отца Давыда; а ты, брате, Давыдовичь, а язъ Ольговичь: ты же, брате прими отца своего Давыдово,

а што Олгово, то нама дай, ать вѣ ся тѣмь подиливѣ» (подѣлимся) — вслѣдствіе чего Давыдовичъ остался въ Черниговѣ, а Ольговичамъ отдалъ Сѣверскую область. Но для Святослава Всеволодовича Черниговъ былъ точно такъ же отчиною, какъ и для Давыдовича, потому что отецъ его Всеволодъ Ольговичъ княжилъ въ Черниговѣ, и когда Давыдовичъ получилъ Кіевъ, то Черниговъ, отчину свою, уступилъ Святославу Ольговичу. Итакъ, что же такое разумѣлось подъ отчиною? Отчиною для князя была та волость, которою владѣлъ отецъ его и владѣть которою онъ имѣетъ право, если на родовой лѣствицѣ занимаетъ ту же степень, какую занималъ отецъ его, владѣя означенной волостью, потому что владѣніе волостями условливалось степенью на родовой лѣствицѣ, родовыми счетами.

Теперь остается вопросъ: въ какомъ отношеніи находились волости младшихъ князей къ старшему? Мы видѣли, что отношенія между старшимъ и младшимъ были родовыя; младшіе князья хотѣли быть названными сыновьями и нисколько не подручниками старшаго, а такое воззрѣніе должно было опредѣлять и отношенія ихъ къ послѣднему по волостямъ: не допуская подручничества, они никакъ не могли допустить дани, какъ самаго явственнаго знака его, не могли допустить никакого государственнаго подчиненія своихъ областей старшему въ родѣ князю; послѣдній поэтому не могъ имѣть значенія главы государства, верховнаго владыки страны, князя всея Руси, который выдѣлялъ участки земли подчиненнымъ владѣльцамъ во временное или наслѣдственное управленіе. Волости находятся въ совершенной независимости одна отъ другой и отъ

Кіева, являются отдѣльными землями и въ то же время составляютъ одно нераздѣльное цѣлое вслѣдствіе родовыхъ княжескихъ отношеній, вслѣдствіе того, что князья считаютъ всю землю своею отчиною, нераздѣльнымъ владѣніемъ цѣлаго рода своего.

Б. Вотчинная теорія К. Д. Кавелина.

(«Сочиненія *К. Кавелина*». Часть вторая. М. 1859).

Вся *) русская исторія, какъ древняя такъ и новая, есть по преимуществу *государственная, политическая,* въ особенномъ, намъ однимъ свойственномъ значеніи этого слова. Областная, провинціальная жизнь еще не успѣла сложиться, когда стало зачинаться и расти государство. Его возникновеніе опредѣлилось, какъ и слѣдовало, тогдашнимъ мѣстнымъ развитіемъ. Какъ послѣднее было бѣдно и слабо, видно, съ одной стороны, изъ шаткости внутренняго быта тѣхъ немногихъ общинъ, которыя вслѣдствіе особенныхъ историческихъ обстоятельствъ долго не были вовлечены въ общую жизнь и на просторѣ, безъ помѣхи, продолжали свое особенное существованіе, съ другой — изъ быстраго уничтоженія ихъ «старины» вслѣдъ за уничтоженіемъ ихъ политической самостоятельности. Тѣмъ полнѣе, шире, безграничнѣе развивалось государство. Конечно, нѣтъ христіанской страны, гдѣ бы оно принесло себѣ столько жертвъ; нѣтъ новой исторіи, которая бы представляла такое цѣлостное поглощеніе провинціализма государственными интересами.

Во всемъ этомъ давно уже согласились знатоки **)

---

*) Срв. ниже на стр. 164 слова Б. Чичерина.

**) Въ предлагаемомъ изложеніи заимствованія сдѣланы изъ обширной рецензіи Кавелина на докторскую диссертацію Со-

русской исторіи. Еще Карамзинъ, руководимый вѣрнымъ чувствомъ, назвалъ свое сочиненіе «Исторіей Государства Россійскаго». Дѣйствительно, политическій, государственный элементъ представляетъ покуда единственно живую сторону нашей исторіи, и если въ послѣднее двадцатилѣтіе*) и были попытки открыть въ ней другія живыя стороны, то это не столько было вызвано самимъ предметомъ, сколько выражало новыя требованія нашего времени. Не въ русской исторіи, а въ насъ лежали вопросы, которые мы ей задавали. Вотъ почему попытки и кончились ничѣмъ: онѣ принесли большую отрицательную пользу, но не внесли въ науку новаго содержанія.

Теперь важная задача представилась нашему*) времени. Дойдя до отрицательныхъ результатовъ относительно всѣхъ сторонъ древней русской жизни, исключая государственной, политической, мы, естественно, должны были спросить себя: какое же было ея движущее начало, — что въ ней развивалось? Все сказанное объ этомъ доселѣ или было слишкомъ нелѣпо, или слишкомъ обще, прикладывалось ко всѣмъ государствамъ въ мірѣ и именно потому нисколько не поясняло русской исторіи. Сентенціи въ родѣ такихъ: «каждый народъ, развиваясь, образуетъ государство», и подобныя могли ли подвинуть насъ въ уразумѣніи нашего прошедшаго? Онѣ не разрѣшали, какъ же именно это сдѣлалось, какія были при-

---

ловьева, первоначально напечатанной въ *Современникѣ* за 1847 г.; см. тамъ же перепечатанную изъ *Отечественныхъ Записокъ* рецензію на магистерскую диссертацію того же автора (II, 19—38). *Ред.*

*) Писано въ 1847-мъ году.

чины, создавшія такое-то, а не другое государство съ такимъ, а не другимъ характеромъ, и потому никуда не годились. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ требовало и предполагало спеціальныя знанія. Къ нему и стали всѣ склоняться сознательно и безсознательно. Какая-то усталость мысли, возрастающій перевѣсъ фактическаго изученія надъ теоретическимъ, довѣренность къ историческимъ даннымъ, сначала вслѣдствіе нравственнаго утомленія и безсилія, — обозначали переходное время отъ непосредственнаго приближенія общихъ началъ науки къ дѣйствительному, живому пониманію нашей исторіи. Не станемъ теперь разбирать различныя направленія и теоріи, болѣе или менѣе вѣрныя, которыя отсюда вытекали. Скажемъ только, что это исключительное предрасположеніе къ фактамъ, имѣвшее тоже свои дурныя стороны и вредныя послѣдствія, не могло удержаться навсегда. Оно только приготовило матеріалы для новыхъ взглядовъ, которые теперь опять появились, и притомъ многочисленнѣе, разнообразнѣе, чѣмъ когда-либо. Главное ихъ отличіе отъ прежнихъ состоитъ въ томъ, что они, исходя изъ общихъ началъ, наполнены положительнымъ содержаніемъ и, слѣдовательно, гораздо ближе къ дѣйствительности. Они уже не прикладываютъ такъ непосредственно, наивно общихъ началъ къ фактамъ, какъ прежде; начала теперь служатъ основой, путеводной нитью и окончательной повѣркой историческихъ изысканій. Такъ приготовляется мало-по-малу коренное преобразованіе нашей исторической литературы. Это уже замѣтно во многомъ. Не только мы обогатились новыми историческими данными, но и самые вопросы русской исторіи переродились и поставля-

ются теперь совершенно иначе, чѣмъ прежде; а извѣстно, что правильно поставить вопросъ значитъ уже вполовину рѣшить его *).

Вмѣстѣ съ другими переродился и вопросъ о государственномъ, политическомъ элементѣ въ древней Руси. Отчего онъ больше развивался, а другіе менѣе; какой его характеръ и отношенія къ другимъ сторонамъ жизни; по какимъ законамъ онъ развивался, — словомъ, какая его роль и значеніе въ русской исторіи? За всѣ эти вопросы принялись совершенно иначе. Принявъ въ основаніе мысль, что каждый народъ есть живой, цѣльный, саморазвивающійся организмъ, котораго различныя стороны не распадаются на безсвязныя или только механически между собою соединенныя части, а всѣ вытекаютъ изъ единой народной жизни, — нельзя уже было разсматривать нашу государственную жизнь отдѣльно отъ другихъ сторонъ. Теперь на нее взглянули, какъ на одно изъ выраженій народнаго организма; слѣдовательно, имъ, а не чѣмъ-либо посторонним и сверхъестественнымъ, надо было ее объяснить. Событія, извнѣ и случайно вошедшія въ нашу народную жизнь, не внесли въ нее новыхъ элементовъ и, стало-быть, не измѣнили ея, а остались на ея поверхности и были ею переработаны; слѣдовательно, они имѣютъ лишь второстепенный голосъ въ опредѣленіи нашей исторіи.

---

*) Напоминая еще разъ, что эти общія разсужденія Кавелина писаны были 50 лѣтъ тому назадъ, предлагаемъ сопоставить ихъ съ 1—3 и 19 стр. введенія къ извѣстной книгѣ проф. П. Н. Милюкова *«Очерки по исторіи русской культуры»*. (Спб. 1896. Часть первая. Изданіе редакціи журнала *Міръ Божій*).

Ред.

Этотъ взглядъ, послѣдній результатъ европейской науки, имѣлъ огромное и рѣшительное вліяніе на уразумѣніе нашего древняго быта. Если развивалась только государственная, политическая жизнь, а другія стороны нѣтъ, то, значитъ, въ ней сосредоточились всѣ силы и соки народной жизни; слѣдовательно, измѣненія первой были измѣненіями послѣдней. Послѣ того оставалось только понять, такъ сказать, почву, элементъ, въ которыхъ совершалась государственная жизнь, и уловить законы ея развитія — и дѣло было сдѣлано, задача рѣшена, взглядъ на русскую исторію созданъ.

Историческіе элементы русской жизни не трудно было отгадать. Давно ужъ, хотя и безсознательно, называли Русь патріархальной, но этому слову не давали того глубокаго, всеобъемлющаго значенія, которое оно дѣйствительно имѣетъ въ приложеніи къ намъ. Сверхъ того всѣ русскіе древніе политики прямо или косвенно тоже указываютъ на патріархальность. А что такое патріархальность? Формулируя это слово ученымъ образомъ, мы найдемъ, что она заключается въ преобладаніи естественныхъ, прирожденныхъ, слѣдовательно на кровномъ родствѣ основанныхъ отношеній надъ юридическими и личными. Общество, въ которомъ начальникъ или господинъ является какъ бы отцомъ, а равные какъ бы братья между собою по крови, — такое общество есть патріархальное. Такъ какъ родственныя отношенія по времени первыя въ исторіи, то во всѣхъ обществахъ, у всѣхъ народовъ, патріархальный бытъ *)

*) Срв. выше на стр. 27 и 109. Гораздо позднѣе поднятъ былъ вопросъ о болѣе древнемъ бытѣ славянъ восточно-европейской равнины — матріархальномъ. См., напр., лекціи проф. М. М. Ко-

предшествуетъ всякому другому. Главная отличительная его черта — совершенная неопредѣленность взаимныхъ отношеній между людьми, и вслѣдствіе этого страшный произволъ, безсознательность и необезпеченность всѣхъ и каждаго. Человѣку невыносимо жить подъ гнетомъ вѣчной, неотвратимой случайности, которая царитъ въ патріархальномъ обществѣ, худо прикрываясь мнимой наивностью и ничѣмъ не охраняемымъ, слѣдовательно, шаткимъ обычаемъ: по природѣ своей человѣкъ стремится къ опредѣленному, извѣстному постоянному быту, въ которомъ можно оріентироваться и найтись. Вотъ что выводитъ патріархальное общество въ юридическій, гражданскій бытъ. Конечно, въ періодъ исключительнаго и односторонняго развитія, юридическій бытъ является слишкомъ строгимъ, угловатымъ и прозаическимъ; но онъ по крайней мѣрѣ даетъ человѣку хоть какія-нибудь точки опоры, очерчиваетъ хоть грубо кругъ его дѣятельности, не переступая котораго можно дѣйствовать безъ насилія. Патріархальное общество не представляетъ даже и этой скудной выгоды. Отсюда, по мѣрѣ того, какъ народъ живетъ, патріархальныя отношенія смѣняются въ немъ юридическими и гражданскими, кровный союзъ сначала опредѣляется юридически, потомъ уступаетъ мѣсто другому, болѣе широкому гражданскому союзу, въ которомъ человѣкъ, прежде зависѣвшій отъ кровныхъ отношеній, преобразуется мало-по-малу въ самостоятельнаго дѣятеля, котораго мѣсто и значеніе опредѣляется личными качествами,

---

валевскаго «*Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности*». (Спб. 1896. Изд. Фл. Павленкова).

Ред.

талантомъ и доблестями, а не одними природными условіями рожденія.

Если государственный элементъ дѣйствительно поглотилъ и сосредоточилъ всю русскую народную жизнь, то его развитіе должно представлять это постепенное перерожденіе патріархальности въ юридическое устройство и гражданственность. Другими словами: въ нашей государственной жизни должны были сначала преобладать кровныя родственныя начала, а потомъ изъ нихъ, постепенно, выработаться юридическія и гражданскія.

Диссертація Соловьева самымъ блистательнымъ образомъ подтвердила этотъ выводъ a priori. И до нея говорили, что съ Ивана III началось у насъ государство, — что въ періодъ удѣловъ князья считались между собою родствомъ, кто кого старше; но на этомъ всѣ и останавливались. Это были безсвязныя замѣтки — не болѣе; отъ недостатка систематическаго взгляда эти замѣтки не послужили ни къ чему; факты, бросающіеся въ глаза, оставались незамѣченными; въ суммѣ, несмотря на многія изслѣдованія, русская исторія ничего не выиграла. Обладая огромнымъ фактическимъ знаніемъ предмета, — чему убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ служитъ книга, — Соловьевъ прежде всего обратилъ вниманіе на живую связь между отдѣльными событіями русской исторіи, на начало, дающее имъ органическую цѣлость, единство. Въ короткой, но замѣчательной рѣчи, произнесенной имъ съ каѳедры *) передъ началомъ публичнаго диспута, онъ ясно высказалъ свое отношеніе къ предшественникамъ на

*) Докторскій диспутъ Соловьева происходилъ 6 іюня 1847 г.

томъ же поприщѣ. Мы не упомнимъ самыхъ словъ, но мысль была вотъ какая: до сихъ поръ заботились особенно о томъ, какъ раздѣлить русскую исторію; теперь надо стараться, напротивъ, соединить ея части въ одно цѣлое, связать раздробленное и неправильно противопоставленное *); надо возсоздать наукой живой организмъ русской исторіи, а онъ самъ ужъ укажетъ на раздѣленіе необходимое и естественное.

Результатомъ этого совершенно новаго пріема, до сихъ поръ не виданнаго въ русской исторической литературѣ, былъ новый взглядъ на древнерусскую государственную жизнь, которая составляетъ главную тему диссертаціи. На основаніи этого взгляда исчезаютъ всѣ представленія, заслонявшія естественный, органическій ходъ событій и внутреннюю связь между эпохами. Удѣлы и удѣльный періодъ, которые, судя по нашимъ учебникамъ, неизвѣстно какъ и откуда вдругъ являются въ нашей исторіи, по мнѣнію Соловьева, до XIII вѣка вовсе не существовали, да и послѣ не играли первой роли. Монгольское иго, которому доселѣ приписывали рѣшительный, полный переворотъ въ нашей исторіи, тоже не имѣло такого великаго значенія. Оно сильно на насъ вліяло — это правда, но было одной изъ дѣйствую-

---

*) Срв. слова Соловьева въ предисловіи къ первому тому «*Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ*»: «Не дѣлить, не дробить русскую исторію на отдѣльные части, періоды, но соединять ихъ, слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ; не раздѣлять началъ, но разематривать ихъ во взаимодѣйствіи, стараться объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлить его изъ общей связи событій и подчинить внѣшнему вліянію. Вотъ обязанность историка въ настоящее время» (1851 г.).

щихъ причинъ, а не исключительно дѣйствовавшей. Такимъ образомъ, исчезаетъ все внесенное извнѣ въ русскую исторію, поле изслѣдованій очищено отъ всего ему чуждаго, и ничто уже не препятствуетъ событіямъ, эпохамъ предстать въ томъ свѣтѣ, съ тѣмъ значеніемъ, которые имъ дѣйствительно принадлежатъ и свойственны. Разрѣшивъ эту первую отрицательную половину своей задачи въ предисловіи, авторъ рѣшаетъ и старую, положительную. Изслѣдованіе ея наполняетъ всю остальную часть диссертаціи. Государственная исторія Россіи за все время господства Рюриковой династіи, по мнѣнію автора, сначала представляетъ господство родовыхъ отношеній, которыя мало-по-малу смѣняются государственными; послѣднія, наконецъ, берутъ рѣшительный верхъ надъ первыми и совершенно упраздняютъ ихъ въ окончательной кровавой борьбѣ Ивана IV съ вельможествомъ. Съ этимъ торжествомъ государственнаго начала надъ родовымъ совпадаетъ прекращеніе Рюриковой династіи, и Россія вступаетъ въ новый фазисъ историческаго существованія.

Это общія черты новаго взгляда Соловьева на древнюю государственную Русь. Взглянемъ теперь на подробности.

Сначала, до XIII вѣка, всѣ князья суть члены одного княжескаго рода, вся Россія есть его нераздѣльная родовая собственность въ общемъ его владѣніи. При такомъ состояніи невозможно понятіе о частной собственности князей, понятіе объ удѣлѣ; какъ члены одного рода, всѣ князья владѣютъ, но не на основаніи права собственности; слѣдовательно, ихъ отношенія только личныя, опредѣленныя родственными, кровными связями; князья считаются

между собою старшинствомъ, которое даетъ имъ высшее или низшее мѣсто въ общей родовой іерархіи, и потому то или другое владѣніе. Эпоха, въ продолженіе которой удерживается этотъ порядокъ вещей, имѣетъ свои подраздѣленія. Съ начала такъ называемаго періода удѣловъ — отъ Ярослава до смерти Мстислава 1-го — столкновенія и распри между князьями происходятъ вслѣдствіе исключенія изъ общаго владѣнія племянниковъ дядями; съ этого времени до Боголюбскаго возникаетъ уже борьба между князьями за старшинство, дающее право на такое или другое владѣніе, и преимущественно Кіевомъ. Андрей открываетъ новое начало порядка вещей. Этотъ князь господствуетъ на сѣверѣ, гдѣ новыхъ городовъ несравненно больше, чѣмъ на югѣ и западѣ; новые города, основанные самими князьями, находятся къ нимъ въ отношеніяхъ вотчинъ, полной собственности, чѣмъ не могли быть древніе вѣчевые города*). Такъ, на сѣверо-востокѣ возникаетъ понятіе объ удѣлѣ, частной княжеской собственности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и взглядъ на между-княжескія отношенія долженъ былъ измѣниться. Андрей, воспитанный на новыхъ началахъ, какъ собственникъ, явно стремится къ единовластію и самодержавію и силится упразднить прежній родовой порядокъ вещей, поддерживаемый южно-русскими князьями. Отсюда борьба между нимъ и послѣдними, продолжавшаяся и при преемникѣ его замысловъ и владѣній, Всеволодѣ III. Въ этомъ князѣ уже предчувствуются московскіе великіе князья, особенно Иванъ III. Послѣ Всеволода мало по-малу утвер-

*) Срв. ниже на стр. 159 и слѣд.

ждаются и развиваются новыя между-княжескія отношенія, которыхъ основаніемъ было уже понятіе о собственности. Князья дѣлили свою вотчину, княженія, между дѣтьми; каждый старался усилить и умножить ее на счетъ другихъ, не уважая или мало уважая родовыя права, служившія прежде главной нормой въ опредѣленіи ихъ взаимныхъ отношеній. При такихъ обстоятельствахъ, одной княжеской линіи, а именно московской, удалось усилиться надъ всѣми прочими. Слѣдствіемъ этого было отнятіе владѣній у прочихъ князей и ихъ подданническое служебное отношеніе къ московскому; наконецъ, независимые князья совершенно исчезли въ Россіи, и она обратилась въ московское государство. Это государство, окончательно основанное Иваномъ III и IV, стало на развалинахъ прежняго удѣльнаго родового порядка вещей; разумѣется, онъ не вдругъ отказался отъ своихъ правъ и непрестанно напоминалъ о своемъ существованіи въ лицѣ бояръ и вельможъ, живыхъ представителей такъ называемаго удѣльнаго періода. Отсюда борьба между ними и московскими государями, особенно ярко и въ послѣдній разъ обнаружившаяся при Иванѣ IV. Она заключила нашу древнюю, до-государственную исторію и открыла новый періодъ — періодъ московскаго царства.

Этотъ взглядъ безспорно гораздо глубже, цѣльнѣе, чѣмъ всѣ предыдущіе. Онъ набрасываетъ живую, связную картину государственной жизни древней Руси, чего мы до сихъ поръ не имѣли, — точка отправленія поразительно вѣрна. Несмотря на все это, мы думаемъ, однако, что Соловьевъ, поставивъ новое начало, не провелъ его до конца и

какъ будто остановился на полудорогѣ. Развитіе новой мысли у него не вполнѣ послѣдовательно; постараемся доказать это.

Родовыя отношенія между русскими князьями поставлены у автора первыми по времени. Это начало — точка отправленія. Ихъ преобладаніе, чтобъ не сказать исключительное господство, въ древнѣйшей русской государственной исторіи несомнѣнно, очевидно, ясно. Подъ конецъ, когда раздробленныя части Россіи стали соединяться въ одно цѣлое, родовыя отношенія удерживались уже только какъ форма безъ содержанія, какъ предлогъ, скрывавшій совсѣмъ другіе замыслы. Князь изъ члена рода сталъ вотчинникомъ, землевладѣльцемъ и больше всего думалъ, какъ бы ему нажиться и увеличить свое имѣніе, будущее наслѣдство дѣтей. Этой главной задушевной цѣли онъ жертвовалъ родовыми и кровными связями. Между княземъ, членомъ рода, и княземъ-хозяиномъ разстояніе такъ велико, что ихъ почти нельзя сравнивать; однако послѣдній былъ потомокъ перваго. Какъ же совершилось это перерожденіе? какими ступенями пройденъ путь, начало и конецъ котораго такъ не сходны?

Соловьевъ говоритъ о родовыхъ отношеніяхъ, потомъ о государственныхъ, которыя сначала съ ними боролись и наконецъ ихъ смѣнили. Но въ какомъ отношеніи они находились между собою, откуда взялись государственныя отношенія въ нашемъ быту вслѣдъ за родовыми — этого онъ не объясняетъ или объясняетъ слишкомъ неудовлетворительно. Во-первыхъ, онъ не показываетъ естественной преемственности быта юридическаго послѣ родового; во-вторыхъ, взглядъ его не вполнѣ отрѣшился отъ пре-

увеличеній, которыя такъ изукрасили древнюю Русь, что ее нельзя и узнать. Правда, его взглядъ несравненно простѣе, естественнѣе; но надо было сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобъ довершить полное высвобожденіе древней русской исторіи отъ несвойственныхъ ей представленій; а его-то Соловьевъ и не сдѣлалъ. Этимъ и объясняется, почему авторъ по необходимости долженъ былъ прибѣгнуть къ остроумной, но невѣрной гипотезѣ о различіи новыхъ княжескихъ городовъ отъ древнихъ вѣчевыхъ, для объясненія новаго порядка вещей, народившагося въ сѣверо-восточной Россіи. Представляя себѣ въ нѣсколько неестественныхъ размѣрахъ владимирскую и московскую Русь, Соловьевъ увидѣлъ въ нихъ то, чего онѣ или вовсе не представляли, или представляли, но не въ томъ свѣтѣ, который имъ придаетъ авторъ. Оттого у Соловьева между Русью до и послѣ XIII вѣка цѣлая пропасть, которую наполнить можно было чѣмъ-нибудь внѣшнимъ, не лежавшимъ въ органическомъ развитіи нашего древнѣйшаго быта. Такимъ вводнымъ обстоятельствомъ является у автора система новыхъ городовъ; вывести эту систему изъ родовыхъ началъ, наполнившихъ своимъ развитіемъ государственную исторію Россіи до Ивана III, нѣтъ никакой возможности.

Объяснимся.

Мы уже сказали, что государственный, политическій элементъ одинъ сосредоточиваетъ въ себѣ весь интересъ и всю жизнь древней Руси. Если этотъ элементъ выразился въ родовыхъ патріархальныхъ формахъ, ясно, что въ то время онѣ были высшей и единственно возможной формой быта для древней Руси. Никакихъ сильныхъ переворотовъ во

внутреннемъ составѣ нашего отечества не происходило; отсюда можно a priori безошибочно заключить, что всѣ измѣненія, происшедшія постепенно въ политическомъ быту Россіи, развились органически изъ самого патріархальнаго, родового быта. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что исторія нашихъ князей представляетъ совершенно естественное перерожденіе кровнаго быта въ юридическій и гражданскій. Сначала князья составляютъ цѣлый родъ, владѣющій сообща всею русскою землею. Такую картину представляетъ до-общественный, до-историческій бытъ всякаго человѣческаго общества. Отношеній по собственности нѣтъ и быть не можетъ, потому что нѣтъ прочной осѣдлости. Князья безпрестанно переходятъ съ мѣста на мѣсто, изъ одного владѣнія въ другое, считаясь между собою, только по родству, старшинствомъ. Впослѣдствіи они начинаютъ осѣдаться на мѣстахъ. Какъ только это сдѣлалось, княжескій родъ раздробился на вѣтви, изъ которыхъ каждая стала владѣть особеннымъ участкомъ земли — областью или княжествомъ. Вотъ первый шагъ къ собственности. Правда, въ каждой отдѣльной территоріи продолжается еще прежній порядокъ вещей: общее владѣніе, единство княжеской вѣтви, имъ обладавшей, и переходы князей. Но не забудемъ, что эти территоріи были несравненно меньше, княжескія вѣтви малочисленнѣе; стало-быть, теперь гораздо легче могла возникнуть мысль, что княжество не болѣе, не менѣе какъ княжеская вотчина, наслѣдственная собственность, которою владѣлецъ можетъ распоряжаться безусловно. Когда эта мысль, конечно, безсознательно, наконецъ укрѣпилась и созрѣла, территоріальные, владѣльческіе интересы должны были

одержать верхъ надъ личными, то-есть по тогдашнему кровными и родственными. Вотъ какимъ образомъ князья мало-по-малу утратили живое сознаніе, что они члены одного рода, кровные между *) собою. Они стали относиться между собою, какъ владѣльцы, собственники, у которыхъ владѣльческіе интересы на первомъ планѣ. Родъ княжескій чрезъ это превратился въ множество отдѣльныхъ, независимыхъ владѣльцевъ. Здѣсь лежитъ первый, хотя и слабый, зародышъ гражданскаго общества. Оно нестройно и безсвязно, потому что не судъ, не верховная власть опредѣляли ихъ отношенія, а произволъ и сила оружія. Одному изъ такихъ князей-собственниковъ удалось, наконецъ, съ помощью разныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, усилиться на счетъ другихъ. Онъ и его преемники усердно, правдой и неправдой, прибирали владѣнія послѣднихъ къ своимъ рукамъ. Такъ образовалась огромная вотчина, въ которой исподволь стали появляться первые зачатки государства; но и они — замѣтимъ это хорошенько — условливались не степенью нашего тогдашняго развитія, а, такъ сказать, громадностью факта, физическими средствами владѣльца. Этотъ порядокъ вещей продолжался два съ половиною вѣка, пока, наконецъ, въ началѣ XVIII, московское царство дѣйствительно преобразовалось въ политическое, государственное тѣло и стало державой въ настоящемъ значеніи слова.

Отсюда мы выводимъ вотъ какіе результаты: дѣйствуя на первобытной, дѣвственной почвѣ, на которой никто не оставилъ слѣдовъ другого, болѣе раз-

---

*) Срв. выше примѣчаніе на стр. 97.

витого быта, предоставленные сами себѣ, мы сначала принуждены были сами собою открывать и вырабатывать всѣ первичныя — гражданскія и общественныя — начала, составляющія азбуку общежитія, и едва ли есть другая исторія, которая такъ живо, какъ русская, сохранила картину этого незапамятнаго до-историческаго развитія человѣческаго общества. Даже понятіе о собственности мы должны были изобрѣсти сами, и честь этого открытія у насъ принадлежитъ князьямъ; въ частный бытъ оно проникло спустя еще два вѣка. То же должно сказать и о гражданскомъ бытѣ. Первыми его дѣятелями и представителями были князья; а въ частномъ быту давно ли разрушено родовое начало? Да и разрушено ли оно вполнѣ даже теперь, полтораста лѣтъ спустя послѣ реформы? Если такъ, спрашивается, могла ли въ XIII вѣкѣ быть хоть тѣнь государственныхъ отношеній между князьями? Зародышъ гражданскихъ, нѣчто на нихъ похожее — да, безспорно, но никакъ не государственныя. Послѣднія предполагаютъ высокую степень общественнаго, умственнаго и нравственнаго развитія, о которомъ въ древней Руси не было и помину. Это доказывается и прямыми фактами и косвенно родовымъ, кровнымъ распорядкомъ, непосредственно предшествовавшимъ такъ называемымъ государственнымъ отношеніямъ. Оттого, что Соловьевъ не назвалъ явленія его именемъ, произошли всѣ неправильные и непослѣдовательные выводы, ошибочныя воззрѣнія и натянутыя толкованія.

Читатели теперь сами видятъ, что отдѣльная собственность образовалась весьма просто, сама собою, вслѣдствіе развитія родового быта. Соловьеву была

нужна гипотеза о различіи старыхъ и новыхъ городовъ. Она не нужна и, прибавимъ еще, весьма неправдоподобна. Дѣйствительно ли различались новые города отъ старыхъ? Авторъ изложилъ гипотезу въ своей магистерской диссертаціи *) объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, но не подтвердилъ ее никакими доказательствами **). Потомъ онъ на нее ссылался какъ на аксіому. Мы съ своей стороны тщетно перебирали въ памяти историческіе факты, напрасно пересматривали лѣтописи: ни одно данное не приводитъ къ ней. Во-первыхъ, въ устройствѣ старыхъ и новыхъ городовъ мы не находимъ рѣшительно никакой разницы; вольныя общины отличались особенной организаціей — это правда; но если всѣ вольные города древней Руси были старые, то далеко нельзя сказать наоборотъ, что всѣ старые города были вольные. Напротивъ, лѣтописи представляютъ намъ множество старыхъ городовъ, которые безусловно повиновались князьямъ, приходившимъ къ нимъ безъ призванія, и множество новыхъ городовъ, построенныхъ князьями, и въ сѣверо-восточной Россіи, которые не повиновались князьямъ и своевольствовали. Различіе между тѣми и другими невозможно провести, потому что устройство городовъ древней Руси не

---

*) См. стр. 16—24 по изданію 1846 года. См. ниже на стр. 159—163.

**) Въ рецензіи на эту диссертацію, Кавелинъ (*Сочиненія* II, 34) оспариваетъ гипотезу о различіи старыхъ и новыхъ городовъ гораздо менѣе рѣшительно, отзываясь о ней какъ «во многихъ отношеніяхъ вѣрной». Срв. выше на стр. 146 и 158. Сжатый отвѣтъ Соловьева на приведенныя въ текстѣ мѣста изъ рецензіи Кавелина см. въ дополненіи ко 2-му тому «*Исторіи Россіи*» (по изданію товарищества «Общественная Польза». Книга первая, стр. 651—656). *Ред.*

имѣло никакой опредѣленности, правильности, постоянства, которыя, при возмужалости народа, кладутъ особенную, неизмѣнную печать на всю исторію города и глубокими чертами отличаютъ ее отъ исторіи и быта всѣхъ другихъ городовъ. И теперь внутренніе города Россіи, даже большіе, чрезвычайно между собою сходны. Отчего это? Оттого, что нѣтъ провинціализма, мѣстнаго развитія, а ихъ нѣтъ потому, что гражданственность у насъ еще въ зародышѣ, едва только начинается *). Тѣмъ болѣе такъ было въ древней Россіи, не имѣвшей никакой гражданственности. Исторія нашихъ городовъ въ древности служитъ этому неопровержимымъ доказательствомъ. Тѣ только изъ нихъ сохраняютъ самостоятельность, которые удалены отъ главной сцены дѣйствія русской исторіи; придетъ съ ними въ соприкосновеніе сильный князь — они отдаются ему «на всей его волѣ», конечно, не безъ сопротивленія, но все-таки отдаются: князь налицо — городъ исполняетъ его волю, нѣтъ — тогда городъ начинаетъ дѣйствовать, собираться на вѣче, распоряжается. Ослабѣютъ князья — города ихъ не слушаются и заключаютъ съ ними условія, усилились они — города опять замолкли. А когда утвердилось московское единовластіе, достаточно было ста лѣтъ, чтобъ сравнить какой-нибудь Новгородъ со всѣми другими городами, — Новгородъ, который до конца XV вѣка составлялъ цѣлое государство съ огромной территоріей; а тогда еще не было и помина о тѣхъ административныхъ средствахъ совершеннаго угнетенія, которыя изобрѣтены уже въ новѣйшее

*) Писано въ 1847 году.

время. Что можетъ быть краснорѣчивѣе этихъ фактовъ? Не говорятъ ли они, что тогда города сами по себѣ ничего не значили, что ихъ муниципальныя права не были правами, а обычаями, не имѣвшими даже юридическаго характера, потому что эти права не были сознаны и усвоены, и только въ отсутствіе или при слабости князей предъявляли свое существованіе. Стало-быть, не изъ характера новыхъ городовъ развилось понятіе объ отдѣльной княжеской собственности. Оно не имѣло никакого историческаго прототипа, а, напротивъ, само родившись впервые въ государственной сферѣ, послужило первообразомъ частной гражданской собственности. Итакъ, объясненіе Соловьева рушится само собою.

Объясненіе происхожденія отдѣльной собственности лежитъ гораздо ближе, въ самыхъ условіяхъ родового быта. Если онъ послѣ XIII вѣка началъ переходить въ гражданскій, а не государственный, какъ думаетъ Соловьевъ, то органическую связь между обоими угадать весьма не трудно. Она скрывается въ *вотчинномъ* семейственномъ началѣ, тоже основанномъ на кровномъ родствѣ, слѣдовательно, тоже патріархальномъ, но которое тѣмъ существенно отличается отъ родового, что гораздо тѣснѣе его и находится къ нему постоянно во враждебныхъ отношеніяхъ. Семья разлагаетъ родъ на части, и когда она береть верхъ, послѣдній необходимо падаетъ. О *вотчинномъ* семейномъ началѣ, игравшемъ такую важную роль въ древней Россіи, Соловьевъ совсѣмъ не говоритъ въ своей диссертаціи; онъ его какъ бы обходитъ*). На диспутѣ многіе, отправляясь,

*) Срв. слова Кавелина въ рецензіи на магистерскую диссер-

впрочемъ, отъ различныхъ точекъ зрѣнія, сошлись въ возраженіяхъ на эту слабую сторону разсужденія *). Авторъ защищался очень ловко и искусно, но побѣда осталась не на его сторонѣ. Такъ какъ этотъ предметъ весьма важный въ русской исторіи, то мы позволимъ себѣ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Одно изъ главныхъ, коренныхъ отличій родового союза состоитъ въ томъ, что какъ бы ни расширился родъ, какъ бы ни стали многочисленны его вѣтви, онѣ непремѣнно находятъ въ немъ извѣстное мѣсто; каждое лицо, по линіи, старшинству или меньшинству, классифицируется въ родѣ, и никто на основаніи родовыхъ началъ не изъятъ изъ этой классификаціи. Таковъ родъ, по самому своему началу; если оно не всегда строго выдержано въ примѣненіи къ тому или другому лицу, то все же пока родъ существуетъ и силенъ, никто не можетъ высвободиться изъ родового союза, съ удержаніемъ какихъ-нибудь правъ. Это заколдованный кругъ, изъ котораго нельзя выйти, не переставши существовать физически или граждански. Какое же мѣсто занимаетъ каждое лицо въ родѣ и какъ опредѣляются его отношенія къ другимъ? Это

тацію Соловьева: «вообще на это племенное, родовое, семейственное, словомъ, кровное начало Соловьевъ мало обратилъ вниманія, говоритъ о немъ какъ будто мимоходомъ, тогда какъ оно было главное, почти исключительно игравшее роль».

*) Т. Н. Грановскій замѣтилъ, что въ диссертаціи Соловьева начало родовое проведено съ такой исключительностью, которая не допускаетъ вліянія начала семейнаго, и что этотъ средній терминъ какъ бы опускается Соловьевымъ въ прилагаемой имъ борьбѣ начала родового съ началомъ государственнымъ. — Отчина, право собственности занимаетъ первое мѣсто въ княжескихъ междоусобіяхъ: это доказывалъ О. М. Бодянскій въ противовѣсъ Соловьевской крайности. *Ред.*

зависитъ исключительно отъ рожденія. Кто родился прежде, тотъ и старше, кто позднѣе, тотъ моложе. На этомъ основаніи, совершенно сообразно съ законами естественнаго рожденія, дяди считались въ чисто родовомъ союзѣ старше своихъ племянниковъ. Если юридическая казуистика родового начала и видоизмѣнила это общее положеніе, то это не было отступленіемъ, а напротивъ, ближайшимъ приноровленіемъ родового старшинства къ естественному. Положеніе младшаго въ родовомъ союзѣ вообще было очень незавидно. Онъ былъ обязанъ уважать, почитать, любить и слушаться старшаго, хотя бы старшій былъ въ десять разъ его ограниченнѣе, чтобы не сказать глупѣе, хотя бы онъ не заслуживалъ ни малѣйшей любви и почтенія. Повиновеніе старшимъ влечетъ за собою множество мелкихъ, тягостныхъ обязанностей и послугъ; еще въ недавнее время, которое быстро уходитъ, считалось непремѣнной обязанностью дѣлать визиты или писать форменныя письма по праздникамъ, наружно уважать, спрашивать совѣта даже въ такихъ дѣлахъ, которыя ни до кого не касаются, о которыхъ не хочешь никому говорить и т. д. Какъ же пусто и, главное, безлично должно было быть общество, когда такое устройство и такія несообразныя съ здравымъ смысломъ отношенія не возбуждали ничьего противодѣйствія, когда никто ими не тяготился, а напротивъ, всякій вмѣнялъ себѣ въ особенную заслугу безусловное и буквальное выполненіе родовыхъ обязанностей! Такой порядокъ вещей не могъ продолжаться вѣчно. Но разложеніе его у насъ началось не протестомъ лица во имя своихъ вѣчныхъ, неотъемлемыхъ правъ, ибо о личности въ древнѣйшей

Руси не было и помину; упадокъ родового устройства пришелъ совсѣмъ съ другой стороны, откуда бы его, кажется, всего менѣе можно было ожидать, а именно — отъ семьи, *вотчинаго* начала. Это сдѣлалось вотъ какимъ образомъ.

Братья между собою считались старшинствомъ, и такимъ образомъ, даже по смерти отца, составляли цѣлое, опредѣляемое постоянными законами, но дѣти каждаго изъ нихъ имѣли ближайшее отношеніе къ отцу, и только второстепенное, посредственное къ роду. Для нихъ ихъ семейные интересы были главное и первое; родъ былъ уже гораздо дальше и не могъ такъ живо, всецѣло поглощать ихъ вниманіе и любовь. Прибавьте къ этому, что и для ихъ отца выгоды своей семьи были близки и во многихъ случаяхъ, приходя въ столкновеніе съ выгодами рода, могли ихъ перевѣшивать. Но пока родъ былъ немногочисленъ и линіи еще недалеко разошлись, родъ еще могъ держаться; а что жъ должно было произойти, когда послѣ родоначальника смѣнились три, четыре поколѣнія, — когда каждая княжеская линія имѣла уже свои семейныя и родовыя преданія, а общеродовые интересы ступили на третье, четвертое мѣсто? Естественно, къ роду, обратившемуся теперь въ призракъ, всѣ должны были охладѣть. Вслѣдствіе чего же? Вслѣдствіе того, что *вотчинное*, семейное начало, исходящіе разорвали родъ на самостоятельныя, другъ отъ друга независящія части или отрасли. Этотъ процессъ повторялся нѣсколько разъ: изъ вѣтвей развивались роды. Эти роды разлагались семейнымъ началомъ и т. д. до тѣхъ поръ, пока родовое начало не износилось совершенно. Его поддерживало нѣсколько времени

значеніе княженій, которыя сначала носили на себѣ какую-то тѣнь, призракъ государственныхъ владѣній, составлявшихъ политическое цѣлое; но этотъ призракъ скоро разсѣялся, ибо они все дробились и дробились, такъ что владѣнія князей наконецъ измельчали до крайности и стали просто частною собственностью. Тогда-то семейное начало, въ лицѣ нисходящихъ, открыто стало оспаривать первенство у родового, представляемаго старшими боковыми родственниками. Семья стала главнымъ движущимъ принципомъ, а не родъ; не къ дядямъ умершаго лица стали переходить права и владѣнія, а къ сыновьямъ его. Послѣдніе сдѣлались старшими, а первые младшими, и родъ исчезъ.

Когда нисходящіе получили старшинство передъ боковыми, родъ не могъ уже организоваться и родовое начало быть источникомъ правъ. Отъ него удержалась лишь форма безъ всякаго содержанія. Мало этого: только съ его паденіемъ и полнымъ торжествомъ семейнаго начала могъ появиться типъ землевладѣльца, *вотчинника*, который въ нашей государственной жизни дѣйствительно смѣнилъ типъ дружиноначальника, сначала преобладавшій между князьями и лежавшій въ основаніи ихъ власти. Родъ князей-помѣщиковъ, или «хозяевъ», какъ называетъ ихъ Соловьевъ, не только тянется черезъ всю московскую исторію до Ивана III, но даже всѣ послѣдующіе московскіе цари, до самого Петра Великаго, проникнуты тѣмъ же характеромъ, удерживаютъ еще тѣ же самыя формы, хотя и съ измѣненіями. Но рядомъ съ этимъ типомъ, еще въ концѣ XIV вѣка, возникаетъ, сначала смутно, едва замѣтно, мысль о государствѣ. Развиваясь медленно, она

мало-по-малу вытѣсняетъ типъ владѣльца, *вотчинника*, наконецъ, одерживаетъ надъ нимъ первую блистательную побѣду въ лицѣ и реформѣ Петра Великаго. Это появленіе новой идеи, какъ намъ кажется, не довольно рѣзко отмѣчено въ разсужденіи Соловьева. Правда, онъ особенно останавливается на томъ, что Димитрій Донской первый отказалъ старшему сыну гораздо большую часть, въ сравненіи съ прочими, и тѣмъ выразилъ, что столько же, и еще больше, заботился о сохраненіи цѣлости московскаго великаго княжества, сколько о семейныхъ интересахъ. Со всѣмъ тѣмъ, объ этомъ въ высокой степени важномъ явленіи въ нашей исторіи не сказано у Соловьева ни слова въ общемъ обозрѣніи предмета. Господство семейнаго начала и появленіе начала государственнаго слиты авторомъ въ одно, подъ общимъ названіемъ: государственныхъ отношеній. Мы уже видѣли, какъ это неправильно. Прибавимъ, что именно оттого, что авторъ не отличилъ *семьи* и *вотчины* отъ государства, и выходитъ у него какъ бы скачокъ въ нашемъ развитіи — пустое мѣсто, не наполненное ничѣмъ. Введеніемъ семейнаго начала этотъ пропускъ исчезаетъ, и ходъ исторіи является чрезвычайно естественнымъ и послѣдовательнымъ:

родъ и общее владѣніе,
семья и вотчина, или отдѣльная собственность,
лицо и государство.

Вотъ въ заключеніе общій выводъ изъ всего нами сказаннаго.

Главная заслуга Соловьева состоитъ въ томъ, что онъ открылъ и показалъ какъ основной движущій принципъ нашей древней исторіи — родовое

начало. Ни одинъ изъ его предшественниковъ не успѣлъ въ этомъ такъ блистательно, какъ онъ. Поэтому, несмотря на то, что многіе, — Эверсъ, Рейцъ, Погодинъ, отчасти даже Карамзинъ, — вертѣлись около этой мысли, но не усомнимся приписать Соловьеву честь безспорно величайшаго открытія *) въ русской исторіи. Въ нашей исторической литературѣ онъ поднялъ новое знамя и является основателемъ новаго воззрѣнія, богатаго выводами и послѣдствіями. Но онъ не вполнѣ вѣрно и послѣдовательно развилъ свою мысль; это произошло, какъ намъ кажется, оттого, что онъ недовольно глубоко вникъ въ законы естественнаго, органическаго развитія родового начала. Отсюда:

Во-1-хъ, въ первомъ появленіи гражданственности, да и то только въ политической сферѣ, между князьями, авторъ видитъ уже государственныя отношенія; во-2-хъ, *семейственное, вотчинное* начало, развившееся изъ родового и подготовившее появленіе государства, вовсе не обратило на себя его вниманія; въ-3-хъ, оттого и первые зачатки государственности не играютъ въ его сочиненіи той важной роли, которая имъ по всей справедливости принадлежала; они какъ-то сливаются съ предыдущимъ и послѣдующимъ, потому остаются въ тѣни, едва мимоходомъ замѣченные; въ-4-хъ, появленіе отдѣльной собственности объяснено ничѣмъ не доказанной и вдобавокъ вовсе не правдоподобной гипотезой, тогда какъ оно весьма просто объясняется естественнымъ развитіемъ родового быта и устройства.

---

*) Срв. выше на стр. 89 замѣчанія г. Леонтовича.

Въ предложенномъ сейчасъ извлеченіи изъ рецензіи Кавелина на докторскую диссертацію Соловьева читатели видятъ, насколько отрицательно относится первый къ столь извѣстной въ русской исторической литературѣ гипотезѣ послѣдняго о различіи между старыми и новыми городами древней Руси. Она ненужна съ точки зрѣнія Кавелина, который промежутокъ между родовымъ и государственнымъ началами заполняетъ началомъ семейнымъ (вотчина); она невѣроятна въ своихъ подробностяхъ и для автора договорной теоріи В. И. Сергѣевича (срв. «Русскія Юридическія Древности» II, 103), который не можетъ признать отсутствія вѣча въ новыхъ городахъ сѣверо-восточной Руси. Для отчетливаго уясненія разногласій знакомство съ сущностью этой чрезвычайно искусственной гипотезы представляется необходимымъ. Вотъ какъ впервые она изложена была Соловьевымъ въ его магистерской диссертаціи.

Безпрерывное движеніе, безпрерывная смѣна князей вслѣдствіе родовыхъ отношеній воспрепятствовала развитію княжеской власти въ *старыхъ городахъ*, привыкшихъ къ вѣчевому народовластію, и дала даже имъ возможность опредѣлять иногда свои отношенія къ князьямъ въ свою пользу; во все продолженіе такъ называемаго удѣльнаго періода въ *старыхъ городахъ* власть князя и власть вѣча находятся другъ подлѣ друга въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ, и вѣче является у лѣтописца принадлежностью всѣхъ *городовъ старыхъ*. Но подлѣ этихъ городовъ, изъ которыхъ многіе существовали еще гораздо прежде прихода князей варяжскихъ и привыкли къ вѣчевому народовластію, основалось впослѣдствіи множе-

ство другихъ, *новыхъ*. Семейныя славянскія понятія, отразившіяся на отношеніяхъ князей, отразились также и на отношеніяхъ городовъ, вслѣдствіе чего города новопостроенные вошли къ древнимъ въ отношеніе младшихъ къ старшимъ, т. е. должны были находиться въ волѣ послѣднихъ; отсюда младшіе города или пригороды не имѣли самостоятельнаго быта и во всемъ зависѣли отъ рѣшенія старшихъ, которые для ихъ управленія посылали своего посадника или тіуна. Ясно, что въ этихъ *младшихъ городахъ*, не имѣвшихъ самостоятельности, привыкшихъ повиноваться вѣчевымъ приговорамъ старшихъ, княжеская власть могла развиваться гораздо свободнѣе; ясно, что въ этихъ-то городахъ долженъ былъ родиться новый порядокъ вещей, должно было произничь сомодержавіе. Но этотъ новый порядокъ вещей изъ *городовъ новыхъ* не могъ произойти на югѣ, ибо здѣсь старыхъ городовъ было такъ много, что они могли пересиливать вліяніе младшихъ; въ *старыхъ городахъ* старшіе князья утвердили свои столы и тѣмъ сообщили имъ вѣсъ и знаменитость; съ распространеніемъ членовъ княжескаго семейства *новые города* начали отдаваться въ младшіе удѣлы младшимъ членамъ; пріобрѣтши чрезъ это независимость отъ старшихъ, они не могли не слѣдовать ихъ близкому примѣру, ибо вступали въ подобныя же отношенія къ своимъ князьямъ; эти князья при своей неосѣдлости ждали только случая покинуть младшій удѣлъ для старшаго и не имѣли ни времени, ни охоты пользоваться выгоднымъ положеніемъ своимъ въ *новыхъ городахъ*.

Не такъ было на сѣверѣ.

Въ обширной области Ростовской, въ этой суро-

вой и почти дикой странѣ, возвышался только одинъ древній городъ, упоминаемый лѣтописцемъ еще до прихода варяговъ: то былъ Ростовъ Великій, около котораго стали возникать *города новые*. Такимъ образомъ, Ростовская область наполнилась городами младшими, среди которыхъ возвышался одинокій Ростовъ. Такое преобладаніе младшихъ городовъ не могло оставаться безъ послѣдствія, особенно если обратить вниманіе на то, что всѣ они были построены и населены князьями; получивъ отъ князя свое бытіе, они необходимо считали себя его собственностью. Такимъ образомъ, на сѣверѣ вокругъ старыхъ вѣчниковъ князь создалъ себѣ особый міръ городовъ, гдѣ былъ властелиномъ неограниченнымъ, хозяиномъ полновластнымъ. Развитію этого полновластія въ области Ростовской благопріятствовали и другія обстоятельства. Сынъ Юрія Долгорукаго Андрей, охотно принятый ростовцами вмѣсто самыхъ младшихъ сыновей перваго, утвердилъ свое пребываніе не въ Ростовѣ, даже не въ Суздалѣ, но въ *городахъ новыхъ* — Владимирѣ и Боголюбовѣ, предпочитая второй, какъ новѣйшій; онъ сложилъ съ себя характеръ полководца, сталъ правителемъ; его дружина стала дворомъ. Однимъ словомъ, въ областяхъ Андрея все принимаетъ совершенно другой видъ, чѣмъ на югѣ, все принимаетъ характеръ осѣдлости, прочности, постоянства. Этотъ новый характеръ произошелъ изъ природы *новыхъ городовъ*, господствовавшихъ по числу своему на сѣверѣ, изъ природы ихъ отношеній къ князю; эти города, по своему происхожденію, смотрѣли на князя какъ на господина полновластнаго, и князь смотрѣлъ на нихъ какъ на собственность неотъемлемую; отсюда

понятіе собственности, неотъемлемости, отдѣльности владѣнія, переходящаго изъ рода въ родъ по волѣ князя — владѣльца, имѣющаго право располагать имъ, начинаетъ господствовать на сѣверѣ въ противоположность господствующему на югѣ понятію общности, нераздѣльности владѣнія; на сѣверѣ является въ первый разъ завѣщаніе *), знакъ, что князь завѣщающій имѣетъ собственность, которою можетъ располагать произвольно, чего не могло быть на югѣ, гдѣ великій князь не имѣлъ ничего собственно ему принадлежащаго; вся страна была въ общемъ владѣніи рода, и при каждой смѣнѣ великаго князя новый, какъ старшій въ родѣ, дѣлалъ рядъ съ младшею братьею, чѣмъ кому владѣть, или, вѣрнѣе сказать, чѣмъ кому кормиться. На сѣверѣ же членъ княжескаго семейства, получивъ удѣлъ, смотритъ на него, какъ на собственность неотъемлемую; пусть получитъ онъ великое княженіе, онъ не поѣдетъ жить въ стольный городъ, но останется въ своемъ родовомъ, отчинномъ городѣ, въ своемъ наслѣдственномъ удѣлѣ, гдѣ онъ всѣхъ знаетъ, и его всѣ знаютъ и всѣ къ нему привержены; здѣсь собственность господствуетъ надъ родовыми отношеніями. «Андрей Боголюбскій, оставшись во Владимирѣ, и

*) Соловьевъ отвергалъ, какъ извѣстно, подлинность завѣщанія Ярослава I, приведеннаго выше на страницѣ 119; срв. стр. 125; Кавелинъ — *Сочиненія* II, 484, 506—509 — настойчиво выступилъ противъ этой догадки Соловьева, высказанной въ *«Исторіи отношеній между князьями Рюрикова дома»*, — стр. 21, 71 и сл. — и уже *не* повторенной во второмъ томѣ *«Исторіи Россіи»*: «завѣщанія въ древней Руси существовать не могло, ибо завѣщаніе показываетъ, что завѣщатель имѣетъ право располагать собственностью по произволу».

по признаніи себя старѣйшимъ въ родѣ или великимъ княземъ, начинаетъ новый періодъ, — періодъ борьбы между старымъ порядкомъ вещей и новымъ: начало этой борьбы обозначилось борьбою *старыхъ* городовъ съ *новыми*».

В. Частно-правовая теорія Б. Н. Чичерина.

(Б. Н. Чичеринъ. «Духовныя и договорныя грамоты) великихъ и удѣльныхъ князей»).*

Когда возникло русское государство? Это — вопросъ первостепенной важности въ нашей исторіи, которой существенное значеніе состоитъ въ развитіи государства**). Съ перваго взгляда кажется, что здѣсь и не можетъ встрѣтиться затрудненіе; однако въ нашей литературѣ этотъ вопросъ подвергался противоположнымъ рѣшеніямъ. Причина заключается, можетъ-быть, въ томъ, что подъ словомъ государство одни разумѣютъ одно, другіе другое, можетъ-быть и въ томъ, что при фактической разработкѣ

---

*) Эта статья Б. Чичерина помѣщена въ книгѣ его *«Опыты по исторіи русскаго права»* (М. 1858) и впервые появилась въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1857-й годъ. Въ предисловіи къ *«Опытамъ»* авторъ говоритъ объ этой статьѣ слѣдующее: «я имѣлъ въ виду не только разобрать обстоятельно происхожденіе государства въ древней Россіи, но показать и самую методу, которой я слѣдовалъ въ своихъ изысканіяхъ. Читатель, надѣюсь, убѣдится, что не воззрѣніе, принесенное извнѣ, а фактическое изученіе предмета по дошедшимъ до насъ источникамъ легло въ основаніе моихъ выводовъ. Для меня *господство частнаго права* въ удѣльный періодъ не подлежитъ сомнѣнію; оно совершенно очевиднымъ образомъ открывается изъ подробнаго разбора нашихъ древнихъ памятниковъ». Авторъ выражаетъ далѣе твердую надежду, что его взглядъ *не* можетъ найти документальнаго опроверженія. *Ред.*

**) Срв. выше на стр. 134 слова Кавелина.

предмета не разъяснены до очевидности самыя простыя юридическія понятія.

Извѣстно, что внутреннее право, на которомъ зиждется гражданская жизнь каждаго общества, раздѣляется на государственное, гражданское и уголовное. Изъ нихъ послѣднее не имѣетъ самостоятельнаго значенія; оно служитъ только освященіемъ существующихъ законовъ посредствомъ наказанія ихъ нарушителей. Первыя же два имѣютъ цѣлью опредѣлить юридическія отношенія между людьми, принадлежащими къ одному обществу. Каждое изъ нихъ носитъ однако свой характеръ, который зависитъ отъ различія содержанія, отъ различія отношеній, входящихъ въ тотъ или другой разрядъ. Гражданское или частное право разсматриваетъ отдѣльныхъ людей въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу и къ окружающему міру. Здѣсь разсматривается лицо въ его частной сферѣ, съ его отношеніями имущественными, родственными, договорными и наслѣдственными.

Совсѣмъ другое имѣетъ въ виду право государственное. Оно разсматриваетъ не отдѣльныя лица въ ихъ частной сферѣ, съ ихъ взаимными отношеніями, а всю совокупность лицъ, соединенныхъ въ единый, неразрывный союзъ — государство. Общество составляетъ здѣсь единое тѣло, имѣющее единую волю, и представителемъ этого единства является правительство. Послѣднее облечено верховною властью въ обществѣ, ибо всѣ частныя воли должны подчиняться волѣ общественной. Отсюда понятіе о подданствѣ. Подданный подчиняется верховной власти не на основаніи договора, какъ онъ подчиняется частному лицу, къ которому онъ вступаетъ въ извѣ-

стныя обязательства, а на основаніи постоянныхъ государственныхъ законовъ, исходящихъ отъ самой верховной власти. Законъ же, а не договоръ, зависящій отъ случайной перемѣны лицъ, опредѣляетъ права и устройство верховной власти и органовъ, черезъ которые она дѣйствуетъ. Такимъ образомъ, общество, организованное какъ государство, представляетъ собою индивидуумъ, который живетъ своею жизнью, несмотря на смѣну поколѣній и на различныя отношенія, которыя установляются между членами. Поэтому верховная власть, какъ представительница общественнаго единства, не можетъ дѣлиться, дробиться и отчуждаться, какъ частное имущество. Поэтому недѣлима и самая государственная территорія, какъ принадлежность цѣлаго общества. Она можетъ быть расторгнута насильственнымъ образомъ вслѣдствіе отношеній къ сосѣдямъ или внутреннихъ муждоусобій, но въ нормальномъ положеніи она не дѣлима.

Изъ этого ясно, что государственное право *) и гражданское представляютъ намъ двѣ противоположныя области: исходною точкою одного есть лицо съ его частными отношеніями, исходною точкою другого — общество, какъ единое цѣлое.

Вглядываясь въ историческія явленія, мы видимъ нѣкоторыя общества, въ которыхъ сильно развито сознаніе общественнаго единства, и вслѣдствіе этого преобладаетъ государственная форма. Въ другихъ, напротивъ, нѣтъ такого сознанія: верховная власть, а равно и земля, на которой живетъ общество, дѣ-

*) При чтеніи этого отрывка читатели, конечно, будутъ имѣть въ виду, что теоретическія воззрѣнія Б. Чичерина въ сферѣ государственнаго права высказаны были 40 лѣтъ тому назадъ.

Ред.

лятся и дробятся по наслѣдству, какъ частное имущество; отношенія верховной власти къ подчиненнымъ опредѣляются либо частными обязательствами, либо личною зависимостью; сословія или разряды лицъ, существующихъ въ обществѣ, основаны на понятіи о наслѣдственной знатности, о наслѣдственныхъ занятіяхъ; однимъ словомъ, гражданское право опредѣляетъ всѣ отношенія какъ общественныя, такъ и частныя. Очевидно, что мы не можемъ смѣшивать этихъ двухъ совершенно различныхъ формъ общественной жизни. Если первую, въ которой мы видимъ учрежденія, исходящія изъ сознанія объ общественномъ единствѣ, назвали государствомъ, то второй мы должны дать другое названіе. Такъ какъ въ немъ господствуетъ гражданское право, то назовемъ его гражданскимъ обществомъ.

Теперь спрашивается: какая изъ этихъ двухъ формъ общежитія существовала въ древней Руси? Какія въ ней были юридическія понятія? Управлялась ли она на основаніи идеи общества, какъ единаго цѣлаго, или на основаніи частнаго права? Для разрѣшенія этихъ вопросовъ обратимся къ духовнымъ и договорнымъ грамотамъ великихъ и удѣльныхъ князей.

Далѣе (на стр. 237—276) Б. Чичеринъ подробно разбираетъ форму и содержаніе духовныхъ грамотъ великихъ и удѣльныхъ князей сѣверовосточной Руси, отмѣчая попутно появленіе признаковъ новаго порядка вещей. При полномъ господствѣ личной воли завѣщателя, старшій сынъ начинаетъ получать несравненно большее пространство областей, нежели младшіе, такъ что удѣльные князья не въ состояніи уже сопротивляться великому: въ этомъ

нельзя не признать стремленія къ установленію единодержавія, т. е. извѣстнаго государственнаго порядка. Иванъ III завѣщаетъ Москву съ округомъ уже *одному* старшему сыну, выдѣляя младшимъ только отдѣльныя права и преимущества. Постепенно затѣмъ великимъ княженіемъ начинаетъ называться не Владимирская область, а удѣлъ старшаго сына завѣщателя, т. е. выражается стремленіе перевести территоріальное значеніе великокняжескаго достоинства въ значеніе личное, династическое. Въ результатѣ разбора получаются такіе выводы.

Первый выводъ заключается въ томъ, что наслѣдованіе у московскихъ князей происходило по *частному праву*, при чемъ, такъ же какъ и въ наслѣдованіи частныхъ лицъ того времени, преобладающимъ началомъ является личная воля завѣщателя.

Второй выводъ, который непосредственно слѣдуетъ изъ перваго, но который сверхъ того самъ по себѣ открывается изъ источниковъ, состоитъ въ томъ, что тогда не дѣлалось различія между имуществомъ государственнымъ и частнымъ княжескимъ. Все, что принадлежало князю, принадлежало ему, какъ собственность (неограниченная или ограниченная правами другихъ лицъ) по *частному праву*, а не по государственному. Нигдѣ въ грамотахъ мы не видали ни малѣйшаго намека на такое различіе. Всѣ отдѣльные разряды имущества: города, волости, села, доходы, пути, движимое, холопы, стада — стоятъ рядомъ и передаются наслѣдникамъ совершенно на одинакомъ основаніи. Удѣлъ, которымъ владѣетъ князь, называется его вотчиною, такъ же какъ имѣніе частныхъ лицъ. Князь распоряжается имъ какъ

своею собственностью; удѣлы отдаются въ наслѣдство женѣ, дѣтямъ, родственникамъ, дѣлятся, продаются, покупаются совершенно на томъ же основаніи, какъ и отдѣльныя села, какъ всякое частное имущество.

Такъ какъ собственность князя зачастую была ограничена правами другихъ лицъ, то это столкновеніе множества вотчинныхъ правъ производило необыкновенную неопредѣленность и запутанность, къ которымъ присоединялась крайняя чрезполосность земель, указывающая опять-таки на частный характеръ владѣній. Господство *частнаго права* было причиною и крайняго измельчанія княжескихъ удѣловъ. Рядомъ съ князьями болѣе или менѣе видными существовало множество князей самыхъ ничтожныхъ, которыхъ исторія даже не знаетъ и которыхъ имена сохранились только въ родословныхъ. Вслѣдствіе частнаго порядка въ наслѣдованіи удѣловъ явились наконецъ князья, которые владѣли однимъ только городомъ, волостью или даже селомъ, а между тѣмъ они были такіе же верховные владѣльцы *) своихъ земель, какъ и князья московскіе. Немудрено, что при такомъ ничтожествѣ они совершенно исчезли съ историческаго поприща и скоро поглощены были болѣе могущественными сосѣдями. Такимъ образомъ, частный способъ наслѣдованія разрушилъ самъ себя, уничтожая въ окончательныхъ своихъ результатахъ всякую самостоятельность наслѣдниковъ. Крайнее измельчаніе владѣній дало возможность усилиться тѣмъ изъ князей, которымъ обстоятельства болѣе или менѣе благопріятствовали; оно же показало князьямъ не-

*) Срв. выше на стр. 156.

обходимость, во что бы ни стало, увеличить свое могущество, чтобы оставить дѣтямъ какую нибудь независимость; оно же, наконецъ, повело къ установленію новаго порядка наслѣдованія, когда всѣ другія средства оказались недостаточными для уничтоженія зла.

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. Мы перебрали всѣ духовныя грамоты древнихъ нашихъ князей; мы видѣли, что князья вездѣ распоряжаются удѣлами, какъ своею собственностью, дѣлятъ ихъ между наслѣдниками по частному праву. О землѣ, какъ объ общественной единицѣ, о народѣ, нигдѣ нѣтъ и помину. Князья получаютъ волости, какъ имѣніе, а не распредѣляются по нимъ, какъ правители *), исполняющіе извѣстную общественную должность. Изъ этого ясно, что понятіе о землѣ, въ противоположность государству, которое нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей**) приписываютъ древней Руси, составляетъ одно изъ тѣхъ историческихъ представленій, которыя не выдерживаютъ повѣрки съ фактами. Князья собрали воедино разрозненныя славянскія племена, князья *по частному праву* наслѣдованія раздробили это пріобрѣтенное ими состояніе, князья же впослѣдствіи соединили въ одно тѣло разрозненныя части. Тогда явилось и понятіе о государѣ и землѣ; государь былъ верховный правитель, а земля составляла его государство. Въ первыя же времена самое слово: русская земля, означавшая владѣнія пришлаго племени руссовъ, употреблялось обыкновенно въ весьма ограниченномъ смыслѣ. Сначала, при первомъ призваніи князей, оно означало область

*) Срв. выше на стр. 147, 149.

**) К. Аксаковъ и вообще славянофилы. *Ред.*

Новгородскую, потомъ, съ переходомъ дружины на югъ, этимъ именемъ стала называться земля кіевская, такъ что русская земля противополагалась землѣ смоленской, суздальской, новгородской. Общее единство этихъ областей поддерживалось еще сознаніемъ о единствѣ княжескаго рода, безпрестанными переходами князей, которые смотрѣли на землю, какъ на общее свое достояніе, и охотно мѣнялись волостями. Но какъ скоро князья сдѣлались осѣдлыми, какъ скоро линіи разошлись, и разрушилось внутреннее единство рода, такъ уничтожилось и единство земли. Нравы, обычаи, вѣрованія могли остаться болѣе или менѣе сходными, но каждая вотчина составляла отдѣльное общественное тѣло, съ отдѣльнымъ своимъ владѣльцемъ, который часто находился съ другими въ отношеніяхъ враждебныхъ, или соединялся съ ними связью родственною, то-есть личною, *частною,* а отнюдь не принадлежностью къ единому отечеству и народу. Однимъ словомъ, государственныя перегородки не строились надъ землею, но самая земля соединялась князьями и раздѣлялась между ними, какъ частное имѣніе, при чемъ о народѣ не было и рѣчи.

Скажемъ еще въ заключеніе, что несмотря на мнѣніе, выраженное Соловьевымъ*), мы все-таки думаемъ, что вотчинныя права князей коренились въ *завоеваніи.* Нѣтъ сомнѣнія, что въ первый періодъ, рядомъ съ *вотчиннымъ началомъ,* мы видимъ и начало общинное, договорное, которое иногда стѣсняло и нарушало первое, хотя надобно замѣтить, что въ продолженіе около полутора вѣка послѣ

*) Въ статьѣ «*Споръ о сельской общинѣ*», напечатанной въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1856-й годъ.

завоеванія общины не играютъ никакой роли въ южной Россіи, поэтому усиленіе ихъ должно приписать ослабленію власти княжеской, вслѣдствіе безпрерывныхъ междоусобій. Нѣтъ сомнѣнія также, что сначала вотчинныя права, по причинѣ неосѣдлости князей, не могли получить полнаго развитія, что родственные интересы въ первое время брали верхъ надъ имущественными, что понятіе объ общей родовой собственности преобладало надъ понятіемъ объ отдѣльной собственности каждаго члена княжескаго рода. Но очевидно также, что съ самыхъ первыхъ временъ князья дѣлятъ по наслѣдству пріобрѣтенную ими землю, какъ свою собственность, на томъ же основаніи, какъ они дѣлаютъ это впослѣдствіи. Каковъ былъ способъ надѣла, каково было отношеніе отдѣльнаго владѣнія къ владѣнію родовому — это вопросы второстепенные; главное то, что земля дѣлится *по частному праву*, какъ собственность князей. А если это дѣлается съ первыхъ временъ, то мы не можемъ не видѣть основанія такому взгляду на общественный бытъ въ первоначальномъ завоеваніи.

Таковы главные наши выводы относительно наслѣдственныхъ и вотчинныхъ правъ великихъ и удѣльныхъ князей. Теперь обратимся къ отношеніямъ князей-владѣльцевъ между собою.

До позднѣйшаго времени въ духовныхъ грамотахъ установляются между наслѣдниками отношенія чисто семейныя, родственныя. О подданствѣ, о государственномъ подчиненіи нѣтъ и помину; все ограничивается увѣщаніями, чтобы дѣти жили въ любви, въ согласіи, слушались бы матери и старшаго брата, а въ духовной Семена Ивановича, чтобы слушались

митрополита и старыхъ бояръ. Послѣднее находится также въ завѣщаніи Донского, напечатанномъ въ Никоновскомъ сборникѣ. Изъ всѣхъ этихъ постановленій ясно, какого рода юридическія воззрѣнія господствовали въ то время: родственныя отношенія входятъ въ составъ права частнаго или гражданскаго; слѣдственно мы здѣсь находимъ тѣ же самыя начала, которыя видѣли въ наслѣдственныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ князей.

Остановимся на этомъ выводѣ и скажемъ по этому поводу нѣсколько словъ о родовыхъ отношеніяхъ, которыя, какъ извѣстно, по мнѣнію новѣйшихъ*) изслѣдователей, составляютъ главный отличительный признакъ историческаго развитія древней Россіи. Для нашей цѣли эти объясненія необходимы, ибо въ этомъ отношеніи мы нѣсколько уклоняемся отъ мнѣнія ученыхъ, которыхъ мы считаемъ своими учителями по русской исторіи. Намъ кажется, что родовымъ отношеніямъ придано уже слишкомъ много значенія въ средневѣковой Руси. Такъ всегда бываетъ при разработкѣ новыхъ сторонъ жизни: историки устремляютъ на нихъ главное свое вниманіе и вслѣдствіе этого обыкновенно даютъ имъ слишкомъ видное мѣсто. Нельзя не согласиться, что въ древнѣйшую эпоху мы видимъ исключительное господство кровныхъ союзовъ; на это указываютъ всѣ тѣ скудныя извѣстія лѣтописца, которыя относятся къ тому времени, и всякая попытка опровергнуть эти свидѣтельства не можетъ не быть безуспѣшной. Но съ появленіемъ дружины, съ развитіемъ новыхъ жизненныхъ элементовъ, старинная кровная связь

*) Писано въ 1857 году.

разрушается, и въ средніе вѣка родовыя отношенія, по нашему мнѣнію, далеко не имѣютъ того значенія, какое имъ придаютъ наши изслѣдователи.

Прежде всего мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, что родовыя отношенія составляютъ особенность историческаго развитія нашего отечества. Первоначально и германцы и славяне жили подъ формами родового быта; въ этомъ состояніи застаетъ ихъ исторія. Впослѣдствіи у тѣхъ и у другихъ эти формы распались подъ вліяніемъ новыхъ началъ; но въ областяхъ, занятыхъ германцами, такъ же какъ у насъ, родъ остался, какъ одинъ изъ составныхъ элементовъ гражданскаго общества*).

Такимъ образомъ, если въ этомъ не трудно убѣдиться изъ нѣкоторыхъ явленій средневѣковой жизни на западѣ, то мы не въ правѣ признавать родовыя отношенія за особенность исторіи славянскихъ племенъ. Можно бы еще сказать, что у насъ родовой союзъ, вслѣдствіе нравственнаго сознанія родственнаго единства, имѣлъ болѣе крѣпости, нежели въ другихъ странахъ; но и этой особенной крѣпости мы не видимъ. Если она первоначально существовала въ большей степени, нежели у другихъ современныхъ народовъ, то съ измѣненіемъ быта, въ средніе вѣка, мы замѣчаемъ здѣсь ту же шаткость, какая господствовала во всѣхъ гражданскихъ отношеніяхъ, ту же шаткость, какая была и на западѣ, прежде нежели утвердились феодальные союзы, основанные на постоянной осѣдлости и на наслѣд-

---

*) Срв. выше слова К. Аксакова на стр. 25, 27 и г. Леонтовича на стр. 109.

ственности отношеній. Тамъ новыя начала гражданскаго общества и завѣщанный римлянами юридическій тактъ скрѣпили и упрочили прежніе кровные элементы; у насъ же гражданственность была гораздо менѣе развита, и родовыя отношенія, предоставленныя естественному ходу, сталкиваясь съ другими элементами, представляютъ удивительную неопредѣленность. Только подъ вліяніемъ возникшаго государства, въ мѣстническихъ счетахъ, они получили болѣе правомѣрный*) характеръ; прежде же того, сознаніе родства и соблюденіе родственныхъ правъ и обязанностей было до крайности шатко. Главный родъ, который у насъ въ продолженіе исторіи всегда остается на виду, есть родъ княжескій. Но какое зрѣлище представляетъ онъ намъ? Замѣчаемъ ли мы въ немъ крѣпость родственнаго союза? Напротивъ, исторія его открывается нѣсколькими братоубійствами, за которыми слѣдуетъ безпрерывный рядъ междоусобій. Если въ родѣ установляется иногда что-то похожее на единство, то это дѣлается благодаря сильному князю, который личнымъ своимъ могуществомъ умѣетъ сдержать остальныхъ. Много толкуютъ князья о родственной любви, о родственныхъ отношеніяхъ; но этимъ выражается только желаніе, надежда на братское согласіе, которое въ дѣйствительности не существуетъ. У каждаго князя на первомъ планѣ стоитъ личный его интересъ; достаточно припомнить Олега Святославича, Всеволода Ольговича, Владимирка Галицкаго и другихъ. И чѣмъ далѣе подвигается исторія, тѣмъ болѣе ослабѣваетъ сознаніе родственнаго союза.

---

*) Срв. выше на стр. 45.

Поэтому и отношенія князей опредѣляются не столько правилами родства, сколько добровольнымъ, большею частью временнымъ ихъ согласіемъ, договорами. Договорное начало, то-есть элементъ личности*), едва ли не занимаетъ большаго мѣста даже внутри одного княжескаго рода, нежели отношенія родовыя. Такія соглашенія князей мы видимъ съ самаго начала удѣльнаго періода; отъ позднѣйшаго времени, отъ московскаго періода, до насъ дошли и подлинные памятники. Къ нимъ-то мы теперь обращаемся.

Прежде всего остановимся на формѣ. Что такое договоръ? Это юридическое отношеніе между двумя лицами, выражающими свою волю относительно какого-нибудь взаимнаго обязательства. Отсюда ясно, что договоромъ могутъ опредѣляться только такія отношенія, въ которыхъ оба лица не находятся въ зависимости другъ отъ друга. Договоры могутъ быть между различными государствами, между гражданами одного и того же государства, между казною и частными лицами, ибо даже въ послѣднемъ случаѣ каждая сторона имѣетъ свое отдѣльное, независимое отъ другого имущество. Но сынъ не можетъ опредѣлить договоромъ своихъ сыновнихъ отношеній къ отцу, ибо въ такомъ случаѣ отношенія его станутъ уже не сыновними, а договорными; они будутъ имѣть корень не въ родственномъ союзѣ, а въ свободной волѣ лица. Точно такъ же и рабъ не можетъ вступать въ обязательства съ своимъ господиномъ; договоръ между ними можетъ существовать или когда рабъ еще свободенъ или

*) Срв. выше слова Кавелина на стр. 154—155.

когда онъ перестаетъ быть рабомъ. Наконецъ и отношенія правительства къ подданному не могутъ опредѣляться договорами. Каждый членъ общества подчиняется верховной общественной волѣ не на основаніи личныхъ условій или частнаго обязательства, а на основаніи общихъ законовъ, которые опредѣляютъ его положеніе, какъ подданнаго или гражданина. Договоръ есть форма не государственнаго права, а гражданскаго или международнаго, ибо въ послѣднемъ государства разсматриваются какъ свободныя, независимыя другъ отъ друга нравственныя лица. Поэтому, если мы видимъ, что отношенія удѣльныхъ князей къ великому опредѣляются договорами, то мы уже изъ этого обстоятельства въ правѣ заключить, что великій князь — не государь, а удѣльные — не подданные. Это свободныя лица, соединенныя довольно шаткою родственною связью и вступающія въ добровольныя взаимныя обязательства.

Изучая существо этихъ обязательствъ, Б. Чичеринъ перечисляетъ прежде всего *общія выраженія* для нихъ: оказывается, что изъ всѣхъ общихъ выраженій, которыми въ договорныхъ грамотахъ обозначаются отношенія князей между собою, нѣтъ ни одного, которое бы указывало на отношенія государственныя. Вездѣ мы видимъ степени родства, большій или меньшій почетъ, личный перевѣсъ одного князя надъ другимъ, но отнюдь не видимъ государственнаго подданства, подчиненія членовъ общества единой верховной власти. Изъ пониженія чести младшихъ князей передъ старшимъ, изъ попытокъ замѣнить служебнымъ подчиненіемъ отношенія чисто родственныя, разовьется впослѣдствіи государство; сильный покоритъ себѣ всѣхъ слабѣйшихъ, со-

здастъ единое общественное тѣло и станетъ его главою. Но пока еще тѣло не сложилось, отношенія князей являются личными, гражданскими.

Въ этомъ убѣждаетъ насъ и разборъ *отдѣльныхъ условій* договорныхъ грамотъ относительно внутренняго управленія удѣловъ и внѣшнихъ сношеній. Что касается внутренняго управленія удѣловъ, то въ главныхъ городахъ мы видимъ странную смѣсь общаго владѣнія и раздѣльнаго съ большимъ или меньшимъ перевѣсомъ одного князя надъ другимъ; въ удѣлахъ же князья являются совершенно независимыми владѣльцами своихъ вотчинъ. Только Иванъ III въ своемъ завѣщаніи постановилъ ограниченія власти удѣльныхъ князей, которыя показываютъ уже государственныя стремленія: онъ запретилъ младшимъ сыновьямъ самимъ чеканить монету и отдавать денежное дѣло на откупъ. Но это позднѣйшее ограниченіе, и ясно, какъ день, что не можетъ быть рѣчи о государственномъ подчиненіи удѣльныхъ князей великому. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли вообразить, чтобы верховная власть отказалась отъ всякаго вліянія на владѣнія подданнаго, чтобы она обязалась ни подъ какимъ видомъ не высылать туда своихъ чиновниковъ, не покупать тамъ земель, не держать закладчиковъ, не судить, не сбирать податей? И замѣтьте, это даже не льгота, а обоюдное обязательство на совершенно равныхъ правахъ. Наконецъ, въ этихъ ограниченіяхъ права, которыя по существу своему имѣютъ характеръ общественный, и права совершенно частныя находятся въ полномъ безразличіи: рядомъ съ обязательствомъ не всылать данщиковъ и приставовъ находится запрещеніе покупать земли и держать закладчиковъ, при чемъ

условіе о земляхъ распространяется и на бояръ. Послѣдняго рода вторженія въ чужую область считались даже опаснѣе первыхъ; ибо условія насчетъ ихъ повторяются въ большемъ числѣ грамотъ, даже въ договорахъ между князьями, совершенно независимыми другъ отъ друга, каковы были тверскіе и московскіе. Каждый князь старался расширить свою власть не столько государственными притязаніями, сколько частными пріобрѣтеніями, почему первымъ дѣломъ при занятіи чужой области было накупить или набрать земель и закабалить за себя какъ можно больше людей. Противъ такихъ-то частныхъ способовъ пріобрѣтенія старались оградить себя другіе князья, которые хотѣли остаться полными хозяевами своихъ имѣній.

Но если такимъ образомъ князья были совершенно независимы другъ отъ друга въ своихъ владѣніяхъ, то какія же между ними существовали обязательства?

Характеръ всѣхъ этихъ условій внѣшнихъ сношеній князей очень ясенъ. Когда державы заключаютъ между собою союзъ, вниманіе устремляется преимущественно на вопросы, существенные для государства: опредѣляется количество и родъ помощи, случаи, въ которыхъ она должна оказываться и т. п. Здѣсь же все это вопросы второстепенные; на первомъ планѣ стоитъ опредѣленіе личныхъ отношеній между князьями, ихъ мѣстническихъ расчетовъ. Въ какихъ случаяхъ князь долженъ сѣсть на коня самъ, когда онъ долженъ послать брата, сына, племянника, воеводу — все это становится предметомъ заботливаго попеченія, ибо въ этомъ выражается большее или меньшее личное

превосходство одного князя надъ другимъ. Такъ дядя не соглашается итти безъ ослушанія по приказанію племянника; двоюродный же братъ можетъ принять на себя подобное обязательство. И здѣсь, впрочемъ, родственныя отношенія не опредѣляютъ исключительно положенія членовъ въ союзѣ. Такъ же, какъ въ другихъ случаяхъ, мѣсто зависитъ столько же отъ личнаго могущества того или другого князя, сколько отъ степени, которую онъ занимаетъ въ родственной лѣствицѣ.

Еслибъ мы захотѣли подвести отношенія князей-вотчинниковъ подъ одну изъ категорій, существующихъ въ настоящее время, то мы поставили бы себя въ затруднительное положеніе. Это не государственныя отношенія, ибо мы не видимъ здѣсь верховной власти и подданныхъ; каждый князь дѣйствуетъ какъ полный, самостоятельный хозяинъ своей вотчины, и союзныя отношенія имѣютъ мѣсто только относительно внѣшнихъ друзей и враговъ. Это не союзъ государствъ, ибо въ послѣдней формѣ общественнаго устройства существуютъ постоянныя общія положенія, обязательныя для всѣхъ и опредѣляющія дѣйствія союза, какъ единаго цѣлаго; здѣсь же мы видимъ договоры чисто личные, безпрерывно измѣняющіеся вслѣдствіе личныхъ отношеній отдѣльныхъ князей между собою. Наконецъ, мы не можемъ приложить здѣсь даже понятія объ отношеніяхъ международныхъ; удѣльный князь относится къ великому не только какъ самостоятельный владѣлецъ къ самостоятельному владѣльцу, но и какъ родственникъ. Будучи сыновьями одного отца или внуками одного дѣда, они черезъ это самое находятся уже въ извѣстныхъ отношеніяхъ, которыя входятъ, какъ опредѣ-

ляющій элементъ, и въ установленіе ихъ союзныхъ обязательствъ. Различные великіе князья точно такъ же входятъ между собою въ извѣстныя отношенія родства. Физическое или родовое старшинство лица опредѣляетъ и его отношенія къ другимъ; съ измѣненіемъ родственныхъ отношеній измѣняются и союзныя обязательства. Наконецъ, международныя отношенія, по нынѣшнимъ понятіямъ, предполагаютъ общія нормы, права, которыя вырабатываются изъ взаимнаго общенія государствъ; между отдѣльными державами установляются отношенія болѣе или менѣе прочныя, и договоръ считается постояннымъ обязательствомъ, которое не имѣетъ нужды въ безпрерывномъ возобновленіи. Въ древней же Россіи мы видимъ хаотическій безпорядокъ, въ которомъ всѣ отношенія опредѣляются случайнымъ положеніемъ и столкновеніями князей.

Дѣло въ томъ, что всѣ эти новыя понятія предполагаютъ существованіе государства, а потому неприложимы къ такому быту, въ которомъ сознаніе о государствѣ еще не развилось. Намъ не для чего и прилагать ихъ: мы должны ограничиться выводомъ изъ фактовъ тѣхъ отношеній, которыя господствовали въ то время. Отношенія эти были родственныя, имущественныя, договорныя, наслѣдственныя, то-есть чисто гражданскія, вращающіяся въ области *частнаго* права. Одинъ князь могъ быть старше, сильнѣе другого, и черезъ это получалъ перевѣсъ надъ послѣднимъ; но всѣ эти преимущества входятъ въ разрядъ того же юридическаго воззрѣнія, которое опредѣляло основныя начала жизни и при разнообразіи столкновеній могло проявляться въ весьма различныхъ формахъ.

Развитіе гражданскаго права въ древней Россіи имѣетъ свою исторію. Періодъ, предшествующій той эпохѣ (XIV—XV вв.), которую мы теперь разсматриваемъ, отличался нѣсколько отъ послѣдней. Въ то время, особенно въ юго-западной Россіи, сознаніе родства было сильнѣе между князьями; каждый изъ нихъ, какъ потомокъ общаго прародителя, получалъ долю въ общемъ наслѣдствѣ и становился такимъ образомъ на ряду со всѣми другими. Князья еще не успѣли прочно усѣсться на мѣстѣ, мало дорожили своими владѣніями и обращали главное вниманіе на степень, которую они занимали въ родственномъ союзѣ. Впослѣдствіи сознаніе родства *) стало болѣе и болѣе пропадать: линіи разошлись такъ далеко, что не имѣли уже почти ничего общаго между собою. Даже близкіе родственники стали мало уважать родственныя отношенія. Имущественные интересы выступили на первый планъ; каждый князь сталъ стремиться къ тому, чтобы усилить себя на счетъ другихъ, ибо для всѣхъ сдѣлалось очевиднымъ, что самый почетъ пріобрѣтался не столько положеніемъ на родственной лѣствицѣ, сколько силою, а сила зависѣла отъ количества владѣній.

Такимъ образомъ русская земля, собранная первыми князьями и, несмотря на раздѣльность владѣній, считавшаяся общимъ достояніемъ рода, разбилась на множество мелкихъ княжествъ, которыхъ владѣльцы имѣли въ виду каждый только собственный свой интересъ, враждебный другимъ. Это былъ порядокъ вещей, самый противоположный государственному, какой только можно вообразить. Но онъ то и по-

*) Срв. выше на стр. 87 и 155—156.

велъ къ установленію государства. Чтобы остаться цѣлымъ и невредимымъ, чтобы сохранить свое мѣсто, каждый князь долженъ былъ необходимо стремиться къ умноженію своей силы, къ увеличенію своихъ владѣній. Отсюда стараніе подчинить себѣ все окружающее, — стараніе, въ которомъ скрывался зародышъ будущаго государственнаго подданства, но которое находило себѣ значительное препятствіе въ *господствѣ частнаго права*. Какъ скоро одинъ князь усиливался на счетъ другихъ, онъ, какъ частный владѣлецъ, снова дѣлилъ свое владѣніе между дѣтьми, и снова могущество исчезало, сила раздроблялась, положеніе дѣлалось непрочнымъ. Князья начали понимать, что значеніе и могущество иначе нельзя сохранить, какъ усиливъ одного наслѣдника на счетъ другихъ. Но какъ скоро одинъ получилъ несравненно большую силу, нежели прочіе, онъ естественно сталъ покорять себѣ слабѣйшихъ, чтобы тѣмъ положить предѣлъ всякому сопротивленію. Этимъ путемъ начали собираться раздробленныя массы, и создалось наконецъ единое тѣло, съ единымъ главою, который, сдѣлавшись единодержавцемъ, мало-по-малу снялъ съ себя прежній типъ вотчинника и сталъ сознавать себя государемъ. Такимъ образомъ, крайнее развитіе личнаго начала *) повело къ водворенію начала совершенно противоположнаго — начала государственнаго. Это діалектическій процессъ историческихъ явленій, который мы здѣсь не выводимъ a priori, а наблюдаемъ на дѣлѣ. Внутреннее противорѣчіе одной жизненной формы ведетъ къ установленію новой, высшей фор-

*) Срв. выше на стр. 154—155 замѣчанія Кавелина.

мы; частности, распадаясь врозь, необходимо вступаютъ между собою въ столкновеніе, въ борьбу, и эта анархическая ихъ дѣятельность становится причиною возникновенія общаго порядка, который всѣ частности сдерживаетъ въ своемъ единствѣ.

Подробное разсмотрѣніе главныхъ памятниковъ, которые намъ оставила древняя Русь о своей общественной жизни, — разборъ по очереди отдѣльныхъ юридическихъ сферъ, о которыхъ имѣются въ нихъ свидѣтельства, приводятъ Б. Чичерина къ рѣзкому выраженію взгляда о полномъ господствѣ въ древнѣйшей Руси началъ *частнаго права*. Нужно ли послѣ этого, говоритъ онъ (стр. 365), спрашивать, какая форма общественнаго союза существовала въ то время — гражданское общество или государство? Это до такой степени очевидно, что трудно предположить какое-нибудь сомнѣніе. Форма гражданскаго общества въ извѣстную эпоху была общимъ достояніемъ всѣхъ новыхъ народовъ; въ средніе вѣка мы видимъ ее на Западѣ точно такъ же, какъ у насъ.

Гражданское общество составляетъ вторую ступень въ историческомъ развитіи нашего отечества. Въ первую эпоху, на зарѣ исторіи, мы видимъ союзъ кровный; затѣмъ является союзъ гражданскій, наконецъ союзъ государственный. Первый составляетъ первоначальное, естественное проявленіе *) человѣческаго общества. Человѣкъ — существо общежительное; внѣ общества онъ никогда не жилъ и не

---

*) См. на стр. 138.

можетъ жить. Но это стремленіе къ общественности выражается въ немъ сначала безсознательнымъ образомъ; оно лежитъ въ немъ, какъ естественное опредѣленіе его природы, и проявляется въ союзѣ, даномъ самою природою. Это союзъ кровный, происшедшій изъ нарастанія семьи. Люди связаны здѣсь сознаніемъ объ единствѣ происхожденія; личности еще не выдѣлились и составляютъ массу, имѣющую одни нравы, одно нарѣчіе, одни вѣрованія, и расчленяющуюся внутри себя по естественнымъ, физіологическимъ опредѣленіямъ: семья, родъ, колѣно, племя. Этотъ первоначальный союзъ имѣетъ цѣлую исторію, проходитъ черезъ множество видоизмѣненій, отъ блуждающихъ разсѣянныхъ родовъ и семействъ до высокоразвитыхъ государствъ, гдѣ различные кровные союзы представляются, какъ формы общежитія, которыя могутъ допускать въ себѣ разнообразные элементы. Опредѣлить въ точности, какой изъ этихъ видовъ кровнаго союза господствовалъ въ извѣстномъ народѣ, — въ этомъ состоитъ задача изслѣдователей; успѣшное ея разрѣшеніе зависитъ отъ достаточнаго количества сохранившихся источниковъ. При скудости извѣстій, сообщаемыхъ нашимъ лѣтописцемъ, мы должны сказать только, что у насъ, какъ и вездѣ, существовалъ союзъ кровный, и что преобладающею его формой была особенность родового быта.

Этотъ союзъ, основанный на сознаніи естественнаго происхожденія, долженъ однако распасться при болѣе или менѣе частыхъ столкновеніяхъ съ другими народами, при вторженіи чужестранныхъ элементовъ, которые достаточно крѣпки, чтобы не поддаться силѣ кровнаго быта, наконецъ при развитіи

человѣческой личности. Такое разложеніе совершилось у насъ съ появленіемъ варяжской дружины, основанной на договорѣ лицъ свободныхъ. Принесенные ею элементы, смѣшавшись съ прежними, образовали порядокъ вещей, совершенно отличный отъ предыдущаго. Общественное единство, которое коренилось въ сознаніи кровной связи, рушилось; личности, не сдержанныя болѣе въ своихъ стремленіяхъ тяготѣніемъ общаго, господствующаго обычая, предались частнымъ своимъ интересамъ; отношенія родственныя, договорныя, имущественныя, однимъ словомъ частное право, сдѣлались основаніемъ всего быта, точкою зрѣнія, съ которой люди смотрѣли на всѣ общественныя явленія. Такъ произошелъ союзъ гражданскій, образовавшійся изъ столкновеній и отношеній личностей, вращающихся въ своей частной сферѣ. Общественною связью служило либо имущественное начало — вотчинное право землевладѣльца, либо свободный договоръ, либо личное порабощеніе одного лица другимъ. Общественныя единицы то слагались, то разлагались снова, по обстоятельствамъ совершенно случайнымъ, напримѣръ, по большему или меньшему числу княжескихъ дѣтей. Въ обществѣ появились сословные элементы, происшедшіе отъ наслѣдственности занятій и наслѣдственности чести. Вслѣдствіе господства силы, образовалось между людьми безконечное неравенство. Положеніе человѣка опредѣлялось не заслугами, которыя онъ оказалъ обществу, а частными, случайными, даже внѣшними его преимуществами. Война сдѣлалась главною цѣлью владычествующихъ слоевъ общества, а внутреннее управленіе превратилось въ аренду для накормленія знатныхъ вои-

новъ. Однимъ словомъ, личность во всей ея случайности, свобода во всей ея необузданности лежали въ основаніи всего общественнаго быта и должны были вести къ господству силы, къ неравенству, къ междоусобіямъ, къ анархіи, которая подрывала самое существованіе союза и дѣлала необходимымъ установленіе новаго высшаго союза — государства. Только въ государствѣ можетъ развиваться и разумная свобода и нравственная личность; предоставленныя же самимъ себѣ, безъ высшей, сдерживающей власти, оба эти начала разрушаютъ сами себя. Необузданная свобода ведетъ къ порабощенію слабаго сильнымъ; личность, выражающаяся въ преимуществахъ чисто индивидуальныхъ, ведетъ къ уничтоженію внутренняго достоинства человѣка. Таковъ діалектическій процессъ различныхъ общественныхъ элементовъ.

Государство есть высшая форма общежитія, высшее проявленіе народности въ общественной сферѣ. Въ немъ неопредѣленная народность, которая выражается преимущественно въ единствѣ языка *), собирается въ единое тѣло, получаетъ единое отечество, становится народомъ. Въ немъ верховная власть служитъ представительницею высшей воли общественной, каковъ бы впрочемъ ни былъ образъ правленія — наслѣдственная ли монархія, народное

*) Народность, съ точки зрѣнія Б. Чичерина (стр. 369), отнюдь не «выражается въ единствѣ вѣрованій, ибо это противорѣчило бы всѣмъ существующимъ фактамъ». Христіанство по самой своей природѣ есть религія общечеловѣческая, возвѣщавшаяся для всѣхъ народовъ; народность является принадлежностью лишь языческихъ религій; говорить же о воззрѣніи христіанскомъ, какъ о воззрѣніи народномъ, нельзя. Срв. выше на стр. 85 замѣчаніе Никитскаго.

ли представительство, или то и другое вмѣстѣ. Эта общественная воля подчиняетъ себѣ воли частныя и установляетъ такимъ образомъ твердый порядокъ въ обществѣ. Ограждая слабаго отъ сильнаго, она даетъ возможность развиться разумной свободѣ; уничтожая всѣ преимущества случайныя, не имѣющія для общества никакого вѣса, она производитъ уравненіе между людьми; оцѣняя единственно заслуги, оказанныя обществу, она возвышаетъ внутреннее достоинство человѣка; заставляя всѣхъ подданныхъ удѣлять часть своихъ средствъ для общественной пользы, она содѣйствуетъ осуществленію тѣхъ разнообразныхъ человѣческихъ цѣлей, которыя могутъ быть достигнуты только въ общежитіи, при взаимной помощи, и для которыхъ существуютъ гражданскіе союзы. Человѣкъ перестаетъ быть вольною птицею, которая несется туда и сюда, случайно останавливаясь тамъ, гдѣ находитъ болѣе пищи; онъ перестаетъ смотрѣть на свою личность, какъ на единственную цѣль своихъ стремленій, противоположную и часто враждебную другимъ. Онъ примыкаетъ къ прочному порядку, становится звеномъ общей цѣпи, дѣятелемъ общаго дѣла; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознаетъ, что при такомъ только общеніи, пожертвовавъ необузданною свободою, трудясь на пользу другихъ, онъ можетъ достигнуть и полнаго развитія личныхъ своихъ интересовъ *).

---

*) Для болѣе отчетливаго усвоенія и критическаго отношенія къ теоріи Б. Чичерина необходимо знакомство съ современными воззрѣніями на государство, для чего рекомендуемъ ознакомиться съ введеніемъ къ книгѣ проф. Н. М. Коркунова *Русское государственное право*. Т. I. (2-е изданіе. Спб. 1893). *Ред.*

VII. ЗЕМСКАЯ ТЕОРІЯ.

(*Н. П. Костомаровъ.* «Начало единодержавія въ древней Руси»).*)

Въ наукѣ существовало и частью до сихъ поръ существуетъ мнѣніе, что развитіе монархическаго принципа слѣдуетъ видѣть во всемъ ходѣ русской исторіи, съ водворенія княжескаго варяжскаго рода, или такъ называемаго основанія русскаго государства. Выводили монархію изъ того родового быта, въ которомъ пребывали славяне въ незапамятныя времена, такъ что послѣдующая эпоха царскаго самодержавія представлялась естественнымъ продолженіемъ того, что возрастало послѣдовательно и непрерывно многіе вѣка, и весь смыслъ нашей политической исторіи главнымъ образомъ заключается въ постепенномъ построеніи единодержавнаго государства. Такой взглядъ, съ видоизмѣненіями въ подробностяхъ, высказывали многіе дѣятели русской исторической науки и, сообразно такому взгляду, они не признавали за татарскимъ завоеваніемъ **)

---

*) Предлагаемое изложеніе заимствовано изъ статьи, первоначально появившейся въ *Вѣстникѣ Европы* за 1870-й годъ и перепечатанной въ XII томѣ «*Историческихъ монографій и изслѣдованій*» (Спб. 1872) Костомарова.

**) Срв. выше на стр. 108 замѣчаніе г. Леонтовича и на стр. 117 слова Соловьева. Еще Кавелинъ отмѣтилъ односторонность взгляда Соловьева на роль монгольскаго владычества въ древней Россіи («Сочиненія» II, 478—479): «начала, развиваемыя древней Русью, не были нисколько измѣнены татарскимъ владычествомъ; но

ничего важнаго, ничего такого, что бы измѣнило нашъ общественный бытъ и наши понятія объ устройствѣ государственнаго тѣла. Татарское завоеваніе, по ихъ мнѣнію, отразилось только разореніями и народными бѣдствіями; но и безъ татарскаго завоеванія на Руси вышло бы то же самое, что вышло путемъ непрерывнаго развитія на непреложномъ основаніи историческихъ законовъ.

Въ древнія доисторическія времена славяно-русскій народъ разбивался на народцы: каждый имѣлъ свое особое названіе, свои обычаи, свою исторію и свою генеалогію; послѣднее показывается лѣтописцемъ о радимичахъ и вятичахъ, производившихъ себя отъ родоначальниковъ Радима и Вятка; мы думаемъ, что и вообще названіе народа на «ичи», вѣроятно, означало происхожденіе*) отъ родоначальника. По словамъ нашего стараго лѣтописца, каждый изъ этихъ народцевъ отличался «своимъ правомъ и обычаемъ»; несогласно жили они между собой, напротивъ, вели междоусобныя войны, какъ показываетъ вражда, существовавшая между полянами и древлянами. Такая рознь славянскихъ племенъ, жившихъ на русскомъ материкѣ, не изгладила однако между ними сознанія общаго для всѣхъ племеннаго единства, и оттого-то они всѣ легко усвоили названіе русскихъ.

Если нѣсколько народцевъ могли додуматься до взаимнаго избранія единой власти надъ собою, а

нельзя отрицать, что оно очень неблагопріятно подѣйствовало на характеръ и духъ народа. Историческое повѣрье, приписывающее татарамъ столько дурного въ насъ, имѣетъ основаніе, которымъ нельзя пренебрегать . Срв. выше на стр. 141.

*) Срв. выше стр. 62, 63 и 74.

другіе болѣе или менѣе легко усвоивали объединяющее начало, то это одно показываетъ, что, при разности обычаевъ и нравовъ, между славяно-русскими народами было сознаніе ихъ связи, склонявшее всѣхъ къ единенію. При такой наклонности къ единству, вмѣстѣ съ существованіемъ собственныхъ нравовъ и обычаевъ въ каждомъ народцѣ отдѣльно, зародышъ федераціи лежалъ въ первобытномъ строѣ общественнаго быта. Разумѣется, мы здѣсь говоримъ о тѣхъ первоначальныхъ признакахъ, которые какъ ростки указываютъ на будущее растеніе, а не воображаемъ себѣ существованія какихъ-либо формъ общественной связи, способныхъ быть причисленными къ видамъ федераціи.

Каждый изъ народцевъ составлялъ уже до нѣкоторой степени политическую единицу подъ названіемъ «*земли*». Слово это, въ полномъ его значеніи, мы встрѣчаемъ при описаніи покоренія древлянъ Ольгою. Послы, прибывшіе въ Кіевъ сватать Ольгу за князя своего Мала, объявляли ей, что ихъ послала вся деревская земля. Такимъ образомъ видно, что понятіе о землѣ, какъ о политической единицѣ, совмѣщавшей въ себѣ самовластіе народа, — понятіе, которое мы встрѣчаемъ развитымъ и укорененнымъ въ болѣе позднія времена, существовало и въ отдаленныя эпохи. Гдѣ была земля, тамъ необходимо должно было быть и собраніе «земли», иначе безъ этого собранія деревская земля не могла бы посылать отъ себя пословъ; слѣдовательно, тогда уже были вѣча,— слово, означающее совѣщательное собраніе земли. Кромѣ вѣча, у земли были и начальники-князья. Впослѣдствіи мы ясно видимъ, что гдѣ была земля, тамъ было и княженіе, а иногда и нѣ-

сколько княженій; то же было и въ болѣе отдаленное время; изъ нашего же стараго лѣтописца мы узнаемъ, что еще до прибытія варяговъ у каждаго изъ народцевъ было, кромѣ своей земли, еще и свое княженіе: «И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье в Поляхъ, а в Деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое в Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ, иже полочане». Здѣсь княженіе совпадало съ землею. Какого роду были эти князья — мы не знаемъ; были ли то родоначальники, дѣлавшіеся князьями по рожденію и по праву родового старѣйшинства, или же то были князья, выбранные на совѣщаніи земли, — лѣтописцы объ этомъ молчатъ. Едва ли есть какіе-нибудь положительные признаки, по которымъ можно заключить такъ или иначе. Мы также не знаемъ, куда дѣлись эти князья съ ихъ родами, послѣ прибытія варяговъ съ ихъ родомъ, и какъ они исчезли. Несомнѣнно только то, что съ половины IX-го вѣка, другой родъ, призванный извнѣ (если только на слово вѣрить лѣтописнымъ сказаніямъ), начинаетъ замѣнять прежнихъ князей славяно-русскаго материка. Подробности, съ какими совершалась эта замѣна у русско-славянскихъ племенъ, отъ исторіи ускользнули, кромѣ деревской земли.

Древнія понятія объ автономіи земель и ихъ самоуправленіи продолжали существовать, не вытѣсняемыя новыми элементами варяжскими князьями и византійскимъ христіанствомъ. Случилось только такое измѣненіе: старинныя наименованія этнографическаго свойства — древлянъ, сѣверянъ, радимичей, кривичей и т. п., стали замѣняться названіями по главнымъ городамъ земель. Стали говорить: зе-

мля полоцкая, земля смоленская, земля русская (кіевская), земля черниговская, земля рязанская, земля суздальская, земля новгородская и т. д.

Перемѣна эта произошла, вѣроятно, во-первыхъ, вслѣдствіе усилившейся тяги къ городамъ, гдѣ при власти кіевскихъ князей былъ центръ собиранія дани; во-вторыхъ, оттого, что этнографическія наименованія не сходились въ точности съ понятіями о землѣ, и одна и та же народная вѣтвь могла разбиваться на нѣсколько земель: такъ, еще въ глубокой древности, при Рюрикѣ и Олегѣ, кривичи были и въ Полоцкѣ и въ Смоленскѣ, но составляли два различныхъ центра и, слѣдовательно, двѣ разныя земли.

Подъ главнымъ городомъ состояли другіе города, иначе пригороды, которые, смотря по благопріятнымъ обстоятельствамъ, иногда возвышались болѣе другихъ, и къ нимъ тянула ихъ собственная территорія, носившая также названіе земли по имени своего города: такъ, въ землѣ рязанской была земля пронская, въ землѣ полоцкой земля витебская; иногда такія возникшія земли со своими городами продолжали пребывать частями общей земли, иногда стремились къ выдѣленію и обособленію. Гдѣ городъ, тамъ земля; гдѣ земля, тамъ городъ. *Земля* — то была совокупность населенія, связаннаго сознаніемъ своего ближайшаго пункта единенія, что не препятствовало этому населенію сознавать свое единство, болѣе далекое съ другими землями. Земля была община, имѣвшая средоточіе въ городѣ, а, при размноженіи князей, и своего князя въ томъ городѣ. Автономія земли выражалась часто повторяемыми въ нашихъ лѣтописяхъ фразами: «сошлась

вся земля, двинулась вся земля». При понятіи о землѣ существовали понятія о *волости* и *княженіи*. Волость не то, что земля, и не то, что княженіе, хотя эти понятія нерѣдко совпадали одно съ другимъ. Волостью называлась совокупность территорій, состоящихъ подъ единою властью, будь эта власть городъ или князь. Это мы ясно видимъ изъ договоровъ Новгорода съ князьями, гдѣ пересчитываются новгородскія волости, т.-е. территоріи, принадлежащія Великому Новгороду: Вологда, Югра, Терскій берегъ, Пермь, Двина, Волокъ-Ламскій; всѣ онѣ отличаются отъ собственно новгородской земли, которая впослѣдствіи является разбитою на пятины и въ эпоху независимости Великаго Новгорода въ его договорныхъ грамотахъ никогда не поминается въ числѣ волостей. Точно такъ же Кіевъ владѣлъ деревскою или древлянскою землею, то была его волость, но не земля; у Кіева была своя земля, которой средоточіемъ или выраженіемъ служилъ онъ самъ. Въ томъ же смыслѣ понятіе о волости, прилагаясь къ князьямъ, различалось отъ понятія о землѣ. По раздѣленіи Руси между сыновьями Ярослава, сынъ его Всеволодъ получилъ Переяславль близъ Кіева и суздальскую землю; Переяславль и Суздаль составляли одну волость по отношенію къ князю, но не составляли одной земли. Часто волость и земля совпадали между собою, такъ что одна и та же территорія была въ одномъ объемѣ и волостью и землею. Но волостью она была по принадлежности или подчиненію, а землею по автономіи и по самоуправленію.

Волость иногда совпадала и съ княженіемъ, такъ какъ съ понятіемъ князя соединялось понятіе и о

власти; но не всегда существовало такое совпаденіе; въ одной волости, по ея принадлежности верховному городу, и въ одной землѣ, по ея автономіи, могло разомъ существовать нѣсколько княженій. Такъ въ кіевской землѣ, напримѣръ, мы видимъ по нѣскольку князей разомъ, а, слѣдовательно, и нѣсколько княженій, и всѣ они находились въ одной землѣ. То же самое мы встрѣчаемъ болѣе или менѣе во всѣхъ земляхъ. Княженіе не давало права на образованіе новой земли; не потому была земля, что тамъ былъ князь, а скорѣе князь являлся именно тамъ, гдѣ была уже земля.

Гдѣ земля, тамъ должно быть *вѣче* *) — земское собраніе; ни волость, ни княженіе не условливали непремѣннаго бытія вѣча, хотя и часто случалось, что на вѣче сходились люди, составлявшіе одну волость, одно княженіе; понятіе о вѣчѣ однако принадлежало исключительно только понятію о землѣ. *Вѣче* было выраженіемъ автономіи послѣдней, — а не волости, не княженія.

Вѣча существовали въ незапамятныя времена. Варяжскіе князья не уничтожили этого коренного признака славянорусской жизни, да и не могли и не старались его уничтожить въ ту эпоху, когда власть княжеская ограничивалась собираніемъ дани, понятіе о подвластности только и выражалось платежомъ дани, когда вопросъ, влагаемый лѣтописцемъ одному изъ древнихъ князей: «кому дань даете?» былъ равносиленъ вопросу: «кому вы подвластны?» Поэтому неудивительно, что по принятіи христіанства и по раздѣленіи на княжескіе удѣлы краевъ, прежде

*) Срв. выше на стр. 191 и 193.

платившихъ дань Кіеву, мы видимъ полное господство вѣчевого начала во всѣхъ земляхъ *).

Вообще древняя славянщина не любила точныхъ формъ; неопредѣленность, отсутствіе ясныхъ рубежей составляетъ характеръ славянской жизни, а русская отличалась этимъ въ особенности. Поэтому и понятіе о вѣчѣ имѣло ту же неопредѣленность и подъ этимъ именемъ разумѣлось вообще всякое народное сходбище, какъ бы оно ни составилось, если только оно думало изображать собою выраженіе воли **) земли или части земли, сознававшей до извѣстной степени въ данное время за собою автономію. Мы сказали, что средоточіемъ земли былъ городъ; когда понималась земля независимая и состоявшая изъ частей, изъ которыхъ каждая носила въ мѣстномъ смыслѣ названіе земли, то средоточіемъ такой сборной земли былъ старѣйшій городъ, и въ немъ собиралось вѣче, выражавшее собою всю землю; подъ старѣйшимъ городомъ были пригороды, села и волости: въ каждомъ изъ пригородовъ могло быть также свое вѣче, т.е. совѣщаніе той части сборной земли, которой ближайшимъ средоточіемъ былъ пригородъ; наконецъ, вѣче, какъ народное сходбище, могло быть и въ каждомъ селѣ, какъ скоро это село имѣло общіе свои интересы и члены его имѣли причину сходиться на совѣщаніе о дѣлахъ своего села. Но пригороды и всякія поселенія въ землѣ зависѣли отъ старѣйшаго города въ томъ смыслѣ, что части

---

*) Далѣе Костомаровъ, послѣ нѣкоторыхъ подробностей о древне-русскомъ вѣчѣ, въ доказательство повсемѣстности обычая вѣчевого совѣщанія ссылается на извѣстное мѣсто лѣтописнаго свода, которое приведено у насъ выше на стр. 47.

**) Срв. выше на стр. 82—83.

земли, взятыя каждая отдѣльно, зависѣли отъ цѣлой земли, — иначе, всѣ вмѣстѣ зависѣли отъ себя вполнѣ: потому-то вѣче пригорода не имѣло полновластія и зависѣло отъ вѣча старѣйшаго города.

Отношеніе пригородовъ къ старѣйшимъ городамъ, иначе пригородныхъ или малыхъ вѣчъ къ вѣчу большому въ главномъ городѣ — одна изъ важнѣйшихъ жизненныхъ сторонъ въ древней Руси. Къ сожалѣнію, по скудости матеріаловъ этотъ вопросъ остается мало разъясненнымъ и обработаннымъ. Мы поневолѣ должны допускать предположенія на основаніи немногихъ данныхъ, иногда обоюду толкуемыхъ. Прежде всего надо уяснить себѣ, что такое *городъ* и какъ онъ возникъ въ русской славянщинѣ?

Въ глубокой древности славяне жили дворами. Съ развѣтвленіемъ семей дворы размножились. Ихъ соединяла сначала родовая связь. Дворы, соединенные между собой, составляли села. Частыя опасности отъ иноземцевъ вызывали потребность самозащищенія и самосохраненія. Это поневолѣ сближало и соединяло жителей отдѣльныхъ селъ. Необходимы оказались центры такого соединенія. И вотъ жители расположенныхъ близко между собою селъ строили укрѣпленныя мѣста, принадлежавшія всѣмъ имъ вмѣстѣ, и для всѣхъ въ равной степени служившія въ случаѣ надобности убѣжищемъ.

Такія укрѣпленныя мѣста назывались градами *) или, по русскому нарѣчію, городами. Вообще *городъ* означалъ мѣсто, обведенное оградою, напр., частоколомъ или плетнемъ, и это слово однозначительно со словомъ «огородъ». Построить городъ зна-

---

*) Срв. выше на стр. 19, 73 и 101.

чило вначалѣ обвести загороду. Простыя загороды были въ древности достаточнымъ мѣстомъ защиты, и туда прятались славяне, когда слышали о нашествіи непріятеля. Туда уносили они съ собою все, что было драгоцѣннаго въ ихъ простой жизни, а жилища свои оставляли на произволъ судьбы: въ случаѣ разоренія возобновить ихъ было не трудно при обиліи лѣсовъ и несложности постройки. Естественныя условія помогали защитѣ; мѣстоположенія для городовъ выбирали такія, которыя были сами по себѣ недоступны; кромѣ того деревянныя загороды по надобности обводились еще и рвами, называемыми въ древности гроблями *). Обычай убѣгать изъ своихъ жилищъ въ города сохранялся очень долго даже въ такіе вѣка, когда жизнь значительно усложнилась; такъ, на Руси въ XVI и XVII вѣкахъ, жители съ приближеніемъ непріятеля убѣгали въ городъ «въ осаду», покидая свои жилища.

Городъ — мѣсто самосохраненія и сбереганія имуществъ — естественно сдѣлался скоро мѣстомъ сходбищъ и совѣщаній тѣхъ, которые строили этотъ городъ, а также и мѣстомъ управленія, когда внутреннія безладицы заставили ихъ додуматься до необходимости имѣть управленіе надъ собою. Окрестность стала тянуть къ городу. Естественно было желать селиться ближе къ городу, чтобы, въ случаѣ опасности, можно было скорѣе поспѣть въ убѣжище, и потому-то около городовъ стали возникать посе-

---

*) См. Лаврент. лѣт. подъ 977-мъ годомъ: «побѣгшю же Ольгу с вои своими въ градъ, рекомый Вручий, бяше чересъ *гроблю* мостъ ко вратомъ градьмъ, тѣснячеся другъ друга ихаху въ *гроблю*, и спехнуша Ольга с мосту в дебрь».

Ред.

ленія; они назывались посадами. Посадъ становился многолюднѣе, чѣмъ были прочія села, и дѣлался мѣстомъ всякихъ сношеній, пунктомъ обмѣны произведеній или торговли. Въ самомъ городѣ, т. е. укрѣпленіи, помѣщалось начальное лицо края, признаваемое жителями, тянувшими къ городу, а при немъ собиралась и ратная сила, державшая порядокъ и защиту.

Такъ создавались города жителями кружка селеній, почувствовавшихъ сначала нужду въ самозащитѣ, а потомъ и въ постоянномъ, общемъ для нихъ, управленіи. Эта совокупность селеній по отношенію къ связи между ними носила самое простѣйшее названіе — земля, обозначая не только пространство, на которомъ всѣ жили и которое всѣ считали своимъ, но и тѣхъ, которые на немъ жили. Понятно, что *земля* и *городъ* были равнозначительны, ибо городъ не значилъ ничего, кромѣ той же земли, нашедшей для себя средоточіе. Въ городѣ сходилась земля, и потому словомъ *городъ* стали замѣнять слово *земля,* и, въ силу такой однозначительности, вмѣсто земля сѣверская, стали говорить — земля черниговская или просто Черниговъ, вмѣсто земля — словенъ-ильменскихъ, стали говорить — земля новгородская или просто Новгородъ и т. д. Но земля, какъ собраніе людей, расширялась, захватывались новыя пространства, дѣлались выселки изъ старыхъ поселеній, основывались и возрастали новыя. Жители новыхъ по мѣсту жительства отдалялись отъ своего города; трудно и неудобно имъ было для самозащиты поспѣшать туда, и вотъ явилась необходимость строить другіе центры защиты, и они строили ихъ; но такъ какъ они

были связаны родовой связью съ тѣми, которые строили большой старѣйшій городъ, то они съ своими новыми городами продолжали оставаться въ прежнемъ неразрывномъ единеніи съ городомъ старымъ, служившимъ общимъ выраженіемъ той земли, которой принадлежали ихъ дѣды и отцы и они сами. Такимъ образомъ, построенные ими новые города находились въ зависимости у старѣйшаго города и въ отличіе назывались меньшими или пригородами. Пригороды строились по распоряженію всей земли, т. е. по рѣшенію вѣча въ старѣйшемъ городѣ, въ видахъ защиты земли, обыкновенно тамъ, гдѣ наболѣе могла угрожать внѣшняя опасность. Иногда пригороды съ ихъ территоріями населялись переселенцами прямо изъ старѣйшаго города; такъ было, между прочимъ, въ двинской землѣ, куда переселялись новгородцы съ промышленными цѣлями; чаще же ихъ ставили жители окрестныхъ поселеній по волѣ всей земли или старѣйшаго города. Но бывали случаи, когда изъ старѣйшаго города жители выходили на новоселье вслѣдствіе недоразумѣній и волненій, и тогда построенные ими новые города стремились не оставаться пригородами стараго, а хотѣли быть независимыми. Такой примѣръ представляетъ намъ Вятка; эта новгородская колонія никогда не хотѣла повиноваться своей метрополіи, сдѣлалась главою особой земли и имѣла свои собственные пригороды. Были еще пригороды иного рода: тѣ, которые основывали князья и населяли разнаго рода пришельцами и переселенцами. Такъ поступалъ Владимиръ, когда строилъ въ кіевской землѣ города и населялъ разнаго рода людомъ— и словенами новгородскими, и кривичами, и

чудью. Такъ возникли нѣкоторые города въ сѣверо-восточной Руси, между прочимъ Владиміръ-на-Клязьмѣ; къ тому же разряду слѣдуетъ, вѣроятно, отнести Москву, а на югѣ образчикомъ построенія такихъ городовъ можетъ служить Холмъ, основанный Даніиломъ Романовичемъ. Такіе города, населенные пришельцами отовсюду, находясь на почвѣ, принадлежавшей извѣстной землѣ, считались на этомъ основаніи пригородами старѣйшаго города; но не связанные со старѣйшимъ городомъ узами происхожденія болѣе другихъ, они показывали стремленіе къ самостоятельности, а при благопріятныхъ условіяхъ покушались стать выше старѣйшихъ городовъ и сдѣлаться главою земли. Такъ-то выбился Владиміръ изъ-подъ зависимости Ростова и сдѣлался старѣйшимъ городомъ *).

Степень зависимости пригородовъ отъ городовъ опредѣляется въ общихъ чертахъ словами Суздальской лѣтописи: «на что же старѣйшіи сдумаютъ, на томъ же пригороди стануть». Но здѣсь не разумѣлось такого рабскаго подчиненія, при которомъ жители пригородовъ были бы не болѣе, какъ безгласные исполнители воли своихъ господъ. Пригороды должны были сообразоваться съ постановленіями старѣйшаго города не потому, чтобы старѣйшій городъ былъ ихъ владыка, а потому, что старѣйшій городъ изображалъ средоточіе всей земли, и его вѣче было собраніе не горожанъ, а земляковъ, членовъ земли, которой часть составлялъ пригородъ. Если житель пригорода находился въ послушаніи у старѣйшаго

*) Срв. съ гипотезой Соловьева о различіи старыхъ и новыхъ городовъ древней Руси, выше на стр. 159—163.

города по своей принадлежности къ пригороду, то въ то же время онъ былъ полноправный участникъ вѣча по своей принадлежности къ землѣ, какъ землякъ. Въ такомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать тѣ извѣстія, когда, повѣствуя о вѣчахъ, собиравшихся въ старѣйшемъ городѣ, лѣтописцы говорятъ: «сошлась вся земля».

Не должно думать, чтобъ вѣче само по себѣ, какъ сходбище, знаменовало какую-нибудь верховную власть: оно было только ея выраженіемъ; верховная власть по внутреннему смыслу оставалась не за вѣчемъ, а за землею. Это понятіе о самоуправленіи земли является еще въ глубокой древности, переживаетъ многіе вѣка, противныя обстоятельства и невзгоды, уцѣлеваетъ при иномъ государственномъ строѣ страны. Такъ же какъ въ глубокой древности древлянскіе послы говорили Ольгѣ, что ихъ послала земля, такъ въ смутное время московскаго государства, въ началѣ XVII вѣка, московскіе послы подъ Смоленскомъ говорили полякамъ, что ихъ послала земля съ своимъ приговоромъ и они сами могутъ быть только слѣпыми исполнителями ея воли. Между тѣмъ въ это время земля уже составляла совокупность тѣхъ частей, изъ которыхъ каждая считала себя нѣкогда самостоятельной землей, и притомъ уже въ смыслѣ единодержавнаго тѣла. Дѣло защиты отечества противъ иноземцевъ и возстановленіе престола совершилось именемъ всей земли. Несмотря на самодержавную власть царей, они сами все еще иногда питали уваженіе къ землѣ, собирали земскія думы и желали знать мысль и волю земли, которой управляли. Только съ преобразованіемъ Россіи на иной образецъ забылось значеніе земли

подъ вліяніемъ новой бюрократіи, не имѣвшей съ землей ничего общаго по роду происхожденія.

Въ до-татарскій періодъ Русь только чувствомъ, а не размышленіемъ понимала единство своего бытія и не додумалась до какого-нибудь вѣча вѣчъ — сходбища всѣхъ земель, выраженія ихъ федеративной связи. Земли, повидимому, стремились не къ соединенію, а къ раздробленію: въ земляхъ возвышались города, которые со своими территоріями имѣли если не въ настоящемъ, то въ будущемъ задачу обособленія. Но зато начало духовнаго единенія не только не умирало, а развивалось и укрѣплялось съ распространеніемъ христіанства при отсутствіи вотчиннаго права въ княжескомъ управленіи.

Тѣ заблуждались, которые воображали, что древніе князья были вотчинники или владѣльцы своихъ удѣловъ, точно такъ же какъ невѣрно думаютъ тѣ, которые въ дѣлѣ преемства князей придаютъ большое значеніе родовому старѣйшинству между членами Рюрикова дома *).

Всматриваясь въ дѣло безъ предвзятыхъ заранѣе мнѣній, окажется, что между князьями не существовало никакого юридическаго старѣйшинства, кромѣ того, которое неизбѣжно указывала природа, да и то выражаемо было въ неопредѣленныхъ чертахъ, которымъ можно придавать теперь различный смыслъ. Тотъ князь, который былъ старѣе другихъ по лѣтамъ, назывался старѣйшимъ между князьями и имѣлъ право быть названнымъ такимъ именемъ,

---

*) Срв. изложенныя выше мнѣнія Соловьева, Кавелина, Чичерина.

а у насъ стали подобныя наименованія принимать за нѣчто юридическое, независимое отъ возраста, за нѣчто такое, что давало бы этому князю право на званіе старѣйшаго даже и тогда, когда бы этотъ князь былъ моложе другихъ. Понятіе о старѣйшинствѣ имѣло и переносное значеніе: кого признавали сильнѣе, умнѣе и вліятельнѣе другихъ князей въ данное время, о томъ выражались, что онъ старѣе другихъ. Наконецъ, было еще естественное семейное старѣйшинство: дяди надъ племянникомъ, какъ брата отца и, слѣдовательно, равнаго отцу, старшаго брата надъ меньшимъ, какъ старѣйшаго по лѣтамъ между равными; такія отношенія внушали извѣстнаго рода уваженіе младшихъ къ старшимъ. Случаямъ такого естественнаго въ семейномъ быту уваженія у насъ пытались придавать юридическое значеніе *). Отецъ, умирая, скажетъ сыновьямъ: «ты, старшій братъ, будь вмѣсто меня отцомъ меньшимъ, а вы, меньшіе, почитайте старшаго, какъ отца». Такія фразы говорились повсемѣстно и теперь еще говорятся въ семейномъ быту, но въ сущности такія

*) Еще Кавелинъ въ рецензіи на докторскую диссертацію Соловьева замѣтилъ (*Сочиненія* II, 494): «Вообще стараніе для каждаго дѣйствія тогдашнихъ князей пріискать правомѣрное основаніе не только кажется намъ безплоднымъ, но даже положительно вреднымъ, потому что искажаетъ настоящій характеръ событій. Отсутствіе твердой обозначенности, опредѣленности въ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ есть такая же характеристическая черта, какъ и всякая другая». Соловьевъ и грѣшитъ тѣмъ, что «неограничивается изслѣдованіемъ главныхъ движущихъ историческихъ началъ, но еще придаетъ имъ отъ себя юридическій характеръ, котораго они не имѣли; всякое явленіе онъ разсматриваетъ непремѣнно съ точки зрѣнія права. Отсюда ведутъ начало многія насильственныя объясненія фактовъ въ его книгѣ». Срв. выше стр. 196.

Ред.

фразы принадлежатъ къ разряду тѣхъ нравственныхъ сентенцій, которыя безпрестанно повторяются и рѣдко исполняются; никакъ нельзя выводить изъ нихъ юридическихъ обычаевъ или измѣрять ими смыслъ юридическихъ событій, — такъ точно, какъ на томъ основаніи, что въ разныя времена старики говорили: «не должно лгать, любите другъ друга, не будьте корыстолюбы», нельзя полагать, чтобъ тѣ, которые слушали подобныя нравоученія исполняли ихъ; даже и тотъ, кто произносилъ ихъ, часто совсѣмъ былъ не таковъ въ своихъ поступкахъ, каковъ на словахъ. Прямое, дѣйствительное старшинство князей являлось тогда, когда князь княжилъ въ старѣйшемъ городѣ, и въ такомъ случаѣ насколько городъ, въ которомъ онъ сидѣлъ, считалъ себя старѣйшимъ по отношенію къ другому городу, настолько и князь его былъ старѣйшимъ по отношенію къ князю, сидѣвшему въ меньшемъ городѣ или пригородѣ.

Право земли и ея верховная власть надъ собою высказывается повсюду въ до-татарское время. Земля должна была имѣть князя; безъ этого ея существованіе, какъ земли, было немыслимо. Гдѣ земля, тамъ вѣче, а гдѣ вѣче, тамъ непремѣнно будетъ и князь: вѣче непремѣнно изберетъ его. Земля была власть надъ собою; вѣче выраженіе власти, а князь — ея органъ *). По словамъ начальнаго лѣтописнаго свода, въ половинѣ IX вѣка, сѣверные народцы **)

---

*) Срв. выше на стр. 195.

**) См. выше примѣчаніе на стр. 85. «И рѣша сами в себѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ *по праву*. И идоша за море къ варягомъ, к Русі, сице бо тіи звахуся варязи русь, яко се друзии зовутся свие, друзии же урма-

говорили призываемымъ варягамъ: «земля наша велика и обилна, а наряда (т. е. порядка) в ней нѣтъ, да поидѣте княжитъ и володѣти нами» (по праву); то же фактически повторялось въ каждой землѣ при каждомъ вступленіи князя на княженіе. Если призваніе варяжскихъ князей выдумано, то оно выдумано невольно, по естественному свойству человѣческой природы переносить на отдаленныя времена признаки современнаго быта: что дѣлалось въ XII вѣкѣ, то переносилось воображеніемъ на IX-й. На Руси сложилось такое понятіе: безъ князя въ землѣ ни порядка, ни охраненія, ни суда, ни правды; безъ князя начнется безпорядокъ, сильнѣйшіе будутъ обижать слабѣйшихъ; роды и семьи передерутся между собой; не будетъ единодушія ко взаимной защитѣ; набѣгутъ чужіе и разорятъ землю; ратная сила не будетъ повиноваться начальнику, если этимъ начальникомъ не будетъ князь. Князь призванъ володѣть, т. е. держать власть, править, защищать; но онъ не былъ вотчинникомъ земли. Володѣть на древнемъ языкѣ совсѣмъ не значило то, что впослѣдствіи. Князь не былъ государемъ, онъ былъ только господиномъ. Оттого Новгородъ, удержавшій долѣе другихъ земель древнія формы быта, не хотѣлъ въ XV вѣкѣ назвать московскаго великаго князя государемъ, а давалъ ему по старинѣ только титулъ господина; для новгород-

---

не, анъгляне, друзіи гъте, тако и си. Рѣша Руси чюдь, и словѣни, и кривичи, и вси... (см. текстъ). И изъбрашася 3 братья с роды своими, и пояша по собѣ всю Русь». Подобныя легенды извѣстны и западно-европейской хроникѣ; срв., напр., слова бриттовъ, призывавшихъ Генгиста и Горзу: «terram latam et spaciosam et omnium rerum copia refertam» и т. д.

Ред.

цевъ государемъ былъ Великій Новгородъ, т. е. сама земля новгородская; князь же былъ только господинъ, т.-е. призванный владѣть по праву, иначе — по волѣ земли. Князя выбирала земля потому, что онъ для земли былъ нуженъ.

Съ незапамятныхъ временъ у славянъ были князья, они были и въ славянорусскихъ земляхъ до прихода варяговъ. Кіевскіе князья пріучали народы къ дани посредствомъ дружины, составленной изъ разнаго сброда. Прежнихъ князей замѣнили въ земляхъ князья Рюрикова рода. Сыновья Ярослава, назначенные отцомъ князьями въ разныя земли, конечно, вначалѣ держались тамъ также посредствомъ дружины, но скоро освоились съ земскою жизнью, а пришлая дружина слилась съ мѣстными жителями; съ одной стороны, пришельцы дѣлались землевладѣльцами и членами земли, съ другой — въ княжескую дружину входили мѣстные жители. Старое вѣчевое выборное начало вошло въ прежнюю колею тѣмъ легче, что и до того времени земли, платя кіевскимъ князьямъ дань, внутри не покидали старыхъ обычаевъ; теперь князья, не ограничиваясь уже однимъ собираніемъ дани, а сдѣлавшись по христіанскимъ понятіямъ правителями, судьями и защитниками земли, сроднились съ народными правами и обычаями, и при такомъ сродствѣ образовалось понятіе, что во всѣхъ земляхъ, по всей Руси должны быть выборные землею князья, но непремѣнно изъ единаго Рюрикова рода. Притомъ же князья умножались, и выборъ былъ большой; трудно было отважиться гдѣ-нибудь на избраніе князя изъ другого рода: такой князь не усидѣлъ бы, какъ и случилось разъ въ Галичѣ, гдѣ вокняжился Володиславъ,

но тотчасъ же слетѣлъ съ княжескаго стола. Какъ только гдѣ-нибудь осмѣлилась бы одна партія замѣстить мѣсто, принадлежавшее Рюриковичу, лицомъ не Рюрикова дома, тотчасъ составилась бы другая, противная партія и призвала бы князя Рюриковича; чувство оскорбленія цѣлаго рода соединило бы между собою многихъ князей, хотя безъ того они жили между собой несогласно. Всѣ они признавали въ одинаковой степени за своимъ родомъ право княжить на Руси. «Мы не ляхи и не угры», говорили они, «мы единаго дѣда внуки». Сознавая это право, они однако не иначе могли получать его, какъ черезъ признаніе землею — какъ бы ни добывалось это признаніе: основывалось ли оно на добровольномъ выборѣ, на полномъ согласіи земли, или же князя возводила одна партія, пересилившая другую, или же, наконецъ, князь съ постороннею силою овладѣвалъ городомъ и его землею. Въ вѣкъ, когда военная удача внушала уваженіе, часто бывало, что князь силой заставлялъ землю признавать свою власть, и земля признавала князя потому, что не могла сопротивляться. Такимъ образомъ, все-таки дѣло рѣшалось признаніемъ, хотя бы невольнымъ. Впрочемъ, если князь и насиліемъ получалъ въ землѣ княженіе, то все-таки долженъ былъ, ради прочности, ладить съ жителями и заслужить ихъ расположеніе: иначе, при первой возможности призывали другого князя, съ посторонней силой, а его прогоняли.

Родовыя отношенія князей нерѣдко принимались во вниманіе землями при выборѣ князей, но не такъ, какъ юридическое право, а какъ нравственное соображеніе, основанное вообще на понятіяхъ о стар-

шинствѣ въ семейномъ быту; оно было не на столько сильнымъ, чтобы вытѣснить соображенія иного рода *). Такимъ образомъ дядя, споря съ племянникомъ, могъ подобрать себѣ партію, которая поддерживала его, ставила ему въ достоинство то, что онъ былъ дядя — старшій по семейнымъ линіямъ; но такъ же точно и племянникъ находилъ себѣ партію, которая ни во что ставила старшинство дяди и стояла за племянника, когда находила его лучше дяди по личнымъ достоинствамъ. Уваженіе къ старшимъ издавна существовало у славянъ; его поддерживало христіанство, но оно отнюдь не обратилось въ такой законъ, передъ которымъ должны были умолкнуть иного рода выгоды и соображенія.

Изученіе вѣчевого строя древней Руси и порядка преемственности княжескихъ столовъ показываетъ, что въ до-татарскій періодъ не выработалось никакихъ основъ для будущаго единодержавія въ Россіи, а тѣмъ болѣе не могло быть сознательнаго стремленія къ нему. Въ удѣльно-вѣчевомъ строѣ этого періода не видно никакихъ признаковъ, которые приводили бы необходимо къ единодержавному порядку. Русь дробилась болѣе и болѣе, но не теряла только духовнаго единства, и тогдашній общественный складъ могъ скорѣе вести къ федераціи земель, а никакъ не къ единому монархическому государству. Съ татарскимъ завоеваніемъ произошелъ быстрый и крутой переворотъ.

Татарское нашествіе совершилось внезапно. Неволя охватила свободолюбивую Русь вдругъ; никто не предвидѣлъ, никто не предчувствовалъ этого

---

*) Срв. выше на стр. 204.

удара. Вліяніе, которое это событіе имѣло на послѣдующую жизнь Руси, зависитъ не столько отъ свойствъ и характера завоевателей, сколько отъ способа самаго завоеванія и отъ обстоятельствъ, его сопровождавшихъ. Кто бы ни завоевалъ Русь — для нея важно было именно то, что она была завоевана.

Условія, въ которыя стали завоеватели къ покореннымъ, должны были неизбѣжно сразу парализовать вѣчевую жизнь. Прежде надъ Русью не было единаго господина, — теперь онъ явился впервые въ особѣ грознаго завоевателя, хана. Русь, покоренная его оружіемъ, стала его военною добычею, его собственностью; всѣ русскіе отъ князя до холопа стали его рабами безъ исключенія. Въ этомъ-то рабствѣ Русь нашла свое единство, до котораго не додумалась въ періодъ свободы.

Періодъ порабощенія Руси подъ властью монголовъ разбивается на двѣ половины: въ первой — образуются изъ прежнихъ земель княжескія владѣнія, — рядъ князей и государей съ старѣйшимъ княземъ на челѣ ихъ — всѣ въ безусловной зависимости отъ верховнаго государя, татарскаго хана, истиннаго собственника русской земли; во второй половинѣ усиливается власть старѣйшаго князя, а власть хана слабѣетъ, и, наконецъ, старѣйшій князь замѣняетъ собою хана со всѣми его атрибутами верховнаго государя и собственника русской земли.

Въ первой половинѣ Русь начала представлять изъ себя подобіе съ феодальнымъ порядкомъ, чего прежде не было. Вскорѣ послѣ завоеванія, уцѣлѣвшіе отъ бойни князья стали ѣздить къ хану на поклонъ, и ханъ отдавалъ имъ ихъ княженія въ вотчину. Князья сразу поняли, что теперь ихъ кня-

женія зависятъ отъ воли хана, ихъ государя, какъ прежде зависѣли отъ согласія земли или отъ собственной силы и ловкости. И ходили они въ Орду «про свою вотчину». Здѣсь-то начался *великій переворотъ въ русской исторіи*. Прежде князь не считалъ и не могъ считать своего княженія вотчиною, т. е. собственностью; политическій складъ Руси былъ таковъ, что ему и въ голову не могло притти подобнаго стремленія; онъ правилъ землею, какъ правитель: если подчасъ, пользуясь своимъ положеніемъ, онъ дозволялъ себѣ и произволъ, и насиліе, то это все-таки дѣлалось въ качествѣ правителя земли, а не въ значеніи государя, не собственника. Земля ему не принадлежала, земля была сама себѣ государь, а князь — господинъ, которому она сама себя довѣряла и отдавала на рядъ и управу. Если князь произвольно распоряжался землею, то онъ былъ въ такомъ значеніи, въ какомъ, напримѣръ, можетъ быть въ монархическомъ государствѣ, при слабомъ государѣ, ловкій министръ, безусловно властвующій надъ государствомъ: онъ силенъ, но онъ все-таки не государь. Теперь земля перестала быть самостоятельною единицею; мѣсто ея заступилъ князь; она спустилась до значенія вещественной принадлежности. Такъ было въ порядкѣ вещей. Иначе и быть не могло. Монголы не имѣли задачи истреблять вѣру, обычаи и нравы покоренныхъ народовъ; непокорныхъ они избивали, и тогда вѣра, обычаи и нравы пропадали сами собою вмѣстѣ съ людьми, но пока живы были монголамъ принадлежащіе люди, оставались съ ними живы и ихъ признаки настолько, насколько сами люди покорялись. Монголы застали на Руси земли и князей. Съ землями имъ

нельзя было входить въ непосредственныя сношенія и сдѣлки: нельзя же было вѣчамъ являться къ хану для принятія отъ него милостей и закона. То было физически невозможно. Ханы могли имѣть дѣло только съ отдѣльными личностями, которыя бы отвѣчали за земли, а такими личностями были князья. Для удержанія господства надъ страной, ханамъ не представлялось иного средства, какъ возложить на этихъ князей отвѣтственность за покорность, а это возможно было только при расширеніи власти князей, при отдачѣ имъ въ собственность земель, которыми они управляли. Монгольскіе завоеватели поступали съ побѣжденною страною въ извѣстномъ смыслѣ льготнѣе, чѣмъ, напримѣръ, варвары, завоевавшіе провинціи западной римской имперіи: послѣдніе раздавали земли во владѣніе своимъ людямъ; монголы почти не дѣлали этого и, вмѣсто своихъ, жаловали чужихъ, требуя отъ нихъ того, что другіе возлагали на своихъ. Ханы принимали покорныхъ князей радушно, милостиво, требовали отъ нихъ только безусловной покорности; кто показывалъ духъ неповиновенія, съ тѣмъ расправлялись жестоко; черниговскій князь поплатился жизнью, отказавшись исполнить обрядъ, который счелъ за нарушеніе своей религіи, но который былъ только знакомъ покорности. Князь Данило Романовичъ попытался-было медлить поѣздкою къ хану, и за то его волость потерпѣла разоренія, а князь спасся только тѣмъ, что, скрѣпя сердце, долженъ былъ ѣхать къ своему владыкѣ и подвергнуться у него чести, которая злѣе зла показалась современному русскому лѣтописцу, еще не утратившему свободной души предковъ.

Ханы хорошо понимали, что покорность князей невольная. Надъ князьями нуженъ былъ надзоръ, и монголы въ этомъ случаѣ воспользовались тѣмъ, что нашли въ обычаяхъ страны. Существовало званіе старѣйшаго князя, званіе неопредѣленное, въ послѣднее время не принадлежавшее никому по какому-либо праву и даваемое другими тому, кто былъ сильнѣе другихъ и внушалъ къ себѣ уваженіе. Ханы подняли его, дали ему власть, почетъ и силу. За этимъ званіемъ стали гоняться князья, какъ за цѣлью высшаго честолюбія, а оно получалось однимъ путемъ — поклонами и угодничествомъ владыкѣ. Прежде существовало первенство старѣйшихъ городовъ земли надъ пригородами; и въ старѣйшихъ городахъ и въ пригородахъ были князья; теперь и тѣ и другіе князья сдѣлались собственниками, и отношенія городовъ перешли на нихъ: князья низшіе стали находиться въ болѣе опредѣленной зависимости отъ высшихъ. Князь въ старѣйшемъ городѣ былъ выше того, кто сдѣлался собственникомъ бывшаго пригорода. Монголы воспользовались и другимъ понятіемъ о старѣйшинствѣ родовомъ: по умершемъ братѣ старѣйшимъ былъ братъ, слѣдовавшій за умершимъ по времени рожденія, за нимъ другой братъ, третій и т. д., а потомъ уже дѣти, племянники и т. д. Меньшой долженъ былъ почитать старшаго и по нравственному чувству уступать ему, но прежде это было только нравственное семейное понятіе, а не юридическое право, и не всегда такъ дѣлалось и отнюдь не считалось необходимымъ, чтобы такъ было. Монголы уважали этотъ нравственный обычай, когда только это имъ было выгодно, и князь, на основаніи такого старшинства

получившій власть, былъ крѣпче, чѣмъ былъ бы прежде, когда зависѣлъ отъ произвола земли. Но тѣ же монголы не стѣснялись нарушать этотъ нравственный обычай, точно такъ же, какъ въ былое время дѣлали земли, оказывавшія этому нравственному понятію уваженіе до извѣстной степени, но не настолько, чтобы стѣснять имъ свои выгоды; въ этомъ отношеніи то, что принадлежало землямъ, перешло теперь къ ханамъ. Все это были элементы, послужившіе къ неравенству между князьями при одинаковомъ порабощеніи всѣхъ верховному государю-хану.

Князья скоро испытали, что чѣмъ покорнѣе они будутъ вести себя передъ ханомъ, тѣмъ безопаснѣе усидятъ на своемъ княженіи, и ихъ волости будутъ ограждены отъ разоренія. Раболѣпство передъ завоевателемъ служило единственнымъ ручательствомъ за спокойствіе страны. Всѣхъ лучше понялъ это Александръ Невскій — этотъ первообразъ своихъ правнуковъ и праправнуковъ московскихъ князей. Новгородъ не хотѣлъ было допустить ханскихъ численниковъ, и князь, оказавшій передъ тѣмъ услуги Великому Новгороду, выкалывалъ глаза и порол носы тѣмъ новгородцамъ, которые подущали народъ не повиноваться завоевателямъ. За это онъ вошелъ въ большую милость у хана и впослѣдствіи могъ быть полезнымъ заступникомъ за Русь. Въ Ростовской области тяжело стало отъ татарскихъ даней: онѣ были на откупу, и сами русскіе не считали предосудительнымъ нагрѣвать себѣ руки отъ народной бѣды. Народъ не могъ скоро измѣнить своихъ привычекъ; зазвонили вѣча, стали бить сборщиковъ. По примѣру Ростова то же произошло во

Владимирѣ, Суздалѣ, Ярославлѣ, Переяславлѣ, Угличѣ и отдаленномъ Устюгѣ. Александръ Невскій тотчасъ же поспѣшилъ въ Орду и успѣлъ утишить гнѣвъ хана. Его вся дѣятельность клонилась къ тому, чтобы охранить русскій народъ отъ печальныхъ слѣдствій, которыя могла на него навести татарская месть за вспышки неповиновенія. Онъ умѣлъ подладиться къ завоевателямъ; ему довѣряли, ради его прощали другимъ. Такая ловкость и умѣнье уживаться съ завоевателями не только укрѣпили его власть, но вмѣстѣ съ тѣмъ подняли и возвысили значеніе старѣйшаго князя, которое потомъ проложило путь къ единодержавію.

Въ татарскій періодъ точно такъ же сложились и установились нравственныя и экономическія условія, подготовившія народную громаду къ тому, чтобъ сдѣлаться превосходнымъ матеріаломъ для такого государства, какимъ явилась въ XVI вѣкѣ московская монархія. Татарское завоеваніе дало Руси толчокъ и крутой поворотъ къ такой монархіи.

VIII. КОМБИНИРОВАННЫЯ ТЕОРІИ.

А. Теорія В. И. Сергѣевича.

(*В. И. Сергѣевичъ.* «Русскія Юридическія Древности». Т. II. «Власти». Выпускъ I. «Вѣче и Князь». Спб. 1893).

Взглядъ на развитіе государственнаго строя древней Руси впервые развитъ былъ В. Сергѣевичемъ въ его извѣстномъ изслѣдованіи *Вѣче и Князь. Русское государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей,* появившемся въ 1867 году и тогда же нашедшемъ обстоятельную критику въ статьѣ А. Д. Градовскаго *Государственный строй древней Россіи,* по которой и изложенъ далѣе взглядъ этого автора. Договорная теорія, развитая здѣсь В. Сергѣевичемъ, не осталась у него безъ переработки, и ея видоизмѣненіе всего удобнѣе наблюсти при текстѣ перваго выпуска второго тома его *Русскихъ Юридическихъ Древностей,* вышедшемъ въ свѣтъ въ 1893 г. съ подзаголовкомъ *Вѣче и Князь.* Такъ какъ со старымъ взглядомъ В. Сергѣевича читатель болѣе или менѣе ознакомится изъ критики А. Д. Градовскаго, то, не давая выдержекъ изъ диссертаціи *Вѣче и Князь,* полагаемъ достаточнымъ ознакомиться читателю, **во-первыхъ,** съ новѣйшей Сергѣевичевской критикой родовой теоріи Соловьева и, **во-вторыхъ,** съ послѣднимъ его изложеніемъ вопроса о распредѣленіи волостей между князьями.

I.

Княжескія отношенія и порядокъ преемства столовъ съ точки зрѣнія теоріи родового *) быта.

Историческая наука давно уже отмѣтила тотъ фактъ, что всѣ культурные народы прошли чрезъ стадію родового или патріархальнаго быта. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что русскіе славяне не представляютъ въ этомъ отношеніи исключенія. Но вопросъ въ томъ, какъ долго сохранился у нихъ этотъ бытъ, какія черты его наблюдаются въ историческое время, и какое вліяніе оказалъ онъ на княжескія отношенія X, XI и XII вѣковъ?

Нѣкоторые изслѣдователи нашей старины отводятъ чрезвычайно видное мѣсто вліянію родового быта на нашу древнюю историческую жизнь. Первое мѣсто среди писателей этого направленія безспорно принадлежитъ Соловьеву, такъ много потрудившемуся въ области изслѣдованія историческихъ судебъ нашего отечества. Господство родового быта въ Россіи продолжается, по его мнѣнію, до XII вѣка; только со «второй половины XII вѣка» замѣчаетъ онъ «начало перемѣны» въ этомъ исконномъ порядкѣ вещей. Господство родового быта не ограничивается частной, семейной сферой, а съ неменьшей силой проявляется и въ государственномъ устройствѣ русской земли. Вотъ какъ изображаетъ онъ

*) Это — «глава дополнительная» въ цитованной выше книгѣ В. Сергѣевича (стр. 320—336).

отраженіе началъ родового быта въ княжескихъ отношеніяхъ:«Князья не теряютъ понятія о единствѣ, нераздѣльности своего рода; это единство, нераздѣльность выражались тѣмъ, что всѣ князья имѣли одного старшаго князя, которымъ былъ всегда старшій членъ въ цѣломъ родѣ; слѣдовательно, каждый членъ рода, въ свою очередь, могъ получить старшинство, не остававшееся исключительно ни въ одной линіи. Такимъ образомъ, родъ князей русскихъ, несмотря на свое развѣтвленіе, продолжалъ представлять одну семью — отца съ дѣтьми, внуками и т. д. Теперь изъ словъ лѣтописнаго свода, изъ словъ самихъ князей, какъ они въ немъ записаны, нельзя ли получить свѣдѣнія объ отношеніяхъ князей къ ихъ общему старшему, этому названному отцу? Старшій князь, какъ отецъ, имѣлъ обязанность блюсти выгоды цѣлаго рода, думать и гадать о русской землѣ, о своей чести и о чести всѣхъ родичей, имѣлъ право судить и наказывать младшихъ, раздавалъ волости, выдавалъ сиротъ-дочерей княжескихъ замужъ. Младшіе князья обязаны были оказывать глубокое уваженіе и покорность, имѣть его себѣ отцомъ въ правду и ходить въ его послушаніи, являться къ нему по первому зову, выступать въ походъ, когда велитъ» *).

Соловьевъ — большой знатокъ источниковъ нашей исторіи и ничего не утверждалъ, чего нельзя было бы подтвердить ссылкой на подлинныя выраженія памятниковъ. Выписанное мнѣніе онъ также подтверждаетъ ссылками на памятники; но въ данномъ

*) Срв. выше стр. 120—123, особенно *примѣчанія* въ виду дальнѣйшихъ словъ В. Сергѣевича.

случаѣ пользованіе памятниками нельзя назвать правильнымъ, потому, во-1-хъ, что нѣкоторыя выраженія источниковъ взяты отрывочно, внѣ связи съ другими свидѣтельствами тѣхъ же источниковъ, которыми необходимо было воспользоваться для уясненія ихъ дѣйствительнаго смысла; во-2-хъ, частныя опредѣленія отдѣльныхъ договоровъ приняты авторомъ за обычаи родового быта.

Разсмотримъ каждое изъ приведенныхъ выше положеній въ отдѣльности.

Старшій князь, утверждаетъ Соловьевъ, имѣлъ обязанность думать и дѣйствовать за младшихъ князей. Чтобы существовала обязанность думать и дѣйствовать за кого-либо, необходимо, чтобы извѣстное лицо само не имѣло права думать и дѣйствовать за себя, и чтобы другому была предоставлена власть думать и дѣйствовать за него; въ противномъ случаѣ неизбѣжно столкновеніе двухъ думъ и двухъ дѣйствій. Изъ фактовъ, которыми изобилуютъ лѣтописи, мы знаемъ, что каждый князь думалъ и дѣйствовалъ самъ за себя, кромѣ того случая, когда онъ по договору обязывался быть въ чьей-либо волѣ, что, впрочемъ, относилось къ одной только внѣшней политикѣ. Теорія родового быта разумѣетъ не это подчиненіе одного князя волѣ другого, возникающее изъ *договора*, а подчиненіе всѣхъ князей волѣ одного, старшаго, и не въ силу договора, а въ силу — обычаевъ родового быта. Чѣмъ же доказывается существованіе такихъ обычаевъ? Въ подкрѣпленіе высказанному положенію авторъ «Исторіи Россіи» приводитъ только одно мѣсто источниковъ, слова Ростиславичей въ 1195 г. Всеволоду III: «А ты, брате, въ Володимери племени старѣй

еси насъ, а думай, гадай о руской земли и о своей чести, и о нашей». Дѣйствительно, Рюрикъ и Давыдъ Ростиславичи обратились съ приведенными словами къ Всеволоду Юрьевичу. Но чтобы судить объ ихъ отношеніяхъ къ этому князю и дѣлать заключеніе о характерѣ княжескихъ отношеній вообще, приведеннаго мѣста мало. Для этого надо было взять и другія свидѣтельства, характеризующія взаимныя отношенія тѣхъ же Ростиславичей къ тому же Всеволоду, если таковыя есть. По счастью, мы имѣемъ два такихъ свидѣтельства; они не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно дѣйствительнаго смысла приведенныхъ словъ. За указаннымъ обращеніемъ Ростиславичей ко Всеволоду послѣдовала война этихъ князей съ черниговскими Ольговичами. Въ 1196 г. Всеволодъ вознамѣрился заключить съ ними миръ, но безъ сношенія съ Рюрикомъ Ростиславичемъ. По мнѣнію Соловьева, онъ могъ это сдѣлать, ибо былъ обязанъ думать и дѣйствовать за всѣхъ. Но могъ ли въ дѣйствительности? Давыдъ Ростиславичъ, дѣйствовавшій заодно со Всеволодомъ, пытается удержать его отъ такого односторонняго дѣйствія, напоминая ему рядъ его съ Рюрикомъ. Слова Давыда заключаются слѣдующимъ знаменательнымъ предостереженіемъ: «онъ же нынѣ воюеться с ними и волость свою зажегль тебе дѣля, а нынѣ безъ его думы (т. е. безъ думы Рюрика) хочемь миритися; а, брате, повѣдаю ти, сего ти мира не улюбить братъ мой Рюрикъ» *). Рюрикъ, дѣйствительно, не улюбилъ этого мира и въ наказаніе

*) Надо, впрочемъ, замѣтить, что ранѣе въ лѣтописи говорится такъ: «Давыдъ же *не любящеть мира*, но поущашеть и (т. е. Всеволода) пойти к Чернигову». *Ред.*

отнялъ у Всеволода тѣ города въ русской землѣ, которые былъ вынужденъ дать ему въ 1195 г. Повторяемъ нашъ вопросъ: могъ ли Всеволодъ думать и дѣйствовать за Ростиславичей? Конечно, нѣтъ, ибо Ростиславичи ясно сознаютъ свое право — думать и дѣйствовать самимъ за себя; Всеволода же, наоборотъ, они считаютъ обязаннымъ дѣйствовать, въ извѣстныхъ случаяхъ, не иначе, какъ по думѣ и по соглашенію съ ними. Итакъ, примѣромъ Всеволода нельзя доказать того положенія, что старшій князь былъ обязанъ думать и дѣйствовать за всѣхъ остальныхъ.

Какой же дѣйствительный смыслъ того мѣста лѣтописи, которое дало поводъ къ этому неправильному заключенію? Въ 1195 г. Рюрикъ Ростиславичъ только-что занялъ кіевскій столъ по смерти Святослава черниговскаго. Опасаясь, чтобы братъ Святослава, Ярославъ, не сталъ искать подъ нимъ Кіева, Рюрикъ заключилъ оборонительный союзъ со Всеволодомъ. Вскорѣ затѣмъ зять Рюрика, Романъ, обиженный тестемъ, перешелъ на сторону черниговскихъ князей и сталъ звать Ярослава Всеволодовича на кіевскій столъ. Такимъ образомъ, для Рюрика возникъ поводъ требовать отъ Всеволода условленной помощи. Свое требованіе Рюрикъ облекаетъ въ возможно вѣжливую форму, какъ и подобаетъ между добрыми друзьями. «Ты старѣй насъ всѣхъ во Владимировѣ племени, говоритъ онъ ему (т. е. старѣй лѣтами), а думай, гадай о русской землѣ и о своей чести и о нашей!» Итакъ, это не что иное, какъ вѣжливое обращеніе къ старшему лѣтами и притомъ къ человѣку, который нуженъ и можетъ помочь въ бѣдѣ.

О томъ, чтобы Всеволодъ былъ старшій членъ въ

цѣломъ родѣ Рюриковичей (собственно Ярославичей), здѣсь нѣтъ и рѣчи; здѣсь говорится только о старшинствѣ Всеволода въ Володимировомъ племени. Старшій же въ цѣломъ родѣ былъ, по всей вѣроятности, Ярославъ Всеволодовичъ черниговскій, правнукъ Святослава, второго сына Ярославова, противъ котораго и былъ направленъ союзъ Владимировичей, потомковъ третьяго сына Ярослава, Всеволода, или Юрій Ярославичъ (если только онъ былъ живъ въ это время), старшій правнукъ старшаго сына Ярослава, Изяслава, почти вовсе лишенный участія во владѣніи русской землей.

Далѣе Соловьевъ утверждаетъ, что старшій князь имѣлъ право судить и наказывать младшихъ. Въ доказательство того, что старшему князю принадлежало право суда надъ младшими, онъ приводитъ только одно мѣсто источниковъ, а именно — слова, сказанныя Ростиславомъ Юрьевичемъ Изяславу кіевскому: «а ты мене старѣй, а ты мя и суди». Если изъ этого мѣста можно вывести чьелибо право суда, то — одного только Изяслава надъ Ростиславомъ, а никакъ не старшаго въ цѣломъ родѣ надъ всѣми остальными. Изяславъ Мстиславичъ, къ которому обращены эти слова, не только не былъ старшимъ въ цѣломъ родѣ, но даже и не считалъ себя за такового: «всихъ насъ старѣй, говоритъ онъ Ростиславу Юрьевичу, отець твой, но не умѣеть с нами жити». Итакъ, изъ указаннаго авторомъ мѣста ровно ничего нельзя вывести о правахъ старшаго въ цѣломъ родѣ Рюриковичей князя. «Старѣе» — сказано здѣсь въ самомъ тѣсномъ смыслѣ; Изяславъ былъ только старѣе Ростислава, который говоритъ ему: «ты меня старѣй». Надъ Изя-

славомъ же поднималась еще цѣлая лѣстница князей, изъ которыхъ одинъ былъ старѣе другого. Старѣй Изяслава былъ его дядя Юрій, старѣй Юрія — его старшій братъ Вячеславъ. Еще старѣе этихъ князей, правнуковъ Ярослава отъ третьяго сына Всеволода, были, по всей вѣроятности, его правнуки отъ второго сына, Святослава, Владимиръ и Изяславъ Давыдовичи и Святославъ Ольговичъ, также находившіеся въ живыхъ.

Какой же смыслъ приведеннаго извѣстія? Ростиславъ былъ многимъ обязанъ Изяславу: онъ получилъ отъ него волость, а во время войны Изяслава съ отцомъ Ростислава, Юріемъ, былъ оставленъ имъ на югѣ «стеречь русской земли». По возвращеніи изъ этого похода, Изяславъ узнаетъ, что въ его отсутствіе Ростиславъ замышлялъ на него и хотѣлъ овладѣть Кіевомъ. Пригласивъ его къ себѣ, Изяславъ напомнилъ Ростиславу все добро, которое ему сдѣлалъ, и затѣмъ передалъ взводимое на него обвиненіе. На это обвиненіе Ростиславъ отвѣчалъ: «Брате и отче! ако ни во умѣ своемъ, ни на сердци ми того не было; пакы ли на мя кто молвить, князь ли который въ хрестьяныхъ или въ поганыхъ, а ты мене старѣй, а ты мя съ нимъ и суди». Все, что можно вывести изъ этихъ словъ, заключается въ слѣдующемъ: Ростиславъ признаетъ надъ собой въ данномъ случаѣ судъ Изяслава — и только. Основаніе подсудности въ этомъ случаѣ заключается въ личной волѣ Ростислава, а не въ томъ, что Изяславъ его старѣе; иначе пришлось бы допустить, что право суда принадлежало каждому князю *относительно старшему* лѣтами, надъ всѣми другими, которые *его моложе*.

Но мы имѣемъ и положительное доказательство въ пользу того, что даже старшему въ цѣломъ родѣ князю не принадлежало право суда надъ всѣми остальными. Въ 1097 г. такимъ старшимъ былъ — Святополкъ-Михаилъ кіевскій. Вмѣстѣ съ Давыдомъ Игоревичемъ онъ ослѣпилъ Василька. Узнавъ объ этомъ, младшіе князья посылаютъ сказать ему: «чему еси ослѣпилъ братъ свой? аще ти бы вина кая была на нь, обличилъ бы и *предъ нами*». Итакъ, младшіе не сознаютъ за старшимъ права суда, а говорятъ, что онъ долженъ былъ явиться въ качествѣ обвинителя предъ ихъ судомъ.

Что касается до права старшаго въ цѣломъ родѣ князя — наказывать остальныхъ, то, поскольку это право есть необходимое слѣдствіе права суда, оно также не принадлежало старшему князю, какъ и это послѣднее. Но такъ какъ въ случаѣ нарушенія договоровъ князь, пострадавшій отъ этого нарушенія, подвергалъ виновниковъ его такимъ неудобствамъ, какимъ только могъ, то если только такіе случаи можно разсматривать какъ проявленіе права наказывать, — право это принадлежало каждому князю: младшему наравнѣ съ самымъ старшимъ. Мы только-что привели случай наказанія старшаго князя младшимъ: Рюрикъ Ростиславичъ отнялъ у Всеволода Юрьевича данную ему волость — за неисполненіе договора. Соловьевъ, въ подтвержденіе высказаннаго положенія о правѣ старшаго въ цѣломъ родѣ князя наказывать остальныхъ, приводитъ два мѣста источниковъ. Одно изъ нихъ (о Мстиславѣ Владимировичѣ, поточившемъ полоцкихъ князей въ греки) относится къ случаямъ саморасправы за неисполненіе договора и совершенно

уравновѣшивается подобнымъ примѣромъ такой же саморасправы младшаго князя со старшимъ. Впрочемъ, и эта ссылка автора выбрана не совсѣмъ удачно. Въ данномъ случаѣ наказываетъ не старшій въ цѣломъ родѣ князь. Наказываетъ Мстиславъ Владимировичъ, а старѣе его были: правнуки Ярослава отъ второго сына, Ольговичи и Давыдовичи; еще старѣе тѣхъ и другихъ были правнуки старшаго брата Ярослава, Изяслава Полоцкаго, Давыдъ, Ростиславъ и Святославъ Всеславичи. Именно эти-то Всеславичи, самые старшіе изъ Рюриковичей, и потерпѣли въ данномъ случаѣ наказаніе отъ Мстислава. Второе мѣсто, приводимое Соловьевымъ, вовсе не относится къ наказанію старшихъ, а только *исполненію приговора* младшихъ князей, возложеннаго ими на старшаго, при чемъ старшій исполняетъ волю младшихъ.

Далѣе Соловьевъ утверждаетъ, что старшій въ цѣломъ родѣ князь раздавалъ волости. Въ подтвержденіе этого положенія авторъ не приводитъ ни одной ссылки. Такъ какъ старшимъ былъ всегда *одинъ* въ цѣломъ родѣ, то выписанное положеніе надо понимать такъ: старшій въ цѣломъ родѣ князь держалъ въ своихъ рукахъ всѣ русскія волости и по своему усмотрѣнію раздавалъ ихъ, кому хотѣлъ. Въ источникахъ, дѣйствительно, нѣтъ ни одного мѣста, которое оправдывало бы такой взглядъ. Но можно утверждать, что князья вообще, какъ старшіе, такъ и младшіе, по требованію обстоятельствъ, уступаютъ другъ другу свои волости. Такъ, напримѣръ, младшій князь Рюрикъ Ростиславичъ уступилъ въ 1195 г. старшему князю, Всеволоду Юрьевичу, волость въ русской землѣ, а въ 1196 г. отнялъ ее у него.

За перечисленіемъ правъ старшаго въ цѣломъ родѣ князя, Соловьевъ переходитъ къ перечисленію соотвѣтствующихъ имъ обязанностей младшихъ князей. Въ доказательство обязанности младшихъ князей — являться на зовъ старшаго — дѣлается ссылка на требованіе Владимира Мономаха, обращенное къ Ярославу Святополчичу и основанное на только-что заключенномъ этими князьями мирномъ договорѣ; такимъ образомъ, частному случаю, возникшему изъ договора между двумя данными князьями, дается значеніе общаго обычая родового быта. Въ доказательство обязанности младшихъ — ходить въ послушаніи старшаго — приводится *желаніе* Ростислава, чтобы *извѣстные князья* ходили въ его послушаніи; такимъ образомъ, то, что только желательно и чего еще нѣтъ, но что можетъ возникнуть въ силу соглашенія между извѣстными князьями, принимается за дѣйствующій и общій обычай. Въ доказательство обязанности младшихъ князей — выступать въ походъ по приказу старшаго — приводится слѣдующее мѣсто лѣтописи: «Посла Ростиславъ къ братьи своей *веля* имъ съвъкупитися у себе съ всими полкы своими». Лѣтописцы, передавая обращеніе одного князя къ другому, весьма нерѣдко облекаютъ это обращеніе въ повелительную форму. Дѣлать отсюда заключеніе о правѣ, по началу родового старшинства, того князя, который «велитъ», приказывать и объ обязанности того, кому приказываютъ, — подчиняться приказу — это большое заблужденіе. Повелительная форма есть только способъ выраженія, свойственный тому времени, и ничего болѣе. Изъ нея нельзя дѣлать никакихъ заключеній къ праву повелѣвать.

«Но всѣ эти опредѣленія правъ и обязанностей, такъ продолжаетъ авторъ послѣ сдѣланной выше выписки, точно такого же рода, какъ и тѣ, какія мы видѣли въ завѣщаніи Ярослава.. ..всѣ права и обязанности условливались родственнымъ чувствомъ, родственной любовью съ обѣихъ сторонъ...»

Въ Ярославовомъ завѣщаніи не говорится ни слова о *правахъ* старшаго князя надъ младшими. Тамъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на право Изяслава *судить* своихъ младшихъ братьевъ, *наказывать ихъ, распредѣлять между ними русскія волости по усмотрѣнію, приказывать выступать* въ походъ и пр., а потому его нельзя приводить въ поясненіе высказаннаго авторомъ взгляда. Въ завѣщаніи говорится, правда, о послушаніи младшихъ братьевъ старшему, но тамъ же говорится и о послушаніи ихъ другъ другу и, слѣдовательно, о послушаніи старшаго младшимъ. Вѣдь послѣ изложенія содержанія Ярославова завѣщанія Соловьевъ самъ же восклицаетъ: «ни слова о правахъ младшихъ братьевъ, объ ихъ обязанностяхъ, какъ подчиненныхъ владѣльцевъ, относительно старшаго, какъ государя всей страны...» Дѣйствительно, ни слова, и понятно почему: государя всей страны еще не было.

Неправильное представленіе о старшемъ князѣ богато послѣдствіями: оно повело къ неправильному представленію о порядкѣ перехода столовъ, о князьяхъ-изгояхъ и проч.

Такъ какъ старшій князь является главою всего рода Рюриковичей, и онъ одинъ на всю Россію, то, понятно, преемство столовъ есть вопросъ не отдѣльныхъ волостей, а цѣлой Россіи, а потому долженъ существовать одинъ общій порядокъ, благо-

даря которому князья достигали старшинства. Родовая теорія думаетъ, что она открыла этотъ порядокъ. Передадимъ, въ чемъ состоитъ онъ, собственными словами автора «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ»: «...когда семья княжеская, семья Рюриковичей стала многочисленна, то между членами ея начинаютъ господствовать родовыя отношенія, тѣмъ болѣе, что родъ Рюрика, какъ родъ владѣтельный, не подчинялся вліянію никакого другого начала. Князья считаютъ всю русскую землю въ общемъ, нераздѣльномъ владѣніи цѣлаго рода своего, при чемъ старшій въ родѣ, великій князь, сидитъ на старшемъ столѣ; другіе родичи, смотря по степени своего старшинства, занимаютъ другіе столы, другія волости, болѣе или менѣе значительныя; связь между старшими и младшими членами рода чисто родовая, а не государственная; единство рода сохраняется тѣмъ, что когда умретъ старшій, или великій князь, то достоинство его вмѣстѣ съ главнымъ столомъ переходитъ не къ старшему сыну его, но къ старшему въ цѣломъ родѣ княжескомъ; этотъ старшій перемѣщается на главный столъ, при чемъ перемѣщаются и остальные родичи на тѣ столы, которые теперь соотвѣтствуютъ ихъ степени старшинства. Такія отношенія въ родѣ правителей, такой порядокъ преемства, такіе переходы князей могущественно дѣйствуютъ на весь общественный бытъ древней Руси, на опредѣленіе отношеній правительственнаго начала къ дружинѣ и къ остальному народонаселенію, однимъ словомъ — находятся на первомъ планѣ, характеризуютъ время». Эта картина, взятая изъ предисловія къ первому тому пополняется во второмъ томѣ еще слѣдующими штрихами:

«Но мы видимъ иногда, что нѣкоторые князья и цѣлыя племена (линіи) княжескія исключаются изъ родового старшинства, и это исключеніе признается правильнымъ. Какимъ же образомъ могло произойти подобное явленіе? Для рѣшенія этого вопроса должно посмотрѣть, какимъ образомъ князь достигалъ старшинства, приближался къ нему. Первоначально родъ состоялъ изъ отца, сыновей, внуковъ и т. д.; когда отецъ умиралъ, его мѣсто для рода заступалъ старшій братъ; онъ становился отцомъ для младшихъ братьевъ, слѣдовательно, его собственные сыновья необходимо становились братьями дядьямъ своимъ, переходили во второй, высшій рядъ, изъ внуковъ въ сыновья, потому что надъ ними не было болѣе дѣда, — старшина рода былъ для нихъ прямо отецъ, и точно, дядья называютъ ихъ братьями; по другіе ихъ двоюродные братья оставались попрежнему внуками, малолѣтними, потому что надъ ними попрежнему стояли двѣ степени; старшій дядя считался отцомъ ихъ отцамъ, слѣдовательно, для нихъ самихъ имѣлъ значеніе дѣда; умиралъ этотъ старшій, второй братъ заступалъ его мѣсто, становился отцомъ для остальныхъ младшихъ братьевъ, и его собственныя дѣти переходили изъ внуковъ въ сыновья, изъ малолѣтнихъ въ совершеннолѣтніе и, такимъ образомъ, мало-по-малу, всѣ молодые князья, чрезъ старшинство своихъ отцовъ, достигали совершеннолѣтія и приближались сами къ старшинству. Но случись при этомъ, что князь умиралъ, не будучи старшиною рода, отцомъ своихъ братьевъ, то дѣти его оставались навсегда на степени внуковъ, несовершеннолѣтнихъ: для нихъ прекращался путь къ дальнѣйшему движенію; отсюда понятно теперь,

почему сынъ не могъ достигнуть старшинства, если отецъ его никогда не былъ старшиною рода: такъ понимали князья порядокъ восхожденія своего къ старшинству. Они говорили: «Какъ прадѣды наши лѣствицею восходили на великое княженіе кіевское, такъ и намъ должно достигать его лѣствичнымъ восхожденіемъ». Но когда въ этой лѣстницѣ вынималась одна ступень, то дальнѣйшее восхожденіе становилось невозможнымъ; такіе исключенные изъ старшинства князья считались въ числѣ изгоевъ».

Это — цѣлая теорія преемства княжескихъ столовъ, чрезвычайно послѣдовательно проведенная. Кіевъ — единый центръ русской земли. Тамъ княжитъ всегда старшій въ родѣ. Если онъ умираетъ, мѣсто его занимаетъ слѣдующій за нимъ братъ, а при отсутствіи брата, — старшій сынъ умершаго. Передъ тѣмъ этотъ второй старшій въ родѣ занималъ второй по старшинству столъ въ русской землѣ. Съ переходомъ его на первый, на второй столъ перемѣщается третій по старшинству родственникъ, уступая свое мѣсто четвертому и т. д.; такимъ образомъ, всѣ князья дѣлаютъ шагъ впередъ по направленію къ старшинству. Старшій сынъ, занявшій мѣсто отца, становится отцомъ для младшихъ братьевъ и т. д. Считать кого-либо себѣ «въ отца мѣсто» — это не почетное только наименованіе, а дѣйствительное отношеніе, имѣющее силу перемѣстить родственниковъ одной степени, низшей, на высшую, изъ внуковъ, напримѣръ, возвести ихъ въ сыновья, т. е. изъ третьей во вторую степень.

«Начало перемѣны въ означенномъ порядкѣ вещей, говоритъ Соловьевъ въ предисловіи къ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», мы замѣ-

чаемъ во второй половинѣ XII вѣка, когда сѣверная Русь выступаетъ на сцену; замѣчаемъ здѣсь на сѣверѣ, новыя начала, новыя отношенія, имѣющія произвести новый порядокъ вещей, — замѣчаемъ перемѣну въ отношеніяхъ старшаго князя къ младшимъ, ослабленіе родовой связи между княжескими линіями, изъ которыхъ каждая стремится увеличить свои силы на счетъ другихъ линій и подчинить себѣ послѣднія уже въ государственномъ смыслѣ».

Итакъ, ослабленіе родовой связи замѣчается только со второй половины XII вѣка; съ этого времени начинаютъ проявляться эгоистическія стремленія князей къ увеличенію своихъ силъ (т. е. владѣній) на счетъ другихъ, и, слѣдовательно, возникаетъ пертурбація въ порядкѣ преемства, а до тѣхъ поръ все идетъ согласно родовой теоріи.

Любопытно взглянуть на факты: укладываются ли они въ рамки этой стройной теоріи? Если только съ половины XII вѣка начинается ослабленіе родового быта, то, конечно, чѣмъ далѣе въ глубь вѣковъ отъ XII вѣка, тѣмъ безпрепятственнѣе долженъ былъ проявляться въ жизни порядокъ преемства по началу лѣствичнаго восхожденія къ старшинству, тѣмъ большимъ признаніемъ долженъ былъ онъ пользоваться какъ со стороны старшихъ, такъ и со стороны младшихъ князей. Такъ ли это было въ дѣйствительности?

Начнемъ нашу провѣрку съ самаго древняго времени.

По смерти Святослава старшій его сынъ получаетъ Кіевъ; младшіе — одинъ Древлянскую волость, другой — Новгородъ. По теоріи, Ярополкъ дѣлается отцомъ своихъ братьевъ, — младшіе его братья, Олегъ

и Владимиръ, — его сыновьями. Но дѣйствительныя отношенія этихъ князей совершенно не соотвѣтствуютъ такому предположенію. Ярополкъ начинаетъ войну съ Олегомъ и присоединяетъ волость брата къ своимъ владѣніямъ. За этимъ Владимиръ начинаетъ войну съ Ярополкомъ, измѣннически приказываетъ его убить при входѣ въ свой дворецъ и завладѣваетъ всѣми его владѣніями. Это ли господство родового быта въ средѣ князей, это ли общее нераздѣльное владѣніе русской землей цѣлымъ родомъ Рюриковичей? По смерти Владимира, старшій его сынъ, Святополкъ, дѣлается кіевскимъ княземъ и также вступаетъ въ братоубійственную борьбу съ братьями изъ-за владѣній. Гдѣ же тутъ отецъ и дѣти? Побѣдителемъ выходитъ Ярославъ. Онъ переживаетъ всѣхъ своихъ братьевъ, за исключеніемъ Судислава. Но и онъ не можетъ терпѣть подлѣ себя брата, а по родовой теоріи — сына. Онъ заключаетъ его въ тюрьму и раздаетъ всѣ свои обширныя владѣнія сыновьямъ, ничего не оставляя брату, тогда какъ, по теоріи, брату слѣдовало дать первое мѣсто. Отчего же устраненъ Судиславъ отъ общаго, нераздѣльнаго владѣнія русской землей? Можетъ-быть, онъ изгой въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это слово родовая теорія? Нѣтъ, его отецъ сидѣлъ въ Кіевѣ, и съ точки зрѣнія теоріи онъ имѣлъ несомнѣнное право на старѣйшинство послѣ Ярослава. Онъ устраненъ былъ потому, что наши древніе князья и не подозрѣвали о существованіи теоріи родового распредѣленія столовъ.

Свое мнѣніе о князьяхъ-изгояхъ, какъ исключенныхъ изъ старшинства, потому что отцы ихъ умерли, не будучи старшиною рода, теорія подкрѣпляетъ

ссылкой на мѣсто изъ устава, приписываемаго новогородскому князю Всеволоду, и толкуетъ совершенно произвольно. Уставъ причисляетъ къ изгоямъ всѣхъ князей-сиротъ, и очень понятно почему *). Князья-сироты въ эпоху господства въ междукняжескихъ отношеніяхъ политики эгоизма находились въ жалкомъ положеніи, а потому и могли быть приравнены къ изгоямъ. Родовая же теорія разумѣетъ подъ князьями-изгоями только такихъ князей, отцы которыхъ умерли, не княживъ въ Кіевѣ. Къ такому ограничительному толкованію нѣтъ ни малѣйшаго основанія. Изъ неправильнаго положенія — и слѣдствія выводятся неправильныя: «отсюда понятно, говоритъ теорія, почему сынъ не могъ достигнуть старшинства, если отецъ его никогда не былъ старшиною рода: такъ понимали князья порядокъ восхожденія своего къ старшинству». Но Всеволодъ Ольговичъ достигъ же старшинства, хотя отецъ его и никогда не сидѣлъ въ Кіевѣ? Съ согласія князей Владимировичей Всеволодъ княжилъ въ Кіевѣ до своей смерти и даже передалъ свое кіевское княженіе брату, Игорю, отецъ котораго тоже никогда не сидѣлъ въ Кіевѣ. На эту передачу согласились и князья, и граждане Кіева. И это не единственный случай. Въ Кіевѣ сидѣлъ и Изяславъ Давыдовичъ, отецъ котораго никогда не былъ старѣйшиной въ смыслѣ родовой теоріи. Права его были признаны не только черниговскими князьями, но и Мономаховичами,

---

*) Относящійся сюда текстъ изъ устава новогородскаго князя Всеволода (отъ 1125—1136 г.) см. выше въ примѣчаніи на стр. 129 Для выясненія термина *изгой* необходимо имѣть въ виду стр. 263—267 перваго тома «*Русскихъ Юридическихъ Древностей*» В. Сергѣевича (по изд. Спб. 1890).

кіевскими отчичами и дѣдичами. Стало-быть, и этого правила родовой теоріи никто не зналъ въ древности.

Чѣмъ же доказываетъ родовая теорія лѣствичное восхожденіе къ старшинству? Доказательства ея очень немногочисленны и не сильны. Первое доказательство такое: «когда умеръ четвертый сынъ Ярослава, Вячеславъ, княжившій въ Смоленскѣ, то эта волость не перешла въ наслѣдство къ его сыновьямъ, но отдана была братьями пятому Ярославичу, Игорю, княжившему прежде на Волыни: ясный знакъ отсутствія наслѣдственности волостей и движенія князей изъ одной волости въ другую по старшинству, лѣствичнымъ восхожденіемъ». Фактъ перевода Игоря изъ Владимира въ Смоленскъ несомнѣненъ; но почему это сдѣлали старшіе братья,— лѣтописецъ не объясняетъ. Родовая теорія пользуется этимъ фактомъ въ свою пользу. Это было бы еще до нѣкоторой степени возможно въ томъ случаѣ, если бы мы точно знали, кто четвертый, кто пятый сынъ Ярослава, а мы этого не знаемъ. Начальный лѣтописный сводъ записалъ только годъ рожденія Вячеслава; онъ относитъ его къ 1036-му г. Годъ рожденія Игоря сообщаетъ Татищевъ: онъ относитъ его къ 1036-му, а рожденіе Вячеслава къ 1034-му. Это свидѣтельство трудно принять за несомнѣнное, такъ какъ оно противорѣчитъ начальному лѣтописному своду. Другое основаніе для опредѣленія старшинства двухъ младшихъ Ярославичей, это — порядокъ, въ какомъ они перечислены въ завѣщаніи Ярослава. Но въ большинствѣ списковъ имя Игоря опущено; только въ Троицкомъ онъ упомянутъ, но не на пятомъ мѣстѣ, какъ бы нужно было для родовой теоріи, а

на четвертомъ; по этому свидѣтельству онъ старше Вячеслава. Если принять свидѣтельство Троицкой лѣтописи, то будетъ доказано совершенно противное тому, чего желаетъ родовая теорія: старшій братъ окажется переведеннымъ на мѣсто младшаго, и получится движеніе не къ старшинству, а въ обратную сторону. Можно ли что-нибудь основывать на такихъ шаткихъ данныхъ? Но мы поставимъ такой вопросъ: можно ли видѣть въ сыновьяхъ Ярослава вѣрныхъ проводниковъ патріархальныхъ началъ жизни и всякое дѣйствіе ихъ объяснять стремленіемъ къ выполненію правилъ родовой теоріи? Это очень сомнительно. Святославъ и Всеволодъ не затруднились же прогнать изъ Кіева своего старшаго брата и овладѣть его княженіемъ. А этотъ старшій братъ, въ союзѣ со Всеволодомъ, не затруднился обобрать своихъ племянниковъ, сыновей Святослава и Вячеслава. Въ виду этихъ хищническихъ свойствъ сыновей Ярослава, мы склонны думать, что они перевели младшаго брата въ Смоленскъ вовсе не для того, чтобы открыть ему радужныя перспективы кіевскаго княженія, а чтобы подѣлиться его волостью, а его самого удовлетворить наслѣдіемъ малолѣтняго Бориса Вячеславича, который явился въ этомъ случаѣ изгоемъ въ настоящемъ смыслѣ слова, ибо по малолѣтству совершенно былъ обобранъ своими дядями.

«Потомъ, продолжаетъ теорія родового быта свои доказательства, когда Святославъ Ярославичъ, по изгнаніи брата, получилъ старшинство вмѣстѣ съ главнымъ столомъ кіевскимъ, то слѣдующій по немъ братъ, Всеволодъ, княжившій прежде въ Переяславлѣ, переходитъ на мѣсто Святослава въ Чер-

ниговъ». Въ доказательство господства преемства по родовому старшинству берется фактъ вопіющаго нарушенія этого старшинства. Два младшихъ брата прогоняютъ изъ Кіева старшаго, т. е. своего отца, и производятъ новое между собой распредѣленіе и добычи и прежнихъ своихъ владѣній, и это хищничество должно служить намъ примѣромъ патріархальныхъ порядковъ родового быта!

Этимъ ограничиваются доказательства, и Соловьевъ переходитъ къ объясненію условій, при которыхъ возникаютъ наслѣдственныя владѣнія въ княжескихъ линіяхъ.

Самое выраженіе «лѣствичное восхожденіе» не выдумано авторомъ теоріи родового быта, — оно взято имъ изъ Никоновской лѣтописи и принадлежитъ XVI вѣку. Неизвѣстный намъ составитель Никоновской лѣтописи не ограничивается простой передачей того лѣтописнаго матеріала, который онъ нашелъ въ старыхъ спискахъ лѣтописей. Онъ заинтересованъ смысломъ описываемыхъ событій и иногда не можетъ отказать себѣ въ попыткѣ объяснить эти событія. Но онъ дѣлаетъ это не со стороны, не отъ своего имени, — онъ влагаетъ свои объясненія въ уста дѣйствующихъ лицъ. Вотъ именно въ такомъ-то сочиненномъ самимъ составителемъ мѣстѣ и идетъ рѣчь о лѣствичномъ восхожденіи. Составителя Никоновской лѣтописи заинтересовалъ и насъ занимающій вопросъ о томъ, на какомъ основаніи происходило въ древности преемство столовъ. Онъ началъ вдумываться въ него и рѣшилъ, что они достигаютъ Кіева лѣствичнымъ восхожденіемъ. Но онъ не написалъ объ этомъ особаго изслѣдованія, какъ сдѣлали бы люди нашего времени. Онъ воспользо-

вался приводимымъ въ старой лѣтописи споромъ князей изъ-за обладанія Кіевомъ и заставилъ черниговскаго князя въ своемъ отвѣтѣ кіевскому высказать свою собственную мысль о древнемъ порядкѣ преемства. Составитель лѣтописи, конечно, былъ совершенно убѣжденъ въ правдивости своего объясненія, а потому и не затруднился замѣнить старый текстъ, по всей вѣроятности, мало ему понятный, своимъ сочиненіемъ. Если Соловьевъ отдаетъ въ этомъ случаѣ предпочтеніе тексту Никоновскаго списка передъ списками болѣе древними,—это прискорбное недоразумѣніе и только.

Корень ошибочнаго толкованія источниковъ родовой теоріей заключается въ томъ, что она отправлялась отъ предположенія наличности строго выработаннаго и притомъ чрезвычайно сложнаго порядка *) преемства для такого времени, когда люди дѣйствовали не столько по правиламъ, сколько въ мѣру своей силы. Родовая теорія заплатила этимъ дань своему времени. Мы понимаемъ пользу правового порядка. Мы говоримъ: всякій законъ лучше произвола. Мы думаемъ, что безъ закона жить нельзя. Родовая теорія перенесла эти воззрѣнія въ отдаленную древность. Она была не въ состояніи представить себѣ жизни безъ точныхъ правилъ, а наша древность не была еще въ силахъ выработать эти правила **).

---

*) Срв. выше на стр. 196 и 204.

**) При чтеніи приведеннаго отрывка изъ книги В. Сергѣевича читатели припомнятъ выдержку изъ Соловьева на стр. 119—133 нашего сборника. — Для болѣе подробнаго изученія вопроса необходимо проглядѣть въ диссертаціи В. Сергѣевича *Вѣче и князь* стр. 44—50 — замѣтка о значеніи слова родъ» и стр. 265—272— «замѣтка по поводу мнѣнія о родовомъ бытѣ князей». *Ред.*

II.

Распредѣленіе *) волостей между князьями.

Нашей древности былъ совершенно не извѣстенъ какой-либо опредѣленный порядокъ преемства столовъ. Столы распредѣлялись подъ вліяніемъ весьма разнообразныхъ началъ: народнаго избранія, распоряженія правящаго князя, начала отчины и даже старѣйшинства, но ни одно изъ этихъ началъ не было настолько сильно, чтобы могло осуществляться само собой и наперекоръ другимъ. Для проведенія одного изъ этихъ началъ въ дѣйствіе необходимо было, чтобы другіе содѣйствовали ему или, по крайней мѣрѣ, не мѣшали. Въ противномъ случаѣ между разнородными началами возникала борьба, и торжествующимъ выходило то, представители котораго въ данномъ случаѣ были фактически сильнѣе.

Реальная сила этихъ началъ была далеко неодинакова. Народное избраніе и распоряженіе правящаго князя всегда имѣли за собой нѣкоторую дѣйствительную силу. Но и они могли встрѣтиться съ болѣе мощною силою и быть вынужденными уступить ей. Въ 1146 году Изяславъ Мстиславичъ занялъ Кіевъ по народному избранію; но въ 1149 году, когда обстоятельства измѣнились и Юрій началъ одолѣвать Изяслава, тѣ же кіявляне стали просить своего избранника уступить Кіевъ Юрію. Дѣдъ этого Изяслава, Владимиръ Мономахъ, еще

*) Изъ второго тома «Древностей», стр. 291—301.

при жизни своей сдѣлалъ распоряженіе о преемствѣ своихъ владѣній: старшему сыну его, Мстиславу, въ Кіевѣ долженъ былъ наслѣдовать второй сынъ, Ярополкъ; а сыновья Мстислава должны были получить Переяславль. Владимиръ былъ силенъ и могъ приказывать своимъ дѣтямъ. Но исполнять волю его пришлось послѣ его смерти. Младшій его сынъ, Юрій, не подчинился волѣ умершаго отца и прогналъ племянниковъ изъ Переяславля. Ярополкъ хотѣлъ настоять на исполненіи воли завѣщателя, но это ему тоже не удалось и онъ уступилъ Переяславль Юрію.

Вслѣдствіе этого народу и правящимъ князьямъ мало было выразить свою волю, — имъ надо было скрѣпить ее предварительнымъ согласіемъ наивозможно большаго числа другихъ факторовъ нашей древней политической жизни. Такъ Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій, желая, по смерти своей, передать кіевскій столъ брату своему Игорю, заручается предварительнымъ согласіемъ кіевлянъ и князей, въ числѣ которыхъ были лица, имѣвшія даже болѣе правъ на Кіевъ, чѣмъ Игорь.

Начало отчины и старѣйшинства имѣетъ за собой еще менѣе реальной силы, чѣмъ воля народа и воля правящаго князя. Можно представить себѣ отчича въ пеленкахъ. Какіе же у него шансы осуществить свои отчинныя права? Сами по себѣ права эти не дѣйствуютъ, а суда, передъ которымъ можно было бы искать признанія ихъ, не было. Положеніе такихъ князей-сиротъ было въ древности такъ мало обезпечено, что ихъ приравнивали къ изгоямъ. У старѣйшины также нельзя предполагать непремѣнно наличность необходимой реальной силы для осу-

ществленія какихъ-либо наслѣдственныхъ притязаній. У Вячеслава была дружина, но совершенно отсутствовала энергія. Это всѣ знали, и когда Юрію пришла въ голову мысль уступить ему Кіевъ, княжіе мужи возстали, указывая на то, что послѣдствіемъ этого будетъ утрата Кіева и ничего больше. Отчичи и старѣйшины для осуществленія своихъ желаній нуждались еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ народъ и правящіе князья, въ наличности такихъ благопріятныхъ условій, какихъ дѣйствительность могла и не представить.

Такимъ образомъ, тѣ четыре начала, подъ вліяніемъ которыхъ происходило распредѣленіе столовъ, въ дѣйствительности нерѣдко нарушались, и князья занимали столы не въ силу этихъ началъ, а наперекоръ имъ. Такъ Святославъ Ярославичъ, прогнавъ изъ Кіева брата Изяслава, нарушилъ этимъ не только распоряженіе отца, но и начало старѣйшинства; Владимиръ Мономахъ, занявъ Кіевъ по народному избранію, нарушилъ распоряженіе дѣда и постановленіе Любецкаго съѣзда, признавшаго начало отчины; тѣ же начала нарушилъ и Всеволодъ Ольговичъ, изгнавшій изъ Чернигова дядю Ярослава, и пр., и пр., и пр.

Какъ же разсматривались у насъ въ древности такіе случаи?

Случаи эти неодинаковы. Лучшіе изъ нихъ тѣ, когда князь, занимая извѣстный столъ, имѣлъ за себя хотя бы одно изъ четырехъ началъ, опредѣлявшихъ распредѣленіе столовъ; худшіе — когда онъ ничего не могъ привести въ свою пользу, кромѣ насилія и хищенія.

Наша древность легко примирялась даже съ худ-

шими. Вопіющій примѣръ представляетъ Всеволодъ Ольговичъ, изгнавшій дядю Ярослава Святославича изъ Чернигова въ Рязань. Ярославъ былъ отчичемъ Чернигова и находился въ спокойномъ обладаніи этимъ городомъ, который онъ наслѣдовалъ по смерти старшаго брата Давыда. Всеволодъ, съ точки зрѣнія того времени, не имѣлъ никакихъ законныхъ притязаній на Черниговъ, которыя давали бы ему право искать этотъ городъ подъ дядею. Тѣмъ не менѣе онъ былъ всѣми признанъ черниговскимъ княземъ. Еще менѣе правъ имѣлъ онъ на Кіевъ, но также былъ всѣми признанъ кіевскимъ княземъ, княжилъ тамъ до смерти и получилъ согласіе даже отчичей Кіева на передачу этого княженія своему брату, Игорю. А многимъ ли лучше этого Всеволода былъ Святославъ Ярославичъ, прогнавшій своего старшаго брата изъ Кіева? Если ему дѣйствительно угрожала опасность со стороны Изяслава, тогда онъ находился въ состояніи обороны и, конечно, могъ сдѣлать то, что сдѣлалъ. Но былъ и онъ въ состояніи обороны? Это ничѣмъ не доказано и представляется весьма сомнительнымъ.

Наши старые лѣтописцы хотя очень робко, но осуждаютъ такіе хищническіе захваты волостей. Осужденіе это проявляется въ томъ, что они иначе и объяснить ихъ не могутъ, какъ дьявольскимъ внушеніемъ. Описанію распри Ярославичей начальный лѣтописецъ предпосылаетъ такое замѣчаніе: «въздвиже дьяволъ котору въ братьи сей Ярославичихъ». Такъ же точно измѣну союзниковъ Мстислава Изяславича лѣтописецъ объясняетъ тѣмъ, что «искони вселукавый дьяволъ, не хотяй добра всякому христіанину и любви межи братьею» и т. д.

Но политика того времени легко мирилась со всѣми этими насиліями и хищеніями. Мирилось съ ними даже и духовенство, которое брало на себя грѣхъ клятвопреступленія. Оно руководствовалось при этомъ самыми лучшими побужденіями, но не могло устранить роковыхъ послѣдствій примиренія съ неправдой. А послѣдствія эти состояли въ томъ, что всякій неправильный захватъ послѣдовавшимъ за тѣмъ примиреніемъ съ заинтересованными въ немъ лицами обращался въ правильно пріобрѣтенное владѣніе; возможность же такого способа расширенія своихъ владѣній разжигала хищническіе инстинкты князей и подталкивала ихъ къ насиліямъ. Распредѣленіе князей по столамъ переходило, такимъ образомъ, въ борьбу князей изъ-за волостей *). Эту борьбу должны были вести даже и тѣ князья, которые имѣли на своей сторонѣ одно или даже нѣсколько изъ указанныхъ выше законныхъ притязаній на столъ. Изяславъ Мстиславичъ былъ отчичемъ Кіева и Переяславля и народнымъ избранникомъ, но и ему пришлось воевать изъ-за обладанія этими городами и съ черниговскими князьями, и съ Юріемъ Владимировичемъ. Изяславъ самъ понималъ, что онъ сдѣлался обладателемъ этихъ городовъ не столько въ силу права, сколько въ силу умѣнья, а потому онъ и говоритъ о себѣ: «до-

---

*) Авторъ «Исторіи отношеній между князьями Рюрикова дома» (Соловьевъ) отлично зналъ лѣтописи, тѣмъ не менѣе онъ утверждаетъ, что захватъ волости, благодаря силѣ и удачѣ, есть новое московское явленіе. Этому трудно повѣрить, но такъ у него написано. Разсуждая (на 439 стр.) о захватѣ сыновьями Юрія Москвы, онъ говоритъ: «ихъ право не было старинное право старшинства, но *право-новое, право силы и удачи*».

былъ есми головою своею Кіева и Переяславля». Но добыть Кіевъ можно было и безъ всякихъ законныхъ основаній, однимъ умѣньемъ. Такъ добылъ его Всеволодъ Ольговичъ черниговскій. Эта свободная дѣятельность «добыванія» столовъ проходитъ чрезъ всю нашу исторію и выражается въ различныхъ терминахъ. Кромѣ слова «добывать», было еще въ употребленіи выраженіе «искать». Всеволодъ Ольговичъ черниговскій, овладѣвъ Кіевомъ, долженъ былъ подѣлиться съ своими родными братьями, но не умѣлъ притти съ ними въ этомъ отношеніи къ соглашенію. Они хотѣли получить прирѣзку къ своимъ владѣніямъ въ Черниговской волости, а онъ предлагалъ имъ кіевскіе города. Они отвѣчали ему такъ: «Ты намъ братъ старшій, аже ны не даси, а намъ самимъ о собѣ поискати».

И затѣмъ между братьями началась война — этотъ обыкновенный способъ исканія волостей.

Въ этомъ же смыслѣ употреблялось и слово «налѣзать». Владимиръ Мономахъ съ такою рѣчью обращается къ Олегу Святославичу: «Аще бы тогда свою волю створилъ, и Муромъ налѣзлъ, а Ростова бы не занималъ...»

И вотъ въ такомъ-то хаотическомъ состояніи и находился вопросъ о распредѣленіи столовъ между князьями во все до-московское время и перешелъ въ московское. Наше древнее право въ Москвѣ переродилось, но разсматриваемый вопросъ подвергся въ ней сравнительно небольшимъ измѣненіямъ. Самое крупное изъ нихъ состоитъ въ томъ, что съ исчезновеніемъ вѣча избраніе народное отпало. Но затѣмъ московское правительство не регулировало преемства никакимъ общимъ закономъ и осталось

при старыхъ средствахъ, распоряженіяхъ на отдѣльный случай. При возросшей власти московскихъ государей распоряженія эти имѣли, конечно, большую силу, чѣмъ распоряженія кіевскихъ князей; но и московскіе государи еще при жизни своей договаривались съ сосѣдями о будущемъ своемъ преемникѣ. Условіе такого рода находимъ въ договорѣ Димитрія Ивановича съ серпуховскимъ княземъ, Владимиромъ Андреевичемъ: «Тебѣ, брату моему молодшему и моему сыну, князю Володимеру Ондрѣевичу, держати ти подо мною и подъ моимь сыномъ, подъ княземъ подъ Василіемъ, и подъ моими дѣтьми княженіе мое великое честно и грозно».

Такое договорное признаніе наслѣдника встрѣчаемъ даже въ правленіе великаго князя московскаго Ивана Васильевича, въ самомъ концѣ XV вѣка.

Благодаря цѣлому ряду счастливыхъ случайностей, начало отчины въ прямой нисходящей линіи получаетъ въ Москвѣ почти безпрепятственное примѣненіе. Но причина этого заключалась не въ выработкѣ новыхъ началъ преемства, неизвѣстныхъ до-московской Россіи, а единственно въ отсутствіи конкуррентовъ-отчичей. Какъ только появились такіе конкурренты, московскіе князья оказались совершенно въ томъ же положеніи, въ какомъ нерѣдко бывали и ихъ отдаленные предшественники, князья кіевскіе. Великаго князя московскаго, Василія Димитріевича, пережили сынъ и родные братья, отчичи великаго княженія. По примѣру предковъ своихъ, онъ хотѣлъ оставить свой столъ сыну. Но какъ обезпечить за нимъ великое княженіе отъ притязаній

братьевъ? Въ его рукахъ были только тѣ же средства, какими пользовались князья кіевскіе. Для этого надо было или устранить конкуррентовъ или войти съ ними въ соглашеніе.

Василій Димитріевичъ избралъ послѣдній путь, но не могъ склонить на свою сторону всѣхъ братьевъ. Съ нимъ согласились только Андрей и Петръ, которые и заключили договоръ на условіи не искать подъ Василіемъ и его дѣтьми того, чѣмъ благословилъ ихъ отецъ. Юрій и Константинъ не присоединились къ такому соглашенію. Въ первой духовной грамотѣ Василія Димитріевича, въ которой онъ передаетъ свою отчину сыну, находимъ такое мѣсто: «А о своемъ сынѣ и о своей княгинѣ покладаю на Бозѣ и на своемъ дядѣ, на князи на Володимерѣ Ондрѣевичѣ, и на своей братьи, на князи на Ондрѣѣ Дмитреевичѣ и на князи на Петрѣ Дмитреевичѣ, по докончанью, какъ ся имутъ печаловатися».

Какъ Мстиславъ кіевскій около 300 лѣтъ тому назадъ передаетъ заботу о своихъ дѣтяхъ брату Ярополку, такъ и московскій князь поручаетъ сына печалованію братьевъ и дяди. Причина — та же, соглашеніе, къ которому присоединился на этотъ разъ и дядя, Владимиръ Андреевичъ. Во второмъ завѣщаніи, написанномъ, послѣ смерти старшаго сына Ивана, въ пользу слѣдующаго за нимъ Василія, печалованіе возложено и на младшаго брата Константина; старшаго же, Юрія, и здѣсь нѣтъ. Ясно, онъ продолжалъ упорствовать, не желая признать правъ племянника на великое княженіе и считая себя отчичемъ. Онъ занялъ совершенно то же положеніе, какъ и отдаленный его родичъ и соименникъ, Юрій Владимировичъ, не хотѣвшій признать

правъ сыновей Мстислава сперва на Переяславль, а потомъ и на великое княженіе кіевское. Послѣ смерти Василія Димитріевича, Юрій Димитріевичъ обнаружилъ свои замыслы, начавъ войну съ племянникомъ изъ-за обладанія великимъ княженіемъ московскимъ. На сторонѣ Василія Васильевича стояли союзники, доставленные ему еще покойнымъ отцомъ, родные дяди, Андрей, Петръ и Константинъ, и дѣдъ по матери, литовскій князь Витовтъ. Силы Юрія были слабѣе силъ его противниковъ; въ 1428 году онъ былъ вынужденъ заключить съ Васпліемъ миръ, по которому, наконецъ, обязался не искать подъ нимъ наслѣдія его отца. Но Юрій недолго оставался вѣренъ этому вынужденному соглашенію. Въ концѣ 1430 года онъ возобновилъ споръ о великомъ княженіи, возвратилъ Васплію крестную грамоту и поѣхалъ въ Орду, думая привлечь на свою сторону татаръ.

Русскій лѣтописецъ называетъ ордынскаго хана царемъ. Русскіе князья изъ рукъ этого царя получали свои владѣнія и били ему челомъ обо всякихъ дѣлахъ, въ которыхъ сами не могли управиться. Такъ поступилъ теперь и князь Юрій: онъ билъ челомъ царю о великомъ княженіи. Царь нарядилъ судъ изъ своихъ князей и повелѣлъ имъ судить князей русскихъ. Истецъ, князь Юрій, и отвѣтчикъ, великій князь Василій, находились налицо и защищали свои интересы предъ татарскимъ трибуналомъ. «И многа пря бысть межъ ими», говоритъ лѣтописецъ. Къ сожалѣнію, онъ передаетъ преніи сторонъ въ слишкомъ краткомъ изложеніи: «князь велики, читаемъ у него, по о т ч е с т в у и д ѣ д с т в у искаше стола своего; князь же Юрьи лѣтописци и

старыми списки и духовною отца своего, великого князя Дмитрея».

Великій князь ссылается въ свою пользу на то же основаніе, на какое ссылались и князья XII вѣка. Юрій, съ своей стороны, тоже ничего не приводитъ новаго: онъ ссылается на старые прецеденты, записанные въ лѣтописцы и старые списки. Мы уже знаемъ, что тамъ были записаны и случаи перехода отчинъ отъ брата къ брату, съ устраненіемъ племянниковъ. Эти случаи, конечно, и приводилъ въ свою пользу Юрій. Итакъ, въ XV вѣкѣ вопросъ о наслѣдованіи въ княжескихъ отчинахъ такъ же былъ споренъ, какъ и въ XII-мъ и разъяснялся прецедентами стараго времени.

Кромѣ ссылки на старину, Юрій приводитъ въ свою пользу и завѣщаніе отца. Распредѣливъ владѣнія свои между дѣтьми, Димитрій Ивановичъ въ своей духовной грамотѣ написалъ: «А по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего князя Василья, а хто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему княжъ Васильевъ удѣлъ, а того удѣломъ (т. е. удѣломъ второго сына) подѣлитъ ихъ моя княгиня».

Эта статья дѣйствительно говоритъ въ пользу Юрія. Великій князь Василій Димитріевичъ умеръ, за нимъ слѣдовалъ Юрій, онъ и долженъ получить великое княженіе. Такъ написано.

Но въ самомъ ли дѣлѣ Димитрій Ивановичъ хотѣлъ такъ написать? Это очень трудно допустить, ибо результатъ получается совершенно несогласный съ обычаями старины и самъ по себѣ нелѣпый. Юрій переходитъ на великое княженіе, а его удѣлъ дѣлится между братьями, — что же получаютъ сыновья Василія? Ровно ничего, точно такъ же, какъ

и сыновья Юрія, если бы и онъ умеръ на великомъ княженіи, ибо, по аналогіи, слѣдующій за нимъ братъ получилъ бы великое княженіе, а удѣлъ этого слѣдующаго раздѣлился бы между другими братьями и т. д. Въ концѣ концовъ великое княженіе и всѣ остальныя владѣнія Димитрія Ивановича, или почти всѣ, сосредоточились бы въ рукахъ того изъ младшихъ его сыновей, который пережилъ бы своихъ старшихъ братьевъ, и его потомства съ полнымъ устраненіемъ потомства старшихъ сыновей, умершихъ ранѣе этого младшаго. Такого порядка вещей не могъ желать Димитрій Ивановичъ. Почему его внуки отъ старшихъ сыновей должны были лишиться всякаго участія въ наслѣдствѣ? Очевидно, въ завѣщаніи описка. Димитрій Ивановичъ, оставляя послѣ себя очень еще молодыхъ сыновей, думалъ о бездѣтной ихъ смерти. Его мысль слѣдовало выразить такъ: «А по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего Василья, а не будетъ у него дѣтей, а кто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой» и т. д.

Надо полагать, однако, что аргументъ Юрія, основанный на буквѣ завѣщанія, показался совѣтникамъ Василія весьма опаснымъ, потому что они перемѣнили тактику и отъ прецедентовъ обратились къ лести ордынскому царю. «И тогда, — продолжаетъ лѣтописецъ, — рече боярин̃ъ вел. князя Василія Дмитреевича царю и княземъ его, сице глаголя: «государь, волный царь, ослободи молвити слово мнѣ, холопу великого князя! Нашъ государь, вел. князь Василій, ищетъ стола своего вел. княженія, а твоего улусу, по твоему цареву жалованью и по твоимъ девтеремъ и арлыкомъ, а се твое жалованье передъ тобою. А господинъ нашъ, князь Юрій Дми-

треевичъ, хочетъ взяти великое княженіе по мертвой грамотѣ отца своего, а не по твоему жалованью, волного царя. А ты воленъ въ своемъ улусѣ, кого всхощешъ жаловати на твоей воли! А государь нашъ, князь великій Василей Дмитреевичь, великое княженіе далъ своему сыну, великому князю Василію, по твоему жалованію волнаго царя, а уже, господине, которой годъ сѣдитъ на столѣ своемъ, а на твоемъ жалованіи, тебѣ, своему государю, волному царю, правяся, а самому тебѣ вѣдомо».

Василій Димитріевичъ выигралъ дѣло и получилъ великое княженіе; но какою цѣной? Цѣной лести и отказа отъ всей старины.

Въ только-что приведенной рѣчи бояринъ его, извѣстный И. Д. Всеволожскій, вовсе не настаиваетъ на наслѣдственныхъ правахъ своего государя и рѣшеніе спора ставитъ въ зависимость исключительно отъ воли царя; даже завѣщаніе дѣда своего государя называетъ онъ мертвой грамотой! Этого не слѣдуетъ, конечно, принимать буквально. Рѣчь боярина есть образчикъ судебнаго краснорѣчія XV вѣка — и только. При спорности вопроса съ точки зрѣнія прецедентовъ и буквы завѣщанія, обращеніе къ безусловной волѣ царя, который какъ бы уже одобрилъ переходъ великаго княженія къ сыну покойнаго князя, представлялось весьма ловкимъ ораторскимъ пріемомъ. Въ данномъ случаѣ побѣдила не идея наслѣдственности, дѣйствительно упрочившаяся въ Москвѣ, а признаніе абсолютной власти хана *).

Но въ московское время начало отчины дѣлаетъ

*) Срв. выше на стр. 213—214.

успѣхи не въ одной Москвѣ, а также и въ удѣлахъ московскихъ и въ другихъ великихъ княженіяхъ. Оно торжественно гарантируется самими великими князьями московскими въ многочисленныхъ договорахъ, заключенныхъ ими съ сосѣдними великими и удѣльными князьями. Какъ же случилось, что эти наслѣдственныя владѣнія соединились всѣ съ Москвой? Въ силу древняго начала добыванія, для котораго въ московское время возникаетъ новое названіе «п р и м ы с л а». Московскіе государи примышляютъ себѣ и московскіе наслѣдственные удѣлы и сосѣднія наслѣдственныя великія княженія. Примышляли и кіевскіе князья, но ихъ примыслы по смерти ихъ всегда распадались на свои составныя части. Димитрію Ивановичу московскому принадлежитъ великая заслуга: онъ вводитъ начало нераздѣльности великаго княженія. Этому н о в о м у началу мы и обязаны образованіемъ н е д ѣ л и м а г о г о с у д а р с т в а.

Б. Теорія А. Д. Градовскаго.

(*А. Д. Градовскій.* «Государственный строй древней Россіи.*) Спб. 1868).

Самое заглавіе книги, «Вѣче и Князь», показываетъ, что В. Сергѣевичъ признаетъ «два одинаково существенныхъ элемента древне-русскаго общественнаго быта»: народъ и князя; дѣятельность княжеской власти и формы народнаго быта одина-

---

*) Предлагаемое изложеніе взято изъ отчета Градовскаго о книгѣ В. Сергѣевича *Вѣче и Князь* и перепечатаннаго въ сборникѣ: *Политика, исторія и администрація. — Критическія и политическія статьи А. Градовскаго.* Спб. 1871 (на стр. 50—87). При изученіи приведеннаго здѣсь отрывка читатели должны имѣть въ виду, что книга В. Сергѣевича «Вѣче и Князь» — догматическое изложеніе началъ древне-русскаго государственнаго устройства, въ которомъ историческое движеніе остается совершенно въ сторонѣ. Это изображеніе государственнаго быта княжеской эпохи съ точки зрѣнія *покоя* является, по мнѣнію Градовскаго, основнымъ недостаткомъ книги В. Сергѣевича. Но и самъ Градовскій, подобно многимъ старымъ писателямъ, не дѣлаетъ еще вполнѣ рѣзкаго разграниченія между Русью кіевской и сѣверо-восточной. Основная точка зрѣнія на этотъ счетъ выражается въ текущей литературѣ такъ: «Древній періодъ нашей исторіи, *кіевскій*, отдѣленъ отъ послѣдующей исторіи не только хронологически, но и реально. Сравнительно съ послѣдующимъ временемъ это — совсѣмъ разныя обстановки, различные отдѣлы русской народности и *совсѣмъ различные историческіе процессы.* Можно сказать, что русская народность, достигнувшая значительныхъ успѣховъ исторической жизни на югѣ, на сѣверѣ должна была начать всю историческую работу сначала». *Ред.*

ково вліяли на образованіе государства. Это важный шагъ впередъ въ русской юридической наукѣ.

До настоящаго времени большинство представителей науки признавали за народомъ исключительно пассивную роль. Въ ихъ глазахъ это была инертная масса, въ которой лишь постепенно, съ большими усиліями со стороны правительства и при нерѣдко упорномъ сопротивленіи со стороны общества, прививались государственныя формы и другіе продукты «цивилизаціи». Варяжская дружина начала это воспитаніе; Иванъ III и Иванъ IV продолжали его; Петръ Первый закрѣпилъ ихъ дѣло. Формы же народнаго быта являлись антигосударственнымъ началомъ; онѣ не укладывались подъ «цивилизацію». Народъ, державшійся за нихъ, уходилъ въ казаки, въ вольницу, въ расколъ. Государственная одежда, сотканная искусными руками западныхъ просвѣтителей, постепенно облекала грубое тѣло русскаго казака. Каждый успѣхъ цивилизаціи былъ въ то же время и торжествомъ русскаго государства надъ антигосударственными началами. Успѣхъ русскаго государства обусловливался побѣдою надъ русскимъ народомъ! Таковы чудовищные результаты, порожденные невинною школой родового быта черезъ примѣненіе ея началъ къ народному быту древней Россіи.

Книга В. Сергѣевича рѣшаетъ этотъ вопросъ просто и ясно: государство русское было произведеніемъ народа (вѣче) и правительства (князя). Въ половинѣ IX-го вѣка народъ не представлялъ инертной примассы населенія, разрозненнаго родовымъ бытомъ; званные князья не были силою, внезапно упавшею съ неба, прекратившею хаосъ и сотворив-

шею русскую землю. Потребность государственнаго порядка давно уже сознавалась славянскими общинами. Князья и были представителями государственнаго порядка и именно для этого «порядка» призывались въ каждую волость. Подобно тому, какъ лѣтописное*) призваніе 862 года не было первымъ призваніемъ, оно не было и послѣднимъ. Въ нашей исторіи оно имѣетъ значеніе не фикціи, подобно идеѣ договора въ теоріи Гоббеса и Руссо, но дѣйствительнаго факта, ибо непрерывно повторялось въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Начало призванія вполнѣ опредѣляетъ отношенія, существовавшія между народомъ и княземъ; то, что въ 862 году ильменскіе славяне сдѣлали для цѣлой Россіи, впослѣдствіи каждый городъ дѣлаетъ для себя. Каждая волость призываетъ или принимаетъ князя для правленія ею.

Итакъ, князь и призвавшій или принявшій его народъ — вотъ существенные элементы древняго государственнаго быта. Форма, въ которой проявлялась народная дѣятельность, называлась «вѣчемъ». Присутствіе князя въ каждой волости и обусловливалось волею вѣча. Необходимость вѣча заключалась въ организаціи древне-русскаго общества. Безъ анализа организаціи этого общества нѣтъ возможности понять и вѣче.

У В. Сергѣевича имѣется подобное изслѣдованіе о составѣ древняго общества**). Вотъ выводы В. Сергѣевича относительно этого предмета.

Все населеніе древней «волости» состоитъ изъ

---

*) Срв. выше на стр. 205—206.

**) См. въ книгѣ *Вѣче и Князь* стр. 31—40 — раздѣлъ подъ заголовкомъ «населеніе волости». *Ред.*

равноправныхъ домохозяевъ, которые не раздѣлены еще на сословія или «чины» московскаго государства. «Древняя Россія не знала сословій... Въ княжескую эпоху все населеніе представляетъ единообразную массу, разные слои которой отличались одинъ отъ другого достоинствомъ, а не правами». «Различій по занятіямъ не существуетъ: отъ князя до послѣдняго свободнаго человѣка всякій можетъ быть воиномъ, имѣть поземельную собственность, заниматься торговлей, промыслами. Каждый имѣетъ право на все, но одному удалось больше, чѣмъ другому, а потому онъ и выдѣляется, какъ человѣкъ «лучшій»; кто остался позади всѣхъ, характеризуется эпитетомъ «меньшого» человѣка» (стр. 31). Различіе этихъ слоевъ, какъ фактическое, не было наслѣдственно. Замкнутыхъ корпорацій, подобно сословіямъ западной Европы, не было. Кто былъ сегодня «меньшимъ» человѣкомъ, завтра могъ попасть въ разрядъ «лучшихъ» людей. Даже служилые люди, какъ земскіе, не выдѣлялись изъ состава населенія волости. Они выдѣлялись изъ него лишь временно, когда поступали на службу. При смѣнѣ князя и появленіи новаго съ своими служилыми людьми, они снова смѣшиваются съ населеніемъ волости. Результатомъ такого состоянія общества, по нашему мнѣнію, были слѣдующіе факты: а) Въ средѣ его не могло образоваться особаго правительственнаго класса, въ силу своихъ особыхъ правъ предназначеннаго для управленія общественными дѣлами; всѣ свободные люди были полноправными членами общества и имѣли равное право участія въ общественныхъ дѣлахъ. в) Не было лицъ или класса лицъ, заслонявшихъ другихъ

отъ верховной власти. Между тѣмъ какъ въ западной Европѣ феодалы первой степени одни были непосредственными подданными короля и заслоняли отъ него вассаловъ второй степени, вассалы второй степени — вассаловъ третьей, а вся масса землевладѣльцевъ заслоняла собою низшее народонаселеніе, — въ Россіи каждый свободный «человѣкъ» имѣлъ дѣло съ государственною властью, участвовалъ въ призваніи князя и «рядѣ» съ нимъ. Единственное ограниченіе правъ свободныхъ лицъ, приводимое В. Сергѣевичемъ, заключалось въ отеческой *) власти: «при жизни отцовъ дѣти не участвуютъ въ народныхъ собраніяхъ» (стр. 43). Затѣмъ, каждый «домохозяинъ», то-есть самостоятельный глава семьи, былъ членомъ вѣча. Другими словами, въ древнерусскомъ обществѣ была возможна только непосредственная демократія.

«Народъ, говоритъ Сергѣевичъ (стр. 52), участвуетъ въ общественныхъ дѣлахъ не по призванію князя, который самъ призванъ вѣчемъ, а въ силу присущаго каждому «мужу» права устраивать свои собственныя дѣла, изъ которыхъ еще не выдѣлились общественныя, какъ нѣчто особое, живущее своей самостоятельной жизнью».

Отсюда сами собой вытекаютъ слѣдующіе признаки вѣчевого быта. Во-первыхъ, такъ какъ право участія въ народныхъ собраніяхъ есть *личное* право каждаго, то народъ является для обсужденія общественныхъ дѣлъ поголовно, а не черезъ представи-

*) Этотъ выводъ основанъ В. Сергѣевичемъ на двухъ мѣстахъ Ипат. лѣтописи: отъ 1147 и 1159 г. г. Оба приведены на стр. 53 перваго выпуска второго тома *Русскихъ Юридическихъ Древностей.*

телей. Во-вторыхъ, въ собраніи каждый отдѣльный членъ дѣйствуетъ только отъ своего имени, представляетъ только себя; поэтому рѣшеніе можетъ составиться только при согласіи *всѣхъ;* если этого согласія нѣтъ, собраніе распадается на части. Третій выводъ, по нашему мнѣнію, только условно связанъ съ предыдущими; онъ состоитъ въ томъ, что народъ въ такомъ собраніи не ограниченъ въ предметахъ своего разсужденія; онъ обсуждаетъ какіе хочетъ вопросы и самъ приводитъ въ исполненіе свои рѣшенія. Этотъ выводъ обусловливается именно смѣшеніемъ общественныхъ дѣлъ съ «собственными дѣлами» каждаго мужа. По мѣрѣ того какъ общественныя дѣла начали выдѣляться изъ другихъ, самое право народнаго собранія должно было ограничиться.

Опредѣливъ такимъ образомъ условія нашего вѣчевого быта, В. Сергѣевичъ приступаетъ къ изслѣдованію его формъ, тѣсно связанныхъ съ вышеозначенными условіями. Остановимся на приведенныхъ фактахъ и сдѣлаемъ для себя нѣкоторые выводы.

Во-первыхъ, вѣче само по себѣ есть форма *собраній* народныхъ, но не есть форма *быта* народнаго. Сказать, что элементы непосредственной демократіи въ древней Россіи выражались въ вѣчевомъ устройствѣ, значитъ сказать половину. Съ такимъ же основаніемъ можно сказать, что сходка есть форма нашего крестьянскаго быта. Сходка, собраніе, есть форма, проявленіе этого быта, но не самый бытъ. Для того чтобы вполнѣ выяснить значеніе вѣчевого порядка, нельзя останавливаться на однихъ *личныхъ* правахъ членовъ русскаго общества. Въ отношеніи

своихъ личныхъ правъ древній русскій народъ имѣетъ сходство со многими другими древними и современными народами. Непосредственная демократія не есть исключительное произведеніе древней русской жизни. Начала ея въ самыхъ разнообразныхъ формахъ проявлялись у различныхъ народовъ. Условія, дѣлавшія изъ вѣча явленіе *русской* жизни, заключались не въ началахъ личной свободы и не въ слабости княжеской власти, какъ говоритъ В. Сергѣевичъ (стр. 52), а въ формѣ общественнаго быта. *Личной* свободѣ, индивидуализму, можетъ соотвѣтствовать и централизація, и народное представительство, и муниципія, и корпораціи; слабость правительства можетъ породить и феодализмъ, и рабство, и мало ли еще что. Вѣче соотвѣтствуетъ не личной свободѣ, а общинному быту. Поэтому оно было выраженіемъ не личной, а общественной свободы, было правомъ не каждаго лица, а цѣлой *общины*. Между тѣмъ Сергѣевичъ вовсе не останавливается на этомъ крупнѣйшемъ фактѣ нашей исторіи. Отъ этого *вѣче* не имѣетъ у него никакой прочной основы. Отъ этого проистекаетъ и неясность его представленія объ отношеніяхъ князя и народа, о правахъ вѣча и предметахъ его дѣятельности и т. д. Вѣчевыя собранія были правомъ не личности, а общины. Поэтому съ общины и слѣдовало автору начать свое изслѣдованіе. Между тѣмъ онъ открываетъ свое разсужденіе объ устройствѣ вѣчевыхъ собраній съ волости, которую отождествляетъ съ княженіемъ (стр. 23 и слѣд.). Волость, говоритъ В. Сергѣевичъ, «въ древнѣйшее время обозначала или цѣлое княженіе, или его подраздѣленіе; въ томъ и другомъ случаѣ волость включаетъ въ себя одинъ или нѣсколько

городовъ». Отказываясь спорить о томъ, соотвѣтствовала или нѣтъ волость княженію *), Градовскій спрашиваетъ, чѣмъ опредѣлялся объемъ волости и княженія, которыя по В. Сергѣевичу составляли округъ вѣчевыхъ собраній. Вопросъ этотъ очень существенный и поставленъ въ тѣни у В. Сергѣевича. Волость, читаемъ у Градовскаго далѣе, означала округъ подчиненный той или другой политической власти. Возникаетъ вопросъ: какою властью опредѣлялся объемъ волости, властью ли князя или чѣмъ-нибудь другимъ? Если бы подъ именемъ волости разумѣлась территорія, принадлежащая одному княжескому роду или одной княжеской линіи, то пришлось бы признать осѣдлость князей; но ея въ древней Россіи рѣшительно не было. Князья мѣняли столы, волости мѣняли князей; послѣдніе вообще не имѣли постоянной связи съ княжествомъ. Князья призывались волостями, которыя и давали имъ власть надъ территоріей, имъ самимъ принадлежавшею. Объемъ волости зависѣлъ, слѣдовательно, отъ пространства владѣній того города или тѣхъ городовъ, куда князь былъ призванъ. Князь не могъ образовать своей волости ни путемъ наслѣдства, ни путемъ завоеванія; онъ получалъ власть не самъ собою, а черезъ города, и получалъ ее настолько, насколько имѣли ее послѣдніе. Поэтому *волость есть прежде всего округъ общины*. Это значеніе ея сохраняется во всей русской исторіи.

Если община имѣла политическое значеніе, то и волость означала княженіе, политическій округъ; въ

---

*) Срв. выше стр. 194: по Градовскому термины *земля* и *волость* «совершенно различны».

противномъ случаѣ она означала подраздѣленіе самостоятельнаго княженія, административный округъ, волость московскую. Волость состояла изъ города, изъ пригородовъ и волостей, тянувшихъ къ городу и пригородамъ. Это была цѣпь общинъ, связанныхъ между собою іерархическими отношеніями. Города были старшими общинами, за ними села, слободы, деревни, починки, соединявшіеся въ волости. Они составляли одно цѣлое, призывавшее князя. Если бъ В. Сергѣевичъ остановился на этой общинной основѣ *) волостного дѣленія, онъ могъ бы съ большею ясностью изложить значеніе вѣчевыхъ порядковъ для волости, отношеніе волости къ князю и т. д.

Прежде всего представляется вопросъ, насколько волость составляла одно политическое цѣлое. Если бъ единство волости опредѣлялось тѣмъ, что она была однимъ «княженіемъ», то-есть, принадлежала одному князю, то вопросъ и могъ бы быть разрѣшенъ весьма скоро и удовлетворительно. Но дѣло въ томъ, что волость могла составлять одно цѣлое при строгомъ соблюденіи іерархическихъ отношеній между городомъ, пригородами и волостями. «Волость, — говоритъ В. Сергѣевичъ (стр. 25),— составлявшая народное собраніе, есть не что иное, какъ отдѣльное княженіе, въ составъ котораго входило обыкновенно нѣсколько различныхъ по своему значенію пунктовъ поселенія». Въ силу чего же входили эти различные пункты въ составъ волости? Чѣмъ обусловливалось и въ чемъ выражалось различное ихъ значеніе? Волости не были завоеванною территоріей. Города и пригороды входили въ составъ волости, пока они

*) Срв. выше стр. 193.

не могли составить своей особой волости. Различное значеніе этихъ пунктовъ обусловливалось ихъ фактическимъ преобладаніемъ или зависимостью другъ отъ друга. Единство волости въ принципѣ зависѣло отъ согласія и единодушія всѣхъ ея городовъ, на практикѣ — отъ силы главнаго города. Лѣтописецъ, характеризуя порядокъ вѣчевыхъ собраній, говоритъ: «Новгородци бо изначала, и Смолняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти, якоже на думу, на вѣча сходятся, на что же старѣйшіи сдумають, на томь же пригороди стануть» *). Если пригороды не хотѣли стать на «томъ же», волости угрожало междоусобіе; если они вовсе не хотѣли и *могли* вовсе не думать съ старшимъ городомъ, волость распадалась. Итакъ, положеніе г. Сергѣевича, что волость была округомъ вѣчевыхъ собраній, можно принять только съ большими ограниченіями. Прочитывая четвертую главу его сочиненія — «объясненіе взаимныхъ отношеній городовъ къ пригородамъ на основаніи вѣчевыхъ порядковъ» (стр. 86 и слѣд.), нельзя не убѣдиться, что авторъ располагалъ всѣмъ матеріаломъ для выясненія всей шаткости волостныхъ отношеній. Но увлекаясь своимъ «догматическимъ изложеніемъ съ историческими примѣрами», онъ употребилъ этотъ матеріалъ для выясненія формы вѣчевыхъ собраній больше, чѣмъ для выясненія важнаго вопроса, указаннаго выше **).

Отношенія между городами и пригородами не могли быть особенно прочными, такъ какъ пригороды не были завоеванными волостями городовъ.

---

*) Срв. выше на стр. 47, 101.

**) См. стр. 196, 204,—258.

Пригороды обязаны своимъ происхожденіемъ не завоевательнымъ стремленіямъ главной волости, а по большей части ея колонизаціонному *) движенію. Авторъ ищетъ причины возникновенія пригородовъ въ разбросанности поземельной собственности горожанъ главнаго города. «Раскинутость поземельной собственности горожанъ далеко за чертой города дѣлала необходимымъ учрежденіе пригородовъ» (стр. 27). Намъ кажется, что это положеніе можетъ быть нѣсколько расширено. Пригороды строились въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не было поземельной собственности у горожанъ. Новгородская волость была чрезвычайно обширна, пригороды ея шли далеко на востокъ и на сѣверъ, и трудно предположить, чтобъ они возникали исключительно оттого, что въ тѣхъ мѣстахъ у новгородцевъ была поземельная собственность. В. Сергѣевичъ слишкомъ мало остановился на значеніи русской колонизаціи, которая многое можетъ объяснить въ происхожденіи городовъ и волостей. Вся іерархія нашихъ поселеній какъ бы коренится въ этомъ колонизаціонномъ началѣ. Починокъ, деревня, село, слобода, пригородъ, городъ — вотъ ступени, по которымъ проходило почти каждое поселеніе **). Естественно, что мѣсто каждаго поселенія въ этой «лѣствицѣ» не было опредѣлено разъ навсегда. Поселеніе было пригородомъ,

---

*) Срв. выше на стр. 101, 197, 200—201.

**) Въ другомъ мѣстѣ своей статьи, говоря о случаяхъ отсутствія князей въ нѣкоторыхъ пунктахъ, Градовскій замѣчаетъ, что «княжескій родъ не могъ поспѣть за колонизаціоннымъ движеніемъ народа; вслѣдствіе безпрерывнаго движенія русской колонизаціи на востокъ и сѣверъ, часть народа постоянно оставалась внѣ общегосударственной жизни» (стр. 72).

пока само не могло стать городомъ; оно входило въ составъ волости, пока не было достаточно сильно, чтобы самому составить волость. Примѣры этого въ нашей исторіи безчисленны. Псковъ, пригородъ Новгорода, составляетъ особую волость, когда силы позволили ему призвать особаго отъ Новгорода князя; Владимиръ, пригородъ Ростовской волости, получилъ самостоятельное въ ней значеніе. Это факты наиболѣе извѣстные; имъ соотвѣтствуетъ множество другихъ; всѣ они доказываютъ лишь то, что волости не имѣли постояннаго значенія, такъ какъ отношенія между городами и пригородами не могли быть постоянно одни и тѣ же. Какъ только городъ подымался до значенія самостоятельной политической власти, онъ могъ призвать себѣ особаго князя. Этимъ обстоятельствомъ лучше всего, сколько намъ кажется, объясняется, съ одной стороны, порядокъ замѣщенія волостей, съ другой — причина политическаго раздробленія Россіи.

В. Сергѣевичъ (на стр. 273) говоритъ, что «русскія волости не составляли наслѣдственнаго владѣнія Рюриковичей. Согласно этому, княжеская Россія не знаетъ законнаго порядка въ преемствѣ столовъ: столы не наслѣдовались, а добывались». Это положеніе оправдывается почти всѣми фактами нашей древней исторіи. Но намъ кажется, что авторъ недостаточно объяснилъ причины этого явленія. Нельзя не признать важной заслуги В. Сергѣевича въ томъ, что онъ отвергъ объясненіе, нѣкогда господствовавшее въ учебникахъ исторіи, что причина раздробленія Россіи заключалась въ правѣ каждаго сына на равную долю въ наслѣдствѣ своего отца, и что затѣмъ заслуга московскихъ государей

состояла въ томъ измѣненіи законовъ о наслѣдствѣ, которое утвердило собою единство Россіи. В. Сергѣевичъ отвергъ идею наслѣдованія столовъ и съ горячностью новатора отрицаетъ ее вездѣ. По нашему мнѣнію, это слишкомъ поспѣшно, да притомъ и безполезно. Причина того, что столы «не наслѣдовались, а добывались», могла заключаться или въ томъ, что въ самомъ родѣ князей русскихъ не выработались еще понятія о наслѣдствѣ, или въ томъ, что каждая волость имѣла право призывать себѣ князя, «который ей любъ», или, наконецъ, въ томъ и другомъ обстоятельствѣ одинаково. В. Сергѣевичъ посвятилъ слишкомъ много страницъ своей диссертаціи «Вѣче и Князь» для доказательства того, что въ родѣ князей не было никакихъ понятій о правильномъ преемствѣ престола (стр. 156—273 по большей части посвящены этому вопросу, затѣмъ спеціально трактуется о немъ же на стр. 286—327 — въ главахъ «Взаимныя отношенія князей» и «Порядокъ распредѣленія волостей между князьями»). Приложеніе къ VI главѣ (по поводу мнѣнія о родовомъ бытѣ князей) прямо направлено противъ теоріи Соловьева. Мы не видимъ, почему князья не могли имѣть особыхъ правилъ о наслѣдованіи столовъ, — правилъ, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ противорѣчили понятіямъ народа и практикѣ самихъ князей. Теорія Соловьева очень проста и мало походитъ на вымышленную теорію. Она заключается въ слѣдующемъ: всѣ волости представляютъ іерархическую «лѣствицу» въ отношеніи старшинства и достоинства ихъ главныхъ городовъ. Былъ старшій столъ — кіевскій, затѣмъ слѣдовали черниговскій, переяславскій и т. д. Кіевскій

столъ долженъ былъ замѣщаться старшимъ братомъ, второй — слѣдующимъ за нимъ. На старшій столъ князья переходили постепенно. Послѣ смерти кіевскаго князя, его мѣсто занималъ слѣдующій за нимъ братъ и князь старшей затѣмъ волости, въ эту же волость передвигался князь третьей по достоинству волости и т. д. Такимъ образомъ, каждый братъ постепенно переходилъ въ старшіе князья и достигалъ кіевскаго стола «лѣствичнымъ восхожденіемъ», какъ говоритъ Соловьевъ и Никоновская лѣтопись *). Что этотъ порядокъ существовалъ въ понятіяхъ князей, доказывается распредѣленіемъ столовъ послѣ смерти Ярослава I и тѣмъ, что впослѣдствіи каждый князь, считавшій себя старшимъ братомъ, предъявлялъ свои права на кіевскій столъ. «Племянники» могли занимать его только фактически, силою, а не по праву. Изяславъ кіевскій, знаменитый «племянникъ» и противникъ Юрія Владимировича Долгорукаго, для того чтобы крѣпче держаться въ Кіевѣ и оградиться отъ притязаній Юрія, призвалъ старшаго брата его Вячеслава и прикрылся его правами. Это нисколько не противорѣчитъ тому, что порядокъ, считавшійся законнымъ, сначала слабо, а потомъ вовсе не примѣнялся къ государственной практикѣ. Слабость и несостоятельность такого порядка Соловьевъ доказалъ лучше, чѣмъ кто-нибудь другой. Законъ былъ несостоятеленъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы его вовсе не было. Мало ли мы видимъ слабыхъ, но существующихъ законовъ? В. Сергѣевичъ говоритъ, что теорія «лѣствичнаго восхожденія» основана на свидѣтельствѣ Никонов-

*) Срв. выше на стр. 129, 236.

ской лѣтописи, и что все это свидѣтельство есть сочиненіе позднѣйшаго составителя лѣтописи (см. примѣчаніе на стр. 302). Всякій, кто читалъ исторію Соловьева, припомнитъ, что этотъ историкъ строитъ свою исторію не на основаніи одного этого мѣста Никоновской лѣтописи. Онъ приводитъ его потому, что въ немъ дѣйствительно хорошо сформулировано правило, которымъ, по мнѣнію Соловьева, опредѣлялось наслѣдованіе столовъ. Онъ видитъ примѣненіе этого закона во многихъ фактахъ нашей исторіи, независимо отъ словъ лѣтописи. Мы не видимъ, далѣе, почему бы составителю Никоновской лѣтописи нужно было «сочинять» подобныя мѣста? Сравненіе свидѣтельства Никоновской лѣтописи съ такимъ же Ипатьевской не доказываетъ ничего особеннаго. Существенный вопросъ заключается въ томъ, считался ли указанный порядокъ преемства столовъ правиломъ въ родѣ русскомъ княжескомъ и соблюдался ли онъ? На основаніи многихъ фактовъ мы полагаемъ, что понятіе о такомъ порядкѣ существовало, и что онъ примѣнялся каждый разъ, когда это было возможно. В. Сергѣевичъ не станетъ отрицать, что князья Рюриковичи составляли одинъ родъ, связанный преданіями общаго происхожденія и до нѣкоторой степени единствомъ интересовъ; если существовалъ родъ, то существовали и правила, опредѣлявшія отношенія членовъ этого рода между собою. Соловьевъ выставилъ свою теорію. Его противники не выставили никакой. Между тѣмъ эта теорія — самая естественная и наиболѣе подходящая къ фактамъ исторіи Рюриковичей *). Нельзя

*) Писано въ 1868-мъ году.

не обратить вниманія В. Сергѣевича на то, что какъ бы ни читать повѣствованія о междоусобіяхъ нашихъ князей, все-таки придется сказать, что въ большинствѣ случаевъ это споръ *старшихъ* съ *младшими*. Во имя чего же старшіе защищаютъ свои права? Право старшинства для дядей, братьевъ княжескаго рода, всегда было правомъ, противъ котораго племянники могли выступить только во имя одного фактическаго преобладанія. Станетъ ли авторъ отрицать, что самый старшій столъ, кіевскій, по правилу, долженъ былъ занимать самый старшій князь? Гдѣ объясненія того непреодолимаго стремленія быть старшимъ, кіевскимъ княземъ, изъ-за котораго многіе князья сложили свои головы? Мало того: благодаря своему увлеченію, В. Сергѣевичъ какъ бы отрицаетъ существованіе кіевскаго великаго князя, что можетъ повести къ весьма страшнымъ результатамъ. Если ограничиться общимъ замѣчаніемъ, то придется сказать, что теорія Соловьева утратитъ свое значеніе только тогда, когда его противники выработаютъ свою, болѣе удовлетворительную. В. Сергѣевичъ думаетъ замѣнить ее теоріей *добыванія* волостей. Добываніе волостей было фактомъ болѣе или менѣе всеобщимъ, но все-таки только фактомъ. Лучше сказать, оно было однимъ изъ фактовъ, не давшихъ установиться правильному порядку преемства столовъ.

Начало «лѣствичнаго восхожденія» оказалось несостоятельнымъ по многимъ причинамъ. Одни изъ нихъ заключались въ самой организаціи рода русскихъ князей, другія вытекали изъ вѣчевыхъ порядковъ. Причины перваго рода состоятъ въ томъ, что при размноженіи Рюриковичей трудно уже было

установить критерій старшинства, отыскать въ данную минуту старшаго князя было почти невозможно. Отсюда *добываніе* старшинства силою. Далѣе, рядомъ съ лѣствичнымъ восхожденіемъ, наслѣдованіемъ брата послѣ брата, постепенно развивается понятіе объ *отчинѣ,* о наслѣдованіи сына послѣ отца. Особенно сильное развитіе получило это начало въ сѣверо-восточной Россіи, гдѣ оно подавило всѣ другія. Такъ, главное правило, дѣйствовавшее въ родѣ князей, не могло примѣняться безъ большого затрудненія, и, кромѣ того, встрѣтилось еще съ другимъ началомъ, постепенно выработавшимся среди тѣхъ же князей. Конечно, всего болѣе ограниченій это начало встрѣтило въ вѣчевыхъ порядкахъ, въ началѣ «призванія», которое проходитъ чрезъ всю нашу древнюю исторію. В. Сергѣевичу принадлежитъ честь точнаго и научнаго выясненія этого факта. Начало призванія противорѣчитъ началу наслѣдованія. Первое было началомъ народнымъ, второе княжескимъ. Народъ не признавалъ права наслѣдованія столовъ. Каждый князь, съ народной точки зрѣнія, былъ княземъ, призваннымъ или признаннымъ народомъ.

На основаніи лѣтописныхъ свидѣтельствъ В. Сергѣевичъ весьма логически строитъ свою *теорію призванія князей,* которая главнымъ образомъ служитъ основою *теоріи добыванія столовъ*. Должно согласиться, что авторъ доводитъ свою мысль до конца. Несмотря, однако, на все множество фактовъ, прослѣженныхъ имъ по лѣтописямъ, нельзя не видѣть другихъ, указанныхъ Соловьевымъ. Самъ авторъ указываетъ на призваніе, какъ на начало *народное,* дѣйствующее рядомъ и нерѣдко въ противополож-

ность другому, *княжескому*. Напримѣръ, на стр. 70 онъ говоритъ: «Народъ осуществляетъ свое право призванія, несмотря ни на взаимныя соглашенія князей, установляющихъ между собою тотъ или другой порядокъ преемства волостей, ни на ихъ частныя распоряженія». Слѣдовательно, замѣщеніе столовъ опредѣлялось двумя началами; но, конечно, ни одно изъ нихъ не могло дойти до полнаго господства и совершенно уничтожить другое. Народное начало не могло устранить княжескаго и наоборотъ.

Съ какой бы точки зрѣнія мы ни смотрѣли на нашу исторію, все же нельзя отрицать того *факта*, что начало наслѣдованія дѣйствовало въ древней Россіи рядомъ съ началомъ призванія. Наслѣдованіе было началомъ родовымъ, княжескимъ, и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи привело къ единству Россіи; начало призванія было началомъ народнымъ, вѣчевымъ, и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи могло бы привести къ полному раздробленію Россіи. Оба эти начала еще должны были сразиться между собою, когда центръ государственной жизни перенесся съ юга на сѣверъ. Фактъ «добыванія» столовъ обусловливался силою вѣчевыхъ началъ и слабостью княжескихъ. Лучше сказать, народныя начала имѣли для него положительное значеніе, княжескія — отрицательное. Между тѣмъ В. Сергѣевичъ въ своей теоріи «добыванія» даетъ одинаковое значеніе тому и другому. По нашему мнѣнію, возможность добыванія столовъ тѣсно связана съ началомъ «призванія» князей; добываніе прекращается тотчасъ, какъ исчезаютъ у насъ призванные князья и являются прирожденные, обезпеченные правомъ наслѣдованія. Ко-

гда отрицательныя условія, препятствовавшія развитію княжескаго начала въ древней Россіи (смутныя понятія о старшинствѣ, борьба вотчинныхъ понятій съ началомъ родового старшинства, многочисленность князей, обусловливавшая возможность постояннаго призванія и изгнанія ихъ), исчезаютъ, — исчезаетъ и призваніе князей, и тѣсно связанное съ нимъ «добываніе», какъ средство замѣщенія столовъ.

«Добываніе» было тѣсно связано съ правомъ каждой волости имѣть своего князя, ею призваннаго или признаннаго. Право это было не волостнымъ вообще, а скорѣе общиннымъ, ибо волостью называлась сумма общинъ, связанныхъ между собою іерархическими отношеніями и находящихся въ общемъ подчиненіи главной общинѣ, старшему городу. Каждая община могла, въ свою очередь, стать волостью и призвать къ сѣбѣ князя, что обусловливалось и многочисленностью князей, между которыми всегда можно было найти охотника на новый столъ.

Община, взятая сама по себѣ, не представляла настоящаго политическаго единства. Оно обусловливается существованіемъ установленія, непрерывно и постоянно представляющаго собою государственную власть и независимаго отъ всѣхъ общественныхъ партій. Такого установленія не было въ составѣ общины. Тѣмъ не менѣе могло осуществиться политическое единство въ цѣлой волости. Волость была федераціей общинъ. Федерація же общинъ, построенная на вѣчевомъ началѣ, никогда не можетъ составить единаго политическаго тѣла. При федеративномъ устройствѣ, съ политическими правами общинъ, возможны два исхода: или общины

будутъ пользоваться равными политическими правами, или права эти будутъ не равны для городовъ и пригородовъ.

Въ первомъ случаѣ единство будетъ держаться на соглашеніи городовъ, и соглашеніи добровольномъ, то-есть условномъ и преходящемъ. Борьба партій, разъединявшая каждую общину, должна была еще сильнѣе выражаться въ борьбѣ городовъ съ пригородами. Во второмъ случаѣ, то-есть при неравенствѣ правъ городовъ и пригородовъ, единство обусловливалось тѣмъ, чтобы права городовъ были достаточно велики для подавленія правъ пригородовъ при обсужденіи общеволостныхъ вопросовъ. Такое единство предполагаетъ добровольное или насильственное, но полное подчиненіе пригородовъ городамъ по важнѣйшимъ государственнымъ вопросамъ. Обычаи вѣчевой Россіи, очевидно, склонялись къ послѣдней формѣ волостного единства. Это доказывается названіемъ старшихъ и младшихъ городовъ, городовъ и пригородовъ; доказывается и знаменитымъ мѣстомъ лѣтописи: «На что же старѣйшіи сдумаютъ, на томъ же пригороди стануть» *). Пригороды могли стать «на одномъ» со старѣйшими или по добровольному согласію или по принужденію, слѣдовательно, совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ происходило постановленіе вѣчевыхъ рѣшеній въ каждой отдѣльной общинѣ. В. Сергѣевичъ не безъ основанія говоритъ объ этихъ вѣчевыхъ отношеніяхъ городовъ къ пригородамъ слѣдующее: «Разные пункты населенія одной и той же волости находились между собой въ совершенно такихъ же

*) См. выше на стр. 260.

отношеніяхъ, какъ и разные концы или улицы одного и того же города; если между ними господствовало единеніе, они находились въ состояніи мира; если возникала розни, — въ состояніи размирья или войны. Такимъ образомъ, участіе жителей пригородовъ въ вѣчевой жизни волости опредѣлялось тѣми же нормами, какъ и участіе жителей главныхъ городовъ» (стр. 91). Вслѣдствіе удаленія городовъ отъ пригородовъ и разнообразія ихъ интересовъ состояніе мира было рѣже, а результаты войны хуже, чѣмъ въ каждой отдѣльной общинѣ. Состояніе мира обусловливалось пассивнымъ отношеніемъ пригородовъ къ вѣчевымъ постановленіямъ города. Другого заключенія мы не можемъ вывести изъ словъ лѣтописца, что пригороды становились на томъ, что постановляли старшіе города. Но такое пассивное отношеніе могли занять только весьма слабые пригороды. Каждый пригородъ, чувствовавшій свое значеніе, сознавалъ въ то же время равноправность своего вѣча съ вѣчемъ главнаго города. Если въ отдѣльной общинѣ каждая партія считала свою сходку «вѣчемъ», то тѣмъ болѣе цѣлый пригородъ долженъ былъ придавать своему собранію значеніе вѣча, со всѣми его правами. Все зависѣло отъ силы пригорода.

«Пригороды слабые, въ случаѣ разногласія съ главнымъ городомъ, оставались въ ничтожномъ меньшинствѣ и по необходимости должны были смолкать; пригороды, обладающіе значительной собственной силой, могли выступать съ своимъ отдѣльнымъ мнѣніемъ и стараться провести его, несмотря на разногласіе съ главнымъ городомъ» («Вѣче и Князь», стр. 91.).

При такихъ условіяхъ вѣчевого быта нѣтъ ничего удивительнаго, если общины не успѣли выработать въ своей средѣ никакой политической власти; другими словами, ни одинъ изъ элементовъ, изъ которыхъ слагался нашъ общинный бытъ, не могъ быть возведенъ на степень верховной политической власти. Результатомъ этого было выдѣленіе нѣкоторыхъ государственныхъ дѣлъ въ пользу одного лица, стоявшаго внѣ общины и признаннаго главнымъ представителемъ общественнаго порядка. Вѣче не имѣло уже постояннаго значенія для такихъ вопросовъ: они были исключительнымъ дѣломъ князя. Итакъ, призваніе князя и первоначальный рядъ съ нимъ были, въ принципѣ, единственными предметами политической дѣятельности вѣча. Всѣ другіе виды участія вѣча въ политической жизни были исключеніемъ, а не общимъ правиломъ. Но этотъ принципъ не былъ доведенъ до конца въ древней Россіи.

Призваніе князя не было самоубійствомъ вѣча. Общинная жизнь выражалась въ административной и экономической дѣятельности общины. Власть князя не уничтожала нѣкоторой автономіи мелкихъ союзовъ, составлявшихъ его волость. Князь былъ посредникомъ не столько между отдѣльными лицами, сколько между общинами. Въ рѣдкихъ случаяхъ онъ имѣлъ дѣло прямо съ отдѣльными личностями. Появленіе государственной власти не превращало, такимъ образомъ, наше общество въ совокупность индивидовъ, подчиненныхъ прямо государству и только государству. Русскій человѣкъ имѣлъ дѣло съ общиною больше, чѣмъ съ княземъ; община была для него правиломъ, князь — исключеніемъ. Въ этомъ отношеніи власть князя не шла вглубь русскаго

общества; развитіе ея задерживалось существованіемъ общинъ, уступавшихъ ему свои права лишь по нѣкоторымъ вопросамъ. Во всѣхъ дѣлахъ, оставшихся за общиною, она дѣйствовала самостоятельно и отъ нихъ переходила и къ политическимъ вопросамъ. Итакъ, княжеское управленіе было немногосложно не только потому, какъ утверждаетъ В. Сергѣевичъ (стр. 348), что задачи этого управленія «не были развиты», но и потому, что большая часть этихъ задачъ оставалась въ рукахъ общинъ. Слѣдовательно, положеніе В. Сергѣевича, что «само управленіе не было въ средствахъ общины» (или вѣча, какъ онъ ошибочно выразился на стр. 67), можетъ быть принято только съ большими ограниченіями. Оно не было въ его средствахъ лишь по нѣкоторымъ вопросамъ, для которыхъ и былъ призванъ князь. По другимъ же община дѣйствовала съ прежней силою.

При слабости княжескаго начала, каждый князь былъ порожденіемъ вѣча и дѣйствовалъ подъ его вліяніемъ. Всѣ характеристическіе признаки вѣчевыхъ порядковъ, опредѣлявшіе отношеніе партій, примѣнялись и къ отношеніямъ князя и вѣча. Во-первыхъ, князь рѣдко былъ порожденіемъ цѣлой волости, по большей части онъ призывался на столъ извѣстною партіей, и держался ею; слѣдовательно, ему приходилось проводить и защищать интересы этой партіи. Каждая перемѣна князя сопровождалась различными наградами и повышеніями его «пріятелей». Отнимались волости у «мужей» старой дружины и раздавались мужамъ новой. Новая дружина «заѣзжала» старую, которая должна была пытать счастья въ другихъ мѣстахъ. Все это нисколько не доказыва-

етъ независимости княжеской власти. Зависимость его отъ вѣча шла дальше. Подобно тому, какъ сила вѣчевыхъ рѣшеній обусловливалась единеніемъ, «единачествомъ» всѣхъ его членовъ, такъ и сила князя основывалась на единеніи его съ вѣчемъ. Онъ былъ силенъ, пока вѣче было за него. Война, задуманная имъ, и другія его предпріятія могутъ имѣть успѣхъ только въ такомъ случаѣ, когда вѣче думало одинаково съ нимъ. В. Сергѣевичъ приводитъ много такихъ примѣровъ соглашенія князя съ вѣчемъ. Князья, жившіе въ согласіи съ вѣчемъ, были весьма сильны Таковы были Владимиръ Мономахъ и не менѣе знаменитый Всеволодъ Юрьевичъ (Большое Гнѣздо). Напротивъ того, «при отсутствіи соглашенія, при нежеланіи уступить, князь и вѣче стояли другъ противъ друга, какъ двѣ самостоятельныя власти, разногласіе которыхъ могло быть устранено только судомъ Божіимъ» (стр. 107). Другими словами, въ случаѣ разномыслія князя съ вѣчемъ, между ними начиналась война.

Въ такомъ видѣ княжеская власть не могла сдѣлаться объединяющимъ началомъ. Отношенія между князьями лучше всего доказываютъ это. Понятіе наслѣдственности столовъ не могло развиться, какъ слѣдуетъ, въ самомъ княжескомъ родѣ; ни понятіе отчины, ни «лѣствичное восхожденіе» не спасли Россію отъ раздробленія; *договоръ* былъ главною формой междукняжескихъ отношеній; враждебныхъ силъ въ княжескомъ родѣ было столько же, сколько князей; начало «добыванія» столовъ всевозможными средствами превратило политику князей нашихъ въ политику эгоизма, въ самой грубой его формѣ. Какимъ же образомъ изъ этой борьбы про-

тивоположныхъ элементовъ сложилось русское государство?

Ни одно изъ началъ нашего древняго государственнаго быта не могло получить полнаго развитія. Ни одно изъ нихъ не исключало другого, но каждое противодѣйствовало развитію другихъ. Въ этомъ смыслѣ древняя жизнь представляла рядъ противорѣчій, которыя едва могутъ быть объяснены съ точки зрѣнія современныхъ намъ государственныхъ понятій. Это были противорѣчія, порожденныя противоположными началами, которыя въ далекомъ будущемъ должны были послужить основаніемъ прочной государственной системы. Но они не были *внутренними* противорѣчіями древней государственной системы. Во-первыхъ, самой системы этой еще не было. Затѣмъ, терминъ *противорѣчіе* можетъ быть примѣненъ къ древней русской жизни не въ смыслѣ несостоятельности началъ ея: это удѣлъ отживающихъ государственныхъ системъ. Противорѣчія эти порождались именно тѣмъ, что ни одно начало, ни одинъ элементъ этой жизни не получилъ еще настоящаго развитія. Результатомъ этихъ противорѣчій было не паденіе государства, какъ то бываетъ при несостоятельности началъ. Напротивъ того, борьба этихъ различныхъ элементовъ вызвала къ жизни крѣпкій государственный строй. Это соединеніе разнообразныхъ элементовъ древняго быта въ послѣдующемъ русскомъ государствѣ зависѣло, главнымъ образомъ, отъ того, что всѣ эти элементы еще въ древней Россіи связывались общими представленіями о государственномъ порядкѣ или, лучше сказать, одними и тѣми же государственными идеалами. Эти общія представленія препятствовали

князьямъ довести «добываніе» столовъ до грубаго насилія, не сдерживаемаго никакими представленіями о правѣ; они удержали общины отъ полнаго раздробленія государственной территоріи; они дали впослѣдствіи общую и опредѣленную цѣль и народу, и князьямъ — собирателямъ русской земли.

Въ книгѣ В. Сергѣевича мы не видимъ этихъ представленій и идеаловъ, связующихъ древнюю, раздробленную Россію съ централизованной московской; не видимъ и движенія отъ вѣчевой Россіи къ самодержавной; не видимъ вообще никакихъ признаковъ историческаго движенія и развитія элементовъ древняго общества.

Ни въ народномъ сознаніи, ни въ сознаніи князей не было, по мнѣнію В. Сергѣевича, представленій, а тѣмъ болѣе нормъ, опредѣлявшихъ развитіе государственнаго порядка. Іерархія между князьями и городами была фактическая, а слѣдовательно, и всѣ отношенія между ними были построены или на соглашеніи, или на силѣ. Не было порядка, опредѣлявшаго, хотя бы въ идеѣ, отношенія между князьями: отсюда добываніе столовъ съ одной стороны, и княжескіе съѣзды и договоры—съ другой; не было никакихъ прочныхъ отношеній между волостями: отсюда отсутствіе центра государственной жизни и дробленіе Россіи.

Всѣ эти факты были бы общимъ порядкомъ древней государственной жизни, если бъ отношенія между княземъ и волостью и князей между собою, въ той формѣ, какъ они выразились первоначально, были доведены до конца и не задерживались представленіями объ идеальномъ устройствѣ русской земли съ одной стороны, и постепенно развивавши-

мися началами новаго порядка вещей — съ другой. В. Сергѣевичъ умалчиваетъ о тѣхъ и другихъ; отсюда слабое историческое значеніе его труда.

Избравъ предметомъ своего изслѣдованія государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей, онъ разсматриваетъ это устройство на всемъ пространствѣ нашей исторіи, отъ X до XV вѣка, и на всемъ пространствѣ Россіи такъ, какъ будто нигдѣ и никогда въ нашу государственную жизнь не было внесено новыхъ началъ. На этомъ основаніи онъ подкрѣпляетъ свои положенія о междукняжескихъ договорахъ одинаковыми примѣрами изъ исторіи кіевскаго и московскаго періода. Духовныя грамоты князей имѣютъ для него одинаковое значеніе и въ юго-западной, и въ сѣверо-восточной Россіи. Если безусловно вѣрить автору, между кіевскою и московскою Русью не было никакого переходнаго порядка, никакого посредствующаго звена. Итакъ, никакихъ верховныхъ государственныхъ понятій въ теченіе удѣльно-вѣчевого періода, никакихъ посредствующихъ началъ въ концѣ его.

Не то было на самомъ дѣлѣ. Пока русская государственная жизнь не начала передвигаться на сѣверо-востокъ, центромъ русскаго государства былъ Кіевъ; князья и народъ считали Кіевъ старшимъ городомъ, а его князей — старшинами русской земли не потому только, чтобы князья эти занимали «выдающееся среди другихъ положеніе» (стр. 248). Съ именемъ Кіева и кіевскаго князя было связано нѣчто другое, чего нѣтъ въ книгѣ В. Сергѣевича. Всякій, кто вдумается въ характеристическія особенности удѣльно-вѣчевого періода, невольно оста-

новится предъ слѣдующимъ вопросомъ: почему не раздробилась Россія окончательно, когда и народные обычаи и порядки княжескаго рода способствовали тому, когда, слѣдовательно, ни въ правительственныхъ, ни въ общественныхъ элементахъ не было никакого этому противодѣйствія? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить слѣдующія соображенія.

1) Несмотря на разъединеніе волостей, какъ самостоятельныхъ центровъ не только административной, но отчасти и политической жизни, въ народѣ и въ князьяхъ жило сознаніе о единой русской землѣ. Въ столкновеніяхъ съ иностранцами и съ погаными, «земля» дѣйствовала какъ одно цѣлое. Въ иностранныхъ сношеніяхъ не было ни переяславскаго, ни черниговскаго князя, а только русскіе князья.

2) Представленіе о единомъ стольномъ князѣ всей Россіи было точно такъ же сильно въ народѣ.

3) Волости были независимы другъ отъ друга въ отношеніи внутренняго управленія; это совершенно справедливо. Но могли ли эти самостоятельныя волости составить нѣсколько самостоятельныхъ націй и національныхъ государствъ? На этотъ вопросъ врядъ ли можно отвѣтить утвердительно. Волости не могли сдѣлаться средоточіемъ самостоятельной національной жизни. Во-первыхъ, ни въ одной волости не было постояннаго, органически связаннаго съ нею княжескаго рода. Въ силу ли «лѣствичнаго восхожденія» или для добыванія столовъ, родъ князей Рюриковичей бродилъ по русской землѣ. Ни одинъ князь не былъ связанъ съ своею волостью; онъ «или высматривалъ лучшаго стола», или до-

жидалъ своей очереди занять старшій столъ, или просто странствовалъ по землѣ, предлагая свои услуги той волости, которая, по его мнѣнію, наболѣе въ нихъ нуждалась.

Слѣдовательно, раздробленіе Россіи не могло сдѣлаться феодальнымъ, подобно раздроблению западной Европы. Раздробленіе это было скорѣе общиннымъ. Но и самостоятельность общинъ не могла упрочить политической самостоятельности волостей. Для самостоятельности нужно прежде всего политическое единство. Разсматривая отношенія городовъ къ пригородамъ можно убѣдиться, что власть главнаго города не могла удержать волости отъ дальнѣйшаго раздробленія. Каждая община стремилась стать волостью, и стремленіе это было тѣмъ сильнѣе, что власть главнаго города обусловливалась его полнымъ деспотизмомъ надъ пригородами. При стремленіи общинъ къ самостоятельности, при постоянномъ противодѣйствіи ихъ деспотизму городовъ, подчиненіе всѣхъ городовъ одному центру на *равныхъ правахъ* было единственно возможнымъ исходомъ. Словомъ, самостоятельность волостей была такого рода, что она могла привести одинаково и къ безконечному раздроблению Россіи и къ совершенной централизаціи, при чемъ каждая община тянула бы непосредственно къ общегосударственному центру. Этимъ и разрѣшилось впослѣдствіи противорѣчіе древняго государственнаго быта. Новгородскія волости не хотѣли тянуть къ Новгороду, но потянули къ Москвѣ, на равныхъ правахъ съ Новгородомъ. Только въ такой системѣ могло быть осуществлено равенство всѣхъ русскихъ общинъ.

У В. Сергѣевича нѣтъ указаній на это постепенное движеніе нашей политической жизни. Между тѣмъ эти указанія были бы полезны и для его догматическаго изложенія. Начатки новаго порядка могли бы, какъ нельзя лучше, оттѣнить строй древне-русской жизни, довершить характеристику его началъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ В. Сергѣевичъ могъ бы указать и на разницу аналогическихъ явленій въ два совершенно различные періода русской исторіи.

Во-первыхъ, онъ не указываетъ разницы между государственными воззрѣніями русскихъ князей до и послѣ Андрея Боголюбскаго. Разница же эта была весьма велика. Въ древнѣйшей Россіи не было князей, тѣсно связанныхъ съ одною волостью; впослѣдствіи они были. Каждая волость въ сѣверо-восточной Россіи постепенно дѣлается достояніемъ одной княжеской линіи. Это обстоятельство имѣло огромное вліяніе на политику князей и на значеніе волости. Въ прежнее время князья ищутъ себѣ хорошей волости и не стараются о расширеніи той, въ которой они сидятъ, ибо они могутъ оставить ее во всякое время; послѣ они не перемѣняютъ волости, а стараются увеличить свою вотчину на счетъ сосѣдей. *Добываніе* въ этомъ періодѣ имѣетъ не тотъ уже характеръ, что въ предыдущемъ. Прежде были столы и города, старшинство которыхъ было установлено народнымъ сознаніемъ и мнѣніемъ князей; кіевскій столъ считался старшимъ, независимо отъ могущества Кіева; великій князь — синонимомъ кіевскому князю; новгородскій, переяславскій и черниговскій князья никогда не назывались великими; напротивъ того, Новгородъ считался вотчиною великихъ князей, и въ принципѣ великій князь да-

валъ князя Новгороду; новгородцы, желая получить князя, выпрашиваютъ его у старшаго князя русской земли. Въ сѣверо-восточной Россіи не было такого народнаго центра; его должна была создать дѣятельность и ловкость князей; поэтому они стремятся доставить своей волости значеніе старшей, а себѣ названіе великихъ. Понятно, что и самый титулъ великаго князя получаетъ здѣсь совершенно другое значеніе; онъ принадлежитъ здѣсь могущественному князю, князю сильной волости, а не старшему князю всей русской земли. Такъ какъ обладаніе этимъ титуломъ стало зависѣть отъ фактическаго значенія князя, которое можно было добыть силою и ловкостью, то названіе великаго князя дается не одному, а нѣсколькимъ; являются велнкіе князья тверскіе, рязанскіе, московскіе и другіе. Прежде былъ одинъ главный центръ русской земли, изъ-за обладанія которымъ и боролись разные князья; позже каждый князь хочетъ сообщить такое значеніе своей волости, а потому старается умалить значеніе другихъ волостей, чего прежде не было нужно, ибо каждая волость безъ того считала себя младшею въ сравненіи съ старшею, кіевскою. Вслѣдствіе этого государственнымъ центромъ является не волость, за которою было бы признано это значеніе всѣми другими, а князь, который долженъ былъ сообщить свое первенствующее значеніе и той волости, которою онъ владѣетъ. Итакъ, князь добываетъ себѣ не волость, а разныя преимущества для своей волости и для себя, какъ князя ея. Такъ, московскій князь добылъ себѣ право собиранія ордынскаго выхода, право исключительнаго сношенія съ Ордой, добылъ для Москвы митрополита и т. д.

Далѣе, нельзя не замѣтить важнаго обстоятельства, также упущеннаго изъ виду В. Сергѣевичемъ. Въ новое время различіе между великими и другими князьями получаетъ значеніе, несходное съ тѣмъ, какое оно имѣло въ предыдущее время, когда былъ одинъ великій князь, а всякій, кто владѣлъ другою волостью, кромѣ старшей, назывался удѣльнымъ княземъ. Всѣ князья, какъ братья, были равны между собою. Различія между линіями не существовало, ибо всѣ были «одного дѣда внуки», то-есть, родъ былъ одинъ. Послѣ, когда обозначилось различіе между княжескими линіями, владѣвшими различными волостями, князьями удѣльными стали называться всѣ младшіе князья одной волости. Въ каждой волости былъ свой старшій князь, и всѣ эти старшіе князья въ разныхъ волостяхъ имѣли титулъ великихъ князей. Итакъ, мы видимъ распредѣленіе княжескихъ линій по волостямъ, которыя вслѣдствіе этого, получаютъ постоянное значеніе и нѣкоторое единство. Принимая во вниманіе это единство волости, можно сказать, что самый терминъ «удѣльный» относится къ этому періоду нашей исторіи. Прежде, при равенствѣ всѣхъ волостей, кромѣ старшей, каждый князь былъ *волостнымъ*. Теперь князья получаютъ *удѣлъ* въ волости, бывшей достояніемъ цѣлой княжеской линіи. Старшему князю давался обширный удѣлъ сравнительно съ младшими, которые, вслѣдствіе этого, были поставлены въ зависимость отъ него; зависимость эта росла съ каждымъ поколѣніемъ и кончилась уничтоженіемъ удѣловъ. Итакъ, въ это время мы видимъ вмѣсто полнаго юридическаго равенства между волостями, — съ фактическими преимуще-

ствами нѣкоторыхъ, преимуществами, утвержденными за ними всеобщимъ сознаніемъ, — нѣсколько неравныхъ волостей, неравенство конхъ создано искусственно, въ видахъ усиленія старшаго князя.

Однимъ изъ могущественныхъ средствъ провести это новое княжеское начало было завѣщаніе. Мы ожидали, что В. Сергѣевичъ нѣсколько больше оттѣнитъ духовныя грамоты московскихъ князей отъ завѣщаній князей древнѣйшаго періода. А разница эта, особенно если взять (какъ это дѣлаетъ авторъ) весь княжеско-московскій періодъ вплоть до Ивана IV, громадная. Въ древній періодъ личная воля завѣщателя часто оставалась въ области желаній. «Призваніе» и «добываніе» легко могли совершенно измѣнить планъ завѣщателя. Напротивъ, московскіе князья не были уже призванными князьями, а князьями наслѣдственными; съ уничтоженіемъ или, лучше сказать, съ ослабленіемъ татарскаго владычества послѣднее средство добыванія столовъ уничтожилось. Слѣдовательно, тогда завѣщанія сдѣлались проводникомъ новыхъ государственныхъ началъ и должны были завершиться торжествомъ единонаслѣдія и единодержавія.

Точно такъ же и договоры междукняжескіе измѣнили свой характеръ. Авторъ разсматриваетъ и это явленіе на всемъ пространствѣ княжескаго періода, не разграничивая двухъ указанныхъ нами эпохъ. Вслѣдствіе того у него попадаются весьма странныя замѣчанія. Такъ, на стр. 136 и 137, В. Сергѣевичъ говоритъ о содержаніи договоровъ слѣдующее:

«Со стороны содержанія договоры могутъ быть раздѣлены на двѣ большія группы: первую соста-

вляютъ тѣ, условія которыхъ относятся къ распредѣленію волостей между князьями; ко второй должны быть отнесены договоры, устанавливающіе политическіе союзы. Эти послѣдніе, въ свою очередь, мы подраздѣляемъ на два вида: первый составятъ такіе союзы, въ силу которыхъ не возникаетъ никакого ограниченія политической самостоятельности договаривающихся сторонъ; второй — всѣ тѣ, которыми условливается такое ограниченіе для одной изъ нихъ».

Авторъ прежде всего приступаетъ къ разсмотрѣнію договоровъ, которыми устанавливались политическіе союзы. На чемъ основано это дѣленіе политическихъ союзовъ на два вида? Встрѣчается ли оно во всѣ періоды нашей исторіи одинаково? Конечно, нѣтъ. Договоры, имѣвшіе въ виду ограничить одну изъ договаривающихся сторонъ въ пользу другой, встрѣчаются исключительно въ позднѣйшее время княжескаго періода. Этотъ видъ договоровъ необходимо было разсмотрѣть въ связи съ указаннымъ выше различіемъ, установившимся въ сѣверовосточной Россіи, между великими и удѣльными князьями и между различными видами великихъ князей. Стремленіе каждаго великаго князя состояло въ томъ, чтобы низвести другихъ князей, носившихъ этотъ титулъ, на степень младшихъ, а князей удѣльныхъ совершенно подчинить своей волѣ, на первый разъ по вопросамъ внѣшней политики. Читая же повѣствованіе объ этихъ договорахъ у В. Сергѣевича, невольно спрашиваешь себя, откуда они взялись и какой цѣли удовлетворяли.

По прочтеніи книги В. Сергѣевича читателю невольно представляется вопросъ: какимъ образомъ

порядокъ, только-что изображенный авторомъ, перешелъ въ государственный бытъ московскаго государства? По мнѣнію автора, изъ двухъ силъ, прежде существенно необходимыхъ въ каждой волости, князя и вѣча, осталась только одна — князь. Итакъ, князь отмѣнилъ вѣче. Въ этомъ ему помогла самая жизнь (стр. 20). Но какая же жизнь? Такія выраженія требуютъ точныхъ поясненій. Выраженія «народный духъ», «жизнь», взятыя сами по себѣ, поясняютъ все, что угодно, ибо они ровно ничего не объясняютъ. Въ историко-юридическомъ изслѣдованіи эти смутныя выраженія должны быть переведены на точный языкъ. Изъ причинъ, обусловливавшихъ переходъ вѣчевой Россіи въ единодержавную, авторъ выставляетъ три: вліяніе татарскаго владычества, установленіе помѣстной связи между служилыми людьми и княземъ и объединеніе Россіи.

Намъ кажется, что первая изъ этихъ причинъ чисто внѣшняя, а двѣ остальныя не самостоятельныя, а производныя. Вліяніе татарскаго владычества авторъ опредѣляетъ тѣмъ, что оно перенесло центръ русской политической жизни изъ Россіи въ Орду (стр. 21). Врядъ ли это такъ. Центръ древней Россіи, Кіевъ, утратилъ свое значеніе гораздо раньше татарскаго завоеванія; вся сила политической жизни сосредоточилась въ сѣверо-восточной Россіи. Но долгое время неизвѣстно было, какой городъ или какая волость займетъ первенствующее положеніе, принадлежавшее прежде Кіеву. Борьба городовъ съ пригородами и князей между собою длилась долго, и татарское завоеваніе застало Россію за этимъ «нерѣшеннымъ вопросомъ». Центръ политической жизни и не былъ перенесенъ въ Орду, а

постепенно вырабатывался въ самой Россіи. Татарское завоеваніе измѣнило только способъ и средства борьбы. Князья пользовались Ордой такъ, какъ прежде пользовались вѣчевыми партіями, но затѣмъ все зависѣло отъ ихъ ловкости и умѣнья. Московскіе князья взяли верхъ, и Москва стала политическимъ центромъ новой Россіи. Причина паденія вѣча, какъ политической силы, заключается въ самыхъ свойствахъ новаго ея центра. Свойства же эти обусловливались тѣмъ, что въ это время начало призванія совершенно измѣнило свой характеръ. Основная идея призванія уцѣлѣла и въ московскихъ князьяхъ, въ томъ смыслѣ, что князь былъ представителемъ государственной власти, созданной для водворенія порядка и суда. Но власть эта перестала призываться или признаваться народомъ при каждой перемѣнѣ князя. Съ успленіемъ начала престолонаслѣдія, народное призваніе не дѣйствовало, пока былъ князь, наслѣдовавшій по праву. Оно возобновлялось только въ рѣдкихъ случаяхъ, за прекращеніемъ княжескаго рода. Такъ были «призваны» на престолъ Борисъ Годуновъ, Василій Шуйскій, королевичъ Владиславъ, Михаилъ Романовъ. Государственная идея, зародившаяся въ первый моментъ призванія князей, какъ реакція общинному быту, достигла новой, высшей степени развитія. Татарское владычество имѣло для насъ огромное значеніе въ другомъ отношеніи; оно дало новый толчокъ народному самосознанію и повело къ практическому осуществленію государственнаго единства, которое, подъ вліяніемъ вѣчевого раздробленія, начало принимать какой-то отвлеченный характеръ.

Идея государственнаго единства передана была Москвѣ древнею Россіей, но въ древнѣйшій періодъ она имѣла мало практическаго значенія. Раздробленіе волостей ослабляло значеніе государственнаго центра. Волости воспѣвали «святую Русь», но могли тянуть къ нерусскимъ центрамъ. Во-первыхъ, князья призывались не изъ однихъ потомковъ княжескаго рода, но и изъ иноземцевъ. Это было бы еще ничего, но плохо было то, что цѣлыя волости были готовы признать чужеземное владычество и тянули то къ полякамъ, то къ нѣмцамъ. Мы видѣли, что въ древней Россіи единство волости обусловливалось силою главнаго города, вслѣдствіе чего не было положено никакихъ предѣловъ безостановочному ея раздробленію. Политическое единство поддерживалось развѣ тѣмъ, что князья, въ большинствѣ случаевъ, принадлежали къ одному и тому же княжескому роду. Москва сдѣлалась дѣйствительнымъ и обязательнымъ для всѣхъ центромъ, къ которому долженъ былъ тянуть всякій, кто принадлежалъ къ русскому народу. Причина этого заключается въ томъ, что связь между волостями стала поддерживаться не властью старшаго города надъ младшими (Москва была младшимъ изъ всѣхъ городовъ сѣверо-восточной Россіи), а властью московскаго князя. Волости, присоединявшіяся къ Москвѣ, подчинялись не ей, а ея князю. Этимъ установилась возможность дѣйствительнаго политическаго единства. Пока князь былъ произведеніемъ вѣча, волости подчинялись не ему, а старшему городу. Но одна община подчинялась другой только до тѣхъ поръ, пока у послѣдней было достаточно силы, чтобы подчинять, а другая была настолько слаба,

что должна была подчиняться. Въ московскій періодъ вопросъ былъ поставленъ иначе; общины не подчинялись болѣе общинамъ, а государственной власти князя. Идея государства, какъ особаго элемента, выдѣленнаго изъ элементовъ общинныхъ, окрѣпла. Прежде «государство» было пріурочено къ каждой общинѣ; въ каждой изъ нихъ было свое государство. Теперь русское государство было сосредоточено въ лицѣ московскаго государя. Государи эти весьма рано умѣли поставить вопросъ такъ, что всякая волость, не тянувшая къ нимъ, въ то же время не тянула ни къ русскому государству, ни къ русской землѣ.

В. Теорія В. О. Ключевскаго.

(*В. О. Ключевскій.* Боярская дума древней Руси . М. 1883).

Что касается взглядовъ г. Ключевскаго на государственный строй древнѣйшей Руси, то всего рельефнѣе они изложены въ той части первой главы его *Боярской думы древней Руси* (М. 1883, стр. 18—36), которая, составляя отступленіе отъ основной темы этой главы, даетъ, по словамъ автора, «первоначальную исторію городовъ на Руси». Болѣе подробно и съ изложеніемъ основаній, на которыхъ построенъ читаемый далѣе очеркъ, первоначальная исторія городовъ на Руси изложена г. Ключевскимъ въ №№ 1, 3, 4 и 10 журнала *Русская Мысль* за 1880-й годъ.

Исторія Россіи, говоритъ г. Ключевскій, началась въ VI в. на сѣверо-восточныхъ склонахъ и предгорьяхъ Карпатъ, на томъ обширномъ водораздѣлѣ, гдѣ берутъ свое начало Днѣстръ, оба Буга, правые притоки верхней Вислы, какъ и правые притоки верхней Припяти. Обозначая такъ начало нашей исторіи, мы хотимъ сказать, что тогда и тамъ впервые застаемъ мы восточныхъ славянъ въ общественномъ союзѣ, о происхожденіи и характерѣ котораго можемъ составить себѣ хотя нѣкоторое представле-

ніе, не касаясь труднаго вопроса, когда, какъ и откуда появились въ томъ краю эти славяне. Въ тотъ вѣкъ среди прикарпатскихъ славянъ господствовало воинственное движеніе за Дунай противъ Византіи, въ которомъ принимали участіе и вѣтви славянства, раскинувшіяся по сѣверо-восточнымъ склонамъ этого горнаго славянскаго гнѣзда. Это воинственное движеніе сомкнуло племена восточныхъ славянъ въ большой военный союзъ, политическое средоточіе котораго находилось на верхнемъ теченіи Западнаго Буга и во главѣ котораго стояло съ своимъ княземъ жившее здѣсь племя дулѣбовъ-волынянъ. Остаются неясны причины, разрушившія этотъ союзъ; можно думать только, что это тѣ же причины, которыя повели къ другому еще болѣе важному послѣдствію — къ разселенію восточныхъ славянъ съ карпатскихъ склоновъ далѣе на востокъ и сѣверовостокъ. Нападенія на Византію взволновали, приподняли славянъ съ насиженныхъ мѣстъ. Нашествіе аваровъ (во второй половинѣ VI в.) на карпатскихъ славянъ, которые то воевали противъ нихъ, то вмѣстѣ съ ними громили имперію, еще болѣе усилило броженіе среди восточныхъ славянъ. Византійскіе писатели VI и начала VII в. застаютъ ихъ въ состояніи такого напряженнаго движенія. Славяне живутъ какъ разбойники, всегда готовые подняться съ мѣста, въ неприступныхъ трущобахъ, поселками, разсѣянными по лѣсамъ и берегамъ многочисленныхъ рѣкъ ихъ страны; такъ описываетъ ихъ Маврикій, а Прокопій замѣчаетъ, что они живутъ въ плохихъ избахъ, разбросанныхъ на далекомъ разстояніи другъ отъ друга, и часто переселяются. Слѣдствіемъ этихъ

переселеній и было занятіе славянами области средняго и верхняго Днѣпра съ его правыми и лѣвыми притоками, какъ и съ воднымъ продолженіемъ этой области, съ бассейномъ Ильменя-озера.

Это передвиженіе совершилось въ VII и VIII вв. Днѣпръ скоро сталъ бойкой торговой дорогой для поселенцевъ. Своимъ теченіемъ, какъ и своими лѣвыми притоками, такъ близко подходящими къ бассейнамъ Дона и Волги, онъ потянулъ населеніе на югъ и востокъ, къ черноморскимъ, азовскимъ и каспійскимъ рынкамъ. Въ то самое время, съ конца VII в., на пространствѣ между Волгой и Днѣпромъ утвердилось владычество хозарской орды, пришедшей по аварскимъ слѣдамъ. Славяне, только-что начавшіе устрояться на своемъ днѣпровскомъ новоселье, подчинились этому владычеству. Съ тѣхъ поръ какъ въ Хозарію проникли торговые евреи и потомъ арабы, хозарская столица на устьяхъ Волги стала сборнымъ торговымъ пунктомъ. Покровительствуемые на Волгѣ и на степныхъ дорогахъ къ ней, какъ послушные данники хозаръ, днѣпровскіе славяне рано втянулись въ торговые обороты. Арабъ Хордадбе писалъ о Руси въ 860 – 870 годахъ, т. е. около того времени, когда по нашей древней *Повѣсти* о началѣ русской земли въ Новгородѣ утверждался Рюрикъ, а въ Кіевѣ Аскольдъ съ Диромъ; но этотъ арабскій географъ знаетъ уже, что русскіе купцы возятъ товары изъ отдаленнѣйшихъ краевъ своей страны къ Черному морю, въ греческіе города, гдѣ византійскій императоръ беретъ десятину съ ихъ товаровъ, что тѣ же купцы ходятъ на судахъ по Волгѣ, спускаются до хозарской столицы, владѣтелю которой также платятъ десятину, выхо-

дятъ въ Каспійское море и проникаютъ на юговосточные берега его, даже иногда привозятъ свои товары въ Багдадъ на верблюдахъ. Нужно было не одно поколѣніе, чтобы съ береговъ Днѣпра или Волхова проложить такіе далекіе и разносторонніе торговые пути. Эта восточная торговля Руси оставила по себѣ выразительный слѣдъ, который свидѣтельствуетъ, что она завязалась по крайней мѣрѣ лѣтъ за сто до Хордадбе. Въ монетныхъ кладахъ, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ древней кіевской Руси, самое большое количество восточныхъ монетъ относится къ IX и X в. Попадались клады, въ которыхъ самыя позднія монеты принадлежатъ къ началу IX вѣка, значительное число относится къ VIII в.; но очень рѣдко встрѣчались монеты VII в., и то лишь самаго конца его. Такъ осязательно обозначилась та эпоха нашей исторіи, когда началась усиленная эксплуатація лѣса, который долго питалъ русское народное хозяйство своимъ пушнымъ богатствомъ и бортнымъ пчеловодствомъ, доставляя главныя статьи русскаго вывоза, — мѣха, медъ и воскъ.

Къ этому VIII вѣку надобно отнести возникновеніе древнѣйшихъ большихъ городовъ на Руси. Ихъ географическое размѣщеніе довольно наглядно показываетъ, что они были созданіемъ того торговаго движенія, которое съ VIII в. пошло среди восточныхъ славянъ по рѣчной линіи Днѣпра - Волхова на югъ и по ея вѣтвямъ на востокъ, къ черноморскимъ, азовскимъ и каспійскимъ рынкамъ. Большинство ихъ (Ладога, Новгородъ, Смоленскъ, Любечъ, Кіевъ) вытянулось цѣпью по этой линіи; но нѣсколько передовыхъ постовъ выдвинулись уже съ

этой линіи далѣе на востокъ; таковы были: Переяславль южный, Черниговъ, Ростовъ. Эти города возникли, какъ сборныя мѣста русской торговли, пункты склада и отправленія русскаго вывоза. Каждый изъ нихъ былъ средоточіемъ извѣстнаго промышленнаго округа, посредникомъ между нимъ и приморскими рынками. Но скоро новыя обстоятельства превратили эти торговые центры въ политическіе, а ихъ промышленные округа въ подвластныя имъ области.

Уже въ первой половинѣ IX в. становятся замѣтны признаки упадка хозарскаго владычества въ южной Россіи. Изъ-за Волги сквозь хозарскія поселенія и кочевья проникаютъ къ Днѣпру печенѣги. Эта хищная орда начала загораживать торговые пути днѣпровской Руси и отрѣзывать ее отъ приморскихъ рынковъ. Лишившись безопасности, какой пользовались днѣпровскіе города подъ покровомъ хозарской власти, они должны были собственными средствами возстановлять и поддерживать свои старыя торговыя дороги. Тогда они начали вооружаться, опоясываться укрѣпленіями, стягивать къ себѣ боевыя силы и выдвигать ихъ на опасныя окраины страны сторожевыми заставами или посылать вооруженными конвоями при своихъ торговыхъ караванахъ. Первое хронологически опредѣленное иноземное извѣстіе о Руси, сохранившееся въ Бертинской лѣтописи, говоритъ о томъ, что въ 839 г. русскіе послы жаловались въ Константинополѣ на затрудненіе сношеній Руси съ Византіей «варварскими свирѣпыми народами». Одно изъ первыхъ хронологически опредѣленныхъ извѣстій о Кіевѣ, сохранившихся въ нашихъ лѣтописяхъ, го-

ворить о томъ, что въ 867 г. Аскольдъ и Диръ, обороняя этотъ городъ, избили множество печенѣговъ *).

Торговый вооруженный городъ сталъ узломъ первой крупной политической формы, завязавшейся среди восточныхъ славянъ на новыхъ мѣстахъ жительства. На карпатскихъ склонахъ у нихъ господствовали родовые союзы, которыми руководили родовые и племенные князья, филархи и царьки, какъ ихъ называли византійскіе писатели. Военный волынскій союзъ, во главѣ котораго стоялъ князь дулѣбовъ, былъ соединеніемъ такихъ родовъ и племенъ. Съ разрушеніемъ этого союза восточные славяне остались раздѣленными «на многія племена и многочисленные роды», которые еще существовали

*) Никон. лѣтопись I, 17. Этого извѣстія нѣтъ въ начальномъ лѣтописномъ сводѣ по древнѣйшему Лаврентьевскому списку; здѣсь напротивъ читаемъ, что печенѣги впервые пришли на русскую землю въ 915 г. Но это не значитъ, что тогда впервые печенѣги появились въ степяхъ южной Руси. Въ самой лѣтописи есть указанія, не позволяющія придавать ея словамъ такого значенія. Во-первыхъ, она и о второмъ отмѣченномъ ею нашествіи печенѣговъ въ 968 г. говоритъ, что они тогда впервые пришли на русскую землю. Во-вторыхъ, «Повѣсть временныхъ лѣтъ», которой открывается начальный лѣтописный сводъ, перечисляя народы, нашествію которыхъ подвергались славяне, прямо послѣ обровъ ставитъ печенѣговъ, отчетливо отмѣчая, что послѣдніе пришли раньше угровъ, а угры, по свидѣтельству того же начальнаго лѣтописнаго свода, прошли мимо Кіева въ 898 г. Византійскіе писатели не обозначаютъ точно времени движенія печенѣговъ изъ-за Волги за Донъ; но и по нимъ видно, что оно произошло еще въ IX в., а изъ извѣстнаго разсказа Кедрена о построеніи Саркела можно заключить, что печенѣги еще въ первой половинѣ IX в. прорывались за Донъ и могли здѣсь сталкиваться съ нашими славянами. Извѣстно, наконецъ, что въ Лаврентьевскомъ спискѣ начальнаго лѣтописнаго свода опущено много извѣстій, сохранившихся въ позднѣйшихъ спискахъ, и именно въ Никоновскомъ.

или о которыхъ по крайней мѣрѣ помнили на Руси въ половинѣ X в., сколько можно судить о томъ по разсказамъ арабовъ Ибнъ-Даста и Масуди.

Но передвиженіе восточнаго славянства съ карпатскихъ склоновъ разбивало эти племенные и родовые союзы. Одни родичи уходили, другіе оставались; ушедшіе селились на новыхъ мѣстахъ не рядомъ, сплошными родственными поселками, а въ разброску, одинокими, удаленными другъ отъ друга дворами. Къ этому вынуждало тогдашнее состояніе страны, куда направлялась славянская колонизація: каждый выбиралъ для поселенія мѣсто удобное для лова и пашни, а среди лѣсовъ и болотъ такія мѣста не шли обширными сплошными пространствами. Такое топографическое удаленіе членовъ рода другъ отъ друга затрудняло практику власти родового старшины надъ всей родней, колебало и затрудняло имущественное общеніе между родственными дворами, помрачало въ родичахъ мысль объ общемъ родовомъ владѣніи, людей разныхъ родовъ дѣлало ближайшими сосѣдями другъ другу. Такъ разрушались юридическія связи рода, и приготовлялся переходъ общежитія на новыя основанія: обязательныя родовыя отношенія превращались въ родословныя воспоминанія или въ требованія родственнаго приличія, родство замѣнялось сосѣдствомъ. Съ теченіемъ времени успѣхи промысла и торга создавали среди разбросанныхъ дворовъ сборные пункты обмѣна, центры *гостьбы* (торговли), *погосты;* нѣкоторые изъ нихъ превращались въ болѣе значительныя торговыя средоточія, въ города, къ которымъ тянули въ промышленныхъ оборотахъ окрестные погосты, а города, возникшіе на главныхъ торго-

выхъ путяхъ, по большимъ рѣкамъ, вырастали въ большія торжища, которыя стягивали къ себѣ обороты окрестныхъ городскихъ рынковъ. Такъ племенные и родовые союзы смѣнялись или поглощались промышленными округами. Когда хозарское владычество поколебалось, малые и большіе города начали укрѣпляться и вооружаться. Тогда погосты стали подчиняться ближайшимъ городамъ, къ которымъ они тянули въ торговыхъ оборотахъ, а малые города подчинялись большимъ, которые служили имъ центральными рынками. Подчиненіе вызывалось или тѣмъ, что вооруженный и укрѣпленный городъ завоевывалъ тянувшій къ нему промышленный округъ, или тѣмъ, что населеніе округа находило въ своемъ городѣ убѣжище и защиту въ случаѣ опасности, иногда тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Такъ экономическія связи становились основаніемъ политическихъ, торговые районы городовъ превращались въ городовыя *волости*. Въ историческихъ памятникахъ XI и XII вв. можно еще замѣтить слѣды всѣхъ этихъ процессовъ; но можно замѣтить и то, что не во всѣхъ мѣстахъ они развивались съ одинаковымъ успѣхомъ и не вездѣ достигли послѣдняго момента къ тому времени, когда преемникъ Рюрика утвердился въ Кіевѣ. Иныя племена, напримѣръ, древляне, даже въ X в., при преемникѣ Олега, оставались раздѣленными на мелкіе округа, средоточіями которыхъ были города, «дѣлавшіе нивы своя и земли своя», и во главѣ которыхъ стояли какіе-то «добрые князья, пасшіе деревскую землю», независимые одинъ отъ другого, хотя иногда и соединявшіеся другъ съ другомъ. Занесенная въ начальный лѣтописный сводъ кіевская былина объ

Ольгиной мести запомнила даже имя одного изъ этихъ князей Мала, такъ неудачно посватавшагося къ вдовѣ Игоря. Но Малъ правилъ своимъ Искоростенемъ не одинъ, а съ «лучшими мужами», «старѣйшинами града». Эти древлянскія княжества были, повидимому, небольшія сельскія волости *), занимавшіяся земледѣліемъ и лѣсными промыслами; образовала ихъ, можетъ-быть, изъ прежнихъ промышленныхъ округовъ, потребность въ оборонѣ отъ внѣшнихъ опасностей, наступившихъ для Поднѣпровья въ IX в. Оборонительными и правительственными центрами этихъ волостей служили города, въ которыхъ обыватели «затворялись» въ случаѣ непріятельскаго нашествія. Изъ этихъ городовъ правили волостями старѣйшины, «лучшіе мужи, иже держаху деревскую землю», военная аристократія, которая выдѣлилась изъ разрушавшихся древнихъ родовыхъ союзовъ, и тѣ, кого былина величаетъ князьями деревской земли, были, повидимому, только вождями этой мелкой военной старшины.

Слѣды подобнаго политическаго быта замѣтны и у вятичей даже въ концѣ XI в. Эти мелкія волости были первыми политическими союзами, образовавшимися у восточныхъ славянъ въ эпоху разрушенія древнихъ племенныхъ и родовыхъ связей. Оба названныя племени оставались въ состояніи такого политическаго раздробленія до окончательнаго завоеванія ихъ кіевскими князьями. Другія племена рано вышли изъ него благодаря большимъ горо-

*) Срв. съ характеристикой общинноволостной формы землевладѣнія въ древней Руси въ книгѣ П. А. Соколовскаго *Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юговосточныхъ степей передъ крѣпостнымъ правомъ*. Спб. 1878.

дамъ. Новгородъ, Смоленскъ, Черниговъ, Кіевъ уже въ IX в. успѣли стянуть къ себѣ значительныя области и стать во главѣ ихъ. Но и въ этихъ большихъ городовыхъ областяхъ долго еще хранились остатки мелкихъ округовъ, подобныхъ древлянскимъ, которые нѣкогда были самостоятельными мірами и потомъ примкнули къ тому или другому большому городу. Въ половинѣ XII в. въ Смоленской области находимъ городъ Вержавскъ и рядомъ съ нимъ девять погостовъ, сельскихъ волостей, обозначавшихся общимъ названіемъ «Вержавлянъ Великихъ», а названіе *великихъ* носили въ древней Руси старшіе города, бывшіе самостоятельными главами своихъ областей, напримѣръ Ростовъ, Новгородъ. Точно такъ же Любечъ, вошедшій послѣ въ составъ черниговской области, въ IX и въ началѣ X вѣка является еще независимымъ отъ Чернигова, однимъ изъ главныхъ областныхъ городовъ, наравнѣ съ Кіевомъ, Смоленскомъ, Черниговомъ. Эти области старинныхъ большихъ городовъ и легли въ основаніе областного дѣленія, какое видимъ на Руси впослѣдствіи, въ XI и XII вв. Этнографическій составъ этихъ городовыхъ областей и показываетъ, что они созидались на развалинахъ древнихъ племенныхъ и родовыхъ союзовъ. *Повѣсть* о началѣ русской земли пересчитываетъ нѣсколько племенъ, на которыя распадалось восточное славянство до появленія князей въ Кіевѣ, и при этомъ довольно отчетливо указываетъ мѣстожительство каждаго племени. Но въ половинѣ IX в. эти племена были уже только этнографическими или географическими группами населенія, а не политическими союзами, хотя, быть-можетъ, и составляли нѣкогда такіе союзы.

Повѣсть смутно помнитъ, что когда-то у каждаго племени было «свое княженіе», но не запомнила ни одного племенного князя, который въ IX в. руководилъ бы цѣлымъ племенемъ. Областное дѣленіе русской земли при первыхъ кіевскихъ князьяхъ, въ основаніе котораго легли городовыя области болѣе ранняго происхожденія, далеко не совпадало съ племеннымъ, какъ его описываетъ *Повѣсть*. Не было ни одной области, которая состояла бы изъ одного цѣльнаго племени: большинство ихъ составилось изъ частей разныхъ племенъ; въ нѣкоторыхъ къ цѣльному племени примкнули части другихъ племенъ *). Племена, части которыхъ, политически разбившись, притянуты были чужеплеменными большими городами, были именно тѣ, которыя и до этого не имѣли политическаго единства, а послѣднее не завязалось среди нихъ потому, что у нихъ не было большихъ городовъ, которые могли бы торгомъ или оружіемъ стянуть къ себѣ разрозненныя части своихъ племенъ, прежде чѣмъ сдѣлали это большіе города чужихъ племенъ. Около половины IX в. на длинной рѣчной полосѣ Днѣпра-Волхова между Кіевомъ и Ладогой положеніе дѣлъ, можно думать, было таково: изъ восьми занимавшихъ эту полосу славянскихъ племенъ че-

---

*) *Полоцкая* составилась изъ вѣтви кривичей съ частью дреговичей, *Смоленская* изъ другой вѣтви кривичей съ частью радимичей и, кажется, съ нѣсколькими поселками дреговичей и вятичей, *Черниговская* изъ части сѣверянъ съ другой частью радимичей и съ большинствомъ вятичей, *Кіевская* состояла изъ полянъ, почти всѣхъ древлянъ и части дреговичей, *Новгородская* изъ племени ильменскихъ славянъ съ изборской вѣтвью кривичей. Одна *Переяславская* область имѣла одноплеменное славянское населеніе, состоявшее изъ южной половины сѣверянъ.

тыре (древляне, дреговичи, радимичи и вятичи), жившія нѣсколько въ сторонѣ отъ торговаго движенія по главнымъ рѣчнымъ путямъ и слабо имъ захваченныя, оставались разбитыми на мелкіе независимые одинъ отъ другого округа, кажется, промышленные по происхожденію, но по обстоятельствамъ IX в. устроившіеся въ военные союзы, средоточіями которыхъ были земледѣльческіе укрѣпленные пункты, городки, пашущіе свои нивы; у четырехъ другихъ племенъ (славянъ ильменскихъ, кривичей, сѣверянъ и полянъ), жившихъ на главныхъ рѣчныхъ путяхъ и принимавшихъ болѣе дѣятельное участіе въ шедшемъ здѣсь торговомъ движеніи, такіе округа уже соединялись подъ руководствомъ большихъ промышленныхъ и укрѣпленныхъ городовъ, образуя шесть или семь крупныхъ городовыхъ областей, которыя захватывали значительныя части этихъ племенъ или цѣлыя племена и даже начинали втягивать въ себя ближайшія поселенія четырехъ другихъ племенъ*). Процессъ образованія этихъ областей и расхищенія ими сосѣднихъ племенъ, не успѣвшихъ объединиться, начался до кіевскихъ князей, но завершился уже при нихъ и съ ихъ содѣйствіемъ.

Переходъ на военную ногу, вынужденный внѣшними обстоятельствами IX в., сдѣлалъ большіе города политическими центрами областей; такое политическое значеніе, въ свою очередь, создало въ

---

*) Это были области Новгородская, Полоцкая, Смоленская, Черниговская, Кіевская и Переяславская, вѣроятно уже существовавшая въ то время; къ нимъ можно причислить и область Любеча, если только она по своимъ размѣрамъ соотвѣтствовала важному торговому значенію этого города въ X в.

этихъ городахъ новый правительственный классъ. Мы не знаемъ, какъ хозары сбирали дань съ подвластныхъ имъ славянскихъ племенъ, какъ правили своими данниками, — посредствомъ ли своихъ или туземныхъ уполномоченныхъ. Во всякомъ случаѣ, вооруженіе города, оборона торговыхъ путей, расширеніе области и укрѣпленіе власти надъ нею, — все это создавало большому промышленному городу много новыхъ заботъ. Все это были дѣла правительственныя; но они были тѣсно связаны съ торговыми оборотами, и потому руководителями ихъ прежде всего стали люди, въ чьихъ рукахъ сосредоточивались эти обороты. Такъ въ одно время съ превращеніемъ большихъ городовъ въ политическіе центры промышленныхъ округовъ городской классъ, который держалъ въ рукахъ нити промышленности, пріобрѣлъ власть надъ городомъ и его областью. Одно внѣшнее обстоятельство помогло образоваться этому классу, усиливъ его пришлымъ элементомъ. Въ то время, какъ на южный конецъ торговаго пути Днѣпра-Волхова налегла опасность изъ степи отъ новыхъ кочевниковъ, заставивъ прибрежный торговый міръ запасаться ратными людьми, на сѣверномъ концѣ этого рѣчного пути появились или чаще прежняго стали появляться пришельцы другого рода. То были норманны *), начавшіе тогда тревожить берега Западной Европы и извѣстные тамъ подъ именемъ дановъ, а у насъ прозванные варягами. Они появлялись на Волховѣ больше для

*) Сжатую характеристику норманнскихъ движеній въ Европѣ см. въ живо и популярно написанной хроникѣ А. Ф. графа фонъ Шакка: *Исторія норманновъ въ Сициліи*. Переводъ съ нѣм. Н. М. Соколова. Спб. 1896.—*Ред.*

того, чтобы отсюда Днѣпромъ проникнуть въ богатыя южныя страны, преимущественно въ Византію, и тамъ поторговать, послужить императору, при случаѣ пограбить. Вооруженный купецъ-варягъ, идущій «въ греки», сталъ тогда обычнымъ явленіемъ на кіевскомъ Днѣпрѣ; купца привыкли видѣть въ вооруженномъ варягѣ, шедшемъ изъ Руси, и на балтійскомъ побережьи; когда русскому военному варягу приходилось скрывать свое ремесло подъ наиболѣе вѣроятной маской, онъ и по древнему кіевскому преданію и по скандинавской сагѣ (объ Олафѣ) прикидывался купцомъ. Съ тѣхъ поръ рѣчная дорога по Днѣпру-Волхову стала «путемъ изъ варягъ въ греки и изъ грекъ», какъ зоветъ ее древняя *Повѣсть* о началѣ русской земли. Но военно-торговыя нужды прибрежныхъ большихъ городовъ доставляли шедшимъ мимо ихъ варягамъ выгодныя занятія и на этомъ пути, заставляя значительную часть ихъ здѣсь осаживаться. Сходство занятій и интересовъ сближало пришельцевъ съ туземными руководителями промышленности по большимъ городамъ: тѣ и другіе были вооруженные торговцы; содѣйствіе первыхъ было полезно вторымъ для расширенія городовыхъ областей и укрѣпленія ихъ за своими городами; тѣ и другіе одинаково нуждались въ безопасныхъ торговыхъ путяхъ къ черноморскимъ и каспійскимъ рынкамъ. Присутствіе этихъ иноземцевъ на Руси становится замѣтно уже въ первой половинѣ IX в., въ одно время съ «варварскими свирѣпыми народами», начавшими грозить сношеніямъ Руси съ Византіей, и эти иноземцы являются на Руси не простыми прохожими, а исполнителями порученій туземной власти; люди, кото-

рые въ 839 г., по разсказу Бертинской лѣтописи, въ Константинополѣ объявили себя послами отъ народа Руси, пришедшими «ради дружбы», оказались потомъ шведами. Съ того времени варяги приливали на Русь въ такомъ изобиліи, что кіевское общество XI в., историческія воспоминанія котораго передаетъ *Повѣсть* о началѣ русской земли, наклонно было даже преувеличивать численность этихъ пришельцевъ. Въ XI в. ихъ представляли на Руси такимъ густымъ наноснымъ слоемъ въ составѣ славянскаго населенія, который уже въ IX в. распространился по главнымъ городамъ тогдашней Руси и въ нѣкоторыхъ даже закрылъ собою туземцевъ, «первыхъ насельниковъ»: по мнѣнію автора *Повѣсти*, новгородцы, прежде бывшіе славянами, вслѣдствіе прилива варяжскихъ «находниковъ», стали «людьми отъ рода варяжска», а Кіевъ, по одному преданію, будто бы и основанъ варягами, которые были его первыми насельниками.

Такъ правительственный классъ, взявшій въ свои руки военно-торговыя дѣла главныхъ областныхъ городовъ, составился изъ двухъ элементовъ: изъ вооруженныхъ промышленниковъ туземныхъ и заморскихъ. Этотъ классъ создалъ въ большихъ городахъ то военно-промышленное управленіе, которое много вѣковъ оставалось господствующимъ типомъ городового устройства на Руси. Все вооруженное населеніе города раздѣлилось на десять ротъ, или *сотенъ*, изъ которыхъ каждая подраздѣлялась на *десятки;* такимъ образомъ, весь городъ составлялъ полкъ, или *тысячу*. Этой тысячей командовалъ тысяцкій, какъ военный управитель города; ему подчинены были предводители частей тысячи — сотскіе, десятскіе. За-

мѣчательно, что только главные города старинныхъ областей образовали полныя тысячи; младшіе города, или пригороды не были такими цѣльными полками или тысячами, хотя дѣлились на сотни, подобно старшимъ. Такъ Псковъ долго былъ новгородскимъ пригородомъ и только съ XIV в. сталъ самостоятельнымъ главой особой волости; онъ также дѣлился на сотни, но во все время своей самостоятельной жизни не составлялъ тысячи и не имѣлъ тысяцкаго въ составѣ своей администраціи*). Изъ преданій IX в. не запало въ наши древніе памятники ни одного намека на то, какъ эти тысяцкіе, сотскіе и другія городовыя власти назначались на свои должности. Но впослѣдствіи на противоположныхъ окраинахъ русской земли, сѣверной и южной, встрѣчаемъ двѣ правительственныя формы, которыя при всѣхъ своихъ мѣстныхъ особенностяхъ были родственны по происхожденію, обѣ отлились по типу древняго городового устройства: одна была въ Новгородѣ, другая — въ казачествѣ. Тамъ и здѣсь управленіе было выборное. Но казачество было чисто военнымъ товариществомъ, и потому казацкій

---

*) Съ пріобрѣтеніемъ самостоятельности Псковъ сталъ выбирать двухъ посадниковъ вмѣсто одного, какъ было въ Новгородѣ; но должность тысяцкаго не была учреждена, потому что Псковъ, какъ бывшій пригородъ, не имѣлъ тысячнаго устройства. Впрочемъ, гдѣ правительственный порядокъ установился князьями, а не самимъ городскимъ обществомъ, тамъ и пригороды, становясь стольными великокняжескими городами, устроились въ тысячи: такъ, встрѣчаемъ тысяцкихъ въ двухъ бывшихъ ростовскихъ пригородахъ — во Владимирѣ на Клязьмѣ въ XIII в. и въ Москвѣ въ XIV в. Тысяцкаго имѣлъ и Новгородъ Нижній, когда сталъ великокняжескимъ городомъ. Сторожевое укрѣпленіе въ кіевской землѣ, Бѣлгородъ, возникшее при Владимирѣ изъ княжескаго дворцоваго села, при Мономахѣ также было *тысячей*.

кругъ отличался демократическими привычками: при избраніи войсковой старшины тамъ всѣ выбирали и каждый могъ быть выбранъ. На вѣчевой сходкѣ въ Новгородѣ также выбирали всѣ, но далеко не изъ всѣхъ, а только изъ одного довольно тѣснаго круга лицъ. Это различіе происходило оттого, что военное устройство Новгорода осложнялось дѣйствіемъ торговаго капитала. Собравшійся на вѣчѣ городъ представлялъ собою верховную власть въ правительственныхъ дѣлахъ; но внѣ вѣча промышленными дѣлами сограждан руководили крупные капиталисты. Изъ ихъ круга державный городъ обыкновенно и выбиралъ свою правительственную старшину, что сообщало новгородскому управленію аристократическій характеръ.

Правительственный порядокъ въ большихъ русскихъ городахъ IX в., всего вѣроятнѣе, былъ ближе къ позднѣйшему новгородскому, который изъ него прямо и развился. Едва ли тысяцкіе и другія власти этихъ городовъ назначались гдѣ-либо хозарскимъ правительствомъ: съ того времени какъ печенѣги, проникнувъ въ область нижняго Днѣпра, поколебали хозарское владычество въ южной Руси, хозары не могли дѣятельно вмѣшиваться въ управленіе подвластныхъ имъ славянъ, хотя и продолжали нѣкоторое время брать съ нихъ дань.

Такъ до половины IX в. русскій городъ пережилъ рядъ экономическихъ и политическихъ переворотовъ. Возникнувъ среди разрушавшихся старыхъ племенныхъ и родовыхъ союзовъ, изъ погоста, изъ незначительнаго, но счастливо помѣщеннаго сельскаго рынка, онъ превращался въ средоточіе нѣсколькихъ такихъ рынковъ, становился сборнымъ

пунктомъ обширнаго промышленнаго округа. Успѣхи торговли создавали въ немъ кругъ торговыхъ домовъ, которые ворочали оборотами округа, служа посредниками между туземными производителями и иноземными рынками, а внѣшнія опасности заставили его потомъ вооружиться и укрѣпиться. Тогда его торговый округъ превратился въ подвластную ему область, а изъ его главныхъ торговыхъ домовъ, подкрѣпленныхъ вождями заморскихъ варяжскихъ компаній, составилась военно-торговая аристократія, которая взяла въ свои руки управленіе городомъ и его областью. Эту торговую аристократію городовъ начальный лѣтописный сводъ въ разсказѣ о временахъ князя Владимира и называетъ «нарочитыми мужами», а выходившихъ изъ нея десятскихъ, сотскихъ и другихъ городскихъ управителей — «старцами градскими» или «старѣйшинами по всѣмъ градомъ». Таково было значеніе и происхожденіе городскихъ старцевъ: это образовавшаяся изъ купечества военно-правительственная старшина торговаго города, который внѣшнія обстоятельства въ IX в. заставили вооружиться и устроиться по-военному.

Но въ концѣ X в., во времена князя Владимира, политическое положеніе городовой старшины было уже не то, какъ въ первой половинѣ IX в. До кіевскихъ князей классъ, черезъ эту старшину правившій городомъ и его областью, былъ здѣсь единственной правительственной силой. Въ X в. онъ уже долженъ былъ дѣлиться выгодами власти съ соперникомъ, созданію котораго самъ болѣе всего содѣйствовалъ. Это былъ князь съ своей дружиной, выдѣлившіеся изъ той же военно-торговой аристо-

кратіи большихъ городовъ. Ходъ этого выдѣленія можно представить въ такихъ общихъ чертахъ. Оно было тѣсно связано съ образованіемъ кіевскаго княжества. Волостной городъ по его первоначальному устройству можно назвать вольной общиной, республикой, похожей на Новгородъ и Псковъ позднѣйшаго времени. Имъ управляла мѣстная промышленно-военная знать, у которой примѣсь заморскаго элемента не отнимала характера туземной аристократіи. Но тамъ, куда усиленно приливали вооруженныя компаніи изъ-за моря, пришлый элементъ въ составѣ правительственнаго класса получалъ перевѣсъ, а гдѣ притомъ и внѣшняя опасность чувствовалась сильнѣе, тамъ военные интересы брали верхъ надъ интересами мирнаго промысла. Тогда городъ съ своей областью получалъ характеръ варяжскаго владѣнія, военнаго княжества: изъ центральнаго рынка округа онъ превращался въ постоянный укрѣпленный лагерь, изъ котораго рѣже выходили купеческіе караваны, чѣмъ вооруженныя толпы для набѣговъ; вождь города изъ выборнаго тысяцкаго или добраго князя-пастыря, какъ называли древляне своихъ князей, превращался въ военнаго властителя, варяжскаго конунга, а кормъ, который получалъ онъ съ своей дружиной за военныя услуги съ оберегаемой области, замѣнялся данью или окупомъ, какого потребовали въ 980 г. у Владимира посадившіе его въ Кіевѣ варяги, сказавъ князю: «Вѣдь городъ-то нашъ, мы его *) взяли». Въ IX в.

---

*) Рѣша варязи Володимеру: «се градъ нашь, мы пріяхомъ и, да хочемъ имати окупъ на нихъ, по 2 гривнѣ отъ человѣка». И рече имъ Володимеръ: «пождѣте, даже вы куны сберуть за мѣсяць». И ждаша за мѣсяць, и не дасть имъ, и рѣша варязи:

встрѣчаемъ четыре такихъ варяжскихъ княжества: Рюриково въ Новгородѣ, Труворово въ Изборскѣ, Синеусово въ Бѣлозерской землѣ, Аскольдово въ Кіевѣ; въ X в. являются еще два: Рогволодово въ Полоцкѣ и Турово въ Туровѣ. Въ *Повѣсти* о началѣ русской земли такимъ же точно фактомъ открывается разсказъ о призваніи князей изъ-за моря. Здѣсь читаемъ, что еще до прихода Рюрика съ братьями варяги изъ заморья брали дань на славянахъ новгородскихъ, чуди и на другихъ сѣверныхъ племенахъ, которыя потомъ выгнали пришлыхъ властителей и перестали платить имъ дань. Преданіе не помнило, когда и какъ основалось это варяжское владѣніе, кто былъ вождемъ варяговъ, долго ли продолжалось ихъ владычество; но оно помнило послѣдствія вторженія, дань, возстаніе данниковъ и изгнаніе пришельцевъ. Стороннимъ наблюдателямъ эти варяжскія владѣнія на Руси казались дѣломъ настоящаго завоеванія: одинъ изъ нихъ писалъ, что «племена сѣвера», т. е. Норманны, завладѣли нѣкоторыми изъ славянъ и по сіе время обитаютъ между ними, даже усвоили себѣ ихъ языкъ, смѣшавшись съ ними.

При содѣйствіи этихъ военныхъ варяжскихъ княжествъ оборонительная борьба, какую вели промышленные русскіе города съ степью, перешла въ наступательную: по замѣчанію одной лѣтописи, Рюрикъ съ братьями, какъ только усѣлись на своихъ княженіяхъ, «начаша воевати всюду». Рядъ воинственныхъ морскихъ набѣговъ Руси на далекіе черноморскіе и каспійскіе берега, начавшійся еще въ

сольстилъ еси нами, да покажи ны путь въ греки». Онъ же рече имъ: «идѣте».

первой половинѣ IX в., закрылъ собою мирныя торговыя сношенія русскихъ городовъ прежняго времени; но онъ имѣлъ тѣсную связь съ этими сношеніями; то были вооруженныя рекогносцировки русскаго купечества съ цѣлью прочистить засорившіеся пути русской торговли и открыть доступъ къ приморскимъ рынкамъ. Исходнымъ пунктомъ этихъ смѣлыхъ предпріятій, сборнымъ мѣстомъ русскихъ витязей (викинговъ) былъ Кіевъ; у этого города, находившагося, по выраженію араба X в. Ибнъ-Даста, на самой границѣ страны славянъ, сходились главныя рѣчныя дороги Руси; все движеніе русской промышленности прекращалось, какъ скоро перехватывалась врагами ея водная днѣпровская артерія ниже Кіева. Поэтому въ Кіевѣ издавна скоплялось много варяговъ; не даромъ одно попавшее въ лѣтопись преданіе считаетъ ихъ первыми обитателями Кіева, а по словамъ *Повѣсти* о началѣ русской земли Аскольдъ могъ набрать здѣсь столько варяговъ, что отважился напасть на самый Царьградъ. Поэтому же военно-торговая аристократія другихъ промышленныхъ городовъ готова была поддерживать и издавна поддерживала всякаго вождя, направлявшагося къ Кіеву, чтобы отсюда возстановить старые пути русской торговли. Аскольдъ съ Диромъ, отдѣлившіеся отъ дружины новгородскаго конунга Рюрика, безъ борьбы утвердились въ Кіевѣ, не встрѣтивъ препятствій на своемъ пути; шедшаго по ихъ слѣдамъ преемника Рюрикова Олега днѣпровскіе города Смоленскъ, Любечъ и тотъ же Кіевъ также встрѣтили безъ замѣтной борьбы .Конунгъ, сидѣвшій въ Кіевѣ, держалъ въ своихъ рукахъ нити русской промышленности. От-

сюда соперничество между конунгами за этотъ городъ.

Бродячіе искатели торговыхъ барышей, хорошихъ кормовъ за военныя услуги или военной добычи, они перебивали другъ у друга ратныхъ людей, доходные города, выгодные торговые пути. Понятія и привычки, питавшія безконечную усобицу русскихъ князей XI и XII вв. за города, за волости, родились еще въ IX в. Кіевъ по своему значенію для русской промышленности болѣе другихъ городовъ вызывалъ это соперничество. Олегъ новгородскій за него погубилъ Аскольда и Дира кіевскихъ; потомъ другой новгородскій конунгъ, Владимиръ, истребивъ конунга полоцкаго Рогволода съ сыновьями, погубилъ другого конунга кіевскаго Ярополка, собственнаго брата. Изъ этой кровавой усобицы вышла первая русская династія: сперва восторжествовалъ родъ Рюрика, истребивъ или подчинивъ себѣ своихъ соперниковъ, другихъ такихъ же конунговъ; потомъ въ родѣ Рюрика восторжествовало племя младшаго его правнука Владимира. Эта династія, утвердившись въ Кіевѣ и пользуясь экономическимъ его значеніемъ, постепенно стянула въ свои руки разрозненныя дотолѣ части русской земли. Такъ первый опытъ политическаго объединенія русской земли былъ дѣломъ того же интереса, которымъ прежде созданы были независимыя одна отъ другой городовыя области, *дѣломъ внѣшней русской торговли.*

Можетъ показаться страннымъ такое **торговое происхожденіе русскаго государства.** Въ другихъ европейскихъ странахъ государства создавались либо естественнымъ сближеніемъ прежде разрознен-

ныхъ частей одного племени, либо насильственнымъ соединеніемъ разноплеменныхъ элементовъ посредствомъ завоеванія. Тотъ и другой процессъ былъ испытанъ и при образованіи двухъ первыхъ политическихъ формъ, возникшихъ на Руси: въ исторіи той и другой уцѣлѣли слѣды и насильственнаго и добровольнаго соединенія славянскихъ и финскихъ племенъ подъ одною властью. Однако ни ту, ни другую форму нельзя назвать русскимъ государствомъ. Если русское государство прежде всего есть государство русскаго народа, то этого народа въ тѣ вѣка еще не было, а были только элементы, славянскіе и не славянскіе, изъ которыхъ онъ потомъ сложился медленнымъ и труднымъ процессомъ. Необходимо отличать *процессъ* созданія извѣстной политической формы отъ *интереса,* который ее создаетъ. Русское государство, образовавшееся позднѣе, было дѣломъ національнаго интереса; но и въ его созданіи участвовали какъ завоеваніе, такъ и мирное соглашеніе. Государство первыхъ кіевскихъ князей не было дѣломъ такого интереса, какъ не были его дѣломъ и городовыя области, изъ которыхъ это государство составилось. Оно потому и разложилось уже въ XI в. на свои составные элементы, городовыя волости, что интересъ, его создавшій, не былъ достаточно силенъ, чтобы поддержать и укрѣпить его надолго. Это былъ временный интересъ: благодаря довольно случайному сочетанію условій, подъ дѣйствіе которыхъ попали восточные славяне на новыхъ мѣстахъ жительства, въ ихъ хозяйствѣ внѣшняя торговля сдѣлалась господствующей силой, и потому во главѣ общества стали элементы населенія, ею руководившіе, наиболѣе за-

интересованные въ ея безопасности и успѣхахъ. Кіевское княжество, какъ и городовыя волости, ему предшествовавшія, имѣло не національное, а соціальное происхожденіе, создано было не какимъ-либо *племенемъ*, а *классомъ*, выдѣлившимся изъ разныхъ племенъ. Руководившая городовыми областями военно-торговая аристократія поддержала самаго сильнаго изъ конунговъ, помогла ему укрѣпиться въ Кіевѣ, а потомъ военными походами и торговыми договорами съ Византіей возстановить и обезпечить торговыя сношенія съ приморскими рынками. Это общее дѣло разрозненныхъ дотолѣ волостныхъ торговыхъ городовъ было завершеніемъ давнихъ усилій русскаго промышленнаго міра, которому съ начала IX в. враги начали загораживать торговые пути къ Черноморью и Каспію. Та же аристократія помогла кіевскимъ князьямъ распространить свою власть изъ Кіева. Этимъ содѣйствіемъ объясняется неодинаковый успѣхъ князей въ подчиненіи разныхъ племенъ. Гдѣ этотъ классъ былъ сосредоточенъ въ большихъ торговыхъ центрахъ, какъ у сѣверянъ черниговскихъ или переяславскихъ, тамъ вся область безъ борьбы или послѣ легкой борьбы подчинялась кіевскому князю, увлекаемая своей старшиной, тянувшей къ нему по единству интересовъ и частію даже по племенному родству. Напротивъ, древлянъ или вятичей, у которыхъ при отсутствіи центральнаго властнаго города, этотъ классъ былъ разбитъ на мелкія мѣстныя общества, кіевскимъ князьямъ пришлось завоевывать по частямъ, долгой и упорной борьбой. Значитъ, военно-торговая аристократія большихъ городовъ была самою дѣятельною силой въ созданіи политическаго

единства Руси, которое тѣмъ и началось, что этотъ классъ сталъ собираться подъ знаменами вышедшаго изъ его среды кіевскаго князя. Но это политическое объединеніе класса было началомъ его соціальнаго раздѣленія. Его прошлое сообщило ему двойственный характеръ: руководя торговыми оборотами городовыхъ областей, онъ былъ для нихъ и военно-правительственной силой. Теперь его боевые элементы начали переходить въ дружину кіевскаго князя, образуя новый правительственный классъ *княжихъ мужей,* получившій уже не мѣстное, а общерусское значеніе. Другіе болѣе мирные люди того же класса оставались на своихъ мѣстахъ, продолжая руководить городскими обществами.

2.

ЮЖНАЯ РУСЬ XI—XII ВѢКОВЪ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ПОЛИТИЧЕСКІЙ И СОЦІАЛЬНЫЙ СТРОЙ КІЕВСКОЙ РУСИ.

IX. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ДРЕВНЕРУССКАГО ГОРОДА И КНЯЗЯ ВЪ СВЯЗИ СЪ ЗАГРАНИЧНОЙ ТОРГОВЛЕЙ.

Обширная равнина, на которой образовалось русское государство, въ началѣ нашей исторіи не является на всемъ своемъ протяженіи заселенной однимъ народомъ, который доселѣ дѣлаетъ ея исторію. Русская исторія открывается тѣмъ фактомъ, что населеніе, которое потомъ разрослось въ русскій народъ, вступаетъ на русскую равнину изъ одного ея угла, юго-западнаго, со склоновъ Карпатъ. Во все продолженіе русской исторіи этого населенія было далеко недостаточно, чтобы занять всю равнину; притомъ же распространялось оно по равнинѣ не постепенно путемъ нарожденія, не разселяясь, а переселяясь *). При каждомъ такомъ переселеніи оно становилось подъ дѣйствіе новыхъ условій, вытекавшихъ какъ изъ физическихъ особенностей занятой страны, такъ и новыхъ внѣшнихъ отношеній, которыя завязывались на новыхъ

*) Срв. выше на стр. 261.

мѣстахъ. Эти новыя условія и создавали новыя сочетанія общественныхъ элементовъ, сообщая народной жизни особый складъ и характеръ. Такимъ образомъ переселеніе, *колонизація* *) страны была основнымъ фактомъ русской исторіи, съ которымъ въ близкой или отдаленной связи стоятъ всѣ другіе ея факты.

Но этотъ основной фактъ самъ выходитъ изъ совокупнаго дѣйствія двухъ причинъ: 1) изъ несоразмѣрности населенія съ пространствомъ страны и 2) изъ внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ, заставлявшихъ населеніе переноситься изъ края въ край и бывшихъ въ значительной степени дѣломъ той же природы страны. Этимъ сочетаніемъ указанныхъ элементовъ можетъ опредѣляться и самое дѣленіе русской исторіи на періоды: 1) днѣпровскій; 2) верхневолжскій; 3) великорусскій и 4) всероссійскій.

Съ VIII вѣка и приблизительно до конца XII в. масса славяно-русскаго населенія сосредоточивалась на среднемъ и верхнемъ Днѣпрѣ съ его притоками и историческимъ его воднымъ продолженіемъ, областью Ловати-Волхова. Во все это время Русь политически раздроблена на отдѣльныя самостоятельныя волости, въ каждой изъ которыхъ центромъ является большой торговый городъ, первый устроитель и руководитель политическаго быта, потомъ встрѣтившій соперника въ пришломъ князѣ. Господствующимъ фактомъ экономической жизни является внѣшняя торговля съ вызванными и поддерживаемы-

---

*) Новѣйшее научно-популярное изложеніе вопроса о русской колонизаціи см. въ книгѣ профессора П. Н. Милюкова *Очерки по исторіи русской культуры*. Спб. 1896 (первый очеркъ первой части).

ми ею лѣсными промыслами, звѣроловствомъ и лѣснымъ пчеловодствомъ (бортничествомъ). Это — Русь *днѣпровская, городовая, торговая.*

Мы уже видѣли *), что разселеніе славянъ по восточно-европейской равнинѣ, согласно взгляду г. Ключевскаго, сопровождалось рядомъ послѣдствій юридическихъ и экономическихъ. Не колебля народныхъ вѣрованій и преданій, связанныхъ съ первобытнымъ родовымъ союзомъ, разселеніе должно было въ то же время разрушать юридическую связь рода, замѣняя родство сосѣдствомъ; къ VIII вѣку, какъ результатъ того же разселенія по Днѣпру съ притоками, относятся два факта: 1) развитіе внѣшней восточной торговли славянъ и вызванныхъ ею лѣсныхъ промысловъ и 2) возникновеніе древнѣйшихъ городовъ на Руси изъ главныхъ складочныхъ пунктовъ этой торговли. Большіе вооруженные города явились какъ разъ среди тѣхъ племенъ, которыя принимали наиболѣе дѣятельное участіе во внѣшней торговлѣ. Города же подчиняли себѣ соплеменныя имъ окрестныя населенія, для которыхъ они прежде служили торговыми средоточіями, и образовали изъ нихъ политическіе союзы, области, въ составъ которыхъ втянули частью еще до появленія князей кіевскихъ, а частью при нихъ и сосѣднія поселенія чужихъ племенъ.

Образованіе этой политической формы на Руси сопровождалось въ иныхъ мѣстахъ созданіемъ другой, вторичной формы — *варяжскаго княжества*. Въ тѣхъ промышленныхъ пунктахъ, куда съ особенной силой приливали вооруженные пришельцы, изъ-за

*) См, выше стр. 290 и слѣд,

моря, они легко теряли значеніе торговыхъ товарищей или наемныхъ охранителей торговыхъ путей и превращались во властителей. Изъ соединенія варяжскихъ княжествъ и сохранившихъ самостоятельность городовыхъ областей вышла третья политическая форма, завязавшаяся на Руси: то было *княжество кіевское.*

Общій интересъ, создавшій кіевское княжество,— *внѣшняя торговля,*— направили его дальнѣйшее развитіе, руководили какъ внутренней, такъ и внѣшней дѣятельностью первыхъ кіевскихъ князей. Читая начальный лѣтописный сводъ, мы встрѣчаемъ рядъ полуисторическихъ, полусказочныхъ преданій о князьяхъ кіевскихъ Олегѣ, Игорѣ, Святославѣ, Владимирѣ. Всматриваясь въ эти преданія, можно уловить однако основныя побужденія, которыя направляли дѣятельность этихъ князей. Утвердившись въ Кіевѣ, князья начали устанавливать въ подвластной странѣ государственный порядокъ, прежде всего, разумѣется, администрацію налоговъ. Въ подчиненныхъ областяхъ они сажали своихъ намѣстниковъ, «посадниковъ», которыми были либо ихъ дружинники, либо собственные сыновья. Эти намѣстники имѣли свои дружины, вооруженные отряды, дѣйствовали довольно независимо, стояли въ слабой связи съ государственнымъ центромъ, съ Кіевомъ, были такіе же конунги, какъ и князь кіевскій, который считался только старшимъ между ними и въ этомъ смыслѣ назывался «великимъ княземъ»; въ договорѣ Олега съ греками они прямо такъ и зовутся «свѣтлыми князьями подъ рукою Олега сущими». Нѣкоторые изъ этихъ намѣстниковъ, покоривъ то или другое племя, получали его

отъ князя въ управленіе съ правомъ собирать съ него дань въ свою пользу: знаменитый Игоревъ воевода Свѣнельдъ, побѣдивъ славянское племя уличей, обитавшее по нижнему Днѣпру, получалъ въ свою пользу дань не только съ этого племени, но и съ древлянъ, такъ что его дружина, «отроки», жила богаче дружины самого Игоря. Главной цѣлью этой администраціи былъ сборъ налоговъ. Олегъ, какъ только утвердился въ Кіевѣ, сталъ хлопотать объ установленіи даней съ подвластныхъ племенъ.

Ольга объѣзжала подвластныя земли и также устанавливала уставы и оброки, дани и погосты, т. е. сельскіе судебно-податные округа. Дань получалась двумя способами: или подвластныя племена привозили ее въ Кіевъ, или князья сами ѣздили за нею по племенамъ. Первый способъ сбора дани назывался *повозомъ*, второй — *полюдьемъ*. Полюдье — это административно-финансовая поѣздка князя по подвластнымъ племенамъ. Дань обыкновенно собиралась натурою, преимущественно мѣхами. Впрочемъ, есть извѣстіе, что радимичи въ IX вѣкѣ платили дань хозарамъ «щьлягами», т. е. монетой; подъ этимъ нѣмецкимъ названіемъ можно всего вѣроятнѣе разумѣть серебряныя арабскія диргемы, которыя путемъ торговли во множествѣ попадали тогда на Русь. Императоръ византійскій Константинъ Багрянородный, писавшій въ половинѣ X вѣка, въ своемъ сочиненіи «Объ управленіи имперіей» рисуетъ намъ картину княжескаго полюдья. Въ началѣ ноября, когда, слѣдовательно, устанавливался зимній путь, князь со всею Русью, т. е. съ дружиной, выходилъ изъ Кіева εἰς τὰ πολίδια, «въ городки», какъ казалось Багрянородному, а въ самомъ

дѣлѣ «на полюдье», о которомъ ему говорили его славяно-русскіе разсказчики. Князь отправлялся для сбора даней къ сѣверянамъ, древлянамъ, кривичамъ и другимъ славянскимъ племенамъ, платившимъ дань Руси, и въ этомъ объѣздѣ проводилъ всю зиму. Это — трудное путешествіе, добавляетъ императоръ. И наша *Повѣсть*, подтверждая это замѣчаніе, разсказываетъ, какъ Игорь былъ даже убитъ древлянами во время одного изъ такихъ полюдій. Между тѣмъ какъ князь съ дружиною блуждалъ по подвластнымъ землямъ, племена, платившія дань Руси, въ продолженіе зимы рубили деревья, дѣлали изъ нихъ лодки и весною въ апрѣлѣ спускали ихъ по рѣкамъ и озерамъ къ Кіеву, вытаскивали ихъ здѣсь на берегъ и дожидались возвращенія Руси. Въ томъ же апрѣлѣ по полой водѣ съ данью, собранною зимою, Русь возвращалась въ Кіевъ, покупала эти лодки, оснащивала, грузила ихъ и сплавляла къ Константинополю, прихвативъ съ собой торговыя лодки русскихъ купцовъ изъ Смоленска, Новгорода и другихъ городовъ. Читая этотъ разсказъ, легко понять, какими товарами нагружала Русь свои торговые караваны лодокъ, сплавлявшихся лѣтомъ къ Царьграду: это была дань натурой, собранная княземъ и его дружиною во время зимняго объѣзда. Къ торговому каравану княжескому и боярскому примыкали лодки и простыхъ русскихъ купцовъ, чтобы подъ защитой княжеской дружины дойти до Царьграда. Въ договорѣ Игоря съ греками читаемъ, между прочимъ, что великій князь русскій и его бояре ежегодно могутъ посылать къ великимъ царямъ греческимъ столько кораблей, сколько захотятъ, съ послами и гостями, т. е. съ своими соб-

ственными приказчиками и съ вольными русскими купцами.

Этотъ разсказъ византійскаго императора наглядно указываетъ намъ на тѣсную связь между ежегоднымъ оборотомъ политической и экономической жизни Руси. Дань, которую собиралъ кіевскій князь, какъ властитель, служила ему въ то же время средствомъ и для торговыхъ оборотовъ; ставъ государемъ, онъ, какъ варягъ, не переставалъ еще быть вооруженнымъ купцомъ. Данью онъ дѣлился со своею дружиной, которая составляла его правительственное орудіе. Этотъ классъ дѣйствовалъ, какъ главный рычагъ въ томъ и другомъ оборотѣ, политическомъ и экономическомъ; зимой онъ правилъ, ходилъ по людямъ, а лѣтомъ торговалъ тѣмъ, что собралъ въ продолженіе зимы. Въ томъ же разсказѣ Константина живо обрисовывается и централизующее значеніе Кіева, какъ средоточія политической и хозяйственной жизни Руси. Такъ устроялась внутренняя политическая жизнь въ кіевскомъ княжествѣ IX и X вв.

Легко замѣтить основной интересъ, руководившій этой жизнью. Дань, шедшая князю, питала внѣшнюю торговлю Руси. Этотъ же основной общественный интересъ направлялъ и внѣшнюю дѣятельность кіевскихъ князей. Дѣятельность эта была направлена къ двумъ цѣлямъ: 1) къ пріобрѣтенію и поддержанію заморскихъ рынковъ; 2) къ расчисткѣ и охранѣ торговыхъ путей, которые вели къ этимъ рынкамъ. Самымъ виднымъ явленіемъ во внѣшней исторіи Руси до половины XI в. были военные походы кіевскихъ князей на Царьградъ. До смерти Ярослава ихъ можно насчитать шесть, если не считать похода

Владимира на византійскую колонію Херсонесъ Таврическій. Достаточно видѣть причину перваго и послѣдняго изъ этихъ походовъ, чтобы замѣтить одно общее побужденіе, которымъ были вызваны всѣ они. Въ 866 году Аскольдъ и Диръ напали на Царьградъ, раздраженные, по словамъ патріарха Фотія, умерщвленіемъ своихъ соплеменниковъ, очевидно русскихъ купцовъ, послѣ того какъ византійское правительство отказало Руси въ удовлетвореніи за эту обиду. Въ 1043 году князь кіевскій Ярославъ послалъ на грековъ сына съ флотомъ, потому что въ Константинополѣ избили русскихъ купцовъ и одного изъ нихъ убили. Итакъ, всѣ эти походы вызваны были стремленіемъ поддержать или возстановить прервавшіяся торговыя сношенія Руси съ Византіей. Вотъ почему эти походы обыкновенно оканчивались торговыми трактатами. Характеръ такихъ трактатовъ имѣютъ всѣ дошедшіе до насъ договоры Руси съ греками X в. Изъ нихъ дошли до насъ два договора Олега, одинъ Игоревъ и одинъ договоръ, или только отрывокъ, договора Святославова. Читая эти договоры, легко замѣтить, какой интересъ связывалъ Русь съ Византіей. Всего подробнѣе и точнѣе опредѣленъ въ нихъ порядокъ ежегодныхъ торговыхъ сношеній Руси съ Византіей: съ этой стороны они отличаются замѣчательной выработкой международнаго права. Ежегодно торговцы Руси являлись въ Константинополь лѣтомъ на торговый сезонъ, продолжавшійся шесть мѣсяцевъ: никто не имѣлъ права оставаться въ Константинополѣ на зиму. Русскіе купцы останавливались въ предмѣстьѣ Константинополя у святого Мамы (давно исчезнувшій мона-

стырь св. Мамонта). Императорскіе чиновники отбирали у прибывшихъ купцовъ княжескую грамоту съ обозначеніемъ числа посланныхъ изъ Кіева кораблей, переписывали имена прибывшихъ княжескихъ пословъ и гостей. Эти послы и гости во время всего своего пребыванія въ Константинополѣ пользовались отъ мѣстнаго правительства даровой баней и даровымъ кормомъ — знакъ, что на эти торговые караваны въ Константинополѣ смотрѣли не какъ на частныя промышленныя предпріятія, а какъ на торговыя посольства кіевскаго правительства. Послы получали свои посольскіе оклады, а простые купцы «мѣсячину», мѣсячный кормъ, который имъ раздавался въ извѣстномъ порядкѣ городовъ, сначала кіевскимъ, потомъ черниговскимъ, переяславскимъ, смоленскимъ. Такой порядокъ торговыхъ сношеній Руси съ Византіей установленъ былъ договорами Олега и Игоря.

Другой заботой кіевскихъ князей была поддержка и охраненіе торговыхъ путей, которые вели къ заморскимъ рынкамъ. Тотъ же императоръ Константинъ ярко рисуетъ опасности, которыя долженъ былъ одолѣвать русскій торговый флотъ на своемъ пути въ Византію. Собранные на Днѣпрѣ подъ Кіевомъ караваны княжескихъ, боярскихъ и купеческихъ лодокъ двигались вмѣстѣ къ порогамъ. Приближаясь къ нимъ, Русь высаживала на берегъ и выдвигала въ степь вооруженные отряды, которые не допускали бы печенѣговъ до рѣки: съ высокаго днѣпровскаго берега легко было перестрѣлять весь экипажъ торговыхъ лодокъ. Выплывши благополучно въ устья Днѣпра, Русь приносила благодарственную жертву своимъ богамъ и, дер-

жась берега, двигалась моремъ. Приближаясь къ устьямъ Дуная, караванъ опять высылалъ на берегъ сторожевой отрядъ, чтобы отбить поджидавшихъ здѣсь печенѣговъ. Тѣмъ же порядкомъ отъ устьевъ Дуная караванъ вдоль береговъ двигался къ Константинополю. Читая подробное описаніе этихъ русскихъ путешествій у императора, живо чувствуешь, для чего нужна была русской торговлѣ вооруженная охрана при движеніи русскихъ купцовъ къ Константинополю.

Но засаривая степныя дороги русской торговли, кочевники безпокоили и самыя границы русской земли. Отсюда третья забота русскихъ князей—ограждать и оборонять предѣлы Руси отъ степныхъ варваровъ; эта забота съ теченіемъ времени становится даже господствующей въ политикѣ кіевскихъ князей, благодаря все усиливавшемуся напору степныхъ кочевниковъ. Олегъ, по разсказу *Повѣсти* о началѣ русской земли, какъ только утвердился въ Кіевѣ, началъ города ставить вокругъ него. Владиміръ, ставъ христіаниномъ, сказалъ: «се не добро, еже мало городовъ около Кіева», и началъ строить города по рѣкамъ Деснѣ, Трубежу, Стугнѣ, Сулѣ и другимъ. Эти укрѣпленные пункты заселялись боевыми людьми, которые вербовались изъ разныхъ племенъ, славянскихъ и финскихъ, населявшихъ русскую равнину. Съ теченіемъ времени эти укрѣпленныя мѣста соединялись между собою валами и засѣками. Такъ по южнымъ и юго-восточнымъ границамъ тогдашней Руси, на правой и лѣвой сторонѣ Днѣпра, выведены были въ X и XI вв. ряды земляныхъ окоповъ и сторожевыхъ «заставъ», городковъ, чтобы сдерживать нападенія кочевниковъ.

Все княженіе Владимира прошло въ упорной борьбѣ съ печенѣгами, которые раскинулись по обѣимъ сторонамъ нижняго Днѣпра восемью ордами, дѣлившимися каждая на пять колѣнъ. Около половины X вѣка, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, передовыя кибитки печенѣговъ начинались на разстояніи лишь одного дня пути отъ Кіева, т. е. верстахъ въ 40 отъ него. Въ началѣ XI вѣка мы встрѣчаемъ указаніе на успѣхъ борьбы Руси со степью. Въ 1006—7 году чрезъ Кіевъ проѣзжалъ нѣмецкій миссіонеръ Брунонъ, направляясь къ печенѣгамъ для проповѣди евангелія. Онъ остановился погостить у князя Владимира, котораго въ письмѣ къ императору Генриху II называетъ сеньоромъ руссовъ. Князь Владимиръ уговариваетъ миссіонера не ѣздить къ печенѣгамъ, говоря, что у нихъ онъ не найдетъ душъ для спасенія, а скорѣе самъ погибнетъ позорною смертью. Князь не могъ уговорить Брунона и вызвался проводить его до границъ своей земли, которыя онъ со всѣхъ сторонъ оградилъ крѣпкимъ частоколомъ на весьма большомъ протяженіи, по причинѣ скитающихся около нихъ непріятелей. Въ одномъ мѣстѣ князь Владимиръ провелъ нѣмцевъ воротами чрезъ эту линію укрѣпленій и, остановившись на сторожевомъ степномъ холмѣ, послалъ сказать имъ: «вотъ я довелъ васъ до мѣста, гдѣ кончается моя земля и начинается непріятельская». Весь этотъ путь отъ Кіева до границы пройденъ былъ въ два дня. Мы замѣтили выше, что въ половинѣ X вѣка печенѣжскія кибитки появлялись въ разстояніи одного дня пути отъ Кіева. Значитъ, въ продолженіе полувѣковой упорной борьбы Русь успѣла пробиться въ степь

на одинъ день пути, т. е. отвоевать еще верстъ 40, а великій князь Ярославъ ставилъ города еще южнѣе по рѣкѣ Роси.

Такъ первые кіевскіе князья продолжали начавшуюся еще до нихъ дѣятельность вооруженныхъ и торговыхъ городовъ Руси, поддерживая сношенія съ приморскими рынками, охраняя торговые пути и границы Руси отъ степныхъ ея сосѣдей.

X. КІЕВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОБЩИНА И ЕЯ ВѢЧЕ.

(М. С. Грушевскій. «Очеркъ исторіи кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія». Кіевъ. 1891).

Политическій строй кіевской земли, сообразно двумъ элементамъ его, можно назвать общинно-дружиннымъ или дружинно-вѣчевымъ: земская автономная, суверенная община, обнимающая собою всю *землю*, и единоличная власть, опирающаяся на дружину, составляютъ два элемента, два фактора, обусловливающіе этотъ строй. Первый изъ этихъ элементовъ — общинный вступаетъ въ разсматриваемый періодъ въ состояніи ослабленія, атрофіи. Хотя подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій онъ затѣмъ возвращается къ политической дѣятельности, но не создаетъ для себя опредѣленныхъ, постоянныхъ функцій, а остается въ своей практикѣ, такъ сказать, органомъ экстраординарнымъ, текущее же управленіе вѣдаетъ элементъ дружинный, при чемъ эти два элемента иногда конкурируютъ и сталкиваются. Такое нѣсколько неопредѣленное положеніе общиннаго элемента подало поводъ нѣкоторымъ ученымъ игнорировать его: считая политическую дѣятельность общины за нѣчто ненормальное, революціонное, они признаютъ строй кіевской земли за строго монархическій *). Несправедливость такого взгляда

*) Срв. выше въ I отдѣлѣ стр. 3 и 5. — *Ред.*

достаточно ясна при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣятельности обоихъ общественныхъ элементовъ и ихъ взаимнаго отношенія.

Начнемъ съ общиннаго, какъ старѣйшаго, исконнаго элемента; оговоримся только, что свѣдѣнія наши о немъ относятся ближайшимъ образомъ лишь къ землѣ полянъ — русской землѣ. Что элементъ этотъ жилъ и дѣйствовалъ въ разсматриваемый періодъ въ кіевской землѣ, это утверждаетъ прежде всего классическое свидѣтельство Суздальской лѣтописи, которое относится ко второй половинѣ XII в. и гласитъ такъ: «Новгородци бо изначала, и смолняне, и кыяне, и полочане, и вся власти, яко же на думу, на вѣча сходятся, на что же старѣйшіи сдумають, на томь же пригороди стануть». Центръ тяжести этого извѣстія — въ отношеніяхъ городовъ къ пригородамъ; лѣтописецъ объясняетъ, почему Владимиръ, младшій городъ, отступаетъ отъ общей нормы и не подчиняется рѣшенію старшихъ городовъ; но онъ въ то же время утверждаетъ существованіе въ эту эпоху въ кіевской землѣ вѣча, какъ органа всей земли, при томъ органа воли верховной, такъ какъ тутъ, очевидно, идетъ дѣло о вѣчѣ, собираемомъ населеніемъ по собственной иниціативѣ, а не по указанію извнѣ; однимъ словомъ, это извѣстіе указываетъ на существованіе въ кіевской землѣ суверенной общины и не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи разницы между Кіевомъ и такими политически-развитыми общинами, какъ Новгородъ и Полоцкъ. Это теоретическое утвержденіе сѣвернаго лѣтописца подтверждается конкретными фактами исторіи кіевской земли; факты эти были уже болѣе или менѣе об-

слѣдованы въ литературѣ, теперь сведемъ ихъ, распредѣливъ по отдѣламъ, сообразно тѣмъ вопросамъ, которые обсуждались и рѣшались общиною.

На первомъ планѣ среди различныхъ функцій вѣча стоитъ избраніе и призваніе князя, принятіе его или утвержденіе, и низложеніе. Къ этой категоріи относится первое проявленіе политической дѣятельности вѣча, когда въ 1068 г. недовольные Изяславомъ кіяне низложили его и посадили на княженіе («поставиша и средѣ двора къняжа») Всеслава. Когда Всеславъ бѣжалъ, «людье створиша вѣче, послашася къ Святославу и къ Всеволоду», призывая ихъ къ себѣ на столъ, но вслѣдствіе отказа ихъ были вынуждены принять назадъ Изяслава. Въ 1113 г. кіяне призвали къ себѣ на столъ Мономаха, и когда онъ не рѣшался принять предложеніе, настояли на своемъ. Въ 1132 г. они призвали на столъ Ярополка Володимерича. Въ 1146 г., по предложенію Всеволода Ольговича, признали своимъ княземъ Игоря Ольговича, по смерти Всеволода подтвердили свое согласіе («братъ твой князь и ты»), но затѣмъ окончательно разочаровавшись въ Игорѣ, призвали на столъ Изяслава; послѣдняго встрѣтили на пути депутаціи отъ старшаго города и отъ пригородовъ съ заявленіемъ признанія («ты нашь князь, а Олговичевъ не хочемъ»). Въ 1150 г. Изяславъ, изгнанный Юріемъ, отправился обратно въ Кіевъ, «хотящимъ его кыяномъ», между тѣмъ Вячеславъ сѣлъ на кіевскій столъ, но кіяне отреклись отъ него и признали своимъ княземъ Изяслава («а мы его не хочемъ, ты нашь князь»). Когда Изяславъ долженъ былъ снова ретироваться передъ нападеніемъ Юрія и Володимирка, «кияне же убоявъшеся Володимера галичь-

ѣскаго, уведоша князя Дюргя въ Киевъ», но затѣмъ снова «мужи Вячеславли, и берендѣи, и кияне» «повабиша Изяслава». Въ 1154 г. «посадиша в Киевѣ Ростислава киане, рекуче ему: яко же и братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава, тако же и ты чести, а до твоего живота Киевъ твой». Послѣ пораженія Ростислава Изяславъ Давыдовичъ «посла кияномъ река: хочю к вамъ поѣхати, и послаша кияне епископа Демьяна Канѣвьского, рекуче: ты еси нашь князь, а поѣди»; потомъ Изяславъ, оправдываясь предъ Юріемъ, говорилъ: «ци самъ есмь ѣхалъ Киевѣ (взялъ Киевъ)? посадили мя кияне». Подъ 1157 г. въ новгородской лѣтописи читаемъ: «посадиша Изяслава Давыдовиця кыяне на столѣ». Въ 1168 г. (1169 г.), по смерти Ростислава, къ Мстиславу Изяславичу были посланы отдѣльныя посольства съ призывомъ на столъ отъ князей, отъ кіянъ и отъ черныхъ клобуковъ. Наконецъ въ 1202 г., когда Романъ пошелъ на Рюрика, «чернии клобуци вси совкупившеся ѣхаша къ Роману, и что городовъ русскыхъ и ис тѣхъ людье ѣхаша къ Романови и отвориша ему кыяне ворота Подольская».

Весьма важно, что правоспособность общины относительно призванія и утвержденія князей признавалась самими князьями; съ этой стороны любопытно предложеніе Всеволода Ольговича, чтобы вѣче признало своимъ княземъ его брата Игоря, и вышеприведенное оправданіе Изяслава Давыдовича: «ци самъ есмь ѣхалъ Киевѣ? посадили мя кияне»*). Во-вторыхъ, община «рядилась» съ княземъ, т. е.

*) Существуетъ интересный вопросъ относительно того, призывался ли князь лишь на время или нѣтъ; В. И. Сергѣевичъ «Вѣче и Князь», с. 71 сл.) полагаетъ, что призваніе было временное,

предъявляла ему свои требованія и въ зависимости отъ исполненія ихъ ставила обладаніе столомъ. Намъ извѣстно, и то отчасти, содержаніе только двухъ «рядовъ», именно ряда кіянъ съ Игоремъ Ольговичемъ: «а нынѣ, княже Святославе, цѣлуй намъ хрестъ, и зъ братомъ (за братомъ) своимъ: аще кому насъ будетъ обида, то ты прави» (или «аще кому до насъ будетъ дѣло какое, да сами насъ судите»), на что Святославъ отвѣчалъ: «язъ цѣлую крестъ за братомъ своимъ, яко не будетъ вы насилья никоторого же»; послѣ присяги кіяне повторили, что признаютъ Игоря княземъ, и цѣловали ему крестъ — послѣднее, очевидно, было обусловлено исполненіемъ требованій. Другой рядъ, уже упомянутый, — съ Ростиславомъ: «яко же и братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава, тако же и ты чести, а до твоего живота Киевъ твой», — опять исполненіемъ этого условія обусловливалось признаніе княземъ. Кромѣ того мы имѣемъ еще два случая заключенія ряда, но безъ объясненія, въ чемъ они состояли, — одинъ подъ 1169, другой подъ 1172 г.; оба были заключены Мстиславомъ Изяславичемъ. Наконецъ, сюда же относится извѣстіе, что послѣ смерти Вячеслава дружина совѣтовала Ростиславу вернуться въ Кіевъ и «утвердиться» съ людьми: «да

но на неопредѣленное время до сохраненія единенія народа и князя. Это предположеніе вполнѣ вѣроятно: оно имѣетъ за себя такія выраженія, какъ напр. слова кіевлянъ Ростиславу: «а до твоего живота Киевъ твой». Наоборотъ, М. Владимірскій-Будановъ думаетъ, что «избраніе новаго князя каждый разъ являлось какъ бы избраніемъ новой династіи, съ утвержденіемъ на будущее время наслѣдственнаго преемства стола, и признавалось какъ бы явленіемъ случайнымъ, вызваннымъ временною нуждою». «Обзоръ исторіи рус. права», с. 38—39).

аче стрый придеть на тя Дюрги, понѣ ты ся съ людми утвердилъ будеши, годно ти ся с нимъ умириги — умиришися, пакы ли а рать зачнеши с нимъ». Здѣсь, очевидно, идетъ рѣчь о новомъ рядѣ съ населеніемъ, котораго требовала перемѣна въ положеніи Ростислава. Нечего и говорить, что правоспособность населенія въ этомъ отношеніи признавалась князьями; заключая рядъ съ населеніемъ, князь тѣмъ самымъ признавалъ ее.

Въ-третьихъ, вѣче обсуждало и рѣшало разные текущіе государственные вопросы; такъ въ сказаніи объ ослѣпленіи Василька разсказывается, что Святополкъ послѣ поимки Василька созвалъ вѣче («боляръ и кыянъ») и сообщилъ ему о намѣреніи Василька убить его и захватить Кіевъ; Святополкъ при этомъ, очевидно, желалъ, чтобы община высказала свое рѣшеніе, но вѣче уклонилось отъ опредѣленнаго заявленія, не желая связывать себя дѣломъ Святополка. Въ 1097 г., когда союзныя войска двинулись на Кіевъ, Святополкъ хотѣлъ бѣжать изъ Кіева, но кіяне не пустили его («не даша ему кыяне побѣгнути»), а отправили отъ себя пословъ къ Мономаху, убѣждая не погубить «русьскыѣ земли». Ходатайство общины было уважено, и союзники обѣщали окончить дѣло мирно. Весьма характерна въ этомъ разсказѣ подробность, что князья вели переговоры съ общиною помимо ея князя, котораго община заслоняетъ при этомъ. Фактъ непосредственнаго сношенія князей съ общиною, но въ отсутствіе князя, упоминается и раньше — община сносилась съ Святославомъ и Всеволодомъ въ 1069 г. и князья «утѣшиста кыяне». Въ 1146 г. вѣче обсуждало злоупотребленія княжихъ чиновниковъ и

рѣшило принести на нихъ жалобу князю Игорю и потребовать на будущее время гарантіи отъ подобныхъ злоупотребленій. Призвавъ къ себѣ на вѣче князя, оно заключило съ нимъ упомянутый выше*) рядъ. Здѣсь кстати будетъ вспомнить также о намѣреніи (1096 г.) Мономаха и Святополка «рядъ учинить о руской земьлѣ» съ Олегомъ Святославичемъ въ Кіевѣ, «предъ епископы, игумены и предъ мужи отець нашихъ, и передъ горожаны (людьми градскими)».

Въ частности община обсуждала вопросы о войнѣ, особенно если съ этимъ связывался вопросъ о созывѣ земскаго ополченія. Такъ, въ 1068 г. вѣче постановляетъ продолжать войну съ половцами и проситъ у князя коней и оружія. Въ 1093 году, во время похода на половцевъ, когда обсуждался вопросъ, переходить ли за Стугну или нѣтъ, «кіяне», т. е. кіевское ополченіе, рѣшили перейти, и это рѣшеніе было принято остальными. Въ 1147 г. Изяславъ Мстиславичъ созвалъ вѣче («бояры своя и всю дружину свою, кияне») и, объявивъ ему свое намѣреніе итти на Юрія, предложилъ также снарядить ополченіе («а вы доспѣвайте»). Кіяне рѣшительно отказались («княже! ты ся на насъ не гнѣвай, не можемъ на Володимире племя рукы възняти, оня же Олговичь хотя и с дѣтьми»), и Изяславъ вынужденъ былъ замѣнить народное ополченіе созывомъ охотниковъ. Когда же походъ на Юрія неожиданно перешелъ въ походъ на Ольговичей, Изяславъ пригласилъ кіянъ исполнить обѣщанное: «нынѣ же, братье кияне, чего есте хотѣли, чимъ ми ся есте обѣчали, поидите по мнѣ к Чернигову на Олговичь», и со-

*) См. стр. 333.

зывъ народнаго ополченія состоялся. Въ 1149 г. Изяславъ опять предложилъ кіянамъ собрать земское ополченіе противъ Юрія, кіяне не соглашались, и только обѣщаніемъ, что походъ будетъ имѣть лишь характеръ демонстраціи, Изяславу удалось добиться желаемаго. Онъ не исполнилъ однако своего обѣщанія, кіяне вынуждены были сражаться за него и потерпѣли пораженіе. Вернувшись въ Кіевъ, Изяславъ освѣдомился, согласна ли община поддержать его впредь; получивъ отказъ, онъ удалился изъ Кіева. Въ 1150 г., во время похода на Владимирка, кіяне, узнавъ о превосходныхъ силахъ послѣдняго, настаивали на отступленіи («поѣди, княже прочь»); Изяславъ не соглашался, тогда «кияне побѣгоша отъ него прочь, и оттолѣ чернии клобуци побѣгоша къ своимъ вежамъ». Въ 1151 г. вѣче, повидимому, по собственной иниціативѣ постановило собрать поголовное ополченіе противъ Юрія («ать же пойдуть вси»); ослушникамъ оно при этомъ грозило казнью.

Пересматривая эти извѣстія лѣтописи, нужно признать, что политическая дѣятельность вѣча не имѣетъ характера революціоннаго, нѣкоторыя дѣйствія его имѣютъ строго легальный характеръ, насколько можно прилагать подобные термины къ неопредѣленнымъ вообще отношеніямъ того времени; правоспособность вѣча признается самими князьями. На ряду съ такими дѣйствіями и тѣ, которыя не облечены въ легальную форму, имѣютъ по внѣшности даже характеръ революціонный (какъ напр., изгнаніе Изяслава и посаженіе Всеслава въ 1068 г., призваніе Изяслава Мстиславича), должны быть признаны проявленіями того же права

общины на государственную дѣятельность, которая сознавалась всегда общиною и признавалась князьями. Государственная дѣятельность общины не имѣетъ также характера чего-либо новаго, какой-нибудь узурпаціи княжескихъ правъ, со стороны князей она не встрѣчаетъ какой-нибудь принципіальной вражды или противодѣйствія (избіеніе кіевлянъ въ 1069 г. было, конечно, личною местью князя за понесенныя непріятности и убытки, а перенесеніе торговища «възна торгъ на гору» — было сдѣлано въ тѣхъ видахъ, чтобы близость княжескаго двора сдерживала народъ въ совѣщаніяхъ и рѣшеніяхъ). Въ сказаніи объ ослѣпленіи Василька князья (Святополкъ, Мономахъ) обращаются къ вѣчу, какъ нормальному институту, хотя послѣ вспышки 1069 г., притомъ такъ плачевно кончившейся, намъ ничего неизвѣстно о правительственной дѣятельности вѣча, и было бы чрезвычайно странно, если бы князья стали сами будить революціонную силу, такъ мимолетно проявившуюся и снова скрывшуюся. Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ элементомъ, не возникшимъ вновь, а существовавшимъ всегда, права котораго на государственную дѣятельность всегда молчаливо признавались князьями.

Функціи вѣча, насколько извѣстны онѣ изъ лѣтописныхъ сводовъ, довольно широки: въ приведенныхъ извѣстіяхъ мы имѣемъ, кромѣ утвержденія и низложенія князей, нѣчто въ родѣ законодательной дѣятельности — заключеніе «рядовъ», въ весьма, конечно, примитивной формѣ, такъ какъ этихъ рядовъ нельзя сравнить съ позднѣйшими новгородскими рядами; далѣе — рѣшеніе вопросовъ внѣшней политики, войны и мира, контроль надъ администраціею и судо-

производствомъ; наконецъ, вѣче вѣдаетъ земское ополченіе. Однако функціи эти вовсе не отличаются опредѣленностью и постоянствомъ; возьмемъ самыя главныя — призваніе и утвержденіе князей и рядъ съ ними: въ періодъ до монгольскаго нашествія мы имѣемъ около пятидесяти смѣнъ князей на кіевскомъ столѣ и около сорока до 1202 г., къ которому относится послѣднее извѣстіе о дѣятельности кіевской общины. За это время, по нашимъ источникамъ, община принимала участіе въ смѣнѣ князей около четырнадцати разъ; при этомъ кандидатъ получилъ столъ исключительно по иниціативѣ общины три или четыре раза*); десять или одиннадцать разъ вѣче подтвердило права кандидата, получившаго столъ по завѣщанію или договору князей, или поддержало одного претендента въ борьбѣ противъ другого; только четыре раза вѣче заключило рядъ съ княземъ. Конечно, мы не можемъ положиться на полноту нашихъ извѣстій; на дѣлѣ, быть можетъ, вѣче выступало и чаще, тѣмъ не менѣе съ увѣренностью можно сказать, что случаи, гдѣ оно выступало, составляли все-таки меньшинство. Столъ получали князья на основаніи своихъ, принятыхъ въ ихъ сословіи, правъ — на основаніи старѣйшинства, по завѣщанію, договору, или добывали оружіемъ; княжескія права, договоры ихъ, завѣщанія вѣче считало для себя необязательными, тѣмъ не менѣе оно часто предоставляло князьямъ получать столъ на основаніи этихъ правъ,

*) Въ 1068, 1113, 1146, 1150; колебаніе въ цифрѣ зависитъ отъ того, причислять ли сюда вокняженіе Изяслава въ 1150 г., когда онъ былъ «повабленъ» на столъ кіевскимъ населеніемъ, или нѣтъ.

или добывать силою и не принимало активнаго участія въ замѣщеніи его. Это было въ тѣхъ случаяхъ, когда община ничего не имѣла противъ кандидата или, по крайней мѣрѣ, не такъ много, чтобы выступить открыто противъ него и подвергаться непріятностямъ войны, когда она не имѣла подъ рукою иного, болѣе желательнаго кандидата, или не было у ней достаточно средствъ для борьбы. Если претендентъ или данный князь былъ уже слишкомъ немилъ, если подъ рукою былъ болѣе желательный кандидатъ, особенно если борьба не представляла большого риска, тогда только вѣче дѣятельно вмѣшивалось въ княжескія отношенія и вершило дѣло по-своему, не справляясь, кто кого старше, или кто кому обѣщалъ столъ. Еще болѣе благопріятныхъ шансовъ требовалось для ряда; община заключить могла его только съ княземъ, который считалъ нужнымъ справляться съ желаніемъ населенія по внимательности своей къ его голосу, или потому, что, чувствуя недостатокъ въ силахъ, хотѣлъ заручиться поддержкою общины; съ своей стороны община едва ли стала бы заключать рядъ, если бы вовсе не имѣла довѣрія къ князю, считала невозможнымъ устроить съ нимъ какой-нибудь modus vivendi; наконецъ, она не стала бы входить въ рядъ безъ особыхъ, чрезвычайныхъ поводовъ и съ княземъ, къ которому чувствовала полное довѣріе, на котораго вполнѣ полагалась. Такимъ образомъ, на практикѣ рядъ былъ явленіемъ скорѣе экстраординарнымъ, чѣмъ обычнымъ, хотя, конечно, вполнѣ легальнымъ.

То же можно сказать и объ остальныхъ проявленіяхъ народной воли. Община не имѣла своихъ

спеціальныхъ, исключительно ей принадлежащихъ функцій, она была институтомъ контролирующимъ; текущая административная и государственная дѣятельность находилась въ вѣдѣніи князя; община вмѣшивалась въ нее въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣятельность эта расходилась съ ея желаніями, или когда князь оказывался въ какомъ-либо отношеніи несостоятельнымъ. Вѣче служило какъ бы коррективомъ княжого управленія; община могла вмѣшиваться во всякую сферу вѣдѣнія князя, но удовлетворивъ себя тѣмъ или инымъ путемъ, она возвращала эту сферу первоначальному ея хозяину, не внося никакихъ существенныхъ измѣненій. Гарантіи порядка, желаемыхъ отношеній она искала не въ правовыхъ нормахъ, не въ обязательствахъ, а въ личности князя — пріобрѣсти князя, который жилъ бы душа въ душу съ общиною, осуществлялъ бы во всемъ ея желанія — вотъ панацея отъ всѣхъ неустройствъ; поэтому чаще всего практикуемое средство отъ всякихъ золъ — это замѣна одного князя другимъ. Если же князя нельзя было перемѣнить — оставалось покоряться и ожидать лучшихъ обстоятельствъ. Такой образъ дѣйствій, кромѣ недостатка политическаго развитія, объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что кіяне были нѣсколько избалованы относительно князей-народолюбцевъ и впослѣдствіи, вмѣсто длинной и трудной выработки правовыхъ гарантій, предпочитали обзавестись какъ-нибудь такимъ княземъ-народолюбцемъ; съ другой стороны, кіевскій столъ дѣлался часто добычею сильныхъ князей, опиравшихся на военную силу, съ которыми общинѣ трудно было входить въ компромиссы или добиваться исполненій своихъ требованій.

По отношенію къ князю вѣче является въ приведенныхъ извѣстіяхъ источниковъ то какъ высшая инстанція, контролирующая его или устраняющая, то какъ равносильный общественный элементъ. Въ нашихъ извѣстіяхъ нѣтъ случая, чтобы князь пользовался вѣчемъ, какъ орудіемъ, созывалъ его для выслушанія своихъ распоряженій, или какъ свою думу. Князь не предлагаетъ ему своихъ плановъ, а доводитъ ихъ до свѣдѣнія общины, которая вольна отнестись къ нимъ такъ или иначе, принять свое рѣшеніе. Въ этомъ есть существенная разница между вѣчемъ и, напримѣръ, земскими соборами московскаго государства, съ которыми неудачно сравнивали его нѣкоторые изслѣдователи.

Пересмотримъ теперь извѣстія, относящіяся до устройства и порядка вѣча. Относительно участниковъ его мы имѣемъ только одно извѣстіе лѣтописи: кіяне заявляли Изяславу, что готовы итти на Ольговичей «хотя и с дѣтми»; отсюда выводятъ, что рѣшающій голосъ на вѣчѣ принадлежалъ главамъ семействъ*); собиралось же на вѣче все свободное населеніе «отъ мала и до велика»: «кияномъ же всимъ сѣшедшимся отъ мала и до велика к святѣй Софьи на дворъ, въставшемъ же имъ въ вѣчи...» (подъ 1146 г.). На участіе пригорожанъ въ вѣчѣ нѣтъ указаній, но, конечно, пригорожанинъ, слу-

*) Такъ думаютъ В. Сергѣевичъ («Вѣче и Князь» с. 43), Бестужевъ-Рюминъ (Русская ист., I, с. 206—7), М. Грушевскій (стр. 311); Соловьевъ, хотя не сомнѣвается въ томъ, что «на вѣчахъ отцы семействъ рѣшали за сыновей, и даже старшіе братья за младшихъ и дядья за племянниковъ», считаетъ однако выраженіе лѣтописи фигуральнымъ и потому не придаетъ ему значенія («Исторія Россіи», по изд. товар. «Общественная польза» книга I, стр. 694). Срв. выше на 255 стр. нашего «сборника».

чившійся въ городѣ, имѣлъ право также участвовать въ вѣчѣ. Впрочемъ, по смыслу приведеннаго выше*) свидѣтельства Суздальской лѣтописи о городахъ и пригородахъ, участіе пригорожанъ въ вѣчѣ не было необходимо, даже въ теоріи, для того, чтобы вѣчевое постановленіе имѣло силу и для пригородовъ: «на что же старѣйшіи сдумаютъ, на томъ же пригороди стануть», безусловно**). Представительство не допускалось, или точнѣе о немъ совсѣмъ не имѣли понятія въ данномъ случаѣ: всякъ участвовалъ только самъ за себя. Созываетъ вѣче князь; въ единственномъ подробномъ описаніи, которое мы имѣемъ, Изяславъ поручаетъ въ свое отсутствіе созвать вѣче брату своему съ вѣдома митрополита и тысяцкаго***). Но вѣче можетъ собираться и по собственной иниціативѣ, и тогда, вѣроятно, оно собиралось само собою, безъ участія какихъ-либо офиціальныхъ посредниковъ. Въ одномъ случаѣ сказано, что вѣче было созвано звукомъ трубъ; созывалось оно, вѣроятно, и колокольнымъ звономъ, какъ въ другихъ мѣстахъ. Мѣстами вѣча являются: площадь у св. Софьи, Ярославль дворъ, Угорское (подъ

---

*) См. стр. 47 и 330.

**) М. Владимірскій-Будановъ («Обзоръ исторіи р. права», с. 50) справедливо выражается такъ: «участіе пригорожанъ на вѣчѣ старшаго города возможно, но лишь случайно и не необходимо».

***) См. Лаврентьев. сводъ подъ 1147 г., по изд. Спб. 1872, с. 299—300: «Изяславъ же... передъ собою посла к брату Кыеву к Володимеру и к Лазареви к тысячскому два мужа, Добрынку и Радила, рекъ: « брате! ѣди к митрополиту и съзови кыяны всѣ, ать молвита си мужа лесть черниговскихъ князей». И ѣха Володимеръ к митрополиту, повабя (и созове) кыяны, и придоша кыянъ много множество народа, и сѣдоша у святое Софьи слышати».

Кіевомъ), торговище и площадь у Туровой божницы; въ первыхъ трехъ — у св. Софьи и на княжескихъ дворахъ — собиралось вѣче по зову князя, въ послѣднихъ — на Подольѣ — по собственной инициативѣ; такъ, вѣроятно, оно было и въ другихъ случаяхъ. Любопытно извѣстіе 1146 г.: будучи созвано на Ярославль дворъ, вѣче безпрекословно присягнуло Игорю, но собравшись снова у Туровой божницы, оно рѣшило предъявить свои требованія и призвало князя къ себѣ сюда; очевидно, на Подольѣ оно чувствовало себя болѣе свободнымъ, чѣмъ на княжомъ дворѣ; въ связи съ этимъ обстоятельствомъ стоялъ и переводъ торговища съ Подолья «на гору» Изяславомъ Ярославичемъ: конечно, этимъ путемъ Изяславъ думалъ оказывать вліяніе на народныя собранія*). Относительно вѣча у св. Софьи въ одной лѣтописной версіи стоитъ: «сѣдоша у святое Софьи»; у Туровой божницы вѣчники совѣщались, сидя на коняхъ. Говорить на вѣчѣ могъ, повидимому, всякій. Терминомъ для вѣча служили: «сотворити вѣче», «совѣтъ сотворити», «совѣтъ совѣщати», «сдумати». Рѣшеніе принималось, вѣроятно, громаднымъ большинствомъ; вѣче признавало свое рѣшеніе обязательнымъ и для отдѣльныхъ несогласныхъ и считало себя въ правѣ принуждать силою къ исполненію его.

---

*) См. выше на стр. 337.

XI. КНЯЗЬ И ДРУЖИНА.

А. Общая характеристика княжеской власти.

(*В. И. Сергѣевичъ.* «Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права». Спб. 1883., или «Лекціи по исторіи русскаго права». Спб. 1890).

Во всѣхъ русскихъ волостяхъ замѣтна потребность въ единомъ представителѣ власти. Такимъ представителемъ власти является князь. Нѣкоторые изслѣдователи говорятъ, что слово князь не русскаго происхожденія, а заимствовано нами у скандинавовъ.

И. И. Срезневскій въ сочиненіи «Мысли объ исторіи русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій» (стр. 131—135) раскрываетъ это заблужденіе. Слово князь чисто славянское и встрѣчается въ различныхъ значеніяхъ. Князь означаетъ господина, владѣтеля, старосту, священника и пр., и теперь еще въ народѣ новобрачныхъ называютъ князь и княгиня. Древнѣйшее значеніе князя — родичъ, отъ слова родъ, происходящій отъ рода и начальникъ рода *). Въ вопросѣ о правахъ князя наши изслѣ-

*) Срв. выше на стр. 40—41, 48. Норманнскіе вожди въ скандинавскихъ сагахъ называются *конунгами* или *викингами*. Оба эти термина, по мнѣнію другихъ, перешли въ нашъ языкъ, получивъ славяно-русскія формы *князя* и *викинга*. См. также въ «Русской исторіи» Бестужева-Рюмина I, 45. *Ред.*

дователи также расходятся. Нѣкоторые изъ нихъ переносятъ современныя представленія въ старыя времена и говорятъ, что наши князья съ самыхъ первыхъ временъ являются неограниченными государями. Такого мнѣнія держится, напримѣръ, Соловьевъ и др. Въ подтвержденіе ссылаются на выраженія источниковъ, въ которыхъ встрѣчается такое мѣсто: «и бысть (такой-то князь) самовластець въ русьстѣй земли». Но многія выраженія древнихъ источниковъ нельзя понять, не разобравъ, при какихъ обстоятельствахъ они были употреблены. Это выраженіе встрѣчается два раза, а именно: одинъ разъ лѣтописный сводъ употребляетъ его относительно Ярослава Мудраго, а другой разъ относительно Андрея Боголюбскаго. Дѣло въ томъ, что слово «самовластецъ» было употреблено лѣтописцами не въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляется теперь «самодержецъ». Въ первый разъ самовластцемъ былъ названъ Ярославъ Мудрый, сынъ Владимира, и вотъ при какихъ обстоятельствахъ. Въ послѣдніе годы своей жизни Ярославъ не одинъ княжилъ въ русской землѣ, а вмѣстѣ съ братомъ своимъ Мстиславомъ. Мстиславъ прежде былъ въ Тмутаракани, но ему не нравилась эта волость и потому, во время отсутствія Ярослава изъ Кіева (онъ ѣздилъ въ Новгородъ), Мстиславъ подступилъ къ Кіеву и потребовалъ, чтобы кіевляне признали его княземъ. Кіевляне, однако, отказались его принять, и Мстиславъ, не захотѣвши брать Кіевъ силою, отправился въ Черниговъ, гдѣ его охотно приняли, «отворили ворота» и посадили на столѣ: «Ярославу сущю Новѣгородѣ, приде Мьстиславъ пс Тъмутораканя Кыеву, и не прияша его кыяне; онъ же шедъ, сѣде на

столѣ Черниговѣ, Ярославу сущю Новѣгородѣ тогда» (1024 г.). Такимъ образомъ, Мстиславъ сдѣлался черниговскимъ княземъ и весьма близкимъ сосѣдомъ Ярослава. Узнавши объ этомъ по возвращеніи своемъ изъ Новгорода, Ярославъ вступилъ въ борьбу съ Мстиславомъ, которая кончилась въ пользу послѣдняго. Но Мстиславъ не захотѣлъ вполнѣ воспользоваться своею побѣдою и оставилъ Ярославу Кіевъ. Такимъ образомъ, Ярославъ сидѣлъ въ Кіевѣ, а Мстиславъ въ Черниговѣ: «и раздѣлиста по Днѣпрь русьскую землю: Ярославъ прия сю сторону, а Мьстиславъ ону» (1026 г.). Мстиславъ умираетъ, и его Черниговская волость переходитъ въ руки того же Ярослава. Вотъ, передавая это-то извѣстіе, лѣтописецъ (подъ 1036 г.) и говоритъ: «и бысть самовластець въ русьстѣй земли». Такимъ образомъ, лѣтописецъ употребляетъ это выраженіе въ томъ смыслѣ, что Ярославъ остался одинъ княземъ въ Придн ѣпровьи. «Самовластецъ» характеризуетъ здѣсь власть князя по отношенію къ власти другихъ князей, а не по отношенію къ правамъ народа.

Совершенно въ такомъ же смыслѣ употреблено слово самовластецъ и въ разсказѣ объ Андреѣ Боголюбскомъ. Юрій, умирая, не хотѣлъ, чтобы старшій его сынъ, Андрей, былъ его преемникомъ, и потому просилъ горожанъ, чтобы они признали своими князьями младшихъ его сыновей. Ростовцы и суздальцы обѣщали это сдѣлать, но по смерти Юрія отступили отъ даннаго обѣщанія и признали княземъ старшаго сына его, Андрея. Описывая это событіе подъ 1162 г., лѣтописецъ говоритъ, что «выгна Андрѣй епископа Леона исъ Суждаля, и братью свою погна Мьстилава и Васплка, и два

Ростиславича сыновца своя, мужи отца своего передній»: «се же створи хотя самовластець быти всѣй суждальской земли». Въ этомъ мѣстѣ слово самовластецъ употреблено въ томъ же смыслѣ, въ какомъ оно было употреблено по отношенію къ Ярославу. Андрея избираютъ княземъ, и онъ изгоняетъ своихъ противниковъ, братьевъ и племянниковъ, епископа и мужей отца своего, которые, по всей вѣроятности, раздѣляли мнѣніе Юрія и не любили Андрея; изгоняетъ ихъ для того, чтобы обезпечить свое положеніе. Онъ, естественно, опасался, чтобы его братья и племянники не надѣлали ему хлопотъ, не прогнали его изъ Суздаля, а потому и предупредилъ ихъ. Въ этомъ смыслѣ лѣтописецъ и говоритъ, что это сдѣлалъ Андрей «хотя самовластець быти», т. е. желая остаться одинъ*) въ Ростовѣ и Суздалѣ, а вовсе не въ смыслѣ измѣненія характера его власти по отношенію къ народу. И дѣйствительно, послѣ этого изгнанія свойства власти Андрея нисколько не измѣнились; онъ совѣщался съ народомъ, какъ и прежде.

Въ доказательство той мысли, что князья наши пользовались неограниченною властью, приводятъ еще и другое выраженіе источниковъ, а именно ссылаются на то, что иногда въ источникахъ говорится что князь сѣлъ въ такомъ-то городѣ *на всей его волѣ;* такъ, напримѣръ, новгородцы приняли Ярослава «на всей его волѣ», отсюда выводятъ, что

---

*) Срв. въ начальномъ лѣтописномъ сводѣ подъ 977 г.: «Слышавъ же се Володимѣръ в Новѣгородѣ, яко Ярополкъ уби Ольга, убоявся бѣжа за море; а Ярополкъ (Святославичъ) посадники своя посади въ Новѣгородѣ, *и бѣ володѣя единъ на Руси*». *Ред.*

народъ принялъ князя какъ абсолютнаго, неограниченнаго государя. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ источниковъ видно, что князья принимаются не только на всей ихъ волѣ, но и на всей волѣ народа. Князь Игорь, братъ Всеволода, изъ рода черниговскихъ князей, былъ принятъ въ Кіевѣ «на всей волѣ кіевлянъ», какъ говоритъ лѣтопись. Неужели послѣднее выраженіе нужно понимать въ томъ смыслѣ, что кіевлянамъ принадлежитъ неограниченная власть, между тѣмъ какъ князь не имѣетъ никакого значенія? Понятно, что нѣтъ.

Изъ предшествующаго должно быть ясно, что не только князь, но и всякій простой человѣкъ, всякій «людинъ» имѣлъ свою волю и что въ древности нельзя себѣ представить свободнаго человѣка безъ воли — всякій имѣлъ волю и на сколько было возможно осуществлялъ ее. При такомъ порядкѣ вещей нельзя допустить, чтобы князь не имѣлъ своей воли. Слѣдовательно, указанное выраженіе имѣетъ совершенно другой смыслъ. Принять князя «на всей его волѣ» значитъ принять князя на всѣхъ тѣхъ условіяхъ, которыя онъ предложилъ; съ другой стороны сѣсть «на всей волѣ горожанъ» значитъ сдѣлаться княземъ, принявши безъ измѣненія условія, предложенныя городомъ.

Все соціальное положеніе, всѣ условія тогдашняго времени рѣшительно не благопріятствовали образованію абсолютной власти. Пока весь народъ былъ вооруженъ, пока войско не спеціализировалось и не поступило въ завѣдываніе князя, не могла образоваться абсолютная власть. Народъ составлялъ главную силу князей, которые поэтому необходимо должны были вступать съ нимъ въ соглашеніе.

Внѣшняя обстановка жизни древнѣйшихъ князей мало чѣмъ отличалась отъ обстановки окружавшихъ князя людей. Мы имѣемъ любопытное свидѣтельство о Святославѣ, записанное греками. Святославъ велъ войну съ греками и первоначально удачно, но потомъ потерпѣлъ пораженіе и вынужденъ былъ заключить невыгодный миръ. По заключеніи этого мира онъ имѣлъ свиданіе съ Іоанномъ Цимисхіемъ. Вотъ какъ оно описывается: «Они свидѣлись на берегу Дуная. Цимисхій явился на конѣ, покрытый своимъ позлащеннымъ вооруженіемъ, а за нимъ слѣдовалъ отрядъ всадниковъ въ блестящихъ доспѣхахъ; Святославъ же пріѣхалъ въ ладьѣ, въ простой бѣлой одеждѣ и самъ гребъ весломъ, наравнѣ съ другими гребцами. Греки съ удивленіемъ смотрѣли на русскаго князя. Онъ былъ средняго роста и строенъ, но мраченъ и дикъ видомъ; имѣлъ грудь широкую, шею плотную, голубые глаза, брови густыя, носъ плоскій, длинные усы, бороду рѣдкую и на головѣ одинъ клокъ волосъ въ знакъ его благородства, въ ухѣ висѣла золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами съ рубиномъ. Императоръ сошелъ съ коня. Святославъ не выходилъ изъ ладьи; онъ черезъ переводчика переговорилъ съ Цимисхіемъ и затѣмъ отъѣхалъ». Въ этомъ свидѣтельствѣ любопытно, что Святославъ гребъ наравнѣ съ своими спутниками и даже одеждою не отличался отъ нихъ. Вся обстановка жизни Святослава указываетъ на бытъ, близкій къ быту народа. Вотъ что говорится объ этомъ князѣ въ лѣтописи: «Походы свои онъ совершалъ налегкѣ, ходилъ быстро, подобно барсу; онъ не имѣлъ ни становъ, ни обозовъ; питался кониною, мясомъ дикихъ звѣрей и самъ жарилъ его на

угляхъ, презиралъ холодъ и ненастье, не зналъ шатра и спалъ подъ сводомъ неба; войлокъ подсѣдельный служилъ ему вмѣсто мягкаго ложа, сѣдло—изголовьемъ» *). Это не одинъ примѣръ, на который можно сослаться. То же самое видно и изъ «Поученья» Владимира Мономаха, оставленнаго имъ своимъ дѣтямъ. Относительно домашней жизни Владимиръ Мономахъ говоритъ: «В дому своемь не лѣнитеся, но все видите; не зрите на тивуна, и на отрока, да не посмѣются приходящии к вамъ и дому вашему, и обѣду вашему». Князья, значитъ, входили во всѣ мелочи домашняго хозяйства. Относительно путешествій князей по своей волости для сбора дани и т. п. Владимиръ говоритъ: «Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селѣхъ, ни в житѣхъ, да не кляти васъ начнуть». Въ поученіи описывается день князя: «Первое, говоритъ Владимиръ, къ церкви, да не застанеть васъ солнце на постели; тако бо отець мой дѣяшеть блаженый и вси добрии мужи свершенїи, заутренюю отдавше Богови хвалу, и потомъ солицю въсходящю, и узрѣвше солнце, и прославити Бога съ радостью». Затѣмъ, говоритъ онъ, садитесь «думати с дружиною, или люди оправливати» (т. е. производить судъ). Послѣ этого можно отдохнуть «спанье есть

*) «Князю Святославу възрастъшю и възмужавшю, нача вои совкупляти многи и храбры, (и бѣ бо самъ храборъ) и легъко ходя, аки пардусъ, (и) войны многи творяше; ходя, возъ по собѣ не возяше, ни котьла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину (грядину) на углехъ испекъ, ядяше, ни шатра имяше, но подъкладъ постлавъ и сѣдло въ головахъ; такоже и прочии вои его вси бяху; и посылаше къ странамъ, глаголя: «хочю на вы ити» — подъ 964 г.

отъ Бога присужено полудне, отъ чина бо почиваеть и звѣрь, и птици, и человѣци». Далѣе Владимиръ Мономахъ говоритъ о княжеской охотѣ: «Если у васъ нѣтъ дѣлъ, то поѣзжайте на ловы». Охота была однимъ изъ любимѣйшихъ занятій князей. О своей охотѣ Владимиръ Мономахъ передаетъ, что онъ «конь дикихъ своима рукама связалъ есмь въ пущахъ 10 и 20 живыхъ конь..». «Тура мя два, — продолжалъ онъ, — метала на розѣхъ и с конемъ, олень мя одинъ болъ (бодалъ), а два лоси, одинъ ногами топталъ, а другый рогами болъ, вепрь ми на бедрѣ мечь оттялъ, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры и конь со мною поверже... И с коня много падахъ, голову си розбихъ дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередихъ, въ уности своей вередихъ, не блюда живота своего, не щадя головы своея. Еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ, дѣла, на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая себѣ упокоя, на посадникы не зря, ни на бирчи, самъ творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ и в дому своемь, то я творилъ есмь, и въ ловчихъ ловчій нарядъ самъ есмь держалъ, и в коюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястрябѣхъ. То же и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмъ сильнымъ обидѣти, и церковнаго наряда и службы самъ есмъ призиралъ». Домашній обиходъ князя еще не имѣлъ царской обстановки.

Въ какомъ же отношеніи находились эти два элемента власти: князь и народъ? Во взаимныхъ отношеніяхъ князя и вѣча проявляется то же общее начало, которое мы наблюдаемъ какъ во взаимныхъ отношеніяхъ составныхъ частей одного и того же

вѣча, такъ и разныхъ пунктовъ поселенія одной и той же волости, городовъ и пригородовъ: между княземъ и вѣчемъ должно быть единеніе, одиначество.

По отношенію къ этому началу единенія, или соглашенія народа и князя необходимо различать два момента: моментъ призванія князя и его послѣдующую дѣятельность. Въ моментъ призванія народъ и князь заключаютъ между собою рядъ, т. е. соглашеніе объ условіяхъ, которыя кладутся въ основаніе будущему княженію. Въ теченіе самаго княженія могло возникнуть множество вопросовъ, подлежавшихъ обыкновенно рѣшенію вѣча и князя. По этимъ вопросамъ были необходимы новыя соглашенія. Наша древняя исторія представляетъ не одинъ примѣръ такихъ соглашеній. Самые могущественные князья нуждались въ нихъ. Мы не впадемъ въ преувеличеніе, если скажемъ, что степень могущества князя была въ прямомъ отношеніи съ количествомъ «людей», стоявшихъ на его сторонѣ, бывшихъ съ нимъ въ одиначествѣ, соглашавшихся съ его мнѣніями. Приведемъ нѣсколько примѣровъ такихъ соглашеній народа и князя.

Князь Владимиръ рѣшается на принятіе христіанства не иначе, какъ испросивши совѣта бояръ своихъ и старцевъ градскихъ и получивъ согласіе всѣхъ людей. Лѣтописный сводъ (подъ 987 г.) такъ разсказываетъ объ этомъ: «Созва Володимеръ бояры своя и старци градьскиѣ, и рече имъ: «се приходиша ко мнѣ болгаре, рькуще: приими законъ нашь; по семь же приходиша нѣмци, и ти хваляху законъ свой; по сихъ придоша жидове. Се же послѣ же придоша грьци, хуляще вси законы, свой

же хваляще...» и т. д. Отчетъ свой о сдѣланныхъ ему предложеніяхъ лицами разныхъ исповѣданій князь Владимиръ заключаетъ такимъ обращеніемъ къ боярамъ и старцамъ: «Да что ума придасте? что отвѣщаете?» — «И рѣша, — продолжаетъ лѣтописный сводъ, — бояре и старци: «вѣси, княже, яко своего никто же не хулить, но хвалить; аще хощеши испытати гораздо, то имаши у собе мужи; пославъ, испытай когождо ихъ службу, и кто како служить Богу». И бысть люба рѣчь князю и всѣмъ людямъ». Послы, отправленные согласно этому рѣшенію, дали предпочтеніе греческому исповѣданію, которое и было принято. Та свѣтлая память, которую народныя былины сохранили отдаленнѣйшему потомству о ласковомъ князѣ Владимирѣ, и похвалы, расточаемыя ему лѣтописцемъ, должны быть объясняемы именно тѣмъ уваженіемъ, съ которымъ этотъ князь относился къ народной волѣ, и его желаніемъ дѣйствовать согласно съ ней. Извѣстно, какой любовью пользовались у кіевлянъ правнукъ Владимира I, Владимиръ Мономахъ, и его родъ; объясненіе этой привязанности надо опять искать въ томъ единеніи съ народомъ, которымъ отличались помянутые князья *). О сознаніи необходимости такого единенія самимъ Владимиромъ Мономахомъ мы находимъ указаніе подъ 1096 годомъ. Желая положить конецъ распрѣ съ Олегомъ черниговскимъ и условиться объ оборонѣ русской земли отъ половцевъ, Владимиръ Мономахъ и Святополкъ Изяславичъ посылаютъ къ Олегу такое приглашеніе: «Поиди Кыеву, да порядъ положимъ о русьстѣй земли

*) Срв. выше на стр. 340.

предъ епископы, и предъ игумены, и предъ мужи отець нашихъ, и предъ людьми градьскыми, да быхомъ оборонили русьскую землю отъ поганыхъ». Такимъ образомъ, горожане вмѣстѣ съ духовенствомъ призываются къ участію въ рядѣ князей. Князь и вѣче стояли другъ подлѣ друга, какъ двѣ неподчиненныя одна другой власти, для совокупнаго дѣйствія которыхъ необходимо было взаимное соглашеніе.

Для примѣненія этого начала взаимныхъ соглашеній къ ежедневно возникающимъ вопросамъ общественной жизни была необходима значительная доля уступчивости какъ со стороны князя, такъ и со стороны вѣча, умѣренность въ проведеніи собственной воли, готовность отказаться отъ разъ предположенной цѣли, какъ скоро достиженіе ея было невозможно безъ нарушенія существующаго единенія.

Лѣтописи сохранили намъ нѣсколько примѣровъ этой уступчивости. Такъ, про Ярополка Святославича лѣтописецъ разсказываетъ, что онъ любилъ христіанъ, но самъ не крестился «народа ради». Въ 1015 г. Ярославъ обманомъ перебилъ многихъ изъ нарочитыхъ мужей новгородскихъ въ отмщеніе за то, что они участвовали въ осужденіи и казни находившихся у него въ услуженіи варяговъ. Не прошло и дня послѣ этого избіенія, какъ ему понадобилась помощь тѣхъ же новгородцевъ для войны со Святополкомъ кіевскимъ. Ярославъ созвалъ вѣче, со слезами на глазахъ высказалъ раскаяніе въ своемъ недавнемъ поступкѣ и просилъ новгородцевъ пойти съ нимъ къ Кіеву. На эту рѣчь князя вѣче отвѣчало такъ: «Аще, княже, братья наша исѣчена

суть, можемъ по тобѣ бороти». Такимъ образомъ, новгородцы оказываютъ поддержку Ярославу, несмотря на то, что имѣли противъ него важную причину неудовольствія. Въ 1097 г. владимирскій князь, Давыдъ Игоревичъ, очень не хотѣлъ выдавать своихъ помощниковъ въ ослѣпленіи Василька, Туряка, Лазаря и Василя, но уступилъ волѣ владимирскаго вѣча, когда оно поставило въ зависимость отъ этой выдачи свое рѣшеніе защищать Давыда отъ угрожавшихъ ему князей. Въ 1102 г. Владимиръ Мономахъ и Святополкъ договорились вывести изъ Новгорода Мстислава Владимировича и посадить тамъ сына Святополка. Новгородцы не согласились на эту смѣну, и князья уступили имъ. Подобно этому, Изяславъ Мстиславичъ, не получивъ поддержки кіевскаго вѣча въ войнѣ съ Юріемъ въ 1147 г., отправляется на помощь къ черниговскимъ князьямъ съ одними только охотниками. Въ 1216 г. Юрій Всеволодовичъ, прибѣжавъ во Владиміръ послѣ несчастной для него липецкой битвы, созываетъ вѣче и предлагаетъ затвориться въ городѣ. Владимирцы, понесшіе большія потери на Липецкомъ полѣ, не находятъ возможнымъ новое сопротивленіе. Князь уступаетъ имъ и проситъ только, чтобы они не выдали его противникамъ, а дали ему самому выйти изъ города. На это владимирцы согласились. Въ 1266 г. Ярославъ, переяславскій и новгородскій князь, прибылъ въ Новгородъ съ литовскими полками для того, чтобы итти войною на Псковъ, который только-что призналъ своимъ княземъ Довмонта литовскаго. Новгородцы не согласились на этотъ походъ, князь уступилъ и отослалъ назадъ свои полки.

При возможномъ столкновеніи вѣча и князя, послѣдній не всегда являлся совершенно одинокимъ: на его сторонѣ могла быть болѣе или менѣе значительная часть вѣча, составлявшая его партію. При слабости собственныхъ силъ князя, столь характеристической для древнѣйшаго періода нашей исторіи, эта возможность опереться на одну изъ вѣчевыхъ партій составляетъ для князя главнѣйшее условіе успѣха. Исходъ борьбы, смотря по отношенію силъ, выпадалъ или въ пользу князя и его партіи или въ пользу ихъ противниковъ. Но иногда къ военнымъ приготовленіямъ приступали только, какъ къ средству устрашить противника и узнать, есть ли у него рѣшительное желаніе отстаивать свое мнѣніе съ оружіемъ въ рукахъ. Если такое желаніе дѣйствительно оказывалось, сторона, возбудившая рознь, нерѣдко обращалась къ мирнымъ средствамъ и вступала въ новое единеніе. Чрезвычайно любопытный примѣръ этому находимъ подъ 1220 г. Князь Всеволодъ былъ недоволенъ новгородскимъ посадникомъ Твердиславомъ и хотѣлъ смѣнить его, хотя за нимъ и не было никакой вины. По этому вопросу новгородцы раздѣлились: одни стали на сторонѣ князя, другіе — посадника. Такъ какъ никто не хотѣлъ уступить, то противники съѣхались на Ярославовомъ дворѣ, вооруженные какъ на рать, и выстроились другъ противъ друга въ боевомъ порядкѣ. «Князь же, – продолжаетъ лѣтописецъ, – узрѣвъ рядъ ихъ (сторонниковъ Твердислава), оже хотятъ крѣпъко животъ свой отдати, и не поеха, и прислa владыку Митрофана съ всѣми добрыми повѣстьми; и съвѣде и владыка въ любьвь, и крестъ цѣлова и князь и Твьрдиславъ. Богомъ и св. Софьею

крестъ възвеличянъ бысть, а дьяволъ попранъ, а братья вся въкупѣ быша». Въ этомъ дѣлѣ на сторонѣ князя было немало новгородцевъ, но посадника поддерживали два конца, а потому исходъ вооруженной борьбы могъ быть весьма сомнителенъ, что и заставило князя прекратить миромъ только-что возникшую рознь. Если исходъ борьбы былъ въ пользу князя, онъ оставался на занимаемомъ имъ столѣ, а побѣжденная партія должна была подчиниться волѣ побѣдителя, часто очень суровой.

Если перевѣсъ былъ на сторонѣ партіи вѣча, противной князю, послѣдній лишался стола. Такъ, напр., когда Изяславъ не согласился съ рѣшеніемъ кіевскаго вѣча, высказавшагося въ пользу продолженія войны съ половцами, кіевляне освободили изъ заключенія полоцкаго князя Всеслава и посадили его на столѣ; Изяславъ же принужденъ былъ бѣжать. Въ 1136 году новгородцы, недовольные управленіемъ Всеволода, показываютъ ему путь; то же самое дѣлаютъ они съ Ростиславичами въ 1154 г. и съ Ярославомъ Всеволодовичемъ въ 1270 г. Въ 1175 г. смольняне изгоняютъ Ярополка; въ 1176 г. владимирцы и переяславцы — Мстислава и Ярополка Ростиславичей и пр.

Изгнаніе, впрочемъ, не всегда было послѣднимъ актомъ враждебнаго столкновенія князя съ вѣчемъ. Изгнанные князья нерѣдко находили поддержку въ другихъ волостяхъ и съ ихъ помощью мстили свои обиды. Эта новая, на этотъ разъ внѣшняя, война приводитъ опять къ новымъ комбинаціямъ, смотря по отношенію силъ.

Личность князя, обыкновенно, оставалась неприкосновенною, какъ бы далеко ни заходила рознь

между нимъ и вѣчемъ. Самыя крайнія желанія недовольнаго княземъ вѣча состояли въ томъ, чтобы князь оставилъ волость. Это общее правило подвергалось только одному ограниченію: князь присуждался иногда къ временному заключенію. Но это дѣлалось въ видахъ безопасности, до пріѣзда новаго князя или до управы съ другими князьями, поддерживавшими сторону изгоняемаго; если бы князю была предоставлена свобода до окончательнаго установленія новаго наряда, это могло бы повести къ усиленію его партіи.

Нельзя сказать того же объ имуществѣ князя и личности его ближайшихъ приверженцевъ и слугъ. Имущество изгоняемаго князя подвергалось иногда грабежу. Такъ поступили, напр., кіевляне въ 1068 г. съ имуществомъ князя Изяслава: «дворъ жь княжь разграбиша, бещисленое множьство злата и сребра, кунами и бѣлью». Въ 1158 г. тѣ же кіевляне, въ отмщеніе князю Юрію, съ которымъ они никогда не умѣли ужиться, грабятъ по его смерти дворъ его и избиваютъ приведенныхъ имъ съ собою суздальцевъ.

Изгнаніе было весьма обыкновеннымъ исходомъ борьбы, кончавшейся не въ пользу князя, но не необходимымъ. Потерпѣвъ пораженіе, князь могъ войти въ новое единеніе съ вѣчемъ. Образчикъ этому находимъ подъ 1173 г. Извѣстны смуты, которыя происходили въ Галичѣ по поводу особаго покровительства, оказываемаго княземъ Ярославомъ «Настаськѣ» и «Чарговой чади». Несправедливость князя къ своей женѣ и сыну привела къ разрыву съ народомъ и совершенному торжеству послѣдняго: князь былъ взятъ, Чаргова чадь избита, Настаська

сожжена, сынъ ея сосланъ въ заточеніе. Но народъ не пошелъ далѣе того, что было нужно для устраненія причины зла, и снова уладился, по выраженію лѣтописца, съ княземъ Ярославомъ. Новаго единенія съ народомъ хотѣлъ достигнуть и новгородскій князь Ярославъ Всеволодовичъ, когда противной ему партіи удалось получить перевѣсъ на вѣчѣ и «исписать на грамоту всю вину его». Въ отвѣтъ на требованіе вѣча выѣхать изъ Новгорода, онъ шлетъ къ нему пословъ съ поклономъ и такими рѣчами: «Того всего лишуся (т. е. того, что взялъ несправедливо), а крестъ цѣлую на всей воли вашей». Новгородцы не согласились, и князь принужденъ былъ выѣхать. Эта готовность князей покончить новымъ единеніемъ раздѣлившее ихъ съ народомъ несогласіе, объясняетъ не рѣдкій въ нашей древней исторіи фактъ вторичнаго призванія разъ уже изгнаннаго князя.

Какъ князья не оставались одинокими въ своей борьбѣ съ вѣчемъ и нерѣдко находили опору въ одной изъ партій, на которыя раздѣлялся народъ, такъ точно и вѣче въ борьбѣ съ княземъ нерѣдко находило помощь въ другихъ князьяхъ. Въ 1068 г. кіевляне, оставленные своимъ княземъ Всеславомъ, при вѣсти о приближеніи только что изгнаннаго изъ Кіева Изяслава Ярославича съ польскою помощью составляютъ вѣче и шлютъ приглашеніе къ братьямъ изгнаннаго, Святославу и Всеволоду. Эти князья, отказываясь отъ предложеннаго имъ стола, даютъ такое обѣщаніе кіевлянамъ: «Вѣ послевѣ к брату своему: аще поидеть на вы с ляхы губити васъ, то вѣ противу ему ратью, не давѣ бо погубити града отца своего; аще ли хощеть с мцромь, то в

малѣ придеть дружинѣ!» Въ надеждѣ на эту помощь кіевляне успокоились и приняли Изяслава. Въ 1148 г. Изяславъ Мстиславичъ, придя въ Новгородъ, созываетъ вѣче и держитъ такую рѣчь: «Се, братье, сынъ мой и вы прислалися есте ко мнѣ, оже вы обидить стрый мой, Гюрги, на нь есмь пришелъ сѣмо, оставя рускую землю, васъ дѣля и вашихъ дѣля обидъ. А гадайте на нь, братье, како на нь пойти, а любо с нимъ миръ возмемъ, пакы ли с нимъ ратью кончаимы». Новгородцы захотѣли войны, и волость Юрія была опустошена. Подобно этому, Мстиславъ Мстиславичъ приходитъ въ 1210 г. на помощь Новгорсду «слышавъ насилье отъ князь». Въ 1211 г. Данiилъ, призванный галицкими боярами, противъ которыхъ замышляли недоброе галицкіе князья, Игоревичи, такими рѣчами убѣждаетъ передаться на свою сторону гражданъ Перемышля, еще остававшихся за послѣдними: «Почто стоите при томъ князи, иже обидѣ васъ много? Я вашъ князь, на него пріидохъ вамъ въ помощь».

Такимъ образомъ, въ отношеніяхъ князя къ вѣчу проявляются тѣ же начала единенія и розни, которыя проникаютъ всю нашу древнюю жизнь. Для правильнаго пониманія этихъ отношеній необходимо обратить вниманіе на слѣдующее.

Во-первыхъ, война никогда не ведется противъ «князя вообще», какъ формы государственнаго быта; она ведется только противъ отдѣльныхъ личностей княжескаго рода. Самый же принципъ княжескаго правленія остается незыблемымъ. Нашей исторіи вовсе не извѣстенъ антагонизмъ князя и народа, стремленіе послѣдняго распространить свои права на счетъ правъ князя. Народъ сознаетъ свою не-

способность устроиться безъ князя и вмѣстѣ съ тѣмъ понимаетъ необходимость дать ему высокое положеніе въ своей средѣ, безъ чего не было бы возможно достиженіе цѣлей призванія. Князь есть народная власть.

Во-вторыхъ, при нелюбви древней Россіи къ строго выработаннымъ формамъ, при маломъ пониманіи ихъ важности, въ отношеніяхъ народа къ князю преобладаетъ характеръ добраго довѣрія. Соблюденіе вѣчевыхъ порядковъ не представляется настолько необходимымъ, чтобы безъ него не было возможно никакое совокупное дѣйствіе князя и народа. Князь, пользующійся популярностью, можетъ, напр., выступить на войну во главѣ сильнаго народнаго войска и безъ постановленія вѣча. Ему довольно посовѣтоваться съ своими боярами и затѣмъ послать биричей звать народъ; если князь пользуется расположеніемъ народа, народъ пойдетъ, хотя бы война преслѣдовала исключительно личныя цѣли князя; тѣмъ болѣе, когда война задумана въ интересѣ самого народа, напр., для отраженія половцевъ и т. под. По существу такая война носитъ на себѣ характеръ того же единенія народа съ княземъ, которое составляетъ необходимое условіе всякаго совокупнаго дѣйствія ихъ; но со стороны формы народъ является только исполнителемъ чужого рѣшенія. Эта возможность вести войну съ помощью народныхъ силъ, но помимо вѣчевого рѣшенія, давала князю большую свободу дѣйствія и немало способствовала успленію княжескихъ усобицъ, которыя, такимъ образомъ, ускользали отъ постояннаго контроля болѣе спокойной половины населенія. Призванный для отправленія правосу-

дія, князь не только судилъ, но и установлялъ самъ формы своего суда и размѣры продажъ и виръ. Народъ же высказывался по этимъ вопросамъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, когда постановленія князей противорѣчили его справедливымъ ожиданіямъ. Такъ, напр., чрезмѣрная высота продажъ и впръ возбуждала протесты вѣча, а иногда приводила къ изгнанію князя. Таковы были отношенія князя къ вѣчу.

В. Составъ и значеніе дружины: дружинники въ роли совѣтниковъ князя и представителей администраціи.

(*В. О. Ключевскій*. «Боярская дума древней Руси». М. 1883).

Въ боярскомъ совѣтѣ кіевскаго князя X вѣка еще сидѣли представители класса, правившаго обществомъ раньше князя съ его боярами. Съ XI вѣка правительственный совѣтъ при князѣ является односословнымъ, боярскимъ: служилый классъ обособляется отъ городского общества. — По памятникамъ X — XII вв. можно видѣть, изъ какихъ элементовъ составлялся и какъ обособлялся этотъ служилый классъ. Въ него переходили люди изъ городской знати и даже изъ городского простонародья: извѣстно лѣтописное сказаніе о скорнякѣ, котораго кн. Владимиръ сдѣлалъ «великимъ мужемъ» вмѣстѣ съ отцомъ его за то, что онъ одолѣлъ печенѣжскаго богатыря въ 992 г. Обособленію класса отъ остального общества содѣйствовалъ прежде всего племенной его составъ. Въ дружину варяжскаго конунга, утвердившагося въ Кіевѣ, въ первое время вступали преимущественно его соотчичи, приливъ которыхъ продолжался почти до половины XI в.; благодаря этому, слово *боярин* долго сохраняло у насъ преимущественное значеніе знатнаго служилаго варяга *).

*) Въ перечняхъ русскихъ пословъ, заключавшихъ договоры съ греками въ X в., рѣшительно преобладаютъ скандинавскія

Въ лѣтописи сохранилось извѣстіе о вступленіи одного печенѣжскаго князя на службу къ Владимиру въ 992 г. Въ дружинѣ князей XI и XII вв. встрѣчаемъ людей изъ финновъ, угровъ, половцевъ, хозаръ, поляковъ, торковъ. Среди этихъ пестрыхъ по соціальному и племенному происхожденію элементовъ класса уже въ XI в. замѣтны слѣды іерархическаго дѣленія.

Нося общее неопредѣленное названіе *дружины*, служилый классъ распадался на дружину *старѣйшую* или *большую* и *молодшую*. Первую составляли *княжи мужи*. Если дошедшій до насъ текстъ договоровъ Руси съ греками точно воспроизводитъ соціальную терминологію X в., то старшая дружина уже тогда носила еще названіе *бояръ;* доселѣ не объяснено удовлетворительно этимологическое значеніе этого термина. Въ глазахъ простого неслужилаго населенія и младшая дружина считалася мужами, боярами; но лѣтопись XI—XIII вв. называетъ ее въ отличіе отъ настоящихъ бояръ *боярцами,* или боярами *молодыми*. Старшая дружина отличалась отъ

имена. Въ словѣ о смиреніи, одномъ изъ древнихъ словъ на Четыредесятницу, сохранившихъ признаки принадлежности первымъ временамъ христіанства на Руси, проповѣдникъ представляетъ современнаго ему русскаго боярина непремѣнно человѣкомъ одного племени съ кіевскими мучениками-варягами. «Не хвались родомъ, благородный, поучаетъ онъ, не говори: отецъ у меня бояринъ, *а мученики Христовы братья мнѣ*». Это намекъ на варяговъ-христіанъ, отца съ сыномъ, пострадавшихъ отъ кіевскихъ язычниковъ при кн. Владимирѣ въ 983 г. и ничего другого значить не можетъ: въ XI в. на Руси было распространено преданіе о мученикахъ-варягахъ, и русская служилая знать любила хвалиться племеннымъ родствомъ съ ними, т. е. была въ большинствѣ скандинавскаго происхожденія или по крайней мѣрѣ сама такъ думала. Срв. выше на стр. 344 и прим.

младшей не только правительственнымъ и придворнымъ своимъ значеніемъ, но и нѣкоторыми юридическими преимуществами, сообщавшими ей характеръ привилегированнаго сословія. Главное изъ этихъ преимуществъ состояло въ болѣе заботливомъ огражденіи личной безопасности закономъ: за убійство княжа мужа законъ грозилъ вдвое болѣе тяжкой вирой, чѣмъ за убійство младшаго дружинника и простолюдина. Съ другой стороны, всякій дружинникъ, старшій и младшій, пользовался нѣкоторыми землевладѣльческими привилегіями, если пріобрѣталъ землю въ собственность. Благодаря этимъ разнообразнымъ преимуществамъ, служебнымъ, личнымъ и хозяйственнымъ, принадлежавшимъ не всѣмъ членамъ дружины въ одинаковой мѣрѣ, слово *боярин* съ теченіемъ времени перестало быть синонимомъ *княжа мужа* и получило различныя спеціальныя значенія въ разныхъ сферахъ жизни. Около половины XI в. еще не было проведено точной и окончательной юридической межи между старшей и младшей дружиной. Такъ, изъ «Русской Правды» знаемъ, что «конюхъ старый у стада», т. е. староста конюшій князя впервые причисленъ былъ къ привилегированнымъ княжимъ мужамъ однимъ частнымъ приговоромъ кн. Изяслава Ярославича, присудившаго двойную виру за убійство своего конюха: «а конюхъ старыи оу стада 80 гривенъ, яко оуставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же оубилѣ дорогобоудьци» (ст. 21 по Академ. списку). Послѣ Ярослава привилегіей двойной виры пользовались и нѣкоторые тіуны князя, приказчики по дворцовому хозяйственному управленію. Какъ видно, князья старались распространить права старшей

дружины на своихъ дворовыхъ слугъ. Такъ расширенъ былъ первоначальный составъ класса княжихъ мужей, къ которому принадлежали собственно старшіе военные сотрудники князя, а не дворовые слуги, завѣдывавшіе его хозяйствомъ и нигдѣ не являющіеся въ званіи бояръ. Это званіе, напротивъ, сузилось, стало тѣснѣе класса княжихъ мужей: оно усвоено было верхнему слою этого класса, сановникамъ, занимавшимъ высшія военныя и правительственныя должности и преимущественно тѣмъ, которые составляли совѣтъ князя *). Но получивъ болѣе тѣсное значеніе при княжомъ дворѣ, званіе боярина расширилось внѣ правительственной сферы: на языкѣ частныхъ гражданскихъ отношеній боярами независимо отъ придворной іерархіи назывались всѣ служилые привилегированные земле-владѣльцы и рабовладѣльцы по тѣсной связи тогдашняго землевладѣнія съ рабовладѣніемъ. Такимъ является бояринъ въ «Русской Правдѣ» и съ такимъ же значеніемъ проходитъ это слово по памятникамъ нашего права до самаго XVIII в.

Дума и вѣче представляли с бою не параллельныя государственныя вѣдомства и не разныя правительственныя инстанціи, а два общественные класса, двѣ различныя политическія силы, другъ съ другомъ соперничавшія. Эти учрежденія различались между собою не столько правительственными функціями, сколько соціально-политическими интересами.

---

*) Въ переводныхъ произведеніяхъ XI—XII вв. терминомъ *боярин* передаются греческія или латинскія слова, означающія начальника, правителя, члена государственнаго совѣта (ἄρχων, praefectus, senator): *боярство* — сенатъ и правительственная должность вообще.

Отношенія между обоими классами, интересы которыхъ находили себѣ выраженіе въ думѣ и на вѣчѣ, въ XII в. основывались на взаимномъ соглашеніи, на договорѣ или «рядѣ»*). Въ старыхъ городахъ кіевской Руси этотъ договоръ не успѣлъ развиться въ точно опредѣленныя постоянныя условія, которыя вездѣ имѣли бы одинаково обязательное значеніе: они опредѣлялись обстоятельствами, расширялись или стѣснялись, даже иногда совсѣмъ исчезали, смотря по тому, на которую сторону склонялся перевѣсъ силы. Князь, садясь на какой-либо столъ, долженъ былъ прежде всего «утвердиться съ людьми» обоюднымъ крестоцѣлованіемъ: таково было господствующее мнѣніе. По понятіямъ вѣка всѣ отношенія князя должны были держаться на крестномъ цѣлованіи, на договорѣ съ политическими силами времени, среди которыхъ онъ вращался. «Богъ велѣлъ вамъ такъ быть, говорили тогдашнимъ князьямъ: творить правду на семъ свѣтѣ, по правдѣ судъ судить и въ крестномъ цѣлованіи стоять». Къ числу этихъ силъ принадлежали и старшіе стольные города: князь долженъ былъ «взять рядъ» съ горожанами, чтобы укрѣпить свой столъ подъ собою. Необходимость этого вытекала изъ положенія, какое занимали тогда обѣ стороны, старшіе города и князья съ своими дружинами.

Первый опытъ политическаго объединенія русской земли былъ дѣломъ дружныхъ усилій торговаго населенія большихъ городовъ и военнаго класса, созданнаго въ его средѣ внѣшними опасностями русской торговли IX в. Но это объединеніе разъединило прежнихъ союзниковъ и поставило ихъ другъ противъ друга. Эта перемѣна тотчасъ отразилась на составѣ

*) Срв. выше на стр. 352, 339, 333.

правительственнаго совѣта при князѣ: представителей городской торговой знати, въ X в. сидѣвшихъ въ думѣ рядомъ съ боярами, не видимъ тамъ въ XI и XII вв. Но политическая роль этой знати не пала, а только перемѣстилась на другую сцену: переставъ давать князю совѣтниковъ изъ своей среды, этотъ классъ сталъ заправителемъ городского вѣча. Сами князья помогли этому. Политическое единство Руси, созданное совокупными усиліями обѣихъ общественныхъ силъ, но еще не упроченное, стало разрушаться по смерти Ярослава I. Вѣрные привычкамъ и понятіямъ своихъ предковъ IX в., князья и въ XI в. оставались на русскихъ рѣкахъ морскими наѣздниками, викингами, слабо привязанными къ землѣ. Двухвѣковою дѣятельностью въ русскомъ князѣ выработался типъ, завязавшійся въ самомъ ея началѣ: это военный сторожъ земли, точнѣе — ея торговыхъ путей и оборотовъ. Когда князей появилось много, они стали дѣлиться сторожевыми обязанностями и выгодами, сторожевыми кормами, дѣля между собою и мѣняя области **по очереди старшинства**. Этотъ «очередной порядокъ княжескаго владѣнія» дѣлалъ князя бродячимъ гостемъ области, подвижнымъ витяземъ*), какимъ онъ былъ два вѣка назадъ. Тогда старшіе города остались одни постоянными и привычными руководи-

*) Инымъ является князь въ эпоху «удѣльнаго порядка княжескаго владѣнія». Оба порядка — очередной (XI—XIII вв.) и удѣльный (XIII—XV вв.) — должны быть строго различаемы между собой, что, къ сожалѣнію, не всегда замѣчается въ русской исторической литературѣ. Срв. выше слова примѣчанія на стр. 251 и предисловіе (стр. I—III) къ *Исторіи отношеній между русскими князьями Рюрикова дома.* (М. 1847) Соловьева. *Ред.*

телями своихъ областей. Политическія отношенія начали локализоваться попрежнему: мѣстные міры, стянутые къ Кіеву князьями X в., опять потянули къ своимъ мѣстнымъ центрамъ; пригороды, опять какъ въ старину, стали послушно принимать то, что рѣшали на вѣчѣ «старѣйшіе» города и этими «старѣйшими», «властями», какъ ихъ называетъ сѣверный владимирскій лѣтописецъ XII в., являются въ разсказѣ послѣдняго тѣ же самые города, которые стояли во главѣ областей до объединенія русской земли кіевскими князьями: Новгородъ, Смоленскъ, Кіевъ, Полоцкъ. Но по мѣрѣ того какъ князья превращались въ подвижныхъ земскихъ сторожей, перебивавшихъ другъ у друга волости, т. е. волостные кормы, и волостные города въ свою очередь все рѣшительнѣе выступали хозяевами-наемщиками, перебивавшими этихъ сторожей другъ у друга, какъ они поступали нѣкогда.

Такъ политическія отношенія XI—XII вв. во многомъ были возвратомъ къ порядку, дѣйствовавшему до основанія великаго княжества кіевскаго; по крайней мѣрѣ въ этомъ порядкѣ надобно искать первоначальнаго источника тѣхъ отношеній. Русская земля первоначально сложилась изъ самостоятельныхъ городовыхъ областей помощью тѣснаго союза двухъ аристократій, военной и торговой. Когда этотъ союзъ земскихъ силъ распался, составныя части земли стали также возвращаться къ прежнему политическому обособленію. Тогда знать торговаго капитала осталась во главѣ мѣстныхъ міровъ, а аристократія оружія съ своими князьями скользила поверхъ этихъ міровъ, едва поддерживая связь между ними. Борьба этихъ двухъ силъ и была основнымъ фактомъ,

изъ котораго развивались политическія явленія при Ярославичахъ: то была борьба двухъ правъ, княжескаго и городового, двухъ земскихъ порядковъ, изъ коихъ одинъ объединялъ землю посредствомъ очередного княжескаго владѣнія, другой разбивалъ ее на самостоятельныя городовыя волости. При тогдашнемъ положеніи обѣихъ соперничавшихъ силъ договоръ, «рядъ» оставался единственнымъ выходомъ изъ этой борьбы двухъ порядковъ, единственнымъ средствомъ поддержанія разрушавшихся земскихъ связей.

Князь XII в. часто думаетъ съ своей дружиной. Разсказъ лѣтописи объ этихъ «думахъ» даетъ понять важное политическое значеніе боярскаго совѣта; но его устройство и значеніе правительственное не раскрывается въ этомъ разсказѣ съ достаточной полнотой. Отношеніе боярской думы къ князю ясно; но неясно ея отношеніе къ административному механизму, двигателемъ котораго былъ князь съ боярской думой. Главная причина этого въ томъ, что мы знаемъ боярскую думу того времени почти исключительно по лѣтописи, а лѣтопись выводитъ бояръ-совѣтниковъ почти только въ походахъ князя на враговъ и въ отношеніяхъ его къ другимъ князьямъ. То были чрезвычайные, хотя и частные, случаи, такъ сказать, дѣла внѣшней политики князя. Ходъ внутренняго управленія, теченіе ежедневныхъ административныхъ дѣлъ остаются у лѣтописца въ тѣни, въ глубинѣ сцены, на которой разыгрываются описываемыя имъ событія. Благодаря этому многое въ устройствѣ и дѣятельности боярской думы тѣхъ вѣковъ остается необъяснимымъ.

Обозначая составъ думы, лѣтопись XII в. часто говоритъ, что князь думалъ съ своей «дружиной». Но подъ этимъ неопредѣленнымъ выраженіемъ лѣтописецъ разумѣлъ только верхній слой класса, носившаго такое названіе, «старѣйшую» или «большую» дружину, «переднихъ» или «лѣпшихъ мужей», которые были обычными, постоянными совѣтниками князя. Если князь предпринималъ дѣло, «не повѣдавъ мужемъ своимъ лѣпшимъ думы своея», лѣтописецъ отмѣчалъ это какъ необычное и неправильное явленіе. Въ лѣтописномъ разсказѣ о засѣданіяхъ княжескаго совѣта эти обычные и постоянные совѣтники чаще всего зовутся просто «мужами» или «боярами». Въ исключительныхъ случаяхъ, на походѣ, когда князь спрашивалъ мнѣнія своей младшей дружины, лѣтописецъ точно отличаетъ послѣднюю отъ старшихъ дружинниковъ, замѣчая, что была дума не только съ мужами, но и со *всей* дружиной. Повидимому *боярин* уже тогда получалъ спеціальное значеніе совѣтника, постояннаго княжого «думцы» или «думника»: одинъ князь XII в., герой *Слова о полку Игоревѣ*, отличалъ «бояръ думающихъ» отъ «мужей храборствующихъ», отъ военной дружины, не имѣвшей мѣста въ думѣ. Изъ лѣтописнаго свода (подъ 1169 г.) мы знаемъ, какъ кн. Владимиръ Мстиславичъ, который, не смотря на данную племяннику клятву и безъ вѣдома своихъ бояръ завелъ сношенія съ Черными Клобуками, поднимая ихъ на Мстислава Изяславича, пригрозилъ своимъ несговорчивымъ боярамъ возвести въ званіе бояръ своихъ *дѣтскихъ*, людей младшей дружины: «переступи крестъ Володимиръ... и рекоша ему дружина его: «о собѣ еси, княже замыслилъ

а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали». Володимиръ же рече възрѣвъ на дѣцскы: «а се будуть мои бояре», и поѣха къ Берендичемъ», но тѣ «начаша въ нь пущати стрѣлы», такъ какъ пріѣхалъ «одинъ и без мужий своихъ». Можетъ-быть, князь и не исполнилъ своей угрозы, не возвелъ дѣтскихъ въ бояре; но если онъ грозилъ этимъ, то, значитъ считалъ пожалованіе боярскаго сана своимъ княжескимъ правомъ (?). Трудно сказать, чѣмъ руководились князья при этомъ пожалованьи, были ли необходимы какія-либо личныя или генеалогическія качества, чтобы получить это званіе. Очень вѣроятно, что къ концу XII в. на Руси образовался уже кругъ служилыхъ фамилій, члены которыхъ, достигнувъ надлежащаго возраста, служили боярами при многочисленныхъ княжескихъ дворахъ того времени. По лѣтописи извѣстны случаи, впрочемъ очень рѣдкіе, когда даже въ важной должности кіевскаго тысяцкаго являлись преемственно отецъ и сынъ, старшій и младшій братъ. Но въ составѣ дружины, даже въ числѣ бояръ, по крайней мѣрѣ галицкихъ, встрѣчаемъ людей и неслужилаго происхожденія, не только изъ духовнаго званія, но и «отъ племени смердья», по выраженію лѣтописца.

Правительственный составъ думы доступенъ изученію не болѣе соціальнаго. Трудно сказать, каково было административное положеніе ея членовъ, занимали ли всѣ они какія-либо должности внѣ думы, или правительственное значеніе нѣкоторыхъ ограничивалось званіемъ княжихъ совѣтниковъ. Въ старыхъ областяхъ кіевской Руси при княжескихъ дворахъ XII и XIII вв. встрѣчаемъ довольно значительный штатъ сановниковъ. То были: *тысяцкій*

съ сотскими, обыкновенно командовавшій полкомъ стольнаго города, *дворскій* или дворецкій, *печатникъ, стольникъ, мечеюша, мечники, конюшій, сѣдельничій, покладникъ*, или постельничій, *ловчій, ключники* и *тіуны* разныхъ родовъ, *осменикъ* и *мытники, биричи, подвойскіе*. Нѣкоторые изъ этихъ должностныхъ лицъ были, очевидно, дворцовые слуги невысокаго ранга; другіе, напротивъ, входили въ составъ того, что можно назвать высшимъ центральнымъ правительствомъ въ княжествѣ того времени. Тысяцкій и дворскій принадлежали къ «великимъ боярамъ» и въ разсказѣ лѣтописцевъ иногда являются самыми видными и вліятельными сановниками. Волынскій лѣтописецъ XIII в. причисляетъ къ боярамъ вмѣстѣ съ дворскимъ и стольника, который даже является у него потомъ въ должности дворскаго, а при князѣ Андреѣ Боголюбскомъ въ числѣ бояръ и важнымъ дипломатическимъ агентомъ встрѣчаемъ мечника. Печатникъ и меченоша командовали полками, а первый, кромѣ того, является въ одной провинціи Галицкой земли съ порученіемъ отъ князей устроить мѣстныя дѣла и успокоить общество. Тіуны у князей, какъ и у бояръ, служили по домашнему хозяйству въ городѣ при дворцѣ и въ княжихъ селахъ; принадлежа къ штату простыхъ дворовыхъ слугъ, они отличались отъ «мужей» родомъ службы, не входили въ составъ ратной дружины, хотя по личнымъ правамъ »Русская Правда» ставитъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ тіуна конюшаго, («а въ княжи тивоунѣ 80 гривенъ» — ст. 21), даже наравнѣ съ членами старшей дружины. Но были еще правительственные тіуны, которымъ князь поручалъ судъ и расправу въ городахъ своего княжества,

даже въ столицѣ. Эти городовые судные тіуны были важные сановники съ большою властью: кіевляне въ 1146 г. жаловались на тіуновъ, поставленныхъ великимъ княземъ Всеволодомъ въ Кіевѣ и Вышгородѣ, говоря, что они неправдами своими «погубили» оба города; идя въ Кіевъ на великокняжескій столъ, князь посылалъ туда напередъ своего тіуна. Если В. Н. Татищевъ, историкъ XVIII столѣтія *), въ своемъ повѣствованіи о полоцкихъ событіяхъ въ 1217 г. и о княгинѣ Святохнѣ точно передалъ административную терминологію исчезнувшей лѣтописи, изъ которой заимствованъ этотъ любопытный разсказъ, то въ Полоцкѣ, какъ и въ Новгородѣ, кромѣ тысяцкаго былъ еще *посадникъ*. Мало того: рядомъ съ этими сановниками тамъ въ числѣ знатнѣйшихъ вельможъ и «главныхъ совѣтниковъ князя» является ключникъ, называвшійся иначе *казначеемъ*.

Въ думѣ князя XII и XIII вв. имѣли мѣсто важнѣйшія изъ этихъ должностныхъ лицъ, служившихъ органами княжескаго центральнаго и дворцоваго управленія. Это можно сказать о дворскомъ, печатникѣ, стольникѣ, меченошѣ, главномъ мечникѣ, казначеѣ. Участіе тысяцкаго въ княжескомъ совѣтѣ извѣстно по лѣтописи; въ смоленскихъ актахъ 1284 г. боярами-совѣтниками князя являются намѣстникъ, соотвѣтствующій полоцкому посаднику, и *окольничій*, придворный сановникъ, который становится впервые извѣстенъ по одной изъ этихъ грамотъ, а въ другой, излагающей условія торговаго договора съ Ригой, рядомъ съ боярами и другими совѣтниками

*) См. о пріемахъ его исторической работы въ книгѣ проф. П. Н. Милюкова *Главныя теченія русской исторической мысли*. М. 1897. *Ред.*

смоленскаго князя поставленъ «таможникъ ветхій», повидимому соотвѣтствовавшій кіевскому осменику. Почти всѣхъ этихъ сановниковъ центральной и дворцовой администраціи встрѣчаемъ позднѣе и въ совѣтѣ князей сѣверовосточной удѣльной Руси. Но въ боярской думѣ на югозападѣ XII—XIV вв. была особенность, которая сближала ее съ польско-литовской радой: это — присутствіе въ ней представителей областной администраціи. Изъ одной статьи «Русской Правды» видимъ, что въ думѣ великаго князя Владимира Мономаха, приговорившей ограничить размѣръ роста по долгосрочнымъ займамъ, присутствовали тысяцкіе переяславскій и бѣлогородскій вмѣстѣ съ кіевскимъ. Еще значительнѣе этотъ элементъ въ составѣ думы галицко-волынскаго князя. Впрочемъ, составъ галицко-волынскаго совѣта узнаемъ по памятникамъ довольно поздняго времени, составленнымъ наканунѣ паденія политической самостоятельности княжества.

Эту особенность можно объяснить характеромъ княжескаго хозяйства и связаннаго съ нимъ княжескаго управленія въ древней кіевской Руси. Тамъ главными средствами княжеской казны были правительственные доходы князя, дани, судебныя и другія пошлины. Въ лѣтописяхъ XII и XIII вв. находимъ указанія на дворцовыя княжескія земли, дворы городскіе и загородные, села, цѣлыя волости и даже города, на то, что князья звали «своею жизнью». Но при тогдашней подвижности князей эти недвижимыя дворцовыя имущества не были значительны, не могли стать главнымъ основаніемъ княжескаго хозяйства. Свой дворъ, свою дружину князь содержалъ преимущественно тѣмъ, что онъ

получалъ какъ правитель и военный сторожъ земли, а не какъ личный собственникъ, хозяинъ. Дворецъ еще не былъ такимъ могущественнымъ центромъ управленія, какимъ онъ сталъ потомъ въ удѣльныхъ княжествахъ на верхневолжскомъ сѣверѣ, гдѣ дворцовая хозяйственная администрація слилась съ центральнымъ управленіемъ, поглотила его и провела рѣзкую административную и хозяйственную грань между дворцовыми и недворцовыми землями, взявъ въ свое непосредственное распоряженіе первыя и отдавъ послѣднія въ руки органовъ областной администраціи, намѣстниковъ и волостелей. Въ бродячей правительственной средѣ старой кіевской Руси не могло образоваться такое рѣзкое разграниченіе между дворцовымъ центромъ и намѣстничьей провинціей, уѣздомъ. Сѣвъ на новомъ столѣ, князь спѣшилъ разсажать по городамъ и волостямъ княжества своихъ мужей и дѣтскихъ, оставляя нѣкоторыхъ при себѣ для правительственныхъ и дворцовыхъ надобностей. Но общество всѣхъ этихъ большихъ и малыхъ «посадниковъ« не теряло характера лагеря, разсѣявшагося по княжеству на торопливый и кратковременный «покормъ» до скораго похода или перемѣщенія въ новое княжество. Совѣтуясь съ своими боярами на походѣ, князь не различалъ между ними дворцовыхъ сановниковъ и областныхъ управителей; сидя въ своемъ стольномъ городѣ, отдыхая между двумя походами, онъ для рѣшенія важнаго вопроса вмѣстѣ съ сановниками столичнаго правительства призывалъ къ себѣ посадниковъ или тысяцкихъ и изъ пригородовъ, когда было нужно и можно призвать.

XII. ЗАВИСИМОЕ И НЕСВОБОДНОЕ НАСЕЛЕНІЕ: СМЕРДЫ, ЗАКУПЫ И ХОЛОПЫ.

(В. И. Сергѣевичъ. «Русскія Юридическія Древности». Т. I. «Территорія и населеніе». Спб. 1890).

Горожане и княжеская дружина составляли верхи древняго общества кіевской Руси, съ извѣстной отчетливостью отразившіеся въ дошедшихъ до насъ памятникахъ. Остальная часть населенія, стоявшая внѣ городскихъ общинъ и дружины, не играла политической роли и выступаетъ по документамъ въ менѣе ясныхъ очертаніяхъ.

Древняя исторія каждаго народа начинается съ неизвѣстнаго нашему времени дѣленія людей на свободныхъ и рабовъ. Это дѣленіе составляетъ принадлежность и нашего древняго права. Все населеніе исконн распадалось у насъ на свободныхъ и холоповъ. Сословій въ собственномъ смыслѣ не было. Каждый имѣлъ право на все, по одному удавалось больше, чѣмъ другому, а потому онъ и выдѣлялся какъ человѣкъ «лучшій»; кто оставался позади всѣхъ, тотъ характеризовался эпитетомъ «меньшого» человѣка. Отличительный признакъ «меньшихъ» людей составляетъ ихъ мéньшая сравнительно съ «лучшими» людьми *экономическая* обезпеченность. Отдѣльные разряды «меньшихъ» людей носятъ разныя наименованія, смотря по мѣстностямъ: таковы смерды и закупы. Начнемъ съ первыхъ.

I.

СМЕРДЫ.

Смерды*) составляютъ *свободное* населеніе. Это совершенно ясно изъ «Русской Правды». Перечисливъ цѣны разнаго вида домашняго скота, которыя должны уплачиваться похитителемъ скота въ тѣхъ случаяхъ, когда похищенное животное не могло быть возвращено натурою, «Правда» говоритъ, что (ст. 41) смердъ наказывается продажею, а это признакъ свободнаго человѣка, такъ какъ рабовъ князь продажею не казнитъ.

Такъ какъ смерды суть свободные люди, то отсюда, само собой, слѣдуетъ, что они пользуются и всѣми правами свободныхъ людей. Не останавливаясь на перечисленіи этихъ правъ, приведемъ только тѣ изъ нихъ, о которыхъ прямо упоминается въ древнихъ памятникахъ.

Смерда, какъ свободнаго человѣка, никто не можетъ наказывать безъ приказа подлежащей власти:

Или смердъ оумоучатъ), а безъ княжа слова, за обиду 3 гривны.* Акад. 31. Ср. (ст. 71).

---

*) Терминъ этотъ въ напечатанномъ далѣе текстѣ «Русской Правды» по Троицкому списку встрѣчается въ статьяхъ 13, 41, 71 и 85. Всѣ цифры въ скобкахъ съ знакомъ ст. означаютъ статьи «Правды» по названному списку. *Ред.*

**) «Мука» — наказаніе, казнь (ст. 71, 72, 81 и 82).

У смердовъ можетъ быть и собственность. «Русская Правда» говоритъ о конѣ смерда (Акад. 25: *за княжь конь, иже тои съ пятномъ 3 гривнѣ, а за смердь и 2 гривнѣ*), лѣтописи — о его пашнѣ. Дружина Святополка потому возражала противъ войны съ половцами весною 1103 г., что боялась «погубити смерды и *ролью ихъ*». Пашнею смердовъ можетъ быть конечно, названа и та пашня, которую они имѣли на владѣльческихъ земляхъ, снимаемыхъ въ аренду. Но если бы дѣло шло только о такихъ земляхъ, то, надо думать, дружина жалѣла бы не объ однихъ только нанимателяхъ, смердахъ, но и о собственникахъ, ибо и они несли убытки. Вотъ почему подъ пашнею смердовъ въ данномъ случаѣ надо разумѣть преимущественно пашню на ихъ собственныхъ, а не на владѣльческихъ земляхъ.

Какъ свободныя лица, смерды несутъ повинности въ пользу государства и съ этой цѣлью образуютъ своеобразныя податныя единицы. Въ Новгородѣ эти податныя единицы носятъ наименованіе погостовъ. Въ новгородскихъ договорахъ съ князьями читаемъ:

Кто купець, поидетъ въ свое сто, а кто смердъ, тотъ потянетъ въ свой погостъ.

Смерды платятъ князю дань:

Приде князь Михаилъ ис Чьрнигова въ Новъгородъ, по велицѣ дни Фоминѣ недѣли исходяче..., и цѣлова крестъ на всѣй воли новгородьстѣй и на всѣхъ грамотахъ ярославлихъ, и вда свободу смьрдомъ на 5 лѣтъ даний не платити, кто сбежалъ на чюжю землю, а симъ повеле, къто сде живетъ, како уставили передніи князи, тако платите дань (Новгор. 1229).

Они носятъ оружіе и входятъ въ составъ войска:

И нача Ярославъ вои дѣлити: старостамъ своимъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривнѣ, а новгородцемъ по 10 гривенъ, и отпусти я вся домовь (Воскр. лѣт. подъ 1019).

Здѣсь смерды различены отъ новгородцевъ. Надо думать, что и въ Новгородѣ, какъ и въ Псковѣ, смерды означали сельскихъ, а не городскихъ жителей, названныхъ новгородцами.

При описаніи ночного нападенія Данила Романовича на Бѣльзъ, читаемъ:

Вся земля попленена бысть: боярин боярина плънивше, смердъ смерда, градъ града (Ипат. лѣт. 1221).

Смерды составляютъ низшій слой свободнаго населенія, они живутъ трудами рукъ своихъ и, по общему правилу, занимаются земледѣліемъ. Это сравнительно приниженное положеніе ихъ въ обществѣ отразилось и въ древнѣйшемъ правѣ въ разной цифрѣ вознагражденія, полагаемаго за муку, причиненную смерду и человѣку высшаго положенія, каковы были тивуны, мечники, огнищане и др. За муку смерда взыскивалось 3 гривны, за муку человѣка высшаго состоянія — 12. Акад. 31—32. Ср. (ст. 71—72).

Что касается штрафа за убійство смерда, то на этотъ вопросъ можно отвѣтить только предположительно. Согласно первой статьѣ «Правды» смерть изгоя оплачивалась 40 гривнами; изгои же занимали въ древнемъ обществѣ положеніе еще болѣе низкое, чѣмъ смерды. Это даетъ основаніе заключить, что и убійство смердовъ оплачивалось тѣми же 40 гривнами.

Смерды составляютъ низшій слой свободнаго населенія, но это различіе только фактическое; при

искусствѣ и удачѣ они могутъ подняться въ самые высшіе его слои. Лѣтописецъ говоритъ, что «бояре галичьстии Данила князем собѣ называху, а самѣ всю землю держаху»; среди этихъ бояръ находимъ: Судьича «попова внука» и Лазоря Домажиреча съ Иворомъ Молибожичемъ «два безаконьника отъ племени *смердья*».

Еще А. Рейцомъ (въ 1829 г.) былъ высказанъ весьма близкій къ правдѣ взглядъ на смердовъ. Онъ называетъ ихъ «простолюдинами», но не входитъ въ разборъ памятниковъ.

Позднѣйшіе изслѣдователи не оцѣнили по достоинству этого вѣрнаго намека и очень затемнили понятіе смерда. Первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ В. Н. Лешковымъ въ его сочиненіи: «Русскій народъ и государство» (М. 1858). Онъ утверждаетъ, что смерды были *люди князя*, что они принадлежали только ему, подобно тому, какъ холопы и закупы принадлежали другимъ владѣльцамъ.

Это мнѣніе не отличается опредѣленностью. На языкѣ московскихъ памятниковъ выраженіе «чьи-либо люди» означаетъ чьихъ либо рабовъ. Въ какомъ смыслѣ употребилъ это выраженіе авторъ, остается неяснымъ. Уподобляя смердовъ князя рабамъ другихъ владѣльцевъ, онъ, кажется, хочетъ сказать, что смерды суть рабы князя. Но у него же читаемъ: «въ глазахъ общества и предъ закономъ смерды имѣли почти всѣ права свободныхъ». Если у нихъ почти всѣ права свободныхъ, то они, надо думать, не рабы. Отсюда, въ дальнѣйшемъ выводѣ, получается слѣдующій несогласный съ источниками результатъ: князья не имѣютъ рабовъ, такъ

какъ смерды, замѣняющіе для нихъ рабовъ частныхъ владѣльцевъ, не суть рабы.

Это не совсѣмъ ясное мнѣніе доказывается ссылкой на противоположеніе княжого коня коню смерда*) и на статью, опредѣляющую одинаковое вознагражденіе за убійство**) холопа и смерда, и словами Яна Вышатича, воеводы Святослава.

Во время голода въ Ростовской волости, два волхва, пришедшіе изъ Ярославля на Бѣлоозеро, обманули легковѣрный народъ относительно причинъ голода, послѣдствіемъ чего было убійство ни въ чемъ невиновныхъ людей. Въ разгаръ этой замятни прибылъ на Бѣлоозеро Янъ Вышатичъ; обманъ волхвовъ для него не подлежалъ сомнѣнію.

Янъ же испытавъ, чья еста смерда (волхвы), и увѣдавъ, яко своего князя,ославъ к нимъ, иже около ею суть, рече имъ: выдайте волхва та съмо, яко смерда еста моего князя (Лавр. лѣт. подъ 1071 г.).

Вотъ эти-то слова Яна «смерды моего князя» и легли въ основаніе неяснаго положенія «смерды суть люди князя». Выраженіе «смерды моего князя» значитъ подданные моего князя. Дѣло, въ данномъ случаѣ, шло о преступленіи, совершенномъ волхвами, и о судѣ надъ ними. Подсудность же опредѣлялась подданствомъ. Вотъ почему Яну и надо было выяснить, чьи подданные волхвы.

Этому объясненію совершенно соотвѣтствуетъ и отвѣтъ волхвовъ. Они говорятъ Яну: «нама стати пред Святославомъ, а ты не можеши створити ничтоже», т. е. мы должны стать на судъ самого

---

*) См. выше на стр. 379.

**) См. ниже примѣчаніе къ 13-ой статьѣ «Русской Правды».

князя; о возвращеніи же къ князю рабовъ его или вообще зависимыхъ отъ него людей здѣсь рѣчи нѣтъ.

Мнѣнію, высказанному Лешковымъ, весьма посчастливилось въ нашей литературѣ. Къ мысли о томъ, что смердъ не низшій слой свободныхъ людей, а особый классъ, состоящій въ нѣкоторомъ ближайшемъ отношеніи къ князю, примыкаетъ цѣлый рядъ нашихъ изслѣдователей.

В. Н. Никольскій въ своемъ изслѣдованіи «О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ» (М. 1859) даетъ этой мысли дальнѣйшее развитіе и новую аргументацію; онъ говоритъ, что источники не даютъ прямого отвѣта на вопросъ о томъ, кто были смерды, что однако не мѣшаетъ ему нарисовать весьма полную картину положенія смердовъ.

Исходя изъ статьи Правды «о смердьей задницѣ» (ст. 85), которую онъ беретъ только по одному Карамзинскому списку — ст. 103 —, а слова «безъ дѣтей» переводитъ словами «безъ сыновей», Никольскій заключаетъ, что смерды были люди, *обязанные* князю и непосредственно отъ него *зависимые*, рисуя цѣлую картину этой зависимости. Смерды его составляютъ рабочій безземельный классъ. Они поселяются на княжескихъ земляхъ и, будучи лично свободными, обязаны обработывать землю на князя. Они состоятъ на барщинѣ у князя и работаютъ изъ-за хлѣба. Собственности у нихъ никакой нѣтъ, даже движимости имъ не принадлежатъ, такъ какъ въ то отдаленное время, по увѣренію автора, домъ, дворъ, домашній скотъ и орудія обработки земли считались принадлежностью земли и составляли собственность князя. Авторъ совершенно не хочетъ знать

статей «Русской Правды», которыя говорятъ о конѣ смерда и опредѣляютъ за него иное взысканіе, чѣмъ за коня князя.

П. П. Цитовичу принадлежитъ заслуга правильнаго объясненія начала статьи «о смердьей задницѣ», невѣрное чтеніе которой послужило исходнымъ пунктомъ всей аргументаціи Никольскаго. Но и онъ не могъ освободиться отъ вліянія идей Лешкова. Противоположеніе княжого коня коню смерда и для него составляетъ несомнѣнное доказательство особой зависимости смерда отъ князя. Состояніе смерда есть поэтому состояніе зависимости отъ князя и личной ему подчиненности; это отношеніе наймита къ хозяину («Исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдованія». Харьковъ 1870). Но въ «Русской Правдѣ» княжой тивунъ противополагается тивуну боярскому; авторы, мнѣнія которыхъ мы разсматриваемъ, кажется, не замѣтили этого противоположенія, иначе они должны были бы говорить о такой же зависимости бояръ отъ князя, въ какой находились отъ него смерды. Отъ одинакой зависимости имъ бы слѣдовало заключить и къ одинаковости соціальнаго положенія смердовъ и бояръ.

Тѣсно къ Никольскому примыкаетъ Никитскій. У него смердъ собственности не имѣетъ и живетъ на княжеской землѣ (См. «Очеркъ внутренней исторіи Пскова» С.-Пб. 1873).

Проф. Ключевскій эти княжескія земли превратилъ уже въ государственныя. Онъ считаетъ смерда государственнымъ крестьяниномъ, жившимъ на землѣ княжеской, въ смыслѣ государственной («Русская Мысль», 1880, № 1, стр. 63).

Слабый отголосокъ идей Лешкова можно найти

даже у М. Ф. Владимірскаго-Буданова. «Земли общинныя, — говоритъ онъ, — считались государственными, и смерды, ихъ населявшіе, были смердами князя». За этимъ, какъ доказательство, приводятся слова Яна (см. «Обзоръ исторіи рус. права», стр. 34 по изд. 1888 г.).

II.

ЗАКУПЫ.

Пространные списки «Русской Правды» служатъ почти единственнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о закупахъ (ст. 52—55, 57, 59).

Недожившее до нашихъ дней и не совсѣмъ понятное намъ слово «закупъ» объяснено въ «Русской Правдѣ» совершенно понятнымъ выраженіемъ «наймитъ».

Продастъ ли господинъ закупа обель, то наймиту свобода въ всѣхъ коунахъ, а господину за обидоу платити 12 гривенъ продажи.

Закупъ, слѣдовательно, есть наемный человѣкъ, наемный работникъ.

Но почему онъ называется закупомъ и что значитъ это слово?

Въ старину слово *купить* означало и *наемъ*. А потому, кто хотѣлъ сказать, что онъ не нанялъ, а пріобрѣлъ вещь въ собственность, тотъ не ограничивался выраженіемъ «я купилъ», а прибавлялъ «купилъ въ прокъ», «въ дернь», «въ вѣкъ» и пр. Крестьяне Лужскаго уѣзда и теперь нанятые луга называютъ купленными, а глаголъ «покупать, куплять» употребляютъ въ значеніи найма.

Закупъ и закупной человѣкъ (именно такое выраженіе встрѣчаемъ въ Карамзин. сп. ст. 70 «оже зако-

упный бѣжитъ отъ господина, то обелъ») обозначаетъ, слѣдовательно, наемнаго человѣка въ противоположность собственному обельному холопу *).

Закупъ получаетъ отъ господина за свой трудъ плату. Наемные рабочіе и теперь нерѣдко получаютъ заработную плату впередъ; тоже дѣлалось и въ старину. Въ этомъ смыслѣ и надо понимать выписанное выше мѣсто изъ ст. 73 по Карам. списку. Если господинъ продаетъ наймита въ рабство (выдавъ его обманомъ за своего холопа), то проданный получаетъ «свободу во всѣхъ кунахъ», т. е. освобождается отъ обязанности уплатить или отработать взятую впередъ плату.

Закупа «Русской Правды» нѣтъ основанія приравнять, говоритъ онъ, заемъ весьма часто былъ обезпечиваемъ личною свободою должника. Занимавшій деньги или другіе предметы становился на время, пока онъ не выплатитъ долга, холопомъ своего заимодавца и долженъ былъ отправлять на него извѣстныя работы или службы, условленныя при самомъ заключеніи договора займа. Въ Русской Правдѣ заемщики этого рода называются закупами, — словомъ, означавшимъ прежде вообще залогъ или закладъ. Позднѣе встрѣчается для нихъ заимствованное отсюда наименованіе закладчиковъ или закладней». Въ доказательство онъ ссылается на выраженіе одного документа: «нынѣ вотчина очищена вся отъ (такихъ то) и ни у кого не въ *закупѣ* и въ *закладѣ* нѣтъ...» Здѣсь слово «закупъ» противопоставлено «закладу» и, конечно, должно означать что-либо другое, а не тотъ же закладъ. Въ томъ же документѣ, въ мѣстахъ, соотвѣтствующихъ приведенному, встрѣчаемъ такое противоположеніе: «не продавати и не закладывати», или «что кому продадимъ или заложимъ». Изъ сопоставленія приведенныхъ мѣстъ слѣдуетъ, что слову «закупъ» соотвѣтствуетъ понятіе продажи, а не заклада. Памятникъ, на который ссылается Неволинъ, составленъ во 2-й четверти XVII вѣка. Въ это время слово «закупенъ» въ московскихъ памятникахъ употреблялось въ значеніи купца, торговаго человѣка.

*) К. А. Неволинъ (III, 339, пр. 124 и V, 147) утверждаетъ, что слово закупъ означаетъ залогъ или закладъ. «Въ древнія времена, говоритъ онъ, заемъ весьма часто былъ обезпечиваемъ личною свободою должника. Занимавшій деньги или другіе предметы становился на время, пока онъ не выплатитъ долга, холопомъ своего заимодавца и долженъ былъ отправлять на него извѣстныя работы или службы, условленныя при самомъ заключеніи договора займа. Въ Русской Правдѣ заемщики этого рода называются закупами, — словомъ, означавшимъ прежде вообще залогъ или закладъ. Позднѣе встрѣчается для нихъ заимствованное отсюда наименованіе закладчиковъ или закладней». Въ доказательство онъ ссылается на выраженіе одного документа: «нынѣ вотчина очищена вся отъ (такихъ то) и ни у кого не въ *закупѣ* и въ *закладѣ* нѣтъ...» Здѣсь слово «закупъ» противопоставлено «закладу» и, конечно, должно означать что-либо другое, а не тотъ же закладъ. Въ томъ же документѣ, въ мѣстахъ, соотвѣтствующихъ приведенному, встрѣчаемъ такое противоположеніе: «не продавати и не закладывати», или «что кому продадимъ или заложимъ». Изъ сопоставленія приведенныхъ мѣстъ слѣдуетъ, что слову «закупъ» соотвѣтствуетъ понятіе продажи, а не заклада. Памятникъ, на который ссылается Неволинъ, составленъ во 2-й четверти XVII вѣка. Въ это время слово «закупенъ» въ московскихъ памятникахъ употреблялось въ значеніи купца, торговаго человѣка.

нивать къ кабальному холопу. Кабальный холопъ служилъ за проценты съ занятаго капитала; закупъ же служитъ за наемную плату и погашаетъ свой долгъ, если беретъ плату впередъ, работой.

Статья 105 Троиц. сп. не упоминаетъ о закупѣ, но конечно говоритъ о послѣдствіяхъ нарушенія договора найма услугъ со стороны работника:

Вда цѣну (изъ списка Мусина-Пушкина вмѣсто: «а въдачь» Тр.) *не холопъ, ни по хлѣбъ роботять, ни по придатъцѣ; но оже не доходять года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виноватъ есть.*

Передъ приведенной статьей въ Правдѣ помѣщены три статьи, въ которыхъ указаны способы установленія рабства. Въ этой, слѣдующей за ними, наоборотъ, указаны случаи, которые не должны вести къ рабству. Эти случаи имѣютъ въ виду рабочихъ, нанимаемыхъ на опредѣленный, годовой срокъ и получающихъ впередъ годовую плату. Плата эта дается или натурой (хлѣбомъ, придаткомъ къ денежной наемной платѣ, надо думать), или деньгами (вда цѣну). Кто получилъ плату (цѣну) впередъ, тотъ не дѣлается рабомъ, а долженъ или отходить свое время, или возвратить милость *).

Условіе, въ силу котораго выданная цѣна погашается годовой работой, показываетъ, что здѣсь рѣчь идетъ не о займѣ вообще, такъ какъ не всякій же заемъ можетъ погашаться годичной рабо-

---

*) Но и редакція Троицкаго списка «а въдачь не холопъ» допускаетъ совершенно удовлетворительное объясненіе. Слово «дача» и теперь употребляется въ великорусскомъ языкѣ въ смыслѣ жалованья, содержанія, пайка. Выраженіе же Троиц. сп. «а въ дачь» имѣетъ варіантъ: «а въ дачѣ» т. е. за паекъ не рабъ.

той, а о впередъ данной платѣ наймиту, которая натурально соотвѣтствуетъ цѣнности годовой работы, а потому и погашается ею.

Закупъ имѣетъ свою собственность и самъ отвѣчаетъ за убытки, причиненные его дѣйствіями нанимателю, какъ видно изъ (ст. 53).

Общій смыслъ статьи совершенно понятенъ. Она говоритъ объ отвѣтственности закупа за нерадѣніе, причиннвшее убытки хозяину его. Поэтому, если убытокъ случился въ отсутствіе закупа, происшедшее не по его винѣ, онъ не отвѣчалъ.

Понятная въ общемъ, статья представляетъ непреодолимыя трудности въ своемъ первомъ предложеніи. Ролейный (рало — соха, ролья — пашня) закупъ есть наемный земледѣлецъ. Но что значитъ войскій конь?

Допустимъ, хотя это и трудно, что «воискій» значитъ «воинскій» (трудность же такого допущенія состоитъ въ малой вѣроятности того, чтобы въ XIII вѣкѣ у насъ обособились уже кавалерійскія лошади отъ упряжныхъ); остается непонятнымъ, почему закупъ, погубивъ своимъ небреженіемъ такого коня, не платилъ убытковъ. Объясненіе Н. И. Ланге (онъ не платилъ потому, что сельскому работнику не слѣдовало поручать наблюденія за кавалерійскою лошадью, — въ «Изслѣдованіи объ уголовномъ правѣ Русской Правды» Спб. 1859) представляется слишкомъ искусственнымъ.

Остается второе предположеніе, по которому вмѣсто «войскій» надо читать «свойскій», т. е. свой конь, принадлежащій закупу. Хотя та же статья говоритъ, что закупы получали даже бороны отъ нанимателей, но допустимъ, что между ними могли

быть и такіе, которые подряжались на сельскія работы на своихъ лошадяхъ. Что будетъ значить, что закупъ не платилъ, погубивъ лошадь своимъ небреженіемъ? Что онъ не платилъ нанимателю за пагубу своей лошади, это само собой разумѣется, потому что лошадь не хозяйская, а его, и объ этомъ нечего было и упоминать въ статьѣ, имѣющей предметомъ убытки нанимателя. Но отъ пагубы лошади, на которой наймитъ подрядился работать, могъ возникнуть убытокъ для нанимателя: потерявъ, или (что то же) тайно продавъ свою лошадь, наймитъ не вспахалъ поля во-время и тѣмъ причинилъ нанимателю убытокъ. Освобождался ли онъ отъ вознагражденія за такой убытокъ? Это очень трудно допустить. Такимъ образомъ, и при этомъ второмъ предположеніи разсматриваемое правило остается непонятнымъ.

Слѣдующая статья (ст. 54) говоритъ объ утратѣ хозяйскаго скота небреженіемъ закупа и не представляетъ никакихъ трудностей.

Двѣ указанныя статьи даютъ весьма полную картину экономическаго положенія закупа. Это бѣдные люди, которые ни плуга, ни бороны не имѣютъ. Весь рабочій припасъ получаютъ они отъ нанимателя, живутъ въ его дворѣ, пасутъ его скотъ и исполняютъ всякія его порученія («аже ли господинъ его отслеть на свое орудье»). Такіе наемники, если берутся для пашенныхъ работъ, носятъ наименованіе ролейныхъ закуповъ.

Статья 54 упоминаетъ о «дѣлѣ закупа»: если закупъ погубитъ господскій скотъ, дѣлая свое дѣло («орудья своя дѣя»), то платитъ убытки. Подъ дѣломъ закупа можно разумѣть все то, къ чему онъ

былъ обязанъ, какъ работникъ. Онъ портилъ, напримѣръ, хозяйскую скотину во время господской на ней работы и, конечно, платилъ убытки, если былъ виноватъ въ небрежности. Ив. Бѣляевъ (въ «Крестьянахъ на Руси» М. 1860; по 3-му изд. 1891 г. стр. 8, 15—23) слишкомъ уже много прибавляетъ своего къ источникамъ, когда утверждаетъ, на основаніи «орудья своя дѣя», что закупы жили своими семьями, работали на себя господскимъ скотомъ и платили убытки, если повреждали скотъ на этой своей работѣ. Если принять это толкованіе, то окажется, что закупъ отвѣчалъ за поврежденіе скота на своей только, а не на господской работѣ, что невозможно.

Какъ свободный человѣкъ, закупъ заключаетъ договоры и имѣетъ право иска даже противъ нанимателя.

Явный уходъ со двора господина для займа денегъ и даже побѣгъ для принесенія на него жало-

бы не ведутъ къ рабству. Изъ (ст. 52) надо заключить, что наниматели пользовались всякимъ случаемъ, чтобы обратить наймита въ обельнаго холопа. Потребовалось оказать закупамъ защиту. Княжескій судъ даетъ имъ эту защиту.

Предоставивъ закупу право иска противъ нанимателя, Правда опредѣляетъ и размѣръ отвѣтственности этого послѣдняго за нѣкоторыя незаконныя его дѣйствія. См. (ст. 55).

Общій смыслъ испорченной переписчиками 55-й статьи совершенно понятенъ. Она перечисляетъ нѣкоторыя недозволенныя дѣйствія (обиды) нанимателя по отношенію къ закупу и опредѣляетъ наказанія за ихъ совершеніе. Но нѣкоторыя частности неясны и даютъ поводъ толкователямъ далеко расходиться въ мнѣніяхъ.

Закупъ получаетъ наемную плату. Она называется то «купой, копой» (ст. 53), то «цѣной» (ст. 105). Господинъ можетъ не доплатить этой купы или цѣны. Это, кажется намъ, и разумѣетъ статья, говоря: «оувидить (т. е. увередитъ) купу его». Совершенно понятенъ, поэтому, варіантъ: «оуверединть цѣноу».

Но закупъ, самъ отвѣчающій за причиненные имъ нанимателю убытки, можетъ, конечно, имѣть и нѣкоторое свое имущество. Въ одномъ памятникѣ 1382 г. peculium переведено словомъ «отарица» (πεκούλιον). Увередить «отарицю», думаемъ, значитъ — отобрать у закупа собственное его имущество.

«Принять на закупѣ кунъ» можетъ значить занять денегъ и въ обезпеченіе долга отдать закупа кредитору.

Закупъ есть тотъ же смердъ, но бѣдный, не имѣющій возможности жить своимъ хозяйствомъ, а потому и поступающій въ качествѣ наемника въ чужой дворъ. Онъ не самостоятельный хозяинъ, а слуга другого человѣка. Это уже переходное состояніе къ обельному холопству. Такихъ свободныхъ слугъ въ старину звали добровольными холопами.

Этимъ надо объяснять, что закупы хотя, несомнѣнно, были свободными людьми, но подлежали нѣкоторому ограниченію своихъ правъ.

Такъ къ свидѣтельству на судѣ они допускались только по нуждѣ и въ малыхъ дѣлахъ (ст. 59).

Наниматель имѣлъ право наказывать ихъ за дурное исполненіе своихъ обязанностей по собственному усмотрѣнію, безъ суда (ст. 55).

Вопросъ объ отношеніи работниковъ къ нанимателямъ весьма занималъ нашихъ предковъ эпохи «Русской Правды». И въ то время, какъ и въ наше,

наниматели не всегда были довольны работниками, а работники нанимателями и иногда принуждены были уходить отъ нихъ до срока. Древняя практика принимала чрезвычайно рѣшительныя мѣры для огражденія интересовъ нанимателей отъ нарушенія работниками договора найма. Работникъ, уходившій до срока, терялъ свою свободу (ст. 52).

При этихъ условіяхъ, конечно, и сложилась извѣстная и намъ поговорка: «нанялся — продался».

Можно, однако, думать, что эта практика или не была повсемѣстной, или въ XIII вѣкѣ стала уже выходить изъ употребленія. Приведенная выше (стр. 388) 105 ст. допускаетъ досрочный уходъ годового работника, даже взявшаго впередъ плату, на условіи возвращенія забранныхъ денегъ.

Въ Правдѣ замѣтны два теченія. Наниматели стараются насколько можно стѣснить свободу наемника; они домогаются обратить добровольнаго холопа въ обельнаго за отлучку со двора ихъ для займа денегъ, или для принесенія жалобы на обиду господина. Князья же берутъ наймитовъ подъ свою защиту. На ихъ судѣ, конечно, и возникли вышеприведенныя огражденія свободы закупа (стр. 391).

Начало 52-й статьи, опредѣляющей рабство за бѣгство закупа, и статья 105-я, допускающая досрочный уходъ годового работника, на условіи возвращенія забранныхъ впередъ денегъ, могутъ быть однако и совершенно примирены. Статья 52-я караетъ холопствомъ *тайное* бѣгство закупа съ намѣреніемъ скрыться отъ нанимателя; статья 105-я говоритъ *о явномъ* его уходѣ, при чемъ онъ обязывается уплатить неотработанныя деньги.

Огражденіе правъ нанимателей имѣетъ въ виду и

(ст. 57). Если закупъ дѣлался должникомъ третьяго лица, то онъ не отвѣчалъ лично, ибо это могло повести къ нарушенію интересовъ нанимателя, а предоставлялся въ полную его власть. Это общее начало выражено въ первой строкѣ 57 ст., но въ казуистической формѣ: «*Аже закупъ выведетъ что* (если закупъ что украдетъ, ближайшимъ образомъ, если онъ уведетъ «выведетъ» домашнюю скотину), *то господинъ въ немъ*», т. е. господинъ можетъ поступить съ нимъ, какъ заблагоразсудитъ: можетъ, уплативъ причиненный убытокъ, сдѣлать его холопомъ своимъ и можетъ продать его обель для возмѣщенія убытка. Послѣдующія слова статьи содержатъ только пространное толкованіе этой мысли. Въ своемъ толкованіи Правда отправляется отъ того же конкретнаго случая: закупъ укралъ коня, или вола, или иной товаръ и бѣжалъ. Закупъ могъ быть долженъ господину за порчу его вещей, за впередъ полученную плату и пр. Если бы онъ отвѣчалъ самъ за убытки третьимъ лицамъ, интересы господина его могли бы быть этимъ нарушены. Въ ограждение ихъ онъ и предоставляется въ полную его власть.

Литература вопроса о закупахъ отличается, сравнительно, большимъ разнообразіемъ мнѣній. Но и здѣсь едва ли не ближе всѣхъ къ истинѣ Рейцъ *). Онъ считаетъ закупа нанятымъ работникомъ. Но такъ какъ работа по условію была въ древности въ родѣ неволи, то онъ и относитъ закуповъ къ несвободному населенію.

Иначе взглянули на вопросъ историки-цивилисты— Д. И. Мейеръ («Древнее русское право залога» Ка-

*) Срв. выше на стр. 381.

зань. 1855) и Неволинъ*). По ихъ мнѣнію закупничество не есть договоръ личнаго найма, а заемъ, обезпеченный залогомъ личности должника; это древнѣйшая форма залога. Закупъ, обезпечивающій своимъ лицомъ исправность будущей уплаты, находится въ состояніи временнаго рабства; до уплаты онъ въ работѣ.

Сторонники приведеннаго мнѣнія недостаточно оцѣнили встрѣчающуюся въ «Русской Правдѣ» замѣну слова «закупъ» словомъ «наймитъ», и указаніе этого памятника на плату, получаемую закупомъ отъ господина, и на погашеніе этой платы, если она выдавалась впередъ, годовой работой. Долгъ закупа погашается работой, а не обезпечивается ею до уплаты; притомъ онъ погашается непремѣнно годовой работой, не болѣе и не менѣе. Это, конечно, не заемъ, а плата впередъ; поэтому долгъ этотъ и названъ «милостью».

Вполнѣ примыкаетъ ко взгляду цивилистовъ и Б. Чичеринъ («Опыты по исторіи рус. права», 154), по мнѣнію котораго «закупомъ назывался человѣкъ, который за долгъ отдавался въ работу». Но отъ его вниманія не ускользнуло наименованіе закупа наймитомъ. «Дѣйствительно, — говоритъ онъ, — это былъ родъ личнаго найма, но съ присоединеніемъ къ этому заемнаго обязательства (купы)».

«Впослѣдствіи, — продолжаетъ авторъ, — самое это слово (закупъ) исчезаетъ, а вмѣсто его является названіе: закладня, которое, въ свою очередь, превращается, наконецъ, въ названіе кабальнаго холопа». Эта историческая смѣна понятій закупа ка-

---

*) Срв. выше примѣчаніе на стр. 387.

бальнымъ холопомъ совершенно послѣдовательна съ точки зрѣнія автора; но въ дѣйствительности такой смѣны не могло произойти по той причинѣ, что закупничество и кабальное холопство — два весьма различныхъ института. Слово «закупъ» дѣйствительно выходитъ изъ употребленія, но личный наемъ остается и доживаетъ до нашихъ дней.

О наймитахъ говоритъ Псковская Судная Грамота и въ выраженіяхъ, которыя даютъ возможность нѣсколько сблизить ихъ съ наймитами «Русской Правды». Грамота называетъ ихъ «дворными» («а который наймитъ *дворной* пойдетъ прочь отъ государя...», ст. 40) и во времена «Русской Правды» они живутъ во дворѣ нанимателя; срокъ найма также годовой. О другихъ вопросахъ, затрогиваемыхъ Правдой, Грамота умалчиваетъ.

Договоръ личнаго найма извѣстенъ и московскимъ памятникамъ XVII вѣка. Объ немъ говоритъ Уложеніе. Въ его статьяхъ просвѣчиваетъ древность.

Сословность московскаго государства отразилась и на наймѣ личныхъ услугъ. Высшія сословія держатъ слугъ по служилымъ кабаламъ. Попамъ же, дьяконамъ, причетникамъ, монастырскимъ служкамъ, тяглымъ людямъ и холопамъ Уложеніе запрещаетъ держать слугъ по кабаламъ; они держатъ ихъ по «жилымъ записямъ» (XX, 104, 105, 116). Жилая запись — это и есть договоръ личнаго найма. По московскимъ обычаямъ такія записи пишутся на многіе годы. Этотъ порядокъ оставляетъ въ силѣ и Уложеніе, но только для вольныхъ людей; для тяглыхъ же оно ограничиваетъ сроки найма: тяглые люди могутъ выдавать на себя житейскія или жи-

лыя записи только на 5 лѣтъ *). По этимъ записямъ наймитъ живетъ во дворѣ своего нанимателя (XX, 44). Если онъ уходитъ до срока, наниматель имѣетъ право искать бѣжавшаго; а по сыскѣ бѣжавшій хотя и не обращается въ рабство, какъ въ эпоху «Русской Правды», но обязывается дожить свое время. (XX, 45). Въ самую запись вносилось условіе о неуходѣ до срока; но оно, конечно, и само собой разумѣлось въ срочности записи. Наемная плата могла выдаваться тоже впередъ, какъ въ старину; но отъ соглашенія сторонъ зависѣло опредѣлить и другой срокъ платежа. Для обезпеченія нанимателя въ запись вносилось условіе неустойки («зарядъ», XX, 44). Для обезпеченія же неустойки было въ обычаѣ поручительство. Случалось, что наниматели, отыскавъ бѣжавшаго наймита и взявъ его къ себѣ снова во дворъ, предъявляли искъ къ поручителямъ, требуя уплаты неустойки. Уложеніе запрещаетъ такіе иски, предоставляя нанимателямъ довольствоваться возвращеніемъ наймита (XX, 45).

Уложеніе ничего не говоритъ о правѣ нанимателя наказывать работника. Есть, однако, основаніе думать, что это право въ XVII вѣкѣ такъ же мало подлежало сомнѣнію, какъ и въ XIII.

Во II томѣ «Актовъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи» (Спб. 1864) напечатанъ любопытный документъ отъ 1686 г. «Государевъ волной человѣкъ», Ѳедоръ Щепеткинъ, (онъ же зоветъ себя «нижегородецъ работной человѣкъ»), взялъ у посадскаго человѣка, Ѳедота Сырейщикова, 25 руб. и женился у него на его крѣпостной. За это

*) XX, 116. Уложеніе говоритъ о записяхъ тяглыхъ людей не тяглымъ. Нѣтъ ли здѣсь описки или опечатки?

онъ обязался служить Сырейщикову съ женою 10 лѣтъ («у него... жити во дворѣ... всякая его домовая работа работать»). По прошествіи же 10 лѣтъ, они договорились взять Щепеткину съ хозяина своего «надѣлку» 4 рубля и жить ему на своей волѣ.

Это не служилая кабала, а своеобразная жилая *) запись (форма жилой записи не была установлена). 25 руб., полученные при заключеніи сдѣлки, не заемъ, ибо они не возвращаются, а погашаются работой. Это плата за службу, данная впередъ. Къ этому задатку надо прибавить: цѣну крѣпостной (около 50 руб., Уложеніе XX, 27) и четыре руб. наградныхъ. За эти 70—80 руб., большая часть которыхъ взята впередъ, Щепеткинъ долженъ былъ служить 10 лѣтъ. Въ записи находимъ еще условіе. Щепеткинъ предоставляетъ Сырейщикову «за непослушаніе смирять его по своему хозяйскому разсмотрѣнію». Надо полагать, что это право «смирять» было весьма обыкновеннымъ правомъ нанимателя по отношенію къ наймиту и стоитъ въ преемственной связи съ допускаемымъ «Русской Правдой» наказаніемъ закупа «за дѣло».

Къ приведеннымъ взглядамъ на закупа Ив. Бѣляевъ прибавилъ новую черту. Въ его сочиненіи «Крестьяне на Руси» находимъ иногда удивительную смѣсь совершенно вѣрныхъ взглядовъ съ мнѣніями нѣсколько фантастическими. «По Русской Правдѣ, говоритъ онъ, закупы ролейные... не ясно отличены отъ закуповъ неролейныхъ... И, кажется, въ самой жизни русскаго общества въ XII вѣкѣ

---

*) Самъ документъ называетъ себя «жилой записью», а въ распискѣ на немъ подьячаго «служилой записью». *Ред.*

еще не было строгаго различія между сими двумя разрядами закуповъ».

Это совершенная истина. И тотъ и другой закупъ есть наемный работникъ, который жилъ во дворѣ нанимателя. Можно даже сомнѣваться, чтобы ролейные закупы и неролейные были строго обособлены по занятіямъ. Пашенный работникъ могъ, конечно, въ свободное отъ сельскихъ занятій время быть возницей и исполнять разныя работы по дому.

Но Бѣляевъ приступилъ къ своему труду уже съ готовой мыслью. Эта мысль состояла въ томъ, что ролейные закупы то же, что позднѣе крестьяне, снимавшіе владѣльческія земли; а неролейные то же, что позднѣе кабальные холопы. И вотъ мы находимъ у него такой выводъ: «Такимъ образомъ, мы имѣемъ прямыя и офиціальныя свидѣтельства, что въ XII столѣтіи уже были на Руси ролейные закупы или крестьяне, живущіе на чужихъ земляхъ съ обязанностью платить за земли работою. Это фактъ, не подлежащій сомнѣнію, фактъ историческій».

Что въ XII вѣкѣ были крестьяне, снимавшіе чужія земли, въ этомъ, конечно, нельзя сомнѣваться. Но мы отрицаемъ, чтобы такіе крестьяне, съемщики земли, и ролейные закупы «Русской Правды» были одно и то же.

Какія же это «прямыя и офиціальныя свидѣтельства?»

Это — толкованіе Болтинымъ*) слова «отарица»,

---

*) См. о немъ въ книгѣ, цитованной выше въ примѣчаніи на стр. 374.

вкладная грамота Варлаама Хутынскому Спасскому монастырю и извѣстіе Новгородской лѣтописи подъ 1229 годомъ.

Болтинъ думаетъ, что «отарица» значитъ участокъ земли, который давался землевладѣльцемъ закупу во временное владѣніе. Мнѣніе Болтина, конечно, не есть «прямое», а еще менѣе «официальное свидѣтельство». Мы напрасно искали ему какого-либо подтвержденія. Слова: «отарица», «отара» сохранились въ народномъ языкѣ и до нашихъ дней, но не въ томъ смыслѣ, какой необходимъ Болтину. Отара значитъ овечье стадо, отарщикъ — пастухъ, отарица — получаемая имъ мѣсячина (Даль). Теперешній говоръ, слѣдовательно, скорѣе въ пользу принимаемаго нами смысла этого слова. Но онъ не вездѣ одинаковъ. Въ Минской губерніи слово отарица означаетъ оброкъ, получаемый господиномъ. Но это значеніе совсѣмъ не подходитъ къ смыслу статьи (ст. 55). Грамота же вкладная и мѣсто Новгородской лѣтописи подъ 1229 годомъ не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ закупамъ. Грамота упоминаетъ о «челяди» («въдале святомоу спасу и съ челядію, и съ скотиною»), т. е. рабахъ, а лѣтопись говоритъ о смердахъ *). Остается, такимъ образомъ, въ силѣ первое утвержденіе Бѣляева, что между ролейными и неролейными закупами не было различія.

Несмотря на малую доказательность мнѣнія, что ролейные закупы были не наемные только сельскіе рабочіе, а сами нанимали чужія земли, оно пустило корни въ нашей ученой литературѣ. Если, го-

*) См. выше на стр. 379.

воритъ въ «Хрестоматіи по исторіи рус. права» М. Владимірскій-Будановъ, ролейный закупъ, т. е. получившій участокъ земли и взявшій подмогу, потеряетъ коня, то не платитъ за это; а въ «Обзорѣ исторіи русскаго права» (стр. 35) того же автора ролейное закупничество опредѣлено, какъ временное прикрѣпленіе, которое образуется изъ долгового обязательства смерда землевладѣльцу.

Кромѣ пространныхъ списковъ «Русской Правды» слово закупъ въ другихъ памятникахъ не встрѣчается. Въ одной статьѣ Псковской Грамоты упомянутъ «закупенъ». Это слово наводитъ нѣкоторыхъ изслѣдователей на мысль, что «закупенъ» есть закупъ «Русской Правды». Это очень сомнительно. Вотъ мѣсто Грамоты:

А кто по волости ходитъ закупенъ, или скотникъ, а имѣтъ искати также сблюденіа, или верши, ино господь обыскать правда... 18.

Кромѣ созвучія въ словѣ «закупенъ» эта статья ничѣмъ не напоминаетъ закупа «Русской Правды». Закупенъ «ходитъ по волости», т. е. онъ не живетъ въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ чьемъ-либо дворѣ, а переходитъ съ мѣста на мѣсто. При такихъ переходахъ ему случается отдавать свои вещи на сбереженіе, а затѣмъ искать возвращенія ихъ судомъ. На случай предъявленія такихъ исковъ статья и даетъ процессуальныя опредѣленія.

Проф. Энгельманъ, въ своихъ толкованіяхъ къ Псковской Грамотѣ, уже высказалъ предположеніе, что закупенъ можетъ означать здѣсь торговца, въ каковомъ смыслѣ слово это и употребляется въ московскихъ памятникахъ XVII вѣка. Это объясненіе кажется намъ наиболѣе вѣроятнымъ. Закупенъ хо-

дить по волости для торговли, а не въ качествѣ предлагающаго свой трудъ для сельскихъ работъ; какъ нанимающійся, онъ и не могъ бы быть названъ закупомъ. Такъ какъ предметомъ торговли можетъ быть скотъ, то онъ и названъ «скотникомъ» *). Но онъ можетъ торговать и другими предметами, напримѣръ, рыбой. Какъ торгующій рыбой, онъ можетъ имѣть свои рыболовныя снасти, которыя, натурально, и отдаетъ кому-либо на сбереженіе, когда нѣтъ лова. Поэтому статья говоритъ о *верши*.

Со времени выхода въ свѣтъ толкованій **) проф. Энгельмана, слово «верша» принято переводить словами: жито, хлѣбъ. Академическій словарь, на который ссылается проф. Энгельманъ, знаетъ два слова: вершь и верша. Верша означаетъ рыболовную снасть, а вершь — жито, хлѣбъ, но не зерно, а растеніе, именно молодой всходъ, побѣгъ, верхъ, вершье (Даль). Въ этомъ смыслѣ вершь не можетъ быть отдана на сбереженіе; на сбереженіе могла быть отдана только снасть рыболовная. Итакъ, статья несомнѣнно имѣетъ въ виду человѣка, занимающагося ловлей и торговлей рыбы, у котораго есть своя рыболовная снасть, а не работника, отыскивающаго мѣсто закупа.

---

*) Въ Псковской губ. и теперь скотопромышленникъ называется *скотникомъ* (Даль).

**) См. его «Систематическое изложеніе гражданскихъ законовъ, содержащихся въ Псковской Судной Грамотѣ». Спб. 1855.

III.

ХОЛОПЫ.

(*В. И. Сторожевъ.* «Опытъ элементарной постановки вопроса объ отношеніи «Русской Правды» къ современной ей судебной практикѣ»).

«Русская Правда» довольно рѣзкими штрихами рисуетъ юридическое положеніе холоповъ. Холопъ или раба по «Русской Правдѣ» есть вещь, частная собственность хозяина. За убійство холопа или рабы нѣтъ платежа виры; за убитаго безъ вины холопа убійца уплачиваетъ хозяину «урокъ», т. е. расплачивается лишь за матеріальный ущербъ, нанесенный послѣднему, и штрафъ въ 12 гривенъ кунъ («продажу») въ пользу князя. Какъ вещь, холопа можно было украсть; хозяинъ украденнаго холопа шелъ на «сводъ», когда открывалъ у кого-либо своего похищеннаго раба. Воръ платилъ за покражу челядина 12 гривенъ кунъ продажи; но самъ челядинъ не отвѣчалъ передъ княземъ продажею за воровство. Княжескихъ, боярскихъ и монастырскихъ холоповъ «князь продажею не казнить, зане суть несвободни». Какъ вещь, холопъ не можетъ быть субъектомъ права, а потому онъ не можетъ совершать преступленій противъ общества и правительства, ни быть какъ юридическое лицо объектомъ преступленія со стороны свободнаго че-

ловѣка (ст. 13, 14, 33, 34, 42, 52, 56—59, 81, 84, 102—115). Лишенный гражданскихъ правъ, не будучи вовсе членомъ общества, холопъ, разумѣется, не могъ быть послухомъ, показанія котораго вліяли бы на исходъ процесса, не могъ присягнуть. Припомнимъ, что извѣстной части гражданской правоспособности лишался и закупъ, свободный и лишь временно зависимый человѣкъ; на него, какъ на послуха, можно было сослаться только «въ малѣ тяжѣ», да и то «по нужи»; «господинъ» (тотъ же терминъ «Правда» употребляетъ и для означенія владѣльца холопа) могъ колотить его «про дѣло» безъ всякихъ ограниченій *) со стороны закона, не пытающагося обезпечить жизнь ни закупа, ни холопа. Пространные списки «Правды», оговариваясь, что холопъ не есть «скотъ» (срв. 33 ст. Троицкаго списка и 15 ст. Академическаго), отличаетъ нѣкоторыхъ холоповъ отъ прочихъ ихъ собратій. Такъ по нуждѣ «Правда» допускаетъ послушествовать боярскаго тіуна и назначаетъ виру за убійство тіуна княжескаго **) и боярскаго, что объясняется частью тѣмъ, что тіунами могли быть не одни холопы, а также и свободные люди (ст. 104).

Таково было юридическое положеніе холоповъ согласно постановленіямъ «Правды»; вѣрное въ общихъ чертахъ, оно не вполнѣ соотвѣтствовало дѣйствительности и являлось отраженіемъ болѣе древнихъ взглядовъ: въ XII и XIII вв. взглядъ на раба, какъ на собственность, вещь уже не проводится въ жизни со всѣми роковыми его послѣдствіями. «Правда» была не болѣе какъ отголоскомъ практики, которую до

*) Срв. выше на стр. 397 и 398.

**) Срв. выше на стр. 365 и 373—374.

извѣстной степени можно уловить, пересмотрѣвъ оставленное древнею Русью писаное наслѣдство.

«Законъ Судный Людемъ» — выборка, сдѣланная для практическихъ цѣлей славянскими книжниками-юристами изъ Эклоги Льва Исаврянина и Константина Копронима (VIII в.), Новеллъ Юстиніана, Моисеева закона — выборка, которая по отношенію къ практикѣ во многихъ случаяхъ представляетъ pia desideria его списателей, два раза сходится съ «Правдой» въ вопросахъ о холопствѣ.

Такъ статья Закона Суднаго Людемъ *а иже аще работаетъ изъ рабы, и свѣщаетъ цѣну его предъ послухи, да отпущаеться* соотвѣтствуетъ той статьѣ «Правды», которая запрещаетъ «роботять по придатъцѣ»; точно также другая статья Закона: *крадущему рабу у господина, господинъ аще хощеть имѣти, окраденому да искупится, да безо тщеты створить; аще ли не хощеть имѣти раба того, сего да отдасть въ работу окраденому, да тепуть, или продадуть, ему же крадя* близко подходитъ къ 115-й ст. «Правды».

Въ то же время «Законъ» уже дѣлаетъ оговорку относительно убійства холопа господиномъ, чего *не* дѣлаетъ «Правда»; оговорка эта чрезвычайно характерна, внося извѣстное ограниченіе въ представленіе о рабѣ, какъ о вещи. Въ статьѣ «о битіи рабъ» читаемъ: «аще кто біеть раба своего или рабу свою жезломъ, ти умреть отъ руки, судомъ да ся мстить; аще пребудеть день или два, да не мститься: *свое бо есть имѣніе*». Съ другой стороны «Законъ» не знаетъ положенія «Правды»: «а послушьства на холопа не складають», встрѣчаемаго въ Кормчей книгѣ въ главѣ о послухахъ «Володимера князя судъ о послушествѣ» и почти дословно

воспроизводящей текстъ «Русской Правды» (ст. 59): «*послушество на холопа не вкладаютъ, аще же не будетъ* свободнаго, то по нужди сложитися на боярскаго тіуна, а на инѣхъ не вклодити, аже въ малѣ тяжи по нужди сложити на закупа».

Въ дѣйствительности положеніе древне-русскаго холопа смягчалось вліяніемъ церкви.

Не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ В. Сергѣевичъ, что улучшеніе быта рабовъ происходитъ подъ вліяніемъ церкви. Такъ это было и въ западной Европѣ. Смотря на бракъ, какъ на таинство, западная церковь начинаетъ примѣнять этотъ взглядъ и къ половымъ отношеніямъ рабовъ и добивается наконецъ признанія ихъ браковъ. Это уже ограниченіе господской власти. Церковь заботится и о смягченіи властныхъ отношеній господъ по отношенію къ ихъ рабамъ и достигаетъ запрещенія *произвольнаго* убіенія рабовъ господами. Христіанскія правительства должны были присоединиться къ этимъ усиліямъ церкви. Благодаря соединенному дѣйствію этихъ двухъ факторовъ, за рабами начинаютъ признавать право на пріобрѣтенное ими имущество и право наслѣдованія дѣтей послѣ родителей.

Такая же работа церкви и христіанскихъ князей происходила и у насъ.

Въ древнѣйшихъ поученіяхъ духовенства находимъ уже слѣды заботливости его о рабахъ. Кириллъ Туровскій, знаменитый проповѣдникъ XII в., внушаетъ господамъ не угнетать рабовъ своихъ. Описывая мытарства, которыя должна испытывать душа умершаго, онъ относитъ къ нимъ и «ярость съ гнѣвомъ или на чада, или на *рабы*, или на всякаго человѣка».

Въ древнѣйшихъ извѣстныхъ намъ Кормчихъ конца XIII вѣка находится поученіе епископа новопоставляемому священнику. Въ немъ воспрещается принимать какія бы то ни было приношенія въ церковь отъ жестокихъ господъ.

Въ церкви не дай повьстити, и не принеси приноса въ божий жертвьникъ отъ невѣрныхъ, ни отъ еретикъ, ни отъ блоудникъ, ни прелюбодѣй, ни отъ татий, и разбойникъ, и грабитель, и властель немилосердъ, ни отъ кърчемника и ръзоимьца, ротника и клеветника, поклетника и лжи послоуха, вълхва и потворника, игрьца и злобника, или томя челядь свою гладьмь и ранами: кто боудеть отъ таковыхъ, а не покаются, не емли оу нихъ приноса.

Жестокіе господа поставлены здѣсь рядомъ съ невѣрными, еретиками и разбойниками.

Въ тѣхъ же Кормчихъ находимъ поученіе духовника исповѣдающимся, которое, по мнѣнію А. С. Павлова, «принадлежитъ къ глубокой древности и носитъ на себѣ явные слѣды русскаго происхожденія». Въ этомъ поученіи читаемъ:

Челядь же свою такоже милоуй, даждь имъ потребьная; показай же я на добро не яростию, но яко дѣти своя.

Епископъ новгородскій Лука Жидята въ XI в. училъ: «И своимъ спротамъ (т. е. рабамъ) милостиви будете». Одно поученіе XII вѣка, принадлежащее неизвѣстному автору, гласитъ такъ:

«Сиротъ домашнихъ не обидьте, но больше милуйте, голодомъ не морите, ни наготою, потому что это домашніе твои нищіе: нищій въ другомъ мѣстѣ себѣ выпроситъ, а рабы только въ твоей рукѣ; милуйте своихъ рабовъ и учите ихъ на спа-

сеніе и покаяніе, а старыхъ на свободу отпускайте... Если холопа своего или рабу не кормишь и не обуваешь, и убьютъ ихъ у воровства (срв. ст. 36), то за кровь ихъ ты отвѣтишь... Ты какъ апостолъ въ дому своемъ: научай грозою и ласкою. Если рабы и рабыни не слушаются, по твоей волѣ не ходятъ, то лозы не жалѣй до шести ранъ и до двѣнадцати; а если велика вина, то до 30 ранъ лозою, а больше 30 ранъ не велимъ... Рабовъ, которыхъ возьмешь съ собою въ походъ, чести и люби, чтобъ они были тебѣ въ обидѣ и въ рати добрыми помощниками».

Проповѣдуя гуманность по отношенію къ рабамъ, церковь въ лицѣ опредѣленій Владимирскаго собора 1274 г. предписывала при поставленіи священниковъ узнавать, не обходился ли поставляемый жестоко съ своими рабами, «или челядь дроуча голодомъ и наготою, страдою насилье творя».

Лѣтопись, такъ близко стоявшая въ древней Руси къ церковному міровоззрѣнію, скоро успѣла усвоить себѣ это направленіе. Такъ въ Суздальскомъ сводѣ читаемъ слѣдующій возгласъ по поводу извѣстной борьбы князей Юрія и Ярослава Всеволодовичей съ Константиномъ Всеволодовичемъ и Мстиславомъ Удалымъ: «Оле страшно чюдо и дивно, братье! поидоша сынове на отца, а отци на дѣти, братъ на брата, рабы на господину, а господинъ на рабы».

Если церковь запрещала увѣчить раба, морить голодомъ, то она, несомнѣнно, была и противъ убійства его господиномъ. «Правда» молчитъ объ убійствѣ господиномъ своего холопа, точно такъ же какъ и объ обратномъ случаѣ. При взглядѣ на холопа

какъ на вещь, это вполнѣ понятно: убійство холопа связано было съ экономическимъ урономъ для собственника, такъ что вступаться въ подобные казусы не имѣло смысла для «Правды», которая очень хорошо понимала этотъ экономическій интересъ и довольно ясно въ двухъ статьяхъ намѣтила его. Въ одной она отмѣняетъ убійство холопа-оскорбителя свободнаго человѣка (ст. 58): «Ярославъ былъ оуставилъ убити и, но сынове его по отци оуставиша на коуны» (очевидно, не текстъ, изданнаго закона, а пересказъ установившагося по смерти Ярослава I обычая; любопытное свидѣтельство того, что сами современники пытались вносить въ текстъ «Правды» поправки, выработанныя практикою), потому что убійство холопа сопряжено было съ значительнымъ экономическимъ вредомъ для господина; въ другой устраняетъ выдачу жены и дѣтей холопа, попавшагося въ кражѣ, если они *не* были въ соучастіи, опять потому только, что такая выдача была бы тяжелымъ экономическимъ урономъ для господина (ст. 115). Даже въ случаѣ ихъ выдачи за соучастіе, статья предоставляетъ право ихъ выкупить: «паки ли а выкупаеть господинъ», такъ же какъ и холопа-вора «любо выкупати, любо выдати». Эти статьи явно составлены въ интересахъ экономическаго благосостоянія рабовладѣльцевъ, если даже въ первой видѣть отчасти вліяніе церкви. Памятники каноническіе, къ сожалѣнію, молчатъ о подобномъ казусѣ, но нѣтъ нужды предполагать, чтобы церковь могла колебаться въ своемъ отношеніи къ нему. Что практика допускала это убійство господиномъ своего холопа, ясно видно изъ текста Закона Суднаго Людемъ («свое бо есть имѣніе»,

см. выше на стр. 405), изъ словъ Аль-Масуди и Двинской грамоты *).

Рабъ, какъ вещь, по «Русской Правдѣ», не могъ быть объектомъ оскорбленія. Иначе было на практикѣ.

Слова кротости и милосердія, раздававшіяся и съ церковной каѳедры, и въ поученіяхъ священниковъ, и на исповѣди не могли не оказывать вліянія на отношенія господъ къ рабамъ и не могли не оставить своихъ слѣдовъ въ юридическихъ памятникахъ.

Древнѣйшее постановленіе, ограждающее рабынь отъ насилія со стороны господъ, находимъ въ договорѣ Новгорода съ нѣмцами конца XII вѣка, гдѣ читаемъ:

«*Оже кто робу повержьть насильемъ, а не соромить, то за обиду гривна; пакы ли соромить, собѣ свобода*».

---

*) *А. Я. Гаркави.* «Сказа́нія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ». Спб. 1870, с. 127. Аль-Масуди, писатель половины X вѣка, пишетъ, что если у русскихъ холопъ въ чемъ-нибудь провинился, то безъ приглашенія ложился предъ господиномъ, который и колотилъ его, сколько хотѣлъ; но если онъ вставалъ раньше, чѣмъ господинъ кончилъ его колотить, то лишался жизни. Въ Двинской Уставной Грамотѣ 1398 г. читаемъ (Акты А. Э. I, № 13): «А кто господарь огрѣшится, ударитъ своего холопа или рабу, а случится смерть, въ томъ намѣстници *не* судятъ, ни вины не емлютъ». Какъ исключительный казусъ нельзя не припомнить такого случая, разсказаннаго въ лѣтописи (Новгор. I, 71): въ 1316 году былъ убитъ нѣкто Даніилъ Писцовъ своимъ холопомъ, который остался не наказаннымъ, ибо объявилъ гражданамъ, что его господинъ держалъ перевѣтъ и благопріятствовалъ враждебному князю. Срв. далѣе на стр. 414. Срв. также слова Ибнъ-Даста, что русскіе «съ рабами обращаются хорошо и заботятся объ ихъ одеждѣ, потому что занимаютъ (?) при торговлѣ», у Гаркави, стр. 268.

Буквальный смыслъ статьи, по словамъ В. Сергѣевича, не возбуждаетъ недоразумѣній: «собѣ свободна» значитъ, конечно, становится свободной. Но какъ объяснить правило, по которому раба, потерпѣвшая насиліе, пріобрѣтала свободу? Если это раба третьяго лица, а не того, кто виновенъ въ насиліи, то статья невозможная. При ея дѣйствіи не могло бы удержаться рабство на женщинъ. Надо думать, что статья имѣетъ въ виду насиліе собственной рабѣ.

Подобную же статью читаемъ въ договорѣ съ нѣмцами 1229 года:

«*Аже насилуетъ робъ, а будутъ на него послуси, дати ему гривна серебра*».

Такъ договоры знаютъ извѣстное обезпеченіе женской чести рабы, совершенно незнакомое Правдѣ, которая не заботится объ обезпеченіи чести и свободной женщины. Послѣдній договоръ предусматриваетъ также оскорбленіе холопа дѣйствіемъ, наказызывая обидчика пенею въ одну гривну кунъ (см. у Карамзина III, прим. 248 и Погодина II, стр. 760). Если приведенныя свидѣтельства относятся къ XII и XIII вв., то можемъ указать на извѣстіе, идущее изъ глубокой древности и подтверждающее предложенный выводъ. Въ житіи Бориса и Глѣба, писаномъ мнихомъ Іаковомъ *), разсказывается такой случай. Раба, исполнявшая по принужденію госпожи работы въ неурочный день, заболѣла неизлѣчимо сухоткою въ рукѣ; госпожа вмѣсто ставшей неспособной къ труду рабы взяла въ работу ея сына, рожденнаго до холопства. Судъ самъ или по жалобѣ

*) По изданію И. И. Срезневскаго, стр. 78.

рабы вступился въ дѣло и освободилъ обоихъ на волю. Итакъ, челядь, получавшая увѣчье по винѣ господы, освобождалась на волю. По точному смыслу «Русской Правды» всѣ указанные здѣсь случаи ненаказуемы.

Есть основаніе предполагать, что у холоповъ княжескихъ (и боярскихъ?) было право собственности на недвижимость, право входить въ обязательства и право наслѣдованія (по закону). На такое предположеніе наталкиваетъ 12-ая статья договора съ нѣмцами 1229 года, хотя строгая критика можетъ подразумѣвать въ этой статьѣ холоповъ, пущенныхъ въ торгъ господиномъ (срав. «Рус. Пр.» ст. 111), а потому входящихъ въ обязательства не отъ своего имени, а отъ имени уполномочившаго ихъ господина. Возраженіе парализуется тѣмъ фактомъ, что въ древнѣйшей Руси возможенъ былъ выкупъ холопа на волю; а разъ могъ выкупиться на волю, значитъ, у него была признанная господиномъ и дѣйствующимъ правомъ личная собственность. Сама «Русская Правда» нигдѣ не говоритъ объ отсутствіи собственности у рабовъ; оно и понятно, потому что, по ея теоріи, рабъ — вещь; однако въ «Русской Правдѣ» не найдется статьи, которая и исключала бы вышеприведенное мнѣніе. Противъ не говорятъ ни 110-ая, ни 113-ая статьи, ибо въ первой рѣчь идетъ о холопѣ, занимавшемъ деньги подъ видомъ свободнаго человѣка, а во второй — объ отнятіи у холопа его добытка въ случаѣ незаконнаго оставленія имъ своего господина. Итакъ, имѣемъ право говорить о существованіи у хслоповъ движимой собственности въ древнѣйшей Руси, пользуясь которой они могли выкупаться на волю и вступать въ разрядъ изгоевъ,

чего тоже не знаетъ*) «Русская Правда». Уставъ князя Всеволода**) въ числѣ изгоевъ помѣщаетъ холопа, выкупившагося изъ холопства.

Можно даже предполагать, что на практикѣ существовалъ выработанный обычаемъ законъ, что холопъ можетъ выкупиться на волю, заплативъ своему господину за себя столько, сколько послѣдній самъ за него заплатилъ. Къ такому заключенію приводитъ вскрываемое по древне-русскимъ памятникамъ злоупотребленіе, извѣстное подъ именемъ *взиманія изгойства*, т. е. случая, когда господинъ бралъ съ выкупающагося на волю холопа больше, чѣмъ самъ за него заплатилъ, и жестоко осуждаемое церковью.

Вотъ что говоритъ по этому поводу одинъ древнѣйшій церковный памятникъ, изданный А. С. Павловымъ подъ заголовкомъ: *Наставленіе духовнику о принятіи кающихся*:

«И се паки горѣе всего емлющимъ изгойство на искупающихся отъ работы: не имуть бо видѣти милости, не помиловавше равно себѣ созданнаго рукою Божіею человѣка, (и)иже насытившеся цѣною уреченою, и тоже не отъ закона Божія, нъ и еще прилагающе горе на горе своей души, не токмо своѣ душѣ губяще, нъ и послухъ, въставающихъ, по нихъ и помагающихъ злобѣ ихъ, и еще же приволочаще къ своимъ злъмъ и судьи многыми мьздами и великыми дары. Аще ли кто въ невѣдѣніиималъ

---

*) *Изгоя* въ первой статьѣ Правды нѣкоторые толкуютъ именно въ узкомъ смыслѣ холопа, выкупившагося на волю; но она нигдѣ не говоритъ ни объ условіяхъ, ни о возможности такого выкупа.

**) См. выше примѣчаніе на стр. 129.

будеть, ти хощеть избыти вѣчноѣ мукы, да воротить опять тѣмь, на нихже ималъ, и избудеть вѣчныя мукы и жизни вѣчнѣй причастникъ будеть съ всѣми святыми. Такоже иже кто продаеть целядинъ, да елико на немь давши, толико и взяти; аще ли лише, то обрѣтается наклады емля и прасоля живыми душами, съ ними же и на судищи предъ Богомъ стати. Такоже иже кто выкупается на свободу, то толико же дасть на собѣ, колико же дано на немь; потомъ же, будя свободенъ, ти добуде(ть) дѣтей, то начнуть имати изгойство на нихъ: то обрящются продающе кровь неповиньну, и възищется предъ Богомь на страшнемь судищи отъ рукъ ихъ кровь та; то луче бы имъ не родитися, (н)еже полѣсти въ непрѣбрьдомыя мукы».

Ст. 59 и 81-ая «Русской Правды» безусловно воспрещаютъ придавать послушеству холопа рѣшающее значеніе въ судебномъ процессѣ. Позднѣйшее право, какъ можно предполагать, восприняло этотъ принципъ, неизвѣстный Закону Судному Людемъ. Такъ въ новгородскихъ грамотахъ читаемъ: «а холопъ или роба начнетъ вадити на господу, тому вѣры не яти», хотя здѣсь главнымъ образомъ имѣется въ виду холопскій доносъ, такъ поощрявшійся позднѣе при царѣ Борисѣ. Лѣтопись знаетъ, однако, любопытный случай, когда послушеству (доносу?) холопа придано было рѣшающее судебное значеніе. Въ Новгородской II-й лѣтописи подъ 1055 и 1058 гг. разсказывается, что новгородскій епископъ Лука былъ осужденъ по клеветѣ своего холопа Дудики. Изъ Новгородской I лѣтописи (с. 71) знаемъ, что въ 1316 году остался безъ наказанія холопъ, убившій своего господина и объявившій гражданамъ,

что послѣдній держалъ перевѣтъ и благопріятствовалъ враждебному князю.

Какъ вещь, рабъ, по «Русской Правдѣ», не отвѣчаетъ предъ княземъ за совершенныя имъ преступленія, а слѣдовательно и за убійство. Иной взглядъ проводила церковь, которая признавала отвѣтственность предъ нею рабовъ, хотя и не вполнѣ. Епископъ на вопросъ нѣкоего Ильи — «аже въ роботѣ суть душегубци? — повелѣлъ «на полы дати, и лжае: не волни бо, рече, суть». Въ этомъ взглядѣ явно стремленіе церкви смотрѣть на холопа, какъ на отвѣтственнаго предъ нею христіанина; этотъ взглядъ еще рѣзче высказывается въ запрещеніи продавать поганымъ холопа-христіанина. Митрополитъ Іоаннъ II, проводящій это запрещеніе, слѣдуетъ принципу византійскаго права; его слова по этому поводу легко отыскиваются и въ Фотіевомъ номоканонѣ, и во многихъ византійскихъ частныхъ юридическихъ сборникахъ, предназначенныхъ для церковной практики.

«Прашалъ еси о нѣкыхъ, иже купять челядь, створивъшимъ обещныхъ молитвъ, ядше съ ними, послѣди же продавше в поганыя, которую симъ прияти епитемью? И речемъ, якоже речено есть в законѣ: крестьяна человѣка ни жидовину, ни еретику продати. Иже продасть жидомъ, есть безаконникъ, а не токмо законодавцю, но и Богу претыкаеться.

И се внимай о Самъфирѣ и о Ананьи образа (и) разумѣй: они бо цѣну своего обѣщаща Петромъ, верховнимъ апостоломъ, принести Богу, дажь малу часть оудержавше, смерти осужени бывше, украдше

часть, иже обѣщаша Богу принести. Купца же, иже знаменавше знаменье Божие и молитву иже отъ нихъ купленые челяди, иже есп псалъ: «знаменавше (п) молитву давше», такоже и поганымъ продавше, не тайное съгрѣшенье, но явлено къ Богу отлученье крадше и чюже собѣ створше, и тако ны ся мнить ладно со онѣма сгрѣшати, иже гонивъше нашю вѣру и многы отъ вѣры в невѣрьство приведше. Имже достоить отврещи сего злаго начинания наоученьемь и наказаньемъ многымъ; аще не послушаеть, яко иноязычникъ и мытарь имѣти».

Въ ст. 105-ой «Русская Правда» запрещаетъ обращеніе въ рабство за прокормъ. Относительно этого постановленія «Русской Правды» можно рѣшительно утверждать, что оно нерѣдко противорѣчило практикѣ. Въ лѣтописяхъ не разъ читаемъ о томъ, что родители въ голодное время отдавали въ холопство, въ дернь своихъ дѣтей. Такъ, въ Новгородской I-й лѣтописи подъ 1215 годомъ (также подъ 1230 г.) встрѣчаются замѣчанія, что родители «дѣти своѣ даяхуть одьрень», или «и даяху отци и матери дѣти свое одьренъ, изъ хлѣба, гостьмъ». Замѣтимъ, что, согласно съ «Русской Правдой», порабощеніе за прокормъ запрещаетъ и Законъ Судный Людемъ:

«Аще ся дасть человѣкъ у тощна веремяни или жена; дернь ему не надобе, а поидеть прочь, дастъ три гривны, а служилъ даромъ».

Попавшая въ «Русскую Правду» статья (92) о блудѣ съ рабою постановляетъ освобожденіе на волю рабы и ея дѣтей, прижитыхъ съ господиномъ (освобожденіе на волю по смерти послѣдняго). Церковные уставы не предвидятъ подобнаго случая. Этимъ объясняется, почему 92-ая статья попала и удержа-

лась въ «Русской Правдѣ». Въ вопросахъ Кирика есть параллельное статьѣ «Русской Правды» мѣсто, гдѣ рѣчь идетъ также о блудѣ съ рабой. «Рѣхъ: владыко, аже поустити свободна? (т. е. рабу, съ которою жилъ господинъ). — Сдѣ, рече, обычай *нѣсть* таковъ; а лѣпше иного человѣка въскоупити, абы ся и другая на томь казнила». Если принять сейчасъ приведенное чтеніе, то придемъ къ заключенію, что практика противорѣчила «Русской Правдѣ». Однако такое заключеніе будетъ по меньшей мѣрѣ поспѣшнымъ, ибо во всѣхъ другихъ спискахъ вопросовъ Кирика читается *есть* вмѣсто *нѣсть*. Недоумѣніе быть можетъ разрѣшается уставомъ Всеволода, гдѣ встрѣчаемъ такое упоминаніе о робичичѣ.

«*И азъ сія самъ вѣдихъ предъ собою и управихъ заповѣдми, по преданію святыхъ отецъ, тяжю промежу первою женою дѣтей со третьею женою и съ дѣтми, и со четвертою женою и съ дѣтми; яже есть изъ велика живота дати урочная часть по оскуду, а изъ мала живота, како робичичю часть по указу: конь, да доспѣхъ, и покрутъ, — по разсмотренію живота*».

Таково соотношеніе, которое въ общихъ чертахъ можно установить между взглядами «Русской Правды» на холоповъ и современныхъ ей церкви и судебной практики.

«Русская Правда» дошла до насъ во множествѣ списковъ, число которыхъ, по увѣреніямъ П. М. Строева, переходитъ за цифру 300 (см. Н. Л. Дювернуа: *Источники права и судъ въ древней Россіи. Опыты по исторіи русскаго гражданскаго права*. М. 1869, стр. 47). Эти списки далеко не сходны другъ съ другомъ,— они различаются и порядкомъ статей, и ихъ содержаніемъ, и ихъ количествомъ; они носятъ на себѣ

смутные слѣды различныхъ вѣковъ и даже различныхъ мѣстностей, какъ утверждаетъ, напр., Дубенскій въ своемъ *Судѣ Ярослава князя* (стр. XIV второй части «Русскихъ Достопамятностей» Общества Исторіи и Древностей. М. 1843). Наличность этихъ списковъ вовсе не изучена, — ихъ анализъ остановился на той точкѣ, на какой оставилъ его Н. В. Калачовъ въ диссертаціи *Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды* (М. 1846 и второе изданіе Спб. 1880). Такое значительное количество списковъ «Русской Правды» съ временными и мѣстными особенностями не говоритъ ли о ея широкой распространенности, о ея своеобразной роли въ судебной практикѣ древней Руси? Оно же немало говоритъ въ пользу того мнѣнія, что Правда вовсе не была закономъ, изданнымъ государственною властью, а была частнымъ юридическимъ сборникомъ, составъ котораго слагался постепенно и видоизмѣнялся сообразно потребностямъ древне-русскаго юриста-практика. Правда вбирала въ себя и законъ, изданный государственной властью, и постановленіе обычнаго права, и судебное рѣшеніе, состоявшееся, если можно такъ выразиться, инымъ въ образецъ; она отразила на себѣ слѣды закона русскаго и византійскаго и находилась въ очень тѣсной связи съ современной ей судебной практикой, была въ зависимости отъ послѣдней. «Русская Правда, говоритъ В. И. Сергѣевичъ въ *Лекціяхъ по исторіи русскаго права* (Спб. 1890, стр. 77, 83), не руководила практикой, а сама составлена по ней, она — отголосокъ практики», отголосокъ, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ претендовать на полноту и неподвижность своего состава,

Про нее можно сказать, что она никогда не дѣйствовала въ цѣломъ (да и что такое цѣлое «Русской Правды»), что она старѣла прежде, чѣмъ тотъ или иной ея составъ появлялся въ извѣстномъ спискѣ, но зато отдѣльныя черты Правды ведутъ свое начало изъ глубочайшихъ временъ или живутъ до позднѣйшихъ. Едва ли можно отрицать, что для наилучшей оцѣнки Правды, какъ юридическаго источника, всего плодотворнѣе изучить, насколько то позволяетъ оставленное намъ древней Русью писаное наслѣдство, отношеніе ея къ современной ей судебной практикѣ, т. е. сопоставить постановленія, записанныя въ наиболѣе ходячихъ текстахъ «Русской Правды», съ современными ей законодательными или указными актами, отдѣльными казусами и свидѣтельствами церковной письменности. Но что такое современная Правдѣ судебная практика? Это — вопросъ, требующій очень опредѣленнаго отвѣта. Не входя въ подробности, условимся, что XI и XII вѣка — время господства правовыхъ нормъ Правды, ея наибольшаго практическаго значенія и согласія съ текущей дѣйствительностью; въ свидѣтельствахъ, идущихъ изъ X в., можно черпать наиболѣе архаическія черты Правды, а изъ данныхъ XIII в. создавать себѣ представленіе о степени живучести тѣхъ или другихъ ея нормъ и переворота, успѣвшаго тогда произойти въ судебной практикѣ. Въ нашемъ случаѣ историку пришлось бы то и дѣло возиться съ датами списковъ и съ строгимъ различеніемъ ихъ состава и такъ сказать физіономіи; юристу простительно, какъ кажется, въ предварительномъ опытѣ разсматривать вопросъ въ нѣкоторой неподвижности. Воздержи-

ваясь отъ попытки изобразить послѣдовательную смѣну явленій въ древне-русской судебной практикѣ, происходившую въ X—XIII вѣкахъ, можно прослѣдить ходячіе тексты «Русской Правды» въ такомъ порядкѣ: 1) что въ нихъ совершенно сходно съ судебной практикой X—XIII вѣковъ, 2) въ чемъ они болѣе или менѣе несогласны съ послѣдней и 3) что имъ осталось изъ несомнѣнно дѣйствовавшаго на практикѣ неизвѣстнымъ. Работа эта по отношенію къ институту холопства частью и продѣлана въ предложенномъ отрывкѣ. Послѣдняя категорія наблюденій, несомнѣнно, имѣетъ особенную цѣну для полноты нашихъ свѣдѣній въ юридическомъ строѣ древней Руси и характеристики значенія «Русской Правды», какъ юридическаго источника. Не надобно только забывать, что пробѣлы «Русской Правды», какъ юридическаго сборника, хорошо знакомы кодексамъ московскаго періода: Судебники, подобно Правдѣ, знаютъ далеко не всѣ нормы, дѣйствовавшія въ ихъ время на практикѣ.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЮРИДИЧЕСКІЙ СТРОЙ КІЕВСКОЙ РУСИ.

XIII. ТЕКСТЪ РУССКОЙ ПРАВДЫ ПО ТРОИЦКОМУ СПИСКУ.

Судъ Ярославль Володимьричь.

Правда Русьская.

1. Аже оубпеть мужь мужа, то мьстити брату брата, любо отцю, ли сыну, любо братучадо*), ли братню**) сынови; аще ли не будеть кто его мьстя, то положити за голову 80 гривенъ, аче будеть княжь моужь или тиоуна княжа; аще ли будеть русинъ, или гридь***), любо купець, любо тивунъ бояреск̀ъ, любо мечникъ, любо ізгои****), ли словѣнинъ: то 40 гривенъ положити зань.

2. По Ярославѣ же паки совкупившеся сынове

---

*) Читается какъ одно слово: *брат̀очадо* = сынъ брата.

**) Въ Академич. спискѣ стоитъ: «*сестриноу*».

***) *Гридь* = воинъ княжескій (отсюда *гридити* = служить въ войскѣ, *гридница* = комната или зданіе, гдѣ собиралась княжеская дружина). *Русинъ* = житель южной, кіевской Руси; *словѣнинъ* = житель сѣверной, новгородской Руси. *Мечникъ* — низшая полицейская должность.

****) См. выше примѣчаніе на стр. 129 и стр. 412—413. *Изгой* — это человѣкъ, по доброй волѣ или въ силу обстоятельствъ утративш̀ій свое прежнее общественное положеніе и не нашедш̀ій новаго.

его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Коснячько, Перенѣгъ, Никифоръ і отложиша оубиение за голову, но кунами ся выкупати; а іно все якоже Ярославъ судилъ, такоже і сынове его оуставиша.

О оубийствѣ.

3. Аже кто оубиеть княжа мужа въ разбои, а головника *) не ищють: то виревную платити въ чьей же верви голова лежить, то 80 гривенъ; паки ль людинъ, то 40 гривенъ.

4. Которая ли вервь начнеть платити дикую вѣру, колико лѣтъ заплатить ту виру, занеже безъ головника имъ платити; будеть ли головникъ ихъ въ верви, то зань къ нимъ прикладываеть, того же дѣля имъ помагати головникоу, любо си дикую вѣру; но сплати імъ вообчи 40 гривенъ, а головничьство **) самому головнику; а въ 40 гривенъ ему заплатити исъ дружины свою часть; но оже будеть оубилъ или въ свадѣ или въ пиру явлено, то тако ему платити по вервинынѣ, іже ся прикладываютъ вирою.

Оже станеть безъ вины на разбои.

5. Будеть ли сталъ на разбои безъ всякоя свады, то за разбоіника люди не платять; но выдадять и всего съ женою і съ дѣтми на потокъ и на разграбление.

---

*) *Головникъ* = убійца; *вервь* = община. — Въ Академич. спискѣ начало этой статьи читается такъ: 19. «А иже оубьють *отищанина* въ разбои, или оубинца не ищоуть...». *Отищанинъ* стоитъ здѣсь въ замѣну «княжа мужа» Троицкаго списка.

**) *Головничество* = вознагражденіе, которое платилъ убійца родственникамъ убитаго; *дружина* — употреблено здѣсь въ смыслѣ «община» (вервь, миръ); *свада* — въ смыслѣ ссоры.

6. Аже кто не вложиться въ дикую вѣру, тому людье не помагають, но самъ платить.

7. А се покони *) вирнии были при Ярославѣ: вирнику взяти 7 вѣдеръ солоду на недѣлю, же овенъ, любо полоть, любо 2 ногатѣ; а въ середу куна, же сыръ, а въ пятницю такоже; а куръ по двою ему на день; а хлѣбовъ 7 на недѣлю; а пшена 7 ouборковъ; а гороху 7 ouборковъ; а соли 7 голважень: то то вирнику со отрокомь; а кони 4, конемъ на ротъ сути овесъ; вирнику 8 гривенъ, а 10 кунъ перекладная, а метелнику 12 вѣкшии, а съсадная гривна.

8. Аже будеть вира во 80 гривенъ, то вирнику 16 гривенъ и 10 кунъ и 12 вѣкши, а переди съсадная гривна, а за голову 3 гривны.

О княжи мужь.

9. Аже въ княжи отроци, іли въ конюсѣ, іли въ поварѣ, то 40 гривенъ.

10. А за тивунъ за огнищныи, і за конюшии, то 80 гривенъ.

11. А въ сельскомь тивунѣ княжѣ, іли въ ратаинѣмь, то 12 гривенъ; а за рядовича **) 5 гривенъ, такоже и за бояреск.

---

*) *Конъ* = мѣра, граница; *покопъ* = то, что сообразно съ мѣрой или нормой. Срв. по Академ. списку ст. 42:..... «а въ среду рѣзаноу, въ три же сыры..... а вприкоу 60 гривенъ и 10 рѣзанъ и 12 вѣверици, а передѣ гривна.....тъ всѣхъ коунъ — 15 коунъ на недѣлю.....».

**) По Академ. списку ст. 22: «а въ сельскомъ старостѣ княжи и въ ратаинѣмъ 12 гривнѣ; а въ *рядовщии* княжѣ 5 гривенъ». *Рядовичъ* — повидимому то же, что дальше закупъ — наемный работникъ, живший въ имѣнiи по ряду, договору съ господиномъ (въ противоположность холопу, который составлялъ собственность хозяина).

О ремественицѣ и о ремественицѣ.

12. А за ремественика и за ремественицю, то 12 гривенъ.

13. А за смердии холопъ 5 гривенъ; а за робу 6 гривенъ *).

14. А за кормилця 12, такоже и за кормилицю, хотя си буди холопъ, хотя си роба.

О поклепѣи вирѣ.

15. Аще будеть на кого поклепная вира, то же будеть послуховъ 7, то ти выведуть виру; паки ли варягъ или кто інъ, *тогда;* а по костехъ и по мертвеци не платить верви, аже имене не вѣдають, ни знають его.

Аже свержеть виру.

16. А иже свержеть виру, то гривна кунъ сметная отроку; а кто и клепалъ, а тому дати другую гривну, а отъ виры помечнаго 9 **).

17. Искавше ли послуха не налѣзуть, а істьця начнеть головою клепати: тогда дати імъ правду желѣзо; такоже и во всѣхъ тяжахъ, въ татбѣ и въ поклепѣ, оже не будеть лиця, то тогда дати ему желѣзо изъ неволи до полугривны золота; аже ли

---

*) Срв. ст. 23 по Акад. списку: «а въ смердѣ и въ хопѣ 5 гривенъ», которую В. И. Сергѣевичъ читаетъ: *а въ смердьи хопь 5 гривенъ* («Древности», I, 172—173), т. е. здѣсь, стало быть, идетъ рѣчь о холопахъ смердьихъ, которыхъ Правда противополагаетъ холопамъ княжимъ (срв. княжъ конь и смердій конь).

**) Въ Карамзинскомъ спискѣ ст. 16 заканчивается такъ: «а отъ виры помочного 9 кунъ», а въ ст. 15 вмѣсто «тогда» читается «то 2». Срв. далѣе въ ст. 25 «полная видока» (стр. 426).

мнѣ, то на воду, оли то до дву гривенъ; аже мене, то ротѣ ему ити по своѣ куны.

18. Аже кто оударить мечемь, не вынезъ его, или рукоятию: то 12 гривенъ *) продажи за обиду.

19. Аже ли вынезъ мечь, а не оутнеть, то гривна кунъ.

20. Аже кто кого оударить батогомь, любо чашею, любо рогомь, любо тылѣснию: то 12 гривенъ; не терпя ли противу тому оударить мечемь, то вины ему въ томь нѣтуть.

21. Ачели оутнеть руку і отпадеть рука, іли оусхнеть, іли нога, іли око, *или нось* **) оутнеть; то полувирье, 20 гривенъ, а тому за вѣкъ 10 гривенъ.

22. Аже перстъ оутнеть кни любо, 3 гривны продажѣ, а самомоу гривна коунъ.

А придетъ кровавъ моужь.

23. Аже придеть кровавъ мужь на дворъ, или сынь, то видока ему не іскати, но платити ему продажю 3 гривны; аще ли не будеть на немь знамения, то привести ему видокъ: слово противу слова, а кто будеть почалъ, тому платит[и] 60 кунъ; аче же и кровавъ придетъ іли будеть самъ почалъ, а вылѣзуть послуси, то то ему за платежь, оже и били ***).

---

*) Въ договорахъ съ греками 912 и 945 гг. пять литръ серебра «по закону рускому».

**) Чтеніе *или нось* принято вмѣсто чтенія Троицкаго списка *или не*, согласно другимъ рукописямъ, указаннымъ Н. В. Калачовымъ въ книгѣ «*Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды*». Изд. II. Спб. 1880. Выпускъ I, стр. 190.

***) Срв. ст. 28 по Академ. списку: «Аще же пріидеть кровавъ

24. Аже оударить мечемь, а не оутнеть на смерть, то 3 гривны, а самому гривна за рану, же лѣчебное; потнеть ли на смерть, а вира.

25. Аче попъхнеть мужь мужа, любо къ собѣ, ли отъ собе, любо по лицю оударить, ли жердью оударить, а видока два выведуть, то 3 гривны продажи; аже будеть варягъ іли колбягъ, то полная видока вывести, і идета на ротоу.

О челяди.

26. А челядинъ скрыеться, а закличють и на торгу, а за 3 дни не выведуть его, а познаеть и третии день: то свои челядинъ поняти, а оному платити 3 гривны продажи.

Аже кто всядеть на чюжь конь.

27. Аже кто всядеть на чюжь конь не прашавъ, то 3 гривны.

28. Аче кто конь погубить, или оружье, іли портъ *), а заповѣсть на *тоиу*, а послѣ познаеть въ своемъ *городѣ*, свое ему лицемь взяти, а за обиду платити ему 3 гривны.

моужь, любо синь, то не искати ему *послоуха*» и ст. 2 того же списка: «Или боудеть кровавъ или синь надъраженъ, то не искати емоу *видока* человѣкоу томоу; аще не боудеть на немъ знаменіа никотораго же, толи пріидеть видокъ; аще ли не можеть, тоу томоу конець. Оже ли себе не можеть мьстити, то взяти емоу за обидоу 3 гривнѣ, а лѣтцю мъзда».

*) Срв. ст. 17 по Академич. списку: «А иже изломить копье, любо щитъ, любо *портъ*, а начнеть хотѣти его деръжати оу себе, то пріати скота оу него; а иже есть изломилъ, аще ли начнеть примѣшати, то скотомъ емоу заплатити, колько далъ будеть на немъ», и также ст. 12: «Аще поиметь кто чюжь конь, любо ороужіе, любо *портъ*, а познаеть въ своемь *миром:* то взяти емоу свое, а 3 гривнѣ за обидоу». Срв. далѣе на стр. 427 статью 31-ую.

29. Аже кто познаеть свое, что будеть погубилъ, іли оукрадено оу него что и или конь, или портъ, іли скотина, то не рци и: се мое; но поіди на сводъ, кдѣ есть взялъ; сведитеся, кто будеть виноватъ, на того татба снидеть; тогда онъ свое возметь, а что погибло боудеть съ нимь, тоже ему начнеть платити *).

30. Аще будеть коневыи тать — выдати князю на потокъ; паки ли боудеть клѣтныи тать, то 3 гривны платити емоу.

О сводѣ.

31. Аже будеть во одиномь городѣ: то ити истьцю до конця того свода; будеть ли сводъ по землямъ, то ити ему до третьяго свода, а что будеть лице, то тому платити третьему кунами за лице, а съ лицемъ ити до конця своду, а істьцю ждати прока; а кдѣ снидеть на конечняго, то тому все платити и продажю.

О татбѣ.

32. Паки ли будеть что татебно купилъ въ торгу, или конь, или портъ, іли скотину, то выведеть свободна мужа два или мытника; аже начнеть не знати оу кого купилъ, то іти по немь тѣмь видокомъ на роту, а истьцю свое лице взяти, а что съ нимь погибло, а того ему желѣти, а оному желѣти своихъ кунъ, зане не знаеть оу кого купивъ; познаеть ли на долзѣ оу кого то купилъ, то своѣ куны возметь, і сему платити что оу него будеть погибло, а князю продажю.

*) По Академич. списку ст. 13: «Аще познаеть кто, не емлеть его, то не рци емоу: мое; нъ рци емоу тако: поиди на *сводъ*, гдѣ еси взялъ; или не поидеть, то *пороучника* за пять днін».

Аже познаетъ кто челядь.

33. Аще познаеть кто челядинъ свои оукраденъ, а поиметь и, то оному вести и по купамъ до 3-го свода; пояти же челядина въ челядинъ мѣсто, а оному дати лице, ать ідеть до конечняго свода, а то есть не скотъ, нѣ лзѣ рчи: *) оу кого есмь купилъ; но по языку пти до конца, а кдѣ будеть конечнии тать, то опять воротять челядина, а свои поіметь, и проторъ тому же платити.

34. А князю продажѣ 12 гривенъ въ челядинѣ или оукрадше.

О своде же.

35. А и — своего города въ чюжю землю свода нѣтуть; но такоже вывести ему послухи, любо мытника, передъ кимь же купивше; то истьцю лице взяти, а прока ему желѣти, что съ нимь погибло, а оному своихъ кунъ желѣти.

О татбѣ.

36. Аже оубиють кого оу клѣти іли оу которѣ татбы, то оубиють во пса мѣсто; аже ли і додержать свѣта, то вести на княжь дворъ; оже ли оубиють и, а оуже боудуть людие связана видѣли, то платити въ томь 12 гривенъ **).

---

*) Въ подлинникѣ здѣсь пропущены слова: не вѣдѣ *или* не вѣдаю. Срв. по Карамз. сп. ст. 34 и по Академ. сп. ст. 15.

**) Срв. ст. 38 по Академич. списку: «Аще оубьють татя на своемъ дворѣ, любо оу клѣти, или оу хлѣва, то тои оубитъ; аще ли до свѣта держать, то вести его на княжь дворъ; а оже ли оубьють, а люди боудоуть видѣли связанъ, то платити въ немь». Въ Ростовскомъ спискѣ прибавлено: «Оже убиенъ тать, а подымутъ ноги во дверѣ, ино убитъ; оли подымутъ ноги за вороты, толи платити въ немъ».

37. Аже крадеть кто скотъ въ хлѣвѣ или клѣть, то же будеть одинъ, то платити ему 3 гривны и 30 кунъ; будеть ли ихъ много, всѣмъ по 3 гривны і по 30 кунъ платить.

О татьбѣ иже кто скота взищеть.

38. Аже крадеть скотъ на поли, іли овцѣ, или козы, ли свиньи, 60 кунъ; будеть ли ихъ много, то всѣмъ по 60 кунъ.

39. Аже крадеть гумно іли жито въ ямѣ, то колико ихъ будеть крало, то всѣмъ по 3 гривны і по 30 кунъ; а оу него же погибло, то оже будеть лице, лице поіметь, а за лѣто возьметь по полугривнѣ.

40. Паки ли лиця не будеть, а будеть былъ княжь конь, то платити зань 3 гривны, а за инѣхъ по 2 гривны.

А се оуроци скоту.

41. Аже за кобылу 7 кунъ, а за волъ гривна, а за корову 40 кунъ, а за третьяку 30 купъ, за лоньщину полгривны, за теля 5 кунъ, а за свинью 5 кунъ, а за порося ногата, за овцю 5 кунъ, за боранъ ногата, а за жеребець, аже не всѣдано нань, гривна кунъ, за жеребя 6 ногатъ, а за коровие молоко 6 ногатъ: то ти оуроци смердомъ, оже платять князю продажю.

Аже будуть холопи татье, судъ княжь.

42. Аже будуть холопи татие, любо княжи, любо боярьстии, любо черпечь, іхъ же князь продажею не

казнить, зане суть несвободни: то двонче платить ко істьцю за обидоу *).

Оже кто кунъ взищеть.

43. Аже кто взищеть кунъ на друзѣ, а онъ ся начнеть запирати, то оже нань выведеть послуси, то ти поідуть на роту, а онъ возметь своѣ куны; занеже не далъ ему кунъ за много лѣтъ, то платити ему за обиду 3 гривны.

44. Аже кто купець купцю дасть куплю въ куны или въ гостьбу, то купцю предъ послухи кунъ не имати, послуси ему не надобѣ; но іти ему самому ротѣ, аже ся почнеть запирати.

О поклажаи.

45. Аже кто поклажаи кладеть оу кого любо, то ту послуха нѣсть; *но оже* начнеть болшимь клепати, тому ити ротѣ, оу кого то лежалъ товаръ: *а толко* еси оу мене положилъ, зан*еже* ему въ болого дѣль и хоронилъ товаръ того *).

---

*) Срв. ст. 16 по списку князя М. Оболенскаго: «Аже будетъ холопи тати кто, — кто княжь, ихъ же князь обиду платитъ истцу».

**) Курсивъ въ этой статьѣ — поправки по другимъ спискамъ вмѣсто пропусковъ оригинала. Любопытный примѣръ употребленія роты въ такомъ случаѣ, въ какомъ она предлагается «Русской Правдой», представляетъ Патерикъ Печерскій. Два мужа, разсказываетъ «О Іоаннѣ и о Сергіи чюдо изрядно», сдѣлались монахами Печерскаго монастыря. Одинъ изъ нихъ Іоаннъ, умирая, поручилъ игумену Никону раздать все имѣніе нищимъ, «а часть сыновню дасть Сергію 1000 гривенъ сребра, а 100 гривенъ злата, предасть же и сына своего Захарью, юна соуща, на съблюденіе дроугу своему, яко брату вѣрну, заповѣдавъ тому, яко, егда възмужаетъ сынъ мой, дай же ему злато и сребро». Когда послѣдній пришелъ въ совершенный возрастъ (15 лѣтъ) и потребо-

О рѣзѣ.

46. Аже кто даеть куны въ рѣзъ, или наставъ въ медъ, или жито во прісопъ, то послухи ему ставити: како ся будеть рядилъ, такоже ему имати.

О мѣсячнѣмъ рѣзѣ.

47. О мѣсячныи рѣзъ, оже за мало, то імати ему; зайдуть ли ся куны до того же года, то дадять ему куны въ треть, а мѣсячныи рѣзъ *) погренути; послуховъ ли не будеть, а будеть кунъ 3 гривны, то ити ему про своѣ куны ротѣ; будеть ли боле кунъ, то речи ему тако: промиловался еси, оже еси не ставілъ послуховъ.

Оустав Володимѣрь Всеволодича.

48. Володимѣръ Всеволодичь, по Святополцѣ, созва дружину свою на Берестовѣмь: Ратибора, киевьско тысячьского, Прокопью, бѣлогородьского тысячьского, Станіслава, переяславьского тысячьско-

---

валъ отцовскія деньги, то Сергій, принявшій ихъ на храненіе, отвѣчалъ, что у него нѣтъ никакихъ Іоанновыхъ денегъ, что умершій Іоаннъ все свое имѣніе роздалъ нищимъ. Захарій настаивалъ на отдачѣ, пошелъ наконецъ на сдѣлку, прося отдать сперва половину, потомъ соглашался на треть и даже десятую часть; но Сергій упорно стоялъ на своемъ. Тогда Захарій потребовалъ, чтобы Сергій пошелъ на роту. Тотъ не выдержалъ роты вполнѣ и принужденъ былъ сознаться, что деньги у него въ клѣти. Изъ этого примѣра ясно видно широкое распространеніе роты; ея не избѣгъ даже монастырь. *Ред.*

*) Въ «Вопросахъ Кирика...» читаемъ: «боудите милосерди, възмете легко; аще (по) 5 коунъ далъ еси, а 3 коуны възми или 4».

го, Нажира, Мирослава, Іванка Чюдиновича, Олгова мужа, и оуставили до третьяго рѣза, оже емлеть въ треть куны; аже кто возметь два рѣза, то то ему взяти исто; паки ли возметь три рѣзы, то иста ему не взяти.

49. Аже кто емлеть по 10 кунъ отъ лѣта на гривну то того не отмѣтати.

Аже которыи купець истопиться.

50. Аже которыи купець, гдѣ любо шедъ съ чюжими кунами, истопиться, любо рать возметь, ли огнь: то не насилити ему, ни продати его; но како начнеть отъ лѣта платити, такоже платить занеже пагуба отъ Бога есть, а не виноватъ есть; аже ли пропиеться или пробиеться, а въ безумьи чюжь товаръ испортить, то како любо тѣмъ, чии то товаръ, ждуть ли ему, а своя імъ воля, продадятъ ли, а своя имъ воля.

О долзѣ.

51. Аже кто многимъ долженъ будеть, а пришедъ господь изъ иного города или чюжеземець, а не вѣдая запустить зань товаръ, а опять начнеть, не дати гости кунъ, а первии долже бити начнуть ему запинати, не дадуче ему кунъ: то вести и на торгъ, продати же и отдати же первое гостины коуны, а домашнимъ, что ся останеть кунъ, тѣмъ же ся подѣлять; паки ли будуть княжи куны: то княжи куны первое взяти, а прокъ въ дѣлъ; аже кто много рѣза ималъ, не імати тому.

Аже закупъ бѣжитъ.

52. Аже закупъ отъ господы, то обель, идеть ли искать кунъ, а явлено ходить, іли ко князю, или къ судиямъ бѣжить обиды дѣля своего господина: то про то не робять его, но дати емоу правдоу.

О закупѣ же.

53. Аже оу господина ролеиныи закупъ, а погубить воискии *) конь, то не платити ему; но еже далъ ему господинъ плугъ и борону, отъ него же купу емлеть, то то погубивше платити; аже ли господинъ его отслеть на свое орудье, а погибнеть безъ него, то того ему не платити.

О закупѣ же.

54. Аже изъ хлѣва выведуть, то закупу того не платити; но же погубить на поли, и въ дворъ не вженеть і не затворить, кдѣ ему господинъ велить или орудья своя дѣя, а того погубить: то то емоу платити.

55. Аже господинъ переобидить закоупа, а оувидить купу его іли **) отарицю, то то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кунъ; паки ли приметь на немь кунъ, то опять ему воротити куны, что будеть принялъ, а за обиду платити ему 3 гривны продажи; продасть ли господинъ закупа обель, то наймиту свобода во всѣхъ кунахъ, а го-

*) По Карамзин. списку ст. 71 читается: «.....а погубить *своиски* конь...». Есть также чтеніе «своискыи конь». Срв. выше на стр. 389—390.

**) Срв. по Карамз. сп. ст. 73: «...приобидить закоупа, оувѣдеть враждоу и оуверединть цѣноу, а введеть вкоупоу его или отарицоу».

сподину за биду платити 12 гривенъ продажѣ; аже господинъ бьеть закупа про дѣло, то безъ вины есть; биеть ли не смысля пьянъ, а безъ вины, то якоже въ свободнѣмь платежь, такоже и въ закупѣ.

56. Аже холопъ обелныи выведеть конь чии любо, то платити зань 2 гривны.

О закупѣ.

57. Аже закупъ выведеть что, то господинъ въ немь; но оже кдѣ и налѣзуть, то преди заплатить господинъ его конь или что будеть ино взялъ, ему холопъ обелныи, и паки ли господинъ не хотѣти начнеть платити зань, а продасть и, отдасть же переди или за конь, или за волъ, или за товаръ, что будеть чюжего взялъ, а прокъ ему самому взяти собѣ.

А се аже холопъ оударитъ.

58. А се аже холопъ оударить свободна мужа, а оубѣжить въ хоромъ, а господинъ его не выдасть, то платити зань господину 12 гривенъ, а за тѣмь аче и кдѣ налѣзеть оударены тъ своего истьця, кто его оударилъ, то Ярославъ былъ оуставилъ оубити и; но сынове его по отци оуставиша на куны, любо бити и розвязавше, любо ли взяти гривна кунъ за соромъ.

О послушьствѣ.

59. А послушьства *) на холопа не складають; но оже не будеть свободнаго, но по нужи сложити на боярьска тивуна, а на инѣхъ не складывати. А въ малѣ тяжѣ по нужи възложити на закупа.

---

*) Срв. выше на стр. 405—406.

О бородѣ.

60. А кто порветь *) бороду, а вѣньметь знамение, а вылѣзуть людие, то 12 гривенъ продажѣ; аже безъ людии, а въ поклепѣ, то нѣту продажѣ.

О зубѣ.

61. Аже выбьють зубъ, а кровь видять оу него во ртѣ, а людье вылѣзуть, то 12 гривенъ продажѣ, а за зубъ гривна.

62. Аже оукрадеть кто бобръ, то 12 гривенъ.

63. Аже будеть росѣчена земля іли знамение, имъ же ловлено, или сѣть: то по верви искати татя, ли платити продажю.

Аже кто борть разнаменаетъ.

64. Аже разнаменаеть борть, то 12 гривенъ.

65. Аже межю перетнеть бортьную, іли ролеіную разореть, іли дворную тыномь перегородить межю; то 12 гривенъ продажи.

66. Аже дубъ подотнеть знаменьныи или межьныи, то 12 гривенъ продажѣ.

А се наклади.

67. А се наклады 12 гривенъ: отроку 2 гривны и 20 кунъ, а самому ѣхати со отрокомь на дву коню; сути же на ротъ овесъ, а мясо дати овенъ любо полоть, а инѣмь кормомь что има черево возметь; писцю 10 кунъ; перекладнаго 5 кунъ; на мѣхъ двѣ ногатѣ.

---

*) Срв. Академ. ст. 7-ая: «а во оусѣ 12 гривнѣ; а въ бородѣ 12 гривнѣ».

А се о борти.

68. Аже борть подътнеть, то 3 гривны продажѣ, а за дерево полгривны.

69. Аже пчелы выдереть, то 3 гривны продажи, а за медъ, аже будеть пчелы не лажены, то 10 кунъ; будеть ли олѣкъ, то 5 кунъ.

70. Не будеть ли татя, то по слѣду женуть; аже не *) боудеть слѣда, ли къ селу, или къ товару, а не отсочать отъ собе слѣда, ни ѣдуть на слѣдъ, или отбьються, то тѣмь платити татбу и продажю, а слѣдъ гнати съ чюжими людми а съ послухи; аже погубять слѣдъ на гостиньцѣ на велицѣ **), а села не будеть, или на пустѣ, кдѣ же не будеть ни села, ни людии, то не платити ни продажи, ни татбы.

О смердѣ.

71. Аже смердъ мучить смерда безъ княжа слова, то 3 гривны продажи, а за муку гривна кунъ.

72. Аже огнищанина мучить ***), то 12 гривенъ продажѣ, а за муку гривна.

---

*) *Здѣсь слово:* не, *повидимому лишнее.* Срв. по Карамз. сп. ст. 88: «оже боудеть слѣдъ къ селу или къ товару».

**) *Товаръ* — здѣсь въ смыслѣ лагерь, стоянка торговаго каравана, а «на гостиньцѣ на велицѣ» — на большой дорогѣ.

***) Срв. выше примѣчаніе къ 3-ей статьѣ. Академ. списка ст. 32: «А въ гнищанінѣ, и въ тивоуницѣ, и въ мечници 12 гривънѣ»; срв. по Карамз. списку ст. 90 и 134. Срв. 18, 19 и 20 статьи Академ. списка: a) «Аще оубьють огнищанина въ обидоу, то платити зань 80 гривенъ оубіици, а людемъ не надобѣ; а въ подъѣздъномъ княжи 80 гривенъ». b) «Аже оубіють огнищанина оу клѣти, или оу коня, или оу говяда, или оу коровьѣ татьбы, то оубити въ пса мѣсто; а тоже покоиъ и тивоуницоу». *Огнищанинъ* = рабовладѣлецъ. Въ одной рукописи XI вѣка, содержащей въ себѣ десять словъ Григорія Богослова, черезъ «огнище» передано греческое ἀνδράποδα = челядь, рабы.

73. Аже лодью оукрадеть, то 60 кунъ продажѣ, а лодию лицемь воротити, а морьскую лодью 3 гривны, а за набоиную лодью 2 гривны; за челнъ 20 кунъ, а за стругъ гривна.

О перевѣсѣхъ

74. Аже кто подогнеть вервь въ перевѣсѣ, то 3 гривны продажи, а господину за вервь гривна кунъ.

75. Аже кто оукрадеть въ чьемь перевѣсѣ ястребъ *) или соколъ, то продажѣ 3 гривны, а господину гривна.

76. А за голубь 9 кунъ, а за куря 9 кунъ, а за оутовь 30 кунъ.

77. А за гусь 30 кунъ, а за лебедь 30 кунъ, а за жеравль 30 кунъ.

78. А въ сѣнѣ и въ дровѣхъ 9 кунъ, а господину колико боудеть возъ оукрадено, то имати ему за возъ по 2 ногатѣ.

О гумнѣ.

79. Аже зажгуть **) гумно, то на потокъ на грабежь домъ его, переди пагубу исплатившю, а въ процѣ князю поточити і; такоже аже кто дворъ зажьжеть.

80. А кто пакощами конь порѣжеть іли скотину, продажѣ 12 гривенъ, а пагубу господину оурокъ платити.

*) Срв. Академ. сп. ст. 37-ую, гдѣ упоминается еще «чюжь песъ».

**) Въ церковномъ уставѣ Ярослава I поджогъ отнесенъ къ составу церковнаго суда: «аще кто зажьжеть гумно или дворъ или иное что, митрополиту 40 гривенъ, а опитимію подъимутъ, а князь ихъ казнитъ».

81. Ты тяжѣ всѣ судять послухи свободными; будеть ли послухъ холопъ, то холопу на правду не вылазити; но оже хощеть истець или иметь и, а река тако: по сего рѣчи емлю тя, но язъ емлю тя, а не холопъ, и емѣти и на желѣзо; аже обинити и, то емлеть на немь свое, не обинить ли его, платити ему гривна за муку, зане по холопьи рѣчи ялъ и.

82. А желѣзного платити 40 кунъ, а мечнику 5 кунъ, а полгривны дѣтьскому: то ти желѣзныи оурокъ, кто си въ чемь емлеть. Аже иметь на желѣзо по свободныхъ людии рѣчи, либо ли запа нань будеть, любо прохожение нощное, или кимь любо образомь аже не ожьжеться, то про муки не платити ему; но одино желѣзное кто и будеть ялъ.

О жент.

83. Аже кто оубиеть жену, то тѣмъ же судомь судити якоже и мужа, аже будеть виноватъ*): то полвиры, 20 гривенъ.

84. А въ холопѣ и въ робѣ виры нѣтуть; но оже будеть безъ вины оубиенъ, то за холопъ оурокъ платити, или за робу, а князю 12 гривенъ продажѣ.

Аже оумреть смердъ.

85. Аже смердъ оумреть, то задницю**) князю; аже будуть дщери оу него дома, то даяти часть на нѣ; аже будуть за мужемь, то не даяти части имъ.

---

*) По Карамз. сп. ст. 101 читается: «виновата».

**) *Задница* — наслѣдство. Срв. ниже стр. 474.

О задницѣ боярьстѣи и о дружьнѣи.

86. Аже въ боярехъ любо въ дружинѣ, то за князя задница не идеть; но оже не будеть сыновъ, а дчери возмуть.

87. Аже кто оумирая раздѣлить домъ свои дѣтемъ, на томъ же стояти; паки ли безъ ряду *) оумреть, то всѣмъ дѣтемъ, а на самого часть дати души.

88. Аже жена сядеть по мужи, то на ню часть дати, а что на ню мужь възложить, тому же есть госпожа, а задница ей мужня не надобѣ; будуть ли дѣти, то что первоѣ жены, то то возмуть дѣти матере своея; любо си на женоу будеть възложилъ, обаче матери своеи возмуть.

89. Аже будеть сестра въ домоу, то той задницѣ не iмати, но отдадять ю за мужь братия, како си могуть.

А се закладаюче городъ.

90. А се оуроци городнику: закладаюче городню, куну взяти, а кончавше ногата; а за кормъ и за вологу и за мяса и за рыбы 7 кунъ на недѣлю, 7 хлѣбовъ, 7 оуборковъ пшена, 7 луконъ овса на 4 кони, iмати же ему донелѣ городъ срубять, а солоду одину дадять 10 луконъ.

О мостницѣхъ.

91. А се мостнику оуроци: помостивше мостъ, взяти отъ 10 локотъ по ногатѣ; аже починить моста

*) Въ Олеговомъ договорѣ съ греками 912-го г. въ статьѣ «о работающихъ въ грѣцѣхъ Руси у христьяньского царя» читаемъ: «аще кто умреть, не урядивъ своего имѣнья, ци и своихъ не имать, да възвратить имѣнье къ малымъ ближикамъ в Русь; аще ли створить обрящение, таковый възметъ уряженое его, кому будеть писалъ наслъдити имѣнье».

ветхаго, то колико городнѣ починить, то взяти ему по кунѣ отъ городнѣ, а мостнику самому ѣхати со отрокомь на дву коню, 4 лукна овса на недѣлю, а ѣсть что можеть.

А се о задницѣ.

92. Аже будуть робьи дѣти оу мужа, то задници имъ не имати, но свобода имъ съ матерью.

93. Аже будуть въ дому дѣти мали, а не джи ся будуть сами собою печаловати, а мати имъ поидеть за мужь, то кто имъ ближии будеть, тому же дати на руцѣ і съ добыткомь и съ домомь донелѣже возмогуть; а товаръ дати передъ людми, а что срѣзить товаромь тѣмь ли пригостить, то то ему собѣ, а истыи товаръ воротить імъ, а прикупъ ему собѣ, зане кормилъ и печаловалъся ими; яже отъ челяди плодъ или отъ скота, то то все поімати лицемъ; что ли будеть ростерялъ, то то все ему платити дѣтемъ тѣмъ.

94. Аче же и отчимъ приіметь дѣти съ задницею, то такоже есть рядъ, а дворъ безъ дѣла отень всякъ меншему сыновi.

О жень, аже ворчеться сѣдѣти.

95. Аже жена ворчеться сѣдѣти по мужи, а ростеряеть добытокъ и поидеть за мужь, то платити ей все дѣтемъ; не хотѣти ли начнуть дѣти ей ни на дворѣ, а она начнеть всяко хотѣти и сѣдѣти, то творити всяко волю, а дѣтемъ не дати воли; но что ей далъ мужь, съ тѣмъ же ей сѣдѣти, или свою часть вземше сѣдѣти же.

96. А материя часть не надобѣ дѣтемъ; но кому мати дасть, тому же взяти; дасть ли всѣмъ, а всѣ

роздѣлять; безъ языка ли оумреть, то оу кого будеть на дворѣ была и кто ю кормилъ, то тому взяти.

97. Аже будуть двою мужю дѣти, а одиноѣ матери, то онѣмъ своего отця задниця, а онѣмъ своего; будеть ли потерялъ своего иночима что, а опѣхъ отця, а оумреть, то възворотить брату, на неже и людье вылѣзуть, что будеть отець его истерялъ иночимля; а что ему своего отця, то держить.

98. А матери которыи сынъ добръ, перваго ли, другаго ли, тому же дасть свое; аче и вси сынове еи будуть лиси, а дчери можеть дати, кто ю кормить.

А се оуроци судебнии.

99. А се оуроци судебнии: отъ виры 9 кунъ, а метелнику 9 вѣкошь, а отъ бортноѣ земли 30 кунъ, а о инѣхъ о всѣхъ тяжь, кому помогуть по 4 куны, а метельнику 6 вѣкошь.

О задниць.

100. Аже братья ростяжються *) передъ княземь о задницю, которыи дѣтьскии идѣть ихъ дѣлитъ, то тому взяти гривна коунъ.

Оуроци ротнии.

101. А се оуроци ротнии; отъ головы 30 кунъ, а отъ бортьноѣ земли 30 кунъ бесъ трии кунъ; такоже и отъ ролеиноѣ земли, а отъ свободы 9 кунъ.

*) Въ церковномъ уставѣ Владимира I случай, когда «братья или дѣти тяжються о задницю», отнесенъ къ суду церковному.

О холопьствѣ.

102. Холопьство обелное трое: оже кто хотя купить до полугривны, а послухи поставить, а ногату дасть передъ самѣмъ холопомь.

103. А второе холопьство: поіметь робу безъ ряду; поиметь ли съ рядомь, то како ся будеть рядилъ, на томъ же стоить.

104. А се третьее холопьство: тивуньство безъ ряду или привяжеть ключь къ собѣ безъ ряду; съ рядомь ли, то како ся будеть рядилъ, на томъ же стоить.

105. А вдачь не холопъ, ни по хлѣбѣ роботять, ни по придатьцѣ; но оже не доходять года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виноватъ есть.

106. Аже холопъ бѣжить, а заповѣсть господинъ, аже слышавъ кто, или зная и вѣдая, оже есть холопъ, а дасть ему хлѣба, іли оукажеть ему путь, то платити ему за холопъ 5 гривенъ, а за робу 6 гривенъ.

107. Аже кто переиметь чюжь холопъ і дасть вѣсть господину его, то имати ему переемъ гривна; не оублюдеть ли, то платити ему 4 гривны, а пятая переемная ему; а будеть роба, то 5 гривенъ, а шестая на переемъ отходить.

108. Аже кто своего холопа самъ досочиться въ чьемь любо городѣ, а будеть посадникъ не вѣдалъ его, то, повѣдавше ему, поняти же ему отрокъ отъ него и шедше оувязати и і дати ему вязебную 10 кунъ, а переима нѣтуть; аче оупустить и гоня; а собѣ ему пагуба, а платить въ то никтоже, тѣмъ же и переима нѣтуть.

109. Аже кто не вѣдая чюжь холопъ оусрячеть и, или повѣсть дѣеть, любо держить и оу собе, а идеть отъ него, то ити ему ротѣ, яко не вѣдалъ *) есмь, оже есть холопъ, а платежа въ томь нѣтуть.

110. Аче же холопъ кдѣ куны вложить, а онъ будеть не вѣдая вдалъ, то господину выкупати али лишитися его; вѣдая ли будеть далъ, а кунъ ему лишитися.

111. Аже пустить холопъ въ торгъ, а одолжаеть, то выкупати его господину и не лишитись его.

112. Аже кто кренеть чюжь холопъ не вѣдая, то первому господину холопъ поняти, а оному куны **) имати ротѣ ходивше, яко не вѣдая есмь купилъ.

113 ***). Господину же и товаръ, а не лишатися его.

---

*) Срв. ст. 26.

**) Что касается денежнаго счета въ «Русской Правдѣ», то читатели должны принять во вниманіе нижеслѣдующее поясненіе. *Гривна*, во первыхъ, единица вѣса, равная фунту въ 72 золотника (греческой литрѣ или римской libra, отъ которой произошелъ нюренбергскій, т. е. нашъ аптекарскій фунтъ); отсюда: гривна серебра = фунтъ серебра. Во вторыхъ, гривна — денежная счетная единица, вѣроятно, равная одному фунту серебра. Но *гривна кунъ* (т. е. гривна денегъ) эпохи Русской Правды уже утратила вѣсовое значеніе: содержаніе серебра въ ней мѣнялось въ зависимости отъ курса на серебро, а также, быть-можетъ, и отъ мѣстности (новгородскій, кіевскій, смоленскій счетъ), и всегда было меньше фунта. Гривна кунъ дѣлилась на 20 *ногатъ*, или на 25 (позже на 50) *кунъ*, или на 50 *рязаней*, или 600 *вѣкошь* (въ ногатѣ 30 вѣкошь, въ рѣзанѣ 12 вѣкошь, — въ ногатѣ $2^1/_2$ рѣзаны). Неоднократныя попытки найти отношеніе между цѣною денегъ въ кіевской Руси и въ теперешней Россіи не дали прочныхъ результатовъ по недостатку матеріала для исторіи цѣнъ за этотъ періодъ. См. Д. И. Прозоровскій. *Монеты и вѣсъ въ древней Россіи*. Спб. 1865.

***) *Здѣсь, во всѣхъ спискахъ этой редакціи, недостаетъ слѣдующихъ словъ, необходимыхъ для полноты смысла:* Оже холопъ бѣгая добудеть товару, то господину холопъ и долгъ. *Ср. въ Карамзинскомъ спискѣ статью 130.*

114. Аже кто бѣжа, а поиметь сусѣдне что или товаръ, то господину платити зань оурокъ, что будеть взялъ.

115. Аже холопъ крадеть кого любо, то господину выкупати и любо выдати и съ кимь будеть кралъ, а женѣ и дѣтемъ ненадобѣ; но оже будуть съ нимь крали и хоронили, то всѣхъ выдати; паки ли а выкупаеть господинъ; аже будуть свободнии съ нимь крали или хоронили, то князю въ продажѣ *).

Троицкій списокъ «Русской Правды» находится въ одномъ сборникѣ, извѣстномъ подъ именемъ «Мѣрила Праведнаго» и хранящемся въ монастырской библіотекѣ Троице-Сергіевой лавры. Сборникъ этотъ написанъ на пергаминѣ, въ малую четвертку, въ одинъ столбецъ, весьма красивымъ уставомъ конца XIV-го вѣка. «Русская Правда» помѣщена здѣсь вслѣдъ за статьею «о церковныхъ людѣхъ, и судѣхъ, и о десятинахъ, и о мѣрахъ городскихъ»; послѣ Правды слѣдуютъ церковныя правила «о власѣхъ» (о растящихъ власы и о стриженьи брады). *Списокъ Академическій*, на который сдѣланы ссылки въ примѣчаніяхъ къ тексту, находится въ принадлежащей Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ новгородской лѣтописи, писанной на лощеной бумагѣ, въ четвертку, полууставнымъ почеркомъ конца XV вѣка. Правда находится въ ней непосредственно за сло-

*) Въ Карамзинскомъ сп. далѣе слѣдуютъ три статьи: 133-ая «оже человѣкъ, полгавъ куны оу людей, а побѣжить въ чюжоу землю, вѣры емоу не яти, какъ и татю» съ заголовкомъ «о человѣцѣ», 134-ая подъ заголовкомъ «о городскыхъ мостехъ осменникы (изгои) поплата» и 135-ая «о муцѣ»: «оже оутяжутъ въ моукѣ, а посидить оу дворянина, 8 ногатъ за тоу моукоу, а оу колоколници бьютъ киоутомъ, а за тоу моуку 80 гривенъ».

вами: «Ярославъ иде къ Кыеву, сѣде на столѣ отца своего Володимира, нача вои свои дѣлити: старостамъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривнѣ, а новгородцемъ по 10 гривенъ всѣмъ, и отпусти ихъ всѣхъ домовь, и давъ имъ *правду* и *уставъ* списавъ, глаголавъ тако: по сей *грамоть* ходите, якоже писахъ, вамъ такоже дерьжите» (подъ 1016 г.) *Списокъ Карамзинскій* находится въ Новгородской лѣтописи, принадлежавшей Н. М. Карамзину и писанной въ четвертку, полууставнымъ почеркомъ конца XV вѣка; помѣщена послѣ 1019-го г. вслѣдъ за словами: «нача Ярославъ вои дѣлити: старостамъ своимъ по 10 гривенъ, а смердомъ по гривнѣ, а ноугородцемъ по 10 гривенъ, и отпусти а вся домовъ, и давъ имъ *правду* и *уставъ*, списавъ *грамоту*, и рече: «по сему ходите и держите, якоже писахъ вамъ». За «Русской Правдой» здѣсь слѣдуетъ такъ называемый «судебникъ царя Константина».

Встрѣчается «Русская Правда» въ различныхъ редакціяхъ, съ большими варіантами текста и съ неодинаковымъ количествомъ и порядкомъ статей. Огульно всѣ списки Правды можно подраздѣлить на *краткіе* и *пространные*: первые встрѣчаются по преимуществу въ лѣтописныхъ сводахъ, вторые — въ кормчихъ. Нѣкоторые предполагаютъ, что Правда въ краткихъ редакціяхъ простое сокращеніе изъ Правды въ пространныхъ редакціяхъ. Правда по Академическому списку — образецъ краткой, а по Троицкому списку — пространной редакціи*).

*) Для подробностей текста важно изданіе Н. В. Калачова: *Текстъ Русской Правды на основаніи четырехъ списковъ разныхъ редакцій*, равно его же *Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды.*

XIV. РУССКАЯ ПРАВДА ВЪ ПЕРЕВОДѢ.

Судъ Ярослава Владимировича.

Русскій законъ.

1. Если свободный человѣкъ убьетъ свободнаго, то мститъ за убитаго братъ, или отецъ, или сынъ, или племянникъ отъ брата, или отъ сестры. Если же некому будетъ мстить, то взыскивать за убитаго 80 гривенъ, когда это будетъ княжой мужъ [бояринъ], или княжой тіунъ [приказчикъ]; если же убитый будетъ русинъ, или княжой воинъ [гридь], или купецъ, или боярскій тіунъ [приказчикъ], или мечникъ, или церковный человѣкъ, или словенинъ, то взыскивать за убитаго 40 гривенъ.

2. Но послѣ Ярослава собрались сыновья его Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ съ боярами своими Коснячкомъ, Перенѣгомъ и Никифоромъ и отмѣнили кровную месть за убійство, установивъ выкупъ деньгами; во всемъ же прочемъ какъ судилъ Ярославъ, такъ рѣшили судить и сыновья его.

Объ убійствѣ.

3. Если убьютъ княжого мужа въ дракѣ, и убійцы не сыщутъ, то виру — 80 гривенъ — платитъ та община, въ округѣ которой будетъ поднятъ убитый; если же то будетъ простолюдинъ, то она платитъ 40 гривенъ.

4. Если какая община начнетъ платить дикую (повальную) виру, когда нѣтъ налицо убійцы, заплатитъ ее во сколько лѣтъ можетъ. Если же убійца изъ той же общины и находится налицо, то община или помогаетъ ему, такъ какъ и онъ приплачивалъ за другихъ по общественной раскладкѣ, или же платитъ дикую виру, т. е. платитъ по мірской раскладкѣ 40 гривенъ, а головничество платитъ самъ убійца, внося въ виру только свою долю по раскладкѣ. Но и за убійцу, вкладывавшагося въ вирные платежи общины за другихъ, община платитъ по раскладкѣ только тогда, когда онъ совершилъ убійство въ ссорѣ или на пиру явно.

О нападеніи разбоемъ безъ ссоры.

5. Кто же убилъ во время грабежа безъ всякой ссоры, то за разбойника община не платитъ виры, но выдаетъ его князю всего съ женой и съ дѣтьми: пусть князь самого съ семьей сошлетъ (поточитъ), а имѣніе его конфискуетъ.

6. Если кто не вкладывался въ платежъ дикой виры за другихъ, тому и община не помогаетъ въ уплатѣ виры за него самого, и онъ самъ ее платитъ.

7. А вотъ пошлины вирныя, какія были при Ярославѣ. Сборщику виры дать 7 ведеръ солоду на недѣлю, сверхъ того барана или полоть мяса, либо деньгами 2 ногаты (5 кунъ), въ середу — куну, да въ сырную недѣлю — сыръ; то же въ пятницу, а въ скоромные дни по 2 курицы на день; сверхъ того — 7 печеныхъ хлѣбовъ на всю недѣлю, 7 мѣръ пшена, столько же гороху, 7 головокъ соли: все это идетъ сборщику виры съ помощникомъ. Лошадей при нихъ — четыре; имъ давать овса сколько

съѣдятъ; сверхъ того сборщику виры — 8 гривенъ *) и 10 кунъ перекладного; а метельнику [приставу]**) — 12 вѣкошь, да гривну ссадного.

8. Если вира будетъ въ 80 гривенъ, то сборщику виры 16 гривенъ и 10 кунъ [перекладного], да 12 вѣкошь [приставу], а напередъ ссадного — гривна, да за голову [мертвое тѣло] — 3 гривны.

Головничество.

9. За убійство княжого слуги, конюха или повара, — 40 гривенъ.

10. За княжого дворецкаго или конюшаго — 80 гривенъ.

11. За княжого приказчика сельскаго или земледѣльческаго — 12 гривенъ; за княжого наемнаго рабочаго [рядовича] — 5 гривенъ, столько же и за боярскаго приказчика и наемнаго рабочаго.

О ремесленникѣ и ремесленницѣ.

12. За ремесленника и ремесленницу — 12 гривенъ.

13. За смердьяго холопа — 5 гривенъ, за рабу — 6 гривенъ.

14. За дядьку, также какъ и за кормилицу, — 12 гривенъ, будутъ ли они холопы или свободные.

Объ убійствѣ безъ уликъ.

15. Если кого будутъ обвинять въ убійствѣ, не имѣя прямыхъ уликъ, тотъ долженъ представить

*) Изъ сопоставленія съ слѣдующей статьей видно, что здѣсь имѣются въ виду пошлины вирнику въ случаѣ сорокагривенной виры.

**) Терминъ *метельникъ* см. еще въ ст. 99, *мечникъ* въ стт. 1 и 82.

семь свидѣтелей *), чтобы отвести отъ себя обвиненіе; если же отвѣтчикъ будетъ варягъ или другой иноземецъ, то достаточно двухъ свидѣтелей. А община не платитъ виры тогда, когда найдутъ однѣ кости или трупъ человѣка, про котораго никто не знаетъ, кто онъ и какъ его звали.

О платежѣ за отводъ обвиненія въ убійствѣ.

16. Если кто отведетъ отъ себя обвиненіе въ убійствѣ, тотъ платитъ сметную гривну княжескому служителю (отроку **), а обвинитель платитъ другую гривну, да 9 кунъ помочного [помечнаго] за обвиненіе въ убійствѣ.

17. Если отвѣтчикъ станетъ искать свидѣтелей и не найдетъ, а истецъ поддерживаетъ обвиненіе въ убійствѣ, тогда рѣшать ихъ дѣло посредствомъ испытанія желѣзомъ; точно такъ же и во всѣхъ дѣлахъ о воровствѣ по подозрѣнію, когда нѣтъ поличнаго принуждать къ испытанію желѣзомъ противъ воли, если искъ не менѣе полугривны золота; если же онъ меньше, то до двухъ гривенъ подвергать испытанію водой, а при еще меньшей суммѣ должно принести присягу за свои деньги ***).

18. Если кто ударитъ мечомъ, не обнаживъ его, или рукоятью меча, то платитъ 12 гривенъ продажи за обиду.

19. Если же обнажитъ мечъ, но не поранитъ, то платитъ гривну кунъ.

---

*) *Послухи* — свидѣтели встрѣчаются далѣе въ статьяхъ 17, 23, 35, 43, 44, 45, 46, 47, 70, 81 и 102, а *видоки* — очевидцы въ стт. 23, 25, 32; срв. терминъ *люди* въ стт. 36, 60, 61, 93, 97 (5, 6 и 70).

**) Тотъ же терминъ *отрокъ* употребленъ въ стт. 7, 67, 91, 108.

***) Въ Карамзин. спискѣ 18-ая статья прибавляетъ: «а соудным кунамъ росту нѣтъ».

20. Если кто кого ударитъ палкой, или чашей или рогомъ, или тупой стороной меча, то платитъ 12 гривенъ; если же потерпѣвшій, не стерпѣвъ, въ отместку самъ ударитъ мечомъ, то того въ вину ему не ставить.

21. Если кто ранитъ руку, такъ что рука отпадетъ или усохнетъ, или также ногу, глазъ, или носъ, за то платитъ полувирье — 20 гривенъ, а раненому за увѣчье — 10 гривенъ.

22. Если кто отрубитъ у кого палецъ, платитъ 3 гривны продажи князю, а раненому — гривну кунъ.

Судъ о побояхъ до крови.

23. Если на [княжескій] дворъ придетъ человѣкъ въ крови или съ синяками, то ему нѣтъ нужды ставить свидѣтелей, и виновный платитъ ему 3 гривны продажи; если же на истцѣ не будетъ знаковъ, то онъ долженъ представить свидѣтелей, которые бы подтвердили его показаніе слово въ слово; тогда зачинщикъ драки платитъ 60 кунъ истцу. Если же истецъ придетъ въ крови, а явятся свидѣтели, которые покажутъ, что онъ самъ началъ драку, то сосчитать ему то за платежъ, какъ съ зачинщика, что его побили.

24. Если кто ударитъ кого мечомъ, но не убьетъ до смерти, платитъ 3 гривны, а раненому — гривну за рану, да еще, что нужно на лѣченье; если же убьетъ до смерти, платитъ виру.

25. Если кто толкнетъ другого отъ себя или рванетъ его къ себѣ, или по лицу ударитъ, или жердью, а двое свидѣтелей то покажутъ, — платитъ 3 гривны продажи; если же обвиняемый будетъ варягъ

или колбягъ, то должно вывести полное число [*семь? срв. ст. 15*] свидѣтелей, которые и должны принести присягу.

О челяди.

26. Если скроется холопъ, и господинъ заявитъ о немъ на торгу, и до третьяго дня никто не приведетъ холопа, а господинъ на третій день опознаетъ его, то можетъ прямо взять своего холопа, а кто укрывалъ его, платитъ три гривны продажи.

О самовольномъ пользованіи чужимъ конемъ.

27. Если кто сядетъ на чужого коня безъ спросу, платитъ 3 гривны.

28. Если у кого пропадетъ конь, оружіе или одежда, и онъ заявитъ о томъ на торгу, а послѣ опознаетъ пропавшее у кого-нибудь въ своей же общинѣ [въ своемъ же міру, — *срв. примѣчаніе на стр.* 426], то прямо береть свою вещь, — а тотъ платитъ ему (т. е. хозяину пропавшей вещи) за укрывательство 3 гривны.

29. Если кто, безъ явки на торгу, отыщетъ что либо у него пропавшее или украденное, — коня, одежду или скотину, — тотъ не говори «это мое», а скажи отвѣтчику — «иди-ка на очную ставку, объяви, у кого взялъ, съ тѣмъ и стань съ очей на очи». Кто не оправдается, на того и падаетъ отвѣтственность за воровство; тогда истецъ возьметъ свое, а виноватый ему платитъ и за то, что тотъ потерпѣлъ вслѣдствіе пропажи.

30. Если это будетъ конокрадъ, выдать его князю: пусть князь сошлетъ [поточитъ; *другіе переводятъ:* продастъ въ рабство на чужбину]. За воров-

ство же чего-либо изъ клѣти платить ему 3 гривны продажи князю.

Объ очной ставкѣ.

31. Если при послѣдовательныхъ ссылкахъ на очную ставку отвѣтчиками будутъ являться члены одной съ истцомъ городской общины, истецъ ведетъ дѣло самъ до послѣдней ссылки. Если же будутъ ссылаться на членовъ *какой либо вне-городской общины,* то истецъ ведетъ дѣло только до третьей ссылки, — и третій отвѣтчикъ, заплативъ истцу деньги за его вещь, съ этой вещью ведетъ дѣло до послѣдней ссылки, а истецъ ждетъ конца дѣла, — и когда дойдетъ до послѣдняго отвѣтчика, онъ все платитъ: и убытки истца, и убытки 3-го отвѣтчика, и продажу князю.

О татьбѣ.

32. Кто купитъ на рынкѣ что-нибудь краденое: коня, одежду или скотину, тотъ долженъ представить въ качествѣ свидѣтелей двухъ свободныхъ людей или торговыхъ пошлинъ сборщика (мытника); если при этомъ окажется, что онъ не знаетъ, у кого купилъ вещь, тѣмъ свидѣтелямъ итти за него къ присягѣ, а истцу взять свою вещь и съ пропавшимъ при вещи проститься, отвѣтчику же проститься съ заплаченными за нее деньгами, потому что онъ не знаетъ, у кого купилъ вещь; послѣ разузнаетъ ли, у кого купилъ, взыщетъ свои деньги съ этого продавца, который заплатитъ и хозяину вещи за пропавшее при ней, и князю продажу.

О челяди.

33. Кто опознаетъ своего украденнаго холопа и задержитъ его, тому вести этого холопа до третьей

очной ставки покупщика продавцомъ: у третьяго отвѣтчика взять его холопа, а ему дать украденнаго — пусть идетъ съ нимъ до послѣдней очной ставки: вѣдь холопъ не скотъ, про него нельзя сказать «не знаю, у кого купилъ», но по его показаніямъ должно итти до послѣдняго отвѣтчика, — и когда будетъ найденъ настоящій воръ, краденаго холопа возвратить его хозяину, третьему отвѣтчику взять своего холопа, а убытки ему платитъ уличенный въ кражѣ.

34. А князю платить 12 гривенъ продажи за покражу холопа.

Объ очной же ставкѣ.

35. А изъ округа одной (городской) общины съ обывателемъ другого*) очной ставки быть не можетъ, но отвѣтчикъ долженъ представить свидѣтелей, либо торговыхъ пошлинъ сборщика (мытника), при которыхъ онъ купилъ краденую вещь; тогда истецъ беретъ свою вещь, а со всѣмъ прочимъ, что потерялъ, долженъ проститься, отвѣтчику же приходится терять заплаченныя за вещь деньги.

О татьбѣ.

36. Если вора убьютъ у клѣти или на какомъ другомъ мѣстѣ воровства, за это не судить какъ за убійство пса; если же вора додержатъ живымъ до разсвѣта, то надо отвести его на княжескій дворъ. Если же вора убьютъ, а сторонніе люди видѣли его связаннымъ, то убійца платитъ за то 12 гривенъ продажи.

37. Если кто крадетъ скотъ изъ хлѣва или что-либо изъ клѣти, съ того вора взыскать продажи 3

*) Срв. статьи 28 и 31, 3—6.

гривны и 30 кунъ, если же крало вмѣстѣ нѣсколько воровъ, съ каждаго взыскать по 3 гривны и 30 кунъ.

Кто накроетъ украденный съ поля скотъ.

38. Если скотъ, овцы ли, козы ли или свиньи были украдены на полѣ, воръ платитъ 60 кунъ продажи; ежели воровъ было много, съ каждаго взыскать по 60 кунъ.

39. Если покрадутъ хлѣбъ съ гумна или изъ ямы, сколько бы ни было воровъ, взыскать съ каждаго по 3 гривны и 30 кунъ продажи.

Если покраденное окажется налицо, то потерпѣвшій возьметъ свое, да взыщетъ еще съ каждаго вора по полугривнѣ за лѣто.

А вотъ урочная плата за покражу скота.

40—41. Если же украденнаго на лицо не будетъ, вмѣсто него потерпѣвшій получаетъ урочную плату.

Взыскивать надо: за княжого коня — 3 гривны, за смердьяго — 2 гривны *), за кобылу — 60 кунъ, за вола — гривну, за корову — 40 кунъ, за трехлѣтку (кобылу или корову) 30 кунъ, за двухлѣтку — полгривны, за теленка — 5 кунъ, за свинью — 5 кунъ, за поросенка — ногату, за овцу — 5 кунъ, за барана — ногату, за жеребца неѣзженаго — 1 гривну кунъ, за жеребенка — 6 ногатъ, за коровье молоко — 6 ногатъ.

Вотъ урочныя цѣны, которыя взыскиваются въ пользу потерпѣвшихъ за украденный скотъ вмѣсто поличнаго, когда воры будутъ простые свободные люди, которые платятъ князю продажу.

*) Для пониманія перевода статью 41-ую Троицкаго списка слѣдуетъ сличить съ 25-ой статьей Академическаго: «а за инѣхъ по 2 гривны» = «а за смердѣи 2 гривнѣ». *Ред.*

Княжескій судъ за холопью кражу.

42. Если же воры будутъ холопы княжескіе, боярскіе или монастырскіе, которыхъ князь не наказываетъ продажей, потому что они не свободные люди, то за холопью кражу платить двойныя урочныя цѣны въ вознагражденіе за убытки.

О долговомъ искѣ.

43. Если заимодавецъ потребуетъ уплаты долга, а должникъ начнетъ отпираться, заимодавецъ обязанъ представить свидѣтелей, которые пойдутъ къ присягѣ, и тогда онъ взыщетъ свои деньги. Если же должникъ не отдавалъ ему много лѣтъ, то платитъ еще 3 гривны въ вознагражденіе за убытки.

44. Если купецъ купцу дастъ деньги для внутренней или внѣшней торговли (*возможенъ и такой переводъ:* «для покупки товара или для оборота изъ барыша»), то должнику нечего получать деньги при свидѣтеляхъ; присутствіе свидѣтелей здѣсь не требуется, но заимодавецъ пусть идетъ къ присягѣ, если должникъ станетъ запираться.

Объ отдачѣ имущества на храненіе.

45. Если кто передаетъ кому-нибудь свое имущество на храненіе, свидѣтели при этомъ не нужны; а если хозяинъ начнетъ искать больше, чѣмъ сколько отдалъ, то принявшій на сохраненіе долженъ итти къ присягѣ, говоря: «ты мнѣ лишь столько отдавалъ, не болѣе»; вѣдь отвѣтчикъ добро дѣлалъ хозяину, что хоронилъ его имущество.

О ростѣ.

46. Кто отдаетъ деньги въ ростъ, или медъ въ наставъ, или хлѣбъ въ присыпъ, тотъ обязанъ пред-

ставить свидѣтелей; и какъ онъ при нихъ уговорился, такъ ему и брать ростъ.

О мѣсячномъ ростѣ.

47. Мѣсячный ростъ *) при краткосрочномъ займѣ брать заимодавцу по уговору; если же долгъ не будетъ уплаченъ въ теченіе цѣлаго года, то разсчитать ростъ съ него на два третій ($50^0/_0$), а мѣсячный ростъ отмѣнить. Если не будетъ свидѣтелей, а долгъ не превышаетъ трехъ гривенъ кунъ, то заимодавецъ долженъ итти къ присягѣ въ своихъ деньгахъ; если долгъ больше трехъ гривенъ кунъ, то сказать заимодавцу: «самъ виноватъ, что такъ былъ добръ — отдалъ деньги безъ свидѣтелей».

Уставъ Владимира Всеволодовича о ростѣ.

48. По смерти Святополка Владимиръ Всеволодовичъ созвалъ въ селѣ Берестовѣ свою дружину — тысяцкихъ Ратибора кіевскаго, Прокопья бѣлгородскаго, Станислава переяславскаго, Нажира, Мирослава, Иванка Чудиновича да боярина Олегова (князя черниговскаго Олега Святославича), — и на съѣздѣ постановили: кто занялъ деньги съ условіемъ

*) Статья 47-ая представляетъ большія трудности въ ея пониманіи. Переводъ, помѣщенный въ текстѣ, выраженію «дадятъ ему куны въ треть» придаетъ смыслъ взиманія процентовъ на два третій, т. е. $50^0/_0$, на каждыя, напр., двѣ гривны взимать третью, стало быть на 4 пятый, будетъ $25^0/_0$, на 5 шестой $20^0/_0$. Но возможно и другое толкованіе этого выраженія, согласно которому начало статьи можетъ быть переведено такъ:

«Мѣсячный ростъ можно брать только при займахъ на короткій срокъ, на сроки же болѣе года мѣсячный ростъ не допускается, и проценты уплачиваются каждую треть года» и т. д. Замѣчаніе это относится и къ статьѣ 48-ой. Въ Карамзинскомъ спискѣ передъ послѣдней статьей читаются статьи 49—65, которыхъ нѣтъ въ Троицкомъ сп.

платить ростъ на два третій, съ того брать такой ростъ только два года, и послѣ того искать лишь капитала; а кто бралъ такой ростъ три года, тому не искать и самаго капитала *).

49. Кто беретъ по 10 кунъ роста съ гривны въ годъ (т. е. 40%), такой ростъ допускать и при долгосрочномъ займѣ (или: того съ суда не прогонять).

О купцѣ, потерпѣвшемъ кораблекрушеніе.

50. Если купецъ, взявъ товары или деньги въ кредитъ, потерпитъ кораблекрушеніе, или подвергнется пожару, или будетъ ограбленъ непріятелемъ, то нельзя сдѣлать ему какое-либо насиліе или продать его въ рабство, но необходимо позволить ему разсрочку платежа на нѣсколько лѣтъ, потому что это несчастье отъ Бога, а онъ не виноватъ въ немъ. Если жъ купецъ ввѣренный ему товаръ или пропьетъ, или проиграетъ, или испортитъ по глупости, то вѣрители поступаютъ съ нимъ, какъ имъ угодно: хотятъ — ждутъ, хотятъ — продадутъ въ рабство, на то ихъ воля.

О долгахъ.

51. Если кто будетъ многимъ долженъ, а купецъ **), пріѣхавшій изъ другого города или изъ другой земли, не зная про то, повѣритъ ему товаръ, — а тотъ будетъ не въ состояніи и съ нимъ расплатиться за

*) Согласно другому толкованію конецъ 48-й статьи переводится такъ:

«Если кто занялъ деньги на срокъ болѣе года, то обязанъ платить проценты до трехъ разъ; если заимодавецъ взялъ ростъ уже два раза, то можетъ взыскать только капиталъ, а буде взялъ три раза, то капитала и взыскивать *не* можетъ».

**) Въ Троицкомъ спискѣ стоитъ «господь», а въ Карамзинскомъ, ст. 69-ая, «гость». При переводѣ принято чтеніе гость.

Ред.

товаръ, да и первые заимодавцы также станутъ требовать уплаты долговъ, не давая взаймы для уплаты гостю, въ такомъ случаѣ вести должника на торгъ и продать, при чемъ напередъ выплатить долгъ гостя, а остатокъ подѣлить между своими заимодавцами. Также, если будутъ за нимъ въ долгу княжія деньги, то взыскать напередъ ихъ, а остальное въ раздѣлъ. Но если кто взялъ уже много ростовъ, тотъ лишается своихъ денегъ *).

О бѣгствѣ наемника.

52. Если наймитъ, взявшій ссуду, убѣжитъ отъ своего господина, то дѣлается чрезъ то полнымъ холопомъ. Если же онъ отлучился явно, или бѣжалъ къ князю или къ судьямъ для прошенія на своего господина въ обидѣ, то не обращать его въ рабство, но дать ему судъ.

О наймитѣ же.

53. Если земледѣльческій наймитъ испортитъ походнаго (?) коня **) своего хозяина, онъ не обязанъ платить за это. Если же наймитъ, получающій ссуду, возьметъ у хозяина плугъ и борону, то за пропажу ихъ онъ долженъ заплатить; но онъ не платитъ за хозяйскую вещь, имъ взятую, если она пропадетъ безъ него, когда хозяинъ пошлетъ его на свою работу.

54. Наймитъ не платитъ за скотину, уведенную изъ хлѣва; но если онъ потеряетъ ее въ полѣ, или не загонитъ во дворъ, или не затворитъ въ хлѣвѣ, гдѣ ему велитъ хозяинъ, или же утратитъ ее за

*) Или: «но кто три раза взялъ ростъ (срв. ст. 48), тотъ уже ничего не получаетъ».

**) Переводили въ 30-хъ годахъ и такимъ образомъ: «...испортитъ буйвола или коня».

своимъ дѣломъ, то наймитъ во всѣхъ этихъ случаяхъ утраты долженъ платить.

55. Если хозяинъ обидитъ наймита, подвергнетъ несправедливому взысканію и назначитъ слишкомъ высокую цѣну за пропавшую вещь, а въ уплату за нее отниметъ у наймита данную ему ссуду или его собственное имущество, то по суду все это онъ обязанъ возвратить наймиту, а за обиду заплатить 60 кунъ. Если хозяинъ отдастъ своего наймита въ заработокъ другому хозяину за взятую у послѣдняго впередъ плату, эту плату онъ также долженъ отдать назадъ, а за обиду заплатить 3 гривны продажи. Если же онъ совсѣмъ продастъ его, какъ своего полнаго холопа, то наймитъ свободенъ отъ всѣхъ долговъ, а хозяинъ платитъ за обиду 12 гривенъ продажи. Если хозяинъ бьетъ наймита за дѣло, онъ за то не отвѣчаетъ; если же онъ побьетъ его пьяный, самъ не зная за что, безъ вины, то долженъ платить за обиду наймита, какъ платятъ за оскорбленіе свободнаго *).

56. Если полный холопъ уведетъ чью-нибудь лошадь, то платить за то 2 гривны.

---

*) Или: «Если хозяинъ обидитъ наймита (при взысканіи штрафа за утраченный скотъ), затѣетъ тяжбу (т. е. кляузную, безъ достаточнаго основанія), поставитъ не настоящую (т. е. слишкомъ высокую) цѣну (потерянному скоту) и въ свое вознагражденіе возьметъ (данную имъ наймиту) ссуду или собственность его (т. е. наймита), то онъ (т. е. хозяинъ) долженъ все это возвратить, а за обиду платитъ 60 кунъ.

Если онъ (самовольно) взыщетъ штрафъ деньгами, то опять таки долженъ ихъ вернуть наймиту, а за обиду платитъ три гривны.

Если хозяинъ продастъ своего наймита какъ полнаго холопа, онъ теряетъ право взыскивать съ наймита ссуду и сверхъ того платитъ 12 гривенъ штрафа.....»

О наймитѣ.

57. Если наймитъ украдетъ что-нибудь на сторонѣ, то хозяинъ можетъ поступить съ нимъ, какъ хочетъ: можетъ, когда отыщутъ вора, заплатить за лошадь или другое что, имъ украденное, и затѣмъ взять наймита себѣ въ полное холопство, — а можетъ и продать его, если не хочетъ за него платить, и тогда онъ долженъ напередъ заплатить за то, что взялъ наймитъ чужого, будетъ ли то лошадь, волъ или какая-нибудь вещь, а что останется за уплатою, то взять себѣ.

А вотъ о томъ, если холопъ ударитъ.

58. А вотъ если холопъ ударитъ свободнаго человѣка и скроется въ дому, а господинъ не выдастъ его, то платить за него господину 12 гривенъ. А если послѣ того ударенный встрѣтитъ гдѣ-нибудь холопа, который ударилъ его, то Ярославъ опредѣлилъ было убивать его, но сыновья Ярослава, по смерти его, опредѣлили на выборъ: — высѣчь, раздѣвъ, виновнаго холопа или взять за безчестье гривну кунъ.

О свидѣтельствѣ.

59. На свидѣтельство холопа ссылаться нельзя; но если не случится свободнаго, то по нуждѣ можно сослаться на боярскаго тіуна, но ни на кого болѣе. А въ маломъ искѣ и по нуждѣ дозволено сослаться на наймита.

О бородѣ.

60. Если кто вырветъ у кого клокъ бороды, и знакъ останется, и свидѣтели то подтвердятъ, то

взыскать съ обидчика 12 гривенъ продажи; но если свидѣтелей нѣтъ, а по одному подозрѣнію, то продажи съ отвѣтчика не взыскивать.

О зубѣ.

61. Если кто у кого выбьетъ зубъ, такъ что кровь будетъ видна во рту, а свидѣтели подтвердятъ, то взыскать съ обидчика 12 гривенъ продажи, да обиженному за зубъ гривну.

62. Если украдетъ кто бобра, то взыскать съ того 12 гривенъ.

63. Если земля будетъ разрыта, или останутся признаки ловли или сѣти, то общинѣ или сыскать у себя вора, или платить продажу.

Если кто знаменіе на борти уничтожитъ.

64. Кто уничтожитъ бортные знаки, то платитъ 12 гривенъ.

65. Кто срубитъ бортную межу, или распашетъ межу полевую, или перегородитъ дворовую, съ того взыскать 12 гривенъ продажи.

66. Кто срубитъ дубъ съ знаменемъ или межевой, платитъ 12 гривенъ продажи.

Размѣры накладныхъ при «продажѣ» расходовъ.

67. А вотъ накладные расходы, которые полагаются при 12-тигривенной продажѣ: отроку давать 2 гривны и 20 кунъ, судьѣ съ отрокомъ ѣхать на двухъ лошадяхъ, на нихъ овса, сколько онѣ могутъ съѣсть; а самимъ въ пищу изъ мясного: барана или полоть ветчины, а изъ другихъ кормовъ, сколько двое съѣдятъ; писцу давать 10 кунъ; перекладного 5 кунъ, да за мѣхъ 2 ногаты.

А вотъ о борти.

68. Кто срубитъ борть, платитъ 3 гривны продажи, а за дерево хозяину полгривны.

69. Кто выдеретъ пчелъ, то три гривны продажи, а хозяину, буде медъ еще не былъ вынутъ—10 кунъ, буде же вынутъ, — 5 кунъ.

70. Если воръ скроется, должно искать его по слѣду. Если слѣдъ приведетъ къ селу или къ какой-нибудь торговой стоянкѣ, и если жители или хозяева не отведутъ отъ себя слѣда, или не пойдутъ на слѣдъ, или станутъ отбиваться, то платить имъ за покраденное вмѣстѣ съ продажею за воровство. А слѣдъ продолжаютъ вести съ чужими людьми и свидѣтелями. Если слѣдъ приведетъ на большую торговую дорогу, или на пустырь, гдѣ нѣтъ ни села, ни людей, то не платить ни продажи, ни цѣны украденнаго.

О простолюдинѣ.

71. Ежели смердъ чинитъ истязаніе смерду безъ княжескаго повелѣнія, то 3 гривны продажи, а за истязаніе гривну кунъ.

72. За истязаніе же огнищанина *[рабовладѣльца]* 12 гривенъ продажи, и гривна самому битому.

73. Если кто украдетъ ладью, то 60 кунъ продажи, а ладью вернуть лицомъ; за морскую ладью — 3 гривны, за набойную — 2 гривны, за челнъ — 20 кунъ, за стругъ — гривна.

О перевѣсахъ.

74. Если кто перерубитъ веревку въ перевѣсѣ, то 3 гривны продажи, да за веревку птицелову — гривну кунъ.

75—78. Кто украдетъ въ чьемъ-нибудь перевѣсѣ

ястреба или сокола, платитъ продажи 3 гривны, а хозяину — гривну, — за голубя — 9 кунъ, за куропатку — 9 кунъ, за утку, гуся, лебедя и журавля — по 30 кунъ; за покражу сѣна или дровъ — 9 кунъ продажи, а хозяину за каждый украденный возъ по 2 ногаты.

О гумнѣ.

79. Если кто сожжетъ гумно, то выдается головою князю со всѣмъ имѣніемъ, изъ коего напередъ вознаграждается убытокъ хозяина, а остальнымъ располагаетъ по своей волѣ князь; такъ же поступать и съ тѣмъ, кто дворъ сожжетъ.

80. Если кто по злобѣ зарѣжетъ чужого коня или другую скотину, тотъ платитъ 12 гривенъ продажи, а хозяину за причиненный ущербъ урочную цѣну (срв. статью 41).

81. Всѣ изложенныя доселѣ тяжбы разбираются по свидѣтельствамъ свободныхъ людей. Если же случится быть очевидцемъ холопу, то онъ не можетъ выступить на судѣ. Но истецъ, если хочетъ, можетъ воспользоваться свидѣтельствомъ раба и, сказавъ отвѣтчику: «я требую тебя къ суду со словъ холопа, но отъ своего собственнаго лица, а не единственно по рѣчамъ холопьимъ», можетъ требовать отъ отвѣтчика, чтобъ оправдался испытаніемъ желѣза. Если послѣдній окажется виновнымъ, то истецъ беретъ на немъ свой искъ; если же явится невиновнымъ, то истцу платить за муку гривну, такъ какъ вызвалъ его на испытаніе желѣзомъ по холопьимъ рѣчамъ.

82. Пошлины при испытаніи желѣзомъ платится 40 кунъ, мечнику — 5 кунъ, княжескому отроку — полгривны: вотъ какова урочная высота пошлины, взимаемой при вызовахъ на испытаніе желѣзомъ.

Если же истецъ вызоветъ кого на испытаніе желѣзомъ либо по показанію свободныхъ людей, либо по подозрѣнію, либо по тому, что видѣли обвиняемаго проходящимъ ночью, либо на основаніи какого-нибудь другого сомнительнаго дѣйствія, то отвѣтчикъ, если не обожжется, не получаетъ ничего съ истца за муку, который платитъ только желѣзную пошлину.

О женѣ.

83. Кто убьетъ жену, тотъ подлежитъ суду наравнѣ съ мужеубійцею; но если убитая была виновата, то взыскивается съ убійцы полвиры, то есть 20 гривенъ.

84. За убійство холопа и рабы виры не полагается; но кто убьетъ безвинно, долженъ заплатить господину за холопа или рабу урочную цѣну, а князю 12 гривенъ продажи.

Если умретъ смердъ.

85. Если смердъ умретъ бездѣтенъ, то наслѣдуетъ князь; если остаются дочери незамужнія, то выдѣлить на нихъ нѣкоторую часть; если же будутъ замужемъ, то не давать имъ части.

О наслѣдствѣ послѣ бояръ и дружинниковъ.

86. Если умретъ кто изъ бояръ или дружинниковъ, то князь не наслѣдуетъ, а получаютъ имѣніе дочери, если сыновей не остается.

87. Если кто, умирая, раздѣлитъ имѣніе свое, между дѣтьми, то раздѣлъ имѣетъ законную силу. А умретъ кто, не уговорившись съ дѣтьми, то получаютъ наслѣдство всѣ они, выдѣливъ только часть на поминъ души.

88. Если жена по смерти мужа не идетъ замужъ, то на нее давать часть, а что ей мужъ опредѣлилъ при жизни, тѣмъ она кромѣ того владѣетъ. А послѣ мужа права наслѣдованія жена не имѣетъ.

Если остаются дѣти отъ первой жены, то они особо получаютъ часть, которая ей слѣдовала бы по смерти, и то, что послѣдній опредѣлилъ ей при жизни.

89. Если остается незамужняя дочь, то послѣ отца она не имѣетъ права наслѣдованія, но братья обязаны ее выдать замужъ сообразно съ ихъ достаткомъ.

А вотъ пошлины при закладкѣ городскихъ стѣнъ.

90. Вотъ урочныя пошлины, опредѣляемыя для строителя города: при закладкѣ стѣны брать куну, а по окончаніи ногату; на пищу и на питье, на мясо и рыбу полагается 7 кунъ на недѣлю, 7 хлѣбовъ, 7 уборковъ пшена, 7 четвериковъ овса на 4 лошади, — что и получать городнику, пока не будетъ городъ срубленъ. Солоду давать ему на все время 10 четвериковъ.

Пошлины для строителей мостовъ.

91. Вотъ урочныя пошлины, опредѣляемыя для строителя моста: по построеніи новаго моста брать съ 10 локтей по ногатѣ. Если жъ будетъ починенъ только старый мостъ, то сколько рѣжей будетъ починено, брать со всякаго по кунѣ. Сверхъ того давать ему съ помощникомъ двѣ лошади, на коихъ брать имъ по 4 четверика овса на недѣлю, а на пищу имъ сколько съѣсть могутъ.

О наслѣдствѣ.

92. Если, помимо законныхъ, остаются дѣти, прижитыя съ рабой, то они права наслѣдованія не имѣютъ, а получаютъ свободу вмѣстѣ съ матерью.

93. Если остаются въ дому малолѣтнія дѣти, которыя еще не въ состояніи заботиться о себѣ сами, а мать ихъ пойдетъ замужъ, то ближайшій родственникъ беретъ ихъ вмѣстѣ съ имѣніемъ подъ опеку до ихъ совершеннолѣтія. А товаръ отдавать въ присутствіи постороннихъ людей, и что тѣмъ товаромъ наживетъ, продавая или отдавая въ ростъ, то опекунъ беретъ себѣ, а самый товаръ полностью возвращаетъ опекаемымъ; прибыль онъ потому беретъ себѣ, что кормитъ и заботится о нихъ. *Приплодъ отъ челяди и скота* (срв. выше статью о холопахъ на стр. 403 и сл.) сдаетъ весь въ наличности дѣтямъ, также въ случаѣ утраты чего-либо за все имъ платитъ.

94. Если же возьметъ дѣтей вмѣстѣ съ наслѣдствомъ отчимъ, то условія опеки тѣже. Но дворъ отцовскій, оставшійся безъ хозяина, всегда поступаетъ къ младшему сыну.

О томъ, если жена обречется пребыть вдовою по смерти мужа.

95. Если жена, обрекшись сидѣть во вдовствѣ по смерти мужа, проживетъ имѣніе и пойдетъ замужъ, то обязана возвратить дѣтямъ все прожитое. Если же она, оставаясь вдовою, захочетъ жить въ одномъ домѣ съ своими дѣтьми, а дѣти не захотятъ того, то въ подобномъ случаѣ удовлетворять волѣ матери, а не дѣтей, и что далъ ей мужъ или что слѣдовало

получить ей на свою часть изъ имущества, оставшагося послѣ мужа, то составляетъ ея достояніе.

96. На часть матери дѣти не могутъ имѣть никакого притязанія; но кому его назначитъ, тому и взять: назначитъ всѣмъ — то и раздѣлить между всѣми; если же умретъ безъ языка, то у кого она жила и кто ее содержалъ, тому и взять ея достояніе.

97. Дѣти разныхъ отцовъ, но одной матери, бывшей за двумя мужьями, наслѣдуютъ то, что каждому оставилъ его отецъ. Если второй мужъ растратилъ что либо изъ имущества перваго, отца своихъ пасынковъ, и умеръ, то его сынъ долженъ вознаградить своихъ единоутробныхъ братьевъ за растрату, сдѣланную его отцомъ, сколько ея покажутъ свидѣтели; а что затѣмъ у него останется изъ отцовскаго наслѣдства, тѣмъ онъ владѣетъ.

98. Что касается до матери въ этомъ случаѣ, то она отдаетъ свое имѣніе тому сыну, который былъ добрѣе, не разбирая того, съ которымъ мужемъ прижитъ ею; а если сыновья всѣ были злы, то она въ правѣ отдать имѣніе и дочери, которая ее содержитъ.

А вотъ урочныя пошлины судебныя.

99. Слѣдующія пошлины опредѣляются съ судебныхъ процессовъ: отъ присужденія къ платежу виры судьѣ — 9 кунъ, помощнику (метельнику) — 9 векшъ; съ дѣла о бортной землѣ 30 кунъ, а во всѣхъ прочихъ тяжбахъ съ того, кому присудятъ, судьѣ брать по 4 куны, а помощнику (метельнику) по 6 векшъ *).

*) Срв. «покони вирнии» въ стт. 7 и 8, «оуроци скоту» въ стт. 40 и 41, наклады въ ст. 67, «оуроци городнику» въ ст. 90, «оуроци мостнику» въ ст. 91, «оуроци ротнии» въ ст. 101.

О наслѣдствѣ.

100. Если братья станутъ между собою тягаться о наслѣдствѣ предъ княземъ, то дѣтскій, посланный для ихъ раздѣла, получаетъ гривну кунъ.

А вотъ урочныя пошлины за принесеніе на судъ присяги.

101. Слѣдующія пошлины опредѣляются съ дѣлъ, присягою рѣшаемыхъ: отъ дѣлъ по обвиненію въ убійствѣ — 30 кунъ; съ тяжбы въ бортной и пахотной землѣ — 27 кунъ; отъ дѣлъ о свободномъ состояніи — 9 кунъ.

О холопствѣ.

102. Холопство полное — трехъ родовъ: первое, когда кто купитъ человѣка, хотя бы и за полгривны, и поставитъ свидѣтелей, и отдастъ ногату при самомъ холопѣ.

103. А второе холопство, когда кто женится на рабѣ безъ всякаго условія; а если женится съ условіемъ, то онъ остается на тѣхъ правахъ, какъ было условлено.

104. А вотъ третье холопство, когда кто безъ условія же пойдетъ въ тіуны или въ ключники; если же было заключено условіе, то остается на тѣхъ правахъ, какъ было условлено.

105. А срочный работникъ — не холопъ, и не должно обращать въ холопство ни за прокормъ, ни за приданое. Если работникъ не дослужитъ до срока, онъ обязанъ вознаградить хозяина за то, чѣмъ тотъ одолжилъ его; если же онъ дослужитъ до срока, то ничего не платитъ.

106. Если холопъ бѣжитъ, и господинъ о побѣгѣ его заявитъ, и если кто, слышавъ явку или зная, что холопъ — бѣглый, дастъ ему хлѣба или укажетъ дорогу, то платитъ господину за холопа 5 гривенъ, а за рабу — 6 гривенъ.

107. Если кто перейметъ чужого холопа и дастъ о томъ знать господину, то взять ему за переемъ гривну кунъ. Если же, поймавъ бѣглеца, не устережетъ его, то платитъ господину за холопа 4 гривны, а за рабу — 5 гривенъ; въ первомъ случаѣ пятая, а во второмъ — шестая уступается ему за то, что онъ поймалъ бѣглаго.

108. Если кто самъ дознается, что холопъ его находится въ какомъ либо городѣ, а между тѣмъ посадникъ не знаетъ о томъ, то, донесши посаднику, онъ имѣетъ право вытребовать у него отрока, дабы вмѣстѣ съ нимъ связать бѣглеца, за что и даетъ ему 10 кунъ, но за переемъ не платитъ ничего. Но если преслѣдователь упуститъ раба, то пусть жалуется на себя самого, почему какъ ему никто не платитъ за упущеніе бѣглеца, такъ и онъ никому не даетъ за переемъ его.

109. Если кто по невѣдѣнію встрѣтитъ чужого холопа, подастъ ему вѣсть или станетъ держать его у себя, а бѣглецъ сойдетъ отъ него, то долженъ присягнутъ, что по невѣдѣнію поступалъ такимъ образомъ съ бѣглецомъ, а платежа въ томъ нѣтъ.

110. Если холопъ обманомъ возьметъ у кого деньги въ кредитъ подъ именемъ вольнаго человѣка, то господинъ его долженъ или заплатить, или отказаться отъ права собственности на него; но если вѣритель, зная, что онъ холопъ, далъ ему деньги, то лишается своихъ денегъ.

111. Если кто дозволитъ своему холопу торговать, и холопъ тотъ одолжаетъ, то господинъ обязанъ платить за него долги, но не властенъ отъ него отступиться.

112. Если кто купитъ чужого холопа, не зная того, — настоящему господину взять своего холопа, а покупщику возвратить деньги подъ присягой, что онъ купилъ холопа по незнанію. Если *) же окажется, что онъ купилъ завѣдомо чужого холопа, то теряетъ свои деньги.

113. Если холопъ, будучи въ бѣгахъ, пріобрѣтетъ себѣ имѣніе, то какъ долгъ за холопа оплачиваетъ господинъ, такъ и пріобрѣтеніе, сдѣланное имъ, принадлежитъ господину вмѣстѣ съ лицомъ раба.

114. Если холопъ, бѣжавъ, унесетъ съ собою что-либо изъ принадлежащаго сосѣду, то господинъ обязанъ заплатить за унесенное имъ по урочной цѣнѣ.

108. Если холопъ обокралъ кого-нибудь, то господинъ обязанъ или заплатить за него, или выдать его головою вмѣстѣ съ другими участниками воровства, бывшими при самомъ дѣлѣ или хоронившими краденое, кромѣ ихъ женъ и дѣтей. Если же откроется, что принимали участіе въ покражѣ свободные люди, то таковые платятъ князю продажу.

---

*) Конецъ статьи дополненъ по 129-ой статьѣ Карамзинскаго списка: «вѣдая ли боудетъ купилъ, то купъ емоу липеноу быти».

XV. РУССКАЯ ПРАВДА, КАКЪ ЮРИДИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

I.

(*М. Ф. Владимірскій-Буда новъ.* «Обзоръ исторіи русскаго права». Изд. второе. Кіевъ 1888).

Понятіе о Правдѣ. Русской Правдой называется рядъ сборниковъ, составленныхъ частными лицами изъ княжескихъ уставовъ, обычнаго права и частію византійскихъ источниковъ.

Происхожденіе ея. Русская Правда не есть кодексъ, данный Ярославомъ и дополненный его сыновьями и Владимиромъ Мономахомъ. Въ пользу мнѣнія о Русской Правдѣ, какъ кодексѣ Ярослава, служитъ, во-первыхъ, надписаніе ея: «Оуставъ великого князя Ярослава Владимерича о судѣхъ»; но такое надписаніе существуетъ въ позднихъ спискахъ Правды, заключающихъ въ себѣ не только древнѣйшую Правду, но и уставы позднѣйшіе (Владимира Мономаха); во-вторыхъ, сказаніе лѣтописи: «Отпусти (Ярославъ) я (новгородцевъ послѣ побѣды надъ кіевскимъ княземъ Святополкомъ) домовь вся, и давъ имъ правду, и уставъ списавъ, тако рекши имъ: по сей грамотѣ ходите, якоже списахъ вамъ, тако же держите. А се есть *правда рускаа*» (срв. выше на стр. 445); затѣмъ слѣдуетъ текстъ древнѣйшей Правды. Но Русская Правда не заключаетъ въ себѣ никакихъ привилегій для новгородцевъ. Точно такъ же сыновья Ярослава издавали *нѣсколько разъ* отдѣльныя постановленія,

но не кодифицировали законовъ (см. по Кар. 2 и 76 и Акад. сп. 21). Надписаніе: «А се оуставилъ великыи князь Владимеръ Всеволодичь Манамахъ» (Кар. 66), относится къ однимъ законамъ о процентахъ, а не ко всей послѣдней половинѣ Правды (см. Кар. 76). Въ пользу предположенія о частномъ составленіи сборниковъ говоритъ, во-первыхъ, разнообразіе состава Правды въ разныхъ спискахъ, во-вторыхъ, употребленіе 3-го лица въ отношеніи къ законодателю («яко оуставилъ Изяславъ».... Ак. 21; «по Ярославѣ же паки совъкоупившеся сынове его... отложиша оубиеніе за головсу», Кар. 2; «великыи князь то Ярославъ Володимеричь былъ оуставилъ оубити, но то сынове его по немъ оуставиша на коупы» — Кар. 76); въ-третьихъ, внесеніе въ списки Русской Правды не законодательнаго матеріала (Кар. 49—65) и иногда смѣшанное изложеніе ея статей съ статьями византійскихъ источниковъ; въ четвертыхъ, аналогія, по которой кодификація отдѣльныхъ уставовъ первоначально совершается частными собирателями.

Составъ Русской Правды. Русская Правда дошла до насъ во множествѣ рукописей (въ лѣтописяхъ и кормчихъ); древнѣйшая изъ нихъ (синодальная) относится къ XIII в. Въ этихъ спискахъ наименованіе памятника, порядокъ и число статей большею частью различны. Однако, вообще въ нихъ можно различать три редакціи: краткую (списокъ академическій). пространную (списки синодальный, троицкій, карамзинскій и др.) и сокращенную изъ пространной (списокъ князя Оболенскаго). Въ первой изложены уставы Ярослава и его сыновей, во второй — Русская Правда, сложившаяся въ XII и XIII вв. изъ

уставовъ упомянутыхъ князей и послѣдующихъ дополненій. Третья редакція не имѣетъ никакого значенія. Отсюда въ составѣ Русской Правды различаютъ *три сборника:* Правду Ярослава, Правду Ярославичей и Правду пространную.

Правда Ярослава составлена не позже времени Ярослава (въ ней не упоминается объ отмѣнѣ мести, совершенной сыновьями Ярослава; сл. также Ак. 16 съ Кар. 76). Она имѣетъ систематическій, а не хронологическій составъ (объ убійствѣ — ст. 1; о ранахъ, увѣчьяхъ и личныхъ оскорбленіяхъ—ст. 2—9; о нарушеніи правъ имущественныхъ — ст. 10—15 и добавочныя ст. 16 и 17). Но не всѣ уставы Ярослава вошли въ нее (см. Ак. 42).

Правда Ярославичей есть сборникъ разновременныхъ уставовъ, данныхъ этими князьями какъ всѣми тремя въ совокупности (см. надпись надъ ст. 18 Ак. сп.), такъ и нѣкоторыми въ отдѣльности (Ак. 21). Составъ этой Правды хронологическій: законы измѣненные и исправленные сохраняются рядомъ съ позднѣйшими исправляющими ихъ (см. 20 Ак. и 38 Ак.). Высказанное въ литературѣ мнѣніе объ этой Правдѣ, какъ совокупности 4-хъ уставовъ Ярославичей (ст. 18—27; 28—30; 31—40; 41—43), изданныхъ ими въ разные съѣзды, бездоказательно. Сборникъ не обнимаетъ всѣхъ уставовъ Ярославичей (въ немъ нѣтъ отмѣны мести: см. Кар. 2 и 76); но зато заключаетъ въ себѣ уставы, изданные раньше Ярославичей (Ак. 42). Правда Ярославичей есть сборникъ дополнительный къ Правдѣ Ярослава: въ немъ нѣтъ важнѣйшихъ постановленій: объ убійствѣ и пр.

Правда пространная имѣетъ двѣ половины: 1-ю законченную, вѣроятно, при Мономахѣ, 2-ю допол-

нительную. Первая половина есть систематическій сводъ Правды Ярослава и его сыновей и послѣдующихъ узаконеній; вторая—позднѣйшія приписки (XII и можетъ быть XIII в.), вносимыя въ сборникъ цѣлыми уставами; таковы: уставъ о закупничествѣ (*Троиц.* списка стт. 52—57), о наслѣдствѣ (85 100) и о холопствѣ (102—115). По Карамзинскому списку читается и уставъ о мостовыхъ (ст. 134), приписываемый Ярославу. Мнѣніе ученыхъ Тобина и Ланге о томъ, что вторая половина есть цѣльный уставъ Мономаха, основано на заглавіи 66-й ст. Кар. списка *) и не можетъ быть принято, потому что здѣсь есть постановленія и сыновей Ярослава (ст. 76 Кар.). Характеръ пространной Правды болѣе научный: въ немъ сводятся разновременныя постановленія въ одно (сл. Ак. 1, 18 и 21 съ Кар. 1), однородныя постановленія обобщаются (сл. Ак. 20 и 38 съ Кар. 37), уничтожается казуистическая форма законовъ (сл. Ак. 21 съ Кар. 10). Составъ пространной Правды окончательно сложился не позже половины XIII в., такъ какъ она внесена въ кормчую, написанную около 1284 г. («повелѣніемъ князя новгородскаго Дмитрія и стяжаніемъ архіепископа новгородскаго Климента»).

Источники Русской правды. Русская Правда въ главной основѣ своей имѣетъ: *княжескіе уставы;* въ ней упомянуты отдѣльно: «урокъ Ярославль» о пошлинахъ въ пользу вирника (Ак. 42), уставъ Изяслава о вирѣ за голову конюшаго (Ак. 21), всѣхъ трехъ Ярославичей уставъ объ отмѣнѣ мести (Кар. 2) и объ отмѣнѣ убіенія раба за оскорбленіе свободнаго человѣка (Кар. 76), уставъ Владимира Мо-

*) См. выше на стр. 472.

номаха о процентахъ (Кар. 66). Но тѣмъ же князьямъ принадлежатъ и другія постановленія, такъ какъ двѣ первыя Правды прямо надписываются именами Ярослава и Ярославичей. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Правду вошли постановленія и другихъ князей, неупомянутыхъ въ ней; нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы движеніе законодательства вовсе остановилось на Владимирѣ Мономахѣ. — Княжескіе уставы возникали иногда по частнымъ поводамъ, когда князю приходилось судить кого-либо и дать приговоръ, не имѣющій основаній въ предшествующихъ уставахъ (см. Ак. 21). Такимъ образомъ, *судебные приговоры* могутъ быть признаны особымъ источникомъ Русской Правды. Но судебные приговоры основывались большею частію на *обычномъ правѣ;* собирая ихъ, составитель собиралъ собственно постановленія обычнаго права (см. Ак. 1). Собиратели несомнѣнно включали въ сборники и выбранныя отдѣльныя постановленія изъ *византійскихъ кодексовъ,* напр., постановленія объ отвѣтственности господина за преступленія его холопа (Кар. 131—132) взяты изъ эклоги: «тативаго раба господинъ аще хощетъ имѣти его раба, безтщетно да сотворитъ украденому; не хотяй же имѣти раба того, да отдастъ совершенно господину, пострадавшему окраденіе» Можетъ быть слѣдуетъ признать, что статьи о холопствѣ и наслѣдствѣ составлены подъ сильнымъ *вліяніемъ* византійскихъ источниковъ (сл. Рус. Пр. Кар. сп. 128 съ догов. съ нѣмцами 1229 г. ст. 12).

Прежде существовавшее мнѣніе (нѣмецкой школы) о томъ, что главное содержаніе Русской Правды взято изъ *древне-скандинавскихъ* и изъ *древне-нѣмец-*

кихъ законовъ, ни на чемъ не основано, кромѣ общаго сходства права всѣхъ младенчествующихъ народовъ.

II.

(*Н. Л. Дювернуа.* «Источники права и судъ въ древней Россіи. Опыты по исторіи русскаго гражданскаго права». М. 1869).

Для общаго представленія о сборникѣ, извѣстномъ подъ именемъ «Русской Правды», весьма важно установить, по возможности опредѣленно, границы времени, въ которое слагалась «Русская Правда,» и именно ея полная редакція. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ тотъ фактъ, что въ концѣ XIII вѣка въ нее уже не входитъ или, чтобы не разойтись съ очень точными изслѣдователями рукописей, почти не входитъ никакихъ новыхъ элементовъ изъ юридической практики. На этомъ основаніи иногда называютъ полную редакцію Правды — Правдой тринадцатаго столѣтія; но, всматриваясь ближе въ ея составъ и сличая ея содержаніе съ тѣми явленіями юридической практики, которыя, несмотря на бѣдность оставшихся отъ XIII и XIV вѣка памятниковъ, все-таки совершенно ясны, мы должны будемъ признать, что полная редакція «Русской Правды» не отражаетъ въ себѣ этихъ явленій развитія права въ XIII вѣкѣ и стало быть составляетъ плодъ практики болѣе ранней. Въ Новгородской 1-й лѣтописи упоминаются подъ 1209 г. доски («дъщкы»), которыя доказываютъ право требованій одного лица къ другому. Въ договорной грамотѣ Новгорода съ Ярославомъ Тверскимъ выговорено, чтобы князь грамотъ (суженыхъ?) не посужалъ; въ другомъ договорѣ съ

тѣмъ же княземъ находимъ упоминаніе грамотъ на закладчиковъ, покупку селъ княжескими боярами въ новгородской волости. Отчасти еще отъ XII в. (купчая Антонія Римлянина до 1147 г.) и отъ XIII мы имѣемъ письменныя купчія, данныя. Начало XIV в. приноситъ намъ извѣстія о грамотахъ серебряныхъ («а что грамота на городцѣ писана серебреная», это долговой документъ), о грамотахъ дерноватыхъ («или грамоты дерноватыя на кого написалъ, а тѣ грамоты подереть»). Таковы явленія, замѣчаемыя въ XIII в. Они всѣ въ одинаковой мѣрѣ заслуживаютъ вниманія. Доски, письменные акты для гражданскихъ сдѣлокъ, для суда, возникающій оборотъ недвижимыхъ имуществъ,— все это признаки новыхъ условій развитія права. Ни одно изъ этихъ явленій не отражается въ «Русской Правдѣ». Ни въ статьяхъ о займѣ, ни въ способахъ возникновенія холопства,— никакихъ признаковъ письменности. Только въ одномъ мѣстѣ встрѣчается самое названіе писца (Троицк. спис., ст. 67: «писцю 10 кунъ»). Весь оборотъ гражданскій ограничивается однимъ движимымъ имуществомъ *). Всѣ формы сдѣлокъ и процесса исключительно устныя. Если бы пространная редакція не касалась вовсе нѣкоторыхъ сторонъ юридическаго быта, то мы могли бы объяснить себѣ отсутствіе въ ней признаковъ дальнѣйшаго развитія права одной ея неполнотой; но этого мы никакъ не можемъ сказать. Въ Правдѣ именно говорится о займѣ и ничего о доскахъ, ничего о грамотахъ. Она именно

*) Ср., однакоже, мѣста «Русской Правды», указанныя далѣе въ статьѣ «Отраженіе экономическаго быта въ Русской Правдѣ». *Ред.*

пересчитываетъ способы возникновенія холопства, и не называетъ холоповъ грамотными, какъ послѣ они назывались. Практика суда и гражданскаго оборота, которой плодомъ была полная редакція Правды, очевидно, предшествовала XIII вѣку.

Составитель систематическаго сборника имѣлъ *цѣлью* собрать въ группы и въ порядокъ юридическія положенія, которыми руководился въ его время судъ. При этомъ *средствами* для него служили прежніе сборники, заключавшіе въ себѣ извлеченіе изъ княжескихъ уставовъ и записанные законы отцовъ и дѣдовъ. Съ матеріаломъ, который былъ у него въ рукахъ, онъ обращался свободно, преслѣдуя главнымъ образомъ практическую цѣль удобнаго примѣненія его сборника на судѣ. Сторона, обращенная къ интересу публичному, вира, продажа опредѣляется вездѣ точными цифрами. Эта точность условливалась, конечно, тѣмъ, что опредѣленность въ количествѣ этихъ сборовъ составляла общій, а не личный чей-либо интересъ. Эти цифры могли ранѣе сложиться и дольше держаться, чѣмъ другая сторона, частное удовлетвореніе. Собиратель не различаетъ въ установленіи твердыхъ цифръ вировъ и продажъ, кѣмъ и какъ онѣ установлены. Причина понятна: онѣ не всегда опредѣлялись особымъ уставомъ, онѣ могли возникать непосредственно въ виду практики и, разъ опредѣлившись, держались потомъ какъ норма, какъ пошлина. Но не этой одной точкой зрѣнія условливалась задача сборника; онъ долженъ былъ служить руководствомъ для разбора на судѣ и вопросовъ о частномъ вознагражденіи. Понятно, что эта сторона гораздо труднѣе подчиняется опредѣленію. Поэтому во многихъ случаяхъ мы не на-

ходимъ твердыхъ цифръ. Это служитъ очень сильнымъ аргументомъ въ пользу того, что сборникъ составлялся не законодателемъ, а частнымъ лицомъ. Законодатель, давая руководство для суда, выдержалъ бы вездѣ одинъ пріемъ. Частный собиратель могъ дать отвѣтъ на эти вопросы лишь въ той мѣрѣ, въ какой они разрѣшались на практикѣ. Какъ относился собиратель къ практикѣ, насколько онъ вѣрно схватывалъ истинную мѣру частныхъ штрафовъ, — объ этомъ мы можемъ сдѣлать заключеніе только потому, что сборникъ, имъ составленный, пользовался несомнѣнно очень большимъ авторитетомъ. Мы можемъ сказать, что онъ дѣлалъ все, для того, чтобы найти вѣрную мѣрку вознагражденія, практическій способъ разрѣшать сталкивающіеся интересы.

XVI. СУДЪ ВЪ ЭПОХУ РУССКОЙ ПРАВДЫ.

(*Н. Л. Дювернуа.* «Источники права и судъ въ древней Россіи». М. 1869).

Слово судъ въ древнемъ языкѣ не могло означать того же опредѣленнаго понятія, которое мы съ нимъ соединяемъ теперь. Судья не прилагаетъ только, а въ одно время и раскрываетъ законъ, узнаетъ правду и примѣняетъ ее, ибо для судьи нѣтъ заранѣе выраженныхъ, готовыхъ постановленій, которыя могли бы служить руководствомъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Судомъ поэтому называются и тѣ правила, которыми руководится судья, и дѣйствіе разбора даннаго дѣла. Такой же двоякій смыслъ имѣетъ и слово правда. Древній языкъ говоритъ «дати правдоу» (ст. 52 Тр. сп.), когда надо выразить понятіе разбора извѣстнаго случая; правдой называются и тѣ правила, которыми руководится судъ. Уставъ Ярослава названъ *Судомъ* Ярослава Владимировича (заглавіе Тр. сп.). Перемѣны его дѣтей названы *Судомъ* Ярославлихъ дѣтей (Карамзин. сп., ст. 2; срв. заглавіе 48-й ст. по Тр. сп.: «Оуставъ Володимѣрь Всеволодича»). Статьи, опредѣляющія какъ судить убійство, называются *Судомъ* объ убійствѣ. (срв. заглавіе 3-й ст. по Кар. сп.: «О оубииствѣ соудъ»). 83-я ст. Тр. сп. говоритъ, что убійство женщины должно тѣмъ же *судомъ* судиться,

какъ и убійство мужа. Оба понятія — *суда* и *правды*, въ смыслѣ объективнаго права, — видны въ извѣстномъ мѣстѣ лѣтописи, гдѣ Владимиръ I пишетъ съ греческаго закона *суды* и *оправданія*. Въ этомъ тѣсномъ соприкосновеніи понятія суда съ понятіемъ объективнаго права, — не только въ языкѣ, но и на дѣлѣ, — возможно найти побужденіе разсматривать источники права и судъ вмѣстѣ.

Такъ какъ въ моментѣ судебнаго рѣшенія и та и другая дѣятельность, т. е. соображеніе общаго правила и примѣненіе его къ данному случаю, всего ближе сходятся, то словомъ *судъ* въ древнемъ языкѣ обозначается сверхъ того понятіе рѣшенія, заключенія, конца. Лѣтопись говоритъ въ этомъ смыслѣ: «а братцу моему судъ пришолъ», т. е. конецъ, рѣшеніе, смерть. Также слово *посудить* употребляется въ смыслѣ рѣшить или порѣшить, отмѣнить, уничтожить. Такъ, въ уставной грамотѣ смоленскаго князя, Ростислава Мстиславича, смоленской епископіи читаемъ: «да сего не *посуживай* никтоже по моихъ днехъ, ни князь, ни людіе; аще ли кто *посудитъ* сея грамоты,... да той отвѣчаетъ» и т. д.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на совершенно отличное отъ вышеуказаннаго употребленіе того же слова въ другихъ случаяхъ. Слово судъ употребляется нерѣдко въ значеніи судебнаго сбора, дохода, fructus jurisdictionis. Въ уставѣ Владимира I читаемъ: «а своимъ тіуномъ приказываю *суда* церковнаго не обидѣти, и съ суда давати 9 *части* князю, а 10-я святѣй церкви; а кто пообидить *судъ* церковный, *платити* ему собою». Также въ указанной выше уставной смоленскаго князя: «а четвертая (впереди были перечислены

другіе три рода тяжбъ изъ области семейнаго права) уволочская, ажъ уволочетъ кто дѣвку, што возметъ князь, — съ епископомъ на полы, или посадникъ что възметъ *свои тяжи*, — то съ епископомъ *на полы*». Съ существомъ судебной дѣятельности нельзя смѣшивать этой доходной стороны суда. Въ древнемъ правѣ денежныя наказанія имѣютъ то же значеніе, какое позже пріобрѣтаютъ другіе способы наказывать. Мы не скажемъ теперь, что судить значитъ сажать въ тюрьму, ссылать на каторгу. Точно такъ же мы не имѣемъ права сказать, что въ древней Россіи судить значило собирать доходы съ суда. Судья не приходитъ необходимымъ образомъ къ тому, что надо наказать или что надо взять деньги. Онъ можетъ притти къ совершенно противуположному заключенію. Итакъ, мы думаемъ, что въ мнѣніи, по которому въ древности на судѣ *главное* дѣло былъ доходъ, а судъ второстепенное, есть весьма значительная неправильность; поэтому оно не должно служить исходною точкой въ изслѣдованіи древняго суда. Для того, чтобъ насъ не смущало дѣйствительно существующее въ древнемъ языкѣ тожество названій суда и доходовъ съ суда, — мы останавливаемъ вниманіе на другомъ такомъ же метафорическомъ словоупотребленіи. Извѣстно, что вѣсъ въ старое время служилъ источникомъ дохода, что вѣсчая пошлина сбиралась князьями, жаловалась церквамъ и проч. Вѣсчая пошлина называется очень часто вѣсомъ (см., напр., уставъ Всеволода Мстиславича церкви св. Іоанна Предтечи, что на Опокахъ). По этому поводу никому никогда не приходило на мысль, что въ измѣреніи тяжести самое главное доходъ, а вѣрность мѣры — дѣло второсте-

пенное. Названіе судомъ суднаго сбора, вѣсомъ вѣсового сбора имѣетъ свое основаніе въ свойствахъ языка, а не въ тождествѣ понятій.

Если въ условіяхъ первоначальнаго быта не выдѣляются яснымъ образомъ тѣ нормы, которыми надо руководиться въ судѣ, — то естественно, что тогда на судьѣ лежитъ гораздо больше, чѣмъ въ наше время. Вся гарантія правосудія заключается въ личномъ достоинствѣ судьи. Въ наше время, когда законъ заранѣе опредѣляетъ мѣру права, заслуги правосудія нельзя цѣнить такъ высоко, какъ онѣ должны были цѣниться тогда, когда судья вполнѣ былъ предоставленъ самому себѣ. Тогда въ своемъ внутреннемъ чувствѣ правды онъ долженъ былъ имѣть и достаточно ясности, чтобъ узнать правду, т. е. найти законъ, норму права, и достаточно силы, чтобы во всѣхъ случаяхъ, какъ бы они ни видоизмѣнялись (сильнаго ли, слабаго ли судить), всегда и вездѣ прилагать одну и ту же мѣру, одну и ту же правду.

Такой органъ суда и правды древняя Русь создала себѣ въ князѣ. Вольный князь, призванный народомъ, поставленный, въ силу призванія, въ опредѣленныя отношенія къ *цѣлой* волости, — онъ въ этихъ условіяхъ долженъ былъ служить самымъ вѣрнымъ органомъ господствующей идеи права.

Итакъ, князь самъ былъ органомъ суда. Власть суда никому, кромѣ князя, въ его волости не принадлежитъ. Обратимся къ современнымъ памятникамъ. «Русская Правда» говоритъ, что «безъ княжа слова» нельзя «умучить» смерда (умучить — наказать), закупъ «обиды дѣля своего господина» бѣжитъ къ *князю* или къ судьямъ. Изяславъ самъ судитъ убій-

ство своего «конюха стараго» дорогобужцами *). Мономахъ, въ наставленіи дѣтямъ, говоритъ, что онъ самъ дѣлалъ «еже было творити отроку моему», «на посадникы не зря, ни на биричи», тоже и «худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмъ сильнымъ обидѣти». Дѣтямъ онъ также совѣтуетъ самимъ оправлять людей **). Все наставленіе проникнуто глубокимъ чувствомъ уваженія къ старинѣ, къ обычаямъ отцовъ и дѣдовъ.

Намъ могутъ сказать, что все это добрыя черты, въ которыхъ, однако, вовсе не видно, чтобы князь чѣмъ-либо разнился отъ разсудительнаго вотчинника. Хотѣлъ судить самъ — судилъ, не хотѣлъ — не судилъ. Судить лично было дѣломъ его воли; это — право князя, а не его обязанность. Посмотримъ, такъ ли смотрѣли, напримѣръ, въ XII вѣкѣ.

Подъ 1146 г. лѣтописецъ описываетъ предсмертныя распоряженія Всеволода Ольговича, его совѣщаніе съ кіянами, принятіе брата Всеволодова, Игоря, и крестное цѣлованіе ему сперва въ Кіевѣ, потомъ въ Вышегородѣ; далѣе, утвержденіе союза Ольговичей съ Изяславомъ Мстиславичемъ и Давидовичами. Все это — пока еще былъ живъ Всеволодъ. Едва послѣдовала смерть Всеволода, и Игорь прибылъ въ Кіевъ, — какъ кіяне шлютъ звать его на вѣче. Игорь ѣдетъ вмѣстѣ съ братомъ, Святославомъ, и, ставъ въ сторонѣ съ дружиною, высылаетъ Святослава на вѣче. «И почаша кияне складывати вину на тиуна на Всеволожа, на Ратьшу, и на другаго тиуна, вышегородьского, на Тудора, рекуче:

---

*) Срв. выше на стр. 365.

**) Срв. выше на стр. 350—351.

Ратша ны погуби Кіевъ, а Тудоръ Вышегородъ». Они требуютъ, чтобъ Святославъ цѣловалъ къ нимъ крестъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ: «аще кому насъ будеть обида, то ты прави». Святославъ слѣзаетъ съ коня, —«и, на томъ цѣлова хрестъ к нимъ у вѣчи». Лишь послѣ этого кіяне «съсѣдше съ конь и начаша молвити: братъ твой князь и ты» и дали присягу вѣрности. Игорь утверждаетъ обѣщаніе брата и также цѣлуетъ крестъ. Дворъ Ратши предается разграбленію. Итакъ, князь, когда это было нужно, формально обязывается самъ править, если кому обида будетъ. За этимъ онъ призванъ въ волость. Это былъ лучшій, совершеннѣйшій способъ судиться.

Непосредственное упражненіе княземъ своей юрисдикціи видно не въ однихъ центральныхъ мѣстахъ. Старый обычай князей ѣздить самимъ въ полюдье, гдѣ собирались не однѣ дани, а также творился судъ, — виденъ во всю эту эпоху. Подъ 1190 г. въ Лаврент. лѣтоп. сводѣ читаемъ, что великій князь находился въ полюдьи въ Ростовской волости. Ив. Забѣлинъ думаетъ, что этотъ обычай прекратился только съ владычествомъ татаръ.

Если личность судьи такъ много значила въ это время, то понятно, что человѣкъ слабый, дряхлый, занимая княжескій столъ, долженъ былъ тяготить собой и возбуждать ропотъ. Такой примѣръ мы видимъ въ Кіевѣ, когда къ Всеволоду Ярославичу приспѣла старость и съ нею недуги, и людямъ не доходила княжая правда; начали тіуны грабить, людей продавать, «сему (т. е. князю) не вѣдущу в болѣзнехъ своихъ» (подъ 1093-мъ г.). Ростиславичи на сѣверѣ возбуждали ропотъ тѣмъ, что слишкомъ молоды, слушаютъ бояръ, а бояре «учатъ на многое имѣнье». Въ

Новгородѣ, князь, который по молодости не можетъ выполнять своихъ обязанностей, просто удаляется, и лѣтопись не указываетъ никакого другого основанія, кромѣ того, что онъ еще «малъ бяше». Достаточно одного этого явленія, чтобъ убѣдиться, какъ мало упроченъ былъ юридическій бытъ, какъ слаба была организація суда. При болѣе твердомъ порядкѣ, личность князя не имѣла бы такого рѣшительнаго значенія въ дѣлахъ правосудія.

Итакъ, князь въ своей территоріи *одинъ* имѣетъ власть суда. Юрисдикція другого князя не можетъ конкурировать съ этой властью. Въ такомъ смыслѣ судъ составляетъ его право. Договоръ смоленскаго князя съ Ригой говоритъ: «роусиноу не звати латинескаго (купца) на иного князя соудъ, лише предъ смольнеского князя... Тако латинескоу не звати роусина на иный соудъ, лише оу Ригоу и на Гочкый берегъ». Князья могли входить другъ съ другомъ въ соглашеніе относительно способовъ творить судъ, преслѣдовать преступниковъ, но это были свободные ряды, которые именно предполагаютъ полную независимость одного князя отъ другого (см. Академич. сп.: «Правда оуставлена роуськой земли, егда ся съвокоупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенѣгъ, Микыфоръ кыянинъ, Чюдинъ, Микула»; срв. ст. 48 Троиц. сп).

Если нѣтъ никакихъ, внутри волости поставленныхъ, границъ дѣйствія княжеской юрисдикціи, и къ князю можетъ обращаться всякій, то понятно, что отъ него одного зависитъ дарованіе извѣстнымъ лицамъ или извѣстной мѣстности иммунитета, исключенія изъ общаго начала подсудности княжеской власти. Для этой цѣли нуженъ особый законода-

тельный актъ, — такъ называемая жалованная грамота. Наша письменность сохранила намъ очень значительное число такихъ актовъ, но преимущественно отъ послѣдующаго времени. Достаточно сказать, что и по формѣ и по содержанію это актъ вполнѣ исключительный, это lex specialis, изъ котораго возникаетъ privilegia и который не составляетъ правила для другихъ случаевъ. Такіе иммунитеты были и на Западѣ. И тамъ преимущественно церкви и епископскія каѳедры получали освобожденіе отъ суда и въ даръ различные доходы фиска. Такое явленіе было фактически постояннымъ, но это не было закономъ общимъ. Поэтому мы видимъ на актахъ жалованья непрерывныя подтвержденія привилегій. При Каролингахъ епископы часто получали юрисдикцію, какую имѣли графы. Съ X вѣка иммунитеты становятся всеобщимъ явленіемъ. У насъ отъ 1-й половины XII в. есть жалованная грамота Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю. Хотя менѣе ясно, чѣмъ въ послѣдующихъ актахъ этого рода, но и въ ней есть признаки подтвержденія сыномъ отцовскаго пожалованья. Позже этотъ характеръ личной милости, все возобновляющейся, составляетъ наиболѣе существенную черту жалованныхъ грамотъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что князь самъ судитъ, но одною личною дѣятельностью онъ не можетъ упражнять своей власти. Отсюда — необходимость органовъ княжескаго суда. Мы видѣли въ примѣрѣ Игоря, что ближайшимъ помощникомъ его былъ его братъ. Близкіе родственники и всего чаще сыновья князей получали высшія должности подъ рукою властвующаго князя. Указанія на такіе

случаи въ лѣтописи весьма многочисленны. Они идутъ, начиная съ самой глубокой древности. Еще о Владимирѣ I лѣтопись говоритъ, что онъ посадилъ Вышеслава въ Новгородѣ, Изяслава въ Полоцкѣ, Святополка въ Туровѣ, а Ярослава въ Ростовѣ и проч. Такія лица, при отдаленности отъ центральной власти, въ отправленіи суда были фактически вполнѣ самостоятельными. Въ отношеніи къ Новгороду можно замѣтить, отчасти для этого времени, что новгородцы указываютъ сами, какого изъ родственниковъ того или другого князя они хотятъ, чтобы къ нимъ прислалъ этотъ князь. Личное положеніе такихъ присланныхъ и вмѣстѣ призванныхъ князей представляетъ нѣчто среднее между самостоятельнымъ и подручнымъ княземъ.

Рядомъ съ членами княжеской семьи мы видимъ указанія лѣтописей на княжескихъ слугъ, которые тоже творили судъ. Это посадники князя. Въ отношеніи къ своей власти они тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ княземъ и, обыкновенно, въ случаяхъ народныхъ возстаній, съ нимъ вмѣстѣ изгоняются. «Русская Правда» только разъ упоминаетъ о посадникѣ, говоря объ отысканіи бѣглаго холопа. Посадникъ разумѣется пребывающимъ въ городѣ. Отыскивающій бѣглаго холопа долженъ повѣдать (повѣсть дать, повѣстить) ему объ этомъ и взять отъ него отрока (см. ст. 108 Троиц. сп.). Также въ городѣ пребывали и тѣ посадники изъ дѣтскихъ, о которыхъ упоминаетъ Лавр. лѣтопис. сводъ подъ 1176 г.: Ростиславичи «роздаяла бяста *по городомъ* посадничьство русьскымъ дѣтьцкимъ; они же многу тяготу людемъ симъ створиша продажами и вирами». Также въ городѣ и также съ властью суда

мы видимъ и тіуновъ княжескихъ. Правда дѣтей Ярослава за княжого тіуна назначаетъ 80 гривенъ виры (ст. 21 Акад. сп.: «а въ княжи тивоунѣ 80 гривенъ»; то же въ позднѣйшей редакціи. Совершенно другое — сельскій тивунъ княжъ, ст. 11 Тр. сп., и боярскій, ст. 59 тамъ же). Въ Ипатьевской лѣтописи дѣятельность тіуна обозначается глагольной формой *тивунитъ*, въ смыслѣ держать власть вообще. Князья, занимая городъ, не даютъ въ немъ тивунить прежнимъ тіунамъ. Объ ихъ отношеніи къ суду можно судить по приведенному выше мѣсту *) той же лѣтописи, гдѣ разсказано о жалобѣ кіянъ и вышегородцевъ на Ратшу и Тудора. Эти города хотятъ имѣть тіуновъ на своей волѣ, и князь даетъ имъ эту льготу (С. М. Соловьевъ называетъ ихъ прямо выборными). Далѣе, весьма ясно судебная функція тіуна выражается въ договорѣ смоленскаго князя съ Ригою, гдѣ, въ редакціи 29-го года, читаемъ: «которое ороудие доконьчано боудѣть оу Смолнескь мжю Роусию и мжю латинескимь языкомь предъ судиями и предъ добрыми людми», — редакція 30-го года, вмѣсто судей вообще, называетъ князя или тіуна. Тіунъ живетъ въ городѣ (княгинѣ подарокъ и тивуну рукавицы перстаты), отъ него можно взять дѣтскаго, какъ и отъ князя, какъ и отъ посадника по «Русской Правдѣ» (отрока).

Есть еще должности, которыхъ названіе указываетъ на прямое ихъ отношеніе къ тогдашнему военному строю. Таковы должности: тысяцкаго, сотскаго, десятскаго. То обстоятельство, что эти лица, главнымъ образомъ, были людьми ратными,

---

*) См. выше стр. 484—485.

никакъ не исключаетъ возможности быть имъ въ то же время и судьями. Напротивъ, мы видимъ, что именно ратные люди въ эту эпоху такъ или иначе участвуютъ въ дѣлѣ суда. Это одна изъ характеристическихъ чертъ первоначальнаго судоустройства. Только со временемъ должностныя лица получаютъ свои наименованія или отъ пространства ихъ власти (волостели), или отъ свойства ихъ дѣятельности (пристава). Въ «Русской Правдѣ» мы видимъ дѣтскаго, который идетъ дѣлить наслѣдство. Ему же назначается доля изъ желѣзнаго урока вмѣстѣ съ мечникомъ (стт. 82 и 100 Троиц. сп.). Ростиславичи на сѣверѣ раздавали дѣтскимъ посадничество. Это прямо военные люди, младшіе члены дружины (дѣтскихъ мы часто встрѣчаемъ на полѣ битвы: то двое дѣтскихъ спѣшатъ на помощь князю, который подвергся опасности, то они же увѣдомляютъ князя, гдѣ находится непріятель, то въ числѣ убитыхъ названъ княжой дѣтскій). То же должно сказать объ отрокахъ, подвойскихъ, биричахъ, дворянахъ. Для того чтобы судить объ участіи тысяцкихъ и сотскихъ въ судѣ, мы имѣемъ отъ древнѣйшаго времени слишкомъ мало извѣстій. Подъ 1071 г. въ лѣтописи мы видѣли, что воевода Янъ судилъ смердовъ*) на Бѣлоозерѣ. Подъ 1089 г. читаемъ, что въ этотъ годъ «священа бысть церкви... св. Богородица манастыря Ѳеодосьева при такомъ-то князѣ, воеводьство держащю кыевьскыя тысяща Яневи» Гораздо позже, тоже именемъ тысяцкаго, обозначается время вступленія великаго князя Александра Невскаго на Владимирскій столъ. Лѣтописецъ говоритъ: «и усрѣтоша и со кресты митрополитъ,

*) Срв. выше на стр. 382—383.

и вси игумени, и гражане... тысящю предержащю Роману Михайловичю и *весь рядъ*» (Лавр. лѣт., подъ 1252 г.). Этихъ указаній довольно, чтобъ убѣдиться въ высокомъ и неограничивающемся одною какою-либо отраслью публичной дѣятельности значеніи должности тысяцкаго. Тысяцкихъ мы встрѣчаемъ въ «Русской Правдѣ» въ качествѣ совѣтниковъ князя по дѣламъ законодательства (ст. 48 Тр. сп., гдѣ князь вмѣстѣ съ нѣсколькими тысяцкими *уставили* до третьяго рѣза). Очень вѣроятно, что въ это время тысяцкіе имѣли судъ. Уставная грамота Всеволода Мстиславича церкви Предтечи, что на Опокахъ, упоминаетъ тысяцкаго отъ черныхъ людей и старостъ отъ купцовъ, которымъ предоставлено всякія дѣла торговыя вѣдать и судъ торговый, независимо отъ посадника. Болѣе полныя свидѣтельства объ этомъ мы имѣемъ лишь изъ послѣдующей эпохи новгородской исторіи. — На участіе сотскихъ въ судѣ есть многочисленныя указанія отъ послѣдующаго времени. Здѣсь мы въ разныхъ случаяхъ встрѣчаемъ лишь имя сотскаго. Одинъ разъ сотскій отъ смольнянъ (уменъ мужъ Пантелей) правитъ посольство вмѣстѣ съ мужемъ князя смоленскаго, попомъ Іереміей. Въ другой разъ старосты (тоже, что сотскіе), какъ сейчасъ указано, вѣдаютъ судъ торговый вмѣстѣ съ тысяцкимъ.

Таковы органы судебной власти. Достаточно ли для насъ знать о существованіи однихъ органовъ княжескаго суда, чтобъ живо представить себѣ весь механизмъ тогдашней юстиціи, всѣ силы, направленныя къ укрѣпленію юридическаго быта и къ возстановленію нарушеннаго права? Довольно ли для этого знать, что въ извѣстномъ городѣ сидѣлъ

князь, а въ другихъ городахъ княжіе посадники, что тѣхъ и другихъ окружали ихъ слуги, и эти лица судили и рядили? Вспомнимъ, что въ первое время князья почти постоянно были въ походахъ, что перемѣны князьями столовъ были явленіемъ очень частымъ. Князь жилъ среди волости, свободно призвавшей его держать нарядъ и давать людямъ правду. Приходя сюда, онъ находилъ извѣстный строй общежитія, извѣстную, до него сложившуюся, организацію общественныхъ элементовъ. Сплы, съ которыми являлись призванные князья, не могли изъ себя создать такого организма, который замѣнилъ бы своеобразную организацію волости. Несмотря на то, что «Русская Правда» даетъ очень немного средствъ для возстановленія полной картины суда, мы видимъ въ ней повсюду содѣйствующую княжескому суду дѣятельность общинъ. Община, въ «Русской Правдѣ», является то отвѣтственною за своихъ членовъ (ст. 4—6 Тр. сп.), то отвѣтственною за происшествія, совершившіяся на ея землѣ (ст. 3, 63, 70 Тр. сп.). Еще болѣе важна эта дѣятельность общинъ, когда община выдаетъ князю преступника на потокъ. Выдача князю встрѣчается въ случаяхъ тяжкихъ преступленій (ст. 5, 30, 79). Свободные люди отдаютъ преступника въ руки карательной власти, въ руки князя, который имѣетъ, такъ сказать, bannus regalis или, по-нѣмецки — Blutbann. Безъ выдачи нѣтъ приговора, безъ князя не можетъ быть казни. Таковъ порядокъ, когда свободный человѣкъ за убійство безъ свады, за коневую татьбу, за поджогъ теряетъ права личныя и имущественныя.

Читая «Русскую Правду», нельзя себѣ представить почти ни одного юридическаго акта, который бы

совершался иначе, какъ въ присутствіи многихъ лицъ, *людей*, какъ ихъ чаще всего называетъ памятникъ. Такъ договариваются съ закупомъ, такъ покупаютъ вещь (на торгу, ст. 32 Тр. сп.), такъ сдаютъ наслѣдство опекуну малолѣтнихъ (ст. 93). Вездѣ «люди» или въ опредѣленномъ, или въ неопредѣленномъ числѣ. Весь ходъ процесса мыслимъ только при участіи этихъ людей: они нужны для поручительства, для послушества, для сохраненія въ памяти судебнаго рѣшенія; исполненіе рѣшенія совершается тоже на торгу, стало быть, при тѣхъ же людяхъ («вести и на торгъ», говоритъ «Русская Правда» про несостоятельнаго должника, ст. 51). Такимъ образомъ, публичность дѣйствій суда, присутствіе людей входитъ какъ органическій элементъ въ тогдашнее судоустройство и судопроизводство. Иногда, какъ видно въ договорѣ Смоленскаго князя, стороны прямо обращаются къ добрымъ мужамъ и ихъ рѣшеніе дѣлаютъ для себя обязательнымъ, какъ было бы для нихъ обязательно рѣшеніе публичнаго суда. Такое же значеніе, по всей вѣроятности, имѣли и тѣ 12 мужей, на которыхъ указываетъ старая Правда, въ 14 ст. Ак. списка: «ити ему на изводъ предъ 12 человѣка». Далеко не такъ легко, какъ кажется, особенно при скудныхъ средствахъ нашей древнѣйшей письменности, прослѣдить отношеніе людей, на которыхъ шлются стороны, къ органамъ публичной судебной власти. Мы видимъ только, что число этихъ лицъ можетъ быть очень значительное. Толпа вовсе не пугаетъ судей въ это время. Они не боятся «наводки»; противъ «наводки» законъ не указываетъ никакихъ мѣръ, какъ это будетъ позже, въ Судебникѣ, въ Новгород-

ской или Псковской Судной Грамотѣ. Напротивъ, Судный Законъ какъ будто считаетъ нужнымъ присутствіе массы лицъ на судѣ. Въ Судномъ Законѣ послуховъ требуется тѣмъ больше, чѣмъ выше цѣна иска. Цифра доходитъ до 18! Тамъ же передъ послухами рѣшается оцѣнка рабы, когда требуется, чтобъ она была отпущена на волю.Можно ли думать, что во всѣхъ этихъ случаяхъ послухи не болѣе какъ свидѣтели, т. е. что вся роль ихъ заключается въ показаніи о совершившемся на ихъ глазахъ фактѣ, о томъ, что они видѣли?

Таковы элементы судоустройства, на сколько возможно уяснить себѣ ихъ сочетаніе изъ бѣдныхъ остатковъ старой письменности.

Въ «Русской Правдѣ» на каждомъ шагу мы видимъ подвижной характеръ всѣхъ органовъ суда. Вирники, отроки требуютъ корма для коней, перекладныхъ, ссадныхъ (ст. 7 и 67 Тр. сп.). Самъ князь *ѣздитъ* въ полюдье. Только у посадника свой городъ, гдѣ онъ всегда сидитъ. При этомъ вѣчномъ движеніи органовъ власти, понятно происхожденіе названій, обозначающихъ подраздѣленія земли, каковы были: станы, погосты, позже — уѣзды. И. Д. Бѣляевъ въ «Разсказахъ изъ русской исторіи» замѣчаетъ, что на сѣверо-востокѣ чаще встрѣчаются погосты (укажемъ, что въ Ипатьевск. лѣтописи, подъ 1116 г. погостъ употребляется не въ смыслѣ опредѣленнаго пункта волости, а въ смыслѣ сбора), а на юго-западѣ — волости. Въ это время ни территорія подсудности, ни степень власти судей не опредѣлялись точно. Янъ сперва долженъ былъ «испытывать», какого князя смерды проповѣдуютъ язычество, и потомъ сталъ судить (Лавр. лѣт. подъ 1071 г.).

Конечно, не вездѣ такъ мало были ясны эти вопросы.

Что касается предѣловъ власти, въ которыхъ дѣйствуютъ разные органы правосудія, то въ это время мы не видимъ никакихъ постоянныхъ началъ, по которымъ группировались бы тѣ и другіе роды дѣлъ въ рукахъ опредѣленныхъ органовъ. Вся власть суда принадлежитъ князю. Безъ князя нельзя умучить смерда. Закупъ можетъ обратиться къ князю въ тяжбѣ съ своимъ господиномъ. Къ князю обращаются и въ спорахъ о наслѣдствѣ. Князь судитъ иностранца съ русскимъ (договоръ Смоленскаго князя съ Ригой). Въ идеѣ одинъ князь настоящій судья. Всякая другая власть отъ него беретъ свою силу. Личное пребываніе князя въ извѣстномъ мѣстѣ, напр. во время полюдья, исключало необходимость всѣхъ другихъ органовъ. Нѣчто подобное мы видимъ и въ Германіи въ средніе вѣка. Слабость судебной организаціи въ этомъ всего очевиднѣе. Присутствіе императора суспендируетъ дѣятельность всѣхъ низшихъ органовъ правосудія, и это начало признается еще въ Саксонскомъ Зерцалѣ и другихъ законныхъ книгахъ того времени. Противъ возможнаго злоупотребленія этимъ правомъ императора направляется особый родъ привилегій, называемыхъ privilegia de non evocando. Конечно, тою же слабостью судебной организаціи объясняется и у насъ впослѣдствіи встрѣчающееся условіе договоровъ князя съ Новгородомъ, чтобъ князь суженаго не посужалъ.

Внѣшняя обстановка суда видна въ нѣкоторыхъ разсказахъ лѣтописи и отчасти въ статьяхъ «Русской Правды». Она отличается величайшей простотой. Лѣтописецъ подъ 1169-мъ г. разсказываетъ, какъ разби-

рались два князя, изъ которыхъ одинъ былъ виноватъ въ замыслахъ противъ другого и хотѣлъ оправдаться. Оба князя съѣхались въ Печерскій монастырь. Одинъ помѣстился въ кельѣ эконома, другой въ кельѣ игумна, и стали они пересылаться рѣчами черезъ посредство дьячка (Имормыжа). Когда уяснилось, отъ кого идетъ улика, то на сцену являются люди князей и начинаютъ «спираться». Одна сторона выводитъ послуха. Князь, разбиравшій дѣло, полагается на клятву обвиняемаго, и этимъ все миролюбиво оканчивается. Постояннымъ мѣстомъ, куда сходятся стороны для суда, «Русская Правда» разумѣетъ княжъ дворъ (ст. 38 Акад. сп.). Князь, вѣроятно, сидѣлъ на сѣняхъ съ своей дружиной. Отъ названія двора княжескаго могло происходить и названіе *дворянами* тѣхъ лицъ, которыя выполняютъ до суда относящіяся порученія (ст. 135 Карамз.*) сп.). То же, что дворъ князя, въ мѣстѣ его пребыванія, былъ дворъ посадника, въ его городѣ. Многія изъ дѣйствій, относящихся до суда, совершаются на торгахъ. Близость этихъ торговыхъ мѣстъ къ церквамъ можно предполагать, потому что вѣсъ, т. е. вѣсчая пошлина, отдается нерѣдко въ пользу церкви. Притворы церквей были, вѣроятно, первыми закрытыми помѣщеніями, въ которыхъ совершались сдѣлки и разбирались споры.

Мы указали выше, что судъ былъ подвижной. Эта подвижность условливается отчасти потребностью стариннаго суда имѣть на глазахъ предметъ спора, «лицо». Въ «Русской Правдѣ», гдѣ рѣчь идетъ о межахъ, о бортяхъ, тамъ предполагаются и разъѣзд-

*) Выше стр. 444.

ные сборы (ст. 67 Тр. сп.). Кромѣ того, судьи должны были съѣзжаться въ случаяхъ смѣстнаго суда, на рубежахъ, гдѣ сходятся границы двухъ подсудностей. Время, когда слѣдуетъ творить судъ, обряды, которые сопровождаютъ дѣйствія судей и сторонъ на судѣ, почти намъ неизвѣстны. Мы думаемъ, судя по послѣдующему, что обрядовая сторона процесса у насъ гораздо менѣе имѣла значенія, чѣмъ напр. въ Германіи. Мономахъ совѣтуетъ судить съ полудня. Въ полюдье ѣздятъ зимой. И то и другое имѣетъ въ своемъ основаніи простыя практическія соображенія. Въ собраніяхъ нѣмецкихъ юридическихъ древностей находимъ очень много любопытныхъ подробностей касательно времени года, дней недѣли и часовъ дня, когда могутъ быть совершаемы судебныя дѣйствія. Также много опредѣленій для мѣста, гдѣ можно судиться (любопытенъ судъ у источника; ср. извѣстіе начальнаго лѣтописнаго свода о судѣ Яна надъ волхвами), для способа судьи держать себя. Онъ долженъ сидѣть съ посохомъ, посохъ бѣлый, ибо съ него снята кора. Сѣдалище имѣетъ опредѣленную форму. Поза судьи должна выражать спокойствіе, для этой цѣли онъ сидитъ, положа ногу на ногу Многія такого рода внѣшнія предписанія, которыхъ происхожденіе должно искать въ глубокой древности, — оставили свои слѣды надолго въ нѣмецкомъ судѣ. Въ нашихъ юридическихъ памятникахъ обрядовая сторона не оставила почти никакихъ слѣдовъ.

Прежде чѣмъ перейти къ разбору отдѣльныхъ способовъ доказательства на судѣ по «Русской Правдѣ» надо сказать о тѣхъ содѣйствующихъ успѣху доказыванья средствахъ, которыя иногда въ системахъ процесса ставятся на ряду съ доказатель-

ми. О собственномъ признаніи или очевидности, по «Русской Правдѣ», мы не нашли бы сказать ничего, съ юридической точки зрѣнія имѣющаго важность. Любопытны однѣ такъ называемыя презумпціи. Здѣсь, говоря словами одного современнаго *) юриста, «самъ законъ употребляется какъ средство доказать». Въ «Русской Правдѣ» такія презумпціи (Indicienbeweis, улики) встрѣчаются въ процессахъ по преступленіямъ: 1) въ чьей верви голова лежитъ, если при томъ члены общины не отыскиваютъ убійцу, то виноватой предполагается сама вервь (ст. 3-я Тр. сп.); 2) если межа испорчена, или испорчены орудія ловли, а виноватаго не находится, то также предположеніе виновности падаетъ на общину (ст. 63 не совсѣмъ ясна); 3) если по слѣду гонятъ татя, а слѣдъ пойдетъ къ селу или къ товару (товаръ въ смыслѣ стана или обоза?), и жители не отведутъ слѣда, не поѣдутъ на слѣдъ, станутъ отбиваться, — то они сами отвѣчаютъ за татьбу. Можетъ быть, тотъ, другой судья не счелъ бы для себя убѣдительными эти улики, но законъ или обычай требуетъ, чтобъ судъ призналъ силу ихъ и на нихъ основалъ свое рѣшеніе. Въ случаяхъ воровства, нахожденіе въ рукахъ лица краденой вещи служитъ также основаніемъ для презумпціи. Такія презумпціи легко разрушаются или доказательствомъ фактовъ, исключающихъ справедливость предположенія, или просто очистительной присягой.

Отдѣльные способы доказательства на судѣ по «Русской Правдѣ» суть:

1) *Послухи*, — лица, связанныя съ той или дру-

---

*) Писано въ 1868-мъ г.

гой стороной, или лица, на которыхъ шлются обѣ стороны (договоръ Смоленскаго князя съ Ригой). Названія послуха и видока въ «Русской Правдѣ» смѣшиваются, внѣ всякаго сомнѣнія, такъ что, не допуская предполагаемаго нами различія между тѣми и другими, мы поставимъ себя въ затрудненіе понять, на что нужно два разныхъ названія для однихъ и тѣхъ же лицъ. Такъ, въ 32-й статьѣ Тр. сп. видокомъ названъ мытникъ и свидѣтели у сдѣлки, въ стт. 35, 43, 44, 45, 46, 47, 102 Тр. списка такіе же свидѣтели у сдѣлки называются послухами. Едва ли можетъ быть сомнѣніе, что употребленіе названія послуха во всѣхъ этихъ случаяхъ есть болѣе точное, чѣмъ словоупотребленіе 32-й ст. Тр. списка Во всѣхъ перечисленныхъ статьяхъ послухъ не есть случайный очевидецъ событія, а призванное къ совершенію акта лицо. Что послухъ не тотъ, кто говоритъ о томъ, что слышалъ,— это ясно изъ статьи 70 Тр. списка, гдѣ съ послухами гонятъ слѣдъ; при чемъ ясно, что на этихъ людей шлется лицо, которое гонитъ слѣдъ, т. е. полагается на то, что они будутъ его поддерживать, какъ теперь такую поддержку оказываетъ власть, которая удостовѣряетъ протоколомъ совершившіяся событія.

Послухи являются, чтобы поддерживать притязанія той или другой стороны, ибо на нихъ *послались* состязающіяся лица. Такая поддержка имѣла все свое значеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда для судьи не было ясно право. Можетъ-быть, этимъ объясняется то извѣстное обстоятельство, что въ Законѣ Судномъ Людемъ, который предшествовалъ сложенію «Русской Правды», о послухахъ говорится гораздо болѣе, чѣмъ въ самой Правдѣ. Вообще говоря, тамъ,

гдѣ судья не можетъ «узнать право», — тамъ стороны убѣждаютъ его ссылкой на добрыхъ людей, на послуховъ. Вотъ ближайшій смыслъ, въ которомъ мы разумѣемъ значеніе послуховъ, переходящее предѣлы простого свидѣтельства, значеніе ихъ, какъ поддержки истца или отвѣтчика. Въ этомъ смыслѣ они не составляютъ простого средства доказать факты, а оказываютъ вліяніе на успѣхъ самой претензіи той стороны, за которую стоятъ. Такое объясненіе кажется намъ очень согласнымъ съ состояніемъ права въ это время, когда источникъ его есть преимущественно право обычное. Понятно, что чѣмъ яснѣе вырабатывается догма, чѣмъ болѣе расчленяются разныя стороны права, подлежащаго обсужденію, тѣмъ самостоятельнѣе судья, тѣмъ менѣе его сужденіе о правѣ зависитъ отъ добрыхъ людей и тѣмъ опредѣленнѣе роль послуховъ ограничивается простымъ свидѣтельствомъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ послухъ является настоящимъ средствомъ доказывать факты, «Русская Правда» даетъ мало средствъ различить его съ видокомъ, хотя, внѣ всякаго сомнѣнія, и здѣсь различіе было. Во 2-й статьѣ Акад. списка свидѣтель событія названъ видокомъ, въ соотвѣтствующей ей, 28-й, тотъ же человѣкъ названъ послухомъ. Въ 15, 17, 23, 81 стт. Тр. списка свидѣтели событій — послухи; въ 9-й Акад. списка, въ 23-й же и 25 Тр. списка — видоки. Видоки и послухи одинаково идутъ на роту. Именно это смѣшеніе названій и мѣшаетъ опредѣлить ясную границу между послухомъ и видокомъ, держась буквально «Русской Правды». Мы дѣлаемъ догадку, что тамъ, гдѣ свидѣтель событія шелъ на роту, тамъ его значеніе усиливалось, тамъ онъ являлся поддержкой сторо-

ны, какъ потомъ послухъ, идущій на бой съ противникомъ того, за кого онъ стоитъ. Во время «Русской Правды», повидимому, количествомъ, а не состязаніемъ такихъ лицъ, — рѣшался споръ (Судный Законъ). Во всякомъ случаѣ, по одному признаку, ротѣ, присягѣ, можно отличить лицо, котораго показанія переходятъ въ поддержку, въ стремленіе рѣшить споръ; это лицо есть ротитель или послухъ; онъ можетъ быть въ то же время и видокъ; но достоинство и сила его не столько условлены тѣмъ, что онъ очевидецъ, сколько тѣмъ, что на него шлются, что онъ клянется.

2) Настоящіе свидѣтели, очевидцы только, имѣющіе значеніе лицъ, которыя удостовѣряютъ случайно происшедшій на ихъ глазахъ фактъ, усматриваются въ непрерывно упоминаемыхъ «Русской Правдой» людяхъ, которые видѣли, что происходило. Ст. 38 Ак. списка говоритъ: «а люди боудоуть видѣли связанъ», ст. 61 Тр. списка: «а кровь видять оу него во ртѣ, а людье вылѣзуть». Тутъ нѣтъ никакихъ сомнѣній, что судъ имѣетъ дѣло съ настоящими очевидцами, которымъ онъ вѣритъ, какъ повѣрилъ бы своимъ глазамъ, еслибъ самъ былъ на мѣстѣ совершенія событія. Ихъ значеніе не переходитъ въ роль защитниковъ, они просто средство узнать фактическую истину. Они могутъ не интересоваться исходомъ процесса, они не заручились ни предварительной связью съ сторонами (какъ свидѣтели сдѣлки), ни клятвой.

3) Присяга, какъ самостоятельный способъ доказывать, встрѣчается въ довольно разнообразномъ примѣненіи, и всякій разъ она допускается по своему спеціальному основанію. Такъ, въ ст. 44-й Тр. списка, по свойству торговыхъ сдѣлокъ, вполнѣ безформен-

ныхъ и требующихъ особаго взаимнаго довѣрія, допускается присяга сторонъ тамъ, гдѣ обыкновенно требуются послухи. Въ ст. 45-й, по особому свойству договора (поклажи), отвѣтчикъ можетъ присягой доказать, что у него было депонировано именно столько, сколько онъ выдаетъ. Положеніе этой статьи возникло подъ вліяніемъ греческаго права, гдѣ принимающій на сохраненіе разсматривался особенно деликатно; ибо договоръ поклажи безвозмездный («зане же ему въ болого дѣль», говоритъ «Русская Правда» о сберегающемъ), и отдающій на сохраненіе самъ на себя долженъ пенять, если онъ выбралъ ненадежнаго пріятеля. Въ ст. 47-ой, тоже вмѣсто послуха, допускается доказательство посредствомъ присяги истца, по малоцѣнности иска. Наконецъ, присяга является въ значеніи очистительной, когда противъ лица направлено подозрѣніе, основанное на уликѣ (ст. 109, 112). Мы знаемъ въ лѣтописи случай, гдѣ, и при существованіи доказательствъ, судья полагается на совѣсть обвиняемаго и даетъ ему очистить себя присягой. Князь кіевскій называетъ крестное цѣлованіе «отецъ нашихъ и дѣдъ нашихъ утвержденіемъ». Въ заключеніе словъ, обращенныхъ къ обвиняемому (увѣщаніе), онъ говоритъ: «а нынѣ, яко на мя еси не думалъ и не ищеши ми лиха, — цѣлуй ми крестъ». Владимиръ такъ произноситъ присягу: «радъ, брате, цѣлую, а то все на мя лжа, — и цѣлова крестъ». Во всѣхъ этихъ случаяхъ присяга была необходимою. Она совершалась съ участіемъ официальныхъ лицъ, ибо «Русская Правда» назначаетъ особый ротный урокъ, который шелъ, конечно, въ пользу должностныхъ лицъ (ст. 101 Тр. сп.).

Едва ли можно сомнѣваться, что въ это время, когда

присяга играла такую важную роль, какъ juramentum promissorium, она также часто служила и средствомъ разрѣшенія споровъ по взаимному соглашенію сторонъ; но объ этомъ мы имѣемъ ясныя свѣдѣнія лишь отъ позднѣйшаго времени. Приводимая въ 17-ой ст. «Русской Правды», наряду съ судами Божьими, присяга сторонъ — допускается «во всѣхъ тяжахъ», когда нѣтъ другихъ средствъ доказать; все ограниченіе заключается только въ томъ, что доказательная сила присяги меньше, чѣмъ доказательная сила другихъ видовъ суда Божія; но, по свободному соглашенію, рѣшительная сила присяги могла быть расширяема на всякое дѣло.

4) Вопросъ о судахъ Божіихъ много разъ у насъ подвергался обсужденію въ той мѣрѣ, въ какой онъ разъясненъ нѣмецкой наукой. По отношенію собственно къ русскому праву, всѣ разъясненія суда Божія не могутъ далеко уйти отъ простого показанія 3-хъ статей «Русской Правды», въ которыхъ говорится объ испытаніи желѣзомъ и водой (17, 81 и 82). Это все, что до насъ дошло достовѣрнаго отъ этой эпохи. Замѣтимъ, что Гриммъ, собирая всѣ указанія средневѣковыхъ источниковъ о судахъ Божіихъ, указываетъ и на Византію, гдѣ имѣло мѣсто испытаніе именно посредствомъ раскаленнаго желѣза, о которомъ упоминаетъ и «Русская Правда» (Гриммъ въ сочиненіи Deutsche Rechtsalterthümer, изд. 2-е, стр. 933, приводитъ греческую цитату, которая переводится такъ: «если нѣтъ у тебя доказательствъ отъ свидѣтелей, то ты долженъ доказать истину горячимъ желѣзомъ»).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ судъ назначаетъ испытаніе желѣзомъ, какъ видно изъ 17-й статьи («тогда

дати імъ правду желѣзо»), — это, по всей вѣроятности, относится къ дѣламъ по преступленіямъ; въ другихъ — сами стороны зовутся на желѣзо или на воду, тогда этотъ родъ испытаній представляетъ собой нѣчто параллельное разрѣшенію споровъ посредствомъ присяги по соглашенію (Schiedseid).

Что касается жребія, то извѣстно, что «Русская Правда» только въ одномъ спискѣ, повидимому новомъ, упоминаетъ этотъ способъ формальнаго изслѣдованія истины. Здѣсь жребій поставленъ на ряду съ присягой, альтернативно, «а будетъ има бои, а видока не будетъ, — ити има на роту по своей вѣрѣ, а любо на *жребіи*, а виноватыи въ продажѣ, во что и обложатъ» (такъ въ одномъ изъ списковъ «Правды» заканчивается статья, соотвѣтствующая 25-ой статьѣ Троицкаго списка). Очень вѣроятно, что это былъ весьма распространенный способъ рѣшенія спорныхъ вопросовъ и на судѣ, какъ и вообще въ спорахъ, къ жребію обращались нерѣдко. Извѣстенъ случай рѣшенія по жребію выбора человѣческой жертвы, о которомъ лѣтописецъ говоритъ подъ 983 г. Затѣмъ жребій виденъ въ договорѣ Смоленскаго князя съ Ригой, гдѣ условлено жребіемъ опредѣлять чередъ, «кому пойти черезъ волокъ впереди». Можно указать еще нѣсколько мѣстъ лѣтописи отъ времени «Русской Правды», гдѣ упоминается жребій, какъ средство рѣшить выборъ между двумя лицами, или между двумя мнѣніями. Новгородская 1-я лѣтопись, подъ 1192 годомъ, разсказываетъ объ избраніи въ высшую духовную должность, при чемъ жеребья кладутся на трапезу, и съ трапезы ихъ снимаетъ слѣпецъ. Чей жребій останется на трапезѣ, на того видятъ указаніе свыше, и онъ считается избраннымъ. Тамъ

же, подъ 1229 г. для той же цѣли посылаютъ «княжиця Ростислава изь гридьницѣ владыцьне» взять жребій съ трапезы. Тутъ, стало-быть, дитя избрано орудіемъ испытанія воли Божіей. Также любопытенъ еще ранѣе, въ началѣ XII в., упоминаемый лѣтописью случай. Именно, въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1115 г., видимъ, что нѣсколько князей спорятъ («распри же бывши», по словамъ лѣтописи), на какомъ мѣстѣ въ церкви поставить мощи свв. Бориса и Глѣба. Та и другая сторона приводитъ свои основанія. Тогда митрополитъ съ епископами предлагаетъ узнать волю самихъ мучениковъ посредствомъ жребія: «верзите жребии,— да кдѣ изволита мученика, ту же я поставимъ». Князья подчинились рѣшенію жребія. «И положи Володимеръ свой жребий, а Давыдъ и Олегъ свой жребий на святой тряпезѣ, и вынеся жребий Давыдовъ и Олговъ». Мощи были поставлены, согласно съ этой волей самихъ мучениковъ, на правой сторонѣ храма.

Возможно, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ сдѣлкѣ или на судѣ послухомъ и защитникомъ призванъ Богъ или святой, — къ ихъ суду и обращались тогда, когда возникалъ споръ по поводу акта, утвержденнаго этимъ способомъ. Яснѣе такое послушество видно впослѣдствіи.

XVII. ПРЕСТУПЛЕНІЕ И НАКАЗАНІЕ ПО «РУССКОЙ ПРАВДѢ».

(*М. Ф. Владимірскій-Буда новъ*. «Обзоръ исторіи русскаго права». Кіевъ 1888).

I. Преступленіе.

Терминъ «преступленіе» хотя и извѣстенъ былъ въ эпоху Русской Правды (въ переводной литературѣ съ греческаго языка), но самой Русской Правдѣ неизвѣстенъ, ибо ей чуждо то понятіе о преступленіи, которое выражается этимъ терминомъ, т. е. нарушеніе закона. Терминъ, употребляемый Русской Правдой, есть *обида*. Въ этомъ иногда видятъ доказательство частно-правнаго взгляда на преступленіе, какъ дѣяніе оцѣниваемое только по количеству вреда, нанесеннаго частному лицу. Мы увидимъ ниже, что разрядъ преступленій, караемыхъ Русской Правдой, дѣйствительно, ограничивается такъ называемыми частными преступленіями, т. е. направленными противъ личныхъ и имущественныхъ правъ частныхъ лицъ. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что оцѣнка преступныхъ дѣяній совершается только съ точки зрѣнія интересовъ лицъ потерпѣвшихъ; напротивъ, штрафъ за «обиду» платится не въ пользу потерпѣвшаго, а въ пользу общественной власти: такъ за укрывательство бѣглаго раба, виновный, кромѣ возвращенія раба его господину, платитъ

3 гривны уголовной продажи въ пользу князя; древнѣйшая Правда не указываетъ прямо значенія этого штрафа, говоря только: «а три гривнѣ за обидоу» (Акад. 10); но пространная Правда (Троиц. сп. ст. 26) уясняетъ это вполнѣ: «а ономоу платити 3 гривны *продажи*» (продажею называется уголовный штрафъ въ пользу князя). Даже такая личная обида, какъ позорный ударъ необнаженнымъ мечомъ или рукоятью его, влечетъ за собою общественный штрафъ, а не личный выкупъ: «12 гривенъ продажи за обидоу» (Троиц. сп. ст. 18).

II. Наказаніе.

Такъ какъ наказаніе есть возстановленіе нарушенныхъ преступленіемъ правъ общества, то основной интересъ историческаго изложенія права наказанія есть вопросъ объ общественномъ элементѣ его, объ очищеніи его отъ личной примѣси (начиная почти съ животной реакціи и самозащиты).

Термины общіе для выраженія этого понятія въ законодательныхъ памятникахъ не встрѣчаются, кромѣ слова «казнь», встрѣчаемаго въ договорахъ русскихъ съ греками. Но въ памятникахъ бытовыхъ употребляются термины: «*наказаніе*» и «*месть*» (въ общемъ смыслѣ наказанія). «Месть» въ обширномъ смыслѣ означаетъ наказаніе вообще: волхвы, наказанные Яномъ на Бѣлоозерѣ, приняли «месть отъ Бога», въ Законѣ Судномъ Людемъ сказано: «аще кто бьетъ раба своего жезломъ, ти умреть отъ руку его: судомъ до ся мьститъ». «Местникомъ» въ договорѣ Олега («аще ли кто искушенья сего не дасть створити, *местникъ* да погубить правду свою») названа сторона въ процессѣ. Местникомъ иногда на-

зывается также судья: въ Законѣ Судномъ Людемъ говорится, что если низшіе судьи отказываютъ въ правосудіи, то «взиидуть къ великому отместнику, его же постави власть наша». Юридическій сборникъ А. И. Мусина-Пушкина начинается такъ: «нища не помиловати яко мѣсть», что составляетъ переводъ Исхода (XXIII, 3): «нищаго да не помилуеши на судѣ»; поэтому издатель сборника Дубенскій говоритъ: «месть тоже, что судъ, κρίσις, lis». Филологическій смыслъ слова «наказаніе» есть «ученіе и исправленіе»: наказаніе — institutio, poena; наказати — instituere («тыи въспита ме и наказа и наоучи), punire» (Рѣчникъ Даничича). Въ смыслѣ слова «наказаніе» (исправленіе) выраженъ основной взглядъ славянъ на цѣль наказаній, взглядъ, конечно, указывающій на будущее, и мало примѣнимый къ самой эпохѣ Русской Правды.

Виды наказаній въ историческомъ порядкѣ суть: 1) месть, 2) денежные штрафы, 3) уголовныя кары.

Месть — въ тѣсномъ смыслѣ есть возмездіе за уголовную неправду, совершенное руками потерпѣвшаго. Въ томъ понятіи, какое даетъ о ней Русская Правда, месть совмѣщаетъ и частный, и *общественный* элементы наказанія, что видно изъ нижеслѣдующаго: 1) месть не только *признана*, но и *предписана* закономъ (Рус. Пр. Ак. 1, Кар. 1.; «если отсѣчетъ руку, то дѣти искалѣченнаго должны смирить» — Ак. 5 «оже ли оутнеть роукоу, и отпадеть роука, любо оусохнеть: то 40 гривенъ; аще боудеть нога цѣла, или начьнеть храмати, тогда чада смирять»). Обязательный характеръ мести ясенъ въ особенности въ договорахъ съ греками, при чемъ договаривающіяся стороны заботятся, чтобы преступникъ не остался безъ наказанія («да умреть»;

«да убіють и»). 2) Месть *соединяется съ судомъ*, т. е. требуетъ или послѣдующей за местью санкціи суда (какъ обыкновенно и бывало), или предварительнаго рѣшенія суда: древнѣйшая Правда требуетъ, чтобы окровавленный или раненый доказалъ на судѣ справедливость обвиненія и только послѣ этого можетъ или мстить, или взять за обиду 3 гривны (Ак. 2). Лѣтопись подъ 1070 г. разсказываетъ, что когда то раньше (конечно до отмѣны мести) воевода княжой Янъ, схвативъ ярославскихъ волхвовъ на Бѣлоозерѣ, осудилъ ихъ за убійство многихъ женщинъ и наказалъ такъ: выдавъ ихъ родственникамъ убитыхъ, сказалъ имъ: «мьстите своихъ»; родственники предали осужденныхъ смерти. 3) Законъ опредѣляетъ, *кто имѣетъ право* (и обязанность) *мстить?* А именно: за убійство мстятъ *члены рода* (отецъ и сынъ, братъ, дядя и племянникъ; Ак. 1, Кар. 1); въ 1-й статьѣ Русской Правды однако содержится неполное опредѣленіе круга мстителей: не указано право мести за мать, сестру, жену и дочь, несомнѣнно существовавшее, какъ видно изъ приведеннаго сейчасъ лѣтописнаго факта. Но это есть результатъ обыкновеннаго недостатка обобщеній въ древнихъ памятникахъ, которые, вмѣсто того, стараются перечислить частичныя подробности, но всегда неудачно. Право мести за лицъ женскаго пола подразумѣвалось подъ соотвѣтствующими степенями родства мужского пола. За увѣчье полагалась месть *членовъ семьи*: «тогда чада смирять» (Ак. 5). За личное оскорбленіе и побои — *месть личная:* «оже ли *себе* не можеть мьстити, то взяти емоу за обидоу 3 гривнѣ» (Ак. 2). — 4) Этимъ опредѣляется и то, *за какія преступленія* полагалась месть? Именно: за убійство,

увѣчье и нападеніе на здоровье. Что касается убіенія вора, т. е. мнимой мести за татьбу, то здѣсь самоуправство уже перешло въ состояніе необходимой обороны. — 5) *Въ чемъ состояла месть?* Въ каждомъ ли случаѣ преступникъ отдавался на полный произволъ мстителя? Думать такъ не позволяетъ соединеніе мести съ судомъ и ясное различеніе въ Русской Правдѣ относительной тяжести преступныхъ дѣяній. За убійство должна была слѣдовать смерть, но не за увѣчье («смирять» не значитъ лишать жизни) и не за личныя оскорбленія; это показываетъ аналогія постановленій о мести холопу, ударившему свободнаго мужа; при Ярославѣ было позволено убить его за то; но сыновья Ярослава, отмѣнивъ такой суровый законъ, не вполнѣ уничтожили месть и постановили, что оскорбленный можетъ связавъ его побить, т. е. месть состояла въ лишеніи свободы и тѣлесномъ наказаніи. 6) Съ замѣною родовыхъ союзовъ общинными и земскими *месть вымирала* постепенно, ибо въ мщеніи участвуетъ уже земская (государственная) власть; несомнѣнно, что и христіанство имѣло сильное вліяніе на ослабленіе мести; случаи замѣны мести выкупомъ по закону (при бѣгствѣ преступника) и по условію съ мстителемъ, дѣлались чаще. Послѣднее не служитъ отрицаніемъ уголовнаго характера мести, ибо прощеніе преступнику (съ условіемъ имущественныхъ взысканій) совершалось при участіи общества, на что указываетъ обрядъ *покоры,* извѣстный не только у западныхъ славянъ, но и у русскихъ (галичанъ). Уже при Владимирѣ I осуществленіе мести было рѣдкимъ явленіемъ; тогда, при рѣшеніи вопроса о наказаніи за разбой, рѣчь шла о выборѣ

между казнью и вирой, безъ упоминанія о мести. Хотя месть не исчезла до второй половины XI в., какъ видно изъ Ярославовой Правды и лѣтописныхъ фактовъ, но практическое ослабленіе ея дало возможность князьямъ — Ярославичамъ отмѣнить ее закономъ: «послѣ Ярослава собрались сыновья его и отложили убіеніе за голову, и предписали выкупаться деньгами» (Кар. 2); примѣненіе мести на Бѣлоозерѣ, записанное въ лѣтописи подъ 1070 г., не можетъ служить подтвержденіемъ той мысли, будто Ярославичи отмѣнили не месть, а смертную казнь, установленную Владимиромъ; послѣдняя отмѣнена самимъ Владимиромъ; случай на Бѣлоозерѣ только *записанъ* подъ 1070 г. Несмотря на указанныя ограниченія мести, одно существованіе ея указываетъ на важнѣйшее *значеніе частнаго лица* въ сферѣ уголовнаго права.

Денежные штрафы. Въ мести сливались нераздѣльно частный и общественный элементы наказанія; какъ скоро месть замѣнена денежными штрафами, то оба элемента тотчасъ выступаютъ въ своей раздѣльности; штрафы дѣлятся на уголовные (въ пользу общественной власти) и частное вознагражденіе потерпѣвшему; именно: за убійство — *вира* (въ пользу князя) и *головничество* (потерпѣвшему); за прочія преступленія *продажа* (князю) и *урокъ* (потерпѣвшему).

Вира и головничество. Слово «вира», не встрѣчающееся въ другихъ славянскихъ языкахъ, считаютъ заимствованнымъ изъ нѣмецкаго языка (Wehrgeld); но корень его находится во множествѣ языковъ (между прочимъ въ финскомъ). Уголовное значеніе виры извѣстно со временъ Владимира: когда онъ,

по совѣту епископовъ, началъ было казнить разбойниковъ, то дума представила ему, что это не выгодно, ибо вира даетъ средства для пріобрѣтенія оружія и коней (Лавр. лѣт. подъ 996 г.). По Правдѣ Ярослава вира взимается въ томъ случаѣ, если нѣтъ мстителя (Ак. 1); Ярославъ установилъ «урокъ» (таксу) въ пользу вирника, собиравшаго виры на князя (Ак. 42). Для XII в. уголовное значеніе виры не подлежитъ сомнѣнію: въ Суздальской землѣ княжескіе чиновники притѣсняютъ народъ вирами и продажами. Вира взыскивалась не всегда съ одного преступника, но иногда съ общины — *верви*, къ которой онъ принадлежитъ; въ такомъ случаѣ она называлась *дикою вирой* и взыскивалась въ двухъ случаяхъ: а) если совершено убійство не предумышленное и преступникъ состоитъ съ членами своей общины въ круговой порукѣ; б) если совершено убійство предумышленное, но община не разыскиваетъ убійцы (прикрываетъ его и не выдаетъ). Въ первомъ случаѣ вервь платитъ съ участіемъ самого преступника (въ соотвѣтственной долѣ); во второмъ случаѣ уплата виры разсрочивается на нѣсколько лѣтъ (Кар. 4). Происхожденіе круговой поруки изъясняютъ иногда изъ полицейски-финансовыхъ цѣлей государства, т. е. изъ стремленія князей получать доходъ отъ преступленій во всякомъ случаѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ заставить общины предупреждать преступленія. Но оба эти соображенія могли явиться лишь впослѣдствіи, при значительномъ развитіи государственной власти; первоначально же круговая порука не есть искусственное государственное учрежденіе, а возникаетъ повсюду, какъ изъ имущественной и личной солидарности

родовыхъ и территоріальныхъ общинъ, такъ еще болѣе изъ права общинъ выдавать или не выдавать преступниковъ для наказанія. Съ ослабленіемъ значенія частнаго лица (съ уничтоженіемъ мести) возвышается *значеніе общинъ* въ сферѣ уголовнаго права. — Высота виры постоянна: за свободныхъ людей вообще 40 гривенъ, за лицъ привилегированныхъ — 80 гривенъ, за жену — 20 гривенъ; столько же за увѣчье по 3-й Правдѣ. Высота головничества не опредѣляется закономъ; только при изувѣченіи назначается опредѣленное вознагражденіе, именно въ половину противъ уголовнаго штрафа (10 гривенъ; Кар. 22).

Продажа и урокъ. Уголовное значеніе продажи видно изъ нѣкоторыхъ приведенныхъ фактовъ относительно виры; во 2-й Правдѣ оно вполнѣ ясно, напримѣръ, изъ слѣдующаго: «а оже лодью оукрадеть, то за лодью платити 30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ» (Ак. 34). 3-я Правда не оставляетъ въ томъ никакого сомнѣнія (см. Кар. 23, 25, 33, 43, 132 и др.). Цифры продажи постоянны; именно: 12 гривенъ (за убіеніе вора безъ требованія обороны, оскорбленіе чести, лишеніе свободы, за кражу холопа и бобра, за истребленіе коня и скота, за порчу межъ); 3 гривны (и 30 кунъ) за всѣ прочія преступленія, кромѣ самыхъ маловажныхъ, за которыя взыскивалось 60 кунъ или рѣзанъ. — Урокъ таксированъ въ законѣ относительно преступленій личныхъ, наносящихъ физическій вредъ (за зубъ Кар. 79, — за палецъ Кар. 23, — за рану — Кар. 25 по 1 гривнѣ), за преступленія противъ чести Русская Правда не даетъ такой таксы; между тѣмъ какъ церковный уставъ Ярослава содержитъ подробную оцѣнку чести.

При преступленіяхъ имущественныхъ или возвращается вещь, или цѣна ея, назначенная въ законѣ (Кар. 40, 41, 42). — Денежные штрафы въ опредѣленномъ количествѣ ихъ могли имѣть правильное уголовное значеніе лишь въ періодъ экономическаго равенства. При несостоятельности преступника должна была явиться *замѣна ихъ уголовными наказаніями*, что дѣйствительно и находимъ прямо въ правахъ другихъ народовъ (напр. сербскаго) и въ позднѣйшемъ русскомъ правѣ. Высшій штрафъ, именно вира, уплачиваемая безъ помощи общины, обыкновенно былъ не подъ силу для одного преступника; а потому въ 3-й Правдѣ она и замѣнена уже въ законѣ потокомъ.

Потокъ и разграбленіе. Потокомъ называется лишеніе личныхъ правъ, а разграбленіемъ — лишеніе правъ имущественныхъ; и то и другое составляютъ одно наказаніе, а не два вида наказаній; хотя въ одномъ случаѣ (Троиц. 30) упомянутъ одинъ потокъ безъ разграбленія (именно за конокрадство); но въ другомъ случаѣ терминъ: «поточити» употребленъ въ смыслѣ разграбленія (Троиц. сп. ст. 79: за поджогъ изъ разграбленнаго имущества преступника прежде всего удовлетворяется потерпѣвшій, а «въ остальномъ князю поточити»). Потокъ и разграбленіе не только замѣнили виру за предумышленное убійство, но и распространены на конокрадство и поджогъ, а практика распространяла это наказаніе и на политическія преступленія; несомнѣнно, что и за татьбу при несостоятельности слѣдовало тоже. — Первоначально потокъ и разграбленіе имѣли неопредѣленное значеніе: съ лишеннымъ правъ и его семьею можно было сдѣлать, что

угодно; напримѣръ, въ Новгородѣ въ 1209 г. «Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажьгоша, а житие ихъ поимаша, а села ихъ распродаша и челядь». Въ 1230 г. тамъ же «заутра убиша Смена Борисовиця, а домъ его всь розграбиша, и села, а жену его яша». Разграбленное имущество иногда дѣлили «по всему городу по 3 гривны»; въ княжествахъ оно поступало князю. При тѣсной солидарности имущественныхъ и личныхъ правъ семьи, естественно страдали жена и дѣти, при чемъ однако могло слѣдовать и предположеніе о ихъ соучастіи въ преступленіи мужа и отца ц, по крайней мѣрѣ, о пользованіи плодами его. — Изъ этой неопредѣленной сущности потока развились, уже въ эпоху Русской Правды, всѣ *виды уголовныхъ каръ*. — А именно:

а) Наказанія, обращенныя на свободу: *изгнаніе* и *ссылка;* напримѣръ, въ 1024 г. Ярославъ «изъимавъ волхвы, расточи, а другыя показни»; князь Мстиславъ въ 1129 г. «поточи князи полотьскыѣ Цесарюгороду с женами и съ дѣтьми (въ грекы)». *Заключеніе;* напримѣръ въ 1141 г. «и затоциша Якуна въ Чюдь съ братомь, оковавъше и руцѣ къ шьи». *Обращеніе въ рабство;* въ договорѣ съ нѣмцами 1229 г. (ст. 11) говорится: «если князь разгнѣвается на своего человѣка и отниметъ все — жену и дѣтей въ холопство, то платить напередъ его долги нѣмцамъ».

б) Наказанія, обращенныя на здоровье: *болъзненныя* и *членовредительныя;* вмѣсто словъ: «на потокъ» въ нѣкоторыхъ спискахъ Русской Правды стоитъ «на бой», что, по мнѣнію Н. В. Калачова, можетъ означать не только побои, но и смертную казнь.

в) *Смертная казнь.* Фактическія указанія на примѣненіе смертной казни относятся къ древнѣйшимъ

временамъ; извѣстно свидѣтельство арабскихъ писателей о томъ, что Руссы казнятъ воровъ чрезъ повѣшеніе. При Владимирѣ I временно была введена смертная казнь за разбой. Въ Кіевѣ «разгнѣвався князь (Ростиславъ), повелѣ связати ему (Григорію Чудотворцу) роуци и нози и камень на выи его обѣсить и въврещи в воду, и тако потопленъ бысть». Въ Новгородѣ въ 1141 г. «Якуна мало не до смерти убиша, обнаживъше, яко мати родила, и съвергоша и съ моста; нъ Богъ избави, прибрьде къ берегу и болѣ его не биша». Тамъ же въ 1228 г. «възмятеся весь городъ, и поидоша съ вѣца въ оружии... на Душильця — на Липиньского старосту, тамо послаша грабить, а самого хотѣша повѣсити, нъ ускоци къ Ярославу». Въ 1224 г. тамъ же сожгли 4-хъ волхвовъ за волшебство. Во многихъ изъ этихъ случаевъ можно видѣть расправу разгнѣваннаго народа или князя,— месть за государственныя и религіозныя преступленія, при чемъ непосредственно оскорбленнымъ и мстителемъ является само государство или его представитель — князь (въ такомъ видѣ и зарождается первоначально кара за государственныя преступленія).— Но есть свидѣтельства о назначеніи смертной казни по рѣшенію обыкновенныхъ судовъ: въ житіи Григорія Чудотворца разсказывается, что пришли къ нему трое, изъ которыхъ двое искушали его, ложно говоря о третьемъ; «это другъ намъ; онъ осужденъ на смерть; просимъ тебя спасти его, дай ему, чѣмъ искупиться отъ смерти«. Этотъ случай показываетъ, что смертная казнь назначаема была при несостоятельности преступника. Подобный же случай разсказывается въ житіи Агапита, къ которому привели уже не мнимо, а дѣйствительно осужденнаго на смерть,

Классическое мѣсто поученія Мономаха имѣетъ двойственный смыслъ: «не убивайте, ни повелѣвайте убити его, *аще будетъ повинетъ смерти*»; очевидно, суды могли приговаривать къ смерти. Но это же самое поученіе показываетъ, что смертная казнь противорѣчила національнымъ воззрѣніямъ русскихъ и что послѣдующее чрезмѣрное развитіе ея можетъ быть изъяснено лишь внѣшними вліяніями, прежде и болѣе всего византійскаго права, а потомъ татарскихъ обычаевъ; какъ разъ церковные суды рано начали примѣнять членовредительныя наказанія и, вѣроятно, смертную казнь.

Такъ развивались виды наказаній одинъ изъ другого: въ случаѣ невозможности примѣненія мести, наступали денежные выкупы; въ случаѣ несостоятельности имущественной — наступали уголовныя кары.

XVIII. ОТРАЖЕНІЕ ЭКОНОМИЧЕСКАГО БЫТА ВЪ «РУССКОЙ ПРАВДѢ».

(Изъ статьи *М. Н. Покровскаго*).

А. Землевладѣніе—удобный показатель степени экономическаго развитія общества. Земля позже всѣхъ другихъ предметовъ становится собственностью человѣка, и если у какого-нибудь народа мы встрѣчаемъ землевладѣніе, это значитъ, что мы имѣемъ дѣло съ народомъ въ извѣстной мѣрѣ культурнымъ. По поводу земельной собственности у русскихъ славянъ въ наукѣ высказывались различныя мнѣнія. Сторонники гипотезы родового быта утверждаютъ, что русскіе временъ «Правды» знали только родовое землевладѣніе: «Частная собственность состоитъ только изъ міра движимыхъ вещей», говоритъ В. Никольскій («О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ», стр. 376). «А потому и Правда ничего не говоритъ о наслѣдованіи земли, которая еще не сдѣлалась предметомъ частнаго освоенія». «Правда не содержитъ въ себѣ никакихъ постановленій о пріобрѣтеніи или отчужденіи земли. Она различаетъ только земли по способу обладанія ими, на занятыя и пустопорожнія, изъ которыхъ первыя, какъ видно, были отмежеваны и назывались, по способу занятія, ролейными или бортными» (стр. 331). Дальше описывается способъ занятія зе-

мли *родомъ*, превратившимся путемъ естественнаго размноженія въ патріархальную общину.

Совершенно противоположнаго взгляда держался Ив. Бѣляевъ. Существованія родового быта въ древней Руси онъ вовсе не признавалъ. Рядомъ съ общинными землями — т. е. въ сущности находившимися также въ частномъ владѣніи, только не личномъ, а коллективномъ, — онъ признавалъ существованіе земель отдѣльныхъ лицъ, которыя пріобрѣли ихъ путемъ расчистки дикихъ полей и лѣсовъ. Такія земли составляли полную наслѣдственную собственность этихъ лицъ, вслѣдствіе чего Бѣляевъ и называетъ ихъ *вотчинными* землями.

Въ Правдѣ есть нѣсколько статей, имѣющихъ отношеніе къ землевладѣнію. Въ статьѣ 99-й (Троицкаго списка), гдѣ идетъ дѣло о судебныхъ пошлинахъ («оуроци судебнии»), говорится о пошлинѣ въ 30 кунъ «отъ бортноѣ земли» (въ Карамзинскомъ спискѣ прибавлено въ ст. 118: «а отъ роелнои (ролеиной) земли такожь»), — т. е., очевидно, съ тяжбы о бортной землѣ. Ниже, въ ст. 101-й, опредѣляются пошлины присяжныя, съ дѣлъ рѣшаемыхъ присягой, и тоже говорится о пошлинѣ съ тяжбы о бортной и пахатной (ролейной) земли. Значитъ, пашня и бортное угодье могли быть предметомъ тяжбы, — а стало-быть, вопреки мнѣнію Никольскаго, и предметомъ пріобрѣтенія или отчужденія. Но, можетъ-быть, эти земли составляли не личную, а родовую собственность? Прямого указанія на это въ Правдѣ нѣтъ; но нѣкоторыя статьи, имѣющія косвенное отношеніе къ этому вопросу, гораздо легче согласимы съ индивидуальной, чѣмъ съ родовой собственностью. Въ ст. 39 говорится о кражѣ жита съ

гумна или изъ ямы, и вознагражденіе потерпѣвшему опредѣляется въ такихъ выраженіяхъ: «а оу *него же* погибло, то оже будеть лице, лице поіметь, а за лѣто возметь по полугривнѣ». Статья 78-я гласитъ: «А въ сѣнѣ и въ дровѣхъ 9 кунъ, а *господину* колико боудеть возъ оукрадено, то имати *ему* за возъ по 2 ногатѣ». Ясно, что по крайней мѣрѣ продукты земли — жито, сѣно, дрова — составляли личную собственность. Съ родовымъ землевладѣніемъ это вовсе несовмѣстимо: тамъ на землѣ работаетъ сообща весь родъ, и всѣ продукты принадлежатъ всѣмъ родичамъ въ совокупности. При существованіи общины, конечно, можно допустить раздѣльное пользованіе продуктами, потому что въ этомъ случаѣ каждый работаетъ на своемъ участкѣ. Но въ Правдѣ есть статьи, которыя даже и это послѣднее предположеніе дѣлаютъ сомнительнымъ: ст. 65-я «Аже межю перетнеть бортьную, іли ролеіную разореть..... то 12 гривенъ продажи»; ст. 66-я «Аже дубъ подотнеть знаменьныи или межьныи, то 12 гривенъ продажи». Здѣсь наивысшимъ, какой только упоминается въ Русской Правдѣ, штрафомъ карается самовольное уничтоженіе границы: слѣдовательно, это считалось очень тяжкимъ проступкомъ, т. е. чувство собственности было развито довольно сильно по отношенію къ землѣ. Врядъ ли въ общинѣ, съ ея частыми передѣлами, могло быть что-либо подобное: тамъ земля, de iure, принадлежитъ всѣмъ, хотя и раздѣлена на участки, находящіеся въ пользованіи отдѣльныхъ лицъ; въ западно-европейскихъ общинахъ среднихъ вѣковъ существовалъ даже обычай — снимать загородки, отдѣлявшія участки одинъ отъ другого, послѣ жатвы. (См. *Maurer* „Einleitung

zur Geschichte der Mark etc. Verfassung", S. 76). Разрушеніе такой временной, условной межи не могло считаться особенно важнымъ правонарушеніемъ. Притомъ, тяжба по такому поводу могла произойти только между сосѣдями односельчанами, т. е. членами одной общины: въ такомъ случаѣ ее разбиралъ бы общинный судъ, а не княжескій судья, какъ это было въ дѣйствительности. Какъ видимъ, есть основаніе предположить, что здѣсь рѣчь идетъ о частной собственности. Возможно даже, что не только бортныя угодья или пашня, но даже лѣсъ и лугъ были предметомъ личнаго владѣнія. Что такое «знаменьныи» или «межьныи дубъ» статьи 66-й? М. Ф. Владимирскій-Будановъ считаетъ «знаменьныи» дубъ — бортью (клейменой), а «межьныи» деревомъ, обозначающимъ границу луговъ, но не приводитъ никакихъ доводовъ въ пользу своего мнѣнія. Быть-можетъ, такъ называлось то дерево, которое обозначало границу лѣсного участка. Нѣкоторое указаніе даетъ и ст. 78-я: здѣсь украденное сѣно и дрова вычисляются *возами*. Законъ, стало-быть, имѣлъ въ виду такой случай, когда пропадаетъ большое количество дровъ или сѣна. Но увезти нѣсколько возовъ того или другого изъ мѣста, гдѣ они были сложены, — операція хлопотливая и очень замѣтная; если принять въ расчетъ малую цѣнность продукта, то придется признать, что такъ трудиться и рисковать изъ-за такой ничтожной прибыли врядъ ли могли найтись охотники: наоборотъ, выкосить нѣсколько возовъ сѣна, или сдѣлать большую порубку можно постепенно, и, при плохомъ надзорѣ, незамѣтно. А это толкованіе 78-й статьи, конечно, предполагаетъ владѣльца лѣса или луга.

Все это только предположенія: но нужно замѣтить, что о недвижимыхъ имуществахъ Правда говоритъ вскользь, на что, быть-можетъ, были какія-либо особыя основанія. Во всякомъ случаѣ, въ разбираемомъ памятникѣ довольно ясно обнаруживаются слѣдующіе виды частной недвижимой собственности: 1) дворъ (ст. 65 и 79 *), 2) по всей вѣроятности, — пашня и угодья и 3), можетъ-быть, лугъ и даже лѣсъ (по крайней мѣрѣ, болѣе цѣнныя породы, напр. дубъ) **).

Б. Движимость. О движимыхъ имуществахъ Правда говоритъ гораздо больше, нежели о недвижимыхъ, и гораздо подробнѣе. Среди движимости первое мѣсто, по цѣнности, занимаетъ *челядь*, рабы. Холопъ цѣнился въ $2^1/_2$ раза дороже самаго дорогого вида скота, — лошади: за убитаго холопа (ст. 13) хозяину платилось 5 гривенъ вознагражденія, а за лошадь 2 гривны (ст. 40). Этой сравнительной дороговизной рабовъ объясняются и тѣ особыя гарантіи, какими было обставлено ихъ пріобрѣтеніе. Покупка холопа совершалась съ нѣкоторыми формальностями, въ присутствіи свидѣтелей, *послуховъ*, которые выслушивали сдѣлку (ст. 102): этимъ замѣнялся письменный актъ. Чтобы съ точностью обозначить моментъ, когда купленный рабъ становится собственностью покупщика, была установлена (вѣроятнѣе всего, обычаемъ, а не правительствомъ) символическая передача на мѣстѣ торга небольшой суммы денегъ, ногаты (монета въ $2^1/_2$ куны$=^1/_{20}$ гривны), въ знакъ того, что плата получена и покупщикъ можетъ взять холопа: «а ногату дасть передъ

*) Также 96, 94.

**) Срв. выше мнѣніе Н. Л. Дювернуа на стр. 477.

самѣмъ холопомь». Рабъ былъ привилегированной собственностью, которую законъ особенно строго охранялъ: если кто, даже неумышленно, по оплошности, поможетъ холопу бѣжать, то платитъ штрафъ, и, притомъ, очень большой: 4 или 5 гривенъ (за рабу, см. ст. 107). А если кто сознательно, зная, что холопъ бѣглый, дастъ ему хлѣба или укажетъ дорогу, тотъ платитъ господину такое же вознагражденіе, какое заплатилъ бы за убійство этого холопа, — 5 гривенъ (ст. 106. Ср. ст. 11, 13) *). За кражу (равнымъ образомъ и за убійство) холопа полагается очень высокій штрафъ — 12 гривенъ, — выше котораго въ Правдѣ и нѣтъ (ст. 34). При этомъ розыскъ укравшаго ведется гораздо настойчивѣе и тщательнѣе, чѣмъ розыскъ человѣка укравшаго какую-нибудь вещь. Если украденная вещь была продана, покупщикъ могъ сказать, что онъ не знаетъ, у кого купилъ, и, отдавъ вещь, отдѣлаться отъ всякой дальнѣйшей отвѣтственности, если фактъ покупки былъ подтвержденъ 2 свидѣтелями или сборщикомъ податей (ст. 32). Если украденъ былъ челядинъ, то купившій его не могъ отдѣлаться такимъ образомъ: «а то есть не скотъ, нѣ лзѣ рчи: не вѣдѣ, оу кого есмь купилъ» (ст. 33): это не скотъ, нельзя сказать: не знаю, у кого купилъ — очевидно, потому, что при сдѣлкѣ на холопа всегда бываютъ послухи

---

*) Впрочемъ, въ статьѣ 26-й за укрывательство бѣглаго челядина, т. е. за болѣе тяжкую вину, караемую штрафомъ въ 3 гривны, не назначено никакого вознагражденія хозяину, если убѣжавшій налицо. Это даетъ поводъ думать, что и по ст. 106—107 вознагражденіе платилось только въ такомъ случаѣ, если холопу, *благодаря оказанной ему помощи*, удавалось совсѣмъ скрыться отъ хозяина.

(ст. 102). Въ этомъ случаѣ «сводъ», т. е. отыскиваніе вора, всегда идетъ до конца (исключеніе см. въ ст. 35).

Цѣнность холоповъ опредѣлялась ихъ экономическимъ значеніемъ, или же большею или меньшею трудностью ихъ замѣны: за ремесленника (ст. 12), за раба — дядьку (кормилця, ст. 14), за сельскаго тіуна (приказчика) полагалось 12 гривенъ вознагражденія; за простого холопа — 5 гривенъ. Раба почему то цѣнилась нѣсколько дороже холопа — въ 6 гривенъ; объясненія этому, можетъ-быть, нужно искать въ извѣстіи Ибнъ-Фодлана, — что невольницы составляли главную статью русской отпускной торговли того времени. Особенно высоко оцѣнены княжескіе: конюхъ и поваръ, — если только это были рабы, а не свободные служители, какъ можно подумать, судя по высотѣ вознагражденія (или виры?) — 40 гривенъ (ст. 9).

Изъ другихъ видовъ движимости, Правда больше всего говоритъ о скотѣ и домашней птицѣ (ст. 27—30; 37; 38—41; 53; 56—77). Выше всего цѣнились лошади: конь, т. е. жеребецъ, въ 2 гривны (а княжескій даже 3), кобыла въ 60 кунъ (= 1 гривна 10 кунъ; въ Троицкомъ спискѣ, вслѣдствіе описки, стоитъ 7 кунъ). Волъ стоилъ гривну, корова — 40 кунъ ($^1/_3$ гривны) и проч. (см. ст. 40 и 41). Охотничій ястребъ или соколъ былъ въ одной цѣнѣ съ воломъ — за него взыскивалась гривна (ст. 75), тогда какъ за голубя или курицу брали 9 кунъ, за утку, гуся, лебедя или журавля — 30 (ст. 76—77). Здѣсь, очевидно, какъ и въ нормировкѣ вознагражденія за рабовъ, имѣла вліяніе большая или меньшая трудность замѣны утраченной собственности: дресспро-

ванную охотничью птицу труднѣе найти, чѣмъ курицу или гуся.

Любопытный видъ собственности мы встрѣчаемъ въ статьѣ 62-й: «Аже украдеть кто *бобръ,* то 12 гривенъ (т. е. продажи)». Очевидно, бобръ, животное не домашнее, попалъ въ разрядъ частной собственности, благодаря особеннымъ условіямъ, въ которыхъ находилась Русь этой эпохи. Здѣсь мы находимъ вліяніе важнѣйшаго фактора экономической жизни русскихъ славянъ, — заграничной торговли: русская земля тогда была главнымъ мѣховымъ рынкомъ для Византіи и Востока. Вліяніе этого фактора вообще очень сильно отразилось на «Русской Правдѣ», — результатомъ его явился цѣлый рядъ постановленій, очень характерныхъ для того общества, которое ихъ выработало. Это — статьи, касающіяся капитала, къ которымъ мы теперь и переходимъ.

Прежде всего останавливаютъ на себѣ вниманіе названія денегъ, встрѣчающіяся въ Русской Правдѣ. Въ древнѣйшихъ статьяхъ (напр. Акад. 14, 17) мы находимъ слово «скотъ» съ несомнѣннымъ значеніемъ металлическихъ денегъ: «Аще боудеть обидя не вдалъ боудеть достоино емоу свои *скотъ,* а за обиду *3 гривны*» (Акад. 14. Ср. тамъ же 17.), или: «А иже изломить копье, любо щитъ, любо портъ, а начнеть хотѣти его деръжати оу себе, то пріати *скота* оу него; а иже есть изломилъ, аще ли начнеть примѣтати, то *скотомъ* емоу заплатити колько далъ боудеть на немъ». Это названіе мѣновой единицы (встрѣчающееся и въ другихъ языкахъ — нпр. pecunia) славяне принесли съ собою, вѣроятно, изъ прикарпатской области, когда еще скотоводство было ихъ главнымъ занятіемъ. Осѣвши на торговомъ пути изъ Варягъ

въ Грѳки, славяне быстро втянулись въ кругъ торговыхъ сношеній Византіи и восточныхъ народовъ, и изъ скотоводовъ стали купцами и промышленниками. Лѣсистый характеръ занятыхъ ими областей опредѣлилъ предметъ ихъ торговли и промысловъ: это были (не считая невольниковъ) мѣха, медъ и воскъ,— особенно мѣха. Съ этимъ связано появленіе новой мѣновой единицы, — куницы или «куны», — всего чаще встрѣчающейся въ Правдѣ. Этими двумя названіями выразились два слоя экономическихъ понятій русскихъ славянъ. Само собою разумѣется, что въ Правдѣ они сохранили только значеніе терминовъ: «куны» — это деньги вообще, «скотъ» — серебро.

Но вліяніе заграничной торговли выразилось не въ однихъ терминахъ: она вызвала цѣлый экономическій переворотъ, слѣды котораго мы также находимъ въ Правдѣ. Этотъ переворотъ заключался въ быстромъ переходѣ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, слѣдствіемъ чего являются двѣ особенности «Русской Правды», весьма необычныя для первобытнаго общества: выдающееся и отчасти даже привилегированное (ст. 44) положеніе въ обществѣ купцовъ, какъ владѣльцевъ денежнаго капитала, и рядъ узаконеній о ростѣ, показывающихъ, что этотъ вопросъ былъ въ то время очень разработанъ. Въ самомъ полномъ изъ дошедшихъ до насъ списковъ Правды число постановленій, относящихся къ росту, доходитъ до 23 (Карамз. сп. ст. 47—67, 69, 111). Ростъ («рѣзъ») былъ очень высокъ, несмотря на старанія правительства (дѣйствовавшаго въ этомъ случаѣ, вѣроятно, подъ вліяніемъ церкви, всегда возстававшей противъ ростовщичества) его ограни-

чить (ст. 48, 66, 69): 20% (а можетъ быть и 40) считались вполнѣ законною прибылью *): «Аже кто емлеть по 10 кунъ отъ лѣта на гривну, то того не отмѣтати» (ст. 49). Въ статьѣ 49-й и слѣд., до 65, по Карамз. списку вычисляется примѣрно приплодъ различнаго скота,— т. е. тоже своего рода ростъ, та прибыль, какую могъ принести скотъ. Съ 22 овецъ за 12 лѣтъ приплодъ, по этому счету, равняется: 90112 овецъ и столько же барановъ, что на деньги составляло 45055 гривенъ кунъ. Конечно, это примѣрный расчетъ: «нѣтъ никакой вѣроятности, чтобы долги взыскивались по такому расчету въ дѣйствительности», говоритъ М. Ф. Владимирскій-Будановъ. Но какъ бы то ни было, самое существованіе такого расчета показываетъ дороговизну капитала, все равно, заключался ли онъ въ деньгахъ, или въ скотѣ

Изъ другихъ постановленій о ростѣ любопытна статья 111. Здѣсь говорится, что «рѣзъ» съ капитала, принадлежащаго сиротамъ, идетъ опекуну: «а что срѣзить товаромъ или пригостить, то то ему себѣ» — въ вознагражденіе за содержаніе сиротъ: наоборотъ «оже отъ челяди плодъ или отъ скота, то все поимать лицемъ». Повидимому, въ такомъ разграниченіи двухъ родовъ прибыли выразился взглядъ общества на происхожденіе собственности: чтобы получить прибыль на деньги или товаръ, надо торговать, гостить, т. е. хлопотать и трудиться: вотъ почему такую прибыль считали справедливѣе отдать опекуну, трудами котораго она пріобрѣтена. Наоборотъ, приплодъ отъ челяди или скота является самъ

*) Здѣсь можетъ быть споръ о томъ, идетъ ли тутъ рѣчь о болѣе древней кунѣ ($^1/_{25}$ гривны) или о новѣйшей ($^1/_{50}$ гривны)? Въ первомъ случаѣ законный ростъ = 40%, во второмъ — 20%.

собою, хозяинъ тутъ ни при чемъ: такую прибыль можетъ получить и человѣкъ не трудящійся. Здѣсь сказалось представленіе о собственности, какъ о результатѣ труда, представленіе, не чуждое самымъ первобытнымъ народамъ: даже дикари, у которыхъ все имущество составляетъ собственность цѣлаго племени, признаютъ за отдѣльнымъ лицомъ права на оружіе и одежду, которыя онъ самъ сдѣлалъ.

XIX. ВНУТРЕННЯЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА.

(*М. С. Грушевскій.* «Очеркъ исторіи Кіевской земли». Кіевъ 1891).

Мономахъ достигъ небываlаго въ эпоху очереднаго порядка княжескаго владѣнія (время между половиной XI-го и началомъ XIII-го вѣка) могущества и вліянія. Онъ соединилъ въ своихъ рукахъ, или, вѣрнѣе въ рукахъ своей семьи, по крайней мѣрѣ три четверти тогдашней Руси, при чемъ эти владѣнія составляли сплошную территорію. При этомъ онъ уже не удовлетворялся относительно другихъ князей положеніемъ перваго между равными; формулу великокняжеской власти «въ отца мѣсто», формулу очень неопредѣленную, онъ приложилъ къ нимъ, такъ сказать, въ наибольшемъ ея объемѣ. Онъ требуетъ отъ прочихъ князей настоящаго повиновенія: такъ Ярославу Святополчичу онъ приказываетъ являться на зовъ: «и наказавъ его Володимеръ о всемъ, веля ему къ собѣ приходити, когда тя позову»; Глѣбу возвращаетъ удѣлъ подъ условіемъ полнаго повиновенія: «и обѣщася Глѣбъ (Всеславичъ) по всему послушати Володимера», а не просто спокойствія; черниговскіе князья участвуютъ въ походахъ, предпринимавшихся въ частныхъ интересахъ Мономаха. То же властное отношеніе видимъ мы по отношенію къ новгородской общинѣ: «приведе Володимиръ съ Мьстиславомь вся бояры новгородьскыя

Кыеву, и заводи я къ честьному хресту, и пусти я домовь, а иныя у себе остави; и разгнѣвася на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрьчю, и на сочьскаго на Ставра, и затоци я вся». Но при этомъ Мономахъ политику свою облекаетъ въ совершенно легальную форму и старается всегда имѣть общественное мнѣніе на своей сторонѣ; любопытнымъ примѣромъ служитъ столкновеніе его съ Ярославомъ: правда была едва ли не ча сторонѣ послѣдняго, а въ глазахъ общества, по крайней мѣрѣ извѣстной части его, Ярославъ является бунтовщикомъ противъ стрыя и тестя (Мстислава), и по представленіямъ лѣтописнаго свода, Богъ помогалъ смиренному Мономаху противъ надменнаго Ярослава.

Правленіе Мономаха, равно какъ и его преемника — Мстислава, было одною изъ самыхъ благополучныхъ страницъ въ исторіи Кіевщины. Благодаря ихъ политикѣ, послѣдняя все время пользовалась внѣшнимъ спокойствіемъ; ни половецкихъ набѣговъ, ни вторженій сосѣднихъ князей не слышно. Внутри, что еще важнѣе, существовала большая солидарность между княземъ и земствомъ: Мономахъ отличался необыкновенною внимательностью къ земству, къ его мнѣніямъ и желаніямъ, осуществляя послѣднія въ своей дѣятельности; онъ является идеаломъ князя-нарядника, который самъ входитъ во все, не полагаясь на отроковъ и тіуновъ, который тщательно заботится, чтобы населеніе не терпѣло обидъ отъ его помощниковъ; при дурной славѣ, которой пользовались послѣдніе, это въ князѣ было большимъ достоинствомъ. Съ населеніемъ Мономахъ обращался радушно и привѣтливо; наконецъ, въ противоположность корыстолюбивому Святополку

Изяславичу, онъ отличался большою щедростью: это была черта тоже очень симпатичная населенію и особенно дружинѣ. Имена Владимира и Мстислава сдѣлались синонимами излюбленныхъ землею князей, и потомство ихъ окружалось этимъ ореоломъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія наши о внутренней дѣятельности Мономаха и жизни страны за это время весьма скудны и случайны.

Весьма важнымъ и популярнымъ дѣломъ были сдѣланныя при Мономахѣ прибавленія *) къ «Русской Правдѣ». Прямое указаніе на принадлежность Мономаху имѣемъ только относительно закона «о рѣзѣ», которымъ былъ опредѣленъ нормальный процентъ; законъ этотъ былъ составленъ по совѣщанію съ дружиною, съ участіемъ посла отъ Олега Святославича — вѣроятно вскорѣ по вокняженіи Мономаха, въ связи съ народнымъ движеніемъ противъ евреевъ. Довольно вѣроятно предположеніе, что Мономаху принадлежатъ еще законы о должникахъ и закупахъ, которые въ огромномъ большинствѣ списковъ слѣдуютъ непосредственно за статьями «о рѣзѣ»; первые касаются банкротства, а законы о закупахъ регулируютъ отношеніе ихъ къ хозяевамъ и гарантируютъ отъ злоупотребленій со стороны послѣднихъ. Законы Мономаха такимъ образомъ имѣли цѣлью облегчить тяжелыя экономическія условія, въ которыхъ находилось современное населеніе, благодаря предшествовавшимъ набѣгамъ, усобицамъ и т. под.; Мономахъ шелъ навстрѣчу тому экономическому протесту, который населеніе заявило при его вокняженіи своимъ движеніемъ противъ евреевъ и бояръ, равнымъ об-

*) См. статью 48-ю по Троицкому списку (выше на стр. 431 и 456).

разомъ навстрѣчу церковной проповѣди противъ взиманія роста *). Мономаху же приписываютъ еще нѣкоторые законы, изъ которыхъ наиболѣе важные касаются холопства.

Въ связи съ этими экономическими мѣрами стоитъ извѣстіе Татищевскаго свода объ изгнаніи евреевъ изъ Руси. По словамъ его, кіяне просили у Мономаха управы на евреевъ, которые отняли у христіанъ всѣ промыслы и многихъ совращали въ свою вѣру; населеніе хотѣло побить евреевъ, но Мономахъ предложилъ этотъ вопросъ на обсужденіе князей. На съѣздѣ у Выдобича князья постановили выслать всѣхъ евреевъ изъ Руси и впредь не впускать, а если тайно войдутъ, вольно ихъ грабить и убивать. Евреи были немедленно высланы отовсюду, но многіе на пути побиты и ограблены своевольными: «съ сего времени жидовъ въ Руси нѣтъ, и когда которой пріѣдетъ, народъ грабитъ и побиваетъ». Ив. Малышевскій въ своемъ спеціальномъ изслѣдованіи «Евреи въ Южной Руси и Кіевѣ въ X—XII вв.» считаетъ этотъ разсказъ сочиненнымъ на

*) Вотъ что говоритъ, напр., кіевскій митрополитъ Никифоръ I, родомъ грекъ и сидѣвшій на митрополіи съ конца 1103 г. до начала 1121 г., въ поученіи въ недѣлю сыропустную:

«Очистилъ тя есть Христосъ крещеніемъ и омы твоя скверны: паки ли осквернился грѣхи? Паки ли омазася? Паки ли огниша ти струпы злобы? Прослезися, горько восплачися, воздохни, всяку потерпи страду на земли — леганіе, бдѣніе, неяденіе,—крѣпки молитвы покажи, пѣніе, милостыню къ нищимъ, отдаждь должникомъ долги. Аще ли то немощно, поне да великій рѣзъ остави, еже яко же змія изъѣдаютъ окаяніи убогія. Аще ли постишися, емлеши рѣзъ на братѣ, никоея же ти пользы бысть; постя бо ся мниши себѣ, а мясо ядый, — не мясо овчая, ни инѣхъ скотъ, ихъ же ти повелѣно, но плоть братню; рѣжа бо жилы и закалая его злымъ ножемъ — лихоиманіемъ неправедныя мзды тяжкаго рѣза». *Ред.*

основаніи извѣстія лѣтописнаго свода*) о разгромленіи евреевъ, но самый фактъ изгнанія евреевъ изъ Кіева находитъ весьма вѣроятнымъ. Было ли такое изгнаніе или нѣтъ, пока рѣшить мы не можемъ; вполнѣ вѣроятно, что погромъ 1113 г. повліялъ на уменьшеніе еврейской колоніи въ Кіевѣ, хотя евреи жили здѣсь и позже — это видно изъ существованія еврейскаго квартала «Жидовъ».

То обстоятельство, что Мономахъ владѣлъ множествомъ волостей, такъ что въ его рукахъ, напримѣръ, находился весь великій водный путь днѣпровско-балтійскій, имѣло, конечно, тоже не малое значеніе для Кіева; оно облегчало сношенія и благопріятствовало кіевской торговлѣ. Сообщеніе съ правымъ берегомъ Днѣпра было облегчено, благодаря мосту черезъ Днѣпръ, который выстроилъ Мономахъ вскорѣ по вокняженіи.

О проявленіяхъ народовластія, объ участіи народа въ управленіи лѣтописный сводъ молчитъ. Это и понятно. Народъ проявлялъ свою правительственную власть въ тѣхъ случаяхъ, когда положеніе дѣлъ казалось ему не нормальнымъ и требовало вмѣшательства. Если же этого не было, если народъ чувствовалъ довѣріе къ князю, то, полагаясь на него, предоставлялъ ему полную свободу дѣйствій. Мономахъ, а за нимъ и Мстиславъ, навѣрное, пользовались широкою властью въ землѣ, верша своею волею или только для формы справляясь съ мнѣніемъ народа въ такихъ вопросахъ, которые въ другихъ случаяхъ являются подъ контролемъ вѣча, какъ, напримѣръ, созывъ земскаго ополченія; благодаря этому, опол-

*) Ипат. подъ 1113-мъ годомъ: «кіяни же разъграбиша дворъ Путятинъ тысячьского, идоша на жиды и разъграбиша я».

ченія вѣроятно участвовали во многихъ походахъ, не имѣвшихъ прямого отношенія къ самой Кіевской землѣ.

19 мая 1125-го г. скончался Мономахъ, «братолюбець, и нищелюбець, и добрый страдалець за Русскую землю», послѣ двѣнадцатилѣтняго княженія въ Кіевѣ, на семьдесятъ третьемъ году жизни; по словамъ лѣтописнаго свода, «святителѣ же жалящеси плакахуся по святомъ и добромъ князи, весь народъ и вси людие по немъ плакахуся, якоже дѣти по отцю или по матери, плакахуся по немъ вси людие». Народъ оплакивалъ князя, «иже просвѣти Рускую землю, акы солнце луча пущая», «его же имене трепетаху вся страны».

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

КУЛЬТУРНЫЙ СТРОЙ КІЕВСКОЙ РУСИ.

XX. ПОСЛАНІЕ КІЕВСКАГО МИТРОПОЛИТА ІОАННА ВТОРОГО.

(По тексту, изданному въ VI-мъ томѣ *Русской Исторической Библіотеки.* Спб. 1880).

Кіевскій митрополитъ Іоаннъ II, грекъ, прибылъ въ Русь не позднѣе 1077 г. и умеръ въ 1089 г. Лѣтопись, говоря о его смерти, даетъ очень хвалебный о немъ отзывъ: «Бысть же Іоанъ мужь хытръ книгамъ и ученью, милостивъ убогымъ и вдовицямъ, ласковъ же ко всякому — богату и убогу, смѣренъ же и кротокъ, молчаливъ, рѣчистъ же, книгами святыми утѣшая печалныя, — и сякого не бысть преже в Руси, ни по немь не будеть сякъ». Онъ написалъ посланіе къ Іакову Черноризцу, принадлежащее къ разряду такъ называемыхъ *каноническихъ отвѣтовъ* (ἀποκρίσεις κανονικαί), какіе по временамъ писались на востокѣ предстоятелями церквей на предложенные имъ вопросы и которые являлись руководствами по дѣламъ церковнымъ на разные случаи. Слогъ посланія Іоанна II крайне невразумителенъ; содержаніе весьма разнообразно и не отличается порядкомъ. Всѣ правила, изложенныя въ посланіи, можно подраздѣлить на четыре категоріи: въ *одних* дѣло идетъ

непосредственно о вопросахъ вѣры и священнодѣйствій, въ *другихъ* — о іерархіи и вообще духовенствѣ, въ *третьихъ* о дѣлахъ брачныхъ, семейныхъ и домашнихъ, и наконецъ, въ *четвертыхъ* — объ отношеніяхъ православныхъ къ латинянамъ, евреямъ и язычникамъ. Посланіе Іоанна II — одинъ изъ источниковъ для ознакомленія съ разными сторонами культурнаго строя кіевской Руси. Вотъ наиболѣе любопытные отрывки изъ него.

Іоана, митрополита русьскаго, нареченаго пророкомъ Христовымъ, написавшаго правила церковная отъ святыхъ книгъ въ кратьцѣ Якову черноризьцю.

1) Въпросилъ еси: якоже новородившюся дѣтищю болно будеть, яко не могущу ни ссати матере прияти, достопть ли его крестити? Рекохомъ: якоже здравому въ третье лѣто или боле повелѣша святии отци ждати; незапныхъ ради въсхыщение смертное, и мнѣе сего времени обрѣтаемъ повелѣвающю. А иже отинудь болно, осмыи дний повелѣваемъ и боле сего малы. Дажь не отидуть несвершени, симъ младенцемъ во-нже день или смерть належить незапная, или в кыи часъ, крестити же болнаго сего дѣтища.

2) Доилици иноп не обрѣтающися, якоже впросилъ еси, оже за 40 денъ, и не чисту сущю матерь, да не бес кормьли оумреть младенець, достоить ли матерь свою ссати? — Луче бо оживити, нежели многымъ въздержаньемь погубити.

3) А еже емлемыя животины отъ пса, ли отъ звѣри, или отъ орла, или отъ иноя птицѣ, а оумираеть,

аще не зарѣзано будеть человѣкомъ, якоже божественнии отци повелѣша, не подобаеть ѣсти. Прилежи паче закону, неже обычаю земли. Тоже бо сблюдеши и звѣриядинымъ.

4—6) . . . . . .

7) Иже волхвованья и чародѣянья творяще, аще мужю и женѣ, словесы и наказаньемъ показати и обратити отъ злыхъ; якоже отъ зла не преложаться, яро казнити на възбраненье злу, но не до смерти убивати, ни обрѣзати сихъ тѣлесе: не бо приимаеть сего церкъвное наказанье и оученье.

8—14) . . . . . .

15) И еже жруть бѣсомъ и болотомъ и кладязямъ, и иже поимаються, безъ благословенья счетаються, и жены отмѣтаються, и своѣ жены пущають и прилѣпляються инѣмъ, иже не приимають святыхъ таинъ ни единѣю лѣтомъ, аще не отъ отца духовнаго связани будуть ни причащатися,— и ты вѣси явѣ тѣмъ всѣмъ чюжимъ быти нашея вѣры, отвержени сборныя церкви. И всею силою потщися възбранити и направляти на правую вѣру: имѣи к нимъ наказанье и поученье не единою, ни двожьдь, но различьно, дондеже увѣдають и разумѣють вопстину и добру научаться. Не покоряющеже ся и своея злобы не останучеся, чюжа имѣти отъ сборныя церкви, и нашихъ заповѣдии недостопны и непричастны.

16) Иже сходяще к мирьскимъ пиромъ и пьють, иiерейску чину повелѣвають святии отци благообразнѣ и съ благословениемъ приимати предлежащая; игранье и плясанье и гуденье входящимъ, въстати симъ, да не осквернять чювьства видѣньемъ и слышаньемь, по отечьску повелѣнью; или отинудь отмѣтатися тѣхъ пировъ, или в то время отходити,

аще будеть сблазнъ великъ и вражда несмирена пщеваньнье мниться.

17) Иже третію поялъ жену, и іерей благословилъ, вѣдая или не вѣдая, да извржеться

18) . . . . . .

19) А иже ядять с погаными не вѣдая, молитву творити на осквернень токмо, и тако приимати достоить *).

20—23). . . . . .

24) Иже в пирѣхъ пити цѣлующеся съ женами бе-смотрѣния мнихомъ и бѣлцемъ, въ 22-й главѣ иже въ Никыи второго сбора божественымъ отцемъ, повелѣвшимъ мнихомъ и іерѣмъ со инѣми богобоязнивыми и честными мужи, аще и с женами, обѣдають, да и то совокупленья на совершенье духовное да будеть. Такоже и съ ближними. И на путь шествующе требованье нудить, невъзбранно вкупѣ или в гостинници **) или въ домъ нѣкоего внидуть невъзбранно. И бѣлцемъ жены имѣюще и дѣти вкупѣ обѣдати невъзбранно, кромѣ начинанья игранья, и бѣсовьскаго пѣнья, и блуднаго глумленья: сия оубо въ опитемьи введуть, иже по смотрѣнью твоему и по образу комужьдо и по лицю наведи.

25—27) . . . . . .

28) Иже своею волею ходять к погань имъ коупля ради, и скверное ѣдять, сихъ отвѣщаваемъ въсхыщники, и лихоиманники, и неправедники, и мездники, и сребролюбца; нѣсть правило оулучая, аще и велика суть сгрѣшенья, иже имѣнья ради, или скотолюбья ради с погаными оскверняються иже с ними пребыванъемъ и дѣяньемъ, отъ церкве не възбраня-

*) Отвѣтъ 22-ой см. выше на стр. 415 — 416.

**) Срв. выше на стр. 436.

ються, но токмо молитвами и моленьемъ да очистяться, и тако причащенья благаго приимуть; но подобаеть выну наказанье имъ дати и оучити еоуангельское слово внушати: о горе вамъ, яко имя мое васъ ради хулу приимаеть въ языцѣхъ.

29) . . . . . .

30) Якоже есн реклъ, оже не бываеть на простыхъ людехъ благословенье и вѣнчанье, но бояромъ токмо и княземъ вѣнчатися; простымъ же людемъ, яко и меньшицѣ поимають жены своя с плясаньемъ и гуденьемъ и плесканьемъ, разумъ даемъ всякъ и речемъ: иже простни закони простьцемъ и невѣжамъ сн творять совкупление; иже кромѣ божествныя церкви и кромѣ благословенья творять свадбу, таинопонимание наречеться: иже тако поимаються, якоже блудникомъ епитемью дати.

31—34) . . . . . .

XXI. ПАТЕРИКЪ ПЕЧЕРСКІЙ.

(По текстамъ, изданнымъ *В. Яковлевымъ* въ «Памятникахъ русской литературы XII и XIII вѣковъ». Спб. 1872).

I.

ИЗЪ ЖИТІЯ ѲЕОДОСІЯ, ИГУМЕНА ПЕЧЕРСКАГО МОНАСТЫРЯ *).

Мѣсяца маія въ 3 день житіе преподобнаго отца нашего Ѳеодосіа игоумена печерскаго монастыря. Господи благослови отче.

. . . . . .

Градъ есть, отстоя Кіева, града столнаго, 8 поприщь, именемъ Васильевъ. В томъ бѣста родителя святого, въ вѣрѣ христіанстеи жовоуща и всякимъ благочестіемъ украшена. Родиста же блаженнаго дѣтища сего, таче въ 8-й день принесоша и къ іерею божію, якоже обычаи есть христіаномъ, да имя нарекуть дѣтищу; прозвутеръ же, видѣвъ дѣтище и сердечьныма очима прозря, еже о немъ, яко хощеть измлада богу датися, Ѳеодосіемъ того нарицаетъ.

---

*) Во введеніи къ житію (на стр. I—LXXII) авторъ пишетъ: «Си на оумѣ азъ, грѣшныи *Нестеръ*, пріимъ и оградився вѣрою и оупованіемъ (и), яко вся възможна отъ тебѣ соуть, и начатокъ слову списаніа положихъ, еже о житіи преподобнаго отца нашего Ѳеодосіа, бывша игоумена монастыря святыя владычицы нашея богородицѣ, его же день оуспеніа нынѣ празднующе и память чтемъ, се же яко же, о братіе, въспоминающю житіа преподобнаго, не соуще списано ни отъ кого же, печалію по вся дни съдержимо бѣхъ и молихся Богу, да сподобитъ мя вся пориду

Таче, яко миноуша 40 дніи дѣтищу ,крещеніемъ того окрестиша. Отроча же, кормимъ родителема своима, и благодать божія с нимъ (бѣ), духъ божіи измлада вселися в онь. Кто исповѣсть ми милосердіе Божіе. Се бо изьбра не отъ премудрыхъ философъ, ни отъ властелинъ града пастуха и оучителя инокомъ. Но да и о семъ прославиться имя господне, яко гроубъ сыи и невѣжа премудре философь явлея. О оутаенная таино, яко отъ всѣхъ странъ видѣвше свѣтѣние ея, тещи к неи, презрѣвше тоя единоя свѣта насытитися... О благости божія, еже бо исперва мѣсто назнаменовавъ и благословивъ, пажити сътвори на немъ же хотяше паствитися стадо словесныхъ овець дондеже пастуха избра. Бысть же родителема блаженнаго преселитися въ инъ градъ, Коурскъ нарицаемъ, князю тако повелѣвшу, паче же реку, сице богу изволшу, да и тамо добляго отрока житіе просіаетъ; намъ же, яко же есть лѣпо, отъ въстока деньница взыдеть, събра окрестъ себе ины

списати о житіи, богоноснаго отца нашего Ѳеодосіа» (стр. I—II); въ заключеніи авторъ опять говоритъ себѣ: «се бо, елика же быша о блаженнѣмъ и велицѣмъ отци нашемъ Ѳеодосіи, оспытовая, слышахъ отъ древнихъ мене отець, бывшихъ в то время, та же и вписахъ азъ, грѣшныи *Нестеръ*, мніи всѣхъ в манастыри преподобнаго отца нашего Ѳеодосіа, пріатъ же быхъ в онь преподобнымъ игоуменомъ Стефаномъ (срв. стр. LXII: «се же яко по умертвіи блаженнаго отца нашего Ѳеодосіа, Стефанъ же игоуменство пріимъ»), яко же отъ того постриженъ бывъ и мнишескіа одежи сподобленъ, пакы же и на діаконскіи санъ отъ него възведенъ сыи, ему же не бѣхъ достоинъ, грубъ сыи и невѣжда (невѣгласъ)... Тѣмъ же... покусихся, иже отъ гроубости сердца моего, яже о немъ слышахъ, вписахъ отъ многыхъ малая» (стр. LXIII—LXIV). Срв. ниже на стр. 553, 559 и 562. Патерикъ имѣется въ переводѣ: «Кіево-печерскій патерикъ по древнимъ рукописямъ». Въ переложеніи на современный русскій языкъ Маріи Викторовой. Кіевъ. 1870.

многи звѣзды, ожидающи солнца праведнаго христа бога, и глаголющаго: се азъ владыко, и дѣти, яже въспита духовнымъ брашномъ и се, господи, оученици мои, се бо сіа ти приведохъ и научихъ вся житейская презрѣти и тебе единаго бога и господа възлюбять. Се владыко, словесныхъ твоихъ овецъ стадо, имь же мя пастыря сътворилъ есть, еже оупасохъ на божественеи твоеи пажити, сіа ти приведохъ, съблю чистыи и непорочныи. Таче к нему господь: рабе благыи и вѣрьне, оумноживы преданныи ти талантъ; тѣмже пріими оуготованныи ти вѣнець и вниди в радость господа своего; и къ оученикомъ его речеть: пріидѣте, благое стадо, добляго пастыря словесныхъ овецъ, иже мене ради алкавше и трудившеся, пріимѣте оуготованное царство отъ сложенія миру; тѣмже и братіе потщимся ревнители быти и подражатели житію преподобнаго Ѳеодосіа и оученикомъ его, ихъ же тогда пред собою къ богу посла, да тако сподобимся гласъ онъ слышати, еже отъ владыкы и вседръжителя речеть: пріидѣте благословенніи отца моего, пріимѣте оуготованное вамъ царствіе.

Мы же паки поидемъ на перво исповѣданіе святого сего отрока. Ростыи оубо тѣломъ и душею, влекомъ на любовь божію, и хожаше по вся въ церковь божію, послоушая божественныхъ книгъ съ всѣмъ вниманіемъ; аще же и дѣтемъ играющимъ неприближающись, яко обычаи есть оунымъ, но и гнушашесь играньми ихъ. Одежа же бѣ худа и сплачена, о семъ же многажды родителема его нудящима его облещися въ одежду чисту, и на игры с дѣтми изысти; онже о семъ непослоушаше ею, но паче изволи быти, яко единъ отъ оубогихъ; к симъ же и

датися веля на оученіе божественныхъ книгъ единому отъ оучитель, якоже и створивъ скорѣ извыче вся грамоты, яко всѣмъ чюдитися о премудрости и разума дѣтища, и о скоромъ его ученіи; покореніе же его и повиновеніе кто исповѣсть, еже стяжа въ оученіи своемъ, не токмо же къ оучителю своему, но и ко всѣмъ оучяшимься. В тоже время отець его житію конець пріать. Соущу тогда божественному Θеодосію 13 лѣтъ: отъ толеже начатъ на труды подвижьнеп бытп, якоже исходити ему с рабы на село и дѣлатп съ всякымъ смиреніемъ. Мати же его оставляше и, не веляше ему тако творити, моляше же и паки облачитися въ одежу свѣтлу, и тако исходитп съ сверстники своими на игры, глаголаше бо ему, яко тако ходя оукоризну собѣ и роду своему сътвориши. Ономоу же о томъ непослоушающуся, якоже многажы отъ великія ярости разгнѣватися нань и бити и; бѣ бо и тѣломъ крѣпка *) и силна, якоже и моужь, аще лп кто, не вѣдавъ ея, ти слышаше ю бесѣдующу. то начинаше мнѣти мужа соуща. К симже паки божественныи оуноша мысляше како и кимъ образомъ спасется.

Таче слыша паки о святыхъ мѣстахъ, идѣже господь нашь плотію походи, и жадаше тамо итти и поклонитися имъ, и моляшеся господу глаголя: господи мои іисусе христе, оуслыши молитву мою и сподоби мя сходити въ святая мѣста твоя и поклонитися имъ. И тако многажды молящуся емоу, и се пріидоша странницы въ градъ тъ, их же видѣвъ божественныи юноша и радъ бысть, текъ поклонися имъ и любезно цѣлова я и въспроси откуду соуть, камо идоутъ; онем же рекшимъ, яко отъ святыхъ мѣстъ есмы, и аще бо-

*) Срв. ниже стр. 553.

гу вслящу, вспяти хоще оуже итти, святыи же моляше я, да поимутъ и вслѣдъ себе и споутника створятъ съ собою. Они же обѣщася пояти съ собою и допровадити до святыхъ мѣстъ. Таче слыша божественныи Ѳеодосіи, еже обѣщашася ему, радъ бывъ, иде в домъ свои. Егда хотяху странніи отъити, възвестиша юноши отходъ свои. Оньже вставъ нощію и навѣдущю никомоуже, тан изыде из дому своего, не имыи оу себе ни что же, развѣ одежда, в неи же хожаше и таже худа. И тако изыде вслѣдъ странныхъ. Благыи же богъ не попусти ему изыти отъ страны сея, его же отъ чрева матерня и пастыря быти въ страны сеи богоглаголанныхъ овець назнамена, да не, пастырю убо отшедшу, опустѣетъ пажить, юже богъ благослови, и терніе и волчець възрастеть на неи, и стадо разидеться.

По трехъ бо дньхъ, оувѣдавши мати его, яко съ странными отъиде, погна вслѣдъ его, токмо единаго сына своего поимши, иже бѣ мніи блаженнаго Ѳеодосіа, таче же яко погнаста поуть многъ и постигоша, яста и, и отъ ярости же и гнѣва мати его, имше и за власы, и поверже и на землю своима ногама пъхашеть и. И странныя же много укоривши, възвратися в домъ свои, яко нѣкоего злодѣа ведоущи связана. Тольми же бѣ гнѣвомъ одръжима, яко и в домоу приведши и би его, дондеже изнеможе; и по сихъ вшедши въ храмъ, и тоу привяза и, и затворивши и, тако отъиде. Божественныи же оуноша вся си с радостію пріимаше и бога моляще, благодаря о всѣхъ сихъ. Таче пришедъ по двою днію мати его, отрѣши и, и дасть ему ясти. Еще же гнѣвомъ одръжима соущи, и възложи на нози его желѣза, и тако повелѣ ему ходити, блюдоущи, да не

паки отбѣжитъ отъ нея, тако же створи дни многи ходя. Потомъ паки оумилосердися на нь, нача с молбою увѣщевати, да не отбѣжитъ отъ нея, любляше бо его зило, паче инѣхъ, и того ради не тръпяще без него. Ономоу же обѣщавшуся ей не отъити отъ нея, сняла желѣза с ногу его, повелѣвши же ему по воли творити, еже хощетъ.

Божественныи Ѳеодосіи на пръвыи подвигъ възвратися, и хожаше въ церковь божію по вся дни, ти видяше, яко многажды лишаеми соущи литургіи проскоурнаго ради непеченіа, жаляше си о томъ зило, и оумысли самъ своимъ смиреніемъ отлучити ся на то дѣло, еже и сътвори. Начатъ бо печи просвиры и продаяти, і еже аще пробоудеть ему къ цѣнѣ, то дадяше нищимъ, цѣною же пакы коупляше жито, и своима рукама измоловъ, паки просвиры творяше. Се тако богоу изволшу, да просвиры чисты приносятся въ церковь божію, отъ непорочнаго и нескверпаго отрока. Сице же пребысть двападесяте лѣта или боле творя. Вси же сверстнии его отроци, роугающися ему, оукаряхоуть и о таковѣмъ дѣлѣ, и тоже врагу на то наоучающу я, блаженныи же си вся с радостію и с молчаніемъ пріимаше. Ненавидяже добра врагъ, видя себе побѣждаема смиреніемъ благословеннаго отрока и непочиваше, хотя отвратити отъ таковаго дѣла, и се начатъ матерь его поущати, да ему възбранитъ отъ таковаго дѣла. Мати бо, не терпящи сына своего въ такои оукоризни соуща, начатъ глаголати к нему с любовію: молю ти ся, чадо, останися таковаго дѣла, хулоу на родъ свой наноспши, и нетръплю бо слышати отъ всѣхъ, оукоряему ти соущу о таковѣмъ дѣлѣ, и нѣсть бо ти лѣпо таково дѣло дѣлати. Таче смиреніемъ блаженныи оупо-

ша отвѣщеваше, глаголя: о мати, молю ти ся, послоушан: господь богъ нашь іисусъ христосъ самъ оубожися и смирися, намъ образъ дая, да и мы его ради смиримся, паки же поруганъ бысть, и оплеванъ, и заоушаемъ, и вся претерпѣвъ спасеніа ради нашего, колми паче лѣпо намъ терпѣти, да христа пріобрящемъ; а еже о дѣлѣ моемъ послоушан: егда господь нашь іисусъ христосъ на вечери възлеже съ оученикы своими, тогда вземъ хлѣбъ, благословивъ, преломль, даяше оученикомъ своимъ, глаголя: пріимѣте и ядите, се есть тѣло мое, за вы ломимо въ оставленіе грѣховъ; да аще господь нашь плоть свою нарече, та кольми паче радоватися лѣпо есть мнѣ, яко сдѣлника мя сподоби господь плоти своеи быти. Сіе слышавши мати его и чюдившися о премудрости отрока, и оттоле оставя его. Но врагъ не почиваше, остря ю на възбраненіе отрока о таковѣмъ его смиреніи. По лѣтѣ бо единѣмъ, паки видѣвши и пекоуща просвиры оучернившеся отъ ожженія печнаго, сжали си зило, паки начатъ о томъ бранити ему, овогда ласкою, овогда грозою дрогои же бьюще и да останеться дѣла таковаго. Божественныи же юноша въ скорбѣ велицѣ бѣ о томъ, и недоумѣя, что створити.

Тогда же, въставъ нощію отаи изшедъ изъ дому своего, иде въ иныи градъ, недалече соущь отъ него, и обита оу прозвітера, и дѣлааше по обычаю дѣло свое. Мати же его иска въ градѣ своемъ, и не обрѣте его, съжали си по немъ. Таче по дньхъ мнозѣхъ слышавши, гдѣ живеть, оустрѣмися по нь съ гнѣвомъ великымь, и пришедши въ преже нареченнı градъ, искавше, обрѣте и в дому прозвітерови, и имши, влечаше бьюци въ свои градъ; и в домъ свой при-

ведши, запрети ему, глаголющи, яко к тому не имаши отъити отъ мене, елико аще камо идеши, азъ шедши и обрѣтши тя, связана, бьюци, приведу в сіи градъ.

Тогда же блаженныи Ѳеодосіи моляшеся богу, по вся дни ходя в церковь божію. Бѣже смиренъ сердемъ и покоривъ къ всѣмъ, яко же и властелинъ града того, видѣвъ отрока в такомъ смиреніи и в покореніи соуща, възлюби и зило, и повелѣ же ему, (яко) да пребываетъ оу него въ церкви. Вдасть же ему одежу свѣтлу, да ходитъ в неи, блаженныи же пребысть в ней ходя мало днїи, яко нѣкую тяжесть на себѣ нося, тако пребываше, таче сънемь ю, отдасть ю нищимъ, сам же в худыя (и простыя) порты облъкся, и тако ходяше. Властелинъ же, видѣвъ и тако ходяща, и паки иную вдасть одежу, вящшю первыя, моля и, да ходитъ в неи. Онъ же снемъ, и тоу отдасть. Сице же многажды створи, якоже соудіи, то оувѣдѣвшу, больши начатъ любити и, чюдяся смиренію его. По сихъ же божественныи Ѳеодосіи, шедъ къ единому отъ кузнець, повелѣ ему желѣзо (аки чепи) сковати, иже вземъ, и препоясася имъ въ чресла своя, и тако хожаше. Желѣзу же оузку соущу и грызоущуся в тѣло его, онъ же пребываше, яко ничто же скорбна отъ него пріемля тѣлоу своему. Таче яко изшедшимъ днемъ многымъ, и бывшю дни праздничну, мати его начатъ велѣти ему облещися въ одежу свѣтлу на служеніе всѣмъ бо велможамъ града того, въ тъ день възлежащимъ на обѣдѣ оу властелина, и повелѣно бысть блаженному Ѳеодосію предстояти и слуговати, и сего ради поущашети и мати его, да облещися въ одежду чисту, наипаче, якоже слышала бѣ, еже есть створилъ. Яко же бо

ему облачающуся въ одежду чистоу, прост же сын оумомъ, не блюдыися, ея, она же прилежно зряще, хотяще истѣе видѣти, и се бо видѣ на срачици его кровь, соущу отъ выгрызенея желѣза, и раждьшися гнѣвомъ нань, и съ яростію въставши и растерзавши срачицу на немъ, бьющи же, и отъя желѣзо отъ чреслъ его; божіи же отрокъ, яко ничто же зла пріимъ отъ нея, облекся, и шедъ, слоужаше пред возлежащими съ всякою тихостію.

Таче по времени нѣкоемъ, слыша въ паки въ святѣмъ евангеліи господа глаголюща: аще кто не оставить отца и матерь, и вслѣдъ менѣ не грядеть, нѣсть мене достоинъ; и паки: пріидѣте ко мнѣ вси тружающеися и обремененіи, и азъ вы покою; възмѣте яремь мои на ся, и наоучитися отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покои душамъ вашимъ.

И сіи слышавше богодуховныи Ѳеодосіи, и разжегся божественною любовію и дыша рвеніемъ божіимъ, мысляше, како пли гдѣ постричися и оутаитися матери своея. По случаю же божію отъити матери его на село, якоже пребыти ей многіи дни, блаженныи же радъ бывъ, помолися богу, тан изыде из дому, не имыи ни что же оу себя, развѣ одежда и хлѣба мало, немощи ради тѣлесныя, и тако устремися къ Кыеву граду, бѣ бо слышалъ о манастырехъ тоу соущихъ. Не вѣдыи же пути моляшеся богу, дабы обрѣлъ спутникы, направящи его на поуть желаніа, и се, по приключаю божію, бѣша идуще поутемъ тѣмъ коупцы на возѣхъ съ бремяны тяжкы. Оувидѣвъ же блаженныи, яко в тыи же градъ идуть, прославп бога, идяше въ слѣдъ ихъ издалеча не являяся имъ. И онѣмъ же ставшимъ на ночномъ

становищи, блаженныи же недоидя, яко зрѣимо ихъ, тоу же опочиваше, единому богу съблюдающю и, и тако идыи тремн недѣлями, доиде же преженареченаго (града). Тогда же въ градъ пришедъ обходивъ вся по манастыремъ, хотя быти мнихъ, и моляся имъ да пріатъ ими боудетъ. Они же, видѣвши отрока простость и ризами же худыми облечена, не рачиша того пріати. Сеже богоу изволшу тако, да на мѣсто, идѣже отъ юности богомъ позванъ, да то же ведешеся.

Тогда же бо слышавъ о блаженномъ Антоніи, живущимъ в пещери, и окрилатевъ же оумомъ оустремися к пещерѣ и пришедъ к преподобному Антонію, его же видѣвъ, и падъ поклонися, съ слезами моляся ему, дабы оу него былъ. Великіи же Антоніи казаше и, глаголя: чадо, видиши ли печеру сію, скорбно мѣсто соущи и тѣстно, ты же оунъ сыи и, якоже мню, не имаше трыпѣти скорби на мѣстѣ семъ. Се же не токмо искушая и глаголаши, но прозрачныма очима прозря, яко тъ хотяше възградити самъ мѣстъ то и монастырь славенъ створити на събраніе множествоу чернець. Богодуховныи же Ѳеодосіи отвѣща ему съ оумиленіемъ: вѣжь честныи отче, яко проразумникъ всяческихъ, богъ, преведе мя, къ святости твоей, (спастися веля) тѣмъ, елико велише творити, створю. Тогда глагола ему блаженныи Антоніи: благословенъ богъ, чадо, оукрѣпивыи тя на се тъщание и се мѣсто боуди в немъ. Ѳеодосіи же паки падъ, поклонися ему, таче благословивъ старецъ, и повелѣ великому Никону острищи и, прозвитеру тому соущу и черноризцу искоусну, иже поимъ блаженнаго Ѳеодосіа и, по обычаю святыхъ отець остригъ его и облече его въ монаше-

скую одеждоу. (В лѣто 6540*) при князи благочестивомъ Ярослави Владимеровичи). Отець же нашъ Ѳеодосіи, весь предався богу и преподобному Антонію, и оттоле подъяшеся на троуды (дѣломъ тѣлеснымъ), бдяше по вся нощи въ словословеніи божіи, сонную тягость отгоня, къ воздержанію плоти тружаяся, рукама своими дѣлая и вспоминая по вся дни псалмъское слово: вижь смиреніе мое и троудъ мои, остави вся грѣхи моя. Тѣмь же всѣмъ душу смиряше въздражаніемъ, тѣло же паки трудомъ и подвизаніемъ дручаше, яко дивитися преподобному Антонію и великому Никону смиренію его и покоренію, толику его въ юности, благонравствоу, и оукрѣпленію, бодрости велми прослависта бога (о семъ).

Мати же его, много искавши въ градѣ своемъ и въ окрестьныхъ градѣхъ, и яко не обрѣте его, плакашеся по немъ, лютѣ бьющи перси своя, яко по мертвомъ. И заповѣдано же бысть по всеи странѣ тъ, аще кто видѣвше токоваго отрока, приведши възвестить матери его, и мздоу пріимоутъ о възвещеніи его. И се пришедши отъ Кіева, повѣдаша ей, яко преже сихъ четырехъ лѣтъ видѣхомъ и в нашемъ градѣ ходяща и хотяща острищися въ единомъ монастыри. И (в тъ часъ) слышавши она, не облѣнившися тамо итти и нимало помедлявши, ни долготы же пути оубоявшися, въ прежереченыи градъ на взысканіе сына своего, иже пришедши въ градъ тъ и, обходивъ вся монастыря, ищущи его. Послѣди же сказаша ей, яко в пещерѣ есть у преподобнаго Антоніа. Она же тамо идеть, да обрящеть его. И се нача старца лестію взыскати, глаголющи, яко да речете преподобному да изыдеть. Се бо многъ поуть гнав-

*) Т. е. въ 1032-мъ году.

ши, пріидохъ, хотящи бесѣдовати к тебѣ и поклонитися святыни твоей, и да благословена буду отъ тебе. И възвещено бысть о неи старцу, и се изыде к неи, его же видѣвши и поклонися ему. Таче сѣдшима има, начать жена пространити к нему бесѣду многу, послѣди же обави вину, ея же ради приде. Глаголаше же, молю ти ся, отче, повѣжь ми, аще здѣ есть сынъ мои; много бо жалю ради, невѣдущи, аще живъ есть. Старець же сыи простъ оумомъ, не разумивъ льсти ея, глагола ей, яко здѣ есть сынъ твои и не жали си его ради, се бо живъ есть. Тоже она к нему то что, отче, оже не вижду его; многъ бо поуть шествовавши и пріидохъ въ градъ сии, токмо же да вижу сына своего, ти тако възвращуся въ градъ свои. Старецъ же къ неи отвѣща, то аще хощеши видѣти, да идеши нынѣ в домь, и азъ шедъ оувѣщаю и, не бо рачить видѣти кого, ты же въ оутріи день пришедши, видиши его. Тоже слышавши она, отъиде, чающи въ прииидущіи день видѣти его. Преподобныи же Антоніи иде в пещеру възвести вся си блаженному Ѳеодосію; сіи же слышавъ съжали си зило, яко не може оутаитися ея. Въ другіи же день прииде паки жена, старецъ же много увѣщаше блаженнаго изыти. Тогда же старецъ ишедъ глагола ей, яко много молихъ, да изыдеть к тебѣ, и не рачить. Она же к тому оуже не смиреніемъ начатъ глаголати къ старцоу, но съ гнѣвомъ великимъ вопіаше, о ноуже старца сего, яко имыи сына моего и скрывъ и в пещерѣ, не рачитъ ми его явити. Изведи ми старче, сына моего, да си его вижю, и не терьплю бо жива быти, аще не вижю его, яви ми сына моего, да не злѣ оумроу. Се бо сама ся погублю предъ двермі печеры сея, аще не покажеши ми

его. Тогда Антонiи въ скорби велицѣ сыи, вшедъ в пещеру, моляшеть блаженнаго изыти к ней; онъ же нехотя ослоушатися старца, и иде к неи. Она же, видѣвши сына своего, в таковѣ скорби соуща, бѣ бо лице его измѣнило ся отъ многаго труда*) и въздержанія, и охапивши же ся емъ, плакася горко, і едва мало утѣшивши же ся, сѣде и начатъ оувѣщати христова слугу, глаголющи: поиди, чадо, в домъ свои, и еже ти на потребу и спасеніе души, да дѣлаеши в дому си по воли своеи, и егда оумру, ты же погребеши тѣло мое, ти тогда възвратишися в пещеру сію, якоже хощеши, не тръплю бо жива быти, не видящи тебе. Блаженныи рече к неи: (о мати), то аще хощеши мя видѣти по вся дни, иди в сіи градъ, и вшедши в монастырь женскъ и тоу остризися, и тако приходящи сѣмо, видѣти мя, к симъ же и спасеніе души пріимеши. Аще ли сего не створиши, истину ти глаголю, к тому лица моего не имаши видѣти, сими же и инѣми многыми наказаніи пребываше по вся дни увѣщевая матерь свою. Онои же о томъ нехотящи ни послушати его, і егда отхожаше отъ него, тогда же блаженныи, вшедъ в пещеру, моляшеся богу прилежно о спасеніи матери своея и о обращеніи сердца ея на послушаніе. Богъ же оуслыша молитву оугодника своего. О семъ бо пророкъ рече: близъ господь призывающимъ въ истину, и волю боющимъ ся его створить, и молитву оуслышить и спасеть я.

Въ единъ бо день, пришедши к нему мати, глагола: се, чадо, вся велимая ми тобою сътворю, и к тому не възращуся въ градъ свои, но яко богу творящу, иду въ монастырь женъскъ и остришися

*) Срв. стр. 553.

пребоуду прочая лѣта своя. Себо отъ твоего оученіа разумѣхъ, яко ничто есть свѣтъ сь маловременныи. Си слышавъ блаженныи Ѳеодосіи възрадовася духомъ и вшед исповѣда великому Антонію. (Онъ же слышавъ) прослави бога, обратившаго сердце ея на таково покаяніе и шедъ к неи много поучивъ ю, еже на пользу души, и възвестивъ о неи княгини, впусти ю в монастырь женъскъ именуемъ святого Николы и тоу пострижени ей быти, и въ мнишескую одежду обличенѣ, и пожившии же ей в добрѣ исповѣданіи лѣта многа, съ миромъ оуспе.

(И се) житіе блаженнаго Ѳеодосіа отца нашего отъ оуны връсты доселе, дондеже прінде въ пещеру мати его, сповѣда единому отъ братіи именемъ Ѳеодору, иже бѣ келарь при отци нашемъ Ѳеодосіи, *азъ же отъ него вся си слышавъ*, оному исповѣдающи ми, вписахъ на память всѣмъ почитающимъ я *).

. . . . . .

Сеи (т. е. Ѳеодосій) бо бяше по истинѣ человѣкъ божіи свѣтило в мирѣ видимое, просіавшее всѣмъ черноризцемъ, смиреннымъ смысломь и послоушаніемъ и прочими труды подвизаяся, дѣлая по вся дни рукама своима, еще же и в пещьницу часто исхожаше, и с пекоущими веселяся духомъ, тѣсто мѣсяще и хлѣбы печа. Бѣше бо, яко преже рѣхъ, крѣпокъ тѣломъ **) и силенъ. Вся стражоущая бѣ оучаше, и оукрѣпляя и оутѣшая, никакоже разслабити въ дѣлѣхъ своихъ ***) . . . . . .

Никто же его николиже видѣ на ребрѣхъ своихъ

---

*) Стр. III—XIII. См. выше примѣчаніе на стр. 541.

**) Срв. стр. 542, 543 и 552.

***) Стр. XXVIII—XXIX.

лежаща, ни воду на тѣло възливающа. А одежа его бѣ власяна свита, остра на тѣлѣ, изъ вьнуже на нен ина свита, и та же вельми худа соуща, и тоже сего ради възволочаше на ся, яко да не явится власяници соущи на нь. О сен одежи худѣи мнози несмысленіи оукоряющи, и ругахуться ему, блаженному же си с радостію пріимающи оукоризну ихъ, имѣя присно въ памяти слово господне, и тѣмъ оутѣшаяся, веселяшеся: блаженныи, рече, есте егда оукорять вы, егда рекоуть всякъ глаголъ золъ, на вы лъжоуще, мене ради, възрадитеся въ тъ день и взыграите, се бо мзда ваша многа есть на небесехъ. Си въспоминая блаженный, о сихъ оутѣшаяся, терпяше оукоризну и досадоу отъ всѣхъ *). . . . .

И къ семоу же блаженному нѣколи приведоша разбоиникы связаны, их же бѣша яли въ единомъ селѣ манастырстемъ, хотящимъ красти. Блаженныи же, видѣвъ я связаны и в такои скорби соуща, сжали си зило, и прослезився, повелѣ разрѣшити я и дати же ясти и пити, и тако пакы тѣх оучаше много, еже никако же преобидити, подасть же тѣмъ отъ имѣніа доволно, еже на потребу, и тако тѣхъ с миромъ отпусти славяще бога, якоже оттоле тѣмъ оумилитися и никомоу же зла сътворити, но своими дѣлы доволнымъ быти. Тако ти бѣ милосердіе великаго отца нашего Ѳеодосіа, аще бо видяше нища или оубога, в скорби соуща и въ одежи худѣ, жаляаше о семъ, и плачемъ сего миловаше, и сего ради створи дворъ близъ монастыря своего и церковь възгради в немъ святого первомученика Стефана, тоу же повелѣ пребывати нищимъ, слѣпымъ, хромымъ, троудоватымъ, отъ манастыря подаваше имъ,

*) Стр. XXX.

яже на п требу, и отъ всего соущаго манастырскаго десятую часть даяше имъ, и еще по вся соуботы посылаше въ потребоу возъ хлѣбовъ соущимъ въ узахъ *) . . . . . .

Сице бо преподобному и преблаженному отцу нашему Ѳеодосію, пасущю стадо свое съ всякымъ благочестіемъ и чистотою, еще же житіе свое съ въздьрьжаниемь и подвигомъ исправляющу, бысть же смятеніе в то время нѣколи отъ вселукаваго врага въ трехъ князехъ, братіи соущимъ по плоти. Яко же двѣма братома брань створити на единаго старишаго брата, христолюбца, иже по истинѣ боголюбца, Изяслава. Тоже тако тои прогнанъ бысть отъ града столнаго, и онѣма пришедшима въ градъ **) тои, посыласта же по блаженнаго отца нашего Ѳеодосіа, веляща того пріпти к тѣма на обѣдъ и причастится неправеднемъ тѣмъ съвѣтѣ. Тоже, иже бѣ исполненъ духа святого, преподобныи Ѳеодосіи, разумѣвъ еже неправедно соуще изгнаніе, еже о христолюбцѣ, глаголать посланому, яко не имамъ ити на трапезу вельзавелиноу и причастится брашна того, исполнь соуще и крови и оубіиства, и ина многа укоризна глаголавъ, отпусти того рекіи, яко да възвестиши вся си послався тя. Обаче она, но

*) Стр. XLI.

**) См. начальный лѣтописный сводъ подъ 1073-мъ годомъ: «въздвиже дьяволъ котору въ братьи сей Ярославичихъ; бывши распри межи ими, быста съ себе Святославъ со Всеволодомь на Изяслава; изіде Изяславъ ис Кыева, Святославъ же и Всеволодъ вшидоста въ Кыевъ и сѣдоста на столѣ на Берестовомь, преступивша заповѣдь отню...» и т. д., при чемъ лѣтописецъ съ рѣзкимъ осужденіемъ относится къ Святославу, сѣвшему въ Кіевѣ: «а Святославъ сѣде Кыевѣ, прогнавъ брата своего, преступивъ заповѣдь отню, паче же Божью, велий бо есть грѣхъ преступати заповѣдь отца своего...» См. ниже стр. 559.

аще и слышаста си, но не възмогоста прогнѣватися нань, вѣдяста бо праведна соуща человѣка божіа, ни пакы же послоушаста того, но оустремистася на прогнаніе брата своего, иже отъ всея области отгнаста того, и тако възвратистася вспять, и единому сѣдшу на столѣ томъ брата и отца своего, другомоу же възвратившуся въ область свою.

Тогда же отецъ нашъ Ѳеодосіи, наполнився святого духа, начатъ того обличати, яко неправедно створша и не по закону сѣдша на столѣ томъ, яко отца си, брата старѣишаго прогнавша. Тоже тако обличаше того, овогда епистоліа пиша посылаше тому, овогда же велможамъ его, приходящимъ к нему, обличаше того о неправеднемъ прогнаніи брата, веля тѣмъ повѣдати тому, се же и послѣже вписа к нему епистолію велику зило, обличая того, глаголя: гласъ крови брата твоего въпіетъ на тя богу, яко Авелева на Каина и инѣхъ многыхъ древнихъ гонитель, и оубоинникъ и братоненавидникъ, приводя и притчами тому вся, яже о немъ, оуказавъ, и тако вписавъ посла. И яко тотъ прочесть епистолію ту, разгнѣвася зило, яко левъ рыкнувъ на праведника, и оудари пятою о землю, яко же оттолѣ промъчеся вѣсть, еже на поточеніе осужену быти блаженному. Тогда же братія в велицѣ печали быша и моляху блаженнаго остатися и не обличати его. Тоже такоже и отъ боляръ мнози, приходящи, повѣдахуть ему гнѣвъ княжь на того соущь, и моляхуть и не супротивитися ему, се бо, глаголаху, на заточеніе хощетъ тя послати. Си же слышавъ блаженныи, яко о заточеніи его рѣша, възраловася (о томъ) и рече к нимъ: се бо о семъ велми радоую ся, братіе, яко ни что же ми ближе в житіи семь,

егда богатства имѣнію лишеніе ноудит мя, или дѣтіи отлученіе и селъ опечалует мя; ничто же отъ таковыхъ принесохомъ в миръ сеи, но нази родихомся, тако же подабаетъ намъ нагымъ преити отъ свѣта сего; тѣмъ же готовъ есмь или на поточеніе или на смерть. И оттолѣ болшими начатъ того укоряти о братоненавидѣніи, жадаше велми, еже поточену быти. Нъ обаче онъ, аще и велми разгнѣвалъ блаженнаго, но недръзну ни единаго же зла и скорбна створити тому, видяше бо моужа преподобна и праведна соуща, яко же и преже многажды его ради завидяаше брату своему, еже такова свѣтилника имать въ области своеи, яко же исповѣдаше, слышавъ отъ того, мнихъ Павелъ, игоуменъ сы отъ единаго манастырь, соущихъ въ области его.

Блаженныи же отецъ нашь Ѳеодосіи, много молимъ бывъ отъ братіи и отъ велможъ, наипаче же разумѣвъ, яко ничто же оуспѣшно сими словесы (к) тому, остася его, и оттолѣ не оукоряше его о томъ, помысливъ же в себѣ, яко уне есть молбою того милости, дабы възвратилъ брата своего въ область. Не по миозѣх же днехъ разумѣвъ благи князь то преложеніе блаженнаго отъ гнѣва и оутѣшеніе, еже отъ обличеніа того, възрадова ся зило, издавна бо жадаше бесѣдовати с нимъ, духовныхъ словесъ его насытитися. Таче посылаетъ блаженному, аще повелитъ тому пріти в манастырь свои или ни. Оному же повелѣвшу тому пріити, тоже сіи с радостію въставъ, пріиде с боляры в манастырь его. И великому Ѳеодосію и съ братіею исшедшу ис церкви и по обычаю срѣтшу того и поклонившимъ ся, яко же лѣпо князю, и тому же цѣловавшу блаженнаго, таче глаголаше ему: се, отче, не дерзахъ

пріти к тебѣ, помышляя, егда како, гнѣваяся на мя, и не впустиши насъ в манастырь. Тоже блаженныи отвѣща: что бо, благіи владыко, успѣеть гнѣвъ нашь, еже на дръжаву твою; но се намъ подобаетъ обличити и глаголати вамъ, еже на спасеніе души, вамъ же лѣпо (бы) послоушати того. Тако же, вшедшима има в церковь, и бывши молитвѣ, сѣдоста. И блаженному Ѳеодосію начавшу глаголати тому отъ святыхъ книгъ, и много оуказавшу ему о любви брата, и оному пакы многу вину износящю на брата своего, и того ради не хотящу томоу с тѣмъ мира сътворити, и тако же пакы, по мнозѣи тои бесѣдѣ, и отъиде князь в домъ свои, славя бога, яко сподобися с таковымъ моужемъ бесѣдовати. И оттолѣ часто приходяше к нему, и духовнаго того брашна насыщаяся паче меда и съта, се же соуть словеса блаженнаго, яже исходяше отъ медоточныхъ оустъ тѣхъ. Многажды же и великіи Ѳеодосіи к тому хожаше, и тако въспоминаше тому страхъ божіи и любовь, еже къ брату.

Въ единъ отъ днін шедшу тому святому блаженному и богоносному отцу нашему Ѳеодосію, яко виниде въ храмъ, идѣже бѣ князь сѣдя, и сѣ видѣ многыа играющи пред нимъ, овы гоусельныя гласы испоущающи, другіа же органныя гласы поющи, инѣмъ замарныя писки гласяшимъ, и тако всѣмъ играющимъ и веселящимся, яко же обычаи есть предъ княземъ. Блаженныи же бѣ въ краи его сѣдя и долу нича, яко же мало въсклонився рече к тому: то боудет ли сице на ономъ свѣтѣ; тоу абіе онъ о словѣ блаженнаго оумилився и мало прослезився повелѣ тѣмъ престати. И оттоле, аще коли приставляше тѣхъ играти, ти слышавше блажен-

наго пришедша, то повелѣваше тѣмъ престати отъ таковыя игры.

Многажды же паки егда възвѣстяхуть тому приходъ блаженнаго, тои же тако шедъ того срѣташе радуяся, пред дверми храма, и тако внидоста въ храмъ оба. Се же, яко же веселяшася, глаголаше преподобному: се, отче, истину ти глаголю, яко аще быша ми възвестили отца моего въставша отъ мертвыхъ, не бых ся тако радовалъ, яко о приходѣ твоемъ и не быхъ ся тако того боялъ или сумнѣлъ, яко же преподобныя твоея душа. Блаженыи же рече: тоже аще боишися мене, тогда створи волю мою, възврати брата твоего на столъ, иже ему благовѣрныи отець предасть. Онже о семъ оумолча, не могіи, что отвѣщати к симъ. Толми бо бѣ врагъ разжеглъ гнѣвомъ на брата своего, яко же ни слоухомъ хотяше того слышати.

Отець же нашь Ѳеодосіи, по вся дни и нощи бога моля о христолюбци Изяславѣ, еще же и въ ектеньи того веля поминати, яко столному князю тому старѣишу всѣхъ, сего же, яко чрезъ законъ сѣдша на столѣ томъ, не веляше поминати въ своемъ манастыри. О сем же едва оумоленъ бывъ отъ братіи, повелѣ и того с нимъ поминати, обаче же первіе боголюбца, то тогда сего благого*) . . . . . .

Се же житіе преподобнаго блаженнаго Ѳеодосіа, еже отъ оуны версты досдѣ отъ многаго мало вписахъ. И кто доволенъ вся по ряду списати добрая (оуповаиіа оуправленія сего блаженнаго моужа; кто же възможетъ по достоянью его похвалити); но не възмогу грубыи сыи и неразумиченъ**)..... Мнози

*) Стр. LI—LIV.

**) Срв. примѣчаніе на стр. 541-й и стр. 553.

же того отъ несмысленыхъ оукоряхуть, тоже сіи с радостію пріимаше. Се же яко же и отъ оученикъ своихъ многажды оукоризны и досаженіа тому пріимати, нъ обаче опъ, бога моля за вся, пребываше.

Еще же о хоудости ризнѣи мнози отъ невѣгласъ оусмѣхающися, тому ругахутся. Онъ же о томъ не поскорбѣ, но бѣ радуяся о поруганіи своемъ и оукоризнѣ и, велми веселяся, бога о томъ прославляше. Яко же бо аще кто, не зная того, ти видѣвше и в таковѣи одежи соуща, то не мняше того самого соуща блаженаго игоумена, но яко единаго отъ варящихъ. Се бо и в день единъ, идоущу тому къ дѣлателемъ, иже бяше церковь зиждущеи, и срѣте и оубогая вдовица, (яко же) отъ судіи обидима, глагола тому блаженному: черноризце, повѣж ми, аще есть дома игоуменъ вашь; глагола тои блаженныи: что (ради) потребуеши отъ него, яко тои человѣкъ грѣшенъ есть; глагола тому жена; аще и грѣшенъ есть, не вѣмъ, токмо и се, вѣмъ, яко многы избави отъ печали и напасти, и сего ради и азъ пріидохъ, яко да и мнѣ поможеть, обидимѣи соущи бес правды отъ судіи. Тоже блаженныи, оувѣдѣвъ, яже о неи, сжали си зило, глагола тои: жено, нынѣ иди в домъ свои и се егда пріидеть игоуменъ нашь, то же азъ възвѣщу ему, еже о тебѣ, то избавит тя отъ печали тоя. Тоже слышавше, жена отъиде в домъ свои, и блаженныи же иде къ судіи, еже о неи, глаголавъ тому, избави ту отъ насилія того, яко же тому послашу възвратити тои, имже бѣ обидя ю.

Тако же сіи блаженныи отецъ нашъ Ѳеодосіи многимъ застоупникъ бысть пред судіами и князи, избавляя тѣхъ; не бо можахуть в чемъ преслоушати его, вѣдоуще и праведна и свята; не бо его чтяху, чест-

ныхъ его ради портъ, и свѣтлыя одежа, или имѣнія ради многаго, но честнаго его ради житіа и свѣтлыя душа и поученіи того многихъ, яже кыпяхуть святымъ духомъ отъ оустъ его. Козлины бо тому бяхуть, яко многоцѣнная и свѣтлая одежа, власяница же, яко (вся владычня) и царская багряница, и тако тѣмъ величаша ходяше и житіемъ богоугодно поживъ *)... Оумре же отецъ нашь Ѳеодосіи въ лѣто 6582 **) мѣсяца маія въ 3-ій день в суботу, яко жъ прорече самъ, въсіавшу солнцу.

---

*) Стр. LV—LVI, LX.

**) Т. е. въ 1074-мъ году. См. подъ этимъ годомъ въ начальномъ лѣтописномъ сводѣ (стр. 178 по изданію 1872 г.).

II.

Изъ сказанія «о первыхъ черноризцахъ печерскихъ» *).

Нестера, мниха обители манастыря печерскаго, сказаніе, что ради прозвася печерскій монастырь. Господи благослови, отче.

. . . . . .

. . . . . .

. . . Бѣ братъ, Іеремѣя именемъ, иже и помняше крещеніе рускіа земли...

Бѣ же другіи старецъ, именемъ Матфей, бѣ бо прозорливъ. Единою же стоящу ему въ церкви на мѣстѣ своемъ, и възведъ очи свои, и позрѣ по братіи, иже стоятъ по обѣма странама поюще; и видѣ бѣса, обходяща въ образѣ ляха и в проползѣхъ носяща цвѣтки, иже глаголются лепки. И оходя подлѣ братію, взимаше из лона цвѣтокъ и верзаше на кого любо: и аще к кому прилняше цвѣтокъ поющихъ отъ братіи, тои, мало постоявъ и разслабѣвъ оумомъ,

*) Въ концѣ перваго раздѣла сказанія (стр. LXXII—LXXXV) авторъ пишетъ о себѣ, не называя себя по имени: «Ѳеодосію же живоущу в манастыри, и правящу добродѣтельно житіе и черноческое правило, и пріимающу всякого приходящаго — к нему же и азъ пріндохъ, худыи и недостоиныи рабъ, и пріатъ мя, лѣт ми соущю 17 отъ рожениа моего, — се же написахъ и положихъ, иже въ кое лѣто почалъ быти манастырь, и что ради зовется печерстіи манастырь. [Тогда бо бѣ лѣтъ 6559]» т. е. 1051 г. (стр. LXXVI). Срв. выше на стр. 541 и 553 и ниже на стр. 567 и въ «Лѣтописи по Лаврентьевскому списку», стр. 156 подъ 1051-мъ годомъ.

вину себѣ притворивъ какову любо, и исхожаше изъ церкви, и шедъ спаше и не возвращашеся (на пѣніе); аще ли верзаше на другаго и не прилняше к нему цвѣтокъ то, тъи крѣпко стояше в пѣніи своемъ, дондеже отпояху утреню, тогда идяху кождо в кѣліа (своя обычаи). Се же бѣ сему старцу по отпѣніи оутреняя, братіи отходящимъ по кѣліамъ, сіи же блаженныи старецъ послѣдже всѣхъ изхожаше изъ церкви. Единою же идоущу ему, и сѣдѣ под клепаломъ, (хотя опочинут), бѣ бо кѣліа подале отъ церкви, видѣ се, аки толпа (велика) идяше отъ вратъ, и възведъ очи свои, и видѣ единого бѣса, сѣдяща на свиніи, а другая около его текоуща. И рече имъ старецъ: камо идете; и рече бѣсъ, сѣдяи на свиніи: по Михаля по Тоболковичя. Старець же, знаменася крестомъ, идѣ въ кѣлію свою; и яко же бысть свѣтъ, и разумѣ старець видѣніе и рече (ученику своему): иди, въпрашаи, есть ли Михаль в кѣліи? и рече ему: (нѣсть, изыдѣ по заутреніи за ограду манастырскую). Старецъ же повѣда игоумену бывшее видѣніе и братіи, (еже видѣ)...

Далѣе слѣдуетъ извѣстиая исторія Исакія, помѣшавшагося послѣ одного изъ ночныхъ видѣній. — . . . . . .

. . . . . .

Бысть убо — и се дивно чюдо и памяти достоитъ — въ томъ же и святомъ и присно поминаемомъ печерскомъ манастыри черноризецъ нѣкто, Исакіи именемъ. Сему бо Исакію, еще соущу въ мирстемъ житіи богатъ бѣ купецъ, родомъ торопчанинъ. Сеи помысли мнихъ быти и разда все имѣніе свое требующимъ и манастыремъ. Прінде к великому Антонію в вечеру; пріатъ его Антоніи; возложи на нь

мишескіи образъ и нарече имя ему Исакіи, бѣ бо ему мирское имя Чернь. Сіи же Исакіи въспріатъ житіе крѣпко: и облечеся въ власяницу, и повелѣ купити себѣ козлище и одрати его мѣхомъ, и възвлече на власеницу, и осше около кожа сыра; и затворися в печерѣ, въ единои оулици, в кѣліи малѣ, яко 4 лакоть соущи, и ту моляше бога съ слезами; снѣд же его бѣ просфира едина, и тоже чрезъ день, и воды в мѣру піаше. Приносяшеть же ему великіи Антоніи и подаваше ему оконцемъ, елико рука вмѣстится, и тако пріимаше пищу. И въ таковомъ житіи створи 7 лѣтъ: на свѣтъ не исходя, ни на ребрехъ възлегъ, но сѣдя мало сна пріимаше. Единою же, по обычаю наставшу вечеру, нача покланятися, поя псалмы, (да иже до) полоуноши, и яко утрудися, сѣде на сѣдалѣ своемъ. Сѣдящу же ему, по обычаю свѣщу погасившу, и се внезапу свѣтъ въсія в печерѣ, яко отъ солнца, яко (и зракъ человѣку отъимати); и поидоста к нему два юноша прекрасни и блистастася лица ею, акы солнце, и рѣша ему: Исакіе, вѣ есвѣ ангела, а се идетъ к тебѣ христосъ (съ ангелы)! И въстав Исакіи, и видѣ толпу бѣсовъ и лица ихъ паче солнца, единъ же посредѣ ихъ сіаше паче всѣхъ и отъ лица его лоуча исхожаху; и гласта ему: Исакіе, се есть христосъ, падь поклонися ему! Исакыи же не разумѣ бѣсовскаго дѣйства, ни памяти имѣ прекреститись, исшедъ из кѣліа, поклонися, акы христу бѣсовскому дѣиству. Бѣси же кликнуша, и рѣша: нашь еси, Исакіе! введоша его в кѣліа и посадиша и, начаша садитись около его и бысть полна кѣліа бѣсовъ и оулица печерская. И рече единъ отъ бѣсовъ, глаголемыи христосъ: възмете сопѣли и боубны и гоусли и оударяите, а Иса-

кіи (намъ) спляшетъ! И оударшіа в сопѣли и в гоусли и в боубны, и начаша имъ играти; и, утомивше его, оставиша его, оле жива (соуща) и отъидоша, поругавшеся ему. Заутра же бывшу дни, пріиде Антоніи по обычаю к оконцу и глагола: благослови отче Исакіе! и не (бѣ гласа ни слушанія). (И многажды глагола Антоніи и не бысть гласа); и рече в себѣ: еда преставился есть. И посла по Ѳеодосіа и по братію. Пришедше братіа, и окопаша, идѣже бѣ загражено устье, и взяша его, мняща его мертва быти, и изнесше положиша предъ печерою; и видѣша, яко живъ есть, и рече игоуменъ Ѳеодосіи, яко отъ бѣсовскаго дѣиства сіе бысть ему; и положиша его на одрѣ и служаше ему святыи Антоніи.

В тыи же дни приключися Изяславу пріити из Ляховъ, и нача гнѣватись Изяславъ на Антоніа за Всеслава: и присла Святославъ ис Чернигова, в нощи поя святого Антоніа. Антоніи же, пришедъ к Чернигову, и възлюби мѣсто, наричаемое Болдины горы, и ископавъ печеру, и вселися тоу; и есть тоу манастырь святыя богородица на Болдиныхъ горахъ и до нынѣ, близъ Чернигова.

Ѳеодосіи же, оувѣдавъ, яко Антоніи отшелъ есть к Чернигову, и шедъ съ братіею, взятъ Исакіа и принесе его в кѣлію свою и служаше ему, бѣ бо разслабленъ умомъ и тѣломъ, яко не мощи ему обратитися на другую страну, ни въстати, ни сѣдѣти, но лежаше на единои странѣ; многажды же и червіе вметахуся подъ бедры ему с моченія и с поливаніа. Ѳеодосіи же самъ своима рукама мыяше и опрятаваше; и лежа за двѣ лѣта, (святыи же служаше ему). Се же есть дивно чюдо, яко за два лѣта не вкуси ни хлѣба, ни воды, ни отъ какого же брашна, ни языкомъ

поглагола, но нѣмъ и глухъ лежа за два лѣта. Ѳеодосіи же моляше бога за нь и молитву творяше надъ нимъ день и нощь, дондеже на третіе лѣто проглагола, и прося на ногу въстати акы младенець, и нача ходити; и не брежаше въ церковь; и (тако по малу нача ходити на трапезницу, и посажаху его кромѣ братіи, полагаху предъ нимъ хлѣбъ, и не (хотяше взяти) его, (они же влагаху в руку его) Ѳеодосіи же рече: положите предъ нимъ хлѣбъ и не влагаите в роуку его, да самъ ясть. И не хотяше недѣлю всю ясти, и по малу оглядався вкушаше хлѣба, и тако научися ясти; и симъ образомъ избави его великіи Ѳеодосіи отъ козни діаволя (и отъ прелести его).

Исакіи же пакы въспріятъ житіе жестоко. Ѳеодосію же преставльшуся и Стефану въ его мѣсто бывшу, Исакіи же рече: се оуже прелстилъ мя еси, діаволе, сѣдяща на единомъ мѣстѣ! отселѣ же не имамъ в печерѣ затворитися, но имамъ тя побѣдити (силою божіею), ходя в манастырѣ. И пакы облечеся въ власяницу, свиту тѣсну, и нача оуродство творити, и нача помогати поваромъ, и работати на братію; и на заутренюю преже всѣхъ входя, и стояше крѣпко и неподвижимо; егда же приспѣваше зима и мразы лютіи, тои стояше в плесницахъ раздраныхъ, яко многажды примерзаху нози его камени и не подвизаше ногама, дондеже отпояху оутренюю; и по заутреніи вхожаше в поварню и приготоваше огнь и дрова и воду, и тогда прихожаху прочіи отъ братіи поварове. Единъ же поваръ — тако же бѣ именемъ тѣмъ же Исакіи — рече посмѣхаяся: Исакіе, оно, сѣдитъ врань чернъ, иди и ими его! Опъ же поклонися до земля и шедъ,

ятъ врана и принесе предъ всѣми повары; и ужасошася вси о бывшемъ, и повѣдаша игоумену и братіи, и начаша братіа оттоле чтити его. Онъ же, нехотя славы человѣческіа, нача оуродствовати, и пакостити нача, ово игоумену, ово же братіи, ово мирскымъ человѣкомъ, да друзіи раны ему даяти начаша; и нача по миру ходити, и тако оуродъ ся створи.

И паки вселися в печеру, в нея же и преже былъ, — Антоніи бо уже преставися — и (нача събирати) к себѣ оуныхъ (отъ мирскіа чади) и покладаше на нихъ порты чернеческіа, да ово отъ игоумена Никона раны пріимаше, иногда же отъ родителеи дѣтеи тѣхъ; блаженныи все то тръпяше, приимаше раны, и наготу, и стоудень день и нощь. Въ едину же нощь, вжегъ пещь в кѣліи в печерѣ, и яко разгорѣся пещь — бѣ бо утла — и нача пламень исходити горѣ оутлизнами, оному же ничѣмъ скважны покрыти (имущу), и въступи босыма ногама на пламень, доиелѣ изгорѣ пещь и спиде (пичимже врежень). И ина многа повѣдаху о немъ, а иное самъ видѣхъ. И тако побѣду взя на бѣсы, яко и моухи (?) ни во что же вмѣняше оустрашенія ихъ и мечтанія, глаголаше бо к нимъ: аще мя бѣсте прелстили первое, понеже не вѣдахъ кознеи вашихъ и лукавствія нынѣ же имамъ господа іисуса христа бога моего и на молитвы отца моего Ѳеодосіа надѣюся, имамъ побѣдити васъ! Многажды бо ему пакости дѣяху бѣси и глаголаху: нашь еси Исакіе, понеже поклонился еси старѣйшинѣ нашему! Онъ же глаголаше: вашъ старіишина антихристъ есть, а вы есте бѣси! и знаменаше лице свое крестнымъ знаменіемъ и тако исчезаху бѣси. Иногда же паки прихожаху къ нему, страхъ творяще ему в мечтѣ,

яко се много народу с мотыками и лыскарѣ, глаголюще: раскопаемъ печеру сію, и сего загребемъ здѣ! иніи же глаголаху: изыди, Исакіе, хотятъ тя загрести! Онъ же глаголаше к нимъ: аще бысте человѣци были, то въ день ходили бы есте, а вы есте тма и во тмѣ ходите! и знаменався крестомъ и исчезаху. Иногда же стращаху его въ образѣ медвѣжіи, овогда же лютымъ звѣремъ, овогда ли воломъ, овогда жабы и мыши и всякъ гадъ. И не възмогаху, что же створити ему, и рекоша: о, Исакіе, побѣдилъ ны еси! Онъ же отвѣщеваше, яко же бѣсте вы мене прелстили въ образѣ іисуса христа и ангельстѣмъ, недостоини соущи (таковаго сана), но се въистину нынѣ являетеся въ образѣ звѣрinомъ и скотіимъ, и змѣями, и всякымъ гадомъ, аци же и сами есте! и оттолѣ не бысть ему накости никоея же отъ бѣсовъ. Яко же самъ повѣдаше, яко се бысть ми, рече, за три лѣта брань. И потомъ нача крѣпчяе жити и воздержаніе имѣти, пощеніе и бдѣніе; и тако живущу ему, (и приспѣ конець житіа его). Разболѣся в печерѣ и несоша его в манастырь болна соуща, и тако поболѣ до осми днiи (и непреминующимъ путемъ къ господу отъиде в добрѣ исповѣданіи). Игоуменъ же Иванъ и вся братіа, спрятавше тѣло его, погребоша честно съ святыми отцн в печерѣ *). Таци бо быша мниси Ѳеодосіева манастыря. . . . . .

---

*) Стр. LXXVII — LXXXIII. Далѣе на стр. LXXXV — CXXVI въ Патерикѣ находится «посланіе смиреннаго епископа Симона владимерскаго и соуздальскаго к Поликарпу черноризцу печерскому». См. ниже стр. 576.

III.

ИЗЪ ПОСЛАНІЯ *) КЪ АКИНДИНУ, АРХИМАНДРИТУ ПЕЧЕРСКОМУ О СВЯТЫХЪ ЧЕРНОРИЗЦАХЪ.

Второе послаше къ архимандриту печерскому Акиндину о святыхъ и блаженныхъ черноризцъхъ (браттіи нашеи; списано бысть Поликарпомъ, черноризцемъ того же Печерскаго манастыря) . . . . . .
. . . . . .

О Никитѣ затворницѣ, иже бысть епископомъ Новоуграду. Бысть въ дни преподобнаго игоумена Никона братъ единъ, именемъ Никита. (Сеи) желая славимъ быти отъ человѣкъ, дѣло веліе не бога ради замысливъ, пача просити оу игоумена, да в затворъ внидеть. Игоумен же возбраняше ему глаголя: о чадо, нѣсть ти ползы празну сѣдѣти, понеже юнъ еси! оуне ти есть, да пребудеши посредѣ братіа, и работая тѣмъ, не погрѣшиши мзды своея: самовидѣцъ еси брата нашего, святого Исакіа печерскаго, како прелщенъ бысть отъ бѣсовъ! аще не бы веліа благодать божіа спасла его (и молитвъ ради преподобныхъ отець Антоніа и Ѳеодосіа, иже и донынѣ чюдеса многа творять. Никита же глаголаше: никакоже прельщусь таковою вещью, прошу же у

*) По В. Яковлеву, стр. CXXVI—CLXXXVI.

господа бога, да (и мнѣ) подасть чюдотвореніа даръ. Отвѣщавъ же Никонъ, рече: выше силы прошеніе твое! блюди брате, да не възнесъся низъпадешися! велит ти наше смиреніе служити на святую братію, ихъ же ради вѣнчанъ имаши быти, за послушаніе твое. Никита же никакоже внятъ глаголаныхъ отъ игоумена, но, еже въсхотѣ, то и сътвори, заздавъ о себѣ двери, и пребысть не исходя. (Не по многых же днехъ) прелщенъ бысть отъ діавола. Въ время говѣніа своего слышаше гласъ, моляшься с нимъ, и обоняше благоуханіе непзреченое; симъ прельстися, глаголя в себѣ: аще не бы се ангелъ былъ, не бы молился съ мною, ни духа святого обоняніе бы было! и нача прилежно молити глаголя: господи яви ми ся самъ разоумно, да виждоу тя! Тогда же гласъ бысть к нему: не явлюся тебѣ, (зане же юнъ) есп, да не възнесъся низпадешися. Затворник же съ слезами рече: никако же, господи, прелщуся, наученъ бо быхъ отъ игоумена моего, не внимати прельсти діаволи, тобою же вся велимая ми сътворю. (И тогда душепагоубныи змѣп) пріимъ отбласть надъ нимъ, и рече: не възможно человѣку, въ плоти соущу, видѣти мене, и се посылаю ангелъ мои, да пребоудеть с тобою, и ты боуди волю его творя. И абіе ста пред нимъ бѣсъ въ образѣ ангела. Падъ оубо мнихъ, поклонися ему, акп ангелу. И глагола ему бѣсъ: ты оубо не молися, но боуди почитая книгы и сими обрящешися съ богомъ бесѣдуя, да отъ нихъ подаси слово полезно приходящимъ к тебѣ! Азъ же присно буду моля о спасеніи твоемъ (творца своего). Прелстив же ся мнихъ, никакоже помолися, но прилежаше чтенію и ученію, бѣса же видяше, беспрестани моля-

щася о немъ, и радовашеся, яко ангелу, творящу молитву зань. Бесѣдоваше же о пользѣ души приходящимъ к нему, и нача пророчествовати и бысть о немъ слава веліа, яко всѣмъ дивити ся сбытію словесъ его. Посылаетъ же Никита к князю Изяславу глаголя, яко днесь оубіенъ бысть Глѣбъ Святославичь в заволочьи, скоро посли сына своего Святополка на столъ Новоуграду! И, яко же рече, тако и бысть. По малехъ же днехъ оувѣдана бысть смерть Глѣбова, и отъ сего прослу затворникъ, яко пророкъ есть, и велми послоушаху его князи и боляре. Бѣсъ оубо приходящаго быти не вѣсть, но, еже самъ съдѣя и научи злыя (человѣкы), ли оубити, ли оукрасти, сія и възвѣщаетъ. Егда бо прихожаху к затворнику словеса оутѣшна слышати отъ него, бѣсъ же, мнимыи ангелъ, повѣдаше ему вся (случившаяся ими); тъи же пророчествоваше тако. Не можаше никто же стязатися с нимъ книгами ветхаго закона, весь бо изъ оустъ имѣаше: бытіе, исходъ, левита, числа, соудіи, царства, и вся пророчества по чину, и вся книгы жидовскіа свѣдяше добре; евангеліа же и апостола, яже въ благодати преданыя намъ святыя книгы на утвержениє наше и на исправленіе сихъ, николи же восхотѣ видѣти и слышати, ни почитати, ни иному дасть собесѣдовати к себѣ, и бысть разумно всѣмъ отъ сего, яко прелщенъ есть отъ врага, и сего не тръпяше преподобныи ти отци.

Пиконъ же игоуменъ, Иванъ, иже по немъ бысть игоуменъ, Пименъ постникъ, (Исаіа, иже бысть епископъ граду Ростову), Матфеи прозорливецъ, Исакіи святыи печерникъ, Агапитъ лѣчець, Григоріи чюдотворець, Николаи, иже бысть епископъ Тмуто-

роканю, Нестеръ же, иже написа*) лѣтописець, Григорiи творецъ канономъ, Феоктистъ, иже бысть епископъ Черниговy, Онисифоръ прозорливецъ, сiи вси богоносци прiидоша къ прельщенному и помолишася богови, отгнаша бѣса отъ него и к тому не виде его, и изведоша же его вонъ, и въпрошахуть его о ветсемъ законѣ, хотяще слышати отъ него что. Сiи же кленяшеся, яко николи же читав, иже преже оумѣяше изъ оустъ жидовскiа книги, нынѣ же ни една слова не съвѣ, испроста рещи, (ни единого слова знаяше). (Сiи же преблаженiи) отци едва наоучиша его грамотѣ; и оттоуду дасть себѣ на въздержанiе и послоушанiе, и чистое и смиренное житiе, яко же превзыти ему всѣхъ добродѣтелiю. Его же послѣ же поставиша епископомъ Новоуграду за премногую добродѣтель его, иже и многа чюдеса створи, (нѣкогда бездожiю бывшу), и помолився дождь с небесе сведе, и пожаръ граду оугаси и нынѣ съ святыми чтоуть его святого и блаженнаго Никиту . . . . . .

О святыхъ отцѣхъ Ѳеодорѣ и Василiи

. . . . . .

Времени же многу приспѣвшу, ему в (тацѣи работѣ злостраданiи тружающуся зило), видѣв же сего келарь тако тружающася, нѣкогда же привезену бывшу житу отъ селъ, и посла к нему въ печеру пять возъ, да не всегда приходя взимати жита стужить си; сеи же, ссыпавъ жито въ сосоуды, нача молоти, поя псалтирь изъ оустъ; абiе оутрудивъ же ся възлеже, мало хотя починути, и се (внезапу) громъ бысть, и начаша жерновы молоти; и

*) Срв. тамъ же стр. CXXXV: «яко же блаженыи Нестеръ в лѣтописцѣ написа о блаженныхъ отцѣхъ...»

разумѣвъ бѣсовское дѣйство соуще, въставъ же блаженныи, нача молитися богови прилежно, и рече великимъ гласомъ: запрещает ти господь, вселукавыи діаволе! Бѣс же не престаше меля в жерновы; Ѳеодоръ же пакы рече: въ имя отца и сына и святого духа, свергшаго васъ съ небесъ и давшаго въ попраніе своим оугодникомъ, велит ти мною грѣшнымъ, не престати отъ работы, дондеже измелеши все жито, да и ты поработаеши на святую братію! И сія рехъ, ста на молитву; бѣсъ же не смѣ преслоушатися, измоловъ жито все до свѣта, пять возъ. Ѳеодоръ же възвѣсти келареви, да пришлетъ по муку. Оудивив же ся келарь дивному чюдеси, яко пять возъ единою нощію смолото, и (вывезе ис печеры) пять возъ мукы, (тоже и другая пять возъ прибясть (мукы).

И се дивно чюдо бысть тогда и нынѣ слышащимъ, събысть бо ся реченное в евангеліи: яко и бѣси повинуются вамъ о имени моемъ; се бо, рече, дасть ся вамъ власть наступати на зміа и на скорпію и на всю силу вражію, и прочее; хотѣвше оубо бѣси пострашити блаженнаго, и съоузу собѣ работную пріискаша, еже вопити имъ: к тому здѣ не обрящем ся!

Ѳеодоръ же и Василіи съвѣтъ богоугоденъ положиша межу собою, еже николи же мысли своея оутаити отъ себе, но сію разрѣшити и разсудити, (еже до божію съвѣту). Василіи бо в печеру входить, Ѳеодоръ же старости ради (ис печеры исходить), кѣлію себѣ поставити (хотя) на ветхомъ дворѣ: бѣ бо тогда пожженъ монастырь. И плотомъ привезенымъ на брегъ на строеніе церкви и всѣмъ кѣліамъ, и извозникамъ наятымъ на гору возити, Ѳеодоръ же, не хотя быти ничѣмъ тяжекъ, самъ на себѣ нача носити древа;

аще что възношаше Ѳеодоръ строеніа ради кѣліа своея, бѣси же, пакости ему дѣюще, смѣташа с горы, симъ хотяще прогнати блаженнаго. Ѳеодоръ же рече: во имя господа бога нашего, повелѣвшаго вамъ въ свинія итти: велит вы мною, рабомъ своимъ, да всяко древо, иже на брези, на гору възнесете! да боудутъ бѣси труда работающіи богови и тѣмъ оустроять домъ молитвенныи (святіи владычицѣ нашеи) богородици, и кѣліи себѣ оуготовять, да престаните пакости имъ творяще и оувѣсте, яко есть господь на мѣстѣ семъ. В тоу же нощь не престаша бѣси носяще древеса отъ Днѣпра на гору, дондеже не остася (ни едино древо долѣ), яко симъ възградиша церковь и кѣліа, покров же и помостъ, и елико довольно всему манастырю на потребу. Заутра же въставше извозници, и ѣхаша на брегъ, хотяще возити древо, и ни единого же отбрѣтоша на брези, но все соуще на горѣ; тоже все не въ единомъ мѣстѣ кладено, но все разно, с чимъ коему быти в мѣсто: покровъ особно и помостъ особно; великое доубіе, еже не оудобь носимо за дльгость, все цѣло на горѣ обрѣте. Се же дивно бысть всѣмъ видѣвшимъ и слышащимъ, еже створи ся выше человѣчески силы, еже (иновѣрнымъ) мноземъ (невѣрно) вмѣнися, величества (ради чюдеси); но свидѣтели симъ прославиша бога, творящаго предивная чюдеса, своихъ ради оугодникъ; (яко же) рече господь: не радуита ся, яко дуси вамъ повинуються, радуите же ся паче, яко имена ваша написана соуть на небесѣхъ! но се оубо съдѣя господь въ славу свою молитвъ ради святыхъ отецъ нашихъ Антоніа и Ѳеодосіа. . . . . .*).

*) Стр. CLXVIII—CLXX.

XXII. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАТЕРИКА ПЕЧЕРСКАГО.

(*Проф. Е. Е. Голубинскій.* «Исторія русской Церкви». Томъ I. М. 1880).

Патериками — πατερικόν подразумѣвается βιβλιον, по-русски — отечникъ, отечная книга, т. е. книга отцовъ или объ отцахъ, —у грековъ назывались въ области аскетической литературы собранія — или краткихъ, исполненныхъ чудесъ, повѣстей о подвижникахъ какой-нибудь знаменитой иночествомъ мѣстности, или краткихъ аскетически-нравоучительныхъ словъ этихъ отцовъ, или же того и другого вмѣстѣ. Такъ извѣстны Патерики Египетскіе (Азбучный и Скитскій), Іерусалимскій, Синайскій. Нашъ Патерикъ Печерскій, представляя собою подражаніе патерикамъ греческимъ, явился собраніемъ перваго рода, именно — собраніемъ краткихъ, исполненныхъ чудесъ, повѣствованій о подвижникахъ Печерскаго монастыря и о самомъ монастырѣ. Первое начало Патерику Печерскому положилъ нашъ первый лѣтописецъ. Будучи монахомъ Печерскаго монастыря, онъ не могъ оставить, чтобы, передавая потомству дѣянія, такъ сказать, чужихъ, не увѣковѣчить славы своего роднаго мѣста. Разсказавъ подробно, во-первыхъ, подъ 1051 г. объ основаніи монастыря преподобными Антоніемъ и Ѳеодосіемъ, и, во-вторыхъ, — подъ 1074 годомъ о смерти Ѳеодосія, начальный лѣ-

тописецъ присоединяетъ къ послѣднему изъ разсказовъ, на похвалу и на прославленіе монастыря, повѣсть о святомъ въ немъ жительствѣ при Ѳеодосіи и послѣ его смерти. Сказавъ, что собранные Ѳеодосіемъ и оставшіеся послѣ него чернецы «яко свѣтила въ Руси сіяли», что одни изъ нихъ упражнялись въ однихъ подвигахъ, другіе — въ другихъ и что всѣ они представляли союзъ связуемаго крѣпкою и высокою любовію братства, лѣтописецъ затѣмъ, какъ онъ говоритъ, «намѣняетъ нѣколико мужъ чудныхъ», т. е. разсказываетъ какъ бы къ примѣру о нѣсколькихъ подвижникахъ Печерскихъ, еще при своей жизни прославившихся тѣмъ или другимъ даромъ чудотворенія.

Послѣ небольшого начала, положеннаго лѣтописцемъ, дальнѣйшихъ повѣствованій о подвижникахъ и чудотворцахъ Печерскихъ не являлось въ продолженіе около ста съ четвертью лѣтъ. Наконецъ, въ первой половинѣ XIII вѣка почти за разъ написаны были два собранія повѣствованій о нихъ, которыя и составили собственный Патерикъ Печерскій. Авторами этихъ собраній были — епископъ Владимирскій и Суздальскій Симонъ и монахъ Печерскаго монастыря Поликарпъ.

Симонъ, постриженникъ Печерскаго монастыря, взятый изъ него вел. кн. Всеволодомъ Юрьевичемъ въ игумены основаннаго имъ во Владимирѣ Рождественскаго монастыря, вѣроятно, при самомъ основаніи этого послѣдняго въ 1197 г., а во всякомъ случаѣ являющійся какъ таковой въ 1206 году, былъ поставленъ первымъ епископомъ новооткрытой епархіи Владимирской, отдѣленной отъ Ростовской, по избранію сына и преемника Всеволодова Юрія, въ 1214 г. Послѣ 12-лѣтняго правленія онъ скончался въ 1226 г. Ска-

занія о подвижникахъ и о чудесахъ Печерскихъ, написанныя Симономъ, имѣютъ форму приложенія къ частному письму, именно — адресованному къ помянутому нами выше монаху печерскому Поликарпу. Этотъ Поликарпъ, бывъ или любимымъ ученикомъ Симона по монашеству или, что гораздо вѣроятнѣе, его близкимъ родственникомъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые никакъ не могутъ устроить себя и которымъ вездѣ не хорошо и не по себѣ. Пріѣхавъ изъ Печерскаго монастыря къ Симону во Владимиръ, Поликарпъ пожилъ у него нѣкоторое время и снова возвратился назадъ. Сознавая себя не худшимъ другихъ людей, онъ стремился къ власти, чтобы, будучи начальникомъ, приносить болѣе пользы, но, получая власть, онъ раскаивался и находилъ, что лучше быть подчиненнымъ: дважды ему было доставляемо игуменское мѣсто и дважды онъ возвращался съ него въ Печерскій монастырь. Возвратившись въ послѣдній разъ, онъ все таки не успокоился,—началъ представлять изъ себя критикующую власти и всѣмъ основательно или неосновательно недовольную оппозицію и вмѣстѣ воображать себя человѣкомъ неоцѣнимымъ, преслѣдуемымъ и обижаемымъ. Свои претензіи, свое недовольство и свои обиды Поликарпъ высказалъ въ письмѣ къ Симону. Это письмо Поликарпа въ совокупности со всѣмъ его поведеніемъ заставило Симона написать ему строго обличительное и наставительное посланіе. И къ этому-то посланію, чтобы показать Поликарпу, какое избранно и исключительно святое мѣсто — Печерскій монастырь, и чтобы убѣдить его къ неисходному пребыванію въ немъ, Симонъ и приложилъ рядъ сказаній о чудотворцахъ

Печерскихъ и о чудесахъ, бывшихъ въ самомъ монастырѣ при построеніи его главной или великой церкви. Такова литературная форма, въ которой Симонъ обнародовалъ свое собраніе сказаній. Не можетъ не представляться она нѣсколько странной и не совсѣмъ понятной. Несомнѣнно, что собраніе сказаній назначалось не для Поликарпа только въ видахъ его личнаго назиданія, а вообще для всѣхъ русскихъ людей или имѣло назначеніе публичнаго сочиненія, и однако ему дается видъ приложенія къ частному письму. Что заставило Симона поступить такъ, положительно сказать не беремся. Можно съ вѣроятностью предполагать, что онъ стѣснялся обнародовать свое собраніе сказаній въ видѣ настоящаго или обыкновеннаго публичнаго сочиненія, опасаясь сомнѣній и невѣрія; придавая собранію сказаній форму произведенія, имѣющаго частное назначеніе, Симонъ давалъ невѣрующимъ тотъ отвѣтъ, что это писано не для нихъ. Какъ бы то ни было, но дѣло въ его теперешнемъ видѣ имѣетъ себя далеко неестественно. Рѣчь идетъ о знаменитыхъ подвижникахъ и чудотворцахъ Печерскаго монастыря. И Симонъ и Поликарпъ — оба монахи этого монастыря. Если зналъ о подвижникахъ и чудотворцахъ одинъ, то, очевидно, долженъ былъ знать о нихъ и другой. А между тѣмъ одинъ представляется разсказывающимъ другому какъ невѣдомое то, что долженствовало быть для него вѣдомымъ и притомъ отсутствующій изъ монастыря разсказываетъ находящемуся въ немъ *).

*) Сказавъ кратко о священномученикѣ Кукшѣ и Пименѣ постникѣ, Симонъ прибавляетъ: «Оставлю убо много глаголати, еже о святыхъ; аще ли не довлѣетъ ти моя бесѣда, иже слы-

Есть и еще нѣчто не совсѣмъ естественное въ трудѣ Симона въ его настоящемъ видѣ, что также бросается въ глаза, хотя и не особенно рѣзко. Между письмомъ къ Поликарпу и приложеніемъ къ нему, состоящимъ изъ повѣстей или составляющимъ Патерикъ, нѣтъ полнаго соотвѣтствія. Въ письмѣ Симонъ обличаетъ Поликарпа за то-то и за то-то; повѣсти приложены, конечно, за тѣмъ, чтобы подтвердить примѣрами все сказанное имъ самимъ. На самомъ же дѣлѣ онѣ служатъ не къ сему, а къ подтвержденію того, что вовсе не составляетъ главнаго предмета письма, такъ что въ приложеніи находимъ не то, чего слѣдовало бы ожидать по письму, и оно является не дѣйствительнымъ приложеніемъ, а вещью особою и самостоятельною, только облеченною въ несоотвѣтствующую форму.

Собраніе сказаній, написанныхъ Симономъ, состоитъ изъ девяти отдѣльныхъ разсказовъ о чудотворцахъ Печерскихъ и изъ пяти, составляющихъ одно цѣлое, частныхъ разсказовъ о чудесахъ, сопровождавшихъ построеніе главной Печерской церкви. Что касается до времени жизни лицъ и времени со-

---

ша отъ оустъ моихъ, то ни самое писаніе на оувѣреніе тя приведетъ, аще ли же и симъ не вѣруеши, то аще кто и отъ мертвыхъ въскреснетъ, не имеши вѣры». *(В. Яковлевъ.* «Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ», стр. XCVIII.) Писано Поликарпу, но назначено, очевидно, не для него, ибо если бы въ немъ подозрѣвалось невѣріе, то оно было бы обличено выше — въ самомъ письмѣ и не мимоходомъ. Говоря объ Аѳанасіи затворникѣ, Симонъ уже прямо обращается ко всѣмъ невѣрующимъ и въ концѣ концовъ даетъ имъ тотъ отвѣтъ, который мы предположили, именно — что это писано не для нихъ. Приступая къ описанію чудесъ, бывшихъ при построеніи Печерской церкви, Симонъ уже совсѣмъ забываетъ, что пишетъ для Поликарпа, а не для всѣхъ, и озаглавливаетъ сказаніе: «Слово о създаніи церкви, разумѣютъ вси, яко самого Господа промысломъ» и пр. (тамъ же стр. CX)

бытій, о которыхъ разсказываетъ Симонъ, то въ двухъ случаяхъ онъ говоритъ какъ очевидецъ, въ двухъ передаетъ со словъ очевидцевъ, во всѣхъ же остальныхъ источникомъ его свѣдѣній должны быть считаемы сохранявшіяся въ Печерскомъ монастырѣ преданія.

Собраніе Симона дополнилъ новымъ собраніемъ тотъ самый Поликарпъ, къ которому писалъ онъ, и который адресуетъ свой трудъ какъ бы посланіе тогдашнему архимандриту Печерскому Акиндину. Сначала читается краткое вступленіе или введеніе, въ которомъ Поликарпъ говоритъ Акиндину, во-первыхъ, объ источникѣ своихъ свѣдѣній, во-вторыхъ о томъ, почему пишетъ ему вмѣсто того, чтобы разсказывать устно, затѣмъ слѣдуютъ самыя повѣсти, которыхъ у Поликарпа числомъ 11-ть.

Какъ Симонъ писалъ собственно не для Поликарпа, а для публики, и только нашелъ удобнѣйшимъ обнародовать свой трудъ въ формѣ собранія, назначеннаго для частнаго лица, такъ и Поликарпъ, конечно, писалъ собственно не для Акиндина, а для той же публики. Литературная форма, имъ избранная, еще болѣе неловка, чѣмъ это у Симона. Если тамъ представляется дѣло такимъ образомъ, что изъ двухъ монаховъ одного и того же монастыря одинъ знаетъ о чудотворцахъ, въ немъ бывшихъ, а другой нѣтъ, то тамъ по крайней мѣрѣ старшій разсказываетъ младшему. Здѣсь, напротивъ, дѣло представляется такимъ образомъ, что младшій разсказываетъ старшему то, что послѣдній долженъ былъ знать безъ него и лучше его. Какъ на источникъ своихъ свѣдѣній, Поликарпъ ссылается, во введеніи, вѣроятно, для придапія большаго авторитета своимъ сло-

вамъ въ глазахъ читателей, на епископа Симона; но на эту ссылку нельзя иначе смотрѣть, какъ на новую и также большую литературную неловкость. Еслибы это дѣйствительно было такъ, то, во-первыхъ, спрашивалось-бы: почему самъ Симонъ не досказалъ того, что разсказываетъ Поликарпъ; во-вторыхъ, и главное, тогда рождался бы вопросъ: какимъ образомъ о чудотворцахъ и чудесахъ Печерскихъ зналъ только Симонъ и никто болѣе? Наконецъ, Поликарпъ, придавая своему сочиненію странную форму посланія архимандриту собственнаго монастыря, сознавалъ необходимымъ отвѣтить на вопросъ: съ какой стати онъ пишетъ, а не повѣствуетъ устно человѣку, находящемуся съ нимъ въ одномъ мѣстѣ. На этотъ вопросъ онъ находится дать слѣдующій далеко не совсѣмъ естественный отвѣтъ, обращенный къ Акиндину: «Ты спрашивалъ меня и велѣлъ разсказывать о дѣяніяхъ тѣхъ черноризцевъ. Но ты знаешь мою грубость и дурной обычай, что о чемъ бы ни была рѣчь, я всегда съ страхомъ бесѣдую съ тобою. Какъ же могъ я ясно разсказывать сотворенныя ими чудеса? Кое что изъ тѣхъ преславныхъ чудесъ я разсказалъ тебѣ, но гораздо больше забылъ отъ страха и разсказывалъ неразумно, стыдясь твоего благочестія» *). Поликарпъ придаетъ своему сочиненію форму частнаго пись-

*) В. Яковлевъ, стр. CXXVII: «Въспросил мя еси нѣкогда, веляше сказати отъ тѣхъ черноризецъ содѣанная. Свѣдыи мою гроубость и непзящное нрава, иже всегда съ страхомъ въ всякои повѣсти бесѣдуя пред тобою, то како могу ясно изрещи створенная ими знаменіа и чюдеса преславная и мало нѣчто сказати отъ тѣхъ преславныхъ чюдесъ, а множанша забыхъ отъ страха. Стыдяся твоего благочестіа, неразоумно исповѣдати, понудихся писаніемъ известити тебѣ». (Срв. выше стр. 541).

ма, конечно, по той же причинѣ, что и Симонъ; но странно, что онъ даетъ ему форму письма, адресованнаго къ собственному архимандриту, а не къ кому-нибудь стороннему. Лица и событія всѣхъ 11-ти разсказовъ Поликарпа относятся къ такому отдаленному отъ него времени, что источникомъ всѣхъ должны быть считаемы устныя преданія Печерскаго монастыря.

Содержаніе всѣхъ разсказовъ и Симона и Поликарпа составляютъ чудеса, совершившіяся въ Печерскомъ монастырѣ. Отличительная черта наибольшей части чудесъ есть ихъ исключительность и великость или особенная необычайность. Самъ Симонъ, указывая на эту черту ихъ Поликарпу, спрашиваетъ его: «поистинѣ, братъ Поликарпъ, гдѣ слышалъ ты о такихъ дивныхъ чудесахъ, какія творились во святомъ Печерскомъ монастырѣ?» Разсказавъ о чудесахъ, бывшихъ при построеніи главной церкви Печерской, Симонъ пишетъ*): «прошли мы книги Ветхаго и Новаго Завѣта и нигдѣ не находили о святыхъ церквахъ такихъ чудесъ, какъ объ этой».

Въ литературномъ отношеніи оба сочиненія и Симоново и Поликарпово сравнительно очень удовлетворительны. Симонъ въ своей вступительной части къ разсказамъ или въ своемъ собственномъ обличительномъ письмѣ къ Поликарпу даетъ видѣть въ себѣ не просто толковаго разсказчика, но вообще писателя и оратора очень замѣчательнаго.

Величайшее сравнительно множество дошедшихъ до насъ списковъ Патерика Печерскаго несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что онъ былъ самою любимою четьею книгою нашихъ предковъ. На этомъ, кажется,

*) В. Яковлевъ, стр. CXIX.

основаніи многіе думаютъ, что онъ представляетъ собою книгу самую назидательную для ищущихъ назиданія людей. Но это послѣднее требуетъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ пояснительныхъ рѣчей. Собственною цѣлью составителей Патерика, какъ они прямо и ясно даютъ знать, было то, чтобы увѣковѣчить въ потомствѣ память о великихъ чудесахъ, совершившихся въ Печерскомъ монастырѣ, и чтобы вмѣстѣ съ симъ показать, что Печерскій монастырь есть богоизбранное и святое мѣсто. Независимое отъ сей цѣли составителей и прямое, по отношенію къ читателямъ, назиданіе Патерика есть то, что руками великихъ подвижниковъ Богъ творитъ великія чудеса. Но если разумѣть назиданіе въ обыкновенномъ смыслѣ наставленія и руководства къ благочестивой христіанской жизни, то въ семъ смыслѣ и не для монаховъ только, которымъ естественно имѣть передъ глазами примѣръ подвижниковъ, а и для мірянъ, которые подвижниками быть не могуть, Патерикъ не составляетъ книги ни исключительно, ни нарочито назидательной*).

---

*) Лучшую характеристику религіозности русскаго общества въ первое время по принятіи христіанства по Патерику см. во второй части «Очерковъ по исторіи русской культуры» проф. П. Н. Милюкова. (Спб. 1897, стр. 8 и слѣд.). Патерикъ долго оставался «одною изъ самыхъ любимыхъ книгъ для народнаго чтенія»; по нему можно «лучше всего измѣрить наибольшую высоту того духовнаго подъема, на который способна была Русь, только что покинувшая свое язычество».

XXIII. ПОУЧЕНІЕ ДѢТЯМЪ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ КІЕВСКАГО ВЛАДИМИРА ВСЕВОЛОДОВИЧА МОНОМАХА.

(По тексту *Лѣтописи по Лаврентьевскому списку* подъ 1096-мъ г.).

Поученье.

Азъ худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословленымъ, славнымъ, нареченый въ крещеніи Василий, русьскымь именемь Володимиръ, отцемь възлюбленымь и матерью своею Мьномахы *) . . . . .
. . . . . .
и хрестьяныхъ людий дѣля, колико бо сблюдъ по милости своей и по отни молитвѣ отъ всѣхъ бѣдъ. Сѣдя на санехъ, помыслихъ в души своей и похвалихъ Бога, иже мя сихъ дневъ грѣшнаго допровади. Да дѣти мои, или инъ кто, слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтеся, но ему же люба дѣтий моихъ, а приметь ю в сердце свое, и не лѣнитися начнеть такоже и тружатися: первое, Бога дѣля и душа своея, страхъ имѣйте Божий в сердци своемь, и милостыню творя неоскудну, то бо есть начатокъ всякому добру. Аще ли кому не люба грамотиця си, а не поохрѣтаються, но тако се рекуть: на далечи пути, да на санехъ сѣдя, безлѣпицю (е)си молвилъ.

Усрѣтоша бо мя слы отъ братья моея на Волзѣ, рѣша: «потъснися к намъ, да выженемъ Ростисла-

*) Послѣ этого слова въ рукописномъ подлинникѣ пробѣлъ въ четыре съ половиною строки; начала поученія не достаетъ.

вича и волость ихъ отъимемъ; еже ли не поидеши с нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ», и рѣхъ: «аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити». И отрядивъ я̀, вземъ Псалтырю, и печали разгнухъ я̀, и то ми ся выня: вскую печалуеши, душе? вскую смущаеши мя? и прочая. И потомь собрахъ словца си любая, и складохъ по ряду, и написахъ: аще вы послѣдняя не люба, а передняя приймайте. Вскую печална еси, душе моя? вскую смущаеши мя? упова(й) на Бога, яко исповѣмся ему. Не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ безаконье, зане лукавнующии потребятся, терпящии же Господа, ти обладають землею. И еще мало, и не будеть грѣшника; взищеть мѣста своего, и не обрящеть. Кротции же наслѣдять землю, насладяться на множьствѣ мира. Назираеть грѣшный праведнаго, и поскрегчеть на нь зубы своими; Господь же посмѣется ему, и прозрить, яко придеть день его. Оружья извлекоша грѣшьници, напряже лукъ свой истрѣляти нища и убога, заклати правыя сердцемь. Оружье ихъ внидеть въ сердця ихъ, и луци ихъ скрушатся. Луче есть праведнику малое, паче богатства грѣшныхъ многа. Яко мышца грѣшныхъ скрушатся, утвержаеть же праведныя Господь. Яко се грѣшници погыбнуть; праведныя же милуя и даеть. Яко благословящии его наслѣдять землю, кленущии же его потребятся. Отъ Господа стопы человѣку исправятся. Егда ся падеть, и не разбьеться, яко Господь подъемлеть руку его. Унъ бѣхъ, и остарѣхся, и не видѣхъ праведника оставлена, ни сѣмени его просяща хлѣба. Весь день милуеть и в заимъ даеть праведный, и племя его благословлено будеть. Уклонися отъ

зла, створи добро, взищи мира и пожени, и живи в вѣкы вѣка. Внегда стати человѣкомъ, убо живы пожерли ны быша; внегда прогнѣватися ярости его на ны, убо вода бы ны потопила. Помилуй мя, Боже, яко попра мя человѣкъ, весь день боряся, стужи ми. Попраша мя врази мои, яко мнози борющиися со мною с выше. Возвеселится праведникъ, и егда видить месть; руцѣ свои умыеть в крови грѣшника. И рече убо человѣкъ: аще есть плодъ праведника, и есть убо Богъ судяй земли. Измий мя отъ врагъ моихъ, Боже, и отъ встающихъ на мя отъими мя. Избави мя отъ творящихъ беззаконье, и отъ мужа крови спаси мя; яко се уловиша душю мою; и яко гнѣвъ въ ярости его, и животъ в воли его; вечеръ водворится плачь, а заутра радость. Яко лучьши милость твоя, паче живота моего, и устиѣ мои похвалита тя. Тако благословлю тя в животѣ моемь, и о имени твоемь въздѣю руцѣ мои. Покры мя отъ соньма лукаваго, и отъ множьства дѣлающихъ неправду. Възвеселитеся вси праведнии сердцемь. Благословлю Господа на всяко время, воину хвала его, и прочая.

Якоже бо Василий учаше, собравъ ту уноша, душа чисты, нескверньни, тѣлеси худу, кротку бесѣду и в мѣру слово Господне: яди (и) питью бесъ плища велика быти, при старыхъ молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися, с точными и меншими любовь имѣти; без луки бесѣдующе, а много разумѣти; не сверѣповати словомь, ни хулити бесѣдою, не обило смѣятися, срамлятися старѣйшихъ, к женамъ нелѣпымъ не бесѣдовати, долу очи имѣти, а душю горѣ; пребѣгати, не стрѣкати учить легкыхъ, власти ни в кую же имѣти, еже отъ всѣхъ честь;

аще ли кто васъ можеть ниѣмь услѣти, отъ Бога мьзды да часть и вѣчныхъ благъ насладится.

О владычице Богородице! отъими отъ убогаго сердца моего гордость и буесть, да не възношюся суетою мира сего; в пустошнѣмь семь житьи научися, вѣрный человѣче, быти благочестию дѣлатель, научися, по евангельскому словеси, очима управленье, языку удержанье, уму смѣренье, тѣлу порабощенье, нѣву погубленье, помыслъ чистъ имѣти, понужаяся на добрая дѣла, Господа ради; лишаемъ — не мьсти, ненавидимъ любо гонимъ — терпи, хулимъ — моли, умертви грѣхъ, избавите обидима, судите сиротѣ, оправдайте вдовицю; придѣте, да сожжемъся, глаголеть Господь; аще будутъ грѣси ваши яко оброщени, яко снѣгъ обѣлю я, и прочее.

Воспяеть весна постная и цвѣтъ покаянья; очистимъ собе, братья, отъ всякоя крови плотьскыя и душевныя, свѣтодавцю вопьюще рцѣмъ: слава тобѣ, человѣколюбче! Поистинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть человѣколюбець Богъ милостивъ и премилостивъ; мы человѣци, грѣшни суще и смертни, то оже ны зло створить, то хощемъ и пожрети и кровь его прольяти вскорѣ; а Господь нашь, владѣя и животомъ и смертью, согрѣшенья наша выше главы нашея терпить, и пакы и до живота нашего, яко отець, чадо свое любя, бья, и пакы привлачить е к собѣ. Такоже и Господь нашь показалъ ны есть на врагы побѣду, 3-ми дѣлы добрыми избыти его и побѣдити его: покаяньемъ, слезами и милостынею; да то вы, дѣти мои, не тяжька заповѣдь Божья оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ и царствия не лишитися.

А Бога дѣля не лѣнитеся, молю вы ся, не забы-

вайте 3-хъ дѣлъ тѣхъ: не бо суть тяжка; ни одиночьство, ни черничьство, ни голодъ, яко инии добрии терпять, но малымъ дѣломь улучити милость Божью.

Что есть человѣкъ, яко помниши й? Велий еси, Господи, и чюдна дѣла твоя, никакже разумъ человѣческъ не можеть исповѣдати чюдесъ твоихъ; и пакы речемъ: велий еси, Господи, и чюдна дѣла твоя и благословено и хвално имя твое в вѣкы по всей земли. Иже кто не похвалить, ни прославляеть силы твоея и твоихъ великыхъ чюдесъ и доброть, устросныхъ на семь свѣтѣ; како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды, и тма и свѣтъ, и земля на водахъ положена, Господи, твоимъ промысломъ! звѣрье розноличнии, и птица и рыбы украшены твоимъ промысломъ, Господи!

И сему чюду дивуемъся, како отъ персти создавъ человѣка, како образи розноличнии въ человѣчьскыхъ лицихъ, аще и весь миръ совокупить, не вси въ одинъ образъ, но кыйже своимъ лица образомъ, по Божии мудрости; и сему ся подивуемы, како птица небесныя изъ ирья идуть, и первѣе (въ) наши руцѣ, и не ставятся на одиной земли, но и силныя и худыя идуть по всѣмъ землямъ, Божиимь повелѣньемь, да наполнятся лѣси и поля; все же то далъ Богъ на угодье человѣкомъ, на снѣдь, на веселье. Велика, Господи, милость твоя на насъ, яже та угодья створилъ еси человѣка дѣля грѣшна. И ты же птицѣ небесныя умудрены тобою, Господи, егда повелиши, то вспоють, и человѣкы веселять тобе; и егда же не повелиши имъ, языкъ же имѣюще онемѣють.

А благословенъ еси, Господи, и хваленъ зѣло! всяка чюдеса и ты доброты створивъ и здѣлавъ, да

иже не хвалить тебе, Господи, и не вѣруеть всѣмъ сердцемь и всею душею въ имя Отца и Сына и святаго Духа, да будеть проклятъ.

Си словца прочитаюче, дѣти моя, божественая, похвалите Бога, давшаго намъ милость свою, и се отъ худаго моего безумья наказанье; послушайте мене, аще не всего пріімете, то половину.

Аще вы Богъ умякчить сердце, и слезы своя испустите о грѣсѣхъ своихъ, рекуще: якоже блудницю и разбойника и мытаря помиловалъ еси, тако и насъ грѣшныхъ помилуй, и в церкви то дѣйте и ложася. Не грѣшите ни одіну же ночь, аще можете, поклонитися до земли; а ли вы ся начнеть не мочи, а трижды; а того не забывайте, не лѣнитеся, тѣмь бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ человѣкъ побѣжаетъ дьявола, и что въ день согрѣшить, а тѣмъ человѣкъ избываеть. Аще и на кони ѣздяче не будеть ни с кымъ орудья, аще инѣхъ молитвъ не умѣете молвити, а «Господи помилуй» зовѣте бес престаии, втайнѣ; та бо есть молитва всѣхъ лѣпши, нежели мыслити безлѣпицю ѣздя.

Всего же паче убогыхъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте силнымъ погубити человѣка. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его; аще будеть повиненъ смерти, а душа не погубляйте никакоя же хрестьяны.

Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не кленитеся Богомь, ни хреститеся, нѣту бо ти нужа никоеяже; аще ли вы будете крестъ цѣловати к братьи, или къ кому, а ли управивъше сердце свое, на немже можете устояти, тоже цѣлуйте, и цѣловавше блюдѣте, да не, приступии, погубите душѣ своеѣ. Епис-

копы, и попы, и игумены с любовью взимайте отъ нихъ благословленье, и не устраняйтеся отъ нихъ, и по силѣ любите и набдите, да примете отъ нихъ молитву отъ Бога.

Паче всего гордости не имѣйте в сердци и въ умѣ, но рцѣмъ: смертни есмы, днесь живи, а заутра в гробѣ; се все, что ны еси вдалъ, не наше, но твое, поручилъ ны еси на мало дний, и в земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ. Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью. В дому своемь не лѣнитеся, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящии к вамъ и дому вашему, ни обѣду вашему.

На войну вышедъ, не лѣнитеся, не зрите на воеводы; ни питью, ни ѣденью не лагодите, ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вои, тоже лязите, а рано встанѣте; а оружья не снимайте с себе вборзѣ, не розглядавше лѣнощами, внезапу бо человѣкъ погыбаеть. Лжѣ блюдися и пьяньства и блуда, в томъ бо душа погыбаеть и тѣло.

Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селѣхъ, ни в житѣхъ, да не кляти васъ начнуть. Куда же поидете, идеже станете, напойте, накормите унеина; и боле же чтите гость, откуду же к вамъ придеть, или простъ, или добръ, или солъ, аще не можете даромъ, брашномъ и питьемь: ти бо мимоходячи прославять человѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ.

Болнаго присѣтите; надъ мертвеця идѣте, яко вси мертвии есмы; и человѣка не минѣте, не привѣчавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не

дайте имъ надъ собою власти. Се же вы конець всему: страхъ Божий имѣйте выше всего; аще забываете всего, а часто прочитайте: и мнѣ будеть бе — сорома*), и вамъ будеть добро. Егоже умѣючи, того не забывайте доброго, а егоже не умѣючи, а тому ся учите, якоже бо отець мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ, в томъ бо честь есть отъ инѣхъ земль. Лѣность бо всему мати: еже умѣеть, то забудеть, а егоже не умѣеть, а тому ся не учить; добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе, первое к церкви: да не застанеть васъ солнце на постели; тако бо отець мой дѣяшеть блаженый и вси добрии мужи свершении; заутренюю отдавши Богови хвалу и потомъ солнцю въсходящю, и узрѣвше солнце и прославити Бога с радостью, и рече: просвѣти очи мои, Христе Боже, и(же) далъ ми еси свѣтъ твой красный, и еще: Господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ, грѣховъ своихъ покаявъся, оправдивъ животъ, тако похвалю Бога; и сѣдше думати с дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати: спанье есть отъ Бога присужено полудне, о тъ чинъ бо почиваеть и звѣрь, и птици, и человѣци.

А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ, пути дѣя и ловы 13 лѣтъ. Первое к Ростову идохъ, сквозѣ Вятичѣ, посла мя отець, а самъ иде Курьску; и пакы 2-е к Смолиньску со Ставкомь Скордятичемъ, той пакы и отъиде къ Берестию со Изяславомь, а мене посла Смолиньску; то и — Смолиньска **) идохъ Володимерю. Тое же зимы той посласта Берестию брата на головнѣ, иде бяху

*) Т. е. безъ срама.

**) Т. е. изъ Смоленска.

пожгли, той ту блюд(ох)ъ городъ тѣхъ. Та идохъ Переяславлю отцю, а по велицѣ дни ис Переяславля та Володимерю, на Сутейску мира творитъ с Ляхы; оттуда пакы на лѣто Володимерю опять. Та посла мя Святославъ в Ляхы: ходивъ за Глоговы до Чешьскаго лѣса, ходивъ в земли ихъ 4 мѣсяци; и в то же лѣто и дѣтя ся роди старѣйшее Новгородьское; та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову.

И Святославъ умре, и язъ пакы Смолиньску, а и — Смолиньска той же зимѣ та к Новугороду; на весну Глѣбови в помочь; а на лѣто со отцемь подъ Полтескъ, а на другую зиму с Святополкомъ подъ Полтескъ; ожгоша Полтескъ; онъ иде Новугороду, а я с Половци на Одрьскъ, воюя; та Чернигову. И пакы и — Смолиньска къ отцю придохъ Чернигову; и Олегъ приде, из Володимеря выведенъ, и возвахъ и к собѣ на обѣдъ со отцемь в Черниговѣ, на Краснѣмь дворѣ, и вдахъ отцю 300 гривенъ золота. И пакы и — Смолиньска же пришедъ, и продохъ сквозѣ Половечьскыи вои, бьяся, до Переяславля, и отца налѣзохъ с полку пришедша; той пакы ходихомъ, томъ же лѣтѣ, со отцемь и со Изяславомь битъся Чернигову с Борисомь, и побѣдихомъ Бориса и Олга. И пакы идохомъ Переяславлю, и стахомъ во Обровѣ, и Всеславъ Смолнескъ, ожьже, и азъ всѣдъ с Черниговци о двою коню; и не застахомъ въ Смолиньскѣ; тѣмже путемъ по Всеславѣ пожегъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожьска, та на Дрьютьскъ воюя, та Чернигову.

А на ту зиму повоеваша Половци Стародубъ весь, и азъ шедъ с Черниговци и с Половци, на Деснѣ изьимахомъ князи Асадука и Саука, и дружину ихъ

избиша; и на заутреѣ за Новымъ Городомъ разгнахомъ силны вои Белкатгина, а се мечи и полонъ весь от(ъ)яхомъ.

А въ Вятичи ходихомъ по двѣ зимы на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну ходихъ 1-ю зиму; и пакы по Изяславичихъ за Микулинъ, и не постигохомъ ихъ; и на ту весну къ Ярополку совкуплятъся на Броды. Томже лѣтѣ гонихомъ по Половьцихъ за Хоролъ, иже Горошинъ взяша. И на ту осень идохомъ с Черниговци и с Половци, с Читѣевичи, к Мѣньску: изъѣхахомъ городъ, и не оставихомъ у него ни челядина, ни скотины.

На ту зиму идохомъ къ Ярополку совокуплятися на Броды, и любовь велику створихомъ. И на весну посади мя отець в Переяславли передъ братьею, и ходихомъ за Супой; и ѣдучи к Прилуку городу, и срѣтоша ны внезапу Половечьскыѣ князи, 8 тысячь, и хотѣхомъ с ними ради битися, но оружье бяхомъ услали напередъ на повозѣхъ, и внидохомъ в городъ; толко Семцю яша одиного живого, тп смердъ нѣколико, а наши онѣхъ боле избиша и изьимаша, и не смѣша ни коня пояти въ руцѣ, и бѣжаша на Сулу тое ночи; и заутра, на Госпожинъ день, идохомъ к Бѣлѣ Вежи, и Богъ ны поможе и святая Богородица: избиша 900 Половець, и два князя яша, Багубарсова брата, Асиня и Сакся, а два мужа толко утекоста; и потомь на Святославль гонихомъ по Половцихъ, и потомь на Торческый городъ, и потомь на Гюргевъ по Половцихъ; и паки на той же сторонѣ у Красна Половци побѣдихомъ; и потомь с Ростиславомъ же у Варина вежѣ взяхомъ.

И потомь ходивъ Володимерю, паки Ярополка

посадихъ, и Ярополкъ умре. И паки по отни смерти и по Святополцѣ на Сулѣ бившеся съ Половци до вечера, быхомъ у Халѣпа, и потомь миръ створихомъ с Тугорканомъ и со инѣми князи Половечьскими; и у Глѣбови чади пояхомъ дружину свою всю. И потомь Олегъ на мя приде съ Половечьскою землею к Чернигову, и бишася дружина моя с нимь 8 дний о малу (греб)лю, и не вдадуче имъ въ острогъ; (съжа)ливъси хрестьяныхъ душь и селъ горящихъ и манастырь, и рѣхъ: «не хвалитися поганымъ», и вдахъ брату отца его мѣсто, а самъ идохъ на отця своего мѣсто Переяславлю; и изидохомъ на святаго Бориса день ис Чернигова, и ѣхахомъ сквозѣ полкы Половьчскиѣ, не въ 100 дружинѣ, и с дѣтми и с женами, и облизахутся на насъ акы волци стояще, и отъ перевоза и з горъ, Богъ и святый Борисъ не да имъ мене в користь, невредженни доидохомъ Переяславлю.

И сѣдѣхъ в Переяславли 3 лѣта и 3 зимы, и с дружиною своею, и многы бѣды приняхомъ отъ рати и отъ голода; и идохомъ на вои ихъ за Римовъ, и Богъ ны поможе, избиша и, а другия поимаша; и паки Итлареву чадь избиша, и вежи ихъ взяхомъ, шедше за Голтавомь. И Стародубу идохомъ на Олга, зане ся бяше приложилъ къ Половцемъ; и на Богъ идохомъ, с Святополкомъ на Боняка за Рось; и Смолиньску идохомъ, с Давыдомь смирившеся; паки идохомъ другое с Вороницѣ; тогда же и Торци придоша ко мнѣ, ис Половець Читѣевичи, идохомъ противу имъ на Сулу. И потомь паки идохомъ к Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихомъ Смолинску; и се нынѣ иду Ростову. И паки с Святополкомъ гонихомъ по Боняцѣ, но ли оли убиша,

и не постигохомъ ихъ; и потомь по Боняцѣ же гонихомъ за Рось, и не постигохомъ его. И на зиму Смолинску идохъ, и — Смоленска по велицѣ дни выпдохъ; и Гюргева мати умре. Переяславлю пришедъ на лѣто, собрахъ братью; и Бонякъ приде со всѣми Половци къ Кснятиню, идохомъ за ня ис Переяславля за Сулу, и Богъ ны поможе, и полъкы ихъ побѣдихомъ, и князи изьимахомъ лѣпшии, и по Рожествѣ створихомъ миръ съ А(е)пою, и поимъ у него дчерь, идохомъ Смоленьску; и потомь идохъ Ростову. Пришедъ из Ростова, паки идохъ на Половци на Урубу с Святополкомъ, и Богъ ны поможе; и потомь паки на Боняка к Лубьну, и Богъ ны поможе; и потомь ходихомъ в воину с Святополкомъ; и потомь пакы на Донъ идохомъ с Святополкомъ и с Давыдомъ, и Богъ ны поможе; и к Выреви бяху пришли Аепа и Бонякъ, хотѣша взяти и, ко Ромну идохъ со Олгомь и з дѣтми на ня, и они очитивше бѣжаша. И потомь к Мѣньску ходихомъ на Глѣба, оже ны бяше люди заялъ, и Богъ ны поможе, и створихомъ свое мышленое. И потомь ходихомъ къ Володимерю на Ярославця, не терпяче злобь его. А изъ Чернигова до Кыева нестишь ѣздихъ ко отцю, днемъ есмъ переѣздилъ до вечерни.

А всѣхъ путий 80 и 3 великихъ, а прока не испомню меншихъ. И миров есмъ створилъ с Половечьскыми князи безъ одиного 20, и при отци и кромѣ отца, а дая скота много и многы порты своѣ; и пустилъ есмъ Половечскыхъ князь лѣпшихъ изъ оковъ толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, Овчины братьѣ 4, а всѣхъ лѣпшихъ князий нѣхъ 100; а самы князи Богъ живы в руцѣ дава: Коксусь с сыномь, Аклань, Бурчевичь, Таревьскый князь Аз-

гулуй, и инѣхъ кметий молодыхъ 15, то тѣхъ живы ведъ, исѣкъ, вметахъ в ту рѣчку въ Славлий; по чередамъ избьено не съ 200 в то время лѣпшихъ.

А се тружахъся ловы дѣя: понеже сѣдохъ в Черниговѣ, а изъ Чернигова вышедъ, и д.....о лѣта по сту уганива(лъ) и имь даромъ всею силою кромѣ иного лова, кромѣ Турова, иже со отцемь ловилъ есмъ всякъ звѣрь. А се в Черниговѣ дѣялъ есмъ: конь дикихъ своима рукама связалъ есмь въ пущахъ 10 и 20 живыхъ конь, а кромѣ того же по Роси ѣздяималъ есмъ своима рукама тѣже кони дикиѣ. Тура мя 2 метала на розѣхъ и с конемъ, олень мя одинъ болъ, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а другый рогома болъ, вепрь ми на бедрѣ мечь оттялъ, медвѣдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры и конь со мною поверже; и Богъ невредена мя съблюде. И с коня много падахъ, голову си розбихъ дважды, и руцѣ и позѣ свои вередихъ, въ уности своей вередихъ, не блюда живота своего, ни щадя головы своея. Еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя: на посадникы не зря, ні на биричи, самъ творилъ что было надобѣ, весь нарядъ и в дому своемь то я творилъ есмь; і в ловчихъ ловчий нарядъ самъ есмь держалъ, и в конюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястрябѣхъ; тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмъ силнымъ обидѣти, и церковнаго наряда и службы самъ есмъ призиралъ.

Да не зазрите ми, дѣти мои, ни инъ кто, прочетъ, не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю Бога и прославляю милость его, иже мя

грѣшнаго и худаго селико лѣтъ сблюдъ отъ тѣхъ часъ смертныхъ, и не лѣнива мя былъ створилъ, худаго, на вся дѣла человѣчьская потребна.

Да сю грамотицю прочитаючи, потъснѣтеся на вся дѣла добрая, славяще Бога с святыми его. Смерти бо ся, дѣти, не бояще, ни рати, ни отъ звѣри, но мужьское дѣло творите, како вы Богъ подасть; оже бъ язъ отъ рати, и отъ звѣри, и отъ воды, отъ коня спадаяся, то никто же васъ не можеть вредитися и убити, понеже не будетъ отъ Бога повелѣно; а иже отъ Бога будеть смерть, то ни отець, ни мати, ни братья не могутъ отьяти, но оче добро есть блюсти, Божие блюденье леплѣѣ есть человѣчьскаго. О многострастный и печалны азъ! много борешися сердцемь, и одолѣвши, душе, сердцю моему, зане, тлѣньне сущи, помышляю како стати предъ страшнымъ судьею, каянья и смѣренья не приимшимъ межю собою. Молвить бо иже: Бога люблю, а брата своего не люблю, ложь есть; и пакы: аще не отпустите прегрѣшений брату, ни вамъ отпустить отець вашь небесный. Пророкъ глаголеть: не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ безаконье; что есть добро и красно, (но еже жити) братья вкупѣ! . . . . . *) Но все дьяволе наученье! то бо были рати при умныхъ дѣдѣхъ нашихъ, при добрыхъ и при блаженыхъ отцихъ нашихъ; дьяволъ бо не хоче(тъ) добра роду человѣчскому, сваживаеть ны. Да се ти написахъ, зане прицуди мя сынъ мой, егоже еси хрстилъ, иже то сѣдить близь тобе, прислалъ ко мнѣ мужь свой и грамоту,

*) Далѣе слѣдуетъ посланіе Мономаха къ Олегу Святославичу, писанное въ 1096-мъ г. послѣ муромскаго сраженія, въ которомъ былъ убитъ Мономаховъ сынъ Изяславъ.

река: ладимъся, и смѣримся, а братцю моему судъ пришелъ; а вѣ ему не будевѣ местника, но възложивѣ на Бога, а станутъ си предъ Богомь; а Русьскы земли не погубимъ. И азъ видѣхъ смѣренье сына своего, сжалихси, и Бога устрашихся, рекохъ: онъ въ уности своей и в безумьи сице смѣряеться, на Бога укладаеть; азъ человѣкъ грѣшенъ есмь, паче всѣхъ человѣкъ. Послушахъ сына своего, написахъ ти грамоту: аще ю приимеши с добромь ли, с поруганьемъ, свое же узрю на твоемь писаньи. Сими бо словесы варихъ тя переди, егоже почаяхъ отъ тебе, смѣреньемъ и покаяньемъ, хотя отъ Бога ветхыхъ своихъ грѣховъ (оставления). Господь бо нашь не человѣкъ есть, но Богъ всей вселенѣ, иже хощеть, в мегновеньи ока вся створити хощеть, тъ самъ претерпѣ хуленье, и оплеванье, и ударенье, и на смерть вдася, животомъ владѣя и смертью; а мы что есмы? человѣци грѣшнии, лисн, днесь живи, а утро мертви, днесь в славѣ и въ чти, а заутра в гробѣ и бес памяти, ини собранье наше раздѣлять.

Зри, братъ, отца наю: что взяста, или чимъ има порты? не токмо оже еста створила души своей. Но да сими словесы, пославше бяше переди, братъ, ко мнѣ варити мене. Егда же убиша дѣтя мое и твое предъ тобою, и бяше тебѣ, узрѣвше кровь его и тѣло увянувшю, яко цвѣту нову процветшю, якоже агньцю заколену, и рещи бяше, стояще над нимъ, вникнущи (въ) помыслы души своей: увы мнѣ! что створихъ, и пождавъ его безумья, свѣта сего мечетнаго кривости ради налѣзохъ грѣхъ собѣ, отцю и матери слезы; и рещи бяше Давыдскы: (яко беззаконие мое) азъ знаю, грѣхъ мой предо

миою есть воину. Не кровѣ дѣля пролитья помазаникъ Божий Давыдъ, (нъ) прелюбодѣянье створи, посыпа главу свою и плакася горко во тъ часъ, отда ему согрѣшенья его Богъ. А к Богу бяше покаятися, а ко мнѣ бяше грамоту утѣшеную, а сноху мою послати ко мнѣ, зане нѣсть в ней ни зла, ни добра, да быхъ обуимъ оплакалъ мужа ея и оны сватбы ею, въ пѣсний мѣсто: не видѣхъ бо ею первѣе радости, ни вѣнчанья ею, за грѣхы своя; а Бога дѣля пусти ю ко мнѣ вборзѣ с первымъ сломь, да съ нею кончавъ слезы, посажю на мѣстѣ, и сяденть акы горлица на сусѣ древѣ желѣючи, а язъ утѣшюся о Бозѣ.

Тѣмъ бо путемъ шли дѣди и отци наши: судъ отъ Бога ему пришелъ, а (не) отъ тебе. Аще бы тогда свою волю створилъ, и Муромъ налѣзлъ, а Ростова бы не заималъ, а послалъ ко мнѣ, отсюда ся быхомъ уладили; но самъ разумѣй, мнѣ ли бы послати к тебѣ достойно, ци ли тобѣ ко мнѣ? да же еси велѣлъ дѣтяти: «слися къ отцю» десять я есмъ послалъ. Дивно ли, оже мужь умерлъ въ полку ти? лѣпше суть измерли и роди наши; да не выискывати было чюжего, ни мене в соромъ, ни в печаль ввести; научиша бо и паропци, да быша собѣ налѣзли, по оному налѣзоша зло. Да (е)же начнеши каятися Богу, и мнѣ добро сердце створиши,ославъ солъ свой, или пископа, и грамоту напиши с правдою, той волость възмешь с добромъ, и наю сердце обратиши къ собѣ, и лѣпше будемъ яко и преже; нѣсмъ ти ворожбитъ, ни местьникъ. Не хотѣхъ бо крови твоея видѣти у Стародуба: но не дай ми Богъ крови отъ руку твоею видѣти, ни отъ повѣленья своего, никотораго же

брата. Аще ли лжю, а Богъ мя вѣдаеть и крестъ честный. Оли то буду грѣхъ створилъ, оже на тя шедъ к Чернигову, поганыхъ дѣля, ли того ся каю; да то языкомъ братьи пожаловахъ, и пакы е повѣдахъ, зане человѣкъ есмь; аще ти добро, да с тѣмь; али ти лихое, да то ти сѣдить сынъ твой хрестьный с малымъ братомъ своимь, хлѣбъ ѣдучи дѣдень, а ты сѣдиши в своемъ.

А о се ся ряди; али хочеши тою убити, ато ти еста, понеже не хочу я лиха, но добра хочю братьа и Русьскѣй земли; а егоже ты хощеши насильемъ, тако вѣ даяла и у Стародуба и мила ся дѣюща по тебѣ, очину твою, али Богъ послухъ тому, с братомъ твоимъ рядилися есвѣ, а не поможеть рядитися бес тебе, и не створила есвѣ лиха ничтоже, ни рекла есвѣ: сли к брату дондеже уладимся; оже ли кто васъ не хочеть добра, ни мира хрестьяномъ, а не буди ему отъ Бога мира узрѣти на ономъ свѣтѣ души его. Не по нужи ти молвлю, ни бѣда ми которая, по Бозѣ, самъ услышишь; но душа ми своя лутши всего свѣта сего; на страшнѣй при бе-суперникъ обличаюся и прочее.....

Премудрости *) наставниче и смыслу давче, несмысленымъ казателю и нищимъ заступниче! утверди в разумѣ мое сердце, Владыко! ты дажь ми слово отче, се бо устнама моима не възбрани в(ъ) пити ти: милостиве, помилуй падшаго! упованье мое Богъ, прибѣжище мое Христосъ, покровъ мой Святый Духъ; надеже и покрове мой, не презри мене, благая!

Тебе бо имуще помощницю в печали и в болѣзни и отъ злыхъ всѣхъ, и тебе славлю, препѣтая! И

*) Отсюда начинается отрывокъ молитвеннаго содержанія.

разумѣйте и видите, яко азъ есмь Богъ, испытая-(й) сердця и свѣдый мысли, обличаяй дѣла, опаляяй грѣхы, судяй сиротѣ, и убогу и нищю. Всклонися, душе моя, и дѣла своя помысли, яже здѣя, предъ очи свои принеси, и капля испусти слезъ своихъ, и повѣжь явѣ дѣянья и вся мысли Христу, и очистися.

Андрѣа честный, отче треблаженый, пастуше Критьскый! не престай моляся за ны чтущая тя, да избудемъ вси гнѣва, и печали, и тля, и грѣха и бѣдъ же, чтуще память твою вѣрно. Градъ свой схрани, дѣвице, Мати чистая, иже о тебѣ вѣрно царствуеть, да тобою крѣпимся и тобѣ ся надѣемъ, побѣжаемъ вся брани, испромѣтаемъ противныя и творимъ послушенье. О препѣтая Мати, рожьшия всѣхъ святыхъ пресвятаго слова: приимли нынешнее приношенье, отъ всякия напасти заступи и грядущия мукы к тебѣ вопьющихъ; молимъ ти ся, раби твои, и прекланяемъ си колѣни сердця нашего; приклони ухо твое, чистая, и спаси ны в скорбехъ погружающа(я)ся присно, и сблюди отъ всяко плѣненья вражья твой градъ, Богородице!

Пощади, Боже, наслѣдья твоего, прегрѣшенья наша вся презри, нынѣ насъ имѣя молящихъ тя, на земли рожьшюю тя бе-сѣмене, земную милость, изволивъ облещися, Христе, в человѣчьство; пощади мя, спасе, рождься и схрань рожьшюю тя нетлѣнну по рожествѣ, и егда сядеши судити дѣла моя, яко безгрѣшенъ и милостивъ, яко Богъ и человѣколюбець. Дѣво пречистая, неискусна браку, богообрадованая, вѣрнымъ направленье! спаси мя погыбшаго, к сыну ти вопьюща.

Помилуй мя, Господи, помилуй. Егда хощеши судити, не осуди мя въ огнь, ни обличи мене яростью

си; молитъ тя дѣва чистая, рожшая тя, Христе, и множство ангелъ и мученикъ зборъ. О Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, ему же подобаетъ честь и слава, Отцю и Сыну и святому Духу, всегда і нынѣ, присно, вѣкъ *).

---

*) Приведенный на стр. 584—602 полностью отрывокъ изъ лѣтописнаго свода по Лаврентьевскому списку состоитъ изъ трехъ частей: собственно поученія дѣтямъ, посланія къ князю Олегу Святославичу и какого-то молитвеннаго обращенія; въ слитомъ видѣ онъ вставленъ въ Лаврентьевскій списокъ подъ 1096-мъ г. въ средину разсказа о людяхъ, заключенныхъ въ горѣ Александромъ Македонскимъ. Разсказавъ о нападеніи половцевъ на Печерскій монастырь — «и придоша на манастырь Печерьскый, намъ сущимъ по кѣльямъ почивающимъ по заутрени, и кликнуша около манастыря, и поставиша стяга два предъ враты манастырьскыми, намъ же бѣжащимъ задомъ манастыря, а другимъ възбѣгшимъ на полати» — лѣтописецъ говоритъ со словъ Меѳодія Патарскаго о людяхъ, которые «к кончинѣ вѣка изидуть заклепении в горѣ Александромъ Македоньскымъ нечистыя человѣкы», вставляетъ послѣ этого перепечатанный въ сборникѣ отрывокъ, а затѣмъ продолжаетъ свой разсказъ о томъ же, начиная словами: «се же хощю сказати, яже слышахъ преже сихъ четырехъ лѣтъ, яже сказа ми Гюрятя Роговичь новгородець...» Излагая поученіе Мономаха, С. М. Соловьевъ («Исторія Россіи» по изданію Спб. 1894, книга I, стр. 315) дѣлаетъ такое замѣчаніе объ его авторѣ: «Мономахъ вовсе не принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ дѣятелямъ, которые смотрятъ впередъ, разрушаютъ старое, удовлетворяютъ *новымъ* погребностямъ общества: это было лицо съ характеромъ чисто охранительнымъ. Мономахъ не возвышался надъ понятіями своего вѣка, не шелъ наперекоръ имъ, не хотѣлъ измѣнить существующій порядокъ вещей; но личными доблестями, строгимъ исполненіемъ обязанностей прикрывалъ недостатки существующаго порядка, дѣлалъ его не только сноснымъ для народа, но даже способнымъ удовлетворять его общественнымъ потребностямъ... Съ отвагою, удалью, ненасытною жаждою дѣятельности въ Мономахѣ соединялся здравый смыслъ, смѣтливость, умѣнье смотрѣть на слѣдствіе дѣла, извлекать пользу». Срв. у А. Н. Пыпина. *Исторія русской литературы.* Томъ I. Спб. 1898, стр. 101 и др.

Ред.

XXIV. ПОЛИТИЧЕСКІЯ ТЕМЫ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ВЪ СВЯЗИ СЪ ЦЕРКОВНЫМИ И ПОЛИТИЧЕСКИМИ ОТНОШЕНІЯМИ КЪ ВИЗАНТІИ.

(*М. А. Дьяконовъ.* «Власть московскихъ государей». СПб. 1889.)

Принятіе христіанства по обрядамъ греко-православной церкви поставило древнюю Русь въ тѣсныя культурныя отношенія къ Византіи и надолго подчинило первую вліянію византійской *) цивилизаціи.

Носителемъ и провозвѣстникомъ истинъ евангельскаго ученія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и новыхъ взглядовъ на общественныя отношенія, явилось духовенство. Пользуясь привилегированнымъ положеніемъ и благодаря широтѣ предоставленной ему компетенціи, духовенство не только содѣйствовало преобразованію частно-правового быта молодой націи согласно началамъ византійскаго права, но высшіе представители его — митрополиты и епископы — стали въ очень близкія отношенія къ княжеской власти, и ихъ руководительная роль нерѣдко переходила за предѣлы ввѣренныхъ ихъ попеченію сферъ жизни. Голосъ ихъ сталъ раздаваться на княжескихъ совѣтахъ или думахъ во всѣхъ важ-

*) Срв. у проф. П. Н. Милюкова. *Очерки по исторіи русской культуры.* Спб. 1897. II, стр. 267—268

ныхъ случаяхъ государственной жизни, ихъ инициатива проникла и въ эту область.

Чтобы оцѣнить значеніе политическаго вліянія духовенства съ этой стороны, необходимо имѣть въ виду, что вновь учрежденная русская митрополія поставлена была въ подчиненіе константинопольскому патріарху. По воззрѣніямъ грековъ, основаніемъ для такого подчиненія, съ одной стороны, служила практика, сложившаяся еще въ первые вѣка христіанства, въ силу которой церковь, получающая свое бытіе отъ другой, становилась подъ ея власть; русская же іерархія вела свое начало изъ Константинополя. Съ другой стороны, византійскіе канонисты Зонара и Вальсамонъ толковали 28-е правило Халкидонскаго собора*) въ томъ смыслѣ, что подчиненные константинопольскому патріарху діоцезы Понтійскій, Азійскій и Ѳракійскій включаютъ въ себѣ всѣ страны принявшихъ христіанство варварскихъ народовъ: иноплеменные россы отнесены были ими къ Ѳракійскому діоцезу. Наконецъ, на укорененіе такихъ взглядовъ оказывало свое вліяніе и особенное почетное положеніе константинопольскаго патріарха, носившаго титулъ «вселенскаго» и занимавшаго каѳедру міровой столицы вблизи престола главы «христіанской міродержавной римской имперіи».

Византійскіе императоры, считая себя единственными представителями міровой имперіи и не признавая ни за кѣмъ, даже за римскими императорами, права на одинаковое съ ними положеніе, смотрѣли на всѣхъ христіанскихъ государей, какъ

*) Въ 451-мъ г., 4-й соборъ.

на стоящихъ ниже ихъ. Соотвѣтственно этимъ воззрѣніямъ представители христіанскихъ народовъ, принявшихъ христіанство изъ Византіи, оказались не только стоящими въ болѣе низкомъ, но даже въ зависимомъ положеніи отъ имперіи.

Интересы государства и церкви въ Византіи по отношенію къ этимъ народамъ заключались въ томъ, чтобы поддержать въ ихъ глазахъ авторитетъ міровой монархіи и вселенской церкви. Этотъ взглядъ отчасти находилъ свое оправданіе въ существовавшихъ у этихъ народовъ воззрѣніяхъ на положеніе и значеніе византійской имперіи, какъ представительницы истиннаго православія. Въ VII вѣкѣ епископы и князья Арменіи слѣдующимъ образомъ выражаютъ свою почтительность византійскому императору: „Всѣмъ хорошо извѣстно, что на васъ почиваетъ благодать божественныхъ даровъ, что доказывается обширностью и могуществомъ, которыми ваше государство, увѣнчанное божественною десницей, превосходитъ всѣ прочія государства. Его можетъ замѣнить развѣ только царство Христово. Первосвященство ваше свято, правдиво и исполнено божіей благодати“ и проч. Подобныя воззрѣнія могли легко возникнуть вслѣдствіе того почтительнаго удивленія, какое возбуждала у полуварварскихъ народовъ пышная и сильная своимъ культурнымъ превосходствомъ византійская имперія. Ея правительство сумѣло воспользоваться этими данными и открыто считало всѣ земли, куда проникло христіанство изъ Греціи, находящимися отъ него въ зависимости не только церковной, но и политической.

Такъ какъ русская церковь съ момента своего возникновенія стала въ подчиненное положеніе къ

церкви константинопольской, то только на почвѣ этого подчиненія и могла возникнуть идея о политической зависимости древней Руси отъ византійской имперіи. Значеніе этой идеи прежде всего должно выясниться при разсмотрѣніи церковнаго подчиненія древней Руси. Для этой же цѣли не столько важна каноническая сторона вопроса, сколько существовавшая въ этомъ отношеніи практика и воззрѣнія константинопольскихъ церковныхъ властей.

Соотвѣтственно этимъ воззрѣніямъ идея о подчиненности русской церкви константинопольскому патріарху основывалась на представленіи, что константинопольскій патріархъ есть «общій отецъ, свыше отъ Бога поставленный для всѣхъ повсюду находящихся христіанъ» и «имѣющій на землѣ права Бога». Въ половинѣ XIV вѣка патріархъ Филоѳей писалъ русскимъ князьямъ, что они, какъ истинные сыны церкви, должны внимать митрополиту всея Руси и его внушеніямъ такъ, какъ обязаны внимать самому Богу. «Ибо, — пишетъ патріархъ, — такъ какъ Богъ поставилъ нашу мѣрность *предстоятелемъ всѣхъ, по всей вселенной находящихся христіанъ,* попечителемъ и блюстителемъ ихъ душъ, то *всѣ зависятъ отъ меня, какъ общаго отца и учителя.* И если бы мнѣ можно было самому лично обходить всѣ находящіеся на землѣ города и веси и проповѣдывать въ нихъ слово Божіе, то я неупустительно дѣлалъ бы это, какъ свое дѣло. Но поелику одному немощному и слабому человѣку невозможно обходить всю вселенную, *то мѣрность наша избираетъ лучшихъ* и отличающихся добродѣтелью лицъ, *поставляетъ и рукополагаетъ ихъ* пастырями, учителями и архіереями и посылаетъ въ разныя части вселен-

ной: одного туда, въ вашу великую и многолюдную страну, другого въ другую часть земли; повсюду особаго, такъ что каждый въ той странѣ и мѣстности, которая дана ему въ жребій, *представляетъ лицо, каѳедру и всѣ права нашей мѣрности*. Итакъ, — заключаетъ патріархъ, — поелику и вы имѣете тамъ вмѣсто меня преосвященнаго митрополита кіевскаго и всея Руси,....: то вы обязаны оказывать ему великую честь и благопокорность, *каковую должны были бы воздавать мнѣ самому*..., ибо онъ находится тамъ вмѣсто меня, имѣя наши права, такъ что *оказываемое ему почтеніе, послушаніе и благопокореніе относится къ нашей мѣрности*, а *черезъ насъ переходитъ къ самому Богу*». Эта теорія находила свое практическое выраженіе главнымъ образомъ въ избраніи и поставленіи константинопольскимъ патріархатомъ высшихъ представителей русской іерархіи, которые должны были или сами приходить въ резиденцію вселенскаго патріарха или присылать отъ себя грамоты и людей, «донося и спрашивая, о чемъ нужно». Примѣнительно къ русской церкви эти порядки соблюдались до половины XV вѣка.

Для упроченія упомянутой зависимости константинопольскому патріарху было выгоднѣе имѣть своими представителями на каѳедрѣ митрополіи всея Руси лицъ греческой національности, такъ какъ таковыя должны были гораздо больше тяготѣть къ Византіи и сильнѣе ощущать свою исключительную зависимость отъ Константинополя, а потому были болѣе склонны поддерживать интересы константинопольской церкви и имперіи, хотя бы въ ущербъ интересамъ той страны, попеченіе о духовномъ просвѣщеніи которой имъ было ввѣрено.

Поставленіе грековъ на русскую митрополію было явленіемъ совершенно естественнымъ въ первое время послѣ крещенія Руси. Весьма вѣроятно, что въ то время и большинство епископовъ были также греки, такъ какъ среди русскихъ едва ли могло найтись необходимое число лицъ, достойныхъ занять епископскія каѳедры. И только послѣ учрежденія монастырей могли явиться достаточно образованные монахи для замѣщенія епископскихъ должностей. Но и долго спустя, въ числѣ русскихъ епископовъ встрѣчаются греки изъ состава выѣхавшихъ при митрополитѣ чиновниковъ. Митрополиты же греки были преобладающимъ явленіемъ въ теченіе всего времени, пока поставленіе на митрополію всея Руси происходило въ Константинополѣ. До монгольскаго ига изъ 21 митрополита только двое были, несомнѣнно, русскіе, и тѣ были поставлены соборомъ русскихъ епископовъ. Послѣ монгольскаго ига митрополитами всея Руси были четверо русскихъ, поставленные въ Константинополѣ. Но съ какой неохотой соглашались тамъ на подобныя отклоненія отъ установившагося обычая, можно видѣть изъ настольной грамоты митрополита Алексѣя, гдѣ прямо сказано, что онъ поставляется въ митрополиты только потому, что былъ рекомендованъ бывшимъ митрополитомъ грекомъ Ѳеогностомъ, какъ мужъ достойный и способный; что на годичномъ испытаніи въ Константинополѣ удостовѣрились въ доброй и похвальной славѣ его имени; что, наконецъ, о немъ великій князь московскій писалъ высочайшему и святому самодержцу. Въ виду всего этого «мы, — говорится въ грамотѣ, — хотя это совершенно необычно и *не вполнѣ*

безопасно для церкви, согласились на это —.....только относительно одного киръ Алексѣя, *но отнюдь не допускаемъ и не дозволяемъ на будущее время никому изъ русскихъ уроженцевъ сдѣлаться тамошнимъ архіереемъ*: это предоставляется кому либо изъ клириковъ сего богопрославленнаго, Богомъ возвеличеннаго и благоденствующаго Константинополя, отличному по добродѣтели и добрымъ качествамъ». Въ грамотѣ предлагается исполнять это и будущимъ патріархамъ, какъ дѣло весьма прекрасное и весьма благопріятное для домостроительства церкви Божіей. Почему добродѣтельный константинопольскій клирикъ былъ пригодиѣе для этой цѣли, чѣмъ добродѣтельный русскій, на это въ грамотѣ находится только косвенное указаніе. Первый можетъ, сказано тамъ, «разрѣшать представляющіеся каноническіе вопросы и водить тамошній христоименный народъ на спасительныя пажити, довольствуясь самъ собой и не нуждаясь ни въ чьей посторонней помощи». Сами константинопольскіе патріархи по политическимъ соображеніямъ иногда отступали отъ только что указанной программы. Патріархъ Нифонтъ, отвѣчая великому князю Михаилу Ярославичу тверскому по поводу жалобъ на митрополита Петра, пишетъ: «Егда придетъ митрополитъ, или исправиться *то тъ* или другого поставимъ, *кого въсхочетъ боголюбство* твое, мужа послушествована добрыми дѣлы отъ всѣхъ людей». Патріархъ Нилъ, посвящая въ митрополиты Пимена, далъ обѣщаніе, что «послѣ него, на всѣ времена, архіереи всея Руси будутъ поставляемы не иначе, какъ только по просьбѣ изъ Великой Руси». Но это были лишь исключительные случаи уклоненія отъ намѣченной политики.

Поставленіе же русскихъ и литовскихъ кандидатовъ въ митрополиты имѣло мѣсто или въ виду опасенія утратить власть надъ какой-либо частью русской митрополіи, или въ виду богатыхъ денежныхъ подарковъ. Византійскій писатель XIV в., Никифоръ Григора, въ 37-й книгѣ своей римской исторіи разсказываетъ, что когда Русь присоединилась къ христіанству и была крещена по христіанскому обряду, то разъ навсегда было установлено, что она будетъ подчиняться власти одного духовнаго главы, который по соотвѣтственно распредѣленнымъ округамъ раздѣлитъ на отдѣльныя епископства, большія и малыя, свою церковную область, обнимающую весь народъ; что этотъ верховный глава будетъ подчиненъ константинопольскому архіепископскому престолу и будетъ получать оттуда правила, которымъ обязанъ подчинять свою духовную власть, что *по очереди будутъ избирать этого представителя духовной власти изъ среды русской національности и соотечественниковъ автора — ромеевъ по рожденію и воспитанію*, которые будутъ наблюдать за тѣмъ, чтобы изъ двухъ случаевъ въ одномъ къ нимъ переходила власть послѣ смерти представителя духовной власти, такъ что утвержденный и санкціонированный этимъ распоряженіемъ союзъ двухъ народовъ, будучи основанъ на почвѣ чистосердечія, ненарушимаго доброжелательства и единства вѣры, упрочивался и проч. Если такое распоряженіе не является только однимъ изъ позднѣйшихъ проектовъ установить modus vivendi между двумя церквами, а было издано въ дѣйствительности, то значитъ оно на первыхъ же порахъ было нарушено со стороны ромеевъ. Съ митрополита Кирилла II дѣйствительно

наблюдается поочередная смѣна національностей на каѳедрѣ русской митрополіи. Но со смертью митрополита Алексѣя эта очередь исчезаетъ. Послѣдніе поставленные въ Константинополѣ митрополиты всея Руси — Кипріанъ, Фотій и Исидоръ — не принадлежали къ русской національности и не были кандидатами московскаго правительства; послѣдній же былъ поставленъ даже вопреки желанію великаго князя, который отправилъ тогда для поставленія въ митрополиты архіепископа Іону.

Проведеніе идеи зависимости русской церкви отъ константинопольской черезъ посредство избранныхъ въ Константинополѣ ставленниковъ было удобнѣе при сохраненіи единства русской митрополіи. Поэтому, надо думать, отклонено было ходатайство Андрея Боголюбскаго объ учрежденіи особой митрополіи во Владимирѣ. Поэтому же въ XIV в., когда явилась опасность раздѣленія митрополіи, въ Константинополѣ вспомнили выгоды единства. Въ соборномъ опредѣленіи 1389 г. выражена мысль, что изначальный порядокъ управленія русской церкви однимъ митрополитомъ возникъ «не просто и не случайно»... Идея зависимости русской церкви отъ константинопольской не стояла одиноко. Если князья обязываются быть послушными митрополитамъ, то митрополиты подчиняются только патріарху и собору: отсюда возможность настаивать на идеѣ о зависимости русскихъ княженій отъ византійскихъ императоровъ....

Въ Византіи считали всѣ земли, куда проникло христіанство изъ Греціи, находящимися отъ нея въ зависимости не только церковной, но и политической. Древняя Русь не избѣгла общей участи. Едва только

таврическіе руссы успѣли въ началѣ IX вѣка принять крещеніе, какъ патріархъ Фотій въ окружномъ посланіи оповѣщаетъ, что «такъ называемые Руссы, которые, поработивъ находящихся кругомъ себя и отсюда помысливъ о себѣ высокое, подняли руки и противъ римской державы,— въ настоящее время промѣняли эллинское и нечестивое ученіе, которое содержали прежде, на чистую и неподдѣльную вѣру христіанскую, съ любовію *поставивъ себя въ чинъ подданныхъ* и друзей (нашихъ), вмѣсто грабленія насъ и великой противъ насъ дерзости, которую имѣли незадолго. И до такой степени разгорѣлись въ нихъ желаніе и ревность вѣры, что приняли епископа и пастыря». Отъ половины XII вѣка существуетъ свидѣтельство византійскаго историка Киннама, что императоръ Мануилъ смотрѣлъ на галицкаго князя Владимирка *), какъ на своего подчиненнаго союзника или вассала.

Неизвѣстно, когда получилъ русскій князь соотвѣтственный титулъ при дворѣ византійскаго императора. Писатель XIV вѣка Никифоръ Григора, разсказывая о величіи римской имперіи, передаетъ слѣдующее старинное преданіе: «Когда *вся царства въ мірѣ соединились подъ властью римлянъ*,..... тогда стекались въ державный Римъ отовсюду многое множество людей; сюда являлись предводители войскъ, сатрапы, властители народовъ, правители областей и городовъ, одни чтобъ сдѣлаться извѣстными кесарямъ и августамъ, другіе, чтобъ получить себѣ отъ кесарскаго сената какой-нибудь чинъ или мѣсто... Такъ, *при Великомъ Константинѣ правитель россійскій*

---

*) Умеръ въ 1152-мъ г.

получилъ титулъ и санъ стольника» и проч. Это сообщеніе подтверждается указаніемъ другого писателя того же вѣка, Максима Планудиса, который говоритъ, что «изъ порабощенныхъ римлянами народовъ и ихъ правителей Августъ отличалъ различными почестями нѣкоторыхъ изъ нихъ, показывая этимъ самымъ, что они *вполнѣ подчинены ему*, а онъ оказываетъ имъ приличествующія почести; такъ, правителя руссовъ онъ почтилъ *должностью стольника.* Такъ что когда къ царю Андронику Палеологу пришелъ какой-то посолъ отъ руссовъ, то онъ принесъ привѣтствіе въ такихъ выраженіяхъ, что, молъ, *повелитель мой, царь руссовъ, а твоего священнаго величества стольникъ*, униженно преклоняется передъ твоимъ священнымъ величествомъ». Судя по этому указанію, великій князь всея Руси послъ еще въ XIV вѣкѣ званіе стольника византійскаго императора.

Изъ другого источника узнаемъ, что императоры продолжали включать въ свой титулъ, въ половинѣ XIV вѣка, званіе царей русскихъ. По крайней мѣрѣ, египетскій султанъ въ своемъ письмѣ около этого времени такъ титулуетъ императора: «rex Graecorum, rex Bulgarorum, Asaniorum, Blachorum, Rhossorum et Alanorum». Вѣроятно онъ употребилъ титулъ, какимъ именовалъ себя самъ императоръ. Всѣ эти данныя согласно подтверждаютъ, что идея о политической подчиненности древней Руси византійскому императору получила среди грековъ широкое распространеніе и удерживалась еще въ XIV вѣкѣ.

Такое воззрѣніе нашло себѣ отраженіе и на католическомъ западѣ. Въ половинѣ XII вѣка германскій король Конрадъ III, первый императоръ «священ-

ной римской имперіи» изъ династіи Гогенштауфеновъ, жаловался своему союзнику императору Іоанну Комнину на русскихъ за серьезную обиду, нанесенную германскимъ подданнымъ. Конрадъ III требовалъ, «чтобы его византійскій союзникъ, какъ подобаетъ другу и свойственнику и какъ уже обѣщалъ сдѣлать въ своей грамотѣ, наказалъ русскихъ, которые оказали неуваженіе къ власти германскаго государя и убили его людей, отнявши у нихъ деньги». Императоръ отвѣчалъ на это, что «относительно дѣла, совершившагося въ Россіи, *онъ поступилъ такъ, какъ отъ него ожидали и какъ это соотвѣтствовало его достоинству*». Что сдѣлалъ и сдѣлалъ ли что-нибудь по этому дѣлу Іоаннъ Комнинъ — неизвѣстно. Его преемнику Конрадъ III еще разъ писалъ о русскихъ, о которыхъ онъ писалъ и блаженной памяти отцу Мануила, извѣщая, что онъ поручилъ своимъ посламъ передать императору свою волю объ этомъ дѣлѣ. Если нѣмецкій государь жалуется византійскому императору на русскихъ, надѣясь получить удовлетвореніе, то отсюда явствуетъ, что онъ признавалъ за императоромъ верховныя права надъ Русью.

Но условія, при которыхъ могла бы найти отраженіе эта идея на русской почвѣ, были не вполнѣ благопріятны для грековъ. Съ начала возникновенія международныхъ общеній Руси съ Византіей грекамъ не одинъ разъ пришлось убѣдиться въ томъ, какой серьезной опасности они могутъ ждать отъ этихъ предпріимчивыхъ варваровъ. Византійское правительство не разъ пыталось привлечь на свою сторону военныя силы Руси и включало въ мирные договоры условіе объ оказаніи русскими помощи

противъ враговъ имперіи. Необходимость повторять эти условія указываетъ, въ какой мѣрѣ они исполнялись. При Владимирѣ Святославичѣ Русь опять воюетъ съ имперіей. По крайней мѣрѣ, по свидѣтельству арабскихъ писателей, незадолго до принятія русскими христіанства, бѣдственное положеніе государства при императорѣ Василіи II *) вынудило его просить помощи «у царя русовъ — *а они его враги*». Кіевскій князь согласился исполнить просьбу императора, но подъ условіемъ, чтобы императоръ выдалъ за него свою сестру. «*И заключили они между собою договоръ о свойствѣ* и женился царь русовъ на сестрѣ царя Василія *послѣ того*, какъ онъ поставилъ ему условіе, чтобы онъ крестился и весь народъ его странъ, а они народъ великій... И послалъ къ нему царь Василій *впослѣдствіи* митрополитовъ и епископовъ, и они крестили царя и всѣхъ, кого обнимали его земли, и отправилъ къ нему сестру свою, и она построила многія церкви въ странѣ русовъ. *И когда было рѣшено между ними дѣло о бракѣ*, прибыли войска русовъ также и соединились съ войсками грековъ и т. д.». Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что посланный въ 988 г. кіевскимъ княземъ союзный корпусъ достигалъ до 6000 человѣкъ и оказалъ большія услуги имперіи. Съ этого времени по конецъ XI вѣка союзный русскій корпусъ въ Византіи является постоянно дѣйствующимъ въ войнахъ имперіи на востокѣ и западѣ. Онъ безразлично именуется союзной или наемной силой, союзниками или наемниками; на содержаніе его установлены въ имперіи особые денежные сборы,

*) 976—1025 г. г., преемникъ Іоанна I Цимисхія.

и отбывалась населеніемъ натуральная повинность, какъ и для прочихъ регулярныхъ войскъ имперіи.

Существованіе въ византійской имперіи значительнаго союзнаго русскаго войска въ теченіе почти столѣтія со времени принятія христіанства могло бы навести на предположеніе, что подобная постоянная служба была результатомъ особаго обязательства, принятаго на себя русскими князьями. Характеръ этого обязательства предстоитъ еще уяснить. Извѣстно, напримѣръ, что вассальныя отношенія Сербіи къ Византіи выражались въ томъ, что первая должна была выставлять при походахъ императоровъ на западъ или востокъ опредѣленную военную силу. Однако, если какое-либо обязательство и можно предполагать со стороны русскихъ князей, то необходимо имѣть въ виду, что оно сопровождалось особымъ договоромъ кровнаго родства съ византійскимъ императорскимъ домомъ. Выдать свою сестру за князя варварскаго народа было неслыханною вещью для византійскаго императора и, конечно, великой честью для русскаго князя.

Какъ смотрѣло византійское правительство на отношенія брачущихся сторонъ при столь неравныхъ бракахъ, показываютъ письма византійскаго императора Михаила VII Дукп*) къ кіевскому князю Всеволоду Ярославичу. Императоръ титулуетъ русскаго князя игемономъ, указываетъ на его знатность рода и въ одномъ письмѣ выдѣляетъ его изъ ряда другихъ владѣтелей въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Что касается другихъ властителей народовъ, то, я полагаю, будетъ достаточно, если я засвидѣтельствую имъ

*) 1067—1078 г. г.

любовь письменно; они должны почитать за великое счастіе, что я захотѣлъ быть съ ними въ согласіи... Но относительно твоего благородства и разумности я разсудилъ нѣчто большее: устроить *согласіе дружбы*; и не удивляйся, что *я возвышаю тебя изъ среды другихъ властителей* и удостоиваю большей чести, ибо тождество исповѣданія и вѣры божественной уже содѣлало наиточнѣйшую гармонію въ нашемъ взаимномъ настроеніи».

Въ другомъ письмѣ императоръ даже указываетъ, что «священныя книги и достовѣрныя исторіи научаютъ, что *наши государства оба имѣютъ одинъ тѣкій источникъ и корень*, и что одно и то же спасительное слово было распространено въ обоихъ, что одни и тѣ же самовидцы божественнаго таинства и вѣщатели провозгласили въ нихъ слово евангелія». Императоръ предлагаетъ русскому князю вступить съ нимъ въ общеніе, «чрезъ посредство *родственной крови*, чтобы чрезъ посредство членовъ отъ обѣихъ (фамилій) скрѣпилось между нами самое прочное согласіе и связался *союзъ любви*». Михаилъ VII Дука находился въ затруднительныхъ обстоятельствахъ при вступленіи своемъ на престолъ и, чтобы пріобрѣсть сильнаго союзника, прибѣгъ къ обычному средству византійской политики – брачному союзу, предлагая русскому князю выдать его дочь за своего брата. Для достиженія этой цѣли русскій князь и возводился въ санъ кровнаго союзника, что должно было льстить его самолюбію. Но, несмотря на такое почетное отличіе, авторъ письма говоритъ, какъ высшій съ низшимъ: «я тебя *возвышаю;* я тебя *удостоиваю*; тебѣ, конечно, не безызвѣстно, *что такое есть императорская власть у нашихъ римлянъ*, что

даже тѣ, *которые вступаютъ въ дальнее родство съ нами, почитаютъ такой союзъ величайшимъ благополучіемъ; вотъ мое благопожеланіе, а твое благополучіе..., ибо твоя власть сдѣлается отсюда болѣе почтенною,* и всѣ будутъ удивляться и завидовать *тебѣ, получившему такое отличіе*». Изъ этихъ словъ очевидно, что и сопричисленные въ духовное родство христіанскіе государи по своему авторитету стояли значительно ниже императоровъ. И значительно позже русскіе князья считались родственными союзниками византійскихъ императоровъ.

Итакъ, при зависимости русской церкви отъ константинопольской, при взглядахъ на Византію, какъ на нѣчто недосягаемое, и на древнюю Русь, какъ на нѣчто занимающее подчиненное или низменное положеніе, высшіе представители русской іерархіи — греки по преимуществу — должны были поддерживать эти взгляды. Если русскіе по византійскимъ понятіямъ «не имѣли полной собственной независимости, истиннаго національнаго самодержавія и самоопредѣленія, своей самобытной высшей политики», то при сложившихся отношеніяхъ, развитіе идеи объ истинномъ національномъ самодержавіи среди русскихъ *не* могло входить въ планы греческаго духовенства; не могла въ нихъ входить и идея о политическомъ объединеніи древней Руси, по крайней мѣрѣ въ Константинополѣ отъ этого заранѣе отказались «за невозможностью привести къ единству власть мірскую».

На чемъ же сосредоточивалась политическая роль духовенства со времени принятія христіанства и до начала выработки понятій о самостоятельныхъ національныхъ задачахъ Руси?

Христіанство, признавая сферу государственной жизни совершенно независимою, вносило, однако, въ нее цѣлый рядъ общихъ принциповъ, которые считались обязательными для каждаго христіанскаго государства и пропагандировались на ряду съ религіозными истинами. Къ числу такихъ принциповъ, оказавшихъ немаловажное вліяніе на направленіе и характеръ государственной дѣятельности въ средніе вѣка, слѣдуетъ отнести христіанскую идею о богоустановленности власти. Эта идея представляла немалыя трудности для усвоенія ея слишкомъ простымъ умомъ, непривыкшимъ къ отвлеченнымъ построеніямъ. А отвлеченіе было необходимо, чтобы примирить эту идею съ фактами обыденной жизни.

Пропаганда ея на Руси началась вслѣдъ за введеніемъ христіанства и велась то съ меньшимъ, то съ большимъ рвеніемъ. Первое упоминаніе о ней находится въ лѣтописномъ разсказѣ объ искорененіи разбоя при Владимирѣ I. Когда епископы обратились къ князю съ вопросомъ, почему онъ не казнитъ разбойниковъ, а онъ отвѣтилъ, что боится грѣха, то епископы поучали *) его: «Ты поставленъ

---

*) «Живяше же Володимеръ в страсѣ Божьи, и умножишася зело разбоеве, и рѣша епископи Володимеру: «се умножишася разбойници; почто не казниши ихъ?» Онъ же рече имъ: «боюся грѣха». Они же рѣша ему: «ты поставленъ еси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; достоитъ ти казнити разбойника, но со испытомъ». Володимеръ же отвергъ виры, нача казнити разбойникы, и рѣша епископи и старци: «рать многа; оже вира, то на оружьи и на конихъ буди». И рече Володимеръ «тако буди». И живяше Володимеръ по устроенью отьню и дѣдню»—такъ подъ 996-мъ г. въ Лаврентьевскомъ спискѣ, а съ нѣкоторыми перемѣнами въ языкѣ по спискамъ Ипатскому и Синодальному. Въ позднѣйшихъ спискахъ, напр. Никоновскомъ, присоединяется уже поученіе: «подобаетъ ти со испытаніемъ и

єси отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье; достоитъ ти казнити разбойника, но со испытомъ». Владимиръ, исполнявшій съ охотой всѣ совѣты своихъ новыхъ учителей могъ понимать въ буквальномъ смыслѣ идею о своемъ божественномъ поставленіи: спокойное единовластительство подкрѣпляло его въ этомъ убѣжденіи. Но когда въ его потомствѣ открылась почти безпрерывная борьба за обладаніе стольными городами, примиреніе этой идеи съ порядками дѣйствительной жизни стало затруднительнымъ. Въ дѣйствительной жизни господствовала большая путаница началъ относительно преемства столовъ: начало очереди старшинства постоянно нарушалось правомъ добыванія волостей; начало семейно-вотчинное сталкивалось съ правомъ населенія призывать князя. Всѣ же эти колеблющіяся отношенія князья старались закрѣпить лишь посредствомъ соглашенія, ряда. Вводить въ эту сферу измѣнчивыхъ отношеній руководство верховнаго промысла значило подвергать его всѣмъ случайностямъ непостоянства человѣческой воли.

Но проповѣдь духовенства о богоустановленности власти не прекращалась. Митрополитъ Иларіонъ въ извѣстномъ словѣ о законѣ и благодати, обращаясь къ кагану Владимиру, говоритъ: «Добръ же зѣло и вѣренъ послухъ сынъ твой Георгій, *его же сотвори Господь намѣстника по тебѣ твоему владычеству*». Въ посланіяхъ своихъ къ Владимиру Мономаху митрополитъ Никифоръ указываетъ, что «князья

разсмотрѣніемъ злыхъ казнити по закону божественому, а добрыхъ миловати; понеже власть во обоихъ сихъ послушныхъ окормляетъ еже есть страхомъ и милостію; безъ сихъ бо власть никакоже пребываетъ».

избрани бысте отъ Бога и возлюблени бысте имъ»; о самомъ же Владимирѣ онъ говоритъ, что «его Богъ издалеча проразумѣ и предповелѣ, его изъ утробы освяти и помазавъ», и т. д. Въ началѣ XIV в. самъ константинопольскій патріархъ Нифонтъ I пишетъ великому князю Михаилу Ярославичу тверскому: *истинно видимъ, яко Богомъ дана ти есть власть и княжение*, понеже тщишися и дерьзаеши, да ходятъ людіе по правдѣ, въ славу Богу». Теорія божественаго поставленія, однако, очень туго проникала въ сознаніе князей и понималась весьма конкретно, до такой степени конкретно, что въ умѣ современника божественное руководство заняло одинакое положеніе въ ряду прочихъ конкретныхъ силъ. Бытописатель оправдываетъ на основаніи этой теоріи тѣ отношенія, которыя считаетъ правильными, и отмѣчаетъ, какъ противорѣчащія ей, тѣ, которыя, по его мнѣнію, достойны большаго или меньшаго порицанія. Половецкіе князья говорятъ Глѣбу Юрьевичу: «Богъ посадилъ тя и князь Андрѣй на отчинѣ своей и на дѣдини в Кыевѣ», — и лѣтописецъ не *) находитъ ничего страннаго въ этой рѣчи: она вполнѣ отвѣчаетъ его міровоззрѣнію. Разсказывая объ извѣстномъ столкновеніи ростовцевъ и суздальцевъ съ владимирцами, лѣтописецъ, между прочимъ, говоритъ: «сего же Михаила и брата его Всеволода *избра Богъ и святая Богородица*»; а нѣсколько далѣе продолжаетъ: «новии же людье мѣзшии володимерьстии, уразумѣвше, яшася по правъду крѣпко и рекоша вси собѣ: *любо Михалка князя собѣ пальземъ и брата его Всеволода*, а любо головы своѣ поло-

*) Лаврент. сводъ подъ 1169-мъ г.

жимъ за святую Богородицю и за тые князи»; онъ же влагаетъ въ уста князя Всеволода Юрьевича слѣдующія слова, обращенныя къ Мстиславу Ростиславичу: «брате!.. тобе ростовци привели и боляре, а *мене былъ съ братомъ Богъ привелъ и володимерци*». Въ этомъ сопоставленіи лѣтописцу не кажется страннымъ, что Богомъ избраннаго князя приходится налѣзать и приводить.

Но идея о божественномъ поставленіи властей, понимаемая даже въ конкретномъ лишь ея проявленіи, должна была содѣйствовать возвышенію княжескаго авторитета тѣмъ болѣе, что проповѣдь ея сопровождалась почти всегда другой, тѣсно связанной съ ней, темой, отправной точкой для которой послужило апостольское ученіе о почитаніи властей. Такъ, новгородскій епископъ Лука Жидята въ своемъ поученіи къ братіи наказуетъ: «Бога ся бойтеся, а князя чтите. Раби будете первое Божіи, таже Господу чтите отъ всего сердца». Въ сборникѣ поученій XII в. русскаго письма, въ статьѣ: «Поученіе любовно», преподается такое же правило: «буди боязнивъ предъ цесаремъ, готовъ въ повелѣніи его». Въ Кормчей XIII в. находится любопытная статья русскаго происхожденія — поученіе духовника исповѣдующимся, — гдѣ сказано: «тако же и къ властельмъ страхъ имѣй и любовь: боябося ихъ съблюдешися отъ зла, имь же ненависть приходить, и любя я, тъчное отъ нихъ въспримеши... Всяка власть отъ Бога; по санъмъ же всѣмъ честь отдавай». Въ одномъ поученіи XIII в. неизвѣстнаго автора, озаглавленномъ «Слово св. отецъ, како жити крестьяномъ», преподается слѣдующее наставленіе: «Напаче же своему князю пріязнь имѣй, а не мысли

зла нань. Глаголеть бо Павелъ апостолъ: отъ Бога власти всяки устроены суть; рече бо: Бога ся бойте, а князя чтите. Аще бо властелемъ кто противится, то Божію суду повиненъ есть, повелѣнію бо противится Божію». Этой же темы касаются въ своихъ поученіяхъ и митрополиты, напр., Кириллъ, Алексѣй, Фотій. Болѣе подробнаго развитія этой темы мы не встрѣчаемъ до XVI в. Понятія представителей духовенства и книжниковъ вполнѣ удовлетворялись положеніемъ, что такъ какъ власть учинена Богомъ, то князья и имѣютъ право казнить злыхъ и миловать добрыхъ; изъ страха же передъ карающимъ мечомъ слѣдуетъ дѣлать добро и отвращаться отъ зла.

Къ указанной темѣ съ довольно ранняго времени присоединяется другая, заимствованная отъ отцовъ церкви и изъ ветхозавѣтныхъ ученій: идея о богоустановленности власти усиливается еще идеей объ ея обоготвореніи. Уже въ XII в. мы встрѣчаемся съ зачатками этого ученія. Такъ въ назидательномъ поученіи лѣтописца по поводу убійства въ 1175-мъ году князя Андрея Боголюбскаго, рядомъ съ словами ап. Павла о томъ, что власти отъ Бога учинены суть, стоитъ указаніе, что князь — «властью же сана яко Богъ»: «не вѣдуче (убійцы) глаголемаго: идѣже законъ, ту и обидъ много; и пакы Павелъ апостолъ глаголеть: всяка душа властелемъ повинуется, власти бо отъ Бога учинени суть; естьствомъ бо земнымъ подобенъ есть всякому человѣку цесарь, властью же сана яко Богъ, вѣща бо великый Златоустець; тѣмже противяся волости, противиться закону Божью, князь бо не туне мечь носить, божій бо слуга есть» Это мнѣніе о приравненіи царскаго

сана божескому авторитету для современника Всеволода Юрьевича является слишкомъ рѣзкимъ анахронизмомъ: русская жизнь не знала еще такихъ князей, и попытка Андрея Боголюбскаго сдѣлаться самовластцемъ Суздальской земли не находитъ одобренія со стороны даже нѣкоторыхъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ, которые упрекаютъ князя Андрея за его невоздержаніе, гордость и властолюбіе, и весь замыселъ его приписали навожденію завистника рода человѣческаго,—дьявола и слугъ его, лукавыхъ, злыхъ и завистливыхъ человѣкъ. Но, несмотря на безпочвенность этого ученія, наши книжники продолжали его пропаганду. Въ одномъ поученіи, обращенномъ къ князьямъ и озаглавленномъ: «Наказаніе княземъ, иже даютъ волость и судъ небогобойнымъ и лукавымъ мужемъ», приводятся слѣдующія слова: 1) *царя Соломона* — что «князь, любя судъ и правду, небо есть земное, и душа его — престолъ Христовъ», *его же*: «бози будете и сынове вышняго»; 2) *ап. Павла*: «князи и вся судья земскія слуги божія суть»; 3) *Ефрема (Сирина)*: «Бози бывше, измрете, яко человѣцы, и во пса мѣсто во адъ сведени будете», и 4) *Іова* (Иева): «Богъ въ собе мѣсто избра васъ на земли и на своемъ престолѣ, взнесъ, посади; милость и животъ положи у тобе» (sic). Любопытно, какъ приспособлялись эти отвлеченныя теократическія идеи къ простому уму неразвитого русскаго человѣка, не успѣвшаго еще воспитать въ себѣ идею о величіи мірской власти. Въ упомянутомъ «Поученіи духовника исповѣдающимся» о властеляхъ, между прочимъ, преподано такое назиданіе: «Не мози же обыкноувъ ихъ рещи: и си человѣци таци же соуть, ти родять о нихъ. Всяка власть отъ Бога»; по санъмъ

же всѣмъ честь отдаваи, с точьными же любися, а меньшины милоуи».

Изъ идеи о божественномъ происхожденіи власти сдѣланы были два ближайшихъ важныхъ вывода. Первый выводъ состоялъ въ томъ, что если власть дается отъ Бога, то нельзя добиваться ея насильно. Второй выводъ, — что руководство божественнаго промысла предопредѣляетъ и качество власти. Древняя русская жизнь представляла не мало поводовъ для пропаганды перваго вывода. Насильственные поступки князей, поразительные по своей безчеловѣчности, вызываютъ рѣзкій ропотъ лѣтописцевъ. Вѣроломство Святополка, бывшее причиной смерти Бориса и Глѣба, прежде всего обратило на себя вниманіе назидательнаго автора, который, по поводу намѣренія Святополка избить всѣхъ своихъ братьевъ, и захватить въ свои руки всю «власть русьскую», въ порывѣ негодованія восклицаетъ: «Помысливъ высокоумьемь своимь, не вѣдый, яко Богъ даетъ власть ему же хощеть; поставляетъ бо цесаря и князя вышний, ему же хощеть, дасть». Подобное же правоученіе вызываетъ у лѣтописца и поведеніе ростовцевъ, которые, «возпесшеся гордостію своею... не вѣдяще, яко безъ смиренія ничтоже успѣваетъ», не позволили Мстиславу Ростиславичу заключить миръ съ Всеволодомъ Юрьевичемъ и настояли на войнѣ, въ которой и были побѣждены. Злодѣйскій умыселъ рязанскихъ князей Глѣба и Константина, замыслившихъ «избити всю братію, хотяще едины всю власть держати» также побуждаетъ лѣтописца напомнить «писаніе, глаголющее: Богъ даетъ власть ему же хощеть, и поставляетъ царя или князя вышний и воздвигаетъ отъ земли

нища и посажаетъ на высокихъ; кто убо противится воли его или кто речетъ противу его; Богъ бо есть, яко же хощетъ, творитъ».

Второй выводъ могъ относиться главнымъ образомъ къ населенію, участіе котораго въ политической жизни, въ періодѣ вѣчевого быта, проявлялось, между прочимъ, въ формѣ призванія и изгнанія князей. Населенію въ большинствѣ случаевъ было выгоднѣе имѣть сильнаго и вліятельнаго князя, за которымъ жилось безопаснѣе и спокойнѣе, а потому, если была возможность или необходимость выбора между нѣсколькими претендентами, предпочтеніе отдавалось сильнѣйшему.

«Ты нашь князь, коли силень будеши, а мы с тобою, а нынѣ не твое веремя, поѣди прочь», говорятъ черные клобуки» Изяславу во время борьбы его съ Юріемъ и съ ними соглашаются кіевляне. Этотъ отвѣтъ можетъ служить типичной иллюстраціей отношеній населенія къ выбору князей. Но такія отношенія являлись какъ бы вмѣшательствомъ грѣховнаго народа въ руководство божественнаго промысла, усмотрѣнію котораго, по ученію книжниковъ, слѣдовало всецѣло предоставить выборъ властеля. Позднѣе, когда обычай призванія князей для большинства княженій пересталъ существовать, то же ученіе должно было примирить населеніе съ качествами даннаго Богомъ властеля.

Указанная точка зрѣнія довольно рано была усвоена нашимъ духовенствомъ, а вслѣдъ за нимъ и нашими книжниками, которые въ подтвержденіе своихъ взглядовъ приводили слѣдующія слова писанія: «Аще бо кая земля управится предъ Богомь, поставляетъ ей цесаря или князя праведна, любяща судъ

и правду, и властеля устраяеть и судью, правящаго судъ»; наоборотъ, неправедныхъ князей, олицетворяемыхъ современникомъ въ образѣ князей юныхъ, любящихъ вино пити съ гусльми и съ младыми совѣтниками, «Богъ даеть за грѣхы, а старыя и мудрыя отъиметь, яко же Исаия глаголеть: отъиметь Господь отъ Иерусалима крѣпкаго исполина, и человѣка храбра, и судью, и пророка, и смѣрена старца, и дивна свѣтника, и мудра хитреца, и разумна, послушлива; поставлю уношю князя имъ, и ругателя обладающа ими». Такимъ образомъ, достоинства поставляемаго князя обусловливались нравственными достоинствами данной земли, поскольку она успѣла угодить Богу. Существуютъ указанія, что при примѣненіи подобной идеи, заимствованной изъ ветхозавѣтныхъ ученій, къ русской дѣйствительности отправной точкой для нашихъ книжниковъ послужила разработка этой темы въ Византіи, занесенная и къ намъ.

Значительную часть Святославова Изборника 1073 г. занимаютъ вопросы и отвѣты Анастасія Синаита, въ числѣ которыхъ находится слѣдующій: *О поставленіи властелемъ, яко не вся власти поставляетъ Богъ, всѣми же дѣйствуетъ*. Судя по заглавію вопроса, можно бы заключить, что ученіе о богоустановленности власти было ограничиваемо; однако, содержаніе отвѣта не оправдываетъ этого предположенія. Анастасій поставилъ вопросъ очень рѣзко. Исходя изъ словъ апостола, что всѣ мірскія власти отъ Бога учинены суть, онъ спрашиваетъ: «да еда убо всякъ царь и князь или епископъ отъ Бога поставляется?» На основаніи словъ божественнаго закона («Богу въ номосѣ глаголющу: дамъ вы князя

по сердцемъ вашимъ»), авторъ даетъ такой отвѣтъ: «да добрѣ сь вѣдомо, яко ови князи и царіе, достойни таковыя чти, отъ Бога поставляются; ови же паки недостойни суще противу достоиньствомъ людемъ, тѣхъ недостоиньства по Божію попущенію или хотѣнію поставляются». Анастасій Синаитъ проводитъ, такимъ образомъ, весьма несущественную разницу касательно участія божественнаго промысла въ поставленіи достойныхъ и недостойныхъ царей или князей. Недостойные цари и князья поставляются вслѣдствіе недостоинства людей не только по Божію попущенію, но и хотѣнію. Отсюда совершенно естественъ былъ выводъ, сдѣланный Анастасіемъ. «Егда узришь, говоритъ онъ, недостойна кого и зла царя, или князя, или епископа, не чудися, ни Божія промысла потязай, но разумѣй и вѣруй, яко противу беззаконіемъ нашимъ тацѣмъ томителемъ предаемся, тоже и тако зла не останемся».

Въ подтвержденіе этой теоріи приведены двѣ назидательныя повѣсти: о царѣ Фокѣ Мучителѣ и о беззаконномъ градѣ Вифандѣ. Одинъ черноризецъ въ Константинѣградѣ, святый мужъ, имѣющій къ Богу многое дерзновеніе и «пряшеся съ Богомъ въ простѣ», спрашивалъ про мучителя царя: «Господи, зачѣмъ поставилъ такого царя?» Гласъ Господень ему отвѣчалъ: «яко не нашелъ горша (злѣйша)». Въ законопреступномъ городѣ, въ Вифандѣ, жилъ нѣкій пагубникъ, который подъ видомъ смиренія принялъ постриженіе, но не прекратилъ злыхъ дѣлъ. По смерти епископа въ этомъ городѣ, ангелъ Господень повелѣлъ поставить епископомъ вышеупомянутаго пагубника, который послѣ этого началъ еще болѣе кичиться и выситься. Тогда ангелъ Господень,

явившись къ нему, сказалъ: «Зачѣмъ величаешься, окаянный?» Повѣсть заканчивается слѣдующимъ назиданіемъ: «по истинѣ, яко недостоинъ святительства бысть епископъ, но иже градъ сей такого епископа достоинъ бысть».

Эта тема получила въ древней Руси весьма широкое распространеніе. Подтвержденіемъ ей послужили и слова, заимствованныя изъ притчей Соломона: «мною цесареве царствуютъ, а силнии пишютъ правду; мною вельможа величаются и *мучители держатъ землю*». Дѣйствительная жизнь, вѣроятно, нерѣдко побуждала, благочестивыхъ людей отыскивать успокоеніе въ этой теоріи. Въ лицѣ хановъ Золотой Орды, на которыхъ перенесены были отвлеченныя представленія о божественномъ происхожденіи власти, впервые появились такіе цари, которыхъ можно было причислить къ числу царей-мучителей. Въ повѣсти объ убійствѣ тверского князя Михаила про богомерзкаго царя Озбяка, который принялъ вѣру «срачиньскую и оттолѣ наипаче не пощадѣти нача роду христіанского», сказано: «Яко же бо о таковыхъ рекоша царьскыя дѣти, иже плѣнени въ Вавилонъ, сице глаголааху: предасть ны въ руцѣ царю нечестивому, и законопреступному, и лукавнѣйшю паче всея земля: егда бо Господь градъ Ерусалимъ казня, предасть въ руцѣ царю Титу римьскому; и паки *егда Фоцъ Царьградъ предастъ въ руцѣ*, тако же не Фоку любя, но Царьградъ казня за людская согрѣшенія; еже и се бысть за наша согрѣшенія». Политическая практика московскихъ объединителей точно такъ же не разъ подавала поводъ къ пропагандѣ этой идеи. Съ этого времени указанный вопросоотвѣтъ Анастасія Синанта получаетъ все болѣе и

болѣе широкое распространеніе. Имъ, повидимому, очень интересовался и горячій поборникъ московскихъ князей, митрополитъ Алексѣй. Извѣстны и другіе списки этого вопросо-отвѣта отъ XIV вѣка. Въ рукописныхъ сборникахъ XVI вѣка онъ уже очень распространенъ.

Третьимъ выводомъ изъ идеи о богоустановленности власти было ученіе объ особой отвѣтственности царей и князей передъ Богомъ, сопряженной съ ихъ высокимъ саномъ, за исполненіе возложенныхъ на нихъ задачъ — «безъ блазна Богомъ данные люди управити».. Эти задачи прекрасно выражены въ отвѣтѣ печерскаго игумена Поликарпа князю Ростиславу Мстиславичу: «вамъ Богъ тако велѣлъ быти: правду дѣяти на семъ свѣтѣ, въ правду судъ судити и въ хрестномъ цѣлованьи вы стояти (и земли русскіе блюсти»). Но при всей видимой неслож-ности задачъ управленія и онѣ оказались очень трудными для выполненія. Отправленіе правосудія, вызывавшее такъ много жалобъ и неудовольствій населенія, справедливо обратило на себя особенное вниманіе духовенства, которое такъ много содѣйствовало урегулированію этой сферы внутренняго управленія и стремилось пересоздать начала національнаго русскаго права при помощи церковнаго законодательства, заимствованнаго изъ Византіи.

Съ точки зрѣнія божественнаго поставленія власти духовенство обратилось съ особымъ назиданіемъ князьямъ объ отвѣтственности ихъ за правый судъ. Въ предисловіи къ Русской Правдѣ, по нѣкоторымъ ея спискамъ, и въ особой статьѣ, подъ заглавіемъ «Слово Василія Великаго о судіяхъ и о клеветахъ», эта отвѣтственность изложена, по Соло-

мону, такимъ образомъ: «Послушайте и внушите *вси судящии земли, яко отъ Бога дасться вамъ власть и сила отъ вышняго;* и паки: горе оправдающему нечестиваго мьзды ради и отъ праваго правду отъемлющему; *давыи бо вамъ власть Богъ истяжетъ скоро ваши дьла и помысли испытаетъ,* яко служители есте царствія, ти не судисте право, ни сохранисте закона Божія... *страшно убо и скоро придетъ на вы испытаніе*», и проч. Близкое отношеніе къ приведенному отрывку имѣютъ также: «Слово Спрахово на немилостивые цари и князи, иже неправдою судятъ», и «Слово о властеляхъ и судіяхъ, емлющихъ мзду и неправду судящихъ», признаваемыя за русское сочиненіе. Таковъ же характеръ и особой статьи находящейся въ нѣкоторыхъ спискахъ Кормчей и въ отдѣльныхъ спискахъ «Мѣрила праведнаго». Въ ней ответственность царей и князей изложена согласно евангельской притчѣ о талантахъ слѣдующимъ образомъ: «Нынѣ же цари и князи разумѣйте: *вамъ бо поручилъ Богъ санъ и судъ свой на земли,* яко се талантъ божій пріяли есте, да не лѣностнымъ платомъ обвивъ небреженіемъ погребете въ мысленей земли сердца своего, и во своемъ утѣшеніи помните, яко должни есте, и вѣсте, что подъятъ скрывый талантъ, но тому было се невѣдомо». Въ томъ же духѣ, но гораздо болѣе близкими къ практической жизни являются два поученія, одно — озаглавленное: *Семена епископа тверскаго наказаніе*, и другое — *Наказаніе княземъ, иже даютъ волость и судъ небоюбойнымъ и лукавымъ мужемъ.* Первое изложено въ видѣ повѣсти, гдѣ разсказывается, какъ князь полоцкій Константинъ у себя на пиру спросилъ *попа*, гдѣ будетъ тіунъ на томъ свѣтѣ? Семенъ *попъ*

отвѣчалъ: гдѣ и князь. Удивленный князь возразилъ, что «тіунъ неправду судитъ, а я что дѣлаю?» Тогда-то Семенъ попъ и преподалъ князю назиданіе, что если будетъ князь добръ, богобоинъ, жалуетъ людей, правду любитъ, и избираетъ тіуна или волостеля мужа добра и богобойна, исполнена страха Божія, — то князь и тіунъ будутъ въ раю. Если же князь будетъ безъ страха Божія, хрістіанъ не жалуетъ и сиротъ не милуетъ, поставляетъ тіуна или волостеля злого, Бога не боящагося, не знающаго закона Божія — «толико того дѣля, абы князю товара добывалъ», — то князь и съ нимъ тіунъ будутъ въ аду.

Второе назидательное поученіе обличаетъ тѣ же общественныя язвы, что и предыдущее, и также, обращаясь къ какому то князю, указываетъ, что князь не мститъ за погубленныхъ отъ его тіуна, «держа истину въ неправдѣ, любя беззаконныя прибытки и тѣхъ дѣля напустивъ злаго судію на люди». Въ немъ только рѣзче отмѣчена отвѣтственность князей, которыхъ авторъ, согласно ветхозавѣтнымъ ученіямъ, приравниваетъ богамъ: пользуясь словами Ефрема сирина, авторъ угрожаетъ князьямъ: «бози бывше, измрете яко человѣцы и во пса мѣсто въ адъ сведени будете», и заключаетъ «наказаніе» слѣдующей сентенціей: «писано есть: не добръ позоръ лисица въ курѣхъ и нелѣпо льву въ овцѣхъ паствити; единъ волкъ всю чреду смутитъ; одинъ тать на всю сторону мерзитъ; *царю неправедну — вси слуги подъ нимъ беззаконны суть*». Но такъ такъ беззаконные слуги составляли обычное явленіе русской исторической дѣйствительности, то не прекращалась и настоятельная нужда въ про-

повѣди духовенства князьямъ и властелямъ о правомъ судѣ. Съ такою проповѣдью выступаютъ и высшіе представители духовенства. Такъ митрополитъ Алексѣй, въ поученіи отъ апостольскихъ дѣяній, преподаетъ властямъ слѣдующее: «А князи и бояре и вельможи судите судъ милостиво: *судъ бо безъ милости есть не створшему милости,* хвалится милость на судѣ; мьзды на неповинныхъ не пріимайте и не на лица судите, *судъ бо Божій есть;* судите людемъ вправду, и вдовицъ, и сиротъ, и пришлецъ не обидите, да не взопіютъ на васъ къ Богу». На ту же тему поучалъ и митрополитъ Фотій.

Соотвѣтственно ученію, что немилостивыхъ и злыхъ царей и князей поставляетъ Богъ за грѣхи людей, и во всѣхъ приведенныхъ поученіяхъ объ отвѣтственности князей идетъ рѣчь исключительно объ отвѣтственности ихъ передъ Богомъ, въ загробной жизни. Но такая отдаленная отвѣтственность являлась плохой сдержкой для грубо эгоистическихъ стремленій людей того времени. Отвѣтственность въ этой жизни, на землѣ, конечно, болѣе бы импонировала имъ. Наши книжники не преминули отмѣтить возможность и такой отвѣтственности: разгнѣванный Богъ могъ покарать немилостивыхъ и злыхъ властителей за грѣхи еще при ихъ жизни. Книжники учили: «Аще бо князи правьдиви бываютъ в земли, то многа отдаются согрѣшенья земли; аще ли зли и лукави бываютъ, то болше зло наводитъ Богъ на землю, понеже то глава есть земли; тако бо Исаия рече: согрѣшиша отъ главы и до ногу, еже есть отъ цесаря и до простыхъ людий. Лютѣ бо граду тому, въ немь же князь унъ, любяй вино пити съ гусльми и съ младыми свѣтнікы». Въ дѣй-

ствительной жизни древне-русскіе публицисты нашли подтвержденіе своей теоріи. Они предпочитали останавливаться на примѣрѣ «праведныхъ» князей. Вотъ что, напр., читаемъ мы въ сказаніи XIII в. о подвигахъ и жизни великаго князя Александра Ярославича Невскаго: «О таковыхъ рече Исаия пророкъ: аще въ коей странѣ князь благъ и увѣтливъ, кротокъ и смиренъ по образу Божію есть.. на таковыхъ Богъ призираетъ, и милость свою показуетъ на нихъ, якоже и сего великаго князя Александра ураспространи Богъ землю его, и богатствомъ и славою изобилова». Бѣдствія же родной земли тѣ же публицисты охотнѣе объясняли гнѣвомъ Божіимъ за грѣхи людей, а не за грѣхи князей. Но какъ бы ни объяснялись причины бѣдствій, несчастная страна несла двойную отвѣтственность: за грѣхи народа и за грѣхи князей. Оба эти положенія въ теоріяхъ публицистовъ не исключались одно другимъ.

Митрополитъ Кипріанъ, въ укорительномъ посланіи за свое поруганіе отъ великаго князя и его людей, писалъ: «не вѣсте ли, яко грѣхъ людскій на князи и княжьскій грѣхъ на люди нападаетъ?» Въ виду такого нерадостнаго вывода радѣтели о благѣ земли возлагали тѣмъ большую надежду на «праведныхъ» князей и царей, которые должны были исправить нестроенія людскія, страхомъ или милостію приводя людей къ Богу. Но нашлись скептики, которые считали предъявленное требованіе невыполнимымъ. Ссылаясь на авторитетъ Василія Великаго, они приводили слѣдующую мысль: «Мнози жалуются на царя и на судіа: не исправляютъ людскихъ вещей. Азъ же гла-

голю: не владущихъ безуміе, но нашъ грѣхъ искрывляетъ все и печали множество взлія на насъ. Аще бы Авраамъ и Моисей, или Давыдъ, или Соломонъ премудрый владѣлъ надъ нами, но мы, сгрѣшая, не утечемъ вины. Глаголетъ писаніе: дахъ вамъ князя по сердцу вашему, такого предстателя улучивше. Аще и зѣло праведникъ есть князь и до Моисійскаго добродѣянія пристигъ, како можетъ того правда покрыти грѣхи всѣхъ подручникъ».

Помимо указанныхъ выше задачъ управленія въ томъ видѣ, какъ онѣ истолковывались духовенствомъ, послѣднимъ была указана и еще одна, заимствованная изъ византійскихъ политическихъ теорій, въ силу которыхъ императоръ являлся высшимъ блюстителемъ чистоты правовѣрія. Любопытно, что эта мысль впервые, если не ошибаемся, проводится грекомъ, митрополитомъ Никифоромъ, въ двухъ посланіяхъ къ Владимиру Мономаху. Въ одномъ изъ нихъ, гдѣ митрополитъ разсматриваетъ начала добра и зла въ человѣкѣ и затѣмъ примѣняетъ свои выводы къ идеальной личности князя, онъ говоритъ, что нашелъ князя «благовѣрна по Божіи благодати и не уклонишеся отъ первыя вѣры.... храня же еже по Бозѣ ревность и до сего дьне, и молю Бога до конца ти съблюдену быти цѣлу; съблюдено же ти се будеть, *аще въ стадо Христово не даси влъку вити и аще въ виноградъ*, иже насади Богъ, *не даси насадити трънія*, но съхранити преданіа старое отецъ твоихъ». Въ послѣднихъ словахъ авторъ, очевидно, предостерегаетъ князя отъ католическаго вліянія, что было вполнѣ умѣстно въ виду возбужденной въ то время полемики противъ латинъ. Объ отступленіи латинъ отъ православія митр. Ни-

кифоръ напписалъ тому же князю особое посланіе, гдѣ исчисляетъ причины отпаденія западной церкви. Въ заключеніи посланія онъ, между прочимъ, высказываетъ мысль, что князьямъ подобаетъ «яко отъ Бога избраномъ и призваномъ на правовѣрную вѣру его, Христова словеса разумѣти извѣстно, и основаніе церковное тверъдое, да ни ти будутъ основаніе, якоже есть святыя церкве, *на свѣтъ и наставленіе порученымъ имъ людемъ отъ Бога*». Безспорно, среди князей можно указать не мало ревностныхъ поборниковъ религіи; но ихъ ревность проявлялась не на поприщѣ, указанномъ митр. Никифоромъ, такъ какъ спокойствіе русской церкви не нарушалось ни опасностями извнѣ, ни внутренними смутами. Татарское завоеваніе, правда, вызвало опасеніе современника за безопасность хрпстіанской вѣры; по крайней мѣрѣ, онъ замѣтилъ по поводу избіенія многихъ русскихъ князей: «а нынъ же княземъ Богъ повелѣ жити человѣколюбіемъ своимъ въ русьской землѣ, хрестьянскаго ради языка, абы *до конца не оскудѣла вѣра хрестьянская*». Но татары оказались вѣротерпимы и даже покровительствовали русской церкви.

Въ началѣ XIV в., когда противъ митр. Петра возстала довольно сильная партія духовенства, обвиняя его въ еретичествѣ, инокъ Акиндинъ писалъ великому князю Михаилу Ярославичу тверскому, что ему слѣдуетъ исправить зло; онъ упрекалъ его за молчаніе, «видя ересь растущу и множающюся», и напоминалъ: «*повелѣно и тебѣ*, господине княже, не молчати о семъ святителемъ своимъ... Царь еси въ своей земли; ты истязанъ имаши быти на страшнемъ и нелицемѣрнемъ судищи Христове, аще смол-

чинш митрополиту». Тверской князь, однако, не могъ воспретить митрополиту его беззаконій, хотя вмѣшался въ это дѣло: митр. Петръ стоялъ подъ защитой московскаго князя и на переяславскомъ соборѣ былъ оправданъ отъ взводимыхъ на него обвиненій.

Такимъ образомъ, проповѣдь этой идеи не нашла себѣ практическаго примѣненія въ разсматриваемую эпоху. Завершающее развитіе и широкое практическое примѣненіе идея эта получила послѣ Флорентійской уніи и паденія Константинополя.

Итакъ, древне-русская проповѣдь и письменность успѣла затронуть до половины XV вѣка очень широкій кругъ политическихъ темъ, и представители духовенства вовсе не ограничили своей политической миссіи задачей умиротворенія. Помимо стремленія воздержать князей отъ междоусобій конкретнымъ вмѣшательствомъ въ ихъ распри и попытокъ указать такія начала политическаго быта, при наличности которыхъ должно было прекратиться это безсмѣнное кровопролитіе, духовенство вмѣстѣ съ заботами о распространеніи основныхъ началъ христіанской религіи беретъ на себя задачу провести въ жизнь ученіе о богоустановленности властей и проповѣдуетъ населенію обязанность ихъ почитанія, а властямъ указываетъ лежащія на нихъ обязанности и отвѣтственность, упадающую на нихъ за уклоненія отъ указанныхъ имъ цѣлей.

Въ этой политической пропагандѣ духовенство раскрываетъ преимущественно положенія евангельскаго и апостольскаго ученія, заимствуя изъ византійской литературы и нѣкоторыя политическія догмы. Таковы позаимствованія изъ Анастасія Синаита и ученіе объ

обязанности князей заботиться объ охранѣ правовѣрія. Многія изъ этихъ политическихъ темъ сначала находили еще очень неподготовленную почву для ихъ воспріятія, но, постоянно повторяемыя, онѣ безспорно подготовляли умы читателей къ воспріятію новыхъ политическихъ теорій о московскомъ государствѣ и государѣ.

XXV. О ПРОСТРАНСТВѢ И ЗНАЧЕНІИ ЦЕРКОВНАГО СУДА ВЪ КІЕВСКОЙ РУСИ.

(Проф. Е. Е. Голубинскій. «Исторія русской церкви». Томъ I. М. 1880).

Епископъ есть духовный начальникъ надъ своею паствой и духовный ея судья; его власть не расширимая и не сократимая сама въ себѣ, можетъ болѣе или менѣе расширяться на счетъ власти гражданской, которая въ былое время поступалась епископамъ большею или меньшею частью своихъ правъ.

Въ древней Руси такъ же, какъ и въ Греціи, судебная власть епископовъ была расширена посредствомъ того, что имъ предоставлены были въ подсудность священники не только какъ духовные чиновники, но и какъ граждане, т. е. въ подсудность не только по преступленіямъ противъ своей должности, но и по всѣмъ вообще, за исключеніемъ преступленій уголовныхъ, самыхъ тяжкихъ.

Другимъ и важнѣйшимъ расширеніемъ судебной власти епископовъ было то, которое случилось прямо на счетъ мірянъ, чрезъ предоставленіе епископамъ гражданскаго суда надъ послѣдними.

Такъ какъ вѣру, церковь и епископовъ древняя Русь заимствовала отъ грековъ, то естественно было бы ожидать, что и въ сейчасъ указанномъ отношеніи епископы будутъ поставлены у насъ совершенно въ то же положеніе, какъ это было въ Греціи. Но у

насъ обстоятельства и условія были иныя, а потому и дѣло вышло значительно иначе.

Въ Греціи, гдѣ юридическія понятія стояли на иной степени развитія, чѣмъ у насъ, государственный судъ былъ дѣломъ чисто государственнымъ. Нанятой или какимъ бы то ни было способомъ поставленный правительствомъ судья производилъ судебное разбирательство, постановлялъ приговоръ и гѣмъ кончалось его отношеніе къ подсудимымъ — съ нихъ самихъ онъ не получалъ себѣ никакого вознагражденія за свой трудъ. Напротивъ, въ древней Руси дѣло было еще въ такомъ положеніи, что судей содержали сами судящіеся, именно — съ каждаго судебнаго дѣла шла въ пользу первыхъ извѣстная опредѣленная пошлина. Въ Греціи вмѣшательство кого-либо посторонняго въ дѣло государственнаго суда не причиняло ни малѣйшаго личнаго ущерба судьямъ и развѣ могло доставлять имъ одно облегченіе, уменьшая количество дѣлъ, подлежащихъ разбирательству; напротивъ у насъ всякое подобное вмѣшательство было посягательствомъ на доходы судей, на ихъ содержаніе. Вслѣдствіе этого, совершенно различнаго, отношенія судей къ суду въ Греціи и въ Руси, очевидно, и пространство юрисдикціи епископовъ не могло явиться у насъ совершеннымъ снимкомъ съ таковаго же въ Греціи. Такъ какъ въ Греціи было совершенно безразлично для судей, судили ли судъ они сами, или онъ былъ предоставленъ кому-нибудь другому; такъ какъ тамъ правительство, допуская участіе въ судѣ сторонних людей, не наносило ни малѣйшаго ущерба личному интересу дѣйствительныхъ судей: то тамъ вслѣдствіе высокаго понятія о нравственной доброкачественно-

сти епископовъ и въ освященіе обычая, сложившагося еще въ то время, когда церковь находилась подъ государствомъ языческимъ, епископамъ предоставлено было весьма обширное право вмѣшательства въ дѣло государственнаго суда. Пока государство было языческимъ, у христіанъ установился обычай, въ случаѣ тяжбъ и ссоръ обращаться не къ суду государственныхъ языческихъ судей, но къ суду судей собственныхъ, добровольно избранныхъ, и въ особенности къ суду предстоятелей общинъ — епископовъ. Такъ какъ въ самомъ существѣ суда не было никакихъ препятствій, чтобы этотъ дохристіанскій обычай допустили и христіанскіе императоры; такъ какъ, съ другой стороны, высокое понятіе о нравственныхъ качествахъ епископовъ обязывало сдѣлать это, сохранивъ и подтвердивъ имъ преимущество, которымъ они до той поры пользовались съ достоинствомъ, то христіанскіе императоры и поспѣшили сдѣлать это, предоставивъ епископамъ сначала неограниченное, а потомъ нѣсколько ограниченное право третейскихъ судей, т. е. право, чтобы епископы, если бы тяжущіеся по взаимному соглашенію не захотѣли идти къ обыкновеннымъ судьямъ, а захотѣли обратиться къ нимъ, принимали таковыхъ на судъ и чтобы ихъ судъ имѣлъ совершенно ту же самую силу, какъ если бы онъ былъ произведенъ обыкновенными судьями. Это право предоставилъ епископамъ первый же христіанскій императоръ Константинъ Великій, о чемъ Созоменъ пишетъ: «позволилъ тяжущимся, чтобы они обращались къ суду епископовъ, если бы они не хотѣли идти въ гражданскіе суды; приговоры епископовъ не только имѣли всю силу, но даже и большую, чѣмъ другихъ

судей, какъ бы были постановлены самимъ императоромъ, и ректоры провинцій съ ихъ чиновниками обязаны были приводить въ исполненіе судебныя рѣшенія епископовъ». Это узаконеніе Константина было повторяемо нѣсколько разъ и послѣдующими императорами и оставалось въ силѣ до позднѣйшаго времени; только вскорѣ послѣ Константина сдѣлано было то ограниченіе, чтобы епископы принимали къ своему третейскому суду дѣла гражданскія, но не уголовныя.

Въ древней же Руси было такъ, что съ каждаго судебнаго дѣла въ пользу судей шла извѣстная пошлина. Предоставить кому бы то ни было право третейскаго суда или право судящимся уклоняться отъ суда обыкновенныхъ судей у насъ значило лишать этихъ послѣднихъ принадлежавшихъ имъ доходовъ. Такимъ образомъ, по этой причинѣ у насъ и епископамъ вовсе не могло быть предоставлено право, усвоенное имъ въ Греціи. Напротивъ, изъ того обстоятельства, что нашъ судъ представлялъ собой доходъ, само собой вытекало то непремѣнное положеніе, что судъ, предоставленный одному, долженъ быть неприкосновенъ для всякаго другого, какъ собственность перваго, а слѣдовательно — и по отношенію къ епископамъ вытекало то положеніе, что для нихъ долженъ быть неприкосновенъ судъ, предоставленный гражданскимъ судьямъ.

Однако и у насъ было такъ, что государство почтило епископовъ значительной уступкой имъ своихъ правъ; только у насъ это было совсѣмъ иначе, чѣмъ въ Греціи, и уступка имѣла другой смыслъ и значеніе, чѣмъ тамъ. Не допуская вмѣшательства епископовъ въ область суда гражданскаго, предпо-

лагая это вмѣшательство столько же невозможнымъ, сколько вообще невозможно чье бы то ни было посягательство на чужую собственность, государство или князья сдѣлали у насъ то, что расширили собственную постоянную область суда епископовъ на счетъ суда гражданскаго,— они предоставили ихъ постоянному вѣдѣнію нѣкоторыя такія дѣла, которыя, собственно, подлежали этому послѣднему суду. Въ Греціи чрезъ предоставленіе епископамъ права третейскихъ судей свидѣтельствовалось уваженіе къ ихъ нравственному характеру; у насъ уступкой епископамъ нѣкоторыхъ предметовъ суда гражданскаго дѣлался имъ денежный даръ, предоставлялось имъ нѣсколько лишнихъ статей дохода.

Грамота смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, которая сообщаетъ намъ свѣдѣнія о пространствѣ у насъ суда епископскаго въ половинѣ XII в., къ сожалѣнію, пока извѣстна въ спискѣ *) не совсѣмъ исправномъ, такъ что пока мы узнаемъ изъ нея не совершенно все то, что намъ надлежало бы въ данномъ случаѣ знать. Слѣдующія преступленія предоставляетъ она суду епископовъ смоленскихъ не только какъ преступленія церковныя, подлежащія духовнымъ наказаніямъ, что само собою подразумѣвается, но и преступленія гражданскія, подле-

*) Такъ называемые церковные уставы Владимира I и Ярослава I суть, по мнѣнію Е. Е. Голубинскаго (стр. 343), «не подлинные уставы или грамоты, а позднѣйшія поддѣльныя произведенія», а потому на основаніи ихъ и нельзя судить о первомъ началѣ расширенія у насъ суда церковнаго на счетъ суда гражданскаго, такъ что изъ періода до-монгольскаго у насъ имѣется всего лишь одинъ достовѣрный актъ, который говоритъ о пространствѣ церковнаго суда или юрисдикціи епископовъ: это — грамота Ростислава, напечатанная въ I-мъ томѣ *Дополненій къ актамъ историческимъ*.

жащія гражданскимъ наказаніямъ — большимъ или меньшимъ денежнымъ штрафамъ.

1) «А тяжъ епископлихъ не судити никомуже, судитъ ихъ самъ епископъ. Первая тяжа роспустъ» или роспускъ (разводъ), т. е. какъ судъ по дѣламъ о роспускѣ, законно вчиняемымъ, такъ и преслѣдованіе роспусковъ, совершонныхъ своевольно и неправильно.

2) «Другая тяжа ажъ водитѣ кто двѣ жонѣ», т. е. если кто, не довольствуясь одною женой, какъ требуетъ христіанство, позволитъ себѣ по-языčески многоженство.

3) «Третьяя тяжа аще кто поимется чрезъ законъ», т. е. браки въ недозволенныхъ степеняхъ родства.

4) «А четвертая (т. е. тяжа) уволочская, ажъ уволочетъ кто дѣвку»; объ этомъ преступленіи сказано, что его судитъ князь или посадникъ и только выдастъ епископу половину штрафа: «што возьметъ князь, съ епископомъ на полы, или посадникъ что възьметъ свои тяжи, то съ епископомъ на полы».

5) «А пятое ажъ ту женку, то епископу».

6) «Шестая вопросъ, а то епископу, зелья и душегубства тяжа епископля, т. е. всѣ виды волшебства и колдовства и происходящій отъ нихъ всякій вредъ.

7) «Семая ажъ бьетася двѣ женѣ, то епископля тяжа» т. е. если подерутся и будутъ искать суда двѣ женщины *). За симъ остаются, какъ видно, двѣ тяжи, или

---

*) Далѣе въ грамотѣ 1150-го г. говорится: «Ажъ церковный человѣкъ дойдетъ чего, то своему епископу; *девятая* ажъ кого Богъ отведетъ церковныхъ людей, а не будетъ зла ничего церкви... Да сего (говоритъ князь Ростиславъ, умершій въ 1167-мъ г.) не

два преступленія, но въ чемъ онѣ состоятъ, понять нельзя; о первой сказано: «а пятое ажъ ту женку, то епископу»; а относительно второй: «шестая (тяжа) вопросъ, а то епископу».

Такимъ образомъ, въ половинѣ XII вѣка суду епископовъ не только духовному, но и гражданскому подлежали: во-первыхъ, три вида дѣлъ брачныхъ: многоженство, браки въ недозволенныхъ степеняхъ родства и роспуски; во-вторыхъ, зелейничество и волшебство; въ-третьихъ, бой между женщинами и, наконецъ, два вида преступленій, остающіеся неизвѣстными. Почему предоставлены были суду епископовъ преступленія брачныя и волшебство, это ясно изъ того, что сказано выше: въ языческой Руси эти преступленія не считались преступленіями, т. е. они предоставлены были полному вѣдѣнію епископовъ за тѣмъ, чтобы могли быть преслѣдуемы съ тою надлежащею неукоснительностью и строгостію, которыхъ правительство вовсе не могло ожидать отъ гражданскихъ судей. Что касается въ частности до дѣлъ брачныхъ, то они имѣютъ нѣкоторыя спеціальныя свойства, которыя заставляли, чтобы они предоставлены были вѣдѣнію епископовъ. Для сужденія объ однихъ изъ этихъ дѣлъ судья долженъ имѣть спеціальныя каноническія свѣдѣнія, при разбирательствѣ другихъ судья долженъ быть не только судьею, но и нравственнымъ увѣщателемъ; то и другое, будучи невозможно для гражданскихъ судей, такъ сказать необходимо отдавало эти дѣла въ руки епископовъ. И въ самой Греціи судъ по

посужнвай никто же по моихъ днехъ, ни князь, ни людіе; аще ли кто посудить сея грамоты,... да той отвѣчаеть..., и сія клятва будеть на немъ, а язъ буду безъ грѣха».

дѣламъ брачнымъ до такой степени почитался наиболѣе приличествующимъ епископамъ, и они до такой степени считались по этимъ дѣламъ судьями наиболѣе компетентными и наиболѣе соотвѣтствующими, что если необязательно предписывалось, то настоятельно рекомендовалось, чтобы эти дѣла производились разбирательствомъ не иначе, какъ у епископовъ. Почему предоставляются суду епископовъ бои между женщинами, на этотъ вопросъ нельзя ничего сказать удовлетворительнаго. Можетъ-быть, предоставлявшіе ихъ суду епископовъ имѣли въ виду то, что судъ по этимъ боямъ, имѣвшимъ причинять большій соблазнъ, чѣмъ бои мужчинъ, не ограничивался наложеніемъ однихъ наказаній, но и сопровождался нравственными увѣщаніями, или, можетъ-быть, съ другой стороны, имѣли въ виду то, чтобы избавить виновныхъ женщинъ отъ позора стоять и давать свои показанія на судѣ у обыкновенныхъ судей. Преступленіе уволока или умыканія, т. е. увоза или похищенія дѣвицъ для брака не предоставляется суду епископовъ, но имъ уступается только половина штрафа, который возьмутъ съ виновныхъ имѣющіе судить князь или его посадникъ. Преступленіе это, какъ можно думать, не было предоставлено суду епископовъ потому, что оно было преступленіемъ уже въ языческой Руси, и что, какъ таковое, оно уже до христіанства принадлежало гражданскимъ судьямъ. Предполагать это дастъ намъ право лѣтописецъ. Онъ сообщаетъ, что обычай умыканія дѣвицъ, бывшій у многихъ славянъ,— у древлянъ*), вятичей, радимичей и сѣверянъ, не существовалъ у полянъ или славянъ кіевскихъ,

*) «Брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица».

у которыхъ, по его свидѣтельству, были настоящіе браки. Такъ какъ гражданское правительство, водворившись среди этихъ послѣднихъ славянъ, естественно, должно было усвоить и ихъ взгляды на вещи, то отсюда весьма вѣроятно предполагать, что оно начало смотрѣть на умыканіе, какъ на преступленіе, и начало преслѣдовать его какъ таковое еще во времена языческія [1]).

Почему, не предоставляя умыканія суду епископовъ, предоставили имъ половину штрафа, за это преступленіе,—положительно, ничего нельзя сказать. Можетъ-быть потому, чтобы епископовъ, имѣвшихъ въ этомъ случаѣ большую возможность надзора, чѣмъ гражданская власть, побудить бдительно надзирать и неупустительно указывать случаи преступленія.

---

[1]) Техническое названіе законной жены въ древней Руси было «водимая» (Лѣтоп. о женахъ Владимира подъ 980 г.), т. е. ставшая сожительницею по брачному обряду кіевскому или полянскому, о которомъ лѣтописецъ говоритъ: «Не хожаше зять (женихъ) по невѣсту, но *привожаху* вечеръ, а заутра приношаху по ней что вдадуче». «Бѣ же, говоритъ начальный лѣтописный сводъ, Володимеръ побѣженъ похотью женьскою, и быша ему водимыя: Рогъиѣдь, юже посади на Лыбеди, идеже ныне стоитъ сельце Предъславино, отъ нея же роди 4 сыны: Изеслава, Мьстислава, Ярослава, Всеволода, а двѣ дщери; отъ Грекинѣ — Святополка; отъ Чехинѣ — Вышеслава; а отъ другоѣ Святослава и Мьстислава; а отъ Болгарыни — Бориса и Глѣба; а *наложниць* бѣ у него 300 Вышегородѣ, а 300 в Бѣлогородѣ, а 200 на Берестовѣ в селци, еще зоутъ ныне Берестовое».

XXVI. ПРОСВѢЩЕНІЕ И ГРАМОТНОСТЬ ВЪ КІЕВСКОЙ РУСИ.

(*Проф. Е. Е. Голубинскій.* «Исторія русской церкви». Томъ I. М. 1880.).

Владимиръ I, принимая отъ грековъ христіанство, вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ заимствовать отъ нихъ и всю ихъ культуру, имѣя намѣреніе сдѣлать свой народъ относительно сей послѣдней тѣмъ же, чѣмъ были они сами, и что просвѣщеніе при этомъ было у него на первомъ планѣ. Но X вѣкъ былъ еще не у пришедшимъ для насъ временемъ, и нашъ первый Петръ Великій потерпѣлъ съ своими благими замышленіями совершенную неудачу. Ставъ народомъ христіанскимъ, мы вовсе не стали народомъ просвѣщеннымъ. Просвѣщеніе было вводимо и введено къ намъ, но оно у насъ не принялось и не привилось и почти тотчасъ же послѣ введенія совершенно безслѣднымъ образомъ исчезло. Послѣ сего просвѣщеніемъ нашимъ въ періодъ домонгольскій было то же самое, что и во все послѣдующее время старой Руси до Петра Великаго, именно — при совершенномъ отсутствіи всякаго дѣйствительнаго просвѣщенія или научнаго образованія одна простая грамотность, одно простое умѣнье читать.

Несомнѣнно, что просвѣщеніе было вводимо къ намъ Владимиромъ. Но оно у насъ не принялось и

не привилось и весьма скоро отъ насъ исчезло. Какая же могла быть тому причина?

Причиной этой необходимо полагать то, что къ намъ введенъ былъ отъ грековъ тотъ идеальный способъ поддержанія просвѣщенія, который намъ оказался не по силамъ.

Читатель, привыкшій видѣть, что просвѣщеніе поддерживается посредствомъ казенныхъ, содержимыхъ правительствами училищъ, конечно, полагаетъ, что это есть единственный способъ его поддержанія и не представляетъ себѣ иного. На самомъ же дѣлѣ, это есть способъ не единственный и вовсе не первоначальный, а явившійся только, говоря сравнительно, очень недавно. Прежде чѣмъ правительства дошли до мысли сдѣлать просвѣщеніе дѣломъ государственнымъ и взять заботы о немъ на себя, что случилось на Западѣ только въ началѣ нашихъ новыхъ временъ, оно весьма долгое время существовало между людьми какъ дѣло частное, предоставленное совершенно самому себѣ и исключительно ихъ собственнымъ заботамъ. Таковымъ частнымъ дѣломъ было просвѣщеніе во всей классической древности, которая совсѣмъ не знала казенныхъ училищъ; таковымъ оно оставалось у грековъ отъ временъ классическихъ и до той самой поры, какъ древняя Русь приняла отъ нихъ христіанство. Частные люди, имѣвшіе охоту научать другихъ или преподавать другимъ то, что сами знали, по собственной инициативѣ *) открывали или у себя на домахъ, или въ

*) Въ движеніи охватившемъ за послѣднее время европейскія страны и извѣстномъ подъ именемъ «распространенія университетскаго образованія» (University Extension) нельзя не привѣтствовать новѣйшаго возрожденія частной инициативы въ дѣлѣ народнаго образованія.

извѣстныхъ общественныхъ мѣстахъ, такъ сказать, публичныя чтенія; другіе частные люди, имѣвшіе собственную охоту учиться, собирались къ тѣмъ или другимъ изъ первыхъ, къ кому хотѣли, слушать ихъ курсы — въ такомъ видѣ существовало дѣло ученія во всей классической древности, въ такомъ видѣ оно сохранялось у грековъ и до позднѣйшаго времени. Къ намъ перенесена была отъ грековъ, естественно, та форма поддержанія просвѣщенія, какая существовала у нихъ, т. е. сейчасъ нами указанная, и эта-то форма и оказалась намъ не по силамъ.

Послѣ похода «на Корсунь, градъ гречьскій», Владимиръ привелъ съ собою изъ Греціи ученыхъ людей и учителей, но онъ не соединилъ ихъ въ одно училище и не образовалъ изъ нихъ такового, а оставилъ каждаго изъ нихъ отдѣльнымъ и свободнымъ или, такъ сказать, вольно-практикующимъ профессоромъ и роздалъ имъ на ученье, какъ именно это прямо и буквально говоритъ и начальный лѣтописный сводъ, набранныхъ имъ дѣтей боярскихъ. Эта-то *) форма не казенныхъ училищъ, а частнаго обученія и была, какъ необходимо думать, причиной того, что просвѣщеніе, такъ сказать, только прошло черезъ насъ, какъ вода чрезъ рѣшето.

Если бы заведены были казенныя училища или — такъ какъ на первое время училищъ могло быть заведено только одно въ Кіевѣ, — если бы заведено

*) «Ославъ нача понимати у нарочитые чади дѣти и *даяти нача* на ученье книжное; матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвыхъ плакахуся. Симъ же (т. е. дѣтямъ) *раздаяномъ* на ученье книгамъ, събысться пророчество на Русьстѣй земли»... «Си бо не бѣша преди слышали словесе книжного», — Лаврент. сводъ подъ 988-мъ г.

было казенное училище, то въ немъ былъ бы введенъ извѣстный опредѣленный курсъ или кругъ ученія, какой былъ бы признанъ наивозможно за лучшій Въ казенномъ училищѣ этотъ курсъ ученія не подвергался бы опасности произвольныхъ сокращеній и постоянно оставался бы однимъ и тѣмъ же. Ученики, не будучи выпускаемы изъ такого училища до окончанія полнаго курса ученія, волей-неволей изучали бы всѣ положенныя науки, и такимъ образомъ подобное училище невольно и, такъ сказать, насильственно насаждало бы въ сословіи бояръ образованіе до тѣхъ поръ, пока бы оно не стало его добровольною потребностью. Совсѣмъ другое должно было случиться при заимствованномъ нами отъ грековъ способѣ частнаго обученія. Приведены были изъ Греціи ученые люди и открыли у себя на домахъ частные пансіоны, въ которые были розданы и имѣли быть отдаваемы дѣти бояръ для ученія. Намѣреніе и желаніе правительства было то, чтобы въ этихъ пансіонахъ дѣти бояръ получали возможно лучшее научное образованіе, какое могли дать приведенные учителя, чтобы они изучали все то, что было въ Греціи. Но при системѣ частныхъ пансіоновъ не могло быть контроля правительства, чтобы учащіеся проходили возможно полно желаемые курсы ученія, и здѣсь все дѣло относительно сего имѣло быть предоставлено исключительно доброй волѣ ихъ родителей. Эти же послѣдніе не были наклонны къ образованію, не сознавали его нужды и по предоставленной имъ волѣ весьма скоро и сократили курсы ученія своихъ дѣтей такъ, что послѣднее сошло на одну простую грамотность.

Нѣтъ сомнѣнія, у многихъ невольно рождается вопросъ: да отчего же Владиміръ, если дѣйствительно хотѣлъ водворить въ Россіи образованіе, не сдѣлалъ такой простой вещи, какъ завести казенное училище въ родѣ нынѣшнихъ гимназій, университетовъ? Отвѣтъ именно тотъ, что примѣра и образца подобныхъ училищъ Владиміръ не видѣлъ у грековъ, а выдумать ихъ самому — это была далеко не такая простая вещь, какъ бы инымъ казалось. Выдумать подобныя училища — значило изобрѣсти совершенно новый способъ поддержанія образованія, значило совершить въ этомъ отношеніи чрезвычайно важную реформу; нѣтъ ничего удивительнаго, что Владимира, только помышлявшаго для своей страны объ образованіи, не могло хватить на то, чтобы быть и реформаторомъ въ способѣ его поддержанія. Казенныя нынѣшнія училища изобрѣлъ практическій Западъ, и изобрѣлъ, какъ должно думать, тоже не сразу, хотя и весьма рано.

Какъ долго продолжался въ боярствѣ южной Руси періодъ истиннаго просвѣщенія, положительно сказать мы, разумѣется, не можемъ. Но необходимо думать, что онъ продолжался чрезвычайно недолго и что собственно онъ началъ кончаться одновременно съ тѣмъ, какъ начался. Весьма вѣроятно или, лучше сказать, необходимо думать, что изъ перваго же набора дѣтей, сдѣланнаго Владиміромъ тотчасъ послѣ возвращенія изъ Корсуни, очень многіе, если не большая часть, не кончили полныхъ курсовъ ученія и что, такимъ образомъ, собственно не было не одной генераціи, которая бы была просвѣщенною въ цѣломъ своемъ составѣ или, по крайней мѣрѣ, въ своемъ большинствѣ. Съ какою

быстротой происходило дальнѣйшее убавленіе охотниковъ просвѣщаться настоящимъ просвѣщеніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ быстро исчезало сіе послѣднее, видно изъ того, что около конца XI вѣка, при внукахъ Ярослава I, не было никакого и помину и никакой памяти о существованіи у насъ просвѣщенія: Несторъ, говоря о просвѣщеніи Бориса, можетъ сказать только: «бяше бо и грамотѣ наученъ» *).

Грамотность, а не просвѣщеніе — въ этихъ словахъ вся наша исторія огромнаго періода, обнимающаго время отъ Владимира I до Петра I... . . .

Грамотность пошла у насъ двумя путями. Съ одной стороны, неувѣнчавшаяся успѣхомъ попытка Владимира водворить въ классѣ бояръ истинное просвѣщеніе имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что онъ ввелъ въ немъ, по крайней мѣрѣ, грамотность. Съ другой стороны, она пошла отъ духовенства, для котораго она составляла необходимость.

Приведенные изъ Греціи учителя наукъ не достигли предположенной цѣли водворить эти послѣднія, но они все-таки стали учителями грамотности, и частныя училища, которыя они открыли, скоро, переставъ быть училищами наукъ, остались училищами

---

*) Иначе выражается Несторъ объ ученіи Ѳеодосія печерскаго; онъ говоритъ, что послѣдній, будучи отданъ единому отъ учитель «скорѣ извыче вся граматикия». Эта «граматикия» какъ будто даетъ знать, что еще сохранялась нѣкоторая память объ ученіи, состоявшемъ не изъ одной грамоты.

Срв. выше на стр. 543 настоящаго сборника, откуда видно, что основное чтеніе, принятое новѣйшимъ издателемъ Патерика, будетъ не «граматикия», а «грамоты». О древне-русскомъ просвѣщеніи, помимо упомянутыхъ не разъ *Очерковъ по исторіи русской культуры* П. Н. Милюкова, см. также въ книгѣ А. Н. Пыпина *Исторія русской литературы.* Томъ I. Спб. 1898 главы II-ую и VII-ую (срв. стр. 75—76).

той единственной науки, которая имѣла составлять все наше просвѣщеніе. Отъ этихъ первыхъ учителей грамотности въ боярствѣ должны были пойти дальнѣйшіе учителя въ томъ же классѣ. Нѣтъ сомнѣнія, у дѣтей боярскихъ не было охоты посвящать себя званію учителей, такъ чтобы послѣдующіе учителя явились изъ нихъ самихъ. Но у учителей были свои собственныя дѣти, которыхъ имъ естественно было готовить въ преемники себѣ и которымъ естественно было наслѣдовать ихъ ремесло или профессію. Такимъ образомъ, классъ учителей грамотности для боярства долженъ былъ возникнуть наслѣдственнымъ образомъ отъ учителей наукъ, приведенныхъ изъ Греціи. Съ теченіемъ времени, не ограничиваясь дѣтьми бояръ, они, конечно, начали принимать въ свои частныя, содержимыя на домахъ, училища или въ свои какъ бы пансіоны и всѣхъ желающихъ, и такимъ образомъ ихъ училища грамотности стали училищами для всѣхъ.

Эти учителя грамотности, пошедшіе отъ приведенныхъ грековъ, были ея водворителями собственно въ Кіевѣ. Ея водворителями вездѣ и во всей Руси должны быть считаемы священники. Необходимо думать, что священники, тѣми или другими способами созданные правительствомъ по подобію того, какъ было въ Греціи, и вслѣдствіе ли прямыхъ предписаній правительства, или по своей доброй волѣ, учительство грамоты взяли на себя какъ одну изъ своихъ обязанностей и начали открывать школы грамотности у себя на домахъ по мѣрѣ того, какъ въ обществѣ пробуждалась охота къ ученію грамотѣ. Затѣмъ на помощь священникамъ, положившимъ

первое начало грамотности, скоро или не скоро явились міряне. Отчасти, вѣроятно, потому, что для людей небогатыхъ учительство грамоты представляло ремесло выгодное, главнымъ же образомъ, вѣроятно, по побужденіямъ благочестія, изъ желанія посвятить себя такому богоугодному дѣлу, какъ ученіе грамотѣ, единственною цѣлію котораго въ древнее время было почитаніе божественныхъ книгъ; вслѣдъ за священниками явились міряне, которые также начали открывать у себя въ домахъ частныя училища грамотности. Эти частныя училища въ домахъ, содержимыя отчасти священниками и вообще членами церковныхъ причтовъ, отчасти міранами, которые получили впослѣдствіи техническое названіе мастеровъ, и составляли наши училища грамотности въ періодъ домонгольскій, равно какъ и во все послѣдующее время старой Руси до Петра.

Одинъ памятникъ домонгольскаго періода представляетъ дѣло такимъ образомъ, что грамотность распространилась у насъ чрезвычайно быстро, что уже въ первую половину правленія Ярослава было по нѣскольку учителей для нея, даже въ самыхъ незначительныхъ городахъ Руси. Этотъ памятникъ есть житіе преподобнаго Ѳеодосія печерскаго, написанное Несторомъ, который, говоритъ, что Ѳеодосій учился грамотѣ у единаго отъ учитель; годы ученія послѣдняго приблизительно должны падать на средину княженія Ярослава, а мѣстомъ его ученія былъ одинъ изъ незначительныхъ тогдашнихъ городовъ — Курскъ. Но это свидѣтельство Нестора, сохраняя всю свою силу въ отношеніи къ отсутствію въ это время казенныхъ училищъ, весьма со-

мнительно въ своемъ показаніи относительно слишкомъ большой распространенности частныхъ училищъ, уже въ указанное ранѣе время, ибо предполагать такой быстрый ходъ дѣла, чтобы уже къ концу первой половины правленія Ярослава грамотность успѣла распространиться вездѣ и стать вездѣ потребностью всѣхъ общественныхъ классовъ, такъ чтобы вездѣ явилось достаточное количество учителей, совсѣмъ невѣроятно. Стремленіе къ грамотности предполагаетъ возможность ея приложенія, именно — возможность читать церковныя учительныя книги. Но серьезныя заботы о распространеніи этихъ книгъ въ обществѣ, какъ мы знаемъ, были приложены именно только Ярославомъ. Вообще необходимо думать, что грамотность начала болѣе или менѣе распространяться вездѣ и между всѣми не ранѣе какъ къ концу правленія Ярослава, а что касается до свидѣтельства Нестора, то онъ, нѣтъ сомнѣнія, представляетъ время дѣтства Ѳеодосія по своему собственному времени.

Если признать справедливымъ то положеніе, что стремленіе къ грамотности могло распространяться только параллельно съ распространеніемъ и умноженіемъ въ обществѣ четіихъ книгъ, — ибо безъ книгъ, конечно, трудно предполагать стремленіе къ грамотности,— то нужно будетъ думать, что дѣло шло не весьма быстро, потому что книги въ то время, могли распространяться только чрезвычайно медленно. Книги въ то время были такъ дороги, что ихъ могли пріобрѣтать въ собственность только люди богатые; чужими четіими книгами могли пользоваться до нѣкоторой степени только жители городовъ, въ которыхъ сосредоточены были люди богатые; слѣдо-

вательно, по этой зависимости грамотности отъ книгъ, нужно думать, что въ періодъ домонгольскій она была болѣе или менѣе распространена, во-первыхъ, между людьми богатыми, во-вторыхъ, между горожанами. Что касается до жителей селъ, то о нихъ нужно думать за періодъ домонгольскій такъ, что они оставались еще совершенно безграмотными, или что грамотность была между ними не болѣе какъ чрезвычайно рѣдкимъ исключеніемъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что и въ училищахъ грамотности въ періодъ домонгольскій могли нуждаться только города, но не села. Что касается до этихъ послѣднихъ, то въ нихъ могли быть по мѣстамъ училища грамотности отчасти на домахъ у священниковъ, отчасти у мірянъ, спеціальнымъ образомъ для тѣхъ, которые желали поступить въ священники.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ВЫПУСКА.

Московская Центральная Публичная библиотека
Центральн. книгохранилище Моск. обл. б-ки

КОМИССІЯ ПО ОРГАНИЗАЦІИ ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ,

СОСТОЯЩАЯ ПРИ УЧЕБНОМЪ ОТДѢЛѢ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ТЕХНИЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ.

Москва, Большая Никитская, д. Рихтеръ, кв. № 3.

Правила для сношеній читателей съ Комиссіей.

1) Читатели могутъ пользоваться руководствомъ Комиссіи: a) обращаясь къ Комиссіи за разъясненіемъ встрѣтившихся при чтеніи недоразумѣній и вопросовъ; b) представляя Комиссіи краткіе отчеты о прочитанномъ въ формѣ конспектовъ или отвѣтовъ на провѣрочные вопросы, поставленные Комиссіей; c) представляя на просмотръ и оцѣнку Комиссіи болѣе или менѣе обширныя и самостоятельныя письменныя работы.

2) Желающіе пользоваться указаніями Комиссіи въ означенныхъ предѣлахъ уплачиваютъ: при занятіяхъ по программамъ систематическаго чтенія (науки математическія, физико-химическія, біологическія, философскія, общественно-юридическія, исторія и исторія литературы) — по 3 рубля за годичный курсъ по каждому изъ этихъ семи отдѣловъ; при занятіяхъ по этнографіи и по каждой изъ отдѣльныхъ темъ — по 1 руб. Читатели, выбирающіе какую-либо часть одного изъ перечисленныхъ семи отдѣловъ (напримѣръ, химію, астрономію, педагогику, общую физіологію, русскую исторію, гражданское право и т. п.), платятъ какъ за руководство по отдѣльной темѣ (т. е. 1 р.).

Нормой времени для прохожденія отдѣла принято 4 годичныхъ курса, при чемъ теченіе каждаго годичнаго срока считается съ мѣсяца записи въ число читателей. Читателю, не успѣвшему къ сроку закончить прохожденіе назначенной на какой-либо годъ части курса и сообщившему въ концѣ годового срока Комиссіи о ходѣ своихъ занятій, срокъ можетъ быть продолженъ безъ новаго взноса.

Примѣчаніе. Лица, не могущія уплачивать означенныхъ взносовъ по недостатку средствъ, могутъ быть освобождаемы отъ платы за пользованіе руководствомъ Комиссіи, по представленіи объясненій о своемъ имущественномъ положеніи.

3) Комиссія обязуется давать отвѣты на запросы справочнаго характера въ теченіе двухъ недѣль со дня полученія этихъ запросовъ. Для разбора письменныхъ работъ и сочиненій, присылаемыхъ читателями, и отвѣтовъ на вопросы научнаго характера полагается срокъ не болѣе 6 недѣль, смотря по степени ихъ сложности и по объему сочиненія. **На каждый отвѣтъ должна быть прилагаема почтовая марка;** въ противномъ случаѣ Комиссія не беретъ на себя обязательства отвѣчать.

4) Для большей успѣшности руководства, занимающіеся приглашаются сообщать, кромѣ своего имени и адреса *), съ обозначеніемъ отдѣла или отдѣловъ, по которымъ они хотятъ заниматься: a) возрастъ, b) какое и гдѣ получили образованіе, c) званіе или общественное положеніе, d) главное занятіе, e) знаютъ ли иностранные языки и какіе.

5) Комиссія предлагаетъ лицамъ, занимающимся подъ ея руководствомъ, слѣдующія льготныя условія по пріобрѣтенію книгъ черезъ ея посредство:

a) Комиссія принимаетъ на себя порученія по покупкѣ всѣхъ книгъ, указанныхъ въ Программахъ (какъ необходимыхъ, такъ и рекомендуемыхъ и справочныхъ) и находящихся въ продажѣ, съ уплатой *въ разсрочку*. При покупкѣ книгъ, отмѣченныхъ въ Программахъ звѣздочкой, нужно высылать при заказѣ не менѣе 30% ихъ стоимости, а при покупкѣ прочихъ—не менѣе 80%. При этомъ читатели пользуются уступкой съ номинальной стоимости книгъ въ такомъ размѣрѣ, какой условленъ Комиссіей съ различными книгопродавцами (московскіе читатели пользуются уступкой не болѣе 10%).

b) Книги, отмѣченныя въ Программахъ звѣздочкой, читатели могутъ возвращать по миновании надобности, *получая обратно* стоимость книгъ, за вычетомъ по 5% съ ихъ *номинальной цѣны* за каждый мѣсяцъ, въ теченіе котораго книга находилась у читателя; такимъ образомъ, книга, стоящая 1 рубль, по истеченіи мѣ-

---

*) Въ случаѣ *перемѣны мѣста жительства* Комиссія проситъ **немедленно** сообщать **новый** адресъ.

сяца со дня полученія ея читателемъ, принимается обратно за 95 коп.. по истеченіи 2 мѣс.—за 90 коп. и т. д. По истеченіи 20 мѣсяцевъ книга обратно не принимается.

с) По желанію, книги могутъ быть высылаемы въ переплетахъ; стоимость переплетовъ 20--25 коп. При выпискѣ книгъ необходимо отмѣчать, какія должны быть въ переплетахъ. Обратно принимаются только переплетенныя книги.

Примѣчаніе 1. Теченіе сроковъ начинается съ 1-го и 15-го чиселъ, слѣдующихъ за высылкой книгъ читателямъ. *Всѣ почтовые расходы по пересылкѣ книгъ должны быть оплачиваемы читателями.* Книги должны быть возвращаемы назадъ въ полной исправности и безъ помарокъ, съ указаніемъ фамиліи и адреса лица, которое возвращаетъ книги.

Примѣчаніе 2. Пріобрѣтеніе книгъ черезъ посредство Комиссіи можетъ быть выгоднымъ лишь для тѣхъ лицъ, которыя желаютъ пользоваться *руководствомъ* Комиссіи и именно на этотъ предметъ назначаютъ свой трехрублевый взносъ. Лицамъ же, не имѣющимъ въ виду присылать въ Комиссію запросы и работы, Комиссія можетъ указать на рядъ книжныхъ магазиновъ и библіотекъ, изъявившихъ согласіе продавать и выдавать въ абонементъ указанныя въ Программахъ книги на льготныхъ условіяхъ.

6) Лица, записавшіяся на руководство Комиссіи, но въ продолженіе 20 мѣсяцевъ не дававшія никакихъ свѣдѣній о ходѣ своихъ занятій, считаются выбывшими изъ числа читателей.

7) Въ промежутокъ отъ 15 мая до 15 сентября прекращаются письменныя сношенія Комиссіи съ читателями, касающіяся руководства занятіями, всякаго рода разъясненій, провѣрки письменныхъ отвѣтовъ и т. п. Прочія же сношенія (запись въ число читателей, высылка книгъ, полученіе ихъ отъ читателей обратно и т. п.) продолжаются *круглый годъ.*

8) Въ настоящее время можно записываться на чтеніе по Программамъ какъ перваго, такъ и второго и третьяго курсовъ; при подпискѣ необходимо указывать, *на который курсъ* по данному отдѣлу записывается читатель. На занятія по Программамъ второго и третьяго курсовъ могутъ записываться какъ лица, прошедшія предшествующіе курсы, такъ и тѣ, кто до сихъ поръ подъ руководствомъ Комиссіи не занимался.

Независимо отъ изложеннаго порядка содѣйствія со стороны Комиссіи по пріобрѣтенію книгъ читателями, Комиссія въ настоящее время находитъ возможнымъ, для удобства и въ интересахъ занимающихся подъ ея руководствомъ лицъ, составлять и высылать имъ тотъ или другой подборъ указанныхъ въ ея Программахъ книгъ на слѣдующихъ, временно установленныхъ, условіяхъ:

1) Книги выбираются или по усмотрѣнію Комиссіи, или по желанію занимающихся подъ ея руководствомъ читателей. Въ послѣднемъ случаѣ Комиссія оставляетъ за собой право ограниченія такого выбора.

2) Книги отпускаются и обратно принимаются Комиссіей не иначе, какъ безъ помарокъ и переплетенными.

3) Книги высылаются по требованію не отдѣльнаго лица, а лишь группы лицъ, занимающихся (хотя бы и по различнымъ отдѣламъ) подъ руководствомъ Комиссіи, которая всѣ сношенія съ означенной группой ведетъ черезъ одно лицо, входящее въ составъ группы и несущее всю отвѣтственность за группу въ ея обязательствахъ передъ Комиссіей.

4) Всѣ расходы по пересылкѣ книгъ означенная группа принимаетъ на себя.

5) Высылаемыя Комиссіей книги считаются купленными поименно извѣстными ей читателями, составляющими группу; при покупкѣ читатели уплачиваютъ 20% номинальной стоимости книгъ въ видѣ задатка.

6) Книги могутъ быть возвращены Комиссіи, которая обязывается въ этомъ случаѣ возвратить задатокъ, удержавъ изъ него лишь то, что причтется за книги испорченныя или невозвращенныя и, сверхъ того, за каждый мѣсяцъ пользованія 2% съ общей номинальной стоимости забранныхъ книгъ въ погашеніе расходовъ Комиссіи. Сумму, превышающую размѣръ задатка, лица, пользовавшіяся книгами, обязаны уплатить Комиссіи.

7) Удерживать книги разрѣшается не долѣе 6 мѣсяцевъ со дня ихъ полученія, при чемъ, однако, лица, желающія воспользоваться ими болѣе продолжительное время, могутъ ходатайствовать объ этомъ передъ Комиссіей. Въ противномъ случаѣ книги считаются окончательно купленными, и лица, удержавшія ихъ для себя, должны немедленно же, по истеченіи означенныхъ 6 мѣсяцевъ пользованія ими, произвести окончательный расчетъ съ Комиссіей, при чемъ Комиссія дѣлаетъ съ номинальной стоимости книгъ ту скидку, какая условлена съ книжными магазинами, доставляющими книги.